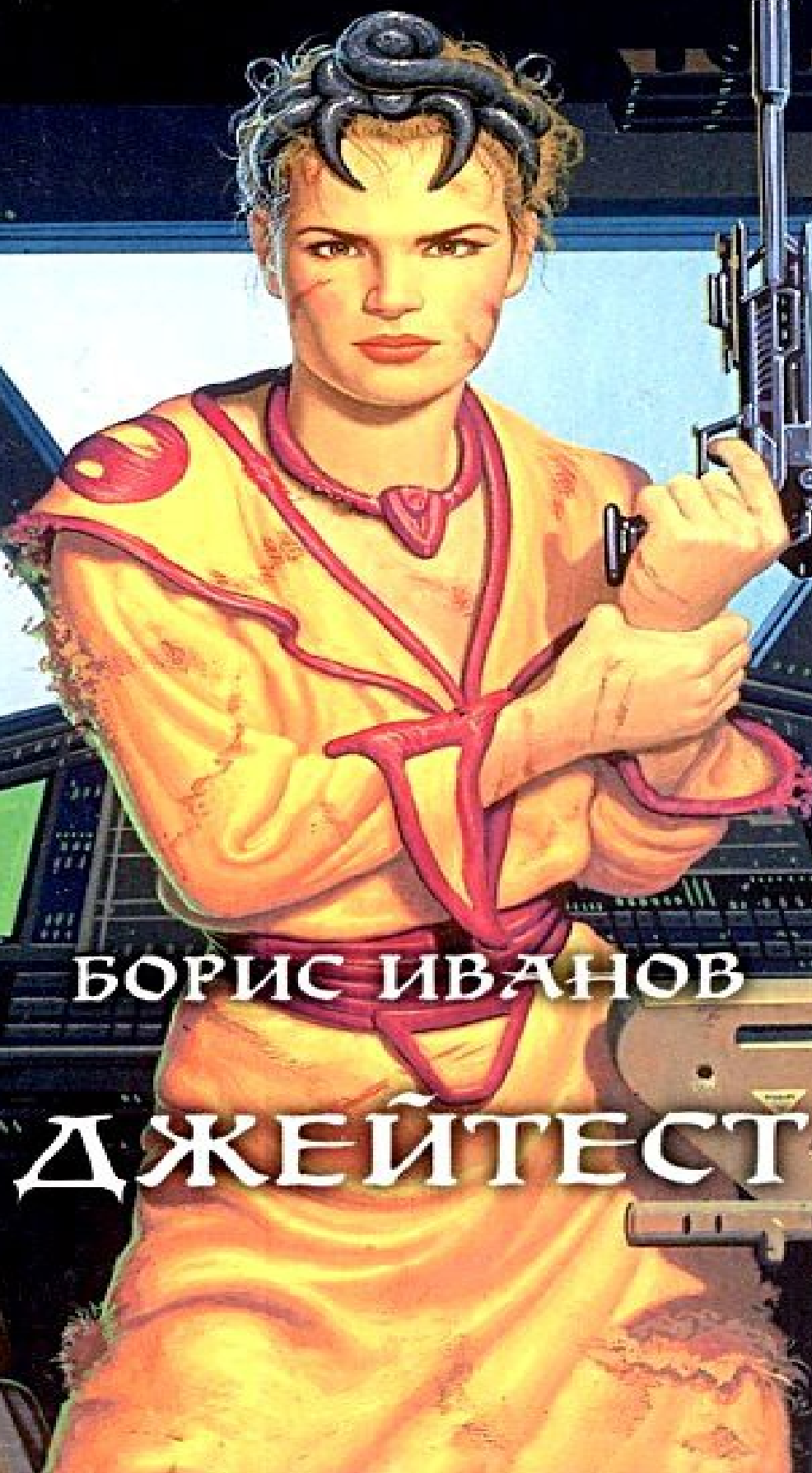

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ХРОНИКИ XXXIII МИРОВ

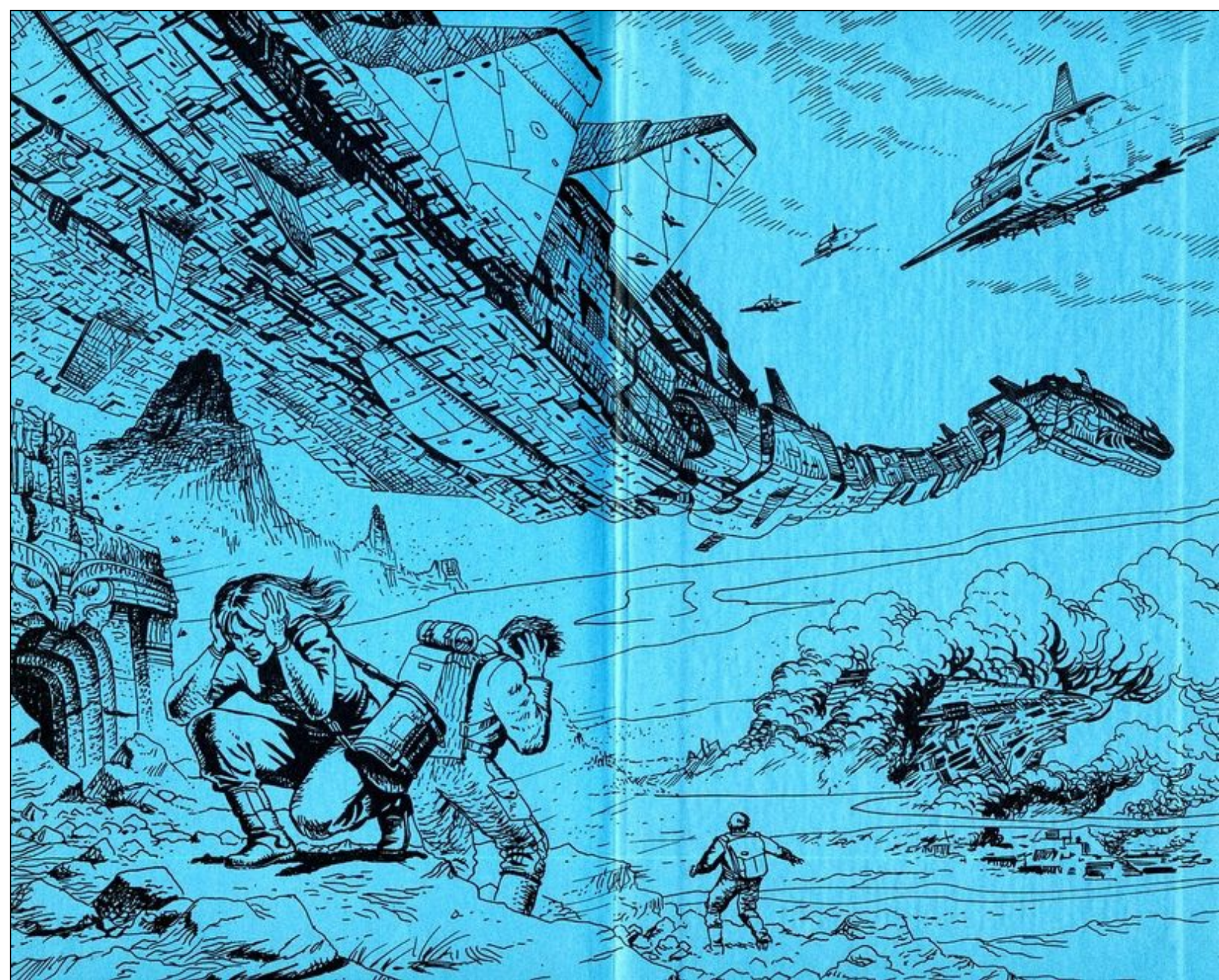

БОРИС ИВАНОВ
ДЖЕЙТЕСТ

История Джея — одного из Миров, знакомых читателю по предыдущим книгам серии «Хроники Тридцати Трех Миров», полна темных тайн и загадок, оставшихся в наследство от некогда населявшей ее неземной цивилизации.

Но переселенцы с Земли, занятые насущными проблемами освоения нового для них Мира, уделяют этой стороне своего бытия не слишком много внимания. Они не подозревают, что мир этот оказался полигоном, на котором тысячелетиями готовились «коммандос» для беспощадных звездных войн минувших галактических эпох. Полигоном заброшенным, уснувшим, но ждущим своего часа.

Герои романа, нашедшие в древних развалинах пульт, приводящий в действие адский тренажер, считают его всего лишь старинной головоломкой. Заблуждение их длится недолго: для того, чтобы выжить самим и спасти свой Мир, им придется пройти до конца цепь запрограммированных неземным разумом испытаний и стать Боевой Пятеркой, готовой для участия в давно закончившемся Сражении. Закончившемся ли?

Борис Иванов
Джейтест

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

БОРИС ИВАНОВ

ДЖЕЙТЕСТ

РОМАН

Москва, 1999
Э АРМАДА
&
«Издательство Альфа-кинг»

Все пути никуда не ведут, но у одного есть сердце, а у другого — нет. Один путь доставляет радость, и пока ты идешь по нему — ты неотделим от него, а другой путь заставляет тебя проклинать всю свою жизнь. Один путь наделяет тебя силой, а другой — лишает ее.

Карлос Кастанеда

Часть I
ПРАВИЛА ИГРЫ

Глава 1

ТЕ, КТО НАШЕЛ

— Поберегись! — задорно выкрикнула Марика и стала отводить рукоятку управления старенькой лебедки.

Кайл поберегся и не пожалел об этом: уже вышедшая из своего гнезда, которое она занимала века и века, древняя каменная плита перекособочилась в крестовине захвативших ее тросов и с дьявольским треском и грохотом обрушилась в образовавшийся провал.

Тьму пещеры-кельи, обнажившейся в нем, прорезали лучи света с полуденного неба — радостные и беспощадные, почти вертикальными колоннами вошедшие в открывшийся провал. Серыми струйками закружилась в них каменная пыль, золотистыми — труха, в которую превратилась древняя древесина.

— Варвары мы, — с ленивой печалью констатировал Кайл. — Вандалы. За такую археологию в три шеи с раскопок гнать надо.

— Пусть тогда присылают наконец настоящих гробокопателей, — обиженно отозвалась Марика. — А то, пока господа из академий раскачаются, здесь все самое интересное пойдет под бульдозер. Так что пусть будут благодарны любителям вроде нас.

С этими словами она спрыгнула в подвал и восхищенно чихнула.

— Давай сюда! — крикнула она Кайлу. — Поторопись, пока не выветрился аромат веков.

— Как бы нам боком не вышел аромат этот, — скептически крякнул тот, с грацией медведя повторяя прыжок своей добровольной помощницы, которой этот номер удался значительно лучше. — Вот наглотаемся вирусов древних и, как говорится, почим в бозе. Тут ведь война шла, — добавил он, поднимаясь на ноги. — По всей системе. И даже на Старой Сковородке нашли такие вот соо...

Тут он замолчал и через плечо Марики посмотрел, на что с удивлением уставилась его подруга. Он взглянул в короткий туннельчик — тускло освещенное ответвление кельи. Там в кружок сидели пятеро.

* * *

Трудно сказать, какими были они при жизни. Не людьми — точно. Вернее, совсем не теми людьми, которых Кайл привык видеть в учебниках анатомии, на улицах и в зеркале. Вряд ли с ними что-то случилось с той поры, когда смерть настигла их. Только вот время обратило в ничто выражение их лиц и, может, что-то еще, что некогда делало мертвецов более похожими на людей.

Будь они людьми, наверное, можно было бы сказать, что смерть они приняли достойно. А может, они просто не заметили смерти. Слишком были погружены в какое-то свое занятие.

Кайл, словно замороженный, вошел в круг, составленный пятью иссохшими мумиями.

— Господи! Настоящие Воины Зу! — выдохнул он, словно боясь громким вскриком превратить в прах пять полускрытых пыльной тенью фигур.

Опустившись на колени, от лихорадочно стал расстегивать футляр видеокамеры.

Кивнул, указывая подбородком Марике:

— Смотри — у них на груди Белый Знак.

Его подруга была не столь оптимистична и вдобавок не хуже Кайла эрудирована в этом вопросе. Она осторожно вошла в жутковатый круг и, склонив голову, присела рядом с одной из пыльных фигур:

— Но у Воинов Зу знак был не такой. На металле. А это — вроде глина. Или дерево.

Марика потянулась к табличке-медальону с еле различимыми символами, висевшей на тускло поблескивающей цепочке, накинута на плечи мумии.

И тут же получила по рукам.

— И не думай прикасаться! — зашипел на нее Кайл. — Это, девочка, наш пропуск в бессмертие!

Он вздохнул, набирая воздух. Впервые Марика слышала, чтобы вечно ерничающий насмешник Кайл Васецки говорил такое вслух.

— Отныне и навеки, — продолжил он громким шепотом, — мы с тобой не просто гробокопатели, а ТЕ, КТО... ТЕ, КТО НАШЕЛ! Те, кто обнаружил третье захоронение Воинов Зу на Джее. — Шепот его был преисполнен пафоса. Подумав, Кайл добавил более привычным тоном: — А то, что амулеты... медальоны у них керамические, говорит, скорее всего, о том, что это — не посвященные еще воины. Ученики, скорее всего. Оруженосцы.

Марика уважительно щелкнула языком, отступила на шаг назад и чуть не лишилась жизни, споткнувшись об угловатый предмет, покоившийся на каменной плите, вокруг которой и сидела молчаливая пятерка. Кайл, запоздало попытавшийся воспрепятствовать тому, чтобы его школьная подруга свернула свою изящную загорелую шейку, упав с этого постамента, зацепился носком правой ноги за ту же непонятную штуковину и ласточкой канул в пыльную мглу. Из мглы раздались страшный треск, дребезг и проклятия.

Балансировавшая до того мгновения на грани падения Марика с размаху села не столько на пол, сколько на крестец копошившегося на полу археолога-любителя и разом свела на нет его попытку подняться на ноги.

Пятеро так и недоучившихся Воинов Зу молча созерцали пустыми глазницами все это безобразие.

— Я тут стеллаж какой-то башкой своротил, — с раскаянием в голосе констатировал Кайл, помогая своей подруге подняться. — А на нем керамики, камней и металла всякого — видимо-невидимо, просто до...

Он только сейчас оценил масштаб их находки, а заодно и размер произведенных разрушений.

— Да-а-а. Археологи мы — еще те... — тяжело вздохнув, еще раз признал он очевидную истину.

— Я чуть шею себе не свернула из-за этой штуки. — Марика с досадой пнула плоскую каменную штуковину, из-за которой и приключилась беда.

— Да тише ты! — машинально с испугом воскликнул Кайл, но тут же махнул рукой: расположение предметов в келье было все равно безнадежно изменено.

Он нагнулся и, назвав виновную в их падении вещь заразой, подобрал ее с полу. Они отступили в столб света, сочащегося через сделанный ими пролом в потолке. Марика положила подбородок Кайлу на плечо и вместе с ним принялась рассматривать находку.

Это был ларец. Или, может, лучше сказать — плоская каменная коробка. Впрочем, не то чтобы каменная: материал, из которого была изготовлена странная древность, больше

напоминал янтарь.

Она была занятой: сначала казалось, что ее крышка украшена странным геометрическим узором, и только потом становилось понятно, что крышки, как таковой, вообще-то и нет. Ларец был наполнен плотно пригнанными друг к другу крупными кубиками, выполненными из разного материала — и выкованными из металла, и вроде деревянными, пропитанными лаком или смолой, и янтарными, и сделанными из чего-то еще. Всего их было не так уж много — дюжина. Грани кубиков немного возвышались над обрезом боковых стенок ларца. На каждом из них стояли один или два знака языка Империи Зу. По верхнему обрезу стенок ларца бежала надпись — тоже на Зу, только сделанная не завораживающими, асимметричными знаками Магического Письма, как на кубиках, а стремительными, летящими знаками Письма Воинов.

Кайл с восхищением осмотрел ларец со всех сторон. Вещь таинственно притягивала к себе. Расставаться с ней не хотелось.

Смахнув с ларца пыль, Марика перевернула его, чтобы взглянуть на дно. Испуганно подхватила кубики, но те и не думали вываливаться наружу. В дно коробки были вплавлены знаки. Снова Магическое Письмо, но на этот раз — характерный стиль Наставления. Довольно длинный текст. У Кайла екнуло сердце.

— Ты вроде разбираешься в таких головоломках? — не без вызова в голосе спросила Марика. — Что здесь написано?

Приятель фыркнул:

— Ну вы, ей-богу, спросите, мэм! Ты знаешь, сколько всего текстов Зу расшифровано на сегодняшний день? Всего девяносто. Из них два — вашим покорным слугой, мэм!

Предмет гордости Кайла — две небольшие настенные надписи, им же найденные в храме Кошек, в его неполном переводе занимали, правда, вместе с вариантами, не более одной страницы в тысячестраничном «Полном собрании текстов на Зу Колонии Джей», изданном аж в Метрополии под редакцией Волкова и Фрейтага: текст тексту рознь. В комментариях к этому толстому фолианту содержалось, правда среди прочего, ядовитое примечание о том, что рядом исследователей (следом шла череда ссылок, в том числе и на К. Васецки) за исходные тексты переводившихся ими надписей были, возможно, взяты графические орнаменты, выполненные на различных предметах и сооружениях утратившими письменную речь варварами, сменившими Империю Зу за четыре века до Первой Высадки поэтому таковые (орнаменты то бишь) и должны рассматриваться как лишённые смыслового значения артефакты. Читая это, Кайл каждый раз возмущенно фыркал.

Зато теперь перед ним было сразу несколько текстов Зу, в подлинности которых уж никто не сможет усомниться!

Кайл снова перевернул ларец — вложенные в него кубики не шелохнулись, то ли плотно прижатые друг к другу, то ли как-то закрепленные на своих местах.

— Вот это, — он бережно провел кончиками пальцев по верхним краям стенок ларца, — еще поддается. Типичное смысловое наименование. А вот эта часть, длинная такая, — хорошо известный фрагмент — название этого мира.

— Вселенной? — удивилась Марика, тоже чуть сведущая в Зу.

— Нет, скорее, надо понимать — Ойкумены. Обитаемого Мира. Этой планеты, — последовательно уточнил Кайл.

— Джей? — с удовольствием произнося это хорошо всем известное слово, переспросила Марика.

— Да, по-нашему — Джей, — ответил Кайл. — Мы же ведь и понятия не имеем, как они на самом деле произносили свои слова. И произносили ли их вообще — в обычном смысле. Вся фонетика языков Зу — чистая условность, придуманная землянами для землян. Нам-то ведь тоже надо как-то все эти... слова произносить, ну хотя бы для того, чтобы знать об их назначении. А дальше идет вот эта часть надписи... «экзамен», «проверка», «испытание»... «тест»... — Он стал перечислять. — Логично.

— «Тест»? — снова попробовала слово на язык Марика. — Получается «Джей-тест».

— «Джейтест» — по их правилам это должно быть одно слово, — уточнил Кайл. — «Джейтест».

* * *

— Ох!.. — Марика ошеломленно уставилась через плечо приятеля.

Тот обернулся в пыльную полутьму, пытаясь понять, что там, в мерцающем мраке, так испугало девушку. Но только пустые глазницы пяти мумий да слабо поблескивающие цепочки на их плечах можно было рассмотреть в сумраке. Еще несколько минут назад это зрелище было для него всего лишь жутковатым, а на Марику и вовсе не произвело особого впечатления.

— Ты что? — спросил Кайл.

— Так, примерещилось, — по-детски исковеркав слово, пошутила девушка.

Словно потревоженная их взглядами, с плеча одной из мумий — крайней справа — серой змейкой сползла и, еле слышно звякнув, скользнула на пол цепочка, удерживавшая медальон.

Марика нагнулась, подняла ее и, повертев в руках, протянула приятелю.

— Ладно, пусть ты будешь оруженосцем, — усмехнулась она.

— Каким таким оруженосцем? — не сразу понял Кайл.

— Ну, учеником. Будущим Воином Зу.

Он усмехнулся и бережно спрятал знак в нагрудный карман рубашки.

— Вот что, — сказал Кайл, застегивая футляр видеокамеры. — Не будем дергаться, а то вместо приглашения на «Ти-Ви» заработаем по шапке за разорение захоронений. Пока сделаем все как было, пролом замаскируем.

— Это — до ночи работа, — возразила Марика. — А мне не хотелось бы оставаться здесь до темноты.

— Ничего — приналяжем и успеем к ужину, — оптимистически заверил ее Кайл. — А я созвонюсь с Суховым: ради такого уж случая он обязательно выкроит время приехать, хоть у него и полевой сезон. Покажем ему все это хозяйство, а уж они со Стариком сумеют представить все это своим коллегам в наилучшем виде. И с прессой Павел все устроит как надо. Нам-то он, конечно, всыплет по первое число.

— Нытьем изведет, — подтвердила Марика, соглашаясь.

Кайл повертел в руках тяжеловатый ларец:

— А это я пока прихвачу с собой — помозговать над древней писаниной. А потом с Павлом вместе сделаем так, словно... Все равно мы эту вещь залапали совершенно вдрызг. Обидно будет, если какая-нибудь кабинетная клизма возьмет и опубликует переводы текстов, — он бережно провел ладонью по граням ларца, — без ссылки...

— На Кайла Васецки, — иронично вздохнула Марика. — Ладно, я ничего не видела и не слышала. Пошли — нехорошо как-то здесь.

Они уже устраивались на сиденьях «москита», взятого на воскресенье у добряка Спады, когда девушка вспомнила что-то.

— Послушай, Кайл, — встрепелась она. — Эта штука... Она ведь не порвалась?

— Кто не порвался? — не понял он и включил движок.

— Цепь. Ну, цепочка, на которой Белый Знак.

— Цепочка... Нет, конечно. Только этого бы не хватало. Я бы обратил внимание.

— Вот и я — тоже. Странно.

— Что, собственно, странно? — спросил Кайл, следя за уходящей вниз пыльной равниной и начиная понимать суть вопроса.

— Ну... — Марика пошевелила в воздухе тонкими загорелыми пальцами. — Ну, чтобы снять цепь с шеи — не через голову, а так, — ее ведь надо расстегнуть. Или порвать. Так ведь?

— Вроде так, — согласился Кайл, сосредоточившись на управлении старенькой машиной и думая о том, что в девичьи головы разные вопросы всегда лезут в самый неподходящий момент.

Он машинально похлопал по нагрудному карману, где лежала цепочка и прикрепленный к ней амулет. И тут же забыл о них.

* * *

Уже когда они стали ясно различать возникшие на горизонте угловатые контуры пригородов Вестуича, Марика вдруг словно очнулась ото сна и уставилась на приятеля своими громадными васильково-фиолетовыми глазами:

— Послушай, Кайл... Ты у нас как — сам по себе везучий или?..

— Или что? — невозмутимо спросил тот. — И по-твоему, это большое везение — найти уникальное захоронение и этак там насвинячить, как мы с тобой?

— Да нет, просто с тобой всегда так получается... — Марика дернула плечом. — Вот так, как тогда — взял и надумал в храме Кошек заночевать. Все мы, словно малые дети, побоялись, на свежем воздухе палатки разбили и, словно бойскауты, у костра уселись страшные истории друг другу травить. — Она усмехнулась, вспомнив то время. — Кончилось все это тем, что очертенный ливень хлынул и чуть нас всех не смыл в реку со всеми нашими палатками и рюкзаками. Промокли все как цуцики, а ты — на высоте оказался: и сухим остался, и надписи свои открыл — при свете костра.

— Их на самом деле в свете трех лун высматривать надо было, — мрачно поморщился Кайл. — Это уж я просто с отчаяния начал костерок жечь, когда понял, что дождь всерьез зарядил. А надписи не я первым углядел, а та китайская девочка. — Он оторвал руку от руля и неопределенным жестом попытался изобразить, кого имел в виду. — Ну, та, которую я еще за мальчика сначала принял.

— Цинь? — удивленно спросила Марика.

— Да, Циньмэй. — Кайл улыбнулся какому-то воспоминанию. — Она, собственно, даже раньше меня в храм забралась. Тоже от дождя, что ли. И сидела там, тихо-тихо так, словно мышонок.

— Цинь — не мышонок, — задумчиво заметила девушка. — Цинь — это кошка, которая гуляет сама по себе. Причем очень дикая кошка. Так что храм этот ей — самое подходящее убежище.

Васецки хмыкнул:

— Кстати... где же эта кошка гуляет сейчас? Она все кружилась около тебя. И раскопками интересовалась как-то всерьез очень. А вот в этот сезон не видно ее что-то.

— Мать забрала ее к себе в столицу. У них там беда вышла с братом ее. В общем, теперь маленькая Цинь — очень важная персона. Ты, наверное, этого и не знаешь, она ведь теперь — единственная наследница всей этой фармакологической империи — «Линчжи». Ну, знаешь, адаптационные сыворотки: биохимические препараты. Почти половина производства лекарственных средств на планете.

— Помню, — не без удивления констатировал Кайл. — Был большой скандал с торговлей трансплантатами. Какие-то связи с мафией. С Якудзой. Не знал, что... Маленькая Циньмэй — и такая компания.

— Ну, ее близкие и не стремились афишировать все это. Да она и сама умеет держать язык за зубами. Девочку и определили сюда, к отдаленной родне — от столичных дел подальше. С перспективой определить в университет. Как-никак Вестуич котируется повыше, чем оба столичных политеха. Она со мной так и познакомилась — я ее репетировала по ранней истории Джея. Сущее мучение, доложу тебе: девчонку с детства начинали этими историями про воинов Древних Империй и про их души, которые вселились в первопоселенцев. Как ты знаешь, среди тех, кто первыми начинали обживать Джей, чуть ли не половина были китайцами, в том числе и предки Цинь. Она, естественно, этим гордится, но, боюсь, у нее легкий сдвиг на почве семейных преданий.

— Ага, — согласился Кайл. — Она, между прочим, просто кладезь этой народной премудрости. Назубок выучила все глупости, которые насочиняли со времен Первых Высадок. Мне тогда, в храме, пришлось выслушать их все. Я было попытался ей объяснить, что все это — просто древнекитайский фольклор, еще с Земли привезенный, да куда там... — Он безнадежно махнул рукой. — Сначала молчала-молчала, а потом, когда попросил ее мне подсвечивать факелом — я копировал надписи, — как пошла излагать... И интересная сама по себе мифология, только бредовая сильно. Но тут я большой мастер поспорить: мне с детских лет тоже немало такого пришлось выслушать.

— Угу, — хмыкнула Марика. — Хорошо помню, как Квинт с Павлом сражались друг с другом за твою молодую душу...

Она осеклась и на минуту задумалась.

— А часом, не Квинт тебя на эти архивы вывел? Понимаешь, как-то все у тебя всегда связано. И к храму тому ты нас повел, потому что вспомнил какую-то историю, которую тебе рассказывал старый чудаков. Знаешь, хоть ты и не пошел тогда в люди Джея, что-то такое в тебе осталось все же.

Кайл зябко поежился:

— Ну и интуиция у тебя, сказал бы я. А ведь точно: я был почти уверен, что эти файлы с данными аэросъемок мне подвернулись случайно. Те, на которых просматривались контуры этих подземных монастырей. А ты меня заставила задуматься. Ведь Квинт еще до меня бывал в архивах Ратуши. И он был так огорчен, когда узнал, что как раз в этих местах будут строить Терминал. Даже не огорчен, словно испуган как-то... Обеспокоен...

— И поэтому ты додумался тащить меня сюда? — вздохнула Марика. — Ну, а почему

сам-то он здесь не появлялся? Или?..

— У них свои отношения с Джеем — у его людей. В общем, мне как-то надо поговорить со Стариком.

Кайл потер лоб, потом решительным движением отключил автопилот: они уже мчались мимо домов предместья.

* * *

Маленькие и яркие, злые луны Джея наперегонки плыли в безоблачном ночном небе кампуса. И от домов, деревьев, кустов зыбкими, плывущими веерами падали двоящиеся, троящиеся, множащиеся разных цветов тени. Рябая громада Джея II — безжизненного спутника планеты, более известного в миру под прозвищем Старой Сковородки, — еще только дожидалась за горизонтом своего часа, чтобы взгромоздиться на небосклон.

А если отвести взгляд от небес, то можно было вообразить, что академический покой замершего в ночной тишине Вестуича — покой, воплощенный в замшелом камне и кирпичной кладке стен, — длится вот уже который век. Но они выросли на глазах мальчишки Кайла Васеcki — эти старинные на вид коттеджи университетского городка и его дом (одним из первых), как вырос из сухой земли этой степи весь Вестуич — взамен того, старого города, что остался в предгорьях Шепчущих хребтов обугленным призраком, заставляющим истерически верещать счетчики Гейгера.

Кайл и вырос вместе с этим городом, прилепившимся на стыке мрачного массива Озерных лесов и Великой степи, на полдороге от гор к океанскому побережью. Вырос под треск радиоактивной смерти и под бравые сводки радиационной обстановки. Под бравурные марши и сообщения об уничтожении последних големов, бродивших по планете после Катаклизма. И каждый раз все верили и твердили друг другу, что это был и в самом деле последний боевой мегаробот Древних Империй.

Странно, что все это словно осталось в каком-то другом Мире — там, вместе с веснушчатой мальчишкой, который не боялся в одиночку добираться по лесу до дальних скитов и подолгу бродить в распадках со стариком Квинтом. Потом, много позже, когда Павел научил его этой русской привычке меняться разными мелочами — «махаться не глядя», он подумал, что, сам того не зная, вот так — не глядя — «махнулся» судьбой с кем-то другим — благополучным и обыкновенным. С кем-то таким, с которым с детства ничего не могло случиться. Кайлу не нравился этот его выигрыш.

Впервые после жаркого степного лета с предгорий Шепчущих хребтов потянуло осенней ночной свежестью, чуть тронутой ароматом тления. Кайл заворуженно смотрел на эту привычную и ставшую вдруг совсем незнакомой картину, зябко ежась перед распахнутым окном своего кабинета — бывшей детской, а потом бывшей спальни бывшего школяра. Затем вернулся к столу.

«Скоро начнутся туманы...» — потирая виски, подумал он и отодвинул в сторону массивный, словно потяжелевший, ларец. К находке был уже прикреплен образцово заполненный ярлычок, и уголки ярлычка потерлись, чуть завернулись. Ларец был аккуратно протерт слабым мыльным раствором и петролейным эфиром, отчего окончательно приобрел вид музейного экспоната.

В освободившемся круге света на столе осталось только множество исчерканных

ксероксов с текстами, сфотографированными с разных частей ларца, да несколько листочков факса.

«В целом ты, Кайл, неплохо справился с переводом большей части текста, — писал ему с противоположного полушария Джея доцент Сухов. — Прими только во внимание, что в текстах такого объема известное тебе сочетание «эс-цэ-цэ» никогда не означает сокращенного выражения для понятия «уважать», «уважение». Это — самостоятельное труднопереводимое понятие — смотри об этом у Ямагавы. Фрагмент в конце (точнее, его перевод) ты, конечно, взял с потолка — не огорчайся: Старик и я мучались с ним все эти две недели. Вот что там действительно можно вычитать...»

Кайл еще раз потер виски, с отвращением посмотрел на недопитую чашку кофе, вытащил из ящика стола и бросил в круг света ошетилившийся закладками томик Ямагавы, встал и вышел на крохотную веранду в надежде снова уловить хотя бы тень дыхания осеннего ветра.

Если бы не влекомые невидимыми факельщиками через черную бездну небосвода огни здешних низких лун, можно было бы подумать, что на дворе стоит восемнадцатый, от силы — двадцатый век и двор этот вместе с небольшим садом и сам коттедж мирно дремлют где-то на окраине университетского городка в какой-нибудь Новой Англии. На Земле.

Но он стоял на Джее — этот краснокирпичный университетский городок. И слепое пятно «угольного мешка» заслоняло от Кайла малую звездочку под названием Солнце. Шестая планета здешней «солнечной системы» так и сохранила своим именем буквенное обозначение по каталогу Праттера. Вместе с именем этот Мир сохранил патриархальную склонность к краснокирпичной готике уютных маленьких городков, основанных еще первопоселенцами, и к пуританской строгости нравов здешнего общества. Все волны переселенцев с Земли миновали ее. Обе попытки массивной колонизации Внутренних Пространств кончились пшиком. Они так и остались необжитыми — эти взятые в кольцо гор, залитые гнилыми болотами, заросшие непролазными джунглями низинные просторы материков планеты. Конечно, досадно сознавать, что там, за призрачными, тающими в небе вершинами Шепчущих хребтов, остается заброшенным пространство, по величине общей поверхности чуть превышающее земную сушу, но уж слишком крепко запечатлелись в памяти народа Джея совпавшие с отчаянными экспансиями в глубь материков легендарные Катаклизмы, потрясшие планету. С тех пор неспешное увеличение его населения зависело от не слишком впечатляющего превышения средненькой (если брать по Обитаемому Космосу) рождаемости над тоже ничем не выдающейся смертностью да от тоненького ручейка иммиграции.

Извне сюда поступали (и вовне уходили) в основном не товары материальных производств и не люди, а информация. Сорокамиллионный, разбросанный по городкам Побережья и Прерии пуританский мирок Джея не знал особенных врагов — ни внешних, ни внутренних, был строг к себе, самодостаточен — в общем, довольно гармоничен. И не любопытен.

Так и оставшейся неисследованной Terra incognita лежали за цепями Шепчущих хребтов Внутренние Пространства, ставшие могилой для тысяч неустрашимых первопроходцев и источником славы и незыблемого авторитета для полудюжины уцелевших экспедиций. Так и осталось слухами и рассказами изустное наследие Огненных Паломников, которые знали тайные тропы в самые сердца тех, вечной мглой застланных пределов здешнего мироздания.

Кайл временами ощущал себя безнадежно рехнувшимся человеком: решительно никому

на Джее, кроме неполных двух десятков специалистов, научившихся в конце концов зарабатывать себе на жизнь подобными вещами, не было никакого дела до диковинных находок, притягивающих его к себе всю жизнь. Находки делали редкие экзоархеологические экспедиции, навещающие из Метрополии, и местные — как правило, совершенно бестолковые — энтузиасты. А чаще всего — просто строительные рабочие. Ну, был Джей населен когда-то... ну, не один, говорят, раз... ну, разумными существами... ну, шли на нем и в космическом пространстве вокруг древние звездные войны... ну, находят в горах и пустынях Джея такое, такое, что... Ну-ну. Всем это известно, всем это надоело. Для того чтобы организовать надежный, неиссякаемый поток туристов сюда — Джей далековат и неустроен, для того чтобы извлечь пользу из находок и открытий — у здешней науки кишка тонка. В общем, ну и что, в конце концов?

Нет, он не прав: есть целый народец, искренне и бескорыстно интересующийся древними обитателями Джея, — дети. Уж они-то готовы часами с квадратными от удивления глазами слушать рассказы того же Сухова или даже его, Кайла, про звездные войны, в которых дважды была уничтожена цивилизация Джея, про то, что удалось узнать об облике Древних, их языке, обрядах, рассматривать украшенные белыми пятнами глобусы Джея и таинственные рисунки со стен храмов и крепостей. Этот-то народ и был основным потребителем книжек и фильмов про Древний Джей, про Империю Ю и Империю Зу томиков и дискет, которым суждено было потом долгими годами пылиться на чердаках и подвалах до прихода нового поколения юных обитателей Джея.

При мысли о том, сколько дикой чуши открыл он, повзрослев, в этих книжках, а особенно в фильмах, Кайла передернуло.

И кто бы объяснил, почему, не успев войти окончательно в скучный мир взрослых, этот галдящий, жадно заглядывающий в рот рассказчикам, лазающий по окраинным свалкам в поисках древних кладов народец превращается в скучное долговязое племя, совершенно равнодушное к занятиям так и не повзрослевших с годами чудаков, таких вот, как Васецки.

«Впрочем, я несправедлив, — опять признал свою неправоту Кайл. — Нельзя же обвинять людей за то, что, взрослея, они перестают слушать сказки про Белоснежку и играть в куклы. Хотя кому-то на роду предназначено стать сказочником или кукольником. И еще есть категория людей, сохраняющая повышенный интерес к экзоархеологии...»

Тут его передернуло еще раз. И подумать страшно, что может произойти, узнай кто из тех проныр, которые дважды ночами взламывали скромный музей здешнего университета, что в никем не охраняемом особнячке на окраине, где и живут-то всего старый вдовец, профессор на пенсии, да его далеко не крутой сын, в незапертой комнате, даже газеткой не прикрытая, валяется вещица, за которую можно выручить целое состояние, — других-то таких не описано.

Он поспешил в дом, сел за стол и дочитал конец письма Сухова:

«...Разумеется, Кайл, ты здорово заинтересовал меня своей находкой, и, если это розыгрыш, сидеть тебе голым задом на сковороде еще в этой, заметь, жизни. Привожу дела в порядок и последнюю половину Шестой Луны — так, кажется, выражались Древние? — рассчитываю встретить в твоём (приятном, несмотря ни на что) и Марики (несколько более приятном) обществе, в разрытой вами — совершенно по-хулигански, кстати, — норе. Встречать меня на Терминале не стоит — не люблю. А потому точную дату, час и рейс прибытия не сообщаю, заявлюсь сам, как всегда в самый неподходящий момент.

Твой Павел Сухов

Р. С. Привет отцу, целую Марику (не бойся, в щечку).

П.С.»

Кайл вздохнул, засунул письмо в битком набитый секретер, отпер единственный в комнате шкаф, имевший более или менее приличный замок, взял ларец со стола и стал напоследок рассматривать его в мерцающем свете дисплея. Не смог преодолеть искушения и, рискуя поцарапать реликвию, попытался подцепить ногтями и вытащить один из кубиков.

Как ни странно, он поддался легко.

* * *

От того места, где сходит на нет заброшенный проселок, пешком по берегу речки — к озерам. Холодному Соленому и Ледяному Пресному. Вдоль черных, словно выгоревших, опушек. Туда, где начинаются скалы.

В распадке Кайл опустил на колени в тени одного из Высоких Камней, где даже тень ветерка, словно подгонявшая его в пути, сошла на нет в тишине, которую нарушал только скрип черных гиффовых сосен, там, глубже, в ущельях. Стонущий скрип, приглушенно-гневный, совсем не вписывающийся в этот — один из последних осенью — теплый день затишья.

Кайл не торопясь сложил из просохшего хвойного опада, веток и сучьев костерок, очистил грунт вокруг, потом от Звезды вогнутым зеркальцем-талисманом разжег его. Когда ввысь потянулась терпкая, еле заметная в осенних тусклых, словно запыленных, столбах рушащегося со стынувшего неба света струйка дыма, он стал осторожно вынимать из наплечной сумки-рюкзачка и подкладывать в несмелый, словно догадывающийся о своем непростом предназначении огонь то, что предписывал Уговор: за весну и лето — в заговоренные дни — подобранные куски местного «самородного» каменного угля, корявые бусинки «горного янтаря», высушенные травы и ягоды, позвонки диких тварей — здешних и земных, а напоследок — несколько темных, космическим огнем обожженных колец и легкую, почти невесомую, цепь. И когда над Высокими Камнями ввысь потянулся золотистый, словно не замечающий ветра дымный столб, стал ждать.

Это было ему не в тягость — вот так, на корточках, свесив впереди себя положенные на колени руки, прикрыв глаза и подставив лицо теплу осеннего дня, ждать. И впервые за много дней не думать ни о чем. Кайл, пожалуй, не смог бы сказать, сколько ему пришлось ждать — минуты, часы, мгновения, — пока не услышал наконец за спиной тихие знакомые шаги.

— Здравствуй, Квинт, — сказал он, легко поднимаясь навстречу тому, кто пришел из леса.

Квинт — это было одно из имен высокого, очень сухого и легкого на вид человека. Как и все люди Джея, он был одет в свободную, чуть мешковатую, скрадывающую фигуру одежду: серую с зеленым, домотканого полотна, накидку с капюшоном и подобие комбинезона из шкур местных тварей. Ноги Квинта обтягивали сделанные из чего-то напоминающего замшу сапоги, которые при движении, казалось, не издавали никакого звука, кроме тишайшего шороха. Бедноватый, аскетичный на вид и страшно дорогой — если учесть цены натуральных материалов — наряд. Как всегда, Кайл так и не смог определить, каков же все-таки цвет глаз этого человека, с которым с детства связан был странной

дружбой: глаза эти были посажены глубоко и всегда, казалось, приобретали иной оттенок — в зависимости от многих причин.

Точно так же никто толком не смог бы на глазок определить возраст человека Джея: Васецки всю жизнь помнил его таким — высоким и легким молодежавым стариком.

— Здравствуй, Кайл. — Квинт бесшумно опустил на сухую траву. — Ты все-таки выбрал...

В его словах не было ни скрытого вопроса, ни потаенного упрека. Так путник говорит себе где-нибудь посредине пути, окинув взглядом беспредельность небес: «Птицы полетели...» И шагает дальше своей дорогой.

— Выбрал, — пожал плечами Кайл, опускаясь на траву рядом с ним. — Собственно, я давно уже выбрал. Я — не человек Тайны. Если ты не хотел, чтобы люди узнали... Если что-то из того, что мы там нашли, не должно было стать известным, то тебе не стоило... Не стоило наводить меня на след. На те аэрофотоснимки.

Квинт задумчиво улыбнулся и подкинул в костерок пригоршню мягких, похожих на миниатюрные еловые шишки плодов здешнего черного кустарника. Костерок дохнул ароматной осенней горечью.

— Не только мы выбираем, Кайл, — вздохнул он. — И не только мы находим. Это еще вопрос: ты нашел нечто в тех развалинах или нечто нашло тебя. И ты выбрал, как поступить с этим нечто, или это нечто будет теперь выбирать, как поступить с тобой. Это ведь не я решил с тобой расстаться, когда ты хотел уйти в люди Джея. Тогда я гадал на твою судьбу, и получилось, что это — не твой путь. Вот и теперь, когда я нашел эти снимки — они бы до окончания века пылились в архивах Ратуши, — я тоже гадал. И в этот раз Джей подсказал тебя.

Кайл осторожно прикусил губы — это была его с детства сохранившаяся привычка покусывать губы перед тем, как задать вопрос, который может оказаться неприятен собеседнику.

— Ты... Я давно тебя об этом спрашиваю, Квинт. Но ты всегда отвечаешь так... Словно в шутку. Ты действительно веришь в то, что Джей... Что у Джея есть душа, с которой так вот можно разговаривать, задавать ему вопросы... Раньше я был мальчишкой и тоже... Почти верил в это. Но вот теперь я вырос, наукой занимаюсь. Ведь это... Ну, суеверие какое-то. — Он осторожно взглянул на Квинта — не обиделся ли тот — и продолжил: — Ну, я бы понял, если бы ты говорил это иносказательно. Как метафору. Но когда ты хочешь, чтобы я действительно поверил, что все эти Сгинувшие Империи не просто понастроили по всей системе свои крепости, заводы, оборонительные комплексы... Что они не просто были в далеком прошлом, но еще и вселили в планету какую-то свою душу, свой разум... Который с тобой может общаться... Прости, но как-то это все...

— Ты всегда был недоверчивым пареньком. — Квинт усмехнулся. — И всегда тебя тянуло именно к тому, во что не хотел верить. Не хочешь верить в то, что Джей — это совсем не то, за что его принимают... Это, конечно, очень тяжело — сознавать, что мир, к которому ты привык с детства, привычный, как собственная рубашка, — это только маска, за которой прячется совсем не человеческое лицо, а что-то совсем другое. Но Джей заставляет это осознать. Неужели история с Катаклизмом ничему никого не научила?

Кайл дернул плечом:

— О Катаклизме так много говорили и говорят, что просто в разговорах этих все и тонет. У каждого из тех, кто жил в то время, непременно есть на эту историю своя точка

зрения. Отец вот совсем на эти темы говорить не любит. Это из-за того, что мама тогда погибла. И оба его брата.

— Тебе стоило бы все-таки как-нибудь разговорить его. — На мгновение глаза Квинта укоризненно блеснули из-под капюшона. — На эту тему и на многие другие. Он был далеко не последним участником событий. Тогда...

— Он кое-что рассказывал. — Кайл осторожно тронул замирающее пламя костерка прутиком. — О том, как вы встретились. И как это было, когда эвакуировали поселенцев с Внутренних Пространств. Он с тех пор по-другому относится к людям Джея. Не как все. Считал, что это — не дело нашего поколения. И что вообще Внутренние Пространства... ну, они как бы имеют свои, особые права на существование без вмешательства извне.

— Он многое понял тогда, твой отец. — Квинт прикрыл глаза, вспоминая что-то свое. — Знаешь, он никогда не поддерживал потом тех, кто призывал снова начать поход туда, в проклятые джунгли. — Потом, чуть встряхнув головой, он вернулся к тому, о чем, собственно, и спрашивал его, бывшего наставника, бывший ученик: — Все вы просто не хотите смотреть правде в глаза: вам удобно жить, когда все просто вокруг. Все должно быть так, как всюду, куда приходят люди. Джей — это просто большая землеподобная планета, на которую когда-то, много тысяч лет назад, высадились воины древних Галактических Империй. Вели на ней сражения, строили всякие крепости, космодромы, подземелья. Потом сгнули, оставив все это хозяйство догнивать потихоньку под здешними небесами. А то, что стряслось во время Катаклизма, это не более чем трагическое стечение обстоятельств. Достаточно только поосторожнее быть со всеми этими древними катакомбами и ракетными колодцами — и все будет, как говорится, о'кей. Очень удобная, успокаивающая точка зрения. Одно в ней плохо: она не про Джей. Для любого другого Мира все это было бы правдой, но не для этого.

Несколько мгновений он молча провожал взглядом истекающую в осеннее небо еле заметную струйку дыма, потом продолжил:

— Джей — это вовсе не заброшенный Мир. Он нас ждал. А теперь выбирает из нас тех кто ему нужен. Посмотри правде в глаза: ведь ни в одном Мире люди не находили так много странного, не соответствующего всем нашим теориям — планетологическим, палеонтологическим... Просто здравому смыслу не соответствующего. Но никто не хочет признаваться самому себе, что живет он над пропастью, в которой могут обитать чудища.

— Мне сложно об этом судить, Квинт, — вздохнул Кайл.

— Но проще все-таки, чем многим другим. Ты учился у людей Джея...

— Ну... Ты знаешь, чем эта учеба кончилась. — Кайл то ли улыбнулся, то ли поморщился от своих воспоминаний. — Ты, наверное, жалеешь, что потратил столько времени на такого плохого ученика.

Квинт беззлобно махнул рукой:

— Я с самого начала знал, что ты не уйдешь с нами. Павел напрасно гордится тем, что не дал тебе уйти из дома, что наставил на путь истинный. Все дело в твоём отце — ты никогда бы не оставил его одного. Да и я с ним дружил в старые времена. Тебя может удивить это: он просил меня приглядывать за тобой.

— А почему вы сейчас не встречаетесь? — Кайл зябко потянулся к тлеющему огоньку костра.

— Я еще, может, зайду к нему на чашку чаю, — мягко улыбнулся Квинт. — Но знаешь, близость с людьми Джея не принесет пользу университетским профессорам. С тобой проще

— ты вырос в другое уже время. — Квинт прикрыл глаза, о чем-то задумавшись. Потом решительно поднял голову: — Но ведь ты послал мне знак не для того, чтобы я пришел сюда поболтать с тобой о пустяках?

— Нет. — Кайл тяжело вздохнул. — Нет. Дело в том... — Он достал из брошенной на траву сумки и протянул Квинту стандартный «кодаковский» конверт: — Вот. Это я принес оттуда. К себе.

Квинт вынул из конверта снимок, и в воздухе перед ним возник голографический призрак янтарного ларца. Несколько минут он его рассматривал, слегка поворачивая голограмму: изображение представало перед ним то так, то этак. Кайл давал короткие пояснения. Старик слушал его не перебивая. Потом он положил снимок на траву рядом с собой:

— Хорошо, что ты не взял эту вещь сюда.

— Мне не надо было ее брать вообще. — Кайл поморщился. — По закону, таким вещам место в музее. Я потом...

— Ни тогда, ни потом. — Квинт осторожно положил руку на колено молодого человека. — Ты ведь не сделал этого сразу? Не стал отдавать то, что нашел, в чужие руки?

— Напрасно это я. — Кайл чуть поежился. — Надо было действительно — сразу. Но как только Павел прилетит... я отдам...

— Этого ты еще не знаешь, захочешь ли ты эту вещь отдать и захочет ли то, что ты нашел, уходить от тебя. Ведь можно сказать, что ты нашел что-то, а можно и так: что-то нашло тебя. — Квинт протянул к шее Кайла свою узкую ладонь и осторожно отогнул воротник: — Это ты тоже принес оттуда?

Кайл встревоженно взглянул на тускло сверкнувшую на загорелой коже цепочку:

— Ч-черт... Да я и забыл совсем про это. Странно. Да, это тоже оттуда. Такие я видел только в коллекции музея Ламберта. Нехорошо получается. Эта штука немало стоит, а я ее взял поносить, как какую-нибудь побрякушку из сувенирной лавки.

Длинные сильные пальцы Квинта подцепили цепочку и вытянули неправильный керамический диск с впечатанным в его поверхность Белым Знаком. Старик осторожно провел над ним ладонью, но не коснулся его, а даже чуть отдернул руку, словно обжегшись невидимым огнем.

— Ну что же... — Он осторожно отпустил цепочку. — Это действительно не побрякушка. И давно на Джее никто не возлагал на себя этот Знак. Для этого, знаешь ли нужна большая смелость. Но ты уже сделал свой выбор. А может, и впрямь, Джей выбрал тебя.

— Я уже отвык думать так, как ты меня учил. — Кайл пожал плечами. — Так все-таки, что это такое? — Он кивнул на снимок. — В «Старых словах» про это есть что-нибудь?

— А почему ты думаешь, что в «Старых словах» должно что-то быть именно об этой вот вещи? Тебе приходилось находить разное. И там, где ты нашел это, — там были, наверное, и другие... вещи. Но ты спрашиваешь только про эту.

— Ну... — Кайл сам не знал, почему ему так не хочется отвечать именно на этот такой простой вопрос. — Ну, на ней самый большой текст из всего, что находили после Ламберта. И потом... Потом, когда я хотел... Когда попытался рассмотреть кубики, то... Мне почудилось, что... Что все стало меняться вокруг. Наверное, это совпадение, но что-то такое было во всем... Какой-то неожиданный туман встал.

— Да, это была странная ночь, — согласился старик. — Не тебе одному так показалось.

И конечно, это могло быть совпадение. — Он помолчал, словно вычисляя что-то в уме. — Я не знаю, что это такое. Точнее, не уверен, что это то, о чем я подумал. — Квинт с силой сжал свои переплетенные пальцы. — Это было бы уж слишком большим совпадением. Но ты правильно сделал, что не стал ничего делать с этой вещью. Будь осторожен. И твои друзья пусть будут осторожны. Те, кто нашел, и другие. Лучше, если вы...

— Ты хочешь, чтобы... — Кайл наклонил голову, заглядывая в глаза своего бывшего наставника и проводника по лабиринтам магии Джея.

— Нет! Нет... — отмахнулся от него Квинт. — Вовсе не то, о чем ты подумал. Хорошо, что ты не принес эту вещь сюда. Для того чтобы мы встретились. Все должно сойтись совсем по-другому. Просто лучше было бы, если бы ты оставил ее там, где нашел. Но, наверное, уже поздно. Джей выбрал тебя, и игра началась.

— Какая игра? — нервно спросил Кайл. — О чем ты?

Старик поднял на него глаза:

— Если это все-таки то, о чем думаю, то я слишком мало знаю об этом, чтобы быть советчиком. Мне придется поискать ответы на вопросы — твои и мои.

— Возьми этот снимок. — Васецки протянул ему пакет. — И вот тут у меня другие — с увеличенными текстами. И с проработкой по цветовому разрешению в нескольких вариантах. И вот мои наброски перевода текстов.

— Люди Джея по-другому понимают эти знаки, — усмехнулся Квинт, отстраняя жестом пачку распечаток. — А за снимки — спасибо. Прости, что мало чем могу быть полезен. Правда, я предупредил тебя, но не думаю, что это что-нибудь изменит. Нам еще придется встретиться. Если меня не будет... здесь, Рао передаст тебе письмо.

Кайл некоторое время провожал взглядом бесшумно ступающую, быстро сливающуюся с калейдоскопом лесных теней фигуру, но потом вспомнил, что, прощаясь, люди Джея никогда не смотрят вслед уходящим, и отвернулся, глядя на гаснущий костер.

* * *

Сухов был, как всегда, огромен, светлоглаз, весел и мило, по-русски, бестактен.

— Свинья ты, Кайло, порядочная, — сказал он приятелю, стоя над проломом, открывшимся после того, как были разбросаны маскирующие его доски и камни. — Сразу, как ты эти аэрофотоснимки засек, надо было выходить на связь со мной — мы бы уж сообразили, что и как. А ты додумался мехподъемник арендовать. Ты б еще динамитом тут все поразворотил! Пороть за такое надо.

— Подъемник — это я додумалась, — не без гордости оспорила заслуги Кайла Марика.

— Вы помолчите, молодая леди, — иронически скосил на нее глаз Павел. — С вами — разговор особый. А пока — вот.

Он опустил в провал шнур походного анализатора с сосиской воздухозаборника на конце и врубил прибор. Потом, чуть посерьезнев, осведомился:

— А вам вообще-то как, ребята, — не поплохело «после того как»? Ведь вы, по идее, должны были медобследование пройти. Сразу, как слазили в эту дыру. И пройдете за милую душу: вы ведь прикиньте — от чего-то они ведь там померли — те, как ты говоришь, — он повернулся к Кайлу, — Пятеро Воинов? Есть, знаешь, такие факторы, которые и через тысячу лет продолжают действовать. «Проклятье пирамид»...

— Мне лично даже в поясницу не вступило, — пренебрежительно ответил тот. — Только снились эти пятеро друзей по ночам.

— По ночам — это ничего, — задумчиво произнес Павел.

— А я сплю спокойно, — встала Марика. — Даже слишком.

Она искоса присматривалась к Кайлу. Не такой он был, как обычно. Вот уже как пару дней. Чувствовался в нем напряг какой-то.

— День сегодня дурацкий. Смурной, — сказала Марика. — И солнечно, и зябко как-то. Осень, наверное. И небо — высокое такое.

Анализатор запел чистым музыкальным тоном, и Павел стал неторопливо читать выходящую из щели принтера распечатку.

— Ничего страшного, — констатировал заглядывавший ему через плечо Кайл, как-то торопливо, сдавленно.

— Много вы понимаете, молодой человек! — фыркнул на него Сухов. — Страшного, впрочем, и впрямь — ничего. Полезли.

В этот раз в пролом были спущены раскладная лесенка и пара осветителей. В их лучах келья-склеп приобрела какой-то уж совсем искусственный вид. Действо стало напоминать съемки в павильоне.

— Вот они. — Кайл указал правой рукой в «аппендикс» кельи, левой защищая глаза от света микрософитов. — Все пятеро.

— Четверо, — уточнил Павел и, выставив вперед универсальный щуп, шагнул в круг мумий. — Так... — добавил он, наклонившись к шкале и не обращая особого внимания на загробные декорации происходящего.

Кайл же остолбенело уставился на горку праха, образовавшуюся на месте одной из тех пяти мумий, которую они видели в прошлый раз. Первую справа.

— Рассыпалась, — сказал он негромко.

Марика не сказала ничего — просто стояла замерев.

— Вижу, что рассыпалась, — сердито согласился Сухов. — Трогали?

— Н-нет... — как-то испуганно пробормотала Девушка. — Цепочка... сама упала...

Павел недоуменно повел коротко стриженным затылком.

— Ты что такой? — спросил он Кайла. — Я еще там, — он кивнул вверх, — смотрю: кручинится Кайло мой что-то.

— Т-так... — неопределенно пробормотал парень. — А мумию никто не трогал.

— Ладно. Здесь — остаточное наведенное излучение. С типичным спектром. Нейтронное облучение. Это совпадает с другими данными по этому региону. Не вибрируйте — все теперь уже на уровне фона. Сейчас точно сказать нельзя, но думаю, это эпоха первой атаки Ю.

— Это когда излучением стерилизовали весь Джей? — осведомился Кайл.

— Почти. Во всяком случае, эти четверо... пятеро — последние из Воинов 3у Первых Войн.

— Так это — все-таки не ученики? — спросила Марика.

Она бесстрашно нагнулась к иссохшему лицу одной из мумий и протянула руку, подхватив керамический талисман.

— Вот эти штуки, — сказала она. — Они не из...

— Это Посвящаемые. Проходящие последнее испытание. Конечный тест, — пояснил Сухов.

— Кстати, о тесте. — Кайл расстегнул брезентовую сумку и не без усилий вытащил из нее странный ларец. — Вот здесь он лежал. Прямо перед ними.

Он попытался придать реликвии то положение, которое она занимала до того, как двое бестолковых археологов-любителей чуть не сломали об нее ноги.

— Так вот что это за штука. — Сухов бережно, профессиональным жестом подхватил коробку и стал рассматривать ее. Потянул из гнезда янтарный кубик.

— Н-не надо! — Напряжение Кайла неожиданно прорвалось наружу. — Не стоит... — как-то смущенно добавил он, пытаясь замять возникшее впечатление.

Павел внимательно посмотрел на него, пожал плечами и втолкнул вынутый было кубик на место.

— Это, я думаю, что-то вроде системы проверки каких-то умственных качеств. Сообразительности, быть может, — сказал он, задумчиво разглядывая коробку.

— Может, просто головоломка? — спросила Марика, перехватывая ларец у него из рук. — Ну, развлекались рыцари на досуге. А тут Империя Ю их нейтронным зарядом и — шарах!!!

— Что «шарах!!!», это уж точно. — Сухов провел ладонью по ежику светлых волос на своем затылке. — Только развлекаловкой *это* быть не может. Пятерка будущих рыцарей Зу проходила испытания. Тут не до расслабухи. Да и вообще, ни в текстах Ю, ни в текстах Зу нет даже упоминаний о том, что в обеих Империях было заведено хоть что-то похожее на игры. Это, видимо, понятие им не известно. Древним. Сгинувшим.

— Ну, значит, действительно это они какое-то испытание проходили в тот момент, когда... — задумчиво резюмировал Кайл.

— Я еще тогда по твоему факсу заметил, что знаки на этих... — Тут Сухов задумался.

— На гранях кубиков, — подсказал Кайл.

— Угу, на кубиках. Они образуют текст, имеющий смысл. Примерно так: «Погасивший огонь использует совет несущего венец». Или, скорее, вот так: «Тот, кому предстоит погасить огонь...»

— И что сие означает? — озадаченно потерла нос Марика.

— Тему для очередной пары диссертаций, — довольно равнодушно отозвался Павел. — Может, просто случайное совпадение. Интересно, что на других гранях?

Где-то наверху небо зазвенело колоколами: гром-птицы разорались вдруг неожиданно в небесной выси. Странное, стонущее эхо ответило им из предгорий. Не смолкло, стало переходить в скрежет.

— Наверное, тут тоже что-нибудь написано. — Марика скорее машинально, чем по злому умыслу сделала то, от чего Кайл только что остерег Сухова: выковырнула ногтем крайний кубик и тряхнула каменной коробкой.

Пять кубиков полетели на пол, шестой остался у девушки в ладони.

Павел с досадой крикнул. Кайл издал короткий нечленораздельный звук.

Марика подняла на него глаза, полные раскаяния за содеянное, но вместо того, чтобы пробормотать что-нибудь вроде «вот так штука!..», ошеломленно охнула:

— Что это с тобой? У тебя глаза как... как у рыбы.

— Тихо, ребята, слышите? — Сухов остерегающе поднял руку.

Скрежещущий стон неся над степью, и в такт ему приглушенно вздрогнула древняя кладка стен кельи.

— Тектоническая подвижка. Ходу отсюда, пока не завалило, — скомандовал Павел.

Кайл, не говоря ни слова, упал на колени и принялся дрожащими пальцами всовывать детали древней головоломки на их места. Поставил первый кубик, второй. Озадаченно остановился.

— А действительно, знаки на всех шести гранях, — заметил Сухов, подобрав один из кубиков и вертя его перед глазами.

Потом протянул его Кайлу.

— Ч-черт, забыл, как они там стояли, — пробормотал тот, даже не глядя на друзей.

— Ну что ж, ставь как попало, потом сверишься по фото, — благодушно посоветовал ему Павел. — И давайте-ка отсюда, други.

Ругать своих молодых — один на три, другая на четыре года моложе его — добровольных коллег за очередной ляп Сухов, видно, счел делом вконец бесполезным. Его даже начало несколько забавлять происходящее.

Кайл молча посадил в гнездо третий кубик и четвертый.

Вздыхнул с каким-то странным облегчением.

Поставил пятый.

Взял у Марики шестой. («М-может н-не-е?...» — как-то неопределенно спросила она.) Задумчиво повертел в руках. Вложил в единственное оставшееся свободным гнездо.

Еле слышный, но уверенный гул повис в воздухе. Софиты неожиданно мигнули. Погасли совсем.

— Ч-черт... — пробормотал Сухов.

— Смотрите! — воскликнула Марика.

Внезапно янтарный свет заполнил келью. Не сразу можно было сообразить, что источником его, так же как и странного этого гула, был ларец в руках Кайла.

Он странно изменился, этот ларец, словно стал сплошной отливкой раскаленного металла, излучающей жутковатое теплое мерцание.

Каменные плиты дрогнули под ногами. Какая-то древняя труха посыпалась с потолка. Скрежет стал невыносимым: низкий, прерывистый, утробный рев добавился к нему.

Марика с трудом сдержалась от крика: в наступившей темноте ей почудилось, что ТЕ ЧЕТВЕРО...

«Нет — ерунда, чушь...» Она стала уверенно карабкаться по лестнице вверх.

Выбравшись наружу, девушка растерянно охнула.

Туман стлался над степью. Неведомо откуда взявшийся в середине дня туман. Еле заметный ветер нес перед лицами слегка ошалевшей тройки друзей белесую мглу.

— Ох ты, Господи, — пробормотал Сухов. — Сколько живу, такое впервые вижу.

Несущийся с гор скрежет почти заглушил его слова. Слилсся с захлебывающимся, клокочущим ревом и наконец разразился чудовищным, каркающим громом, до небес расколовшим Мир вокруг.

Все трое зажали уши, присели, словно ожидая прихода ударной волны. Задрав голову, Кайл увидел, как, словно вздернутый нервным движением невидимой руки, метнулся вверх, разрезаясь, истаивая, занавес тумана, и в этом редееющем, пронизанном светом мареве далеко — над синеватой кромкой горных кряжей — косо метнулась вверх и в сторону чудовищная — нечеловеческих, геологических размеров — тень. Нечто вконец нереальное — гигантский, с горным массивом сравнимый гибрид нетопыря со сказочным драконом. Хриплый гул расколол небо вслед чудовищу, и все смолкло. Только туман таял мглистыми островами по степи, только звон утихал в ушах.

А потом сквозь звон этот прорвался другой звук — низкий, со всех сторон, кажется, идущий грохот тысяч и тысяч тамтамов.

По степи мчались табуны. Потоки, океаны местных псевдогиппусов и моря одичавших, с самой Земли завезенных когда-то лошадей. Словно вдоль невидимых силовых линий потоки взмысленных, стремительно несущихся тел обтекали холм, на котором замороженно стояли трое.

Сколько длилось это? Кайл не мог дать себе ответ.

А потом осталась только пыль. И знойный полдень над степью.

Неузнаваемо изменившейся.

Молча они стали спускаться к притулившемуся около иссохших кустов флаеру.

— Аппаратуру пока оставим, — сказал где-то на середине спуска Сухов. Скорее всего, для того только, чтобы сказать вообще что-то. — Тут долго разбираться надо. — Он отвел глаза в сторону.

— Птичку видела? — хмуро спросил Кайл Марику.

— Видела, — передернула она плечами. — Что это?

— Вы про что, ребята? — осведомился Павел.

— Так... Может, и померещилось... — неопределенно сказал Кайл. — Это... — он чуть поднял руку с «Джейтестом», — это что? Испытание?

Сухов не сразу понял его. Потом фыркнул:

— Чушь! Землетрясение от этой штуки получиться может, как и от воскресной проповеди.

— Получилось, как только я...

— Не бери себе в голову такую чушь, Кайло. Вот жужжалка какая-то в это дело вделана — это точно. И подсветка.

Они усаживались в тесноватый «чак», все еще не до конца понимая, почему, собственно, их так неудержимо уносит прочь от этого пыльного холма. Марика бросила на сиденье тускло сверкнувший предмет.

— Черт, все-таки утащила. — Сухов подкинул на ладони медальон со странным знаком. — Слушайте, ребята, вы все захоронение твердо решили растащить? Вы это бросьте — никаких больше сувениров.

— Да я собиралась только рассмотреть получше, а он... она сама в руку соскользнула. Как в тот раз... у тебя. — Она посмотрела на Кайла с каким-то недоумением: — А потом... началась эта чертовщина, и я... Я потом положу на место.

Приятель молча нащупал под рубахой свой — точно такой же — медальон. Странно, он, Кайл, в общем-то для того и нацепил эту штуку на шею, чтобы в келье положить ее на место. На плечи Посвящаемого. Но тот превратился в прах. А потом и вообще стало не до того.

«Ни для меня, ни для Марики такие штуки вовсе не характерны, — подумал он. — Спятели мы, что ли? Нет. Не те слова. Неужели... Неужели ЧТО-ТО ДВИЖЕТ НАМИ?»

* * *

Вытопанная тысячами копыт степь летела под днищем флаера. Сухов поставил машину на автопилот и повернулся к Кайлу.

— Давай сюда эту штуку, — сказал он властно. — Посмотрим, что ты там на ней

нарисовал.

Он призадумался над рисунком, получившимся из знаков Магического Письма на верхней грани ларца. Потер лоб.

— Во всяком случае, ничего о землетрясении. Надо помозговать над этой штукой. Таблицы Джордана неплохо бы глянуть. Господи, что это?

Сиплый, клекочущий свист обрушился на степь из поднебесья.

Взмыл над самыми головами, перешел в грохочущий гул и свалил к западу. Стих.

Все трое проводили звук движением задранных голов, но так ничего и не увидели. Может, не успели.

— Нет... Ничего не было там, — сама себе сказала Марика.

— Без виски в этом разобраться невозможно, — зло прокомментировал Кайл возобновившиеся потуги Павла постичь смысл кроссворда, сложившегося на повернутых вверх гранях кубиков.

Тот грозно цыкнул на него и стал набрасывать в блокноте магическую мозаику. Флаер потряхивало, и Павел время от времени чертыхался — более или менее крепко.

Впереди, в пыльном мареве, стали проявляться далекие очертания башенок и остроугольной готики Вестуича. Кайл облегченно вздохнул.

И тут Марика заорала как сумасшедшая.

Над далеким силуэтом городка взмыла изысканно-угловатая тень. На мгновение заслонила его. Чудовищной аркой зависла над игрушечными домиками и церквями, извергла струю белого пламени и, вытянувшись призрачным, из дурного сна пришедшим облаком, понеслась по-над горизонтом. Канула во мглу между громадами горных гряд.

Наступила тишина.

* * *

Город, куда они возвращались, уже не был тем патриархально-умиротворенным Вестуичем, который они покинули ленивым воскресным утром. Он стал фронтовым городом, заполненным воем пожарных сирен, треском и шипением вырвавшегося на свободу пламени и непривычной бестолковой суетой ошалевших жителей. Черный, копотью оседающий на лица дым стлался над крышами.

У горящего склада «Чаттерс и Чаттерс» цепочка добровольцев споро передавала друг другу ведра с водой, хлещущей из неподалеку расположенного гидранта. Видно, парк городской пожарной части исчерпал свои возможности. Зрителей, впрочем, было значительно больше, чем добровольных помощников.

В общем, ситуация уже была взята под контроль. Кидаться на помощь уже нигде и никому не требовалось.

Витрина закусочной Джила и Джима была начисто выбита, и осколки стекла устилали проезжую часть Мэйн-стрит. Поворот на кампус завален грудой кирпича, бывшей ранее башенкой с часами методистской церкви. Сам кампус почти не пострадал. Только зевак высыпало на свежий воздух невероятно много.

Отец Кайла, стоя у крана для полива сада, отмывал с лица копоть. Рядом на скамейке валялся его воскресный пиджак — вконец прожженный и испачканный. Видно, пожилой джентльмен принял посильное участие в борьбе с огнем где-то неподалеку. С сыном и его

приятелями он обменялся приветственными жестами, но разговора затевать не стал: видно, не был настроен.

Прежде чем компания вошла в дом, с неба снова раздался стремительно приближающийся сипящий гул. Все взгляды испуганно устремились ввысь.

Словно выпущенные из пращи, не слишком высоко над городком прошли истребители Ополчения — два звена. И тишина снова спустилась с небес.

* * *

Мерцающим окном в мир во мраке гостиной светился экран «Ти-Ви». Диктор экспромтом, временами сбиваясь и повторяясь, сообщал зрителям, что учинившее обстрел города летающее устройство неизвестного происхождения удаляется в настоящий момент примерно на четыреста сорок километров от Вестуича к восточной части Шепчущих хребтов. Для борьбы с агрессивным феноменом направлены подразделения региональных ВВС.

Кайл отправился на кухню умыться и сварганить что-нибудь на стол, Марика оккупировала ванную, Сухов уселся за стол в кабинете Кайла, как за свой, и стал разбираться с рисунком, сложившимся на ларце. Сам ларец уже и не думал светиться, гудеть или учинять какие-либо еще непотребства. Лежал на столе и являл миру непонятную весть.

Васецки-старший вернулся из сада, молча уселся перед экраном и мрачно внимал экстренным новостям. Чем-то был он подавлен, но не спешил делиться своими чувствами ни с гостями, ни с сыном.

Пришедший из кухни немного очухавшийся Кайл распределил по тарелкам наскоро сделанные сэндвичи с сыром и ветчиной и кое-как нарубленные овощи. Расставил стаканы и налил всем пива. Отцу — на два пальца виски со льдом. Позвал Павла. Тот ворча спустился в гостиную. Через полминуты в комнату впорхнула посвежевшая, только чуть взволнованная Марика.

Никто не задавал предельно глупого вопроса: «Так что же это такое было?»

— Городок разворотило основательно, — наконец констатировал Кайл. — Лоу из «Тотал иншуранс», верно, на голове сейчас ходит. Почему не сообщают про жертвы?

— Ерунда, — возразила Марика. — Полдюжины домишек пострадало, да кожевенная фабрика сгорела. Ты бы посмотрел кадры про то, что на Таунсенде творилось.

— Главное, чтобы этот летающий фейерверк не повернул назад, — задумчиво процедил Сухов. — Ну да ладно, сие от нас не зависит,

— Эту штуку уже разбомбили, наверное, — предположила Марика.

— Это нам по «Ти-Ви» доложат, — продолжал гнуть свою линию Павел. — Давайте лучше про *ту* штуку. Я тут помозговал — примерно такой текст ты, Кайл, выложил: «Дать бой ужасу своей земли тебе предстоит на Поле Девяти Лун. Там меч». «Предстоит», или «надлежит», или «придется». Особого смысла я в том не вижу.

— Лун здесь только семь, — заметила Марика и решительно расправилась с сэндвичем.

— Возможно, при Империи Зу их было девять, — пояснил Кайл. — Или от календаря это — во всяком случае, они год делили на девять месяцев. Или времен. Про это много написано. Можно, наверное, читать не «Поле Девяти Лун», а «Поле Календаря», «Календарное Поле».

Тут диктор, словно по заявке Кайла, перешел к перечислению жертв и потерь. Госпитализированы девятнадцать человек. Погибли — в основном от ожогов и под развалинами — шестеро. Заявлены пропавшими без вести на данный момент трое. Видимо, последняя цифра будет расти. Разрушены полностью восемь зданий. Получили повреждения или подожжены еще двенадцать. Продолжаются пожары в двух местах — на топливных складах и в центральном супермаркете. Учинившее агрессию устройство, условно обозначенное военными как Дракон, уклонилось от контакта с истребителями региональных ВВС и атаковало расположенные по ту сторону Малого хребта населенные пункты Нижние Мельницы и Нидербау. Имеются разрушения и жертвы.

— Дьявол! — неожиданно резко произнес Васецки-старший. — Это страшно напоминает начало Катаклизма.

Все повернулись к нему.

— Действительно, — сказал Кайл. — Землетрясения, драконы. Я, правда, думал, что предки малость преувеличили.

— Этот район всегда был абсолютно сейсмобезопасен, — продолжил его отец. — Все, что произошло, типично для первой стадии Катаклизма.

— Будем надеяться, что дело так далеко не зайдет, — мрачно добавил Сухов.

Воцарилась тишина.

Потом Павел одним глотком допил пиво и мотнул головой в сторону лестницы, которая вела в комнаты наверху:

— Пошли, Кайл, помозгуем немного.

Тот молча потопал следом за ним.

Марика расставила посуду в моечном агрегате, сложила несъеденные сэндвичи на одно блюдо и убрала их и пиво в холодильник, смахнула крошки со стола и тоже упорхнула наверх, в кабинет Кайла.

* * *

— Ну вот что, — решительно сказал Павел, прикрывая за ней дверь. — Давайте так: суп все-таки отдельно, мухи — отдельно. Вы, ребята, вижу, здорово ошалели от всего этого. До утраты логики. Так вот, ну на самом деле: неужели вы думаете, что вся эта потеха стряслась оттого, что Кайл повертел немного этими вот костяшками?

— Как только я до них дотронулся... — начал тот.

— Да поймите же вы, что тут с ночи еще что-то такое назревало... Я еще обратил внимание, что кошки с собаками прямо сами не свои. Да и в воздухе что-то такое чувствовалось. Тектоническая подвижка вышла. Вот, наверное, и проснулась какая-то древняя система вооружений. Заработала. То, что от Империи Ю или Империи Зу осталось. Как при Катаклизме. Ведь Катаклизм — это что было? Это ж активизировались древние боевые системы Империй. Автоматические. Автономные. Тысячи лет назад построенные и законсервированные. И начали долбить друг друга. И нас, грешных, заодно.

— Не дай бог сейчас опять... — судорожно вздохнула Марика.

— Вряд ли, — успокоил ее Павел. — Они друг друга в капусту покрошили. После этого лет двадцать разные экспедиции, сколько ни ковырялись, ничего путевого не нашли.

— Так и до этого не находили, — поморщилась девушка.

— До *этого* и не искали как следует. Не знали — что и где.

Кайл вздохнул:

— Мы с Марикой, может, и дилетанты, но, по-моему, и такому спецу в экзоархеологии, как ты, Павел, должно быть понятно, что по-настоящему Джей не ковыряли еще ни разу. Ведь все Внутренние Пространства — вообще сплошное белое пятно. Только спутниковые съемки и пара неудачных экспедиций. Живем по принципу — он нас не трогает, и мы его не трогаем.

У Сухова упоминание о Внутреннем Континенте вызвало взрыв чисто профессионального раздражения.

— Внутренние Пространства — это, дорогие мои, особый вопрос — джунгли и болота на тысячи и тысячи миль. Там и до Империй, и при них, и после ничего не строили и строить не могли. Там только еще три года назад три новых вида квазиящеров открыли. И вообще, мы, ребята, как-то уклонились от темы разговора.

— Тогда — по теме. Если это, — Кайл коснулся лежащего на столе ларца, — простые, говоришь, костяшки, то отчего они засветились? ТОГДА. И звук...

Павел смутился немного:

— Ну, я думаю, это — что-то. Вторичный эффект, в общем. Может, перед толчком какое-то излучение пошло. А эти материалы, — он тоже коснулся ларца, — способны флюоресцировать. И...

— Слушай, это бред какой-то, — запальчиво возразил Кайл. — Мы тогда страшную дозу должны были хапнуть. А твои датчики ничего путевого не зарегистрировали.

— Ионизирующего излучения они не зарегистрировали, — возразил Сухов. — Но ты прав. Эту штуку надо физикам показать. Ты не против?

— Еще как не против. Но при одном условии...

— Понимаю, не дурень, — вздохнул Павел. — Лично буду присматривать, чтобы кубики эти не вертели.

— Н-нет! — вдруг воскликнула Марика, реагируя, скорее всего, на какую-то свою мысль. — Не может быть, чтобы из-за этого... Чтобы из-за того, что я эти штуки вытряхнула, а, а...

Она смолкла, как-то сгорбившись и не глядя ни на кого.

Кайл двинул ларец по столу в сторону друга:

— Кстати, что ты думаешь о том... О том, что теперь на нем написано?

— «Дать бой ужасу своей земли тебе предстоит на Поле Девяти Лун. Там меч», — процитировал Павел. — В конце концов, стоит ли искать смысл в случайной комбинации знаков?

— А откуда ты взял, что в случайной? — Васецки наклонил голову так, чтобы видеть лицо собеседника.

Тот задумался, тихо трогая кончиками пальцев знаки на гранях кубиков.

— Вообще, — вдруг сказал он, — речь может идти о вполне конкретном месте. Поле Девяти Лун — так иногда даже мы говорим. Знаешь Храмовое плато? Календарное Поле? Это же все оттуда пошло, от нашего брата археолога.

Кайл кивнул. Чуть подумал:

— Там в самом деле — девять храмов. Но это может быть и совпадением. Надо...

— Сейчас ничего не надо, — взял его за локоть Павел. — Сейчас практически военное положение.

— Интересно, — продолжал интересоваться Кайл, — про какой меч тут говорится?

— Это — условно «меч». — Сухов поскреб в затылке. — Правильнее сказать — «оружие» вообще. «То, чем разят».

— А там что — есть что-то такое? — спросила Марика, выйдя из своего транса.

— Нет, конечно, — пожал плечами Павел. — Это — чисто культовые сооружения.

— Если военные ничего не держат в секрете, — заметил Кайл. — Они все раскопки обязательно обследуют.

Павел махнул рукой:

— Я бы знал. Такие штуки в среде специалистов секретами надолго не остаются.

Кайл включил программу новостей, нагнулся под стол, вытащил оттуда пластиковую сумку и осторожно стал укладывать в нее «Джейтест». Телевизор тем временем сообщил, что объект, уже окончательно окрещенный Стальным драконом, был атакован наземными зенитными установками и истребителями планетарных ВВС. Потери составляют две самолета. Один из экипажей в составе двух человек погиб. Экипаж другого аппарата успешно катапультировался, однако был атакован чудовищем в ходе приземления на поверхности планеты. Судьба пилота и оператора боевого оснащения выясняется. Дракон изменил направление движения и приближается к береговой линии в районе Джолипорта.

— Так... — вздохнул Павел. — Я пошел. Вернусь поздно. Потревожу физиков. Если им сейчас до того... Тебя подвезти, Марика?

Девушка молча соскочила с краешка стола, на котором до сих пор сидела, и потопала следом за Суховым. Кайл подошел к окну и махнул друзьям на прощание сверху, пока те усаживались во флаер Павла. Потом спустился в полутемную гостиную. Там отец по-прежнему сидел, сосредоточенно глядя на мерцающий экран. стакан с так и не тронутым виски стоял рядом на полу. Лед в нем, конечно, давно растаял.

Кайл подумал, что отец хорошо должен помнить, как это было тогда. Как заработали упрятанные в недрах гор пусковые колодцы и обрушились на Джей удары мегатонных зарядов. Как отворились тайные ангары в недрах скал и выползли словно из ниоткуда кошмарные стальные твари. Как налетела на города огненная саранча.

— Где у нас ключ от джипа? — спросил он отца.

— Висит на двери в кладовке, — ответил тот. — Ты куда собрался? Сейчас лучше не высовываться. Посиди дома, прошу тебя.

— Я не сейчас... Завтра... — задумчиво сказал Кайл. — Там все равно движок разрегулирован. — Он уже сделал шаг в коридор, потом остановился, словно споткнувшись, и вернулся в гостиную. — Отец... — спросил он глухо. — Отец, ты знаешь... Мы никогда с тобой не разговаривали о матери. Только когда я был еще совсем маленький. Тогда ты много мне рассказывал о ней, а я ничего не понимал. Всего и запомнил из тех времен, что всюду строили дома вместо разрушенных и по радио все время передавали сводку радиационной обстановки. Как получилось тогда, что я уцелел, а мама...

Отец долго смотрел на него, потом отвернулся и сказал в пространство перед собой:

— Колонна с эвакуированными тогда напоролась на голема. Погибли почти все. Только несколько малышей уцелели... и их спасали в лесных скитах люди Джея. Ты до года жил там. А потом Квинт... Он меня нашел и привел к своим — за тобой. Слава богу, что всех нас — от мала до велика — тогда пометили. Да ты и сам видел свою татуировочку на сгибе локтя.

— Ты мне никогда про это не рассказывал. — Кайл потер лоб. — Я, впрочем, и не

спрашивал.

— Квинт тогда так и сказал, что не надо тебе об этом говорить, пока ты не спросишь сам.

С машиной Кайл провозился до ужина. Ел, почти не замечая, что отправляет в рот. Отец по-прежнему был мрачен и тоже ел молча, погрузившись в себя. По «Ти-Ви» гнали выступления политиков разного калибра. Теперь о Драконе гудел весь Джей. Через полслова вспоминали эпоху Катаклизмов. С часу на час ожидали выступления заместителя Главнокомандующего. Президент как на грех очередной раз гостил в Метрополии. Дракон спалил пару причалов Джолипорта, разогнал эскадрилью перехватчиков и в гордом одиночестве барражировал теперь вдоль гор.

С отцом они не обменялись и парой слов. Тот, если о чем-то и догадывался, не вмешивался в планы сына и продолжал сидеть перед экраном, а Кайл отправился на кухню. У него были свои дела.

Под мягкое шипение моечного агрегата он привычно, словно собираясь на очередную вылазку «на раскопы», наготовил себе на два дня сандвичей и упаковал их. Залил кофе в пару термосов. Все это отнес в машину и сунул в камеру с охлаждением. Потом загрузил в багажник миноискатель, интроскоп и еще кое-что из своего оснащения. Постоял под душем, заставил себя проглотить снотворное и, не дожидаясь возвращения Павла, свалился спать.

* * *

Дважды за вечер из-за горной гряды ветер доносил отдаленную канонаду. Где-то работали системы зенитного огня. А ночью через Вестуич, завывая сиренами, прошла первая колонна тяжелых военных грузовиков. Судя по маркировке, это уже не было Ополчение. В ход пошли Федеральные Войска. За ночь через город прошли еще три такие колонны.

Глава 2

ПОЛЕ ДЕВЯТИ ЛУН

Кайлу всегда удавалось просыпаться рано. Он побаивался, что Павел опередит его — привычки у них были одинаковые, но переезд из Нью-Чесли, видимо, выбил Сухова из привычного ритма жизни: как-никак, другое полушарие. Из комнаты гостя доносились приглушенные рулады храпа, свидетельствующие о неплохой глубине его сна. В предрассветной мгле, зябко поживаясь и ощущая каким-то шестым чувством росу на листьях деревьев, кустов и трав, окружающих дом, он добрался до гаража и возблагодарил Бога, когда заранее смазанная и отрегулированная створка ворот, не издав ни единого звука, бесшумно скользнула вверх и ушла в паз под крышей.

Звук мотора мог потревожить чуткий сон его старика, но тут уж было поздно тревожиться. Кайл на порядочной скорости вывел машину на улицу, миновал окраину городка, врубил режим воздушной подушки и, набирая скорость, понесся по-над степью, поднимая тучи водяной пыли, сдуваемой аэродинамической струей с мокрых с ночи трав. Он по прямой шел к северной оконечности предгорий. До плато Храмов было километров сто восемьдесят. Только когда джип прошел половину пути, Кайлу стало по-настоящему страшно.

* * *

Отец Кайла не стал подниматься в верхнюю комнату, где спал поздно вернувшийся Сухов, а воспользовался блоком связи, разбудив гостя звонком. Павел не сразу врубился в смысл происходящего:

— Нет, господин Васецки, он не предупреждал меня о поездке. Нет. Не могу и предположить. Нет, вы не побеспокоили меня, я встаю примерно в это время.

Звук отбоя. «Куда его черт унес?» Сухов покрутил перед сонными глазами трубку блока связи и положил ее в гнездо. Вылез из приспособленного под спальное место ложементы настоящего звездолета — последнего когда-то крика моды среди «крутого» выпуска университета семилетней давности. Трогательно, что Кайл сохранил в комнате для гостей этот его подарок. Под ионным душем голова Павла прояснилась. Натягивая джинсы и майку, украшенную шаржем на себя самого, он на секунду замер.

«Ну точно! — сказал он сам себе. — Известно, куда он подался. Господи ты боже мой... Но блок-то связи мог с собой захватить? Старик волноваться будет, а ему, дураку, хоть бы хны! Надо, чтобы Марика к нему заехала».

Он включил новости и, запивая сложного устройства бутерброд, купленный в заведении Дага, собственного приготовления чаем, вперился в экран.

Шальной Дракон, поднатужившись, вытеснил с первого места в списке новостей даже развод дочери спикера парламента и нападающего «Юнион старз», а это что-нибудь да значило.

Чертов феномен за ночь совершил круг почета над Западным побережьем, производя уйму радиопомех, нанес ущерб не убранному еще урожаю в округе Ориоли (поджег поля), осквернил — каким именно образом, в кратком выпуске не сообщали — монумент Отцам-

Основателям в региональной столице, принудил к вынужденной посадке рейсовый лайнер, посрамил ПВО трех провинций и уничтожил две ракетные установки, развернутые в районе центрального шоссе Федеральными Войсками. Последний эпизод сопровождался жертвами. Теперь, судя по наблюдениям со спутников, Дракон снова двигался к горам.

Сухов чертыхнулся, вытащил из ящика стола карту побережья и фломастером приближенно пометил на ней передвижения злокозненной твари. Скривился и спрятал карту в сумку, рядом с «Джейтестом». Потом подтянул к себе блок связи и набрал номер Кайла. Послушал минуты три длинные гудки, чертыхнулся еще раз и стал звонить Марике. Договорился с ней о планах на вторую половину дня и торопливо покинул дом Васецки. По украшенным желтой осенней листвой улицам Вестуича он зашагал к серебрищимся над краснокирпичными стенами башням физического факультета. Когда он уже входил в здание, над городом завывали сирены.

* * *

Кайл причалил к наиболее презентабельно выглядевшему храму Желтой (быстрой и злой) Луны. Вылезая из машины, он внимательно присматривался к уже откровенно осенним, набухающим дождевыми тучами небесам.

«Господи, — сказал он себе. — Господи, что за глупость я делаю. Я сам никогда бы не пошел на это. КТО-ТО ВЕДЕТ МЕНЯ».

Подойдя к сооруженным уже много позже Катаклизма, когда храм использовали под какой-то склад, железным ржавым воротам, он не без труда сдвинул вбок по направляющим полозьям одну из створок и стал торопливо перетаскивать свой багаж в душноватую, пропахшую еще летом тьму, царившую внутри причудливого здания. Покончив с этим и убедившись, что до дождя еще не скоро, он вооружился миноискателем и двинулся по периметру плато.

Оно было невелико — километра два в длину и не больше семисот метров в ширину, но все девять относительно мало разрушенных временем храмов спокойно умещались на нем, и каждый из них стоял как-то обособленно и одиноко. Три — словно вросли в каменную стену, на сотни метров вздымающуюся с востока, шесть — одинокими башнями тянулись вдоль всей каменной ступени плато, с запада обрывающейся в бездонную пропасть. Только там, где к храмам вела грунтовка, откос был не так уж крут и через лесок спускался к быстрой воде горной речки.

Дождь полил, когда Кайл уже слегка устал от возни с шестью пьезодатчиками и примитивным миноискателем. Микросейсморазведка не была его любимым ремеслом. Поэтому он торопливо накрыл свое хозяйство полиэтиленом, края которого прижал валяющимися поблизости камнями, и, помолвившись, чтобы ветер не был слишком сильным, кинулся под укрытие сводов храма.

Молитв его Бог явно не услышал. Ветер налетел яростными, непрерывно следующими друг за другом порывами. Струи дождя хлестали по железу ворот, по чему-то не менее гулкому в высоких сводах, по чудом не унесенному ветром полиэтилену. Стало довольно темно.

Кайл врубил походный компьютер, ввел полученные за последние четыре с лишним часа данные и поколдовал немного с клавиатурой. По экрану дисплея поползли

промежуточные таблицы. Кайл устроился на полу, прислонившись спиной к теплой стене, и прикрыл глаза. Надо было немного подождать. Конечно, дело бы значительно ускорилось, если бы он подключился к планетарной сети, но тогда вся секретность его затеи полетела бы в тартарары. Да и выдавать себя радиосигналом он не хотел.

Скосившись на брошенный рядом с одним из рюкзаков блок связи, он только грустновато скривился: с тех пор, как он отключил сигнал, судя по показаниям индикатора, его вызывали уже восемнадцать раз.

Наконец на экране возникла конечная схема. Кайл принялся изучать ее под разными ракурсами и при разном увеличении. По крайней мере было ясно, что старый подземный ход, соединявший четыре из девяти храмов, не разрушен. И вдоль его западной стороны и чуть ниже залегает нечто, гораздо более плотное, чем горная порода, слагающая плато. Вполне возможно, что все эти сведения можно было получить в Центральной археологической службе Джея, но в том, что кто-либо тратил время на микросейсмическое обследование уровня фундаментов храмов, Кайл сильно сомневался.

В свое время — еще в период первоначального освоения Джея — храмами очень интересовались, но раскопки первых исследователей не принесли существенных результатов, а после того, как Храмовое плато превратилось в место вялого паломничества туристов (местного люда с противоположного полушария Джея в основном), престиж этого объекта среди профессионалов стал падать. После Катаклизма с туризмом надолго было покончено, и часть храмов даже пытались переоборудовать под производственные нужды. С тех пор для археологов на Девяти храмах был поставлен жирный крест. Так что лихой налет Кайла был, пожалуй, единственной за три или четыре десятилетия серьезной попыткой заглянуть под фундамент храмов.

Пока он промерял расстояния и прикидывал объем предстоящей работы, в храме стало совсем темно. Какой-то звук добавился к привычной песне дождя там — снаружи.

* * *

Марика дожидалась Павла в открытом летнем кафе на Парковых аллеях. Посетителей здесь, кроме них, почти и не было. Заказали оба только кофе. Остальной провиант представляли не тронутые с утра завтраки в стандартных пакетах — пицца, кетчуп, зелень.

— Так ты решил, что Кайл двинул на Храмовое плато? — Вид у девушки был одновременно и растерянный, и очень решительный, серьезный. Настолько серьезный, насколько он мог быть таковым у Марики Карои.

— Он об этом говорил. Правда, очень коротко — одно-два междометия. — Павел пожал плечами. — Я тогда сказал ему, что нечего высовываться из города. И думал, что он от этой мысли отказался. Видно, маху дал. И почему он свой блок связи вырубил, не возьму в толк.

— Он... Было что-то такое, чего он нам не говорил. Чувствовалось в нем какое-то напряжение. Или шок с ним какой-то был. Я это заметила еще раньше. До того, как ты приехал.

— Вот что, — решительно поднялся из-за столика Павел. — Я сейчас дуну туда — на плато. Это час пути, немногим больше. А ты...

— Я — с тобой, — решительно сказала Марика.

— Вот этого делать не стоит. Займись лучше его стариком — он сам не свой. И кому-то

надо забрать результаты у Фрэнка.

— Вот ты сам их у него и забирай. В конце концов, ведь это ты его друг, а не я. А я лучше сама поеду к храмам. Я уж смогу Кайла отговорить от этой глупости, в каком бы состоянии он ни был.

Девушка тоже поднялась из-за столика и сунула пакет с остатками провизии в утилизатор. Стала раскуривать «Житан». Павел посмотрел на нее неодобрительно.

— Давай определимся, — строгим голосом сказал он. — Какую, по-твоему, глупость решил учинить Кайл? Нам сейчас важно понимать друг друга. Однозначно.

— Да тут все ясно: он всерьез воспринял эту ерунду. Ну, что ему на Поле Девяти Лун сражаться с какой-то напастью предстоит. А тут эта дрянь летучая откуда ни возмись. А ты еще додумался ему эту идею про Храмовое плато подкинуть. Спасибо тебе, как говорится.

— Ну, я не знал, что он в таком... состоянии. Хотя тоже какое-то ощущение было. Все-таки, может, вас чем-то там отхлестало — в подземелье этом. На него вроде подействовало, на тебя — нет.

Марика странно поглядела на него. Они помолчали немного, так и оставаясь стоять у столика.

— Посмотри. — Павел развернул на нем карту, которую весь день с утра после каждой сводки новостей разрисовывал фломастером. — Эта самая дрянь кружит где-то совсем рядом. Еще утром — сама, наверное, видела — ее опять над городом пронесло. Правда, на этот раз без фейерверков обошлось.

— Ты думаешь — это неспроста? Ее... Его — Дракона — туда...

— Туда — тянет? На Храмовое плато? На Поле Девяти Лун? Это все чушь и бред, — остановил прерывистый ход ее мыслей Павел. — Но случайно его может занести именно туда. А ты учти, что если Кайл ведет себя странно, то... У него с собой есть какое-нибудь оружие?

— Да нет, скорее всего. Когда речь идет о такой штуке... Какое может быть оружие? Его зенитные ракеты не берут. С дробовиком Кайл на Дракона, что ли, пойдет?

— В том-то и дело. Если он слетел с катушек, то вполне может повести себя... неадекватно. Вреда он этой махине причинить не сможет ни малейшего, а вот спровоцировать ее на нападение — запросто. — Павел помолчал. Тоже достал сигареты и, неодобрительно вздохнув, прикурил у Марики. — Плюс еще, — добавил он, — вокруг ВВС крутятся. И федералы, и Ополчение, и спецвойска какие-то. Тут такое побоище выйти может. И не захочешь, под раздачу попадешь.

Они оба снова присели на свои стулья, нервно покуривая.

— Но ведь ты говоришь, что его — Дракона — только случайно может туда занести, на плато. И потом, что говорят твои физики?

Вопросы Марики явно отражали страшно запутанный ход ее мыслей.

— Я уже сказал: ничего они пока не объяснили. — Щека Павла нервно дернулась. — У них там какая-то заминка. Неприятность. Вот что. Я сейчас двигаю к Фрэнку и ускоряю это дело, как могу. А ты — жди. Тебе действительно, может, с ним легче общий язык найти, с Кайлом. Но одной тебе туда нельзя. Продолжай его вызывать по блоку.

— Может, полицию известить? Пока ничего еще не случилось?

— А на каком, черт возьми, основании? Кайл — не дитя малое. Пользуется свободой передвижения. Хочет — выходит на связь, хочет — нет. Посмеются над нами копы.

— Ну, может, что-нибудь выдумать? — Марика пожала плечами. — Понимаешь, чтобы

только вытащить его оттуда как-нибудь.

Павел провел рукой по лбу.

— Знаешь, — вздохнул он, — давай лучше ничего не выдумывать.

* * *

Осторожно, стараясь не выдать себя ничем, Кайл подобрался к створкам ворот и начал раздвигать их, пытаясь производить как можно меньше шума. В образовавшуюся щель просунул плечо и постарался рассмотреть хоть что-то в рушащейся вокруг с небес сплошной пелене дождя. И увидел в ней нечто. Сначала ему показалось, что это костры горят на кряже гор, вздыбившемся над плато. Потом, оценив их яркость и расстояние до них, сообразил, что огни эти гораздо ослепительнее, чем могут быть любые самые яркие костры. И только еще через несколько секунд он понял, что это — ГЛАЗА ЧУДОВИЩА.

Вовсе не облачная гряда громоздилась поверх кряжа, застилая сочащийся через рваные тучи уже какой-то почти предзакатный свет. Нет. Угловатая стальная туша Дракона гигантским вороном устраивалась над плато. Скрип и скрежет сминаемых ею каменных глыб и был тем звуком, который так поразил Кайла.

Он отступил в глубь храма. Но, похоже, чуть опоздал. Словно вызывая на поединок, оглушительный каркающий гром огласил ущелья. Злой свет вспыхнул в глазах чудища настолько ярко, что заревом высветил потоки дождя. А потом Дракон выдохнул пламя.

Кайл был на середине внутреннего пространства храма, когда с оглушительным шипением белое пламя охватило плато. Волной покатилося по нему. Обжигающими языками сунулось в щели ворот и прорези окон. И погасло.

Темнота на несколько мгновений поглотила все. Ошалело протирая глаза, Кайл по обвивающей внутренние стены лестнице добрался до амбразуры. Согнувшись в три погибели, выглянул снова. Белый туман стоял над плато. Горячий и непроницаемый.

Кайл повернулся и, врубив интроскоп, стал торопливо искать то, что непременно должно было быть где-то здесь, под ногами, — вход в подземелья храмов.

* * *

— Только что передали. — Павел кивнул на мерцающий экран. — Черт его действительно туда принес. Дракона, я имею в виду. Перемещается в районе Храмового плато. Сейчас его должны бомбить. Район объявлен Зонай Сражения.

— Черт! Надо предупредить... — Марика стиснула смуглые кулачки. Ее гневный взгляд буквально прожигал экранчик блока связи.

— Уже. — Павел безнадежно махнул рукой. — Они ничего не хотят знать. Говорят, что предупреждение транслируется по всем каналам. Это действительно так. А мы только предполагаем, что Кайл там.

— Туда... Туда можно прорваться? Или все оцепили? — Девушка кусала губы.

— Они не могут оцепить все точки, куда принесет Дракона. Только гоняются на самолетах и бьют с земли ракетами. А он каждый час перемещается в неизвестном направлении.

— Нам надо туда. Надо вытаскивать Кайла.

— Ты оставайся. Вообще-то это сумасшествие.

— Не стану я оставаться. В конце концов, может, это все из-за меня.

— Вот что: ты продолжай долбить вызовами Кайла и... И поразмышляй: не может получиться так, что мы ломанем под бомбы на плато, а Кайло просто у друзей, в зюзю бухой отсыпается и беспокоить себя не велел? Я вдруг об этом подумал.

— Ты уж совсем меня за дуру держишь, — оскорбилась Марика. — Я весь день по городу мотаюсь, объехала уже всех знакомых и друзей. И подруг, — добавила она с легкой долей яда.

— Ладно. Я сижу у Фрэнка — жду итогов. Сразу после этого встречаемся и... В ночь туда соваться, может, и бессмысленно, но, с другой стороны...

— Будь решительнее, Павел! — резко закончила разговор Марика.

* * *

Пустоту под ногами Кайл нащупал быстро. Гораздо больше труда пришлось затратить, чтобы разобраться в том, где же все-таки находится вход в подземелье. Сначала он думал, что ход тайный и надо найти какую-то сдвигающуюся колонну или поворачивающуюся плиту. Такие штуки часто описывали в экзоархеологической литературе. Но все оказалось много проще. В период «хозяйственного использования» храма все эти хитрости, если они и были, порушили к едреням, а оставшийся провал в полу заложили бронеплитой, а позже — зацементировали.

Пока до Кайла доходила безвыходность ситуации, Дракон, видимо раздраженный отсутствием соперника, «стал на крыло» и с дьявольским свистом и громом принялся барражировать над плато. Еще пару раз дохнул огнем.

Плиту с места сдвинуть вручную было практически невозможно. Но вот разобрать напоминающую фигурки древнего «тетриса» кладку пола рядом с ней оказалось довольно легко. К тому времени, когда дождь снаружи сошел на нет, предзакатный свет залил храм, а Дракон перешел к прицельному метанию обломков скал, Кайл уже сбросил вниз часть своего оборудования и пролез в полого уходящий вниз лаз. Вопреки его ожиданиям, там было сухо. И ужасающе тихо.

* * *

— Забери эту штуку, и поскорее. — Фрэнк подвинул ларец по столу ближе к Павлу. — Потом нам надо будет... поговорить хорошенько. Но не сейчас. Вот мое заключение. — Он положил на ларец стопку распечаток. — Прочти и часам к семи подходи в «Орел» — там можно спокойно поговорить. Кстати, не советую эту штуку помещать в сейф. Или вообще в металл. Очень не советую, ты понял?

— Значит, — Павел почесал нос, — эта штука все-таки не простая?

— Нет. Не значит. «Эта штука» — достаточно простая. Хотя, действительно, может светиться и гудеть. В определенных условиях. Но — ничего больше. Странности не в ней, странности — где-то вокруг.

Сухов слегка скривился:

— Спасибо, старина. Ты мне здорово все разъяснил. — Он заботливо уложил «Джейтест» в сумку, сунул туда же распечатки с заключением Фрэнка. — Будем надеяться, что в «Орле» за пивом ты будешь выражаться яснее, — вздохнул он.

Выйдя под начинающийся дождик, Сухов стал думать, как бы побыстрее добраться до гаража Альдо. Пока он ломал голову над этим, там, вверху, за тучами, в сторону Храмового плато прошли две тройки стратегических ракетноносцев.

* * *

Кайл очередной раз зацепился макушкой о потолок туннеля и остановился, прикидывая пройденное расстояние. По всему получалось, что он добрался до того места, где стоило покопаться. Он прислушался к предельно приглушенным звукам, доносившимся сверху, и, благословясь, включил интроскоп.

На мгновение странное чувство охватило его: словно и не нужен ему этот прибор. Долю секунды, всего лишь долю, ему почудилось, что он каким-то иным зрением видит, точнее, *ощущает*, какой-то лабиринт — сложную сеть переходов и каких-то дверей, соединяющих... Что с чем соединяющих? Впрочем, оно почти тут же покинуло его — это чувство.

Под землей возни ему досталось намного больше, чем на ее безнадежно мокрой поверхности. Он начал уже вторую дюжину шурфов, когда наткнулся на то, что, наверное, и искал. Менее чем в двух метрах от стенки туннеля.

Отбросив зонд, он взялся за кирку, потратил, как ему показалось, вечность на то, чтобы вынуть пару каменных плит из их гнезд, и через несколько минут из толщи обваливающегося пластами известняка перед ним освободилась не тронутая коррозией металлическая поверхность сложного рельефа. Чувствуя, что вымотался вконец, Кайл отступил в глубь скупое освещенного переносным фонарем туннеля и сел на образовавшуюся горку земли.

И почти сразу сверху, с поверхности, на него обрушился нечеловеческой силы гром. Стены туннеля дрогнули, свет фонаря померк в осыпающейся со сводов каменной мелочи. А с поверхности один за другим неслись новые и новые удары.

«Бомбят, это бомбят», — сообразил Кайл.

* * *

— Там все-таки патруль. Смотри. — Марика указала Сухову. — Всего-то пара мужичков...

У дороги действительно притулился бронетранспортер с далеко заметной эмблемой Ополчения и болтались взад-вперед две фигурки в намокших капюшонах.

— Ну и не будем лезть на рожон, — умиротворяюще игнорировал агрессивный намек спутницы Павел. — Каньонами пойдем. Там — ни души. Это — как бог свят. Тяжело сторожить степь.

Он резко сбавил высоту, и вертолетик, арендованный у Альдо, — маленький, словно игрушечный, но легкий в управлении и маневренный, — помчался теперь к северу, почти задевая верхушки высоких трав. Овраги, сначала неглубокие, а потом все глубже и все круче,

уже становящиеся балками, ветвями каньона, стали встречаться довольно скоро. Павел нырнул в первый же и повел машину ниже обреза его краев. Сначала внизу, среди разгребаемой ветром от винтов травы, можно было различить спины разбегающихся во все стороны свинграмов и кикуан. Потом туда, на дно, пришла ночь, и стало все трудней и трудней оценить глубину балок. Только склоны становились все круче и все дальше отходили друг от друга.

А над степью все еще стоял день. Поздний, угасающий, но все еще день. И гром-птицы не убрались с неба. Но что-то тревожило их. Редкие стаи сместили свои круги. В сторону. К западу, к западу.

«Туман скоро встанет из низин», — подумал Сухов, стараясь выдерживать курс на плато. Сверху, совсем низко, прошли два штурмовика. Но не по их душу. Сейчас уже никому не было дела до трескучей игрушки, по морщинам лика планеты подкрадывающейся к страшному месту. Марика съежилась на своем сиденье. Теперь пробрало и ее.

Плато встало над ними неожиданно. Все сверкающее в лучах заката после закончившегося дождя. Как всегда, чуждое всему. Как всегда, таинственно-отрешенное и древнее какой-то чужой стариной. И над ним шло побоище. Сражение.

* * *

Кайл, откопал все-таки погребенный в обрушившейся со сводов туннеля земле фонарь, привел его в чувство и широким лучом осветил осевшую стену.

Сначала он просто не понял, что видит перед собой. Стена словно стала железной, анодированной. Потом он сообразил, что перед ним открылось ЭТО — то, что он искал. Нагромождение сложных частей, плотно входящих одна в другую. Сочленения сверкающего металла, словно не тронутого временем.

Он подошел к таинственному устройству вплотную. Прикоснулся к гладким поверхностям, взялся за тяжелые рукояти. Магия древних знаков, впечатанных в металл, затронула что-то внутри его. Холод этой стали пронзил душу.

«Это не случайно, — подумал Кайл. — ВСЕ ЭТО НЕ СЛУЧАЙНО. Ведь сложи эти знаки в надпись кто другой... Да сколько человек в Мире смогли бы хотя бы понять, что это вообще надпись... ЧТО-ТО ВЕДЕТ МЕНЯ». Он тронул рукояти. Они поддавались легко. Одна, другая... Скрежет оглушил его. Крошащийся камень посыпался на голову, забивая рот. Свет не кончившегося еще дня ударил в глаза.

Почти в километре выше стрелок штурмового вертолета увидел, как примерно посередине между двумя чудными башнями, там, внизу, вздыбился мокрый песчаник. Взорвался бесшумными фонтанами. И из открывшегося котлована стремительным разворотом, словно наводимый невидимой силой, вынырнул, снова вжался в свое основание и косо уставился в небо громадный, с храмом сравнимый размерами, сверкающий белым огнем СТВОЛ.

И глаза того, кто еще в полтора километрах выше описывал круг над плато, над храмами, над боевыми вертолетами, кружащимися в карусели, тоже увидели это.

* * *

Пытаясь сориентироваться, Сухов через плечо бросил взгляд назад. Звезда, торопливо уходящая за горизонт, на мгновение красными пятнами поплыла у него перед глазами. И он чуть не влип.

Гибели избежать ему удалось поистине чудом. Прямо в лоб вертолету, вынырнув из-за края каньона, со стороны плато, косо, оставляя за собой дымный шлейф, прошел пылающий штурмовик. Там, за спиной, упал в каньон. Грохнулся в склон. С ревом превратился в столб пламени.

Вертолет крутануло. Бросило к земле. Под лопастями винтов затрещали срубаемые ветки корявых, к степи приплюснутых деревьев. А потом машину повело вверх, задрало боком, закрутило.

Павел каким-то чудом выровнял аппарат как раз вровень с обрезом плато. И тут над ними в небо взмахнул Дракон.

Он был именно таким, каким его уже несколько раз показали по «Ти-Ви». И все равно поражал воображение — весь из хитроумно набранного металла, из входящих друг в друга сочленений и агрегатов. Из сверкающих и вороненых деталей, каждая из которых складывалась из сотен других, не менее сложных. Даже отливающие цветами опаленного пламенем ада металла его крылья — асимметричные, числом то ли семь, то ли девять — сложены были гипнотически замысловатой мозаикой лезвий-перьев, каждое из которых было с авиалайнер размером и, видно, не проще того устроено. Казалось, ни одной одинаковой части не было в этой жуткой машине.

Потом Павлу вспоминалось, что все это в считанные доли секунды вошло в него, заполнило мозг. Но, скорее всего, это была просто иллюзия памяти.

* * *

Дракон гигантской — в километры — аркой выгнулся над плато, над перевалом, над грядой Шепчущих гор. И арка эта стала менять свой изгиб, вытягиваться, становиться чем-то вроде исполинского копья, целящегося во что-то там, на плато. Или на перевале. Но прежде, чем копье это извергло струю белого пламени, другое пламя, слепящее и жестокое, ударило из конца в конец по плато, под ним.

Павел, как всегда в таких случаях, запоздало закрыл руками глаза, приготовившись к тому, что ударная волна сомнет вертолетик в кучу обломков. Но их всего лишь тряхнуло, как на ухабе. Склон горы, в который ушел заряд, засиял медленно угасающим пятном раскаленного гранита. Темнеющая на глазах лава потекла по нему. Огненными углями полетели вниз, срывая по пути новые и новые лавинки, раскаленные камни.

Пытаясь хоть что-то рассмотреть через плавающие в глазах оранжево-белые пятна, Сухов на малой высоте пополз над плато. Прежде чем зрение мало-мальски вернулось к нему, где-то за спиной дохнул пламенем Дракон, и тут Павел, шестым чувством угадав предстоящее, успел защитить глаза: еще раз полыхнуло огненной плазмой откуда-то снизу. На этот раз — не впустую. Рев Дракона разорвал уши, громовым эхом отозвался в горах.

Посмотрев вверх, Павел только охнул: пылающее чудовище закладывало в небе новый вираж. Казалось, прямо на них. И тут Сухов окончательно ослеп: снизу снова ударило белое пламя. Третий раз. Все, что он успел увидеть, — это как металлическая птица стала от проглоченного огня белым беспощадным солнцем. Занимающим полнеба. Угловатым и

разваливающимися в клочья.

«Сейчас ЭТО рухнет на всех нас — и все! — подумал Павел. — Глупо как-то вышло...»

Но Бог Войны был милостив к ним: громада Дракона не сокрушила крошечный вертолет, не смяла в пыль Поле Девяти Лун. Гигантской декорацией она ушла за близкий горизонт перевала. И ослепительное зарево рвануло оттуда. Земля дрогнула. До горизонта встали над степью гейзеры пыли. Тяжело оседая, посыпались стены каньонов. Плато под ними дрожало. Рассыпались каменные стелы и нефы храмов. Марево каменной крошки кипело вокруг них. Еще раз или два полыхнуло и ударило громом. А потом стало тихо.

Только еле слышно жужжали винты над головой. Только жалобно подвывала от ужаса Марика. Скула у нее была не на шутку рассечена. Да и Павлу здорово досталось за эти считанные секунды. Когда и обо что он в кровь стесал колено, он так и не смог понять. Носом он, судя по пятнам крови, вписался в панель управления. Руки и ребра были, по крайней мере, в общем-то целы. На затылке назревала здоровая шишка. Сам удивляясь тому, что что-то еще видит, и тому, что Звезда все так еще и стоит над горизонтом — совсем не яркая теперь, — он понял вдруг, что там, внизу, со сверкающего металла какой-то непонятной громадной зенитки спускается фигурка человека.

Кайл.

* * *

Вертолет завис над ним и неуклюже, но достаточно осторожно приземлился в десятке метров слева. Павел и Марика, непохожие на себя, вымазанные в крови, вмиг осунувшиеся, кинулись к нему.

Кайл даже не пошел — пошкандыбал им навстречу. Правая рука его висела плетью, копоть покрывала лицо и обгорелые лохмотья, в которые превратилась одежда.

— Х-ходу отсюда, — только и произнес он, свалившись на руки Павла. — Смотрите: сейчас тут будут эти. — Уцелевшей рукой он показал на набухающие в небе силуэты штурмовых вертолетов.

— Ну ты дал! — восхищенно гудел Сухов, торопливо поднимая вертолет. — Дракошу завалил. Откуда там этот огнемет чертов?

— Нашел... Согласно инструкции... Н-нашел м-меч и дал бой. Ужасу своей земли. На Поле Девяти Лун... У тебя кровь, Марика, — несколько бессвязно отозвался обрабатываемый комплектом первой помощи Кайл. — Г-где эта штука?

Марика лихо нажала на спуск иньектора с обезболивающим.

— Какая? «Джейтест», что ли? — сразу не понял вопроса Павел. — Не изволь волноваться — у Марики дома, на сохранении. От греха подальше забрала. Чтоб ни меня, ни тебя в коробочке этой копать больше не потянуло. Кое-что о ней ты еще услышишь. Но только не грешни бога ради ты на эти камушки. Это же надо, чтобы все так наложилось... Станешь еще себя считать посвященным в Воины Зу.

— Нет, — сухо ответил Кайл. — Н-не стану. «Джейтест» еще не окончен.

* * *

Никто так и не заметил, когда наконец зашла Звезда. В степи по-прежнему было светло. Но не от ярких и торопливых лун, которые уже пустились в свои вечные перегонки по небу. Там, за первым горным кряжем, что-то продолжало гореть и взрываться, и трепещущее, неровное, но порою ослепительно яркое зарево подсвечивало грозовые облака, плывущие вслед за вертолетом.

Авиация не стала их тревожить. Минуты две параллельным курсом шел геликоптер Ополчения. По радио запросил, не требуется ли помощь, и отвалил. Но из виду маленький вертолетик, побывавший на плато СРАЗУ ПОСЛЕ, явно не упустили.

— Вот что... — Павел попытался почесать разбитый нос и скривился. — Вы, друзья, понимаете, что теперь из нас с вами душу напрочь вынут.

— Это за что? — решительно спросила Марика.

— А за то, что уж больно вовремя оказались именно на том самом месте. Никому ведь и никогда не докажем, что все это — случайное совпадение.

— А и не было ничего случайного, — сказал притихший было Кайл. — Мне кажется, что даже то, что именно мы нашли этот... это...

— Так вот, — морщась, как от клизмы, остановил его Сухов. — Есть такое мнение, что нам с вами стоит помолчать про вот эту как раз потеху... с кубиками...

Все приумолкли. Потом снова сбивчиво, но очень уверенно заговорил Кайл:

— Нельзя... никому... Эт-ту ш-штуку з-зарыть надо к чертовой матери!! В море выбросить!

— Со штукой-то этой — после разберемся, — снова притормозил его Сухов. — Пусть пока у Марики помаринуется. На чердаке или еще где-нибудь там. Нам сейчас надо придумать, что врать-то будем. С чего понесло нас всех хором к Дракоше на свидание.

— Журналисты нас со свету сживут, — размечталась девушка.

Кайл фыркнул:

— Журналисты, Марика, — это сушая ерунда по сравнению с господами в погонах. Они в холодном поту просыпаются при мысли, что кто-то может разбудить еще одну этакую птичку.

Павел с легким сожалением окинул взором своих собеседников:

— Кто в холодном поту вскакивает, а кто только и мечтает такую, извините, вещь у себя в клетке содержать. Там одних технологий понапихано — за сто лет не разберешь. Ведь даже ВВС планеты ни хрена ей не причинили.

— Ну, это еще не аргумент, — пожал плечами Кайл. — ВВС наши — говно. Это всякий знает. Старье из старья. Какое оружие может быть на планете, где испокон веку никто ни с кем воевать и не думал? А в общем, ты прав. Комплекс на эту птичку будет зариться. И из нас кишки тянуть.

— Вот-вот. Поэтому не стоит им голову морочить еще и нашим коробочком. Скажем так: на основании каких-нибудь... гм... соображений у тебя возникла мысль, что на плато захоронено некое древние орудие из арсенала Империи. Ну и когда объявился Дракон...

— Это ничем не подтверждается. Никаких же документов... Текстов...

— Ерунда, я подкину. Этой ночью накопаю в своем архиве. Черт, он у меня там — в Нью-Челси. Ну ладно, свяжусь по сети, да и у тебя в бумагах пороюсь, с твоего позволения. Теперь ты, Марика. Ты гни свою линию на чистый энтузиазм.

Сухов пригнал машину прямо к гаражу Альдо. Встречал их аж сам хозяин.

— В жизни не дал бы тебе машину, гробокопатель чертов, — благодушно сказал он, убедившись, что машина, вообще говоря, не пострадала. — В жизни не дал бы, если б знал, что ты намылился ТУДА.

— Откуда дровишки? В смысле — откуда ты знаешь, куда меня носило? — поинтересовался Павел, доставая из бумажника электронную кредитную карточку.

— Да «Ти-Ви» крутило что-то вроде прямого репортажа. И мой «колибри» — на первом плане. У меня так ползадницы и отвалилось. Парню, — он присмотрелся к Кайлу, — кажется, лучше пообщаться с врачом.

— Сейчас сделаем. А ты, выходит, мне еще пузырь должен за рекламу.

— Делаю скидку — двадцать процентов, — серьезно ответил Альдо. — Двадцать пять. Давай сюда карту. Что было-то ТАМ?

Сохраняя загадочный вид, Павел помог друзьям усесться в свой флаер, оставленный тут же, у Альдо, и тронул его в направлении дома Кайла. Там их ждали.

У ворот стоял приземистый правительственный кар, а прибывший на нем моложавый, коротко стриженный блондин с военной выправкой мирно беседовал с Васецки-старшим.

Увидев прибывших, он извинился перед собеседником и, улыбаясь, направился к ним навстречу.

— Рад видеть вас живыми, — сказал он, переводя внимательный взгляд с одного члена лихой тройки на другого. — Простите, что не даю вам даже в себя прийти с дороги. Надеюсь, не отниму много времени. Разрешите представиться: лейтенант Стырный. Госбезопасность Республики Джей.

Отец был, пожалуй, единственным, кто не задавал Кайлу никаких вопросов. Проводив порядком притомившегося за четыре часа дотошного «собеседования» лейтенанта до дверей, он эту дверь решительно захлопнул перед носом двух десятков представителей здешних масс-медиа, уже слетевшихся к месту обитания новой знаменитости. Потом достал из холодильника и поставил на стол остатки запасов пива. А перед сыном положил мелко исписанную тетрадь — единственную память о его, Кайла, матери. Дневник времен Катаклизма, который они вели вместе. Раньше он никогда не давал его сыну. Считал, что те времена судьба намертво отсекала от теперешней жизни. Но теперь, видно, изменил свою точку зрения.

— Ваш пропуск! — Капрал сунул нос в документ и отдал Кайлу честь. — Доцента Васецки велено пропускать в любое время.

— Эти двое со мной, — как можно более уверенно сказал Кайл, используя до конца

возможности, предоставляемые ему как национальному герою регионального значения.

Возражений не последовало. Оставшиеся километра три их больше не беспокоили. Плато было безлюдно.

— Всех отсюда унесло, — констатировала Марика, окидывая взором безрадостный пейзаж. — А я думала, что сюда прямо паломничество начнется.

— Получилось наоборот, — отозвался, разминая затекшие после долгой езды ноги, Павел. — Слух прошел, что поганое это место. У Девяти храмов и без того плохая слава была. Типа «пойдешь — не вернешься». Слушай, Кайл, ты уверен, что про «Джейтест» наши дорогие «органы» так-таки и не догадываются?

— Я была нема как могила! — патетически воскликнула Марика. — В смысле — всякую чушь молола им два часа подряд. Но про коробку — ни слова.

— Нет, я тоже ничего им не сказал про... коробку, — морщась, сказал Кайл, — и про все с ней связанное. Нагородил, извиняюсь за каламбур, с три короба. Про вдохновение и про наитие. Не знаю — поверили или нет. Хотя — чему тут вообще верить? Повезли туда пушку смотреть. Но без особого успеха, ребята. Там, видно, в ней был механизм какой-то для самоуничтожения. Так что еще раз перекреститесь, что мы вовремя смылись. Но они все-таки все оттуда выгребли.

— Две недели ковырялись, — подтвердил Павел. — Нашего брата археолога и на пушечный выстрел не подпускали. Теперь все на Драконе переключились. На то, что от него осталось. Всю долину за перевалом просеивают через мелкое сито.

— И — хоть бы строчку о том, что наковыряли, — с возмущением примерной ученицы добавила Марика.

— Официальная версия — неизвестное устройство полностью уничтожено при падении. Серия ядерных взрывов. — Кайл дернул здоровым плечом.

— Чушь все это. — Сухов смахнул пыль с поверхности массивной тумбы. — И про гнездо — ни слова. Про разлом, из которого вышел Дракон. Все оцеплено, все забито саперами. Они археологам оставят только собственное дерьмо. — Он помолчал и добавил: — Как бы не добавил: они тут жучков разных.

— Здесь — вряд ли, — сказал Кайл. — Они ведь не могут заранее додуматься до всех маршрутов наших передвижений.

— Еще как могут, — не одобрил его легкомыслия Павел. — Я недаром подстраховался — флаер прокатный взял. И эту вот штучку. — Он достал из кармана плоскую коробку. — Глушит любую электронику на полкилометра. Ох и ямищу выбрали. — Он кивнул в сторону котлована, вырытого меж храмами — там, где из-под земли поднялась в ТОТ день плазменная пушка из арсенала Империи Зу.

— Они еще и три тысячи шурфов заделали, — не без уважения к мартышкиному труду военных добавил Кайл.

Друзья сдвинули ржавую створку ворот и вошли в храм Желтой Луны. Некоторое время Павел и Марика вертели головами, осматривая древнее, заполненное янтарной мглой помещение.

— Да, крепко строили древние, — с уважением сказала девушка. — Ведь потрянуло так, что летело все к чертовой матери. Реки русла поменяли, а тут... Стоит храм, и хоть бы хны.

— Здесь ничего не происходит случайно, — как-то отрешенно пробормотал Кайл.

Он прошел в глубь зала — к противоположной стене — и вошел в зал поменьше — четыре таких по углам обрамляли главное помещение. Там он остановился у довольно

удобной каменной тумбы. Друзья подошли к нему, с опаской поглядывая на уходящие в подпотолочную тьму своды.

— Ну, доставай вещь, — кивнул Павел Марике.

* * *

— Вот что получилось. — Павел разложил на каменных плитах листы распечатки. — Первое, что приходило в голову, это что «Джейтест» — какое-то устройство переработки и хранения информации на основе нанотехнологий Древних Империй. Предположение вовсе не беспочвенное. От времен Великих Войн сохранилась просто чертова уйма остатков разного рода устройств, сложно организованных даже на субатомном уровне, — кристаллические в основном устройства. Техника мономолекулярных слоев и все такое. Никаких признаков таких структур в «Джейтесте» обнаружить не удалось.

— Так что же, — после небольшой паузы спросила Марика, — просто кубики?

— Просто кубики, — задумчиво подтвердил Сухов. — Но тут оказалось одно свое «но».

— Значит, все-таки... — начал Кайл, но закончить мысль ему не дали.

— Вот послушайте и решайте сами. — Павел поскреб в затылке. — Сначала они... Ну, ребята, которые возились с этой штукой... Они сначала решили, что она — эта штука — излучает. Слабенько так — в диапазоне СВЧ. Но когда ее попытались заэкранировать, излучение не заглохло, а, наоборот, стало резко расти. И потом... начались еще какие-то побочные эффекты. Они не очень хотят об этом говорить, но настоятельно советуют подобных вещей не повторять.

— Так ларец излучает или не излучает все-таки? — с досадой спросил Кайл.

— Его облучают, — медленно и внятно ответил Сухов. — Откуда-то со стороны. Узким, направленным лучом. Причем направление, с которого приходит этот луч, очень часто меняется. Им так и не удалось однозначно взять пеленг. К тому же луч сложно модулирован, и похоже, не по одной несущей частоте. А сам ларец очень сложно рассеивает это излучение. Причем характер рассеивания сильно зависит от взаимного расположения элементов внутри этой вот коробки. Когда интенсивность облучающего луча резко возрастает, возникают пьезоэффекты — звук. И световые явления. Это, собственно, все, что пока удалось узнать.

— То есть он все-таки может повлиять... — попытался как-то сформулировать свою мысль Кайл. — Значит, наверное, какое-то устройство может зарегистрировать... Ну, воспринять положение этих чертовых кубиков как команду?

— Ну, мне такой термин подсказали... — Павел почесал нос. — «Пассивный управляющий элемент». Я, правда, в это не верю. Дело в том, что простейшая прикидка показывает, что для того, чтобы улавливать эти отражения... Эти пассивные сигналы... Для этого необходимы километровых размеров антенны. Огромные мощности. Где все это? Где? Голая степь кругом. И дикие горы.

Они помолчали.

— А все-таки в этом что-то есть. Ведь все это может быть запрячено. Замаскировано. Или иметь такой вид, что мы просто не понимаем истинного назначения всех этих... штук. Вот мы думаем, что храмы эти для каких-то культовых целей служили. А ведь это вообще-то довольно гипотетично. Здесь... Может, вообще Джей — это *особая планета*. Может... когда

я думаю про... про Древние Империи, иногда мне кажется, что Джей — *это и не планета вообще*.

Павел снова почесал нос. Вообще-то ему не чужда была эта мысль, только как-то примитивно выходило все у Кайла.

— Ч-черт, — сказала Марика. — Так что, может, я это и напрасно все-таки...

— Что напрасно? — тревожно поднял на нее взгляд Кайл.

— Да я тут попробовала... Но потом поставила камушки на место. Как было.

— О Господи, час от часу нелегче, — тихо, но зло сказал Кайл.

— Но ведь, как я понимаю, ничего так и не произошло? — внимательно глядя в глаза девушки, полуутвердительно произнес Павел.

— Ну, сначала совсем ничего. Кубики как кубики. Так их расставишь или иначе... Я и в темноте попробовала, и на свету. Никакого толку.

— *А тебе бы хотелось, чтобы обязательно вышел какой-нибудь толк?! —* спросил ее Кайл совсем уж дурным голосом.

— Понимаешь, — оправдательно заморгала своими невероятными ресницами Марика, — я совсем никак не могла поверить в то, что ЭТО — ЭТО.

Она проделала руками ряд неопределенных движений, которые должны были связать в сознании собеседников плоский коробок «Джейтеста» и грудку металла, громоздящуюся там, за гребнем хребта.

— А потом, — добавила она скромно, — потом я вспомнила про эти медальоны.

— *Ты про них все-таки все помнила,* — все тем же нехорошим голосом констатировал Кайл. — И ты пошла.

— Так я еще тогда... Когда землю затрясло... Когда мы из подземелья полезли, я этот черепок не успела на место положить. Ну, я и подумала, что это тоже играет какую-то роль. Я его снова нашла у себя в вещах... и надела... Накинула... и...

— И набрала новую комбинацию, — сухо закончил Кайл. — На «Джейтесте». И что случилось?

Марика тяжело вздохнула:

— Как в тот раз. Эта штука засветилась, и возник звук.

— *А потом?* — совсем уж страшным голосом спросил Сухов.

— А потом — ничего. Светиться эта штука перестала. И гудеть. И все.

— *Ты уверена?* — голос Павла звучал устрашающе.

— Да, вроде уверена.

— Так, — откашлялся Кайл, — а потом ты...

— А потом я поставила все кубики на место. Как они были. После того как ты...

— И — ничего? — все так же сурово продолжал допытываться Павел.

— А н-ничего и не должно было быть. Ведь теперь — не моя очередь. И потом, эта комбинация уже была. Хотя...

— А что написал тебе «Джейтест»? — тихо спросил Кайл. — Ты не запомнила?

— Я же не умею читать... *это*.

Сухов, тихо чертыхнувшись, отошел от стола. Кайл прикусил губу.

— Но я зарисовала, — растерянно утешила их Марика. — Вот.

Из сумочки на каменную тумбу вывалились связка ключей, набор косметики, зажигалка, микрокалькулятор, пачка сигарет, помада, записная книжка, потрепанная, но не сдающая свои позиции, кошелек с мелочью, куча кредитных карточек, уйма фломастеров и

других пишущих приспособлений и, наконец, свернутый в трубочку листок мелованной бумаги. Его Марика торжественно развернула и продемонстрировала друзьям.

Все трое склонились над зарисовкой. Сухов ожесточенно тер нос, Кайл скреб в затылке.

— Вообще-то текст проще, чем в тот раз, — несколько самонадеянно заявил Кайл, но удостоился строгого взгляда старшего товарища и скромно засопел.

— С виду — действительно просто, — произнес наконец Сухов. — Но понять можно. «Тебе надо быть послушным, чтобы истинных Двоих спасти от ложных Пятерых».

— По-моему, в таком контексте — не «послушным», а «внимательным», — дерзко вставил Кайл.

Как ни странно, Павел возражать не стал.

— Итак, Марика, будь внимательна. Или послушна, — с очень малой долей иронии сказал он.

Девушку передернуло.

— Не шути так, — неожиданно зло огрызнулась она и повернулась к Кайлу — то ли вызывающе, то ли в ожидании помощи и утешения.

— Наверное, у этой штуки завод кончился все-таки, — постарался тот смягчить неожиданную вспышку. — Раз на тебя не набросился никакой монстр. Спустимся к воде, ребята. Надо хоть отмыться, и вообще...

* * *

На берегу то ли небольшой речушки, то ли громадного ручья они задержались. Тихо было здесь, тихо и спокойно. Как-то без особых дискуссий они сошлись на том, что торопиться в город незачем. Слишком блаженная тишина стояла над этим уже осенним миром. Слишком долгая зима предстояла впереди — где-то совсем близко. Отмыв дорожную пыль, Павел соорудил из подручных материалов костерок, и только тогда все сообразили, что готовить-то или подогреть на нем нечего.

Сухов вооружился срезанной веткой кустарника и умудрился из обнаруженных в рюкзаках вещей сделать подобие лески и крючок. После чего замер над потоком в позе роденовского мыслителя.

Кайл, кряхтя, поднялся с подстеленного брезента и сообщил, что с голоду помирать не собирается в ожидании улова, а собирается сгонять до лесного поселка за перевалом — это не больше сорока километров — и там закупить что-нибудь съестное на всю компанию.

Глубоко оскорбленный недоверием к его рыбацким способностям, Павел не удостоил победителя Дракона никакой реакции и продолжал картинно высидеть над хрустальными струями, спиной к честной компании.

Марика, всплеснув руками, заявила, что с покалеченной рукой за руль Кайлу садиться не след и что смотаться за провиантом сможет она и сама. Демонстрируя свою правоту, Васецки уверенно шевельнул локтем и тут же скособочился, бесшумно матерясь. Потом пробормотал что-то про автопилот, но в конце концов сел на подходящий пенек и безнадежно махнул здоровой рукой.

* * *

До флаера Марике пришлось карабкаться по довольно крутому склону. Просто удивительно, как они не заметили этой крутизны, спускаясь к воде. Она потеряла довольно много времени, пробираясь через частый лесок «противолодочным зигзагом», и даже не особенно удивилась, увидев, что Кайл все-таки устроился за рулем. Видно, обогнал ее по прямой.

— Упрямый ты, Васецки, — сказала она чуть польщенно и забралась на заднее сиденье.

Кайл как ни в чем не бывало тронул аппарат. На автоматику он переключаться не стал, видимо, назло своему же малодушию, допущенному пять минут назад. Марика иронически улыбнулась в зеркало заднего вида и стала смотреть на полетевший за окном — назад и назад — пейзаж. По одну сторону от них, сливаясь в серую полосу, скользила стена скал, по другую зеленым пестрым месивом уносился вдаль лесок.

Вот он окончился. Открылся вид на речку. Стал виден костерок и две фигуры — одна у самой воды, другая — подальше, на пне.

Две...

Глава 3

ПРЯТКИ

— И ты в самом деле думаешь, что выудишь здесь что-нибудь? — иронически поинтересовался Кайл у Сухова, словно приросшего к своей удочке. — Все говорят, в горах, в реках, рыба на нет сошла. Вода дурная — из-за перевала идет. Дракоша постарался.

Он вдруг замолк и судорожно провел рукой по глазам. И с каким-то мрачным удивлением стал рассматривать свою ладонь.

— Ч-черт, перегрелся, кажется, — пробормотал он. — Знаешь, мне так вдруг... Как-то так стало... Ну, словно миллион лет... словно вечность вдруг прошла... вот так — здесь, сразу. И музыка... органная такая — по ушам.

— Чушь все это, — начал Павел и вдруг, краем глаза узрев нечто, приподнялся на полусогнутых — словно на стремянах.

Кайл с миллисекундным запозданием повернул голову туда же — в мутное, словно гноящееся, марево, стекающее вдоль каменной стены. Вверх, вверх, вверх. Сначала он увидел просто пыль. Облако пыли. А потом не столько разглядел, сколько понял, что пыль эту гонит перед собой нелепо кувыркающийся и все ниже и ниже падающий вдоль крутого склона флаер. И это мог быть один только флаер.

Не сговариваясь, они вскочили и сломя голову кинулись туда, к тому месту, где машина или то, что останется от нее, выкатится на мелкую гальку берега.

Перспектива обманула их, и бежать пришлось довольно долго. Кайл увидел, как, перевернувшись еще два или три раза, нелепо, на боку замер докатившийся до воды флаер. Какие-то отлетевшие от него части, поблескивая, опередили корпус машины и, подняв тучи брызг, вылетели на самую середину мелкой в этой части речки. А потом флаер вспыхнул.

Сначала пламя было каким-то электрическим, осыпалось искрами, но почти сразу сменилось коптящим, еле видимым в пегих струях дыма огоньком.

«Господи, — подумал Кайл, — да чему же там гореть? Теперь только лишь в кино про древние времена машины горят».

— Человек!.. Это человек там горит! — заорал Сухов. — Господи, Марика...

Кайл не ожидал, что поставленный на бок флаер так огромен. Он растерялся и не сразу сообразил, с какого бока толкать неподатливую громадину. Вразумил его Павел. Под их напором флаер покачнулся и с размаху стал на днище. Сильно помятый, с содранным покрытием, без бамперов, потерянных при падении, но в общем — как ни в чем ни бывало. Только за рулем его...

Кайл не мог понять, что видит ой перед собой. ЭТО не могло быть человеком — не горит человеческая плоть так запросто, словно скатанная в рулон ветошь. Но превращавшееся на глазах в пепел ЭТО было так похоже на человека. И оно уже не могло быть живым.

Как обезумевшие, они нелепо, зачерпывая воду ладонями и какими-то подвернувшимися железками, поливали, гасили ЭТО, а оно ломалось, оседало и, крошась тленом, падало в уносящую все быструю воду. Самым кошмарным для Кайла при этом был яркий, погожий осенний день, царивший в ставшем вдруг нелепым и бессмысленно жестоким мире. Потом он упал на колени — прямо как стоял, по щиколотку в воде, — и его вырвало.

— Эт-то не она, — тяжело дыша, выдавил из себя Павел. — Это вообще не человек. Там ведь должно остаться всякое — кости, ну эти...

— Коробочек, — зло выкрикнул Кайл в пространство перед собой. — Это коробочек проклятый крутит нами. Костяшки... Кубики... МАГИЯ... Она себе наколдowała это вот... Это какой-то огонь особый... Или яд...

Он энергично потряс головой, словно просыпаясь от кошмара, и, бормоча: «Надо туда. Надо посмотреть, что там», стал карабкаться вверх по склону.

— Стой, — все так же задыхаясь, крикнул вслед ему Сухов. — Оружие надо... Оно в машине — здесь должно быть.

Он пинками открыл перекошенный багажник и вытащил оттуда взятый на всякий пожарный случай старенький «винчестер». Прикинул высоту и наклон насыпи и сноровисто, раскорячившись крабом, полез по ней вверх. Кайл, как мог, постарался не отставать от него.

На полпути он обернулся и покрылся холодным потом: высота была порядочной, а цепляться за осыпавшийся грунт становилось все труднее и труднее. Флаер внизу казался закопченной игрушкой.

На шоссе они вылезли почти одновременно. Ничего, кроме двух сбитых столбиков ограждения, не напоминало тут о происшедшем.

— Дурацкая машина этот флаер, — с досадой заметил Сухов. — Тормозного следа не оставляет.

Держа ружье на изготовку, он осторожно пошел вдоль жиденьких кустиков, притулившихся у подножия отвесной каменной стены, тянувшейся по противоположной обочине дороги. Кайл двинулся за ним. Миновав поворот, с которым не справился флаер, они увидели Марику.

Казалось, она просто присела отдохнуть. Широко расставила длиннющие ноги в подданных джинсах, свесила голову набок и прикорнула в дорожной пыли.

Кайл хлопнулся перед ней на колени и попробовал нащупать пульс. Присевший рядом Павел просто похлопал девушку по щекам.

Глаза Марики открылись. Были они мутны и полны ужаса. Пошарив взором в окружающем пространстве, она сфокусировала его на лице Кайла. Потом скривилась, словно собиралась жалко, по-детски разреветься, но вместо этого вдруг бешено вцепилась обломанными ногтями левой руки в физиономию друга, а правой начала лупить его по чему попало. Кайл с воплем «Чего это ты?!» шарахнулся назад и спас глаза.

— Т-ты!.. Ты!.. — хрипло заорала Марика. — К-кук-ла!.. М-манекен. Т-ты притворился... Т-ты притворился ж-живым-м-м...

У нее зуб на зуб не попадал, а глаза норовили закатиться. Кайл остолбенело размазывал по физиономии кровь.

Павел поймал Марику за руку и с успокаивающим воркованием попытался помочь ей подняться, девушка повисла у него на руках и, похоже, снова начала «уходить».

— Вызывай «Амбуланс»! — распорядился он. — Блок на моем ремне. У меня руки заняты.

Кайл хрипло пробубнил в микрофон вызов, поставил блок связи в режим маяка и наклонился над Марикой, которую Сухов активно пытался привести в сознание.

— Вот что, — сказал он Павлу. — Ты это... Оставайся тут сторожить ее, а я сметаюсь за...

Марика снова открыла глаза. И снова в них был ужас.

— Н-нет!!! — с трудом выговорила она. — Не-ет! Здесь нельзя... н-нельзя одному... Нельзя оставаться одному... Надо следить... Надо друг за другом следить.

Она неловко скорчилась, уставившись немигающими глазами в пространство перед собой. Лицо ее подергивалось.

— Пожалуй, тебе действительно не стоит отлучаться, — резонно заметил Сухов. — Бродит вокруг кто-то.

— А коробочек наш проклятый как же? — нервно скривившись, спросил Кайл.

— Потерпит коробочек. Тем более что ты вроде как на него и грешишь. Так тогда уж чем реже коробок тот трогать, тем и лучше. Я же говорю — нечисто тут все.

* * *

— Сотрясение и шок, — сообщил, орудуя инъектором, бородатый врач. — И пара пустяковых переломов. Починим запросто. Из-за этого не волнуйтесь. А вот... — Он внимательно присмотрелся к Кайлу и Сухову: — Вы уверены, что у мисс не будет повода подавать заявление в полицию? В таких случаях мы должны давать показания, и мне придется сказать, что девушка, по всей видимости, участвовала в серьезной потасовке. В драке.

— Если она и дралась, то не с нами, — заверил его Сухов.

Док с сомнением еще раз посмотрел на разодранную физиономию Кайла и кивнул головой вслед носилкам:

— Давайте вы тоже в кабину, ребята. А то ваша коляска теперь не скоро поедет.

Ни Павел, ни Кайл даже не обернулись на полускрытый колышущимся маревом нагретого воздуха далекий силуэт храма Желтой Луны, где в янтарной тишине на теплой поверхности камня терпеливо ждал кого-то странный ларец, окрещенный словом «Джейтест».

— Кажется, у вас проблемы, ребята? — по-дружески осведомился лейтенант Стырный из глубины кабины. — Бога ради, уберите оружие, Сухов.

— На флаер кто-то напал, — пояснил Кайл. — Марику... Госпожу Карои, похоже, выбросило из машины.

— Может быть, мисс просто не справилась с управлением? — предположил лейтенант. Очевидно, просто для порядка.

— Если управление было в норме — а так оно и было, то этого случиться не могло, — уверенно ответил Кайл.

Плато внизу уходило все ниже. Происшедшее становилось просто еще одним навязчивым сном. Который будет приходить снова и снова.

— Жандармерия разберется с причиной инцидента. Это их епархия. — Стырный пожал плечами. — А с вами, — он внимательно посмотрел сначала на Сухова, потом на Васецки, — вы уж извините, нам снова придется встретиться в моем кабинете. Постарайтесь не играть в бойскаутов, ребята, чтобы снова не пришлось терять время попусту, прошу вас.

— Ну, какие тут возражения, — заверил его Павел.

* * *

— Она не хочет оставаться в больнице, — с сожалением сказала Кайлу медсестра в чепце сестер-кармелиток. — Это последствия шока. Она боится чужих людей.

— Дома ей обеспечат все наилучшим образом.

— Доктора, однако, настоятельно советуют ей хотя бы неделю постельного режима, — продолжала настаивать медсестра без особой надежды в голосе.

— Попробовали бы вы сами лежать в постели с таким вот синяком, как у меня, — во всю спину, — вмешалась в разговор Марика.

— Да, гематома очень обширная, — согласилась та, — но...

— То-то и «но», что лежать я могу только на животе, — зло констатировала девушка. — А когда ребра поломаны — это тоже, скажу, не кайф. И вообще на мне все как на собаке, на бегу лучше заживает. Вот когда я еще школьницей с водонапорной вышки сверзилась...

Кайл усадил ее наконец в кар, и Сухов тронул машину. Марика сразу напряглась. Кайл готов был поклясться, что перед тем, как окончательно усестись в машину, она ощупала его рукав.

— Давайте — кругами по кампусу. — Голос Марики уже обрел прежнюю уверенность и не срывался в испуганное заикание.

— Только недолго — тетка Элина с ума сойдет, — предупредил Кайл. — Еле уговорили ее ждать тебя дома. Она там к твоему возвращению всякого разного наготовила...

— Давайте о деле, — притормозил его Сухов. — И главное: лишнего не говорим.

Марика секунд двадцать собиралась с духом. Потом повернулась к Кайлу:

— Это я тебя так... изукрасила?

— Ничего — уже заживает, — буркнул приятель. — Не пойму только, за что сподобился? И почему именно я...

— За что, за что... Это ведь ты флаер вел. И в пропасть уронил. Нет, теперь я понимаю что не ты. Но тогда — ну просто сбрендил с испугу. Я теперь поняла, — голос ее стал снова неровным, речь — сбивчивой, — ТАМ ЖЕ ТАК И СКАЗАНО БЫЛО: «...ИСТИННЫЕ ДВОИХ СПАСТИ ОТ ЛОЖНЫХ ПЯТЕРЫХ». Истинные двое — это мы с тобой, Кайл. Кто попал под «Джейтест». Под испытание. А тот, что за рулем был, тот — ложный. Иллюзия, манекен... кукла какая-то.

— Так что, выходит, мне теперь вторую Марику Карои ждать? — поинтересовался Кайл, недовольно трогая царапины на лице.

— Не сходится, — вмешался в разговор Сухов. — Сказано «ложных пятерых». А вас — двое шустрых таких оказалось. Трое других — кто?

Марика прикрыла глаза, задумавшись. Пожала плечами:

— Остальных не хватает. Если, конечно...

— Если, конечно, это не ТЕ ТРОЕ, ЧТО ТАМ ОСТАЛИСЬ, — С АМУЛЕТАМИ, произнес Кайл вслух то, о чем промолчала его подруга.

— Типун тебе на язык! — Сухов так раздраженно дернул кар вперед, что пришлось резко притормозить перед перекрестком. — И вообще, сказано же: лишнего не болтаем.

— Ладно. Все это условно очень, — примирительно буркнул Кайл. — Давайте по существу. Так что оно тебе устроило? Чучело это, похожее на меня.

Марика снова сжалась и заметно нервничала. Воспоминание нелегко давалось ей.

— Понимаете, — она с трудом подбирала слова, — я сначала даже подумала: молодцом, мол, держится Кайл. Даже, думаю, и незаметно, что рука в фиксаторе. И еще... Что правильно сообразил: наверняка ведь на патруль напоремся. А пропуск — у него одного.

А потом гляжу: он как разогнал флаер, так и жмет. Все быстрее и быстрее. И потом... Смотрю — там, у реки, — вы двое. Ты, — она кивнула на Павла, — и Кайл. А другой Кайл за рулем. У меня прямо крыша поехала. Я хватать тебя... его стала за плечо больное, за голову. А ЭТО — ну как болванка железная. И жмет, и жмет. И меня жуть берет — КУДА ЭТО ОН МЕНЯ??? Тогда я на ходу, не знаю как, на переднее сиденье и — ногами по тормозам!

— При приводе, врубленном на полную катушку. Умно! — Сухов ядовито прокомментировал выдаваемый Марикой эмоциональный текст.

— Потом — ничего не помню, — с достоинством закончила та. — Так, ключьями какими-то.

— Удивительного мало, — признал Павел. — Флаер, естественно, закрутило и вынесло с дороги. А там — не тридцать сантиметров под днищем, а семьдесят метров. Машина, натурально, сорвалась в падение. А тебя, слава богу, при торможении просто из кабины вынесло — и машина открытая, и ремнями ты не пристегнута была. Хорошо еще, что не темечком об скалу приложило, а...

— Я знаю, чем меня приложило, — прервала его Марика, машинально пытаюсь изменить позу. — А что с тем стало, который...

— Сгорел, — коротко ответил Павел. — И пепла не осталось. Предмет для сильной головной боли у господина Стырного: третий день допытывается, какое такое зажигательное устройство везли мы в машине, да еще на месте водителя.

— С тебя теперь «Герц» три шкуры сдерет за угробленную машину, — сочувственно вздохнула Марика.

— Это еще как обернется — я с адвокатом своим уже это все провентилировал. Типичный случай угона. Да еще при, извините за выражение, аварийном маневре автоматика должна была блокировать выполнение торможения. Но эта зараза идеально срабатывает только при попытке въехать в собственный гараж. Так что я «Герцу» еще и счет за неисправность автоблокировки вкрутить могу.

— А коробочек... — Марика взглянула на Сухова исподлобья.

— Про коробочек речь не заходила, — понизив голос, пояснил Павел. — И про храм тоже. Просто приехали мы и пикник у реки разбили. И не устроили ни в какие там храмы. Даст бог, лежит он там на своем месте. Сейчас вот уляжется волна — заберем его оттуда.

— И надо его схоронить подальше, — вставил Кайл.

— С коробочком подразобраться надо, — уклончиво возразил Павел. — Уж больно все наложилось. Я завтра на раскоп ваш подамся. Надо все записать и зафиксировать. Не простое это место, тоже надо сказать.

— Я... — начал Кайл.

— Ты с Марикой сиди как привязанный, — строго остановил его Сухов. — Вам еще четверых гостей встречать.

— Чтоб тебе! — цыкнула на него девушка.

— Сама наколдовала! — парировал Павел. — Оставлю вам свое ружье. И сами уж вооружитесь как можете — видите, что творится. Вот вернусь — обмозгуем все как надо. А сейчас — к тете Элине. Гуляш стынет. За едой и решим, что дальше врать господину лейтенанту.

— Ты меня извини. — Марика поежилась в глубоком кресле, в которое она забралась после того, как Сухов убыл разбираться со степным захоронением, а тетка, вооружась длинным списком снадобий, способных поставить любимую племянницу на ноги, отправилась в поход по аптекам. — Но я так перетрусилась тогда, что, как взгляну на тебя, так все время лезет в голову эта глупость — что это все-таки ты был ТАМ.

Кайл внимательно рассматривал рисунок ковра.

— Ты знаешь, — с трудом выговорил он, — это не совсем... не совсем глупость. Тогда... Когда ты полезла наверх, к машине... Я ведь тоже вспомнил, что... что пропуск с тебя трясти начнут, но... Знаешь, что-то в тот момент наехало. Словно... Со временем что-то... Мне... На какой-то миг мне показалось, что... что я уже там — с тобой, в машине. Что нам надо куда-то. Далеко. Что мы ждем на полный. А ты меня остановить хочешь. По рукам бьешь. Даже вроде как вверх по этой горке лез, помнил. Понимаешь, сейчас это как сон. А в тот момент я ничего не ухватил. А потом Павел заорал как сумасшедший, и мы бросились флаер тушить. Все в башке смешалось.

Марика смотрела на него круглыми глазами. Потом сглотнула нервно. И осторожно спросила:

— Слушай, тебе не кажется, что с того момента, как мы ЭТО СДЕЛАЛИ, кто-то з нас... ЗА НАС ВСЕ РЕШАЕТ?

Кайл поморщился, собирая мысли, словно слюну в пересохшем рту. И тут мелодично запел сигнал на входной двери. Он прихватил ружье и пошел открывать.

— К тебе лейтенант Стырный, — сообщил Кайл от двери.

Звезда стояла низко над горизонтом. Сухов выпрыгнул из джипа, сбросил на землю четыре здоровенных рюкзака с необходимой утварью и принялся растаскивать хлам, которым был наскоро завален пролом в келью-подземелье.

И брошенные при поспешном бегстве софиты висели на прежнем месте, ожидая только подключения к сети питания. Два сейсмических удара, пришедшиеся по степи, ничего не изменили в келье. Хотя — нет. Теперь только три сумеречные фигуры, выпрямив спины, составляли невидимый круг, в центре которого когда-то лежала на невысоком каменном постаменте жутковатая коробка «Джейтеста». Вторая из пяти фигур обратилась в прах.

Сухов склонился к лицам древних воинов. Если бы он встретил эти мумии где-то еще — не в келье из кургана, затерявшегося в степях побережий, — здесь, на Джее... Они вполне могли сойти за людей. Вот только люди пришли сюда через тысячелетие после того, как атомная смерть настигла этих пятерых в разгар испытания на право быть воином великой Звездной Империи. Развалины которой медленно обращались в прах по всей Галактике под светом пятнадцати солнц.

Павел развесил осветительные лампы и начал работать. Скрупулезно, дециметр за дециметром фотографировать, измерять, фиксировать все, что составляло внутренность этого убежища пятерки мертвых.

Ночь была тихая и уже слегка морозная. Звезды зябко мерцали в своей недостижимой высоте. Закутанная в кипенно-белый, пушистый спальный халат, миниатюрная тетя Элина последний раз взглянула с галереи, опоясывающей гостиную по второму этажу, на жуткое непотребство в виде вооруженного «винчестером» Кайла, примостившегося на кресле-качалке у нерастопленного камина. Женщина пожала последний раз плечами и удалилась в спальню.

Кайл поправил плед и, проверив еще раз, хорошо ли просматривается из этой позиции дверь в комнату Марики, углубился в чтение солидного тома Бродкастера. Описание мучений первой и, собственно говоря, единственной экзоархеологической экспедиции во Внутренние Пространства — затопленную болотами и сотрясаемую землетрясениями часть Центрального материка, расположенную в кольце опоясавших побережья Шепчущих хребтов, — производило сегодня почему-то исключительно снотворное действие. Кайл мужественно подавил зевоту и перевернул страницу.

Марика трясла его за плечо, держа на весу подносик со здоровенной чашкой кофе и горой рыбных чипсов в надорванной упаковке. Кайл виновато заморгал и приподнялся на гулко скрипнувшей качалке. Столь же виновато нырнул за ускользнувшим на ковер Бродкастером и соорудил из него на коленях импровизированный столик.

— Не спи — замерзнешь, — иронически бросила Марика, водрузив съестное на твердую обложку.

И, не говоря ни слова, направилась в прихожую. Сквозь матовую дверь Кайл видел, как она набрасывает штормовку поверх ночной пижамы, возится с обувью.

— Эй, ты куда? — вполголоса окликнул он ее.

— Не могу заснуть. В больнице перебрала по этой чисти, видно, — так же вполголоса отозвалась Марика. — Пойду пройдуся по саду. Не беспокойся.

Кайл нервно отхлебнул кофе. Подражая Павлу, потер нос — получилось, и отхлебнул еще. Похрустел чипсами. Осторожно поставил чашку и пакетик на пол и прислушался.

Снаружи вроде начал накрапывать дождь. Временами, капнув то ли в бочку с водой для полива, то ли в какое другое гулкое место, капля с неба заставляла его нервно вздрагивать.

Шагов Марики по мокрому гравию садовых дорожек почти не было слышно. Некоторое время Кайл сосредоточенно внимал этой тихой, ночной, по странноватой партитуре расписанной музыке. Потом откинул плед, перекинул его через плечо, подхватил «винчестер» и, зябко, поеживаясь, сам вышел в сад.

Марики нигде не было видно. Только обогнув причудливо выложенный горным камнем грот, когда-то служивший конурой для славной памяти Смоки, Кайл увидел девушку.

«Повязку с головы сняла», — машинально подумал он.

— Чего это ты делаешь? — спросил Кайл, подходя к ней. — Зачем?

Стоявшая на коленях над чем-то, разложенным на земле, Марика через плечо как-то диковато поглядела на него и ничего не ответила. Похоже, ей было очень холодно.

Кайл присел на корточки рядом, накинул ей на плечи плед. Он не ожидал, что Марика неожиданно испуганно прижмется к нему. Ее трясло. Коротко, ключьями остриженная в больнице голова подруги уместилась у него на плече, щека — горячая, исцарапанная — прижалась к щеке Кайла. Он обхватил девушку за плечи.

— Не дрожи так, — смущенно произнес он. — Все это — чушь какая-то.

Слова застряли у него в горле. Он не мог отвести глаз от того, что лежало перед ними на мокрых камнях.

Птицы. Две растерзанные ночные птицы. И змея. Местная змеешерица. Расположенная вдоль по всей длине.

— Т-ты... — начал он.

Но Марика — Марика? — с диковатой, какой-то жутковатой нежностью взяла его за плечи своими мокрыми руками, повернула лицом к лицу.

Кайл ошалело смотрел на ее искромсанные — вперемешку с запекшейся кровью — волосы, на покрытое струпьями, исцарапанное лицо, на дрожащие, кривящиеся в детском каком-то пароксизме жадные губы. Скользнул глазами по обхватившим его — по локоть в черной крови — рукам. Потом встретился глазами с безумным, нечеловеческим взглядом ведьмы и беззвучно, захлебываясь страхом и отвращением, заорал.

* * *

Этот беззвучный крик, показалось ему, и заставил его проснуться. И еще — стон. Нарастающий, прерывистый, словно с того света звук. Из комнаты Марики.

Только трясая, как сумасшедший, ее запертую дверь, он проснулся окончательно. Тупо поглядел на сжатый в руках «винчестер». По галерее, теряя, разумеется, по пути домашние туфли с помпончиками, к нему мчалась тетка Элина.

— Что?! Почему?! Почему ты стрелял?! Что?! — задыхаясь, выпалила она.

Прерывистый стон-завывание все громче неся из-за дверей.

— Отоприте скорее! Ключ! — скомандовал Кайл, беря инициативу в свои руки.

Он чуть не сошел с ума, пока Элина совершила повторный — туда-сюда — рейс за ключом. Если бы не покалеченная рука, он, пожалуй, высадил бы проклятую дверь, хотя это только в кино створки слетают с петель от первого же удара сапога.

Марика с закрытыми глазами, сбросив одеяло, лихорадочно дрожа и тихо подвывая, пыталась содрать с себя бинты. Кайл решительно вкатил ей в чисто медицинских целях пощечину и стал трясти за плечи.

— Ой, больно! — вскрикнула она и уставилась на мир круглыми, ошалевшими глазами.

Тетя Элина сунула ей под нос стакан с каким-то питьем.

— Мне страшное приснилось. Будто я... — Марика подняла руки к глазам, рассматривая их так, словно вляпалась во что-то непередаваемо противное. — Будто... будто... — Она подняла взгляд на Кайла: — Ой! У тебя кровь. И грязь какая-то — здесь и вот... Ты в крови весь. Гос-с-споди... — Она села на кровати. Сжалась испуганно. Послушно проглотила теткино снадобье. — Что же это было...

— Сон, — сказал Кайл. — Дурной сон. Будто второй к нам пришел. Из Пяти. Точнее, вторая. Побудьте с ней, тетя Элина.

Осторожно, словно на территорию врага, он вышел в гостиную. Недопитый кофе и чипсы по-прежнему стояли у качалки, и раскрытый отчет Бродкастера валялся на полу рядом. Благородного окраса ковер заляпан был мокрой грязью с подметок. «Моя работа», — печально констатировал Кайл. Вышел в прихожую.

Штормовки на месте не было. Что из обуви пропало, он определить не смог. Похоже —

потерты кроссовки. Кайл лязгнул затвором «винчестера». Кисло запахло свежесгоревшим порохом. Патрона в стволе не было. Он перезарядил ружье. Поискал и нашел фонарь.

Дождь набирал силу. В саду было все так же темно и жутко. Но того страшного, что он боялся увидеть, не было. Струи воды хлестали по растерзанным тварям, ставшим теперь просто мусором. Отвратительным и жалким. Брошенный на землю плед валялся рядом, и струи воды смывали с него кровь.

Пошарив лучом фонаря по земле, не без труда он нашел ее — блестящую латунную гильзу.

Сжал ладонями виски. Нет. Ничего не приходило в голову. Четверть часа кто-то забрал из его жизни. В эти пятнадцать минут уместилось всякое. В том числе и выстрел из «винчестера».

* * *

Сухов погасил софиты и потер ставшие за ночь красными глаза. Ночи уже не было. Тусклый свет позднего дождливого дня давно уже пробивался в пролом потолка кельи. Пора было собираться в город.

Он уже почти закончил складывать свои пожитки, когда заголосил блок связи, притороченный к его поясу:

— Сухов, ты как? У тебя... все о'кей? — Голос Кайла прерывался в наушнике.

— Все в норме. Что там у вас? Чего вибрируешь?

Кайл как-то неловко кашлянул и, коряво строя фразу, сообщил:

— Тут вот что. Марику полиция забрала. Давай сюда скорее. И ночью чертовщина всякая была. Будь осторожен.

— Да, уж с вами, ребята, я своей тени пугаться начал.

— И, знаешь, правильно. — Кайл снова закашлялся. — В общем, прими к сведению: Марика в участке, я сижу у нее дома — тетю Элину в чувства привожу. Я — только здесь, Марика — только в участке. Больше — нигде. Усек?

— Усек. — Сухов выразительно пожал плечами. Сам для себя, скорее всего, так как видеоканал включен не был.

— Если встретишь Марику или меня где-нибудь еще — *будь осторожен*, понял?

— Я бестолковостью вроде не отличаюсь, — с досадой ответил Павел. — Жди.

Он дал отбой и призадумался, присев на набитый рюкзак.

«*Это не случайно — все, что с нами происходит*, — подумал он уже в который раз. — Не случайно, что чертов ящик попал в руки тех, кто имеет представление о языке Зу; не случайно, что медальоны странные эти переходят к тем, кто потом начинает как проклятый крутить эти заколдованные камушки. Кто-то играет с нами. Ну что же. Я тоже не прочь поиграть. Посмотрим, кто кого осилит».

Он поднялся, подошел к трем оставшимся в неприкосновенности фигурам с пустыми глазницами.

Когда Павел протянул руку к цепочке темного металла, страх кольнул его сердце профессионала.

«Что я делаю, черт возьми? — подумал он. — За такие фокусы дисквалифицировать надо к чертям собачьим. Зачем... Нет... *кто-то ведет нас*».

Цепочка скользнула в прикоснувшуюся к ней руку.

* * *

Гамильтон Лукас из «Кларк, Смит и Лукас» был, надо думать, младшим отпрыском совладельца уважаемой всем Западным побережьем адвокатской конторы. Для того Лукаса, который означился на бронзе вывесок контор, разбросанных по всем более или менее значительным поселениям этой части континента, Гамильтон был слишком молод.

— Не стоит благодарить меня, мисс, — сухо сказал он, предлагая Марике занять место напротив себя в довольно комфортабельном кожаном кресле. — Вы настаиваете на том? чтобы ваши... э-э... друзья присутствовали при нашей беседе?

— Они могут сообщить ценные сведения, мистер Лукас. И выступить как свидетели.

Адвокат вздохнул:

— Ну, если на то ваша воля... Так вот, не стоит благодарить меня. Своим освобождением вы целиком обязаны господину Стырному. Он, прямо как бог из машины, знаете ли, явился как раз в разгар наших довольно бесплодных пререканий с комиссаром Дорном. Господину лейтенанту стоило огромного труда убедить комиссара отменить санкцию на ваш арест. Он — комиссар — понимаете ли, совершенно твердо убежден, что вы морочите ему голову, хотя ваши позиции в этом деле достаточно сильны. На него значительно повлияли показания свидетелей и самих пострадавших. Все они говорят одно и то же, и показания их косвенно подтверждаются.

— Черт возьми! Я не имею ни малейшего отношения к этим детям! Я сама отдала бы все, что хотите, чтобы они только нашлись.

— Оставим пока эмоции в стороне, мисс. И давайте в присутствии ваших друзей, как вы того пожелали, пройдемся с карандашом в руках по обстоятельствам дела.

— Давайте! — решительно сказала Марика.

— Суть выдвигаемых против вас обвинений, — адвокат пододвинул к себе тощую пока папку, — состоит в том, что вы, мисс, понимаете ли, на угнанном вами от здания фирмы «Лоуэлл» фургоне, принадлежащем господину Ли Яну, владельцу заведения по доставке скоропортящихся грузов, в период от девяти утра до примерно половины двенадцатого этого же утра посетили четырех своих довольно отдаленных знакомых, дети которых по случаю каникул находились дома и играли неподалеку. Несмотря на неважную погоду.

— Весь Вестуич — это отдаленные знакомые, — с досадой сказала Марика. — О двух из названных людей я впервые слышу.

— Зато они вас знают хорошо. И сразу же узнали при опознании.

— Меня же крутили по ящику в связи с этой историей с Драконом, — не без гордости заметила она.

Адвокат вздохнул:

— Так вот, мисс, за это время в общей сложности семеро детей в возрасте от восьми до тринадцати лет сели покататься в фургон с... с той особой, которую идентифицируют с вами, мисс. Причем четверо — без прямого согласия их родителей. Просто те с удивлением обнаружили, что дети, с которыми... эта особа беседовала, уехали в этом самом фургоне. Там мороженое было, кстати говоря. Или что-то в этом роде. Еще пока эта... поездка продолжалась, поднялся переполох. В полицию обратились миссис Морган и фрейлейн

Абендтойфель.

— Я бы не сказала, что очень хорошо знаю этих женщин.

Господин Лукас сделал успокаивающий жест рукой:

— Я уже сказал — зато они вас хорошо знают. Настолько, что, когда вместе с сержантом Фариа явились в ваш дом в половине первого, они вас опознали моментально.

— Настолько хорошо опознали, что эта умалишенная кинулась сдирать с меня бинты.

— На сей счет имеется протокол, и мы его используем в вашу пользу, — согласился адвокат. — В четыре часа пополудни, — настойчиво продолжил он, — господа Бэдлоу и Лимонов — случайные туристы — обнаружили у Малого Восточного каньона брошенный и поврежденный фургон. Я имею в виду именно тот фургон, о котором идет речь. Дети не найдены. Обнаружено большое количество опустошенных упаковок от той дребедени, которая была в фургоне. И следы крови. Вас, мисс, застали дома в весьма плачевном состоянии.

— Да уж, — заметила Марика. — И оно сразу стало гораздо плачевнее.

— Теперь рассмотрим те факты, которые говорят в вашу пользу.

— Неужели и такие есть?! — со злой иронией воскликнула девушка.

— Не стоит иронизировать в вашем положении, понимаете ли...

Господин Лукас сделал паузу. Затем продолжил тем же протокольным тоном:

— Прежде всего, мисс Карои, на вас работает хронометраж. За час добраться до Малого Восточного каньона да еще вернуться домой незамеченной посреди бела дня вы могли разве что на помеле верхом.

Марика нервно вздрогнула.

— Тут прокурор, конечно, заведет речь о... гм... — адвокат бросил взгляд на Павла и Кайла, — сообщниках. Надеюсь, никаких аргументов, кроме чисто умственных спекуляций, в его распоряжении не будет. Затем: насколько мне стало известно по чисто конфиденциальным каналам, ничто не подтверждает вашего пребывания в злосчастном фургоне — ни отпечатки пальцев, ни какие-либо другие доказательства. Наконец, все свидетельницы утверждают, что ваш... двойник... э-э... Что голова этой особы не была забинтована. Обслуживавший вас врач и судебный эксперт, надеюсь, смогут подтвердить, что вы своих повязок за это время не снимали?

— Смогут, господин Лукас, если они хоть что-то смыслят в своем деле, — уже более мирно заверила адвоката Марика.

Тот снова вздохнул:

— Ну и, наконец, в вашу пользу свидетельствуют ваша... э-э... родственница, мадам Элина Минц, и присутствующие здесь господа.

Настала пауза.

— Вы не хотите ничего добавить к нарисованной мною картине, мисс? Или вы, господа?

Сухов откашлялся.

— Господин Лукас, — сказал он как можно более убедительным тоном. — Хочется предупредить вас, что дело, в котором оказалась замешана мисс Карои и некоторым образом все мы, — непростое. У нас... гм... У нас есть все основания полагать, что безопасность мисс Карои находится под серьезной угрозой. Вполне возможно, что в ближайшее время будут... случаться различные странные вещи с участием этого... двойника Марики... Госпожи Карои. Скорее всего. Примите это к сведению. И просим нас извинить за то, что не

можем дать более глубоких разъяснений по этому вопросу.

Снова последовала выразительная пауза.

— Ну что ж, — сказал адвокат, тщательно закрывая папку. — Я никоим образом не отказываюсь защищать ваши интересы, мисс. Семья Карои — наши традиционные клиенты. Но должен сказать, что делу вы пока мало помогаете. Советую вам, с одной стороны, не появляться на людях — город очень возбужден, и это можно понять: ведь речь идет о детях. Возможны различные эксцессы. С другой стороны, обеспечьте себе постоянное присутствие свидетелей ваших дальнейших действий. — Господин Лукас вдруг косо улыбнулся: — В этом отношении очень полезен будет для дела интерес к нему ведомства господина Стырного.

— Я поживу в старом доме Карои, — подумав, сказала Марика. — Вы, безусловно, знаете, где это. Дом заброшен, но вполне пригоден для жилья. И расположен далеко от... — Она кивнула головой в сторону окна, выходящего на Мэйн-стрит.

— Вот и хорошо. Пусть, по мере возможности, с вами побудет кто-то из... э-э... знакомых. Я сообщу комиссару Дорну ваш новый адрес. Постарайтесь быть как можно осторожнее. Ну что ж, я не задерживаю вас далее, господа.

* * *

— Мрачное местечко, — заметил Сухов, рассматривая высокие, заросшие паутиной своды каминного зала, некогда служившего местом ежевечерних встреч членов семьи Карои, когда-то большой и шумной. — И от города далеко, и на болота вид — лучше не придумаешь.

— Как раз для романа с привидениями, — без особого энтузиазма поддержал его Кайл.

— Хватит иронизировать! — прервала их Марика. — Поверьте, ребята, нет ничего хорошего в том, что по белу свету болтается ведьма-параноик с твоим лицом и ворует детей. И от нее приходится прятаться в доме с привидениями.

Сухов тяжело вздохнул и принялся раскладывать на расстеленном на полу брезенте небольшой арсенал, комплектованием которого он занимался всю вторую половину дня. Пара винтовок с телеприцепами. Три бластера. По десятку комплектов зарядов на ствол. Наличествовали еще полуспортивная «беретта», уже знакомый «винчестер» и пара биноклей. Винтовками вооружились мужчины. «Береттой» и «винчестером» завладела Марика. Бластеры достались каждому.

— По городу, — сообщил Кайл, — развешаны объявления с приметами. По «Ти-Ви» крутят предупреждения относительно детей. Так что туда Марике лучше не соваться. Я привезу еще еды всякой и...

— И ложись спать, — остановил его Павел. — Я буду на стреме часов до четырех. А там уж извини. И вот что — сам будь... поаккуратнее. Ты в этой игре — дичь. Так что держись на людях.

Кайл косо улыбнулся:

— Лейтенант Стырный — любезный такой человек. Сказал, что подошлет пару сотрудников понынчиться с нами, пока положение, как он выразился, сомнительное.

— Ты ему рассказывал про... про ночь? — спросила Марика.

— Да нет. Но у меня такое впечатление, что мы все-таки под колпаком.

— Ну вот что. — Сухов почесал ставшую уже заметной светлую щетину на подбородке. — Очень это мило, что госбезопаска о нас заботится, но ты и сам не хлопай ушами и... И не знаю, что еще. Пока мы не прикончим всех Пятерых, покою не будет — ни тебе, ни Марике.

— Хотел бы я знать, их пули берут? — задумчиво заметил Кайл, рассматривая свое вооружение. — Так и не знаю, во что и как палил ночью.

— Тот, что свернул себе шею в флаере, сгорел. Самоуничтожился, — сказал Павел. — Это вдохновляет.

И тут запищал телефон.

Марика удивленно заломила бровь и сняла трубку:

— Это тебя, Кайл.

Тот выслушал, что сказала ему трубка, повесил ее и кивнул друзьям:

— Я же говорил: лейтенант на стреме. Его ребяташки приглашают меня в город прогуляться. Для разговора по душам, как я понимаю. Встретят при выезде на шоссе. Я пошел — нехорошо заставлять людей себя ждать. Постараюсь вернуться пораньше.

* * *

— Тут даже игрушки мои остались, — с грустью сказала Марика, спускаясь по лестнице с поломанной заводной совой в руках. — В детской. Разбросанные. Может быть, я и играла с ними последний раз... Когда тетка забрала меня. Ты выпишься, Сухов, если собираешься в ночь... дежурить. Я там постелила — в кабинете отца. Бывшем, конечно, кабинете. Бывшего отца.

— Он тебе хоть пишет? — не к месту спросил Павел.

— На Рождество. Присылает открытки. Кажется, он еще считает меня маленькой девочкой.

Блок связи, который Марика пристроила на каминной полке, тихонько заскулил, словно специально дождавшись, когда хозяйка подойдет к нему.

— Слушаю, — недовольно сказала она. — Нет. Мистера Васецки вызвали ваши люди. У выезда на шоссе. Минут... Ну, минут шесть назад. Что? Хорошо.

Глаза ее округлились, она положила блок на место, повернулась к стоявшему на пыльной тумбочке старомодному телефону, подошла к нему и внимательно осмотрела. Потом повернулась к Сухову, недоуменно сжимая в руке конец провода...

— Вот так номер! Он же отсоединен. Как же Кайл... И Стырный сказал сейчас, что никакие его люди не вызывали никакого Васецки никуда.

— Дьявол!!! — воскликнул Сухов. — Опять началось. Они... Пошли догонять его.

— Лейтенант... он сказал — не выходить из дому. Они сами сейчас пойдут на перехват. Павел уже быстро набирал на своем блоке номер Кайла.

— Кайл! — заорал он в трубку. — Кайл! Где ты? Что там с тобой?

Марика схватила с разложенного на полу брезента бинокль, взбежала по лестнице и отворила выходящее на дорогу окно.

— Видно там что-нибудь? — спросил снизу Сухов. — Ты выруби режим ночного видения.

— Там, на выезде, действительно машина Кайла. Стоит у обочины, — доложила она. —

Больше никого. Кайла тоже не видно.

* * *

Кайл еще раз окинул взглядом безрадостный пейзаж, единственным отрадным пятном на котором был идиллически заросший плющом и каким-то здешним мхом дом Марики. За ним тянулись до самого берега океана гнусного вида болота. Полукилометром ближе пролегало шоссе, по которому время от времени проносились то контейнеровозы, то фургончики окрестных фермеров.

Позади мок под дождем реденький сосновый лесок. В сочетании с сугубо здешним иссиня-черным «вечным папоротником» обычные, с Земли завезенные, сосенки казались чем-то inferнальным.

— Пойдемте, — окликнул его голос из леса.

Или ему показалось. Кайл обернулся.

Человек, который подходил к нему из соснового редколесья, был одет в комбинезон автотехника «Стандарт ойл», но носить его явно не умел. Кайл шагнул ему навстречу и спросил:

— Вы от Стырного? Где ваш кар? Или поедете со мной?

Человек молча, жестом позвал его за собой и зашагал через лесок. Кайлу это не понравилось. Ему вообще перестала нравиться эта затея с того момента, когда он подумал, что проще всего лейтенанту госбезопасности было вызвать его по его собственному блоку связи и уж совсем ни к чему обставлять этот вызов таким бойскаутским манером. Однако за типом этим он пошел. Положив руку на рукоять бластера.

А там, куда они шли, на опушке у черного болотца чадил костер. И ждал их второй. Высокий и сутулый. В чем-то вроде рясы. Но к этому моменту для Кайла все уже было ясно.

Его спутнику не стоило поворачиваться к нему спиной: словно в страшном сне Кайл увидел на его комбинезоне пятно спекшейся крови с дырой посередине. С чужого плеча был комбинезон. И вряд ли тот, кто носил его раньше, был жив теперь.

«Попался как дурак, — подумал он. — Ну почему я не могу заставить себя выстрелить первым?»

Сзади, с шоссе донесся звук остановившейся машины. Но оглядываться он уже не стал. Сделав ложный рывок влево, ласточкой сиганул вправо. И остался жив.

Тот, что стоял у костра, молниеносным движением выбросил руку в его сторону. Точнее, в ту сторону, где Кайл только что стоял. Фиолетовый свет на мгновение залил все вокруг и погас, оставив в воздухе запах грозового разряда. Кайл, не целясь, пальнул в сторону костра по силуэту и в резко обернувшегося к нему типа в комбинезоне. И снова с шипением над его головой прошел слепящий разряд. А потом поляну залил яркий, неровный свет. Кайл уже видел такой — тогда, под насыпью.

Защищаясь бластером, он осторожно поднялся. Оба фантома уже догорали, точно так же, как в тот раз, превращаясь в ветром уносимый тлен.

— Дьявольщина, — сказал он, тупо рассматривая свой бластер. — Два удара — восемь дырок! Бывает, конечно...

Потом обернулся на шаги.

Сухопарый человек лет тридцати бежал к нему, бережно держа наготове свой

«парабеллум». Второй — его разглядеть было труднее — лежал, уткнувшись лицом в густую черную траву. Позу его трудно было назвать естественной. Кайл машинально повел ствол бластера в сторону бегущего к нему человека. Тот автоматически, не меняя выражения лица, помахал в воздухе карточкой с золотым гербом. Потом, даже не глядя на Васецки, наклонился над своим товарищем. Кайл подошел, присел рядом. Так, не перекинувшись и словом, они подняли — живого или мертвого, не понять — человека и донесли его до уткнувшегося в обочину «форда». Рядом уже стоял еще один флаер, и рядом лейтенант Стырный терпеливо ждал своего выхода на сцену.

* * *

— И их осталось двое, — подвел итог Сухов, сосредоточенно рассматривая дно опустевшей кружки, словно и впрямь гадая на кофейной гуще.

— Ты... про тех — «Пятерых ложных»? — Марика поежилась.

— По крайней мере, теперь ясно, что пули их берут, — констатировал Кайл. — И еще ясно, что от нас ОНИ не отвязутся.

— Точно так же, как и наш лучший друг из ведомства безопасности. И друзья нашего друга. И кстати, будут совершенно правы. Со своей точки зрения. — Сухов помешал палкой в костре и поглядел на затянутое пасмурными облаками небо. — С точки зрения государства, я имею в виду. Наши шалости с заколдованным коробочком и вправду слишком далеко зашли. Один зверек из подземелья чего стоит. И человеческие жертвы. Дети. Оперативник этот вчерашний. Похоже, до сих пор неизвестно: удастся его из комы вытащить или нет. Тут уж весьма компетентные структуры за нас просто обязаны взяться. Боюсь, что наш милый лейтенант — это только цветочки. Тебя не настораживает, что журналисты мгновенно отвязались от нас, от тебя, точнее?

— А по-моему, — очень убежденно и как-то с трудом сказал Кайл, — надо этот предмет отвезти подальше в море и утопить. Хотя было и у меня желание выложить все как есть, всю нашу историю. Чтобы никто не играл больше. Но лучше — разнести эту штуку в клочки, к чертовой матери. Я и сам бы это сделал, но... Но... У меня такое впечатление... что... теперь нам надо идти до конца. И только тогда «Джейтест»... Только тогда он даст нам свободу.

Теперь у Кайла был вид человека, который наконец высказал какую-то важную для него мысль.

Марика снова зябко пожала плечами:

— Вам еще ваша конспирация поперек горла не стала, ребята? Как Гекльберри Финн с Томом Сойером, собрались ночью на кладбище, костер палим. Как это еще дохлую кошку притащить не додумались... На веревочке... Думаете, нас господин Стырный не вычислит? Или *те двое*, как Павел нам пообещал.

— Чем раньше *они* себя проявят, тем, может, и лучше, — глядя в сторону, тихо сказал Кайл. — А насчет дохлой кошки — прости, не подумали. В следующий раз — непременно.

— Кем были те двое, что приходили по твою душу? — спросил Сухов. — Ты их рассмотрел как следует?

Кайл помолчал немного:

— Они... не похожи были на...

— На тех ребят там, в келье, которые так и не прошли свой тест до конца? — закончил за него Кайл. — Может, и так. У меня мелькнуло что-то такое тогда. И может — еще до того я о чем-то таком подумал.

— Черт бы вас побрал с вашими догадками, такими умными! — почти выкрикнула Марика. — Я по ночам заснуть никак не могу, а вы еще идеи такие интересные подкидываете, что мурашки по коже. Пойдемте.

— Пойдем.

Сухов поднялся, помог девушке поправить наброшенную на плечи штормовку, и вся компания зашагала по мокрым листьям к стоящему у изъеденной временем ограды флаеру.

— Я все думаю... — нарушила нависшую над заброшенным кладбищем тишину Марика. — Почему... Почему, если это... Если там, в этой штуке, ну магия какая-то... То когда «Джейтест» научился говорить на современном, на нашем языке?

— Тот, что тебя вез тогда, он ничего не говорил? — спросил ее Кайл.

— Тот немой был. Или, может, не успел. А вот уже та... Та, что из себя меня корчит... Она ведь как-то уговорила тех детей. И потом, ведь те, что тебя подманивали, Кайл... Они ведь тебе звонили. По отключенному телефону, правда.

— Вот то-то и оно, — тяжело вздохнул Васецки. — Ты знаешь, я... У меня чувство какое-то еще тогда было, словно это показалось мне. Звонок этот и голос... И потом... Тогда, когда ведьма эта подошла ко мне ночью... Она сказала что-то вроде: «Не спи — замерзнешь». И у меня такое чувство было, что, в общем-то, это я сам себе сказал. Может, *оно* нас как-то заставляет самих что-то нужное им выдумывать. Может, они и выглядят не так, как нам кажется.

— Типун тебе на язык, — с досадой прервала его Марика. — И вообще, чего им от нас надо? Эти куда-то нас тащат. Та на детей напустилась. Было бы понятно, если б они нас сразу уколошить пытались, так нет.

— Может, это копия какого-то обряда. Ну, жертвоприношения какого-то, что ли. В них что-то подобное заложено, по-моему. Тогда под дождем... она, ведьма эта, что-то вроде ритуала совершала. Это, кстати, одохлых кошках. Ты видела тварей этих исполосованных? Она — ведьма — в крови была. Вот так и... — снова высказал предположение Кайл.

И снова — на редкость к месту — Марика молча, но с большим чувством вкатил ему подзатыльник.

Сухов снова поправил ее штормовку и устало сообщил:

— Завтра же забираю предмет с плато. И мобилизую своих.

— Не мобилизуй ни-ко-го!!! — с ужасом почти заорал Кайл. — Мы двинем туда вместе, найдем место понадежнее и зароем проклятый ящик так, чтобы он на свет божий не появлялся до тех пор, пока мы хоть до чего-то более умного, чем крутить проклятые кубики, не додумаемся.

До машины они дошли молча. На сиденье водителя надрывался призывным верещанием блок связи Кайла.

— Слушаю вас, — сказал он.

— Господин Васецки, я начинаю сожалеть, что не взял с вас подписки о невыезде, — устало уведомил его лейтенант. — Но о том, чтобы вы держали меня в курсе ваших передвижений, я вас просил самым недвусмысленным образом.

Последовала выразительная пауза.

— Ладно, не буду развивать эту тему, — вздохнул Стырный. — Скажите, мисс Карои не

встречалась с вами около полутора часов назад?

— Встречалась, — заверил его Кайл. — Вы ее ищете?

— К сожалению, мисс, выйдя из дома, не захватила с собою аппарат.

— Вы можете поговорить с Марикой прямо сейчас.

— Она... мисс Карои находится сейчас в вашем обществе? Вы... Вы уверены в том, что это именно мисс Карои? Пожалуйста, включите изображение и передайте ей трубку.

— Я слушаю вас, лейтенант! — с вызовом заявила Марика, включая подсветку и стараясь половчее пристроить блок на приборной панели.

— Мисс Карои, — лицо Стырного на экранчике выражало главным образом озабоченность с примесью некоторого удивления, — вы, как я понимаю, находились в обществе господина Васецки все эти полтора часа?

— А что? От меня требуется алиби?

— Вы совершенно правильно поняли меня. Я посылаю к вам опергруппу. По пленгу. Постарайтесь быть на месте. Дело в том, что в настоящий момент... э-э... второй экземпляр мисс Карои блокирован на шестом этаже больницы Харпера. Взяты заложники... шесть пациентов. Больница Харпера — это заведение для детей, если вы знаете. Вы все поняли хорошо?

— Я все хорошо поняла.

Экран погас.

Марика смотрела перед собой пустыми глазами.

— Я убью эту суку! — крикнула она в пространство.

Глава 4

ПРАВИЛА ИГРЫ

Кайл проснулся оттого, что его трясла за плечо тетка Элина. Он не сразу сообразил, где, собственно, находится. А находился он там, куда они перебрались так недавно, — в старом загородном доме Марики.

— Что стряслось? — хриплым спросонья голосом спросил он, пытаясь перейти в положение сидя на дьявольски неудобном диване. — Зачем вы сюда приехали? Мы сами... Что-нибудь передали по «Ти-Ви»?

Элина с огорчением покачала головой:

— Прости. — В голосе ее чувствовалась тревога. — Я знаю, что вы всю ночь собираетесь сторожить нас. Но... К тебе тут пришел твой старый знакомый. Он не стал заходить — ждет тебя там. Дождик накрапывает, кстати.

Она кивнула куда-то за темнеющие окна.

— Знакомый? — Кайл все никак не врубался в ситуацию.

Но тревога уже охватила его.

— Это тот дед, который учил тебя премудростям здешних паломников, — объяснил из глубины погруженной в сумрак комнаты Павел. — Знахарь тот, с которым ты по лесам бродишь.

Присутствие Сухова как-то сразу успокоило Кайла. Происходящее явно не было «сном во сне». Нет таких снов, в которых кемарит на расшатанном кресле Павел Сухов. Павел — это всегда сухой зной степи, солоноватый пот, застилающий глаза, поскрипывание лопат, свет полудня и запах земной полыни. Что-то надежное и всегда от Мира сего.

— Квинт? — наконец догадался Кайл. И вздохнул: — Не брожу я с ним теперь. Когда-то бродил. Но без дела он не приходит. Я уж выйду к нему. Он, ты сам знаешь, не без странностей. В дом не заходит.

— Ну, ты только, это... — Павел подхватил свой ствол и не торопясь пошел к двери. — Будь, как говорится, «в видах». Помни...

— Помню, — кивнул Кайл и, наскоро приведя себя в божеский вид (спал он одетым), откашливаясь и растирая отекавшее лицо, пошкандыбал к выходу. — Мы вон в той штуке будем, — на ходу пояснил он Павлу. — Как ее... В ротонде, что ли...

— Это павильон, — уточнила тетя Элина.

— В беседке, одним словом, — определил Кайл. — Она хорошо просматривается, пока светло.

Беседка, скрытая в глубине бывшего сада, на краю неглубокого овражка, как и весь старый дом семейства Карои, была мрачна и вызывала ассоциации больше со склепом, чем с каким-либо иным местом отдохновения человеческой плоти. Но стояла крепко, как некий бастион, сложенная из местного слоистого, дьявольской прочности камня. Первопоселенцы всегда строили на совесть. Даже сооружения, предназначенные для легкомысленного проведения времени.

Квинт неодобрительно отнесся к кивку Кайла в сторону павильона. Сам он — Кайл это знал — предпочел бы сухой пяточок странной травы где-нибудь на склоне оврага или в тени как-нибудь особо расположенных деревьев. Он был горазд находить такие места.

Но сегодня не он выбирал, где им встретиться. И он признал это.

— Здравствуй, Квинт. — Кайл легким, привычным жестом поднял руку в лесном приветствии.

— Здравствуй, Кайл.

Старик снял с груди и осторожно устроил поодаль от себя — так, чтобы дождь не потушил, — маленькую лампадку-курильницу, из тех, которые люди Джея носят на груди, отправляясь в путь. Откинул крышку — тонкий дымок потянулся к странному узору на потолке павильона.

Они оба обмыли в нем ладони.

— Ты оставил мне знак. — Старик протянул Кайлу зеленоватый камень-амулет и, морщась, стал искать место посуше на каменных ступеньках. И нашел.

Квинт всегда мог обнаружить сухой клочок тверди в проливной дождь и светлую полянку в самую темную ночь. Кайл взял амулет и заботливо спрятал во внутреннем кармане куртки.

— Спасибо, что пришел.

Минуту-другую он искал, где устроиться самому. Рядом с Квинтом было сухо, но здесь их не смог бы видеть от дверей Павел. Старик всегда умел пристроиться так, чтобы не было лишнего глаза. Много всякого он умел.

— Я знаю, что у тебя беда. — Квинт смотрел в пространство, с демонстративной деликатностью колдуна не замечая проблем собеседника.

— У НАС беда, — уточнил Васецки, наконец устроившись на перилах. — И я думаю, что она связана... с тем, о чем я тебя спрашивал.

— Ты все время спрашиваешь меня, Кайл. Неужели я хоть когда-нибудь отвечал тебе? Люди Джея никогда не знают ответов на чужие вопросы. И не хотят знать чужих тайн. Они только помогают людям Земли решить их самим. В Мире нет тайн. И нет решений. Тайну ты рождаешь в себе сам. И вместе с тайной рождаешь и ее решение. Только не знаешь, где оно в тебе. Может быть, я помогу тебе найти его. Но мне оно не нужно. В тебе оно рождено, в тебе пусть и остается.

Кайл вдруг подумал, с каким удовольствием аспирант Васецки послал бы всю эту лесную премудрость Квинта к собачьим чертям и попросил бы собеседника говорить по-человечески. Но сейчас он не был аспирантом. Он был учеником представителя людей Джея, которого среди людей Земли звали Кайлом, а здесь и сейчас — еще дюжиной других имен.

— Ты посоветуешь мне и сейчас «слушать свою душу», Квинт? — горько улыбнулся он, следя за почти невидимой в сумраке струйкой дыма.

— Ты еще не разучился этому, Кайл. — Старик смотрел на стену леса вдалеке за занавесом сеющего дождя и чего-то ждал.

— Может быть, и не разучился, Квинт. Но...

Кайл постарался вот так же отрешиться от суеты. От тревоги, которая по-прежнему стояла за спиной и норовила снова заключить его в свои зыбкие объятия. Он осторожно свел перед собой кончики пальцев:

— Но обстоятельства... Обстоятельства, Квинт, не дают мне этого. Не дают времени и не дают... услышать себя самого. Мы должны что-то решать. Очень быстро что-то просчитать и принять решения. Куда-то идти и в кого-то стрелять. Или быть готовыми идти и стрелять. Ловить. Убегать и скрываться. — Он осекся, потряс головой: — И все-таки, Квинт...

— Твоя подруга, Кайл... — Старик продолжал смотреть в стену леса. — Вы бережете вашу подругу от беды. А она? Она хочет, чтобы ее берегли? Это очень важно знать. Потому что, когда человек бережется от беды, он и беду бережет от себя. Может быть, это и мудро, когда беда сильнее человека. Но это ли нужно делать, когда человек сильнее беды?

— Я не знаю. Мы не знаем ничего о том, что пришло к Марике. Сильнее оно или...

— Нет, ты знаешь, Кайл. Предполагаешь, по крайней мере. Ты ведь думаешь, что то, что пришло к вам, это Испытание?

— Тест, — сам себе сказал молодой человек. — Ты не отвечаешь на вопросы, но любишь их задавать, Квинт.

— Это старый способ, Кайл. Очень старый способ помочь человеку Земли. Ну, как ты думаешь, мудрый учитель загадывает такие загадки, которые невозможно разгадать? Или посылает такие испытания, которые его ученики не способны пройти?

— Ты много раз спрашивал меня об этом, Квинт. — Кайл пожал плечами. — Если бы я был таким учителем, то — да. Пожалуй, иногда загадывал бы такие загадки. Или посылал такие испытания. Это — способ лишить ученика излишней гордыни. А иногда — найти такого ученика, который превзойдет учителя. И вообще — таким способом можно поддерживать людей в форме. Многие вопросы ведь нужны вовсе не для того, чтобы на них отвечали. «Быть или не быть», например. Но не я учитель — ты.

Квинт засмеялся. Неожиданно и тихо.

— Ты по-прежнему стоящий ученик, Кайл. Но я говорил не про себя. Разве я когда-нибудь называл себя мудрым? Я говорю про Джея.

Некоторое время Васецки переваривал эту мысль.

— Я не знаю — мудрый ли учитель Джей. Он может оказаться учителем безумным. В смысле — *не людей учителем*.

— Может быть, и так, Кайл. А может быть, Джейо безразлично, кто его ученики. — Старик потянулся к дымной ниточке, и она дрогнула. — Но Джей не задает вопросов тем, кто не может на них ответить.

— И не пошлет беду тем, кто слабее беды?

— Я же никогда не отвечаю на вопросы, Кайл. Я только задаю их — ты верно заметил. Например, разве твоя подруга хочет уберечь свою беду? Или разве она хочет от беды уберечься? И твой друг — он тоже хочет уберечься от своей беды? И надо ли им мешать?

Квинт помолчал. Потом взял наконец курильницу в руки. Уже почти совсем стемнело.

— Ты достаточно сказал мне, Кайл.

— Мне кажется... — Тот поежился от первых порывов ночного ветра. — Мне кажется, что у вас будет о чем поговорить с моим другом. Хотя вы и недолюбливаете друг друга, как поп комиссара. Это он так выразился. Забавно? Наверно, из истории.

Квинт улыбнулся, что-то припомнив:

— Довольно забавно. Ты правильно каждого из нас понимаешь. Если хочешь, пусть он придет сюда. Я подожду здесь. Но ты оставь нас вдвоем. Может быть, ему многое предстоит — твоему другу.

Он осторожно поставил курильницу на место.

Кайл вскинул руку в прощальном жесте и легко зашагал к дому. Павел шагнул ему навстречу.

— Ступай, — мягко улыбнулся ему Кайл. — Твоя вахта. Старик разошелся и работает в две смены. Нет, серьезно, — ответил он на удивленный взгляд Сухова. — Я предложил ему

поболтать с тобой. Ввиду чрезвычайных обстоятельств. И он согласился. А что? У вас неплохо получалось, когда мы вместе бродили по лесу и вы боролись за душу отрока Кайла. Помнишь?

— Помню, — теперь сдержанно улыбался Павел. — Это действительно было забавно. И кто победил — ты не помнишь?

* * *

Кажется, Кайл задремал. Во всяком случае, он упустил момент, когда Павел снова возник рядом, материализовался из сгустившейся мокрой тьмы.

— Люди господина Стырного кемарят вон там. — Сухов показал в сторону тонущего в ночном небе конька крыши. — Оборудовали там вполне приличное гнездо, а нам, дилетантам, придется попросту ошиваться окрест с берданками наперевес. Пошли в беседку эту, что ли. Там теперь, того... Не занято уже.

— Как бы нам простого прохожего не укокошить, — задумчиво высказал свое основное опасение Кайл, угрюмо шагая по хрустящему мокрому гравию. — А то ведь и вправду — тени собственной бояться стали.

— Я лично больше боюсь воспаления легких. — Павел надвинул капюшон поглубже. — Дождь снова начинается. И ветер насквозь прохватывает. Включи радио: может, они там до чего-нибудь путного договорились или штурм начали. Не сидеть же нам тут двое суток без сна и курева?

В беседке-павильоне и впрямь не так дуло, и — странное дело — здесь еще так и не выветрился аромат дымка курильницы Квинта.

— Послушай, — сказал Кайл. — Извини за бестактность, но я так и не понял: удалось тебе со старым лешим о чем-то дельном толком поговорить или мимо пролетело? Ты потом смурной какой-то пришел — ни дать ни взять, «травки» косячок забил. Не знал бы, что ты ничего такого не пользуешь, ни в жизнь ничего другого и не подумал бы.

— Кончайте изгаляться, молодой человек. — Павел провел по лицу ладонью, вытирая остатки водяных капель. — С вашими лесными учителями по душам разговаривать — это, брат, не «травку» курить и не мухоморы кушать. — Он еще раз вытер лицо. — Вот именно, что — «мимо пролетело». Говорили долго и обстоятельно. — Голос Сухова стал задумчивым, словно он силился вспомнить что-то. — А в конце посоветовал он мне — потечески так: мол, позабудь ты пока все это до поры до времени. Надо будет, вспомнишь. И к лесу пошел. Не торопясь так. Еще с полпути повернулся и повторил вдумчиво так: «Надо будет, вспомнишь». И ты понимаешь, я тогда-то и значения этому никакого не придавал, а сейчас вот — спросил ты меня, я, стало быть, головушку-то поднапряг, чтобы припомнить, о чем говорили, а в ней, знаешь, как после контузии. И вроде было что-то и как бы и не было. Я, знаешь, таких игр не люблю. И самое обидное — всегда считал, что к гипнозу устойчив вроде как.

— Значит, не захотел старик тебя чем-то травмировать. — Кайл сочувственно взглянул на Павла. — Не стал беречь душу.

— И решил просто контуженным отпустить на все четыре стороны, — с досадой резюмировал Сухов. — Ну, а с тобой дед часто в таких номерах упражнялся?

Кайл чуть пожал плечами. Он избегал рассказывать людям из одной своей жизни о том,

что с ним бывало в другой.

— Ну темни, темнило, — с обидой сказал Павел. — Теперь я и впрямь понимаю, почему ты с детства на старче квадратными глазами смотрел. — Он помолчал. — Слушай, а они — люди Джея — и вправду себя уже людьми не считают? Ведь это же несерьезно — от одних обезьян произошли, из одних белков, жиров и углеводов состоим, гены и хромосомы одни и те же — а вот, понимаешь, нате: вы — люди, а мы — уже и нет!

— Знаешь... — Кайл пожал плечами. — Есть в нашей жизни, в том ее устройстве, которое еще Первопоселенцы привезли с собою с Земли, что-то, что все время какую-то часть... какую-то, ну, породу людей, ну, отталкивает, что ли. Тенденция такая чувствуется с древних времен. Иноки, монахи, затворники тибетских монастырей. А потом, после выхода в большой Космос, в Эпоху Изоляции — особенно. Получилось так, что вроде таким людям... Таким, ну, побочным ветвям общечеловеческой, стандартизированной культуры дали еще один шанс. Особенно там, где они столкнулись с остатками древних неземных цивилизаций. Они их впитывают, как губка. Вот сам посуди — секта на Парагее, цивилизация мимикроидов на Гринзее, целый букет школ боевых искусств Древних Империй по всем Мирам. И — Несуществующее Учение.

— Эйч-Эрн, — пробормотал Павел. — Старик к нему, случаем, не причастен?

— Смотря к какой ветви. — Кайл пожал плечами. — Что я хочу сказать, так это то, что в этом есть логика. Может быть, та — малая, что ли, логика, которая компенсирует отсутствие какой-то главной, большой логики в нынешней экспансии человечества в Космос. Ведь и правда, есть в нашем прогрессе что-то неразумное, муравьиное. А мы-то все-таки существа разумные. Может, не тот нам нужен стереотип поведения? Иной его смысл? А биологическая основа, как носитель некоего смысла бытия, по такой вот — иной — логике, второстепенна по сравнению с самим этим смыслом.

— Брек! — Павел сделал резкую отмашку свободной рукой. — Болтаем на посту, молодой человек! А враг не дремлет. Только что говорил: в тень свою стрелять будем, а теперь... В философию-с углубились. Кстати, о тенях.

Он указал в сторону просматривающегося из павильона подъезда к главному входу в дом. Длинная черная тень роскошного кара, чуть подсвеченная мягким мерцанием люминесцентной рамки подфарников, с еле слышным шорохом скользнула к нему. Из бесшумно сдвинувшихся в сторону дверей навстречу появившемуся на крыльце охраннику вышли двое.

— Что за странные пентюхи? — поинтересовался Кайл. — Одеты как-то... И время выбрали...

Одеты пентюхи и впрямь были нестандартно — во что-то ниспадающее, с капюшонами. У одного — пониже — капюшон был откинут, позволяя лицезреть на вполне респектабельной лысине, окаймленной остатками выющейся седой шевелюры, отблески света, падающего от фонаря над входом. У другого же капюшон был нахлобучен всерьез и надолго. Откидывать его, стоя под настырным, все сильнее сеющим дождем, тип явно не собирался.

К тому времени, когда Кайл и Павел не торопясь подошли к основательно сбитым величественным ступеням парадного крыльца, за поздними гостями уже затворились двери.

— Эрни! — окликнул Павел притулившегося под навесом крыльца охранника, который остался снаружи покурить. — Что за делегация пожаловала к первому-то часу ночи?

— Их преосвященство фра Дрисколл, — охотно ответил тот. — По приглашению

госпожи Минц. Мы проверили. Все в норме.

— А на черта же госпоже Минц... э-э... фра Дрисколл? — почесал в затылке Сухов. — В такое-то время?

— Экзорсист, извините за такое слово, — лаконично пояснил Эрни. — Полночь, сами понимаете, — самое для мистера время.

Стрельнул во тьму рубиновым огоньком окурка и ушел в теплое нутро семейного гнезда Карои.

— Никогда бы не подумал, что тетя Элина ударится в мистику, — пробормотал Павел, ныряя под козырек крыльца — на место, покинутое теплолюбивым Эрни. — Послушай, а это ведь они из Марики черта изгонять собрались! — Он уставился на столбом торчащего под дождем приятеля. — Это как пить дать! Дурдом...

— Тетка Элина, по-моему, католичка, — припомнил Кайл. — Но не то чтобы страшно ревностная. А Марика — она вообще пестрой веры.

— Так кто же принимает пеструю веру всерьез? — пожал плечами Павел. — Правда, мать у нее ушла в монастырь после развода. В католический.

— Пеструю-то веру всерьез никто не принимает, — согласился Кайл, тоже занимая место под навесом, — но настоятель монастыря Мени-ат-Тебиби катается по столице на «роллсе», доставленном прямо из Метрополии. А насчет экзорсиста, так извини, при сложившихся обстоятельствах нам всем уже впору «пушки» серебром заряжать и кругом себя святой водой кропить.

— И шаманов в гости приглашать. Для консультаций. Как некоторые. Вот что. — Сухов откашлялся. — Тут есть о чем задать пару вопросов. Ну хотя бы тете Элине. И вообще, пора в помещение — греться.

Он энергично заколотил в дверь.

* * *

После приличествующей случаю паузы Эрни наконец соизволил впустить их, позволил расположиться у впервые за многие годы растопленного камина, а сам отправился за госпожой Минц, в девичестве — Карои.

— Послушайте, — Сухов повернулся к спускавшейся по сработанной из темного дерева лестнице тете Элине, — вы всерьез решили, что в Марику вселились черти?

— Бог с вами. — Тетка высоко вздернула плечи. — Но не могла же я отказать такой особе. Тем более что... В общем-то, мы же живем не в средние века, и бедную Марику никто не заставит ходить по раскаленному железу или... Это, в конце концов, просто некая психологическая терапия.

— Постойте, постойте. — Кайл вскочил с кресла, на котором было уже устроился в надежде просохнуть и согреться. — Так что, это не вы пригласили настоятеля Дрисколла, а он предложил вам свои... э-э... услуги?

— Ну... вот часа два назад его секретарь связался со мной, выразил сочувствие и дал понять, что их преосвященство, узнав о происходящих событиях... Что он видит перст божий в том, что вся эта драма разыгралась именно здесь, в Вестуиче, где находится кафедральный храм, в котором ведет службу его высокопреосвященство. Короче, формально приглашение исходит от меня, но... Я, честно говоря, больше всего боялась, что они прибудут сюда с

репортерами, камерами «Ти-Ви» и со всем таким... Понятно, что даже церковь сейчас не чужда саморекламе. Но, слава богу, фра Дрисколл обошелся лишь одним ассистентом.

С чудовищным скрипом и хрипом начали бить часы — самые настоящие механические напольные часы — антикварный монстр, притаившийся в темном углу гостиной.

Некоторое время все молчали, ожидая, видимо, что изгоняемый дьявол хоть как-то выразит свое недовольство причиняемым ему беспокойством.

Но тому было, видно, хоть бы хны.

— Надо бы поприсутствовать, — с беспокойством начал было Павел, но в этот момент по лестнице закрипели шаги: с сатаной фра Дрисколл управился с минимальными затратами времени и минимумом шума.

Откинув капюшон, он задумчиво, отрешенно как-то, спускался по дубовой лестнице, и следовавший за ним, по-прежнему спрятанный в свой капюшон помощник, как мог деликатно, чуть подталкивал его в спину.

Это не совсем укладывалось в сложившийся у Кайла имидж святого отца церкви, известного довольно скандальными историями и конфликтами с верхушкой планетарного клира.

— Девушка должна побыть в покое несколько часов, — остановившись на мгновение перед госпожой Минц, низким, слегка хриловатым голосом уведомил его преосвященство. — Через полчаса принесите ей лекарства и, наверное, немного молока. А пока она молится. Будет неплохо на днях посетить церковь.

Остановив величественным жестом предполагавшиеся благодарственные телодвижения присутствующих, фра Дрисколл, сопровождаемый своим безмолвным ассистентом, убыл через услужливо распахнутую перед ним дисциплинированным Эрни дверь.

— Слушайте — давайте-ка наверх, — спокойно предложил Кайл. — Молитве наше присутствие не помеха. Тем более что Марики ничего, кроме «Отче наш»...

За окнами взревели неумело переключаемые передачи, кто-то выкрикнул нечто не слишком пристойное, и почти мгновенно затих вдаль и без того тихий звук движка кара его преосвященства. Секунду все смотрели друг на друга и затем, хватая оружие, рванулись в разные стороны: Эрни — за дверь, вся остальная компания — вверх по лестнице.

Дверь комнаты Марики была заперта. Это — еще полбеды. Хуже всего был звук. Звук такой, который не мог издавать человек. Вообще не такой звук, который можно услышать где-нибудь на белом свете, кроме разве что студии звуковых спецэффектов.

Что-то резко — на пределе болевого восприятия — взвизгивало за дверью, умудряясь тут же издавать нечто похожее на низкое, басовитое жужжание насекомого. Шмеля. Только шмеля этак с барана величиной. И одновременно что-то металлическое, звонкое и гулкое с мучительным, надсадным стоном ломалось и корежилось там.

От конца коридора, от с ходу выбитого ими торцевого оконца, к остолбеневшим у двери людям, ругаясь на чем свет, бежали «люди господина Стырного».

— Ломайте! Господи, ломайте скорее!! Там!!! — заорала тетка Элина таким диким голосом, что Кайл понял: когда над миром грянут трубы Страшного Суда, это будет не самый страшный звук, который когда-либо слышали люди, далеко не самый страшный.

Особой команды, впрочем, и не требовалось — под ударом двух специалистов своего дела дверь перышком слетела с петель, а сами умельцы, как и требовал того метод, ничком кинулись на пол, освободив пространство двум другим. Те боком, защищаясь оружием и спотыкаясь о прильнувший к полу «первый эшелон» атакующих, вломились в девичью

спальню, во весь голос призывая врага бросить оружие и стать лицом к стене.

И навстречу им ударила молния.

* * *

Потом все это вспоминалось Кайлу как чуть ли не поодиночке чередующиеся стоп-кадры: вот он, согнувшись в три погибели, выставив вперед ствол помпового ружья, волчком разворачивается на пороге, а в открывающемся перед ним проеме двери медленно, все так же кадр за кадром, уходит из поля зрения вниз, вниз, вниз спина влетевшего в комнату спецназовца. А потом он удивительно медленно — словно преодолевая сопротивление на редкость вязкой, тяжелым валом прущей ему навстречу среды, проталкивает вперед, в поле прицела ствол, такой непослушный и не желающий подчиняться ему, Кайлу. И как-то отдельно в его памяти осталось то, что бешено корчилося, подпрыгивало вместе с железной кроватью, шипело и плевало огнем. Не в него — мимо. Еще раз! Еще!

А потом забахали выстрелы — Кайл почти оглох от них. Стреляли все, и он стрелял. А то — прикованное к груди искореженного железа — лопалось, вспыхивало, взрывалось, исходило смрадным пламенем. Казалось, это длилось вечность.

И наступило новое «потом».

В котором всем было не до него: весь народ вокруг был занят тем, что гасил остатки пожара, оказывал помощь тем, кто не мог помочь себе сам, снимал на видеопленку весь царивший вокруг разгром и дозванивался куда-то по блокам связи и обычным сотовым телефонам. С некоторым удивлением Кайл убедился, что увечий приключившаяся битва ему не прибавила.

Он еще не закончил осматривать себя, как слегка помятый Сухов за локоть вытащил его из бестолковой толчеи и потащил вниз, в холл, по которому уже бродили еще несколько оперативников, увешанных оружием. Из их группы Павел, не теряя темпа, вытянул озабоченного Эрни, а тот, в свою очередь, повлек их в боковую комнату. Там уже явившийся, словно бог из машины, лейтенант Стырный пытался добиться объяснений от пребывающего в прострации, изгвазданного в дорожной грязи фра Дрисколла, с трудом уместившегося в неудобном кресле. Коллега Стырного в соседнем помещении, судя по доносившимся оттуда звукам, безуспешно пытался унять бьющуюся в истерике мисс Минц и одновременно понять хоть что-то в происходящем.

Кайл мысленно пожалел его.

* * *

На вошедших Стырный только затравленно обернулся и тут же вновь обратил все свое внимание на высокопоставленного фигуранта имеющей место прескверной истории. Всем своим видом лейтенант показывал, что ход следственного действия идет сикось-накось, но, дьявол побери, ничего нельзя было поделать с временем, которое поджимало.

— Начнем сначала, — терпеливо и не сбавляя темпа продолжил он начатое. — Объясните, каким образом вы очутились здесь, в этом доме?

— В этой дьявольской ловушке? — В голосе его преосвященства зазвучали нотки

профессионального пафоса. — Уверен, что все это подстроено. Меня подставили эти мумии из епархиального управления. Их шокирует моя практика истинного экзорсизма, мои проповеди, мои книги, весь образ моего посредничества между верующими и Всевышним.

— Пожалуйста, ближе к фактам, святой отец. — Лейтенант скрипнул зубами. — И ради бога, не будем терять времени! Речь идет о деле, в котором мы идем, как говорится, по горячим следам и вынуждены незамедлительно принимать меры. Вы говорите, что были приглашены сюда родственницей мисс Карои, Элиной Минц. Настоятельно приглашены.

— Да, именно так. В конце дня миссис Минц связалась со мной через канал моей личной приемной и... К тому моменту я, как и все жители Вестуича, был в курсе тех происшествий, которые взволновали не только наш город.

— Стоп, — быстро и без приглашения вмешался Сухов. — Элина Минц говорила нам — и я слышал это собственными ушами, — что это именно от вас, ваше преосвященство, исходило предложение провести сеанс экзорсизма.

— Это клевета! — возвысил голос священнослужитель. — Я не позволю вам подвергать меня перекрестному допросу!

— Приношу вам свои извинения. — На скулах Стырного от напряжения появились желваки. — А вас, господин Сухов, попрошу не создавать помех следствию. — Он снова резко повернулся к экзорсисту: — Скажите, вы беседовали с миссис Карои лично? Использовали видеоканал?

— Нет, видеоканал я не использовал. Но, надеюсь, миссис не станет отрицать моих слов. Меня встретили здесь как человека, которого именно пригласили.

— Что произошло после этого приглашения? И что за лицо сопровождало вас? Я имею в виду того, кто ассистировал вам и, по всей видимости, угнал вашу машину?

— Миссис сказала, что послала за мной человека, который поможет мне добраться в этот уединенный дом. И действительно, в приемной в условленное время меня ожидал человек. Я несколько удивился, что это оказалось лицо духовного звания, притом несколько... э-э... эксцентрического вида. Но когда этот человек пояснил мне, что он — воспитанник Лесной Обители... Знаете, там мне приходилось видеть и более странных личностей. Эти... эти... гм... соображения... Они усыпили мою бдительность.

В дверь просунулся угрюмый тип в защитной форме с радиотелефоном.

— Никаких трупов в доме нет, сэр, — доложил он. — И никаких трупов рядом. В комнате могло гореть все, что угодно, но только не человек.

— Спасибо, — кивнул ему Стырный.

— Ей-богу, — не выдержал Сухов. — Если вы думаете, что я понимаю, что произошло, так нет — я ничего не понимаю. Где, черт возьми, Марика?

— Пусть этот господин помолчит! — взорвался фра Дрисколл. — Если все, что здесь происходит, — не пошлая провокация и та госпожа, к которой меня привели, это действительно Марика Карои, то у вас еще есть надежда изловить ее вместе с моим автомобилем.

— По порядку, ваше преосвященство, по порядку, — попросил лейтенант. — Мы уже знаем о том, что вы сообщили агенту Лайману, и объявили ваш кар в розыске. Но вот что странно в ваших показаниях. Разве недоразумение с тем человеком, который привез вас сюда, не разъяснилось сразу же, как только...

— Прибыв, я без промедления направился к... э-э... страждущей сестре. А ее родственница и этот человек... Они сопровождали меня. Я нашел это абсолютно

естественным. Тем более что встретили меня наилучшим образом. Однако то, что последовало за этим.

— Вот именно это я и хотел бы знать, господин Дрисколл, — заверил его лейтенант.

Некоторое время экзорсист собирался с мыслями.

— Собственно, все произошло после того, как тот человек, который встретил меня здесь — в доме... Агент Лайман... После того, как он отозвал миссис Минц вниз. До этого страдающая сестра ничем не выказывала никакой... э-э... агрессивности. Правда, она весьма враждебно отнеслась к сопровождавшему человеку. Но мне показалось, что ее удалось легко успокоить. — Он судорожно вздохнул. — Однако это оказалось не так. Как только миссис Минц покинула нас, в руках у госпожи Карои — я даже не понимаю как — появилось оружие. Довольно большого калибра револьвер. Она направила его сначала на моего спутника и... и заставила его лечь на пол.

— И вы не успели ничего предпринять? — Стырный удивленно приподнял бровь. — Ну, скажем, просто позвать на помощь?

— Все произошло слишком быстро, — развел руками фра Дрисколл. — Да и слишком рискованное это дело — противиться вооруженному безумцу. Даже если речь идет о простом призыве на помощь.

— Так, значит, вы и не противились, — кивнул лейтенант. — Вы, как я понял, выполнили то, что вам приказала... э-э... мисс Карои?

— Мисс кроме... э-э... орудия убийства пустила в ход еще и пару наручников. Вполне надежных и крепких. И еще — какие-то цепи, замки. Она, видно, заранее подготовила все... все это. Она распорядилась, чтобы... Чтобы я снял с этого... с этого... э-э... создания его... м-м... монашеское одеяние и п-приковал... приковал... *это*.

— Вы употребили слово «создание». — Стырный озадаченно поскреб щеку. На ней уже начала выступать еле заметная щетина. — Уточните.

— *Это*... Это вообще не было... человеком. Это — это... М-м-м-мерзость.

Почтенный священнослужитель запнулся, смолк, мучительно морщась, уставился на свои поднятые к глазам пальцы, словно этими пальцами ему пришлось сотворить нечто предельно отвратительное.

— К-когда... — продолжил он запинаясь, — когда я... Когда я, повинаясь приказу этой обезумевшей девчонки... Когда я стал лишать это создание его одежд...

— Но ведь у вас сначала не возникало никаких сомнений, — попробовал внести ясность Стырный.

— Вначале — нет. Да и потом. Дело в том, что нечто человеческое было, конечно, но... Скорее это оказалось некое... — фра Дрисколл мучительно скривился, — некое насекомое, которому дьявол решил придать образ мерзкой пародии на венец творения Господня.

— Оно сопротивлялось? — Снова лейтенант направил разговор в необходимое русло.

— Да. В некотором смысле — да. Меня... Сначала меня обожгло. И как бы ударило током. Я не совсем четко могу воспроизвести в памяти всю цепь событий. Это даже не нервный шок. Я, видимо, подвергся... Подвергся некоему воздействию... Чему-то, подобному инфразвуковому удару. Или, может, это был гипноз.

— Итак, это создание оказало вам... м-м... сопротивление. Но вы...

— Но эта девица... Она защитила меня. Она... она протянула в сторону этой твари ладонь... Руку. В которой был зажат некий... некий странный амулет.

— Амулет, говорите? — Сухов, до этого момента растерянно слушавший допрос, бросил

настороженный взгляд сначала на лейтенанта, потом на Кайла.

— Мне показалось — именно амулет. У меня не было возможности внимательно рассмотреть этот предмет, но я усмотрел некие... некий знак. Что-то из того, что встречается в богопротивных рисунках и орнаментах туземных храмов.

— К этому мы вернемся позже. — Стырный тяжело вздохнул, растирая лицо. — И какое же действие возымела эта игрушка?

— Отнюдь не игрушка, офицер. Эта вещь вызвала у той твари неопиcуемый ужас. Как бы парализовала ее. Оттолкнула. Она бы спаслась бегством эта тварь, ес-с-ли бы не ц-цепи.

— Монашеский наряд мисс надела на себя. — Стырный не столько спрашивал, сколько утверждал.

— Именно. Я уже говорил. Только сначала вытолкнула меня из комнаты. И вышла сама... У-уже в коридоре...

— Вы снова не воспользовались моментом, чтобы поднять тревогу? — без всякой укоризны в голосе, просто, видно, для порядка, спросил лейтенант.

— Я же говорю вам, что был буквально не в себе.

— Да-да. Продолжайте.

— Мисс Карои приказала мне быстро и не привлекая внимания покинуть дом. Я вынужден был подчиниться ей. Никто из стоявших в холле даже не додумался заглянуть под капюшон моему спутнику.

Эту фразу Дрисколл произнес с упреком.

— Почему же? — сам себя спросил Кайл сквозь сжатые зубы, глядя в потолок.

— Что вы хотите сказать этим?! — резко повернулся к нему Стырный.

— Я спрашиваю — почему же? — уточнил Кайл.

Некоторое время они с лейтенантом молча смотрели друг на друга. Молчание нарушил не уяснивший сути дела фра Дрисколл.

— И как только мы покинули дом, — сообщил он, — мисс велела мне отдать ей ключи от кара. Я было воспротивился.

Он взялся рукой за подбородок, как бы желая поправить его.

— Но вам это не удалось, — констатировал очевидный факт лейтенант. — А автоблокировка кара у вас, конечно, была благополучно отключена. Как и у большинства законопослушных граждан. У вас нет предположений, куда безумная мисс направилась на угнанном экипаже?

Предположений его преосвященству высказывать не пришлось. Зазуммерил блок связи на поясе Стырного, он выслушал сообщение и выпрямился.

— Ронни, — обратился он к молчаливому агенту, стоявшему за спинкой кресла, в котором беспокойно копошился его преосвященство, — вы примете от фра Дрисколла подписку о неразглашении, оформите на него протокол предварительного допроса как свидетеля и отвезете его по месту жительства. А с вами, господа, — он повернулся к Павлу и Кайлу, — нам придется поработать в машине. Кар господина Дрисколла обнаружен в районе больницы Харпера. Вы знаете, что происходит там. Мне кажется, что ваше присутствие, гм, на месте действия не помешает...

— Мы можем взять оружие? — спросил Сухов.

Несмотря на поздний час, на подъезде к больничному комплексу имени Десмонда Харпера творился ад кромешный. Тут были и столичное «Ти-Ви», и пара фургонов общегосударственных программ, и городская полиция, и полиция графства, и даже какие-то рейнджеры, сроду никому обычно не встречающиеся в жизни, кроме как в «горячих» сводках новостей. И прежде всего — пропасть зевак. Только полномочия лейтенанта позволили машине со следственной группой и свидетелями в лице господ Васецки и Сухова добраться до одного из эпицентров происшествия.

К осиротевшему кару его преосвященства был приставлен оснащенный рацией и автоматом сержант.

— Вот, господин лейтенант, — доложил он, увидев, что к охраняемому объекту принесло еще одну группу любознательных начальников. — В час пятнадцать этот кар припарковался в этом самом месте, и в нем приехала монашенка. Сразу начала размахивать какими-то бумагами и кричать, что настоятель Дрисколл прислал ее. Чертей гонять. Изгонять, в смысле, из террористов. Собралась толпа. В смысле — толпа уже и так была, но они все до этого смотрели туда.

Сержант указал в сторону корпуса больницы, темную громаду которого только окна шестого этажа разрезали узкой полоской огней.

— А тогда все повернулись сюда и... И она так завела всех. И все начали так орать... И эта баба из «Новостей» вконец уже всех уела. Энни Чанг... И одним словом, инспектор Ливси под свою ответственность разрешил пропустить ее для переговоров. В корпус. И только они туда ломанули — девка эта в балахоне и двое оперативников ей в помощь, — по радио сообщили, что эту штучку надо было задержать и что она вооружена. Ну, у инспектора Ливси, понятно, испортилось настроение, и сейчас вам к нему лучше...

— Спасибо, сержант. Мы знаем, что сейчас лучше, а что хуже, — резко остановил его Стырный. — Где штаб операции?

— Там. — Сержант указал в сторону пары фургончиков, притулившихся у глухой торцевой стены какого-то — в темноте не разобрать какого — подсобного больничного сооружения.

— Пойдемте, — скомандовал лейтенант Кайлу и Павлу. — Постарайтесь не отходить от меня далеко. И оставьте ваши пушки в машине. Она хорошо запирается.

Для того чтобы добраться до омраченного инспектора, им пришлось пройти мимо студийного кара, на порошке кабины которого сидела очень молоденькая и очень усталая красивая китаянка и охрипшим голосом вещала в пристроенную на хитроумном штативе камеру. Она говорила, что единственная предпринятая властями разумная мера — допуск для переговоров внутрь заблокированного периметра представительницы религиозной общины города, — обернулась своей противоположностью, так как представительница эта оказалась, как предполагают, вооруженной сообщницей засевшей в госпитале преступницы.

Кайл скрипнул зубами.

* * *

Увидев удостоверение Стырного, покрывшийся с досады зеленоватыми пупырышками инспектор Ливси некоторое время размышлял, кто же кого перешибает по части административных полномочий: инспектор центрального комиссариата или же лейтенант

госбезопасности. Потом махнул рукой и пригласил явившихся зайти внутрь одного из фургончиков передвижного штаба. Поместиться в нем удалось с трудом: за пультами связи и наблюдения работало в тесном пространстве человек шесть.

— Внутри помещения наших видео нет, — пояснил инспектор. — Но часть помещения просматривается с дистанционных камер. Через окна.

Стырный и оба его спутника некоторое время внимательно созерцали то, что им показывали десять мониторов; их ровное мерцание было, казалось, единственным источником света внутри фургона.

— Вам не удалось задержать вторую женщину? Ту, что прибыла на машине настоятеля? — осведомился лейтенант. — Вы же послали людей сопровождать ее.

Инспектор явно утратил способность выражаться достаточно ясно:

— Они вернулись. Объект... Та сумасшедшая согласилась, чтобы монашенка... То есть мы принимали ее за монашенку... Эта — вторая... Короче, объект согласился беседовать с ней только наедине. И оба сопровождающих отступили на рубеж периметра. Как раз к тому моменту, когда поступило сообщение.

— Какие требования в конце концов выдвигает... э-э... объект? — попробовал уточнить ситуацию Стырный.

— Спросите о чем-нибудь полегче! — с досадой определил состояние дел Ливси. — Часов шесть мы вообще никак не могли приступить к переговорам. В здании полно телефонов — мы пытались установить контакт по всем номерам шестого этажа, но черта с два! Эта сука только кричала в трубку, что если на территорию больницы войдет хоть один полицейский, то она будет безжалостна. И так далее. Вы и сами уже знаете: из наших пострадали трое.

— Огнестрельные ранения?

— В одном случае. В двух других — тяжелые травмы типа электрошока, но... В общем, медики не разобрались. Мне, во всяком случае, они докладывать не спешат. Какая-то новая выдумка. В общем, когда удалось хоть о чем-то договориться, то сначала она потребовала вертолет и чтобы не было «хвоста». Потом еще — деньги. А затем эта тварь каждые минут сорок меняла свои условия. Сейчас мы готовим повторный штурм.

— Есть деталь, которая все усложняет, — задумчиво заметил Стырный, пытаясь высмотреть хоть что-то на мерцающих экранах.

— Я понимаю вас. — Инспектор поморщился. — Там у нее в заложниках шестеро детишек. Из выздоравливающих. Но где те — первые восемь? Если мы потеряем... э-э... объект...

— То мы потеряем, скорее всего, и тех восьмерых. — Лейтенант потер лоб. — А потерять этот объект, возможно, очень легко.

Некоторое время в фургоне царила тишина. Только кроткими сверчками попискивали какие-то датчики да время от времени кто-нибудь из операторов мягким щелчком переключал то один, то другой тумблер на панели перед собой.

— Снова вижу объект, — доложил от монитора наблюдатель. — Вторая камера. Даю изображение на общий дисплей.

— Что они делают там? — озадаченно спросил кто-то, уставившись на скошенное изображение окна на экране. — Танцуют они там, что ли?

— Да нет. — Инспектор с мучительным вниманием присматривался к призрачному движению в мерцающей глубине стекла. — Не танцуют.

— У тебя ошибка, Ник. Объект идет у меня — по четвертой, — неожиданно вмешался второй наблюдатель. — Двигается вдоль стены — смотрите.

Теперь уже на двух больших экранах через два расположенных рядом окна под разными углами было видно то, что происходило там — в мутной глубине шестого этажа больничного комплекса имени Десмонда Харпера.

— Дьявольщина! — воскликнул кто-то в полутьме. — Их две!

Их действительно было две: одна Марика Карои, вскинув руки, в каком-то ритуальном хороводе, не отводя глаз от чего-то невидимого, в глубине комнаты то ли выплясывала какой-то странный шаманский танец, то ли истово совершала какой-то ритуал, а временами возникавшие в поле зрения детские макушки тоже заворуженно двигались в каком-то непонятном ритме странного хоровода.

Но была и вторая Марика — та тоже то возникала в поле зрения камер, то пропадала, скрытая простенками между окнами. Эта Марика двигалась словно заколдованная — ныряющим, кошачьим шагом, распластавшись, скользила вдоль стены коридора, залитого мертвенным светом флюоресцентных ламп.

— Так что же получается? — с досадой спросил неведомо кого офицер, притулившийся за пультом слева от инспектора. — Их стало две?

— Их и было две, — тихо сказал Кайл. — Одна настоящая, другая — подделка.

— Вы можете их различить? — деловито спросил инспектор.

— У настоящей голова должна быть в бинтах. — Кайл потер глаза, пытаясь сбить навалившуюся вдруг усталость.

— Не вижу никаких бинтов, — доложил кто-то из наблюдателей.

Кайл энергично потряс головой, отгоняя отупение.

— Офицер, у меня дело к вам. — Он повернулся к Стырному. — Может быть, мы выйдем?..

— Говорите здесь, Васецки. Как я понял, вы хотите предложить свои услуги.

— Мы хотим предложить свои услуги, — уточнил было Павел, но осекся, заметив взгляд Кайла.

— Нет. Речь идет именно обо мне, — сухо отрезал тот.

Стырный склонил голову набок.

— Если бы за вами не числилась маленькая история с Драконом... — сказал он, глядя на Кайла снизу вверх. — Если бы не эта история, то я и не подумал бы ни брать вас с собой сюда, ни задумываться над вашими словами. Но... Вам не хочется быть со мной... э-э... пооткровеннее? Вы снова нашли меч? Или, может быть, амулет?

Кайл еще раз скрипнул зубами. Взял себя в руки.

— Мы теряем время, господин лейтенант. — Он старался не встретиться взглядом со Стырным. — Там сейчас может произойти такое...

— Ваша рука в порядке? — спросил лейтенант.

— Как видите, повязку уже не ношу. Еще раз повторяю, у нас нет времени.

— Только поэтому я и рискую так вот. — Лейтенант неожиданно взял Кайла за предплечье. — Но только при одном условии. Мне нужно будет с вами поговорить. Не так, как мы говорили до сих пор. Когда вы вернетесь. Когда и если...

— Это уж как получится.

Кайл как мог деликатнее освободился от хватки Стырного. Тот молча смотрел на него. Потом протянул магнитную карточку:

— Вот ключ. Заберите из машины ваше оружие и возвращайтесь сюда. Я обговорю операцию с господином инспектором. Вас экипируют и проинструктируют. И главное: вы должны помнить, что если мы потеряем объект...

— Это уж как получится, — все так же сухо повторил Кайл, повернулся и спрыгнул из дверей фургона на примятую ночную траву.

Стырный повернулся к инспектору.

* * *

Двухместный, специально для таких дел приспособленный вертолетик подобрался к цели на большой высоте, чтобы не привлечь ничьего внимания, и, казалось, из-под самых облаков бесшумной птицей упал на здание больницы. Все так же бесшумно он завис над самой ее крышей, плоской и мокрой от ночного дождя.

— Когда будете ТАМ, — сказал Кайлу пилот, — не выключайте вашу «сережку». — Он прикоснулся к приемопередающему клипсу на своем ухе, точно такому же, как и у Кайла. — Мы будем наводить вас. Отслеживайте путь по планшетке. И еще, не забывайте про спецоборудование. — Он кивнул на пристегнутый к поясу Кайла спецназовский подсумок. — Если ползете через окна, не забудьте про страховочный пояс. А когда войдете внутрь, не забудьте его отстегнуть, иначе будете скованы в движениях — длина фала только двадцать метров на полную вытяжку. А тормозить начнет метров с трех.

Кайл молча достал бумажник. Пилот удивленно посмотрел на него.

— Я — не такси, парень, — косо улыбнулся он.

— Нет. — Кайл тоже усмехнулся, оценив комизм ситуации. — Это пусть передадут моему отцу. Если что. Я вложил сюда письмо — успел нацарапать несколько слов.

— Он, наверное, очень волнуется сейчас, ваш старик, — предположил пилот, забирая бумажник.

— Мой старик не смотрит по ночам «Ти-Ви», — усмехнулся Кайл и спрыгнул на мокрую крышу.

Теперь игра пошла без поддавков. Никакого бойскаутского азарта он не ощущал. Только страх человека, а может, и зверя, сунувшего голову в страшно опасную ловушку и теперь твердо знающего, что дальше идти надо до конца. Кайл молча нащупал на груди под одеждой талисман Посвящаемого.

Дверь лифтового блока была перекрыта, но в короб вентиляционной системы проникнуть особого труда не составило, как и предполагалось. Заклинившись в узком проеме шахты, Кайл посветил фонариком вниз и подумал, что лететь до перегораживающей путь вниз решетки довольно далеко. И грохоту будет — не оберешься.

Впрочем, темная дыра бокового ответвления виднелась совсем близко — почти под ногами. Корячась, как заправский спелеолог, Кайл опустил на пару метров и убедился, что находится вровень с дырой. Правда, та тоже была закрыта пыльной решеткой, но уж ее снять и вовсе была не проблема. Куда тяжелее оказалось забраться в гулкий и хлипкий на ощупь (из жести и пластика) туннель. Фонарь Кайл обронил — он стал светить мышам и тараканам внизу, пока не сядет аккумулятор, и метров десять по горизонтали Кайлу пришлось ползти в кромешной тьме. Наконец он нащупал по правую сторону от себя (как ему и объясняли) задвижку ремонтного люка. Сдвинув ее, отплевываясь от пыли и паутины, он как мог тихо

спрыгнул в пустой коридор, залитый тусклой мглой, проникавшей из окон.

* * *

— Он здесь — в проходе четырнадцатого этажа, — пояснил инспектор Павлу, напряженно следившему за передвижением на экране дисплея мерцающего курсора, обозначавшего сейчас по схеме местоположение его бестолкового друга. Бестолкового и — теперь — такого загадочного. — Дальше пойдет вниз по пожарным лестницам до седьмого. Лифты заблокированы. Там снова через вентиляцию или — вот здесь — через окна, — показал инспектор, — на шестой.

— Они сейчас встретятся, эти две! — доложил наблюдатель. — Она ее, по-моему, окликает. Та, что в проходе.

* * *

Пожарные лестницы больничного корпуса — очень узкие и крутые — были вынесены на торец здания и утоплены в выступах отделанных декоративным камнем стен. Спускаться по таким скользким от дождя железякам было сущим мучением.

Кайл на мгновение замер: где-то далеко внизу, по гулким, пустым коридорам раскатилось эхо выстрела. Потом второго. Он заторопился вниз, теперь уже не слишком заботясь о том, чтобы быть бесшумным.

— Осторожнее, — предупредил его голос из «серьги». — Ситуация не ясна. Стреляла... Стрелял тот объект, что находится в проходе. Та... тот, что в палате, похоже, использует детей как «живой щит». Они говорят о чем-то.

Наступила наполненная шорохом слабых помех пауза. Кайл напряженно прислушивался к наушнику и к шепчущей пустоте здания.

— Они прямо под вами! — подсказал ему наушник. — Окно буквально под ногами у вас. Будьте осторожнее!

Кайл, как мог, сгруппировался, вытянул из-за пояса «беретту» и нащупал на груди шершавый черепок талисмана: «Ну что ж, не подведи, Белый Знак!» Потом накинул на перекладину лестницы карабин страховочного пояса и прикинул расстояние до окна. «Прямо под ногами» — может, снизу оно так и казалось, а вот здесь, на месте действия, все было не так просто. Расположено проклятое отверстие было довольно далеко от лестницы, и вдобавок из него на редкость неудобно торчало рыло кондиционера. Это не говоря уже о запертой изнутри раме с небьющимся стеклом.

Пришлось на время вновь засунуть пистолет за пояс и освободившейся рукой извлечь из подсумка «вибропатрон направленного удара» — любимое приспособление спецназа. Размером оно было с кредитную карточку. Работу этой штуки Кайл видел только в фильмах. Там это выглядело внушительно и красиво. Но сейчас его больше всего беспокоило, чтобы детей и Марику внутри не зацепило кусками пластика от вышибленного окна. Еще неплохо бы остаться незамеченным до момента срабатывания патрона. И невредимым — потом.

Чудовищно растопырившись, он более-менее надежно закрепился на узком карнизе и одной ногой на подоконнике. Осторожно перенес свой вес на эту свою ногу и,

перекрестившись, как это в ответственные моменты делал Павел, прилепнул к стеклу вибропатрон — клеящей присоской вперед. Шарахнулся назад и сосчитал до пяти.

От мини-взрыва у него заложило уши. Как ему удалось, не сорвавшись в мокрую бездну под ногами, с размаху бросить себя плечом вперед в осыпающееся листками расслоившегося от взрыва пластика окно, он так и не понял. Анализировать ситуацию было некогда.

Обдирая спину, он мешком обрушился у стены довольно просторной комнаты, вскидывая перед собой пистолет. Рефлекторным движением отстегнул страховочный фал. Приземление на три оставшиеся свободными конечности болью отдалось во всем теле, в поврежденной руке — особенно. Преодолевая боль, вскидывая пистолет на уровень лица, он рывком вскочил и, озираясь, резко шарахнулся на пару шагов в сторону.

Комната эта была, очевидно, каким-то игровым или спортивным мини-залом. Рассматривать обстановку было недосуг. Перед ним, прижавшись к полу и закрыв руками головы, неподвижно лежали шестеро детей — все лет семи-восьми, в одинаковых больничных пижамках. И от дверей смотрела на него невидящими, полными слез глазами Марика.

— О-осторожно! — давясь словами, выкрикнула она. — С-сзади!..

Пистолет нелепой игрушкой висел в ее руке, удерживаемый ее тонкими хрупкими пальцами. Той же рукой, в которой болталось оружие, она размазывала по лицу остатки косметики.

Кайл резко развернулся, продолжая сжимать в вытянутых руках ставший вдруг неимоверно тяжелым пистолет. Звон в ушах возник еще отчетливей. Вжавшись спиной в детскую «шведскую стенку» и точно так же, как и он сам, выставив перед собой ствол, перед ним стояла вторая Марика.

— Амулет! — заорал Кайл. — Показывай амулет!

Но он уже знал, что это жесткое, собранное в единый комок существо, вперившее в него невидящий, полный ненависти взгляд, не может быть Марикой.

— Брось оружие! — резко выкрикнул он, перехватывая рукоять пистолета, неудобно легшую в руку.

— С-стреляй, — всхлипнул голос у него за спиной.

«Предохранитель, — подумал Кайл. — Успел я снять его с предохранителя?!»

И тут грохнул выстрел. Собственно, два выстрела: из нацеленного ему в лоб пистолета и из его собственного. Отдача заставила Кайла сделать шаг назад. Прямо в огонь.

Потому что то, что было сзади него, теперь горело — тем самым, уже до тошноты знакомым ему смрадным пламенем, в котором исчезала неземная плоть «Пяти ложных». То, что огонь этот запалила пуля, которую он считал предназначенной себе, дошло до него не сразу.

Уткнувшиеся носами в пол дети уже стали поднимать головы, и каждый застывал в недоумении, круглыми от удивления глазами глядя на происходящее. А Марика — та, в которую выпустил он свой заряд, — тихо осела на пол, раньше, чем он подхватил ее.

Чуть выше и левее того места, где несколько секунд назад находилась голова Марики, перекадина «шведской стенки» была перебита пулей, а в стене за ней зияла выразительная пробоина.

— Д-дурак... — Теперь это был снова ее голос — срывающийся, плачущий и злой одновременно. — Дурак! Стрелять не умеешь — только испугал меня. Какого черта ты начал палить?

— Да ты же первая и выпалила. Почему ты не показала амулет?

— Да я ничего еще сообразить не успела. Стекла полетели, потом ты — как снег на голову.

— И все-таки ты стрелять поторопилась. — Кайл потер лицо, пытаюсь вернуть себе таким способом понимание происходящего.

— Правильно, думала, что ты меня сейчас уложишь. А помирать — так с музыкой. А теперь... Да хватай же ты огнетушитель! Вон он — вон там!

Пока Кайл тушил так толком и не начавшийся пожар, голос инспектора в наушнике надрывался, требуя уточнить обстановку.

— Уточняю!!! — зло заорал Кайл в ответ. — Нет никакой обстановки: объект уничтожен! Повторяю, уничтожен!!

Он зло швырнул на пол дурацкий огнетушитель.

Марика сидела на полу, судорожно обхватив колени, и смотрела перед собой пустыми глазами. Иногда она всхлипывала:

— Т-теперь... Где нам искать тех? Тех восьмерых ребяташек...

* * *

— Как ты догадалась, что амулет с Белым Знаком защищает от... — Кайл задумался, пытаюсь найти подходящее слово.

— От Джея, — сказала Марика, не отрывая взгляда от скучноватого пейзажа степи, летящей все назад и назад за окнами кабины. — Видишь, я с самого начала подумала, что это все — как игра в поддавки. Джей давно смог бы уничтожить любого из нас, но он... Он играет с нами, испытывает. Ведь эти... призраки, которых я вызвала к жизни, они могли излучать... Одним словом, метали что-то вроде молний. Но никогда не попадали ни в одного из нас. И я подумала... Что на каждом из нас должно было быть что-то, что делает возможным победить эти напасти... отличительная черта какая-нибудь... Знак.

— И ты решила действовать на свой страх и риск. — Сухов пожал плечами. — Как ты догадалась, что этого... экзорсиста послал к тебе, как ты говоришь, Джей?

— Я просто знала, что до меня непременно доберутся. Ну, и когда появились эти двое... Легче легкого догадаться было. Ну, я и держала оружие наготове.

— Почему же нас не предупредила? — В голосе Павла звучали и упрек и обида. — И вообще устроила этот цирк с переодеванием?

Марика пожала одним плечом:

— Без этого цирка вы бы меня не выпустили. И потом... — Она помолчала немного, отрешенно глядя в окно. — Я эту беду вызвала, я и должна была ее победить. Я очень боялась, что меня узнают, когда через комнату проходила, где вы все торчали. Спасибо, Кайл, что не выдал.

— Так ты знал, что то была Марика? — Павел повернулся к другу, который не отрываясь глядел на пролетающую за окном степь.

— Мы тогда... м-м... встретились глазами... и я... понял... — нехотя объяснил он. — Я, правда, не понимал в тот момент, зачем это было нужно. Откуда у тебя наручники появились, Марика? И замки эти с цепями.

— Замков и цепей в старом доме хватало. Я их довольно легко нашла. А наручники —

их я забрала у этого... У экзорсиса — разве он не сказал, что это его? Должно быть, клиентов приковывать на случай, если черт в них засел особо буйный.

— С вами не соскучишься, ребята. — Павел чуть сбавил скорость флаера. — Я начинаю понимать лейтенанта Стырного. Кстати, как прошли ваши с ним разговоры?

— Он о многом догадывается. Попросил показать ему талисманы, о которых шла речь. Но отбирать их не стал. Только предупредил. Напомнил нам «Закон об экзоархеологии». Он теперь от нас не отвяжется. Уж это точно. По крайней мере, отслеживает наши передвижения. Я поэтому и настаивала, чтобы флаер был прокатный. В наши машины уже вполне могли напихать «жучков». Теперь ты, Павел, лучше расскажи, что вы с Кайлом вычитали там, на шкатулке.

Сухов поставил управление флаера на автопилот и повернулся к друзьям:

— Думаю, что для полной расшифровки нам потребовался бы еще не один месяц, но... Я постараюсь изложить, как я понимаю, то, что к нам имеет отношение. Одним словом — слушайте. — Он прикрыл глаза, цитируя на память: — «Цель Испытания — не выигрыш, а Превращение. Ступивший на путь Испытания проходит его до конца. Конец Испытания — когда Пятеро выдержат его». Потом... потом, там идет так: «Беда остановившимся в пути Испытания — жизнь их станет проклятием и смерть не будет избавлением от него. Пятеро начинают идти по дороге Испытания, и Пятеро должны дойти до конца его, даже если судьба кого-то из них — смерть в этой дороге. Мертвого должен заменить живой. И даже когда все мертвы, Испытание продолжается». Только не спрашивайте меня, что это значит, — добавил он и продолжил декламировать: — «Выбравший свой жребий прикован и к жребию всех Пяти, и к жребию каждого из них. Не Испытание несет смерть, но то, что в душе Испытуемого не выдержит его. Испытание не убивает, но и не защищает от случая. Всем Пятерым для победы дается Великое Знание, но найти его сможет не всякий. Знаки означают Конец Испытания, и Знаки объявят судьбу Пятерых...» — Он помолчал, откашлялся. — Вот примерно и все. Отдельные термины могут быть неточны. Их можно читать и иначе. Ну, например, может, лучше бы сказать не «Великое Знание», а «Дар». Просто некий «Дар» — с большой буквы.

Он смолк и снова кашлянул в кулак.

После небольшой паузы Марика заметила, что, вообще говоря, это — не слишком много. Но есть возможность хоть чуть разобраться в том, что произошло.

— Кроме всего прочего, — добавил Сухов, — на основании всего, что мне наговорили физики, можно сказать точно, что ни сама коробочка, ни ее отдельные кубики, ни талисманы ваши не обладают никаким сложным внутренним устройством. В лучшем случае обеспечивают некоторые простые преобразования падающих на них излучений. Но... Само положение кубиков и расположение их друг относительно друга находятся под постоянным наблюдением извне. Может статься, что на больших глубинах под землей. Под поверхностью Джея. Что там располагаются какие-то следящие устройства. Трудно сказать, что для них играет роль антенн. В общем, этот коробок — это как бы пульт управления очень сложными процессами в каком-то гигантском суперкомпьютере. Утопленном в скалах, может, на дне океана упрятанном мозге всей этой системы Испытания. Теста. А сам Джей — это Полигон на котором Испытуемые проходили тест. Должно быть, не один такой коробок похоронен где-нибудь в развалинах или занесен песками.

— Так или иначе, — твердо сказал Кайл, — нам от этой штуки пора избавиться. — Мы свою часть Испытания прошли, и у меня нет ни малейшего желания становиться воином

мертвой Империи.

— Мне кажется, — тихо сказала Марика, — что, если буквально понимать это, то... То эта штука не отвяжется от нас до тех пор, пока... Пока жребий не кинут и не пройдут Испытание Пятеро.

— Сказала тоже — «не отвяжется»! — поднял плечи Кайл. — А вот зашвырнем проклятую коробочку в море — и вся недолга.

— С этим стоит подождать, — задумчиво заметил Сухов. — И возможно, стоит потолковать с кем-то вроде старого Квинта. Перед тем как предпринимать что-то... Странно, что ты так решительно настроен против «Джейтеста». Вспомни: «...для победы дается Великое Знание». Я не против того, чтобы это «Великое Знание» получить.

— Все это слишком дорого обходится, Павел. — Кайл пожал плечами. — И знание это похоже на золото эльфов — к утру превращается в прах. Я имею в виду эту пушку, которая сшибла Дракона, например. Пушка самоуничтожилась. Никто из нас ни лучше, ни умнее после этой истории не стал, а погибли люди.

— Может быть, ты не нашел еще твоего «Великого Знания», — грустно улыбнулся Сухов.

— Так или иначе, но для меня Испытание закончено. — Кайл откинулся в кресле. — Если есть добровольцы, желающие стать третьим, четвертым и пятым, — пусть помнят, что рискуют не только собственными жизнями.

— Я не уверен, что вы не рискуете своими и чужими жизнями, если оборвете Испытание. — Сухов снова взялся за руль и сосредоточенно уставился на улетающую под днище флаера дорогу. — Ты знаешь, Кайл, я, кажется, вспомнил кое-что из того, что мне наговорил твой Учитель. Квинт, я имею в виду.

— Ты бы поговорил с этим дедом. — Марика положила исцарапанную руку на плечо Кайла — Насчет того, где могут быть те похищенные дети. И что там с ними.

— Я не думаю, что он знает. Но, конечно, я на него выйду.

— Легенд на этот счет много. — Павел тяжело вздохнул. — Про детей, которые ушли с ведьмами. На Джее это прямо-таки фольклор. Говорят, они временами возвращаются. Но совсем не такими, какими были до того, как...

— «Ушедшие с демонами претерпят Изменение», — процитировала Марика строку Основного Текста — того, который приводят в хрестоматиях по древней истории Джея.

— Мы все это пытаемся понять по-человечески. Исходя из нашей логики. — Павел снова вздохнул. — А у тех, кто программировал Джей, логика совсем иная. Я тоже за то, чтобы остановить эту дьявольскую рулетку. Но «Джейтест» не отпустит вас, ребята, просто так.

— Так ты предлагаешь нам найти еще троих и предложить им помочь довести эту затею до конца? — поставила вопрос ребром Марика.

— Ты сама, когда к тебе пришла беда, пошла ей навстречу. — Кайл тоже припомнил кое-что из того, что говорил ему старый Квинт. — Но добровольцев под это дело мы, пожалуй, не найдем.

— Как сказать, — пожал плечами Сухов. Перед ними угрюмо вырастала залитая хмурым светом осеннего вечера громада Храмового плато.

Павел притормозил, чуть не доехав до пандуса, ведущего на плато, и припарковал машину на обочине:

— Лучше к зданиям не подруливать. Не приведи Господь, опять тряхнет.

Флаер они оставили на берегу разлившейся от осенних дождей реки — от греха подальше. Кайл помог Сухову вытащить пару громоздких рюкзаков с аппаратурой, и они побрели к храму Желтой Луны, навьючив эти рюкзаки на себя. Марика, ежась в своей уже не по сезону легкой куртке, как-то теперь уже нехотя поплелась за ними. Происшествия последних дней ее явно поломали.

— Я здорово боюсь, что кто-нибудь его забрал. На самом виду ведь оставили, — посетовал Кайл.

— Во-первых, не так уж чтобы и на виду... — хмуро заметил Павел.

Но не стал продолжать.

А внутри храма все еще стояло лето. Все тот же янтарный, наполненный пылью мягкий и душноватый полумрак встретил их. Сухов поставил сумки на узорчатый пол и, выставив перед собой сложной формы щуп, двинулся вдоль стен, покрытых древними, так до сих пор и не понятыми фресками и письменами, вдоль ниш, в которых с тоскливой ненавистью дремали колоссальные изваяния воинов обеих Империй, вдоль Знаков, неведомо что означающих. Открытого пространства посреди зала он избегал.

Кайл и Марика двинулись за ним. Если в этот раз их более опытный в делах древних друг выбрал такой вот способ действий, значит, за этим что-то стояло.

— Как ты думаешь, — Марика повернулась к Кайлу, — люди из госбезопасности знают, что мы здесь?

Тот пожал плечами:

— По идее, они не должны спускать с нас глаз. Просто господин Стырный достаточно осторожен. Он уже убедился, что на этом деле можно достаточно крепко обжечься.

«Джейтест» находился именно там, где они его и оставили, — на каменной тумбе посреди бокового придела, уже затянутого ранними сумерками. Легкий слой пыли успел покрыть его.

Сухов стал осторожно размещать вокруг янтарного ларца датчики принесенных с собой приборов.

— Я немного поколдую тут с этой штукой, — повернулся он к Кайлу. — Попробую понять, с какой стороны его облучает Джей. И чем. Физики предупреждают, что возможны скачки поля. Так что вы бы лучше пока походили где-нибудь. Я позову, когда закончу.

Марика чуть обиженно вздернула носик:

— Мне, по правде говоря, и смотреть-то на эту штуку не хочется. Но ты будь осторожен, Павел. — Лицо ее вдруг исказилось. — Мы — слепые. Как там в той русской байке? Все время наступаем на те же грабли. Опять и опять. До конца.

Кайл молча пожал плечами. Потом буркнул, что стоит проверить машину на предмет «жучков», кивнул Марике и зашагал к выходу.

* * *

Замеры не заняли у Павла слишком много времени. Он поколдовал немного с клавиатурой компьютера и записал показания в соответствующий файл. Потом достал диктофон и, чуть запинаясь, начал говорить в него:

— Может быть, я делаю самую большую глупость в моей жизни, ребята, но... Весь мой опыт подсказывает, что вы выпустили из бутылки такого черта, с которым игру надо вести

до конца. Вы сами видите, что после испытания, которое прошли, не можете уже стать прежними. Джей не даст вам остановиться. Возможно, последуют бедствия, сравнимые с теми, что происходили в эпоху Катаклизма. И потом... Возможно, что пройти «Джейтест» до конца — это единственный способ установить контакт с древними цивилизациями, следы которых разбросаны по Мирам. Кто сказал, что они вымерли? И кто сказал, что установление контакта должно происходить по тем правилам, которые изобрели мы? Не лишено логики начать его не с объяснения теорем геометрии, а с ИСПЫТАНИЯ, с проверки того, чего же можно ожидать от партнера по контакту. Бесчеловечно, говорите? Так ведь мы и дело имеем не с людьми. Говорю все это на тот случай, если со мной случится что-то. А сейчас — начинаю.

Он вышел в зал храма, пристроил диктофон на видном месте, достал из рюкзака цепочку с глиняным медальоном, подумал немного и надел ее на шею. А потом вернулся в узкий и высокий придел, где на пыльном камне ждал его «Джейтест».

* * *

На полпути к машине Марика остановилась.

— Ч-черт! — сказала она, прислушиваясь к чему-то, словно закипавшему глубоко под землей.

И черт не замедлил откликнуться.

Адский гром обрушился на них. Они оглянулись одновременно и растерянно. Землю под ними тряхнуло. Пыль встала по степи до горизонта.

— Джей воюет с нами, — выдохнул Кайл.

Увязая по щиколотки в песке, они кинулись к храму. Перед воротами застыли, сообразив, что скрежет и гром несутся именно ОТТУДА, из-за этих ворот, из здания. Казалось, космический корабль стартует из шахты, за гулким черным створом ворот. Ржавые стальные плиты подскакивали, двигались по направляющим, грозя сорваться с них. Захлопнулись перед самым их носом. Клубы пыли пробивались в щель.

А потом — словно солнце взошло там, внутри закопченного, полуразрушенного здания. Белый, ослепительно ясный свет вырвался из щелей и просветов, заставил ребят зажмуриться. И погас. И все кончилось. Только ветер свистел над плато.

Предательски дрожащими руками Кайл принялся отодвигать ворота, заклинившиеся в направляющих. Храм наполнился эхом скрежета железа по железу. В чуть раздвинувшуюся щель торопливо пролезла Марика.

— Павел! — закричала она. — Эй, Павел!!!

Только эхо ответило ей.

Вошедший следом за ней в заполненное пылью пространство Кайл осторожно двинулся вперед. Зал был пуст. Пусты были и все четыре примыкавших к нему малых придела. Там, где они оставили Павла, у каменной тумбы, не было никого. Только плоский темно-янтарный ларец «Джейтеста» тускло поблескивал на ней. Кайл подошел к проклятой реликвии, наклонился над нею.

— Павел запустил «Джейтест», — коротко сказал он. — Смотри, кубики расставлены по-новому.

— Кто здесь? — Павел с трудом выдрал увязшие по щиколотки ноги из липкой грязи и, нагнувшись в три погибели, попытался рассмотреть хоть что-нибудь в глубине часовни.

Он не мог вспомнить путь, которым пришел сюда, он вообще почти ничего не помнил теперь. Только комбинацию знаков на верхней грани «Джейтеста». Потерев лоб в кровь расцарапанными руками, он шагнул внутрь прилепившейся к скалам часовни, высившейся над ядовитой зеленью леса.

Странная то была часовня. Павел готов был поклясться, что эта то ли пещера, то ли какое-то строение от века заброшенно и пусто. Ничего похожего на следы людей на засыпанном песком полу, никаких признаков того, что искрошившиеся статуи идолов и неведомых существ кто-то хотя бы пытался поддерживать в порядке. Но странный, трепещущий свет заполнял внутренность этого святилища — свет многих десятков еле заметных лампадок в расщелинах и за уступами неровных, причудливых стен. Разными были эти лампы: одни похожи на самый обыкновенный огрызок самодельной свечи, другие — на потрескавшиеся лампы, третьи — на вылепленные из воска или отлитые из стекла фигурки с фитильками, уходящими куда-то в глубь их. Они чем-то напоминали изваяния божков пестрой веры, эти светильнички.

Павел подошел поближе, взял один из светильников в руки. И тут же огоньки всех остальных лампадок чуть колыхнулись, а потом вспыхнули с новой силой.

— Ну, вот ты и пришел, — раздался голос из темноты. — Ты принес то, что нашел?

Сухов с удивлением понял, вернее, вспомнил, о чем его спрашивает голос из тьмы. О длинном и узком чехле из грубой ткани, висевшем на его плече. Он даже вспомнил, как — по подсказке глухого голоса из-за спины — вытаскивал этот чехол, с чем-то тяжелым в нем, из тайника в основании изваяния Тощего Лиса — там, в храме Желтой Луны. И еще что-то вспомнил он из того, что узнал на своем странном пути сюда.

— П-принес, — хриплым, срывающимся голосом ответил Павел. — Но сначала — Уговор...

Часть II

КОМАНДА

Глава 5

СЛЕД

Рассвет догорал над Гнилым морем. Рассвет, всегда похожий здесь на протуберанец термоядерной артподготовки. Поток кипящего огня над зыбким морем ядовитого тумана. Над волнами больной мглы, которой не дано сегодня рассеяться. И завтра — тоже. Северное полушарие Джея шло в зиму, а зима здесь — время мглы. И призраков во мгле.

Паломник некоторое время заворуженно смотрел на истаивающую на западе громаду ночных облаков; на яркие, негаснущие головешки торопливых лун Джея, вечно обгоняющих одна другую в бездне просветлевшего небосвода; на дневные, уже не по-земному завивающиеся слоями облака по горизонту; на вершины гор, отрешенные и безразличные к миру, на их утонувшие в зыбкой дымке подножия; а ближе — на верхушки изъеденных временем древних скал-изваяний, высящиеся из колышущегося, без всякого ветра, рябью идущего кошмара. Потом Паломник прикинул оставшийся ему путь. Сегодня, похоже, никто не караулил его на этой неполной миле древней тропы, полого спускающейся к кромке мглы, но круто заворачивающей за развалины Змеиного храма, за желтые обломки резко обрывающихся в туман скал, туда — к огням. Только у самого поворота по-прежнему темнел тот, что поджидал и дождался его тогда — еще в начале лета. И по-прежнему из угловатого, словно подобравшегося для прыжка трупа чудища торчали к небу неподвижно две стрелы.

— Ничего тебя не берет, — с усталой досадой констатировал Паломник. — Ни прах, ни тлен, ни воронье. Ни зверь лесной твои мослы не растащит, ни отшельник святой не схоронит. Значит, и мне, грешному, к тебе соваться не след.

Он приготовил к бою «винчестер», нашарил в котомке неполную дюжину заговоренных камней и не спеша выбрался из сейвы и так же неспешно, то там, то здесь кидая вперед камушек-другой, стал спускаться к огням. Проходя мимо убитого врага, бросил между ним и собой последние три. И сотворил крестное знамение. Морщась — не верил он ни в Бога, ни в черта, ни в колдовской заговор. Впрочем, в Огни верить приходилось: они были. И ждали его.

Они ждали его, как всегда, в Дымной роще. И, как всегда, их было три в ряд над каменными очагами, ограждавшими обрез тропы, срывающейся в зловонную пропасть.

Паломник с привычным унынием кивнул им, подошел и присел на край одного из навеки закопченных очагов. Стал скармливать огню принесенную добычу — от Болотных племен и от племен Горных. И немного — от себя самого.

— Недогадлив ты, Кайло, — меланхолично сказал он огню. — Или осторожен очень уж. И ты, Марика, осторожничаешь? Или так и не дознались Правил Игры? Или не до того вам? — Старое это было причитание, и повторял Паломник его почти механически.

Высоко в небе ржавым репродуктором каркнул здешний страж-ворон. Паломник поднялся и, не оборачиваясь, чуть прихрамывая, зашагал прочь — назад по тропе. У самых Желтых скал что-то остановило его. Не так как-то легли еле заметные утром отсветы Огней. Он обернулся.

Четыре Огня горели в Дымной роще. Теперь уже четыре.

Паломник провел ладонью по лицу. Бросил котомку на придорожный камень. Сам опустился рядом.

Теперь ему стоило ждать.

У вытянутого в высоту двухэтажного краснокирпичного коттеджа, мокрого и чистого, как и все вокруг после ночного дождя, остановился солидно поблескивающий черным покрытием закрытый флаер с притемненными окнами и размером с половину вагона монорельса. Дверца его скользнула в сторону, и на зеленую травку у порога энергично ступил вышедший из флаера худощавый молодой негр в строгой черной тройке и огромных солнцезащитных очках.

Очки он, впрочем, тут же снял, потратив перед этим лишь две-три секунды на то, чтобы бросить взгляд на свои серебряные часы на цепочке — плоские, массивные, сделанные под старину, снабженные неплохим компьютером и блоком связи. Пожевывая дужку своих антикварных светофильтров, он снизу вверх посмотрел на фасад особняка, увенчанный острой готической крышей с причудливым коньком. Пока все обстояло так, как он и ожидал.

Том Роббинс был энергичен и честолюбив. Эти качества успели принести ему жетон федерального следователя, огромную уверенность в собственных силах и — пока что — ни одного седого волоса в коротко стриженной курчавой шевелюре. Молодость и природный ум не позволили еще вышеупомянутым качествам его характера сменить свой знак с плюса на минус. Время все еще работало на него.

Простиравшийся перед ним идиллически-патриархальный пейзаж кампуса внушал уверенность в незыблемости всего сущего. И нелепым бредом параноиков, заговоривших друг друга до полной потери чувства реальности, показалось ему все то страшное, что узнал он на секретных инструктажах и из закрытых для посторонних глаз файлов Управления расследований о далекой планете Джей.

Он коснулся сенсора входной двери, и через положенное количество секунд голос домашнего компьютера осведомился о цели его визита. Выслушав гостя, робот попросил Тома пройти в приемную.

Приемная дома Васецки явно не была приспособлена к приему слишком большого количества посетителей. Скорее она служила филиалом кабинета хозяина. Том присел на старый, очень добротно сделанный диван и стал терпеливо наблюдать за суетливыми потугами старенького сервировочного автомата расчистить место на заваленном бумагами журнальном столике для предназначенной, по всей видимости, для него, Тома, чашечки кофе. За спиной его кашлянули.

Том поднялся навстречу высокому, совершенно седому старику с рублеными чертами лица. По лицу этому Господь пригоршней рассыпал несерьезные веснушки, почти выцветшие с годами. Спина старика была прямой как палка. Вежливо улыбаясь, Том протянул хозяину руку.

«Вот и первый прокол, — подумал он. — Ну кто бы мог знать, что в этом доме «господин Васецки» — это все еще отец Кайла?»

— Томас Лэмберт Роббинс, — представился он. — Я только что сообщил цель своего прихода. Я, видите ли, пишу работу, связанную с историей Империи Зу.

— Тогда вам — к моему сыну, — вполне твердым, без признаков старческого дребезжания голосом объяснил Васецки-старший. — Но он никого не принимает дома. В понедельник, на факультете. Выпейте, однако, кофе.

Том пригубил чашечку и поставил ее на поднос сервировочного автомата, всем своим

видом давая понять, что ритуал закончен.

— У меня имеется письмо. Видите ли, некоторое время назад декан Васецки и... э-э... мой руководитель обменялись письмами.

Тень иронической улыбки легла на сухое лицо Васецки-старшего. Очевидно, он был в курсе того, с кем состоял в переписке его сын. Он взял со столика трубку:

— Кайл, — сказал он чуть более ласково, чем говорил с гостем. — Кайл, к тебе посетитель. С письмом. Я думаю, от тех, кому ты писал тогда.

Он выслушал что-то, потом кивнул Тому:

— Проходите. Кабинет сына на втором этаже.

* * *

Раньше из окна кабинета Васецки-младшего открывался один из наиболее классических пейзажей Джея: за узкой кромкой зелени городских предместий — бескрайняя, оживленная лишь складками редких оврагов, до горизонта степь и вдалеке — миражом за пологими восходящих потоков нагретого воздуха — косые слои отрогов горного хребта, уходящие ввысь, истонченные, сходящие там, в этой выси, на нет и как бы отношения не имеющие к тусклому блеску угловатой облачной гряды собственных вершин. А над всем этим — в выцветающей бездне неба — кольцо за кольцом плавно нарезают идеально ровные круги в немыслимой вышине эшелонами, одна над другой, редкие стаи гром-птиц.

Сейчас еще один мираж вырастал чуть ближе неровных, в знойной дымке тающих полос поросших лесом предгорий — тусклым блеском тонированного алюминия и золоченого стекла тянулась все выше и выше призрачная громада Юго-Западного космотерминала. Строительство, похоже, шло к концу — принятый на небесах план заселения Джея становился реальностью. И визит Томаса Л. Роббинса, федерального следователя, в дом декана Васецки был существенной частью этого плана.

Кайл Васецки был именно таким, каким представлял его Том: спортивный, очень собранный и еще совсем молодо выглядевший даже для своих тридцати с небольшим. Россыпь веснушек — от отца — еще и не думала выцветать, только была замаскирована плотным степным загаром. В лице преобладали скорее славянские — тоже в отца — черты. Только глаза были от матери-шотландки. В них-то Том и поймал ту тень привычной тревоги, почудившейся ему на снимках, которые он рассматривал в файлах Управления. Самый молодой из деканов университета мог бы иметь и более уверенный, самодовольный взгляд.

— Я думаю, перед вами мне не стоит разыгрывать спектакль и изображать очередного охотника за легендами и сказками — из тех, что решили заработать на возросшем интересе к Джею и издать на эту тему очередной опус? — осведомился Том.

Декан Васецки только еле заметно фыркнул в ответ.

— С вашего позволения, — Том извлек свой регистратор, положил его на стол и надавил сенсор, — я включу автомат подавления подслушивания.

Кайл снова фыркнул. Теперь — более заметно.

— Разумеется.

— Итак, — осторожно начал Том, — я хотел бы, чтобы между нами не оставалось недоразумений. Два года назад, по рекомендации профессора Бен-Иссу и полковника Мак-Клоски, вы были включены в группу, проводившую по заказу Министерства колонизации

исследования... м-м... закрытого характера на поверхности планеты Джей. Вам было направлено конфиденциальное приглашение. Последовал ваш отказ.

— Вы точно излагаете факты, — сухо подстегнул Кайл ход разговора, разминая пальцы, словно готовясь к сеансу какого-то странного восточного единоборства.

— Ваш отказ многих удивил, — продолжил Том, внимательно наблюдая за собеседником. — Но затем последовали некие... демарши с вашей стороны, которые удивили руководство проекта еще больше.

— О каком именно проекте идет речь? — прервал его Кайл. — Мне известны по крайней мере два проекта, в которых предполагалось использовать материалы работы той исследовательской группы, о которой вы изволили упомянуть, господин Роббинс.

Собеседник внутренне чертыхнулся информированности декана.

— Условимся, господин Васецки, — сказал он вслух, — что мы имеем в виду проект Министерства колонизации.

— Воля ваша, — вздохнул Кайл. — Я со своей стороны не вижу основательных причин для того, чтобы удивляться, что человек, хорошо знающий историю изучения здешних руин, отказывается участвовать в работе, которая может, как бы это выразиться... наградить его лишним знанием. Совершенно лишним. Если вы жаждете конкретности, то напомню вам, что из двенадцати членов комиссии Шоймана — той, что тридцать лет назад выполняла аналогичную... работу, — двое погибли при обстоятельствах, вызывающих подозрения, а один — покончил жизнь самоубийством.

Том посмотрел на собеседника с удивлением:

— Господи! Но ведь это были практически еще Имперские времена. С тех пор все изменилось.

— Времена меняются, мистер Роббинс, — сухо констатировал декан Васецки, — а суть проблемы — нет. Она убивает. Я это знаю, поверьте.

Некоторое время Том переваривал смысл этой сентенции, потом осторожно продолжил движение к сути дела:

— Ваши последующие действия показали, что вы действительно знаете об этом больше, чем, скажем, я. — Том нервно сплел пальцы. — Сначала посчитали, — продолжил он, — что вы просто убежденный пацифист и...

— Не слишком грешил этим. — Слова декана снова сопровождало легкое пофыркивание. — Мое хобби...

— Боевые искусства, — продемонстрировал свою осведомленность Том. — Хотя можно было бы предположить экзоархеологию.

— Теперь это — моя профессия. А профессия никогда не совпадает с хобби.

— Так вот, — аккуратно гнул свою линию Том. — Не прошло и года, и комиссия убедилась, что напрасно списала вас со счетов. Вы прислали министру меморандум, содержание которого удивительным образом совпадало с теми выводами, к которым пришла комиссия. Кроме того, вы выразили согласие пойти на контакт с... м-м... лицами, компетентными принимать меры в сложившейся ситуации. Ваше предложение рассмотрено и принято. Ваш покорный слуга — к вашим услугам.

Он отвесил декану чуть ироничный полупоклон.

— Ну что же, не будем терять времени. — Кайл Васецки поднялся из кресла. Подошел к полкам, тянувшимся вдоль стен кабинета и, стоя спиной к собеседнику, стал осторожно перебирать корешки книг и скоросшивателей, расставленных там. — Необходимые

материалы у нас под рукой — здесь, в этом кабинете, — продолжил он. — В крайнем случае — в лабораториях факультета. Я готов ответить на любые ваши вопросы, Задавайте их.

Последовала пауза секунд в тридцать.

— Прежде всего, мистер Васецки, — собравшись с мыслями, начал Том, — прежде всего я хотел бы разобраться в ваших мотивах.

— Пожалуй, мои мотивы и впрямь могут показаться неясными, — все так же, не оборачиваясь, согласился Кайл с произнесенным упреком, заключенным в вопросе Тома. — А действия — противоречивыми.

Он подождал реплики собеседника, но тот не стал его подталкивать к излишней откровенности. Он порядком опасался сопротивления материала.

— Понимаете, — продолжил Кайл, — первоначально я поступил чисто импульсивно. Вся эта возня с темным прошлым нашей планеты внушает мне страх и отвращение. Кроме того, на душе у меня лежит тяжелый груз. Я имею в виду судьбу Павла Сухова.

— Будет очень хорошо, если вы наконец прольете свет на этот эпизод вашей биографии.

Том поднялся и подошел к хозяину кабинета. Со стороны могло показаться, что они беседуют о расставленных перед ними книгах и безделушках.

— Следствие по этому делу зашло в тупик, — напомнил следователь.

— Исчезновение Павла прямо связано с той находкой, о которой я написал в своем меморандуме. Раньше я о ней не упоминал. Так что считайте, что этого тупика больше нет, — чуть устало уточнил Кайл.

Роббинс кашлянул:

— Вы окрестили этот... предмет словом «Джейтест».

— Да, «Джейтест» — это слово, ставшее для меня проклятием, — неприятно морщась, сказал Кайл. — Я только со временем стал понимать предназначение этого... инструмента. Это — тренажер. Точнее — пульт тренажера. А тренажером является весь Джей. Но об этом чуть позже. Факт, что этот пульт при каждой новой перестановке его элементов запускает очередное испытание для очередного члена тренируемой группы — Боевой Пятерки. Я не знаю, почему Империя Зу выбрала такой способ формирования своих боевых подразделений. Все пятеро по очереди должны преодолеть некую преграду. Справиться с неким заданием. И так — несколько раз. Ошибок этот тренажер не прощает — игра идет не на жизнь, а на смерть. Так что «Джейтест» — это еще и средство отбора. Селекции. Мы слишком поздно поняли это. Я и... Марика Карои. Те, кто выжил.

— А Павел Сухов? — Том повернулся лицом к Кайлу.

Тот тоже наконец посмотрел ему в глаза:

— То, что с ним случилось, ясно из того, что я сказал. Сухов сделал свой ход, он попытался спасти детей, которые попали в жернова этой жуткой игры. Хотел с помощью «Джейтеста» командовать Джеем, и «Джейтест» уничтожил его. Скорее всего — уничтожил. Боюсь, что могут быть варианты и похуже.

— Например?

— Например, метаморфоза. Превращение в некую иную суть. Но я думаю, Господь милостив и даровал Павлу всего только смерть.

— Вы совершенно в этом уверены? Почему?

Теперь Том задавал вопросы уверенно и быстро, не давая разговору уйти в сторону. Кайл продолжал отвечать медленно, тяжело:

— Очень трудно судить о том, что же на самом деле случилось с ним. Я сделал

несколько вариантов расшифровки той надписи, в которую сложились знаки на этих чертовых кубиках. Но в конце концов остановился на самом первом.

Кайл подошел к терминалу и нервно ткнул несколько клавиш, потерял «мышь», и на экран всплыли рисунок и несколько строчек перевода изображенной на нем надписи.

— «Пленники ведьмой (ведьмами) вернутся в Мир взамен на твой путь (твою жизнь). Ты продолжишь Испытание, вернув (заменяв) себя Четверем, — прочитал Том, — а Четверо найдут (заменят) тебя».

— Это — наиболее строгий вариант перевода текста, который сложился у нас *тогда*.

— И что это, по-вашему, значит?

— Это можно понимать по-разному. Пленники ведьм — это те, похищенные двойником Марики, детишки. И они действительно вернулись. Нашлись. При очень странных обстоятельствах, но нашлись. Как бы в обмен на Павла. А вот о возвращении или замене... то можно трактовать, в частности, и в том смысле, что Павел был... гм... перемещен в некое место, откуда он должен найти путь возвращения. Он его не нашел. Я думаю, что и никто другой не нашел бы этого пути. Он не для людей выдуман, этот путь. Но затем я немного изменил свое мнение.

— Эти Четверо? Имеются в виду — остальные члены этой Боевой Пятерки, о которой вы сейчас говорили?

— Я думаю, что это именно так. Странно... — Тут, видно, какая-то мысль мелькнула у декана Васецки и тут же ускользнула, прежде чем он успел сформулировать ее. Он запнулся, потом продолжил: — Я подробно изложил обстоятельства дела в своего рода... э-э... дневниковой записи, и вы будете иметь возможность с ней ознакомиться. К сожалению, все, что мы знаем, не может нам помочь даже предположить, куда унесли Павла демоны Джея. Так вот, как я вот так чисто эмоционально отказался принимать участие в предложенной мне работе, я немало передумал разного на эти темы. И понял наконец, что мой отказ — это просто попытка уйти от ответственности. Наивный, необдуманный жест замученного комплексами человека. Пусть эта ответственность страшна, но уходить от нее я не должен. Результатом таких вот размышлений стал известный вам меморандум. Кроме того, — Кайл задумался на мгновение, — кроме того, я подумал, что... Нет, скорее всего, ничто уже не спасет Павла — десять с лишним лет неизвестно где — это десять с лишним лет неизвестно где. Будь у него хоть малейшая возможность... Но все-таки, может быть, изучение этой проклятой игрушки поможет... понять, каков же был его конец. Поставить точку в этой истории.

Он замолчал.

— Должно быть, все это очень мучило вас, — осторожно двинул свою пешку Том. — Однако представьте себе реакцию инвесторов проекта на сообщение о том, что им предлагают вложить свои деньги не просто в тысячи квадратных километров пригодных для заселения и использования земель, а в какое-то минное поле, которое в любой момент может выкинуть что-нибудь смертоубийственное.

— Да. Но должен сказать честно, даже не это послужило последним толчком. — Декан Васецки снова обратил свой взгляд на книжные полки. — Сначала я... Сначала мне пришло в голову самостоятельно предпринять некое исследование этого... предмета.

— Он... ЭТО все время находилось у вас? — Том задал наконец вопрос в лоб.

— Нет! — Кайл круто повернулся к нему. — В том-то и дело, что нет! Мы — я и Марика — были настолько потрясены, когда... Когда поняли опасность, заключенную в

этом... в этой вещи, что первым нашим импульсом было уничтожить эту штуку. Зашвырнуть в океан. Я уже хотел привязать к этой коробке полдюжины шашек — из тех, которыми браконьеры глушат рыбу, и рвануть все это в заброшенном карьере. Но потом...

— Вы все-таки не уничтожили «Джейтест»? — вставил в образовавшуюся паузу свой вопрос Том.

Кайл посмотрел на него, прикидывая, как выразить свою мысль.

— Видите ли, — сказал он, потирая нос характерным жестом, — нам ведь совершенно неизвестно устройство «Джейтеста», механизм его действия. Что может случиться, когда из всей этой сложной системы исчезнет такой существенный элемент. И потом... Ничего не исчезает просто так. Не претерпев изменений. Я уже говорил вам, что можно уподобить «Джейтест» некоему пульта управления всей этой жуткой тайной машинерией Джея. Так вот: какие импульсы выпустит, какие команды отдаст он, разваливаясь в пламени взрыва или уходя в стиснутые чудовищными давлениями глубины вод? И учтите: мы тогда уже ясно понимали, что наши судьбы тесно связаны с судьбой «Джейтеста». Так что от идеи разрушить, уничтожить эту странность мы отказались.

— Довольно разумное решение, — с легким чувством облегчения заключил Том. — Как я понимаю, вы решили... укрыть его в каком-нибудь надежном месте?

— Мы замуровали его в фундаменте Горного замка, — ответил декан Васецки, сосредоточившись целиком на созерцании молитвенно сложенных кончиков своих пальцев. — Его, замок этот, никто еще сто лет трогать не будет. Как-никак памятник эпохи начала колонизации Джея.

— Вы как-то обозначили это место? Для себя? — Взгляд Тома стал еще более внимательным и слегка тревожным.

— Разумеется. Но все это уже не имеет значения. Когда я решил... возобновить исследования этого... предмета, и, как вы понимаете, такое решение далось мне не без труда, я снова отправился в Горный замок и...

— И?

— И обнаружил... что тайник вскрыт. Знаете, как только я приступил к вскрытию, я увидел, что... Ну, что это — уже не та кладка, которую выложил я. Так — что-то наспех слепленное. Ну и «Джейтеста» там, конечно, уже не было.

Некоторое время Том задумчиво рассматривал довольно приятное открытое лицо декана и наконец, вздохнув, спросил:

— А кто, кроме вас и мисс Карои, знали о... э-э... местонахождении вашего тайника?

— Я сам никогда и ни с кем не говорил на эту тему. И не делал никаких записей или пометок, — пожал плечами Кайл.

— Припомните, — Том придал своему голосу как можно больше убедительности, — могли ли быть какие-либо свидетели вашей... деятельности? Я имею в виду — того, как вы... м-м... произвели захоронение этой вещи? И еще — я очень хотел бы знать ваше мнение — этот пульт... «Джейтест»... Он существует в одном лишь экземпляре или?..

— На этот вопрос вам может ответить разве только Господь Бог. И то — не наш, а Сумасшедший Бог этого Мира. Мне ничего не известно о других экземплярах этой... игрушки.

— Ну, а свидетели? Кто-нибудь, кроме вас двоих, имеет представление об этом предмете и месте его захоронения?

И снова Кайл пожал плечами:

— Практически нет. Хотя к нам — ко мне и к Марике — и проявляли... повышенный интерес. После тех происшествий.

Кайл Васецки, декан факультета истории Джея и победитель Дракона, смущенно откашлялся.

— Вы, — предположил Том, — вероятно, обратились к мисс Карои?

Кайл покачал головой:

— Нет. Я просто не в силах этого сделать: никто не смог мне сказать, где она.

— Даже информационная сеть? — с чуть ироническим недоумением посмотрел на него Том.

— Если человек не регистрируется в планетарной сети, — пояснил Кайл, — то он для нее не существует. Здесь, на Джее, это так.

— И давно вы не встречались с мисс Карои? — подумав немного, спросил Роббинс.

— С осени прошлого года, когда... — Декан как-то замялся. — Она как-то очень тяжело переживала все то, что произошло. Винула себя во всем, что случилось. В исчезновении детей и в том, какими они вернулись. Особенно в гибели Павла. Решила даже стать монахиней. Я сперва не поверил этому — совсем на нее не похоже. Но для этой глупости у нее просто не хватило денег.

— Неужели здесь, чтобы стать невестой Христовой, надо платить большие деньги? — удивился Том.

— Ах да, господи... Вы же не в курсе дела... Речь шла о монастыре Кунта-ин-Шая — Бога Удачи. Марика была пестрой веры. Братья и сестры там — народ весьма предприимчивый. И их монастыри — богатейшие предприятия на Джее. Даже правительство они иногда ссужают деньгами. Это, вообще говоря, как раз в характере Марики — предприимчивость.

— И куда она направилась после этой... попытки? — Том наклонил голову набок, прикидывая возможные варианты расследования.

— Мне этого не удалось узнать. — Кайл снова подошел к полкам и задумчиво провел пальцами по корешкам книг. — До этого она жила с теткой, родители у нее в разводе. Мать, кстати, тоже подалась в монастырь.

— Кунта-ин-Шая? — оживленно поинтересовался Том.

— Нет- в обычный — католического, если не ошибаюсь, направления. Они переписывались. Марика и ее мать, я имею в виду, — уточнил Кайл. — По крайней мере, Марика регулярно получала открытки ко дню рождения и к здешнему Рождеству. Может быть, она вас просветит больше.

— А ее отец?

Кайл развел руками:

— Тут я вам ничем не могу помочь. О нем у нас как-то разговоров не было. Это для нее была больная тема.

Том помолчал, разглядывая гром-птиц, еле заметными точками видневшихся в высоком поднебесье за окном, потом спросил чуть тверже, чем спрашивал раньше:

— Скажите, неужели, обнаружив, что эта штука — «Джейтест» — пропала, вы не предприняли ничего, чтобы хоть как-то связаться с мисс Карои? Ведь это так очевидно: предмет забрала либо она сама, либо кто-то, кто узнал о его местонахождении от нее.

Кайл нервно отбарабанил кончиками пальцев по матовой тяжелой местного дерева столешнице какой-то короткий, но виртуозно сложный мотив и кашлянул. Потом, меряя

кабинет шагами, стал объяснять Тому:

— Знаете, может, это вам покажется каким-то... ну, мальчишеством, что ли... но я даже обрадовался тому, что эта чертова коробка наконец-то ушла из моей жизни. Усмотрел в этом, ну, перст судьбы, что ли. Конечно, я подумал и про Марику, но... В общем, я чувствовал, что у меня нет морального права возлагать на нее ответственность из-за каких-то новых подозрений. Понимаю, что это звучит нелогично, но... Видимо, этим — таким странным коктейлем моих эмоций — и было вызвано появление той памятной записки, которую я в конце концов отправил на имя министра. Это тоже, по сути дела, попытка снять с себя ответственность.

— Ну что же. — Том извлек свои часы, совмещающие роль указателя времени, блока связи и компьютера, и пробежал пальцами по мини-клавиатуре. — Я, с вашего позволения, в ближайшие день-два займусь выяснением местонахождения... э-э... «Джейтеста». И мисс Карои заодно. Вероятно, мне предстоит предпринять несколько поездок. На расстоянии такие вопросы плохо решаются. Вот код канала, по которому вы сможете выйти на меня в любое время дня и ночи. Я остановлюсь в отеле «Пристань» — там мне забронирован номер. Вас я пока попрошу только об одной услуге.

— Рад буду помочь вам, — невыразительным голосом отозвался Кайл.

— Как я выяснил, то э-э... захоронение, где вы обнаружили «Джейтест», было сохранено в виде крипты в подвальной части транспортного узла на южной окраине Вестуича. И числится как собственность университета.

— Теперь это уже далеко не окраина, — грустно улыбнулся Кайл. — С тех пор как началось сооружение Большого космо терминала и всего этого Причального комплекса, городок наш порядком разросся. Но, слава богу, у властей хватает ума сохранять хотя бы часть здешней старины в неприкосновенности. Ума и денег.

— Я наводил справки, — продолжил Том. — Крипта сейчас закрыта для посещений. Находится под опекой университета. И естественно, что проходит она по ведомству вашего факультета. Не могли бы вы, как декан, сделать одно небольшое исключение?

— Вы считаете, что вам необходимо осмотреть захоронение? Я, разумеется, дам вам мое разрешение, хотя, честно говоря, не знаю, чем это может помочь. — Кайл порылся в ящике стола и достал оттуда магнитную карточку-ключ. — Возьмите, вы можете бывать там столько, сколько вам нужно и когда это вам будет нужно.

Том несколько смутился:

— А вы... Вы сами не хотели бы познакомить меня с этим местом? Странно, ей-богу, вы описываете в вашем меморандуме явления, происходившие там, как явно аномальные. Я считал, что вправе рассчитывать на вашу помощь при осмотре захоронения.

Кайл мучительно поморщился:

— Если вы сочтете мою консультацию абсолютно необходимой, я сопровожу вас *туда*. Но не скажу, что сделаю это охотно. Вам, должно быть, трудно это понять: для вас это всего лишь некое расследование некоего дела, с обстоятельствами которого вы, надеюсь, хорошо знакомы по существующим документам. А для меня возвращение к этому делу означает повторение какого-то кошмара, который я, честно говоря, мечтал сдать вам, как говорится, под расписку по описи! — Он помолчал немного и добавил: — Меня не оставляет идиотское ощущение, что этот чертов тест... Это испытание... Что я... Что все мы еще не прошли до конца его. Что-то странное снова заваривается на этой планете. Может, это просто мнительность чудака историка, но... Вам раньше приходилось слышать о «синдроме

кокона»?

— М-м... Только на одном из последних инструктажей. Редкое заболевание — человек теряет активность и становится чем-то вроде... вроде гигантского кокона какого-то насекомого. Это заболевание только недавно обнаружили здесь, на Джее.

— Вот именно, — глядя в сторону, сказал Кайл. — Недавно. Вскоре после того, как я обнаружил, что «Джейтест» вновь на свободе. Впрочем, не придавайте большого значения моим словам.

* * *

Случившийся неподалеку служащий автовокзала — полупустого и огромного — предупредил его:

— Сегодня автобусов на Лагодо уже не будет. Можете не спускаться под землю.

— Мне не нужен автобус, — бросил Том, становясь на эскалатор.

— Так вы в музей? — не отвязывался от него назойливый техник. — Тоже напрасно — там у них все закрыто до осени. Вот когда начнется учеба, так будут стадами пригонять студентов. И то — ненадолго. Там почти все время закрыто. Только для разных делегаций открывают.

Том с досадой помахал в воздухе своим удостоверением и канул в недрах подземного этажа транспортного узла. Найти там крипту было далеко не так легко, как ему это представлялось вначале. Том не сразу сообразил, что четко обозначенная на плане узла и напроочь отсутствующая на практике часть подземного уровня просто отгорожена от окружающего мира плотными стальными щитами. Магнитная карточка подошла к замку и открыла еще пару затворов с трудом найденной двери, ведущей в небольшой музейчик, в витринах которого были представлены разные малопонятные штуковины, относящиеся к периоду заката Империи Зу. Небольшая окованная дверь вела в крипту. Эта дверь заслуживала особого интереса: пломба на ней была кем-то сорвана и потом наспех присобачена на место. Впрочем — довольно умело. Том этого ни за что не заметил бы, если бы не начал ее снимать.

Помогая себе фонариком, он отыскал сенсоры системы освещения, и мягкий янтарный свет залил тускло-пыльную каморку бывшей кельи. Некоторое время Том стоял, приглядываясь к тому, что было перед ним. Затем достал казенный опломбированный регистратор и заснял келью с нескольких точек. Потом поднес к лицу свою серебряную «луковицу» и набрал на крошечной клавиатуре номер.

— Мистер Васецки? — спросил он. — Извините, что я беспокою вас так поздно. Скажите, когда вы были в крипте последний раз?

— Прошлой весной, — подумав, отозвался Кайл. — Нет, позапрошлой. Когда закрывали музей в связи со строительством.

— Вы сами накладывали пломбы на замок крипты?

— Нет, — подумав, ответил декан. — Это делал кто-то из служащих. По-моему, помощник коменданта Уоллес.

— Не припомните точную дату?

— Конец весны. Дата должна быть оттиснута на пломбе.

— Так, — перешел к главному Том. — Когда вы видели крипту последний раз, сколько

целых мумий Воинов Зу там было?

— Не воинов, а учеников, посвящаемых, — уточнил Кайл. — Их там оставалось двое.

— Так вот, — отчетливо и без всякого выражения в голосе уведомил его Роббинс, — сейчас пломба повреждена и из двух мумий уцелела только одна.

— Я... я немедленно подъеду. — Голос Кайла неузнаваемо изменился. — Посмотрите там, следовательно, там — среди... м-м... останков... Там должен быть амулет. Вы понимаете, о чем я говорю. Амулет на тонкой такой цепи. Точно такой же, как на той... На последней оставшейся мумии.

— Жду вас, господин декан. Что касается амулета, то я уже и сам его поискал тут. Стараясь не произвести больших разрушений. По-моему, его здесь нет.

* * *

— Вы совершенно правильно поступили, что позвонили с утра, — похвалила Тома тетя Элина. — Я через четверть часа уйду на курсы медитации и, разумеется, никаких средств связи с собой на сеанс не беру. Это, знаете ли, противопоказано, прямо-таки святотатство.

Судя по изображению, которое выдавал экран настольного — под мрамор — блока связи, годы вовсе не довели немолодую родственницу Марики до старческого маразма. Выглядела мадам Элина на все сто и вполне осознавала это. Вот только припомнить, когда последний раз давала ей о себе знать ее беспокойная племянница, она не могла никакими силами. Какое отношение Марика имела к «Линчжи» — ах да, боже мой, они же с детства были лучшими подругами с Циньмэй — младшей дочкой господина Цзун Вана — владельца этого... м-м... предприятия. У нас в Вестуиче — их центральный филиал. Правда, после того, как господин Цзун Ван умер — он ведь умер, не правда ли? — они все перебрались в Лагодо. Кажется. Монастырь Кунта-ин-Шая? Да, это недалеко оттуда. В предгорьях, меньше чем в сотне миль от столицы. В Желтых предгорьях. Нет, Марика так давно не писала ей и не звонила.

Том попрощался с тетей Элиной, вырубил блок и в погасший экран назвал милейшую собеседницу старой стервой. Снял с принтера распечатку информации, поступившей по его запросу о «синдроме кокона», поглядел на часы и сообразил, что вот-вот опоздает на первый рейс до Лагодо. С остановкой в Желтых предгорьях.

* * *

Стоявшая над степью сухая жара сумела, казалось, проникнуть и в пулей летящий вдоль нагромождения горной цепи вагон монорельса, вопреки исправной работе кондиционеров, герметическим прокладкам и затемненным стеклам, отсекавшим салон от внешнего мира. Чтобы избавиться от этого наваждения, Том дважды заказывал в сервисном автомате пузатенькие, зеленоватого пластика запотевшие бутылочки с искрящейся пузырьками ледяной минеральной водой и не торопясь, словно воин, преодолевающий пустыню, опустошал их. Все — без толку.

Оставалось только «листать» на экране карманного компьютера файлы из полученной по планетарной сети базы данных по ордену Кунта-ин-Шая — Скупого Бога Удачи. И по

странной болезни, поразившей уже почти сотню жителей Джея.

Когда вдали на фоне сияющих вершин и закрученных, рериховских облаков замаячили желтые стены и пестрые флаги монастыря, в горле у Тома снова было сухо, как в заброшенном колодце посреди пустыни.

Секретарствующая монахиня указала ему дорогу во вполне современный офис, где Тома ожидала до сумасшествия похожая на первую сестра рангом повыше — ответственная за работу с кадрами помощница матери настоятельницы.

— Позавчера вы связывались со мной по телефону, господин Роббинс, — начала она, жестом указывая на жесткий, из какой-то затвердевшей лозы плетенный стул. — Я не могла ответить вам сразу. Документацию наш отдел ведет только на бумаге — мы не доверяем важные вопросы компьютерам. Так что потребовалось определенное время, чтобы найти необходимые сведения. И чтобы проверить по... м-м... нашим каналам ваши полномочия. Поймите — когда дело касается таких деликатных вопросов, как личные дела сестер и братьев, возможны самые неожиданные злоупотребления.

То учреждение, которое представлял на Джее Томас Лэмберт Роббинс, тоже свято хранило секреты личных дел своих служащих и клиентов, так что сестра-аббатиса могла рассчитывать на полное взаимопонимание.

Впрочем, в словах ее крылся некий повод для недоумения, которое Том тут же и высказал:

— Простите, — удивился он, — насколько мне известно, госпоже Карои было отказано в... э-э... чести быть принятой в круг сестер.

— Первоначально — да. Однако я была вправе полагать, что вы в курсе... м-м... дальнейшего развития сюжета. — Монахиня чуть иронически скривила уголок рта.

— И каково оно было, это продолжение? — невозмутимо-наивно поинтересовался Том.

На стол перед ним легла коричневая папка с допотопным магнитным замком-зажимом. Сестра-аббатиса заломила бровь и уведомила Тома:

— К нашему с вами обоюдному удовлетворению, материалы, запрошенные вами, не составляют ни личной тайны мисс Карои, ни тайны нашей обители. Присаживайтесь за этот стол и ознакомьтесь с ними. Если вам потребуются заверенные копии, то ксерокс, — сестра сделала жест рукой, — в вашем распоряжении, господин Роббинс, а наш нотариус — во второй комнате по коридору, налево. Не смею далее обременять вас своим присутствием — у меня масса дел, в случае чего вам поможет сестра Марта.

Оставшись наедине с относительно тощей папкой, не содержащей, по словам сестры-аббатисы, ни личных тайн Марики Карои, ни тайн монастыря Кунта-ин-Шая, и с погруженной в единоборство с канцелярским компьютером сестрой Мартой (тоже достаточно тощей). Том подавил тяжелый вздох, попросил у сестры воды, был наделен одноразовым стаканчиком «швеппса» и взялся наконец за содержимое папки.

Подшивку открывало от руки написанное, сугубо формальное заявление Марики Карои, содержащее просьбу о причислении ее к Подготовительной общине девиц монастыря. Листок был украшен входящим номером и резолюцией «отказать за отсутствием причин, позволяющих рассматривать кандидатуру подателя без внесения вступительного бескорыстного пожертвования». Ниже, однако, шла вторая, двумя месяцами позже наложенная и отменяющая первую резолюция о зачислении девицы Карои в Подготовительную общину с присвоением ей (девице) соответствующего регистрационного номера и определением ей соответствующего ее статусу кошта. Как нечто объясняющее столь

резкое изменение принятого канцелярией монастыря решения следом шло на бланке фирмы «Линчжи» отпечатанное прошение на имя матери настоятельницы, предлагающее пересмотреть заявление девицы Карои от такого-то числа ввиду внесения спонсором, в лице «Линчжи», вступительного бескорыстного пожертвования в размере шестидесяти тысяч единиц федерального кредита. Бланк был украшен полудюжиной благожелательных резолюций. Далее следовали корешки чеков и копия расписки в получении упомянутой суммы бухгалтерией монастыря.

Том призадумался. Потом продолжил чтение.

Судьба сестры Марики (монахи и монахини, посвятившие себя Кунта-ин-Шаю, сохраняли мирское имя) складывалась далее, видимо, вполне стереотипно: после четырехнедельного пребывания в составе Подготовительной общины она была причислена к корпусу Непосвященных сестер, а еще полугодом позже, пройдя Посвящение, стала сестрой-порученкой третьего разряда, меньше чем через год — второго и год спустя — первого. Краткие характеристики, сопровождавшие каждую из этих метаморфоз, были абсолютно безлики и не давали возможности умозаключить что-нибудь путное о природе хоть одного из этих самых поручений, успешно выполненных сестрой-порученкой. Все это, если верить прочитанным им только что данным, соответствовало типичному графику движения по иерархической лестнице новоприобщенной к ордену сестры ее возраста.

Но при переходе к статусу сестры-предпринимательницы у Марики возникли проблемы. Папка содержала несколько страниц выписок из исповедей различных сестер, которые Том характеризовал бы скорее как доносы, весьма конфиденциальные и неудобочитаемые, из каких-то одним только посвященным (с большой и с малой «П») понятных полунамеков. Затем довольно неожиданно следовало заключение авторитетной комиссии, составленной из чинов медицинского и духовного звания, подтверждающее несомненное наличие у сестры Марики Второго из Основных Даров, каковой, вне всякого сомнения, может быть поставлен на службу слову и делу Кунта-ин-Шая. То же заключение еще раз подтверждалось второй — несколько иного состава — комиссией. Затем еще одной. Еще и еще. В самом последнем заключении формулировка была немного изменена. Станным образом: Второй из Основных Даров, которым обладала Марика, именовался «ранее тщательно ею скрываемым».

После чего шло авторитетное — из столичного храма — предписание «послушничество сестры Марики не расточать в повседневном промысле, а направить на достижение целей особого характера, принимая во внимание свойственный ей Дар».

Сразу вслед за этим многозначительным листком шла датированная четыремя годами позже выписка из протокола, в которой авторитетный кворум руководящих лиц монастыря и ордена признавал необходимым принять к злоупотребившей Вторым из Основных Даров сестре Марике дисциплинарные меры в виде совершения внеочередного паломничества к Святыне и денежного штрафа в размере десятой доли ежегодных дивидендов, взимаемой в течение трех последующих лет.

Тому так и остались непонятны мера вины и наказание злоупотребившей сестры.

Вслед за этим темным документом шел сухой официальный доклад сестры-коменданта монастыря о невозвращении из паломничества сестры Марики. Немного света на эту историю проливал заключающий подшивку документ — снова выписка из протокола совместного заседания монастырских и орденских иерархов. Мисс Марика Карои на веки вечные отлучалась от служения слову и делу Кунта-ин-Шая, изгонялась из монастыря и

лишалась своих дивидендов в Общем Деле. Из выписки следовало, что бывшая сестра и ущерб делам Ордена и его авторитету занялась — сначала тайно, а затем и явно — частной практикой, употребив на это свойственный ей Дар. Еще из выписки можно было заключить, что постоянного места жительства вне стен монастыря девица Карои не имела и проживала в гостиницах ряда городов побережья или снимала в них жилье на короткие сроки, нигде не задерживаясь надолго.

На некоторое время Том впал в оцепенение, потом закладками отметил несколько листков и неопределенным «э-э...» привлек к себе внимание сестры Марты. Та быстрейшим образом уладила дела с копированием бумаг и их «обработкой» у нотариуса, после чего Тому оставалось лишь благодарно откланяться.

— Извините меня, мисс, — позволил он себе нарушить чопорную недоговоренность момента, — мне хотелось бы знать: это принято в вашей обители или же, наоборот, является исключением то, что бескорыстное пожертвование... м-м... связанное с принятием мисс Карои в Подготовительную общину, внесло некое третье лицо, спонсор?

Сестра Марта вежливо улыбнулась:

— Видите ли, обитель наша весьма щепетильна в отношении... э-э... чистоты принимаемых пожертвований.

Документ, недавно прочитанный Томом, говорил скорее об обратном.

— Если, — продолжала сестра, — первоначально мисс Карои не располагала средствами для такого пожертвования, а уже через два месяца такие средства были в ее распоряжении, то самым простым способом установить законность источника этих денег было адресовать спонсирующее лицо непосредственно к нам. Это исключает возможность нечестного происхождения жертвуемых средств. Мы всегда поступаем подобным образом в таких случаях. Кажется, вы хотите спросить меня еще о чем-то, мистер Роббинс?

Да, мистер Роббинс хотел спросить сестру еще кое о чем.

— Не поясните ли вы мне, — осведомился он, — что имеется в виду под Вторым из Основных Даров, которым так злоупотребила ваша... э-э... бывшая сестра. Если это, конечно, не секрет.

Сестра Марта еле заметно вздернула плечи:

— Второй из Основных Даров — это Дар Провидения, мистер. Особая его разновидность. Бывшая сестра Марика предвидит судьбы неодушевленных существ. Их судьбу и их предшествующий путь. Его еще называют Даром Второго рода.

Том чуть удивленно наклонил голову и осведомился:

— Значит, когда вы говорите о том, что мисс Карои злоупотребила своим Даром, вы имеете в виду...

— Мы имеем в виду то, что бывшая сестра Марика стала зарабатывать гаданием. Только и всего. Это, к сожалению, довольно типичный случай. — Монахиня на минуту задумалась, поджав губы. — Если у вас, мистер Роббинс, есть проблемы с... м-м... установлением местонахождения мисс Карои, то вам лучше всего обратиться в корпорацию, а не в компьютерную сеть планеты.

— Вы имеете в виду Корпорацию гадалщиков?

— Правильное название этой организации — Корпорация магов и темных ремесел. Обратитесь туда.

— Насколько я понял, мисс Карои не очень-то склонна... м-м... ограничивать свою деятельность рамками какой-либо официальной структуры, — заметил Том.

— Мимо корпорации Марика не проскочит, — чуть изменив тон, не без злорадства сказала сестра. — Они не терпят конкуренции такого рода. Если бы она поссорилась с корпорацией, мы уже давно знали бы об этом.

Том понимающе наклонил голову и задал последний вопрос:

— Ну а Первый из Основных Даров? Или Третий и Четвертый, если таковые имеются?

Монахиня еще раз недоуменно поежилась:

— Вам это необходимо знать для успешного ведения вашего... э-э... следствия?

— Не сказал бы этого с уверенностью, — признался следователь.

Сестра Марта поднялась с места, всем своим видом показывая, что разговор, собственно говоря, окончен. Том прихватил свой кейс и, назвав в глубине души сестру старой стервой — второй раз за этот день, рассыпаясь в благодарностях, покинул столь гостеприимные стены обители приверженков Скупого Бога Удачи.

* * *

От того места, где сходит на нет заброшенный проселок, — пешком, по берегу речки к озерам. Холодному Соленому и Ледяному Пресному. Вдоль черных, словно выгоревших опушек. Туда, где начинаются скалы.

Снова Кайл шел этими, одному ему видимыми, тропами.

И снова, в такой же, как и много лет назад, теплый день затишья, под приглушенно-гневный скрип черных гиффовых сосен, он стал разводить костерок в распадке, в тени одного из Высоких Камней, куда не проникало дуновение теплого ветерка. Только день сегодня был не из последних теплых, осенних. В Леса уверенно входила долгая и капризная весна северного полушария Джея.

Как и прежде, не торопясь, усталыми руками он сложил из просохшего опада, веток и сучьев костерок и разжег его ритуальным зеркальцем. А когда заколдованный дым потянулся ввысь почти невидимой, причудливой нитью, Кайл начал скармливать огню то, что велел Уговор. Когда на потрескивающие, обращающиеся в уголь сучья легла легкая, почти невесомая цепь, он замер в с детства привычной позе и, прикрыв глаза, ловя лицом рассеянное в воздухе тепло лучей Звезды, стал ждать, пока он не услышал за спиной шаги старого учителя.

— Здравствуй, Квинт, — сказал Кайл.

— Здравствуй, Кайл, — ответил негромкий голос за его спиной. — Ты опоздал.

— Опоздал позвать тебя? — Васецки поднял глаза на иссушенного, почти бесплотного, словно тень гиффовой сосны, старца.

— Ты опоздал задуматься. Это важнее, Кайл. Куда важнее. Теперь не ты выбираешь события. Теперь события выбрали тебя.

Они довольно долго молчали оба.

Дым от костра стянулся в узенькую струйку. Молитвенно как-то стал втягиваться в высокое небо. Но все не иссякал, все не мог истончиться в ничто.

— Меня мучает мысль. — Кайл протянул к костру руку — струйка призрачной субстанции дыма почти незримым волосом обернулась вокруг его ладони и снова недрогнувшей нитью продолжила возноситься вверх, вверх, вверх. — Я оставил друга в беде. Я виноват в его... гибели. И еще это. То, что стало происходить с людьми... Эти... коконы

как-то связаны с?..

— Это уж вам судить. Самим. Знаю только, что бывало такое и раньше. Будет срок — покажу тебе пещеру, где их, коконов этих, и не сосчитать, пожалуй. Это все от Плохих времен осталось. И тревожить их не след.

— А... а что из них будет потом? Во что... Во что *там* превращаются, они, эти люди? Или это просто гибель? Такой конец?

— Ты сам не веришь тому, что говоришь. — Старик повторил его жест, и теперь их руки связала еле заметная, еле ощутимая цепь. — Ты опоздал задуматься. Ты испугался игры, которую начал. Но не хочешь понять, что уже не ты выбираешь.

— Но... Я даже не вправе сделать ход. — Кайл наклонил голову, чтобы уловить то выражение, которое означилось на выбеленном годами, словно из вымытого дождями веков потрескавшегося известняка, выточенном лице Квинта.

— Ты лучше меня знаешь Правила Испытания. Но не хочешь понять их. Ты боишься. — Старик будто подтверждал свои слова еле ощутимым движением ладони, на миг заставившим дрогнуть ниточку дыма, связавшую его и Кайла.

— А разве мне нечего бояться? — устало спросил Кайл. — И не только за себя самого.

— Ты боишься вовсе не этого. — Старик задумчиво посмотрел на огонь. — Ты боишься того, что мир, в котором ты живешь, оказался не тем, чем ты его себе представлял. Оказался только декорацией, за которой стоят и ждут тебя страшные вопросы и страшные ответы на них. И ты изо всех сил натягиваешь это уже лопнувшее полотно, из последних сил стараешься удержать на месте клочки тех — спасительных для тебя декораций. Но время пришло, Кайл. К каждому приходит время страшных вопросов.

Они снова молча смотрели на странный свой костерок, потом Квинт поднялся и глухо, как-то в сторону, сказал:

— Подумай над тем, что написали тебе знаки Ларца. Тебе и твоему другу. Подумай об этом без страха.

И Кайл остался один возле погасшего костра в тени вековых сосен.

— Ты должен сам найти путь возвращения к Четырем, — сказал он в пустоту. Поднялся и повторил — теперь уже самому себе: — К Четырем. К *Четырем*, черт его возьми!!!

* * *

Центральный филиал фармацевтической фирмы «Линчжи» располагался несколько на отшибе от деловых кварталов Лагодо, ближе к Озерным паркам, собственно в одном из них — в Небесном Квартале, построенном в районе фешенебельных особняков, окультуренном диком лесу. Филиал размещался в жилом особняке, что было естественно: фирма являлась семейным предприятием и, пользуясь солидной репутацией среди специалистов, в излишнем внимании посторонних не нуждалась.

Эту и ряд других особенностей столь интересного фигуранта по делу, как миссис Лююнь, вдова и наследница не столь давно почившего владельца предприятия. Том выяснил в дороге, в кабине поставленного на автопилот «опель-карата», взятого им на прокат в Желтых предгорьях, через информационную сеть здешнего филиала Управления. Однако Управление знало о «Линчжи» далеко не все. В этом Том убедился, когда, припарковав свой служебный флаер у ворот прячущегося в глубине небольшого сада особняка-офиса, увидел

светло-коричневый «линкольн» с приоткрытой дверцей. В проеме ее вырисовывался силуэт человека, уже давно кого-то ожидающего. Устроившись на краешке водительского сиденья, он кормил каких-то мелких птах, резвящихся в придорожной пыли, крошками чего-то съестного — остатками сэндвича, наверное.

Навстречу Тому он поднялся.

— Полковник Стырный, — представился он. — Госбезопасность Республики Джей. — Офицер продемонстрировал свой идентификатор. Характерным жестом — незаметным со стороны.

Роббинс тоже не преминул назвать себя (что, по всей видимости, было совершенно излишне) и точно так же показал полковнику свою карточку с двумя гербами: Управления и Федерации.

— Быстро вы вышли на мадам Луюнь, — устало похвалил следователя Стырный. — Лучше бы, правда, вы для начала наведались в нашу контору. Это бы вас избавило от лишних хлопот. Впрочем, это только совет, не более.

— Я весьма вам благодарен, полковник. — Том оставил фразу висеть в воздухе полуоконченной и интонацией дал понять, что ждет, когда собеседник перейдет собственно к делу.

Если уж того принесло прямо сюда, то причина для этого была явно неотложной.

— Тогда выслушайте и второй мой совет, — все так же устало продолжил разговор господин Стырный. — Ни в коем случае не спрашивайте госпожу Луюнь о судьбе коллекции ее покойного супруга. Лучше всего будет, если вы создадите у миссис впечатление, что вам ничего об этом деле не известно.

«Это будет несложно, — мысленно ободрил полковника Том, — я ни про какую коллекцию покойного господина Цзун Вана сроду не слышал».

По всей вероятности, полковник Стырный не лишен дара телепатии или был неплохим физиономистом: он наклонил голову к собеседнику и, не глядя в глаза, уточнил:

— Вы, конечно, знаете, что коллекция реликвий Древних Империй такого масштаба не могла «уйти» бесследно. Весь фокус состоит в том, что ни один предмет этой коллекции официально не числится собственностью ни Цзун Вана лично, ни «Линчжи». Все было оформлено на фиктивных владельцев. Теперь по негласной договоренности большая часть... м-м... экспонатов выставлена в Национальном музее. Но того предмета, который интересует нас с вами, там, естественно, нет. Впрочем, вы, конечно... Не стоит затрагивать эту тему в предстоящем вам разговоре. Спугнете дичь, поверьте моему слову, ей-же-ей, спугнете.

— Не поделитесь ли вы со мной еще и такой вот информацией. — Том замялся, задумчиво глядя в сторону. — Почему только теперь и в такой вот... м-м... неофициальной форме ваше министерство решило доставить нас в известность о том, что ведет это дело?

— Министерство этого дела не ведет. Уже восемь лет. После того как начались парламентские слушания о Плате заселения. Нам дали понять тогда, что тайны привлекают туристов и вкладчиков, только пока они не раскрыты. Раскрытые тайны могут их оттолкнуть. У них страшноватая подкладка — у тайн Джея. Однако, судя по вашему здесь появлению, следовательно, федеральные власти более серьезно отнеслись к... проблеме.

— Тогда... Простите, от чьего же имени вы говорите со мной здесь сейчас?

— От своего собственного, следовательно. Только от своего собственного. Видите ли, у каждого из нас, работников со стажем, — свой «скелет в шкафу». Мне не дает покоя скелет Павла Сухова — был такой специалист в области экзoarхеологии. Я за ним недоглядел в

свое время. Вот мои каналы связи, — Стырный протянул Тому листок с нацарапанной на нем колонкой цифр, — и код базы данных по коллекции господина Вана. Ваш уровень доступа, конечно, вполне достаточен, чтобы ею воспользоваться. Да, еще. Когда вас заинтересует мисс Циньмэй — младшая дочка Цзун Вана, примите во внимание ее хобби — занятия в клубе Мастера Лю. Я бы сказал — в его секте. Удачи вам. Мне пора.

— Еще один вопрос, полковник, вы можете мне что-нибудь сказать о «синдроме кокона»? Это не привлекало вашего внимания?

Полковник молча посмотрел сквозь Тома и захлопнул дверцу салона. С еле слышным, низким рокотом «линкольн» тронулся с места. Том вложил записку Стырного в бумажник и зашагал к порогу «Линчжи».

* * *

Миссис Луюнь приняла не очень желанного гостя вовсе не в офисе, а в наполненной уже вечерними тенями гостиной, по стенам которой были размещены с какой-то педантичной строгостью, в тон обоям, выполненные в древнекитайской манере сепией вертикальные пейзажи. Миниатюр было около дюжины.

Услышав выданную Томом легенду, по которой старшая школьная, а затем университетская подруга ее младшей дочери Марика Карои находится в розыске как свидетель по некоему деликатному делу многолетней давности, миссис Луюнь нервно, зябко поежилась и довольно надолго замолчала, словно забыв о присутствии посетителя. Потом велела принести чаю и, смакуя из пиалы дымящийся напиток, начала долго и вдумчиво рассказывать ему о традициях и истории фирмы «Линчжи». О том, какой вклад в развитие восточной медицины и фармакологии здесь, на Джее в частности, внес ее покойный супруг — «человек, который сам всего добился в этом мире». После этого она задумалась на минуту-другую и со вздохом сожаления сообщила милейшему господину Роббинсу, что не может ни сообщить ему что-либо путное о нынешнем местонахождении госпожи Карои — «как же, такая милая, хрупкая девочка, подвижная очень — помню ее, помню», — ни пригласить для разговора свою дочь — «вы же знаете это нынешнее молодое поколение: они уже не отчитываются перед нами, стариками, куда, так сказать, направляют свои стопы». Да, да, конечно, она вспоминает, что Циньмэй уговорила как-то раз покойного отца внести какую-то... м-м... — миссис Луюнь не помнит, какую именно сумму — в казну какого-то из этих смешных монашеских орденов, которых здесь так много. Нет, никаких претензий к этой девочке в этой связи никто не имеет. Вернула ли она долг? Право, госпожа Луюнь не знает. Разве это существенно?

Нет, черт возьми, это, конечно, не было существенно: ну разве может быть существенным, за какие заслуги девице Карои, чтобы стать послушницей, была выделена сумма, достаточная для безбедного существования здешней среднестатистической семьи в течение пяти-шести лет? Что думает владелица одного из самых авторитетных фармакологических предприятий планеты о недавно зарегистрированном на планете «синдроме кокона»? Нет, госпожа Луюнь ничего не думала об этом редком заболевании. Хотя, конечно, исследовательский отдел «Линчжи» уже активно исследует эту проблему. Отказавшись от третьей чашки зеленого чая и признав в душе, что одна старая стерва другой стоит, Том уже поднялся, чтобы откланяться и покинуть гостеприимную гостиную

семейного предприятия. Но в этот момент непрогнозируемое молодое поколение в лице младшей дочери миссис Луюнь нарушило наметившийся благопристойный финал визита федерального следователя в святилище восточной фармакологии.

Циньмэй, которую Том сперва грешным делом принял за угловатого подростка-посыльного, деловито впорхнула в утопающую в сумерках гостиную, развеяв его заблуждение, чмокнула чересчур старую — в бабушки ей подходящую — маму в седины и, окинув оказавшегося в комнате постороннего почти невидящим, рассеянным взглядом раскосых глаз, вознамерилась удалиться по ведущей на верхние этажи лесенке.

Том, громко и значительно кашлянув, успел остановить такое развитие событий. Миссис Луюнь, преодолев мгновенно возникшую мигрень, сообщила Циньмэй, что господин из... э-э... Метрополии хотел бы побеседовать с ней относительно этой милой девочки. Ну, помнишь, ты с ней дружила в школе. Потом она поступила в университет. Карои, кажется, ее фамилия. Года на три старше тебя. Садитесь, садитесь, господин Роббинс. И ты, Циньмэй, тоже присядь. Не будете же вы разговаривать, стоя столбами?

— Не на три — на все шесть, ма, — охотно отозвалась дочь, уже внимательнее приглядываясь к чуть консервативно, но в то же время франтовато одетому визитеру. — Но давно уже ее не видела, ма. И я опаздываю к Лю. И потом, мне надо навестить Иннинь: там что-то случилось с ее братом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Странные они были подруги, — подумал Том. — Студентка-заочница последних курсов столичного университета, брошенная родителями, живущая на иждивении тетки, подрабатывающая в археологических партиях, которые ковыряли сухую степь где-то в окрестностях ее родного Вестуича, и школьница столичной привилегированной гимназии, дочь состоятельных родителей. Шесть лет разницы. Странная бывает дружба...»

Он понял, что Циньмэй, как и все азиаты, выглядит много моложе своего возраста, почти ребенком. Необычное сочетание изысканно-точенной линии тонкой шеи, гордой посадки головы — явно от матери, аристократки бог весть в каком поколении, — и чуть тяжеловатого подбородка, острых скул, плебейского грубого загара, неуловимая тень врожденной хитрости во взгляде — это от отца, «который сам всего добился в этом мире». Нехорошо, однако, заглядываться на девушек, которым собираешься задать пару неприятных вопросов.

«Тьфу, наваждение, — не давала ему покоя навязчивая мысль. — Что-то не так здесь. Кроме черт лица и экзотического разреза глаз — что-то не так».

— Я не задержу вас надолго. Скажите, мисс, — уверенно начал Том, — как получилось, что ваш... м-м... покойный папа, не задумываясь, внес довольно солидную сумму в качестве взноса в казну ордена Кунта-ин-Шая, необходимого для принятия в Подготовительную общину вашей подруги, о которой мы только что говорили? Это был заем или... э-э... безвозмездное пожертвование?

— Почему вы думаете, что отец сделал это не задумываясь? — недоуменно пожала плечами Циньмэй. — Я его с трудом уломала тогда. Надо было спасать Марику.

— Вот как? Для нее так жизненно важно было пойти в монахини? — чуть удивленно осведомился Том. — И именно в монастырь Кунта-ин-Шая?

— Она не признавала другой веры, кроме пестрой. Никогда, сколько я ее помню. Хотя, конечно, не принимала ее всерьез.

— Пеструю веру никто не принимает всерьез, — произнес общепринятую истину

Роббинс. — Так почему же...

— Потому что у нее все остальное было слишком уж всерьез. Не в том смысле, что ей угрожало что-нибудь... официальное. Нет, это чисто внутреннее у нее было. В чем-то она себя винила все время. Вы, наверное, лучше меня знаете, что у Марики были крупные неприятности.

— Понимаю — травма. Но я-то полагаю, что, наоборот, — осторожно предположил Том, — с вами, как со своей подругой, она поделилась.

— Я ей скорее младшей сестрой была, чем подругой, — как-то не по-женски резко прервала его Циньмэй. — И делиться своими переживаниями она никогда ни с кем не любила, мистер.

— И... потом ваши отношения каким-то образом прервались. Мисс Карои не вернула вам эти деньги? — поинтересовался Том, решив, что не мешает порой и дурачком прикинуться в таком обществе.

Казалось, он задал вопрос, поставивший девушку в тупик. Что-то не так было в ней. Только вот — что?

— Деньги? — Казалось, она впервые задумалась над этой стороной вопроса. — Да, пожалуй, вернула. Она стала хорошо зарабатывать, когда ушла из монастыря.

— Ей там не понравилось? Или просто она, так сказать, оправилась от своей травмы?

— Да скорее нет. — Циньмэй рассеянно смотрела куда-то в пространство и, похоже, скорее решала что-то для себя, чем отвечала докучливому следователю. — Наоборот. Она совсем сломалась. До конца.

— Ну что ж, в таких случаях люди иногда начинают хорошо зарабатывать. Бывает, — признал Том. — Так почему же все-таки вы перестали общаться с... э-э... Марикой?

— Да как-то все само собой сошло на нет, — с налетом грусти ответила Циньмэй. — Мы перестали быть друг другу интересны. И потом, у Марики бзик такой остался. Будто у нее дурной глаз. Словно всех, кто с ней близок, преследует рок. Беда. Поэтому она ни с кем и не сходилась особенно. Часто переезжала. И никогда не сообщала нового адреса. Если это вас интересует.

— Вы это воспринимали всерьез?

Девушка снова пожала плечами:

— Мастер Лю говорит, что у каждого — своя аура.

Том не стал интересоваться взглядами Мастера Лю на ауру Марики Карои и, наконец поднявшись со стула, откланялся. В этой игре козырей у него не было, и с развитием беседы можно было повременить. К тому же с непредсказуемой, чем-то симпатичной ему в общем-то Циньмэй поговорить начистоту лучше, допустим, за столиком кафе, чем под отрешенно бдительным взглядом госпожи Луюнь.

Только усевшись за руль и поворачивая ключ зажигания, Том вдруг сообразил, словно о невидимый пенек споткнувшись, что именно было «не так» в минувшей сцене: на загорелой, точеной шейке Циньмэй болталась, прячась под майкой, цепочка. Странная такая цепочка — он только в одном месте видел такую. Совсем недавно. Нет, Господь не подкидывает таких подарков вот так запросто. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Хотя ради того, чтобы ближе познакомиться с Циньмэй, Том был не прочь заглянуть и в это приспособление.

«Нехорошо в служебное время засматриваться на девочек, — еще раз сказал себе Том. — Но иногда — полезно для дела». Еще он подумал, что встречи с четвертой старой

стервой он сегодня не выдержит, поэтому отложил посещение матери девицы Карои в ее монастырском уединении на потом и тихо тронул машину по Мэйн-стрит. В каждом городе Джея была своя Мэйн-стрит. С этим следовало просто смириться.

Но все же, ей-богу, только в такой дыре, как бывшая Колония Джей, главную улицу столицы могли назвать так по-деревенски. Лагодо был и оставался всего лишь раздавшимся вширь провинциальным городишкой, а его немногочисленные правительственные резиденции — всего лишь прифрантившимися плантаторскими особняками. Суждено ли сему городу стать типовым мегаполисом Федерации, существенным образом зависело от той миссии, которую не спеша выполнял здесь Томас Лэмберт Роббинс.

«Господи, чем таким они здесь все-таки управляют? — спросил Бога Том, минуя торжественно-мраморное, «почти как настоящее», здание Совета Министров. — Здесь же все идет само по себе. Протекает, точнее сказать. Только Драконы выходят иногда из скал».

* * *

Штаб-квартира Корпорации магов и темных ремесел располагалась заодно с разношерстной дюжиной других офисов в одном из редких для Джея стереотипных билдингов типа «Манхэттен Олд — 400», которые вездесущая «Стоунбридж инкорпорэйтед» понастроила по всей Периферии, как знак торжества ремесла над Искусством — в архитектуре по крайней мере. Размахнулись маги на целый этаж.

Офис был безлюден и скучен. Каббалистических знаков на стенах не было заметно, нигде не курились колдовские зелья в плоских жертвенных треножников, да и самих треножников, видно, здесь не держали. Том уверенно прошел по несложному лабиринту мимо клетушек-кабинетов, в которых тихо шуршали принтеры и болтали на вполне мирские темы невидимые за матовыми стеклами клерки — тоже, видно, не из разряда упырей и ведьм, и уверенно вошел в кабинет, украшенный табличкой «А. Баум. Президент». В смысле — председатель, конечно. За дверью, спиной к нему, сутулая, строго одетая седая карга нервно добивалась от компьютера чего-то, надо полагать, совершенно невозможного.

— Не могу ли я записаться на прием к господину Бауму? — кашлянув, поинтересовался Том как можно более деликатно, демонстрируя свой служебный жетон-идентификатор.

— *Госпожа* Анджела Баум — к вашим услугам, мистер, — произнесла в пространство перед собой старая дама и повернулась к посетителю.

«Господь любит Троицу, — определил для себя Том, — и с этой дурной привычкой Старого Джентльмена, видно, уж ничего не поделаешь. Три старые стервы в день — значит, три. И ни одной меньше. Но за что же все-таки четвертая? Я на это не подписывался. Господи».

* * *

Список прорицательниц и гадалок, исправно платящих взносы Корпорации и пополнивших ее ряды за последние пять лет, вместе с адресами и номерами каналов связи, подписанный ответственными лицами высоких оккультных званий и заверенный Большой и Малой печатями, занимал четыре страницы убористого текста. Еще столько же места

занимал список злостных браконьеров и неплательщиц в те же годы. Последних Корпорация предоставила на растерзание органам следствия с особым удовольствием. Единственное, чего не содержали столь полные списки, так это настоящих имен и вообще каких-либо биографических сведений о поименованных в них особах. Прошлым своих членов корпорация принципиально не интересовалась и такого рода сведений о них не предоставляла даже Господу Богу.

Списки Том прочитал с максимальным вниманием. Ни ума, ни счастья они ему не прибавили. Бывшая сестра Марика могла с равным успехом оказаться Марией Дэви Девятая, практикующей здесь же, за углом, или Огненной Лисицей Дэвятиглазой, прорицающей удачу и напасти поморам у черта на куличках, на Мерзлых островах. В жизни бы он не подумал, что малочисленный, лишь по берегам океанов населенный Джей может прокормить такую чертову уйму жулья. И это только особей женского пола одной такой вот разновидности, относительно недавно прибившихся к этой кормушке. О приметах девицы Карои госпожа Баум сердечно посоветовала Тому Роббинсу поинтересоваться у наставников-рекомендателей, которые проводят первичное посвящение в корпорацию и рекомендуют своих подопечных для ритуала принятия Клятвы Крови. «Мы здесь только утверждаем решения президиума — постановлениями общего собрания. Бюрократическая рутина, знаете ли». О том же, кто, однако, имел честь быть тем самым наставником-рекомендателем того или иного кандидата, легко узнать у него самого. У того или иного кандидата. Крут замкнулся. Жаргон Управления определял такое вот времяпрепровождение своих сотрудников, которое выпало Тому наблюдать в стенах штаб-квартиры преславной корпорации, как «типичное сепуление по Лему». При мысли о том, что с «до конца сломавшейся» девицей Карои могло произойти и что-нибудь вроде изменения присущего ей пола хирургическим путем, не говоря уже о простейшем камуфляже, вроде накладной бороды и мужского псевдонима, Томаса Роббинса даже чуть замутило.

«Распугиваю дичь — вот что делаю сегодня с утра, — сказал себе Том. — Распугиваю дичь, как глупая дворняга на бестолковой охоте. Сейчас все родственники и друзья девицы Карои висят на телефонах и трубят друг другу в уши о том, что «девочкой занялись легавые». Ну что ж, это — тоже результат. Можно, конечно, сказать, что я «бросаю камушки в кусты» — так это будет звучать приятнее. Но суть — одна. Пора ходить с козырных — благо козырь-то у меня всего один».

Он навел справки по блоку связи, проехал пару кварталов по Второй Поперечной, потом свернул направо, еще раз направо и остановился метрах в двухстах от невыразительных ворот здания, переоборудованного, видно, из бывшего ангара. Ей-богу, наследница капиталов фирмы «Линчжи» могла бы посещать гораздо более фешенебельное место проведения досуга. Вывеска, еще более невыразительная, чем сами ворота, гласила: «Мастер Лю. Боевые искусства Древних Империй».

* * *

В принципе Том мог просто воспользоваться блоком связи, но не хотелось привлекать неизбежного в таких случаях внимания третьих лиц. Кто-то поднимет трубку, кто-то пойдет вызывать Циньмэй из спортзала. Лучше подождать до конца тренировки, или как там это у Мастера Лю называется, и от нечего делать подумать немного о положении дел.

Этому мешали разные мелочи, вроде чисто детского интереса к тому, как, собственно, осуществляется обучение искусству боя, которым владели существа, чьи анатомия и физиология были известны ученому миру весьма приблизительно. О психологии и речи нет. Впрочем, точные знания типам, наподобие достославного мастера Лю, видно, заменяли эзотерические сочинения по всем перечисленным и по многим другим вопросам. Макулатуре этой несть числа даже в Метрополии, а здесь, на месте действия, даже страшно подумать об их изобилии.

Еще Том подумал о том, что «Джейтест» — это, наверное, как говорят статистики, «дискриминирующий фактор». Люди для него не равны. Любящих боевые искусства он вроде как-то привечает.

Он много еще о чем успел подумать, сидя за рулем своего прокатного «опель-карата», и даже начал потихоньку нервничать: уж не упустил ли он, часом, непредсказуемую Циньмэй. Сказала мамаше, что к Мастеру опаздывает, а сама — ну, скажем... Тут Том задумался, обычно ему неплохо удавалось интуитивно прогнозировать поступки людей, едва только им увиденных, иногда даже по фото. Циньмэй была не тем человеком. Тому в равной степени было трудно представить этот экзотический экземпляр своей «коллекции» как на великосветском рауте или, скажем, в седле — верхом на чем-нибудь чистопородном, из Метрополии вывезенном, так и в подпольном притоне наркоты — там тоже часто можно встретить народ голубых кровей. Возможно, Циньмэй родилась не там и не тогда. И не дело федерального следователя гадать о том, где эти «там» и «тогда», которые бывают впору странным девицам из высшего общества. А вот и она сама — перебросив спортивную сумку через плечо, чуть устало, размашистым шагом идет домой усердная ученица Мастера Лю. Все-таки Тому удалось не проворонить ее.

— Циньмэй! — тихо окликнул он. — Циньмэй!

* * *

— Я не займу у вас много времени, — как можно более успокаивающим тоном заверил он девушку. — Скорее уж наоборот — подброшу домой, если вы не возражаете.

— Нам не по дороге. Я иду вовсе не домой. — Черные непроницаемые глаза наследницы третьей доли капиталов «Линчжи» не выражали ровным счетом ничего.

Или выражали что-то, достигшее той степени, когда это что-то — ярость, страх, любовь или иное безумие — становится уже невоспринимаемым в будний день на пыльной окраинной улице города Лагодо. Собеседником, приехавшим по казенной надобности.

— Нам все-таки, мисс, по дороге. Куда вас довезти, если не секрет? Разговор наш не терпит отлагательств.

— Поезжайте прямо, — все так же неопределенно, с хорошей дикцией и легким акцентом — в семье Цзун Вана говорили на языке далекой родины — и без какого-либо выражения ответила Циньмэй и, открыв заднюю левую дверцу кара, устроилась на «генеральском месте».

— Собственно, у меня даже не вопрос к вам, мисс, — сообщил Том, трогая машину. — Просьба. Нам с вами есть о чем поговорить с одним человеком — с профессором Кайлом Васецки.

— О чем? — Циньмэй смотрела только на дорогу.

— Об амулетах Империи Зу. О тех амулетах, на которых Белый Знак. И о том, что бывает, когда люди с такими амулетами на плечах переставляют кубики в одной головоломке.

Воцарилось молчание.

— Кайл Васецки, — произнесла Циньмэй. — Он здесь — в Лагодо?

— Боюсь, что нам придется съездить к нему в гости. в Вестуич. Это не так далеко. — Том помолчал, тоже разглядывая дорогу. Потом добавил: — И будет лучше, если вы захватите с собой ту... коробку. Каменную. «Джейтест».

Последовала пауза. Которая могла закончиться всем, чем угодно, — например, просто ударом ребром ладони по его, Тома, шее. Ну к этому он, допустим, был готов. «Хуже, если в дело пойдут боевые умения Воинов Зу», — подумал он.

Циньмэй молчала минуты полторы.

— За коробкой придется заехать. К Иннинь, моей подруге. Это в другую сторону.

— Вы говорили, кажется, что с ее братом... С братом госпожи Иннинь что-то произошло? — припомнил Том.

— У вас прямо магнитофон в черепашке, — констатировала девушка. — У Иннинь брат и вправду заболел: у него «синдром кокона».

Глава 6

ВЫБОР

— Теперь расскажите, пожалуйста, как вам досталась эта коробочка, — как можно мягче попросил Том. — Вы ведь теперь и сами поняли, насколько это опасная игрушка.

— Я знала это с самого начала, — ответила Циньмэй. — Но я думала, что окажусь сильнее ее. Ведь школа Мастера Лю берет начало от испытаний, которые должны были пройти ученики Воинов Зу, чтобы самим стать Воинами... И... не называйте Ларел игрушкой.

— Откуда это у вас? Что это за школа Мастера Лю? Почему... Зачем вам вообще становиться Воином Зу? Вы же — женщина. Вам на роду написано стать матерью, вырастить и воспитать детей. И детей их детей. Разве не так прожили жизнь ваши бабушка, мать?..

Циньмэй молчала. И ей-богу, никогда федеральный следователь Томас Лэмберт Роббинс не слышал более презрительного безмолвия, чем это молчание угловатой, дикой девушки, уставившейся на проносящийся за окном кара довольно унылый пейзаж.

— Возможно, вам интересно будет узнать, следователь, что по отцовской линии все мои родственники — члены Сообщества Зу. Вам знакомо имя Эс-дар-Сая?

Тома слегка передернуло: адепт учения Эйч-Эрн.

— Разве его заносило в эти края?

— И еще — он же один из немногих, при жизни причисленных к сонму пантеона пестрой веры. Ласковый Бог Измены. Нет, на Джее он никогда не был. Но наша ветвь — отцовская — по прямой идет от него. И всю секту Мастера Лю поддерживали ученики и последователи Эс-дара. И все мои братья и сестры сейчас в Стае. Из тех, кто жив, конечно. И я там буду. Но для этого надо быть одним из первых в секте Мастера Лю. Но я хочу большего. Еще большего. Так что если мне и продолжать род отца, то совсем не так, как учили вас, мистер.

— Вы так открыто признаетесь в принадлежности к Эйч-Эрн? — с чуть напускным удивлением спросил Том.

— А разве учение Эйч-Эрн существует? — традиционным вопросом ответила ему Циньмэй

Крыть было нечем, ибо первый параграф устава учения гласил: «Всякий, утверждающий, что Тайное Учение, именуемое Эйч-Эрн, существует, — лжец, и верить его дальнейшим словам противно естеству Разума».

Второй параграф того же устава или, по крайней мере, самого распространенного его апокрифа утверждал: «Все изложенное в параграфе первом есть не что иное, как ложь, сказанная хитрецами для глупцов».

— Конечно же нет, — иронически согласился Том. — Так же как и пестрая вера.

— Ошибаетесь, — все так же глядя в окно, возразила Циньмэй. — Пестрая вера существует. Но не всерьез, конечно. Не всерьез — есть разница. А потом, мистер, я уже вас раскусила: с вами надо играть напрямую или... Впрочем, обойдусь без «или».

— Вы, я вижу, не лишены дара психолога, — скупой комплимент Том.

— В Стае без этого нельзя, — как о чем-то само собой разумеющемся сказала девушка.

И на минуту задумалась. — Все это время... Пока Секта существует на Джее, люди Учения собирали все, что относится к Древним Империям. Вам не понять, но сам Эрн — он оттуда идет, из Старых Миров. Но это — не для вас. Вам важно вот что: разбогатевшие люди Секты — такие, как мой отец, вкладывали деньги в то, что осталось от Империй. Вы думаете, в музее Академии собрана самая большая коллекция реликвий Зу и Ю? Или где-нибудь в Метрополии? Смешно. Это здесь — в тайниках Секты можно найти такое, что и не снилось высоколобым мудрецам из университетских лабораторий.

— И я думаю, что та коробочка, за которой мы с вами едем, стоит не на последнем месте в списке этих диковин? — осторожно предположил Том.

— Да, далеко не на последнем. — Циньмэй косо улыбнулась. — Когда Марика предложила отцу эту... вещь, все наши были потрясены. Вы сами должны понять, что этой штуке практически нет цены. Но в конце концов мы нашли... общий язык.

— Ваш отец, — осторожно продолжил Том, — оплатил вступление Марики в общину Кунта-ин-Шая, а...

— И вступление в общину, и многое другое. Она стала далеко не бедной девочкой — Марика Карои.

— Кстати, где она сейчас? — уже чисто рефлексивно поинтересовался Том.

— Вам это так уж важно знать, мистер? — Циньмэй пожала плечами. — Я и правда не знаю этого. Мы стали неинтересны друг другу с какого-то момента. Точнее — нет. Мы стали бояться одна другую. Так сказать будет вернее. Я не понимала тогда... Только теперь, пожалуй, до меня начало доходить. Понимаете, я считала себя сильной. Только потому, что не боюсь страданий и смерти — это каждый в Стае может. Я думала — тем он и страшен — «Джейтест». Тем, что несет испытываемому смерть и страдания. Я душой была тогда. Нет ничего проще, чем убить человека или пытать его. Но когда в твоём распоряжении целая планета, набитая разными чудесами, разве достойно размениваться на такие мелочи? Ну посмотрите, разве Дракон тот хотел убить Кайла Васецки? Если бы захотел, справился бы запросто. А двойники те — им-то ничего не стоило любого из вас прикончить без лишнего шума. Нет, у них все тоньше было задумано — у тех, кто испытывал оруженосцев на право быть Воинами Зу. Ведь Дракон не по Кайлу ударил — по всем людям. По Джею вообще. А двойники эти — они не в смерть, в колдовство какое-то тянули. Порчу на людей наводили. Детишек тех...

Циньмэй запнулась.

Том воспользовался короткой паузой, чтобы спросить ее о том, с чего, собственно, и хотел начать разговор:

— Скажите, кто привел в действие эту штуку? Неужели вы сами?

— Да, сама. — Девушка окинула Тома недоуменным взглядом.

Тот постарался никак не реагировать на него.

— И когда это произошло? — продолжил он разговор по намеченной схеме.

— Не сразу. Только через несколько лет после того, как эта вещь попала к нам в руки.

— К нам — это к кому именно?

— Я говорю про Стаю. Все, что связано с Древними Империями, общая собственности Стаи. Я — только хранитель ее.

— Ну, — чуть иронично заметил Том, — кое-чем из оставшихся от Империй пожитков владеют шесть музеев здесь, на Джее, и двенадцать разных коллекций по всей Федерации.

— Думают, что владеют. — Глаза Циньмэй холодно блеснули удивлением, насколько

бестолковым оказался ее собеседник.

— И вас признали лучшей кандидатурой на такое вот испытание? — Том постарался, чтобы в голосе его не прозвучало ни нотки иронии.

— Наш род — один из высших в Стае. Отец в том же ранге, что и Мастер Лю. Но он был слишком стар, чтобы пройти Испытание.

— Но в конце концов вы же — женщина.

— Я уже говорила, что испытывается не сила, а дух воина. Нет ничего проще, чем просто уничтожить его. И нет ничего труднее, чем сломить его дух. Для этого требуются поистине изощренные испытания. Но я думала, что буду сильнее этого. Что сама справлюсь. А теперь...

— Что — теперь? — очень осторожно спросил Том.

— Что теперь — сами увидите, — бесстрастно ответила Циньмэй. — Теперь поломалась я. Иначе — черта с два я с вами сейчас болтала бы про все это. Кстати, мы уже два квартала мимо нужного поворота пилим.

Чертыхнувшись про себя, Том занялся баранкой, а вслух спросил:

— И вас ни капли не смущает мысль о том, что я, как федеральный следователь, могу просто конфисковать то, что вы окрестили «Джейтестом»? В целях дальнейшего ведения порученного мне расследования.

— Я же вас не считаю идиотом, — с откровенной досадой оборвала его Циньмэй. — Мы — люди Стаи — человека чувствуем через каменные стены, каков он и что собой представляет. Вы же лучше меня понимаете, что, пока ваши яйцеголовые будут мудрить над камушками этими да железками, здесь полпланеты в коконы завернутся. В саван. Я думала, что справлюсь сама. Но потом поняла, что только того, что может дать Мастер Лю... Того, что дано ему, мало. Я и сама думала, как выйти на декана Васецки. Но *с этим* ничего не бывает случайным: вот вы первыми сами пришли. Я же по вам вижу, что действовать будете, ни на кого не оглядываясь. Стоп. Это здесь. Заверните в ворота.

* * *

Двор был невелик, а Иннинь уже ждала их у входа в небольшой, старой постройки коттедж, из таких состояла вся эта часть города. Подруга Циньмэй была тоньше ее, гораздо живее и женственней, но постарше ее выглядела. Была она уже умненькой восточной красавицей на выданье, а не зажатым внутренним заклатьем учеником злого колдуна, как дочь Вана. Впрочем, разницу эту ощущал, наверное, только посвященный.

— Это Том, — без особых уточнений представила спутника Циньмэй. — Ему надо показать Куна. И еще, я пришла взять ту вещь.

— Куна забрали, — тихо, без всякого выражения, сказала Иннинь. — А про вещь они не знали, даже не спросили.

— Кто? Кто забрал вашего брата? — поспешно спросил Том.

Иннинь смотрела словно куда-то сквозь него. Может, он и не существовал для нее вовсе.

— Кто забрал Куна? — повторила вопрос Роббинса Циньмэй.

— Люди на машине с крестами. Как «Амбуланс» — белая с красными крестами, только военная. Сейчас по всему городу забирают людей с синдромом.

Том, не дожидаясь конца разговора, забарабанил по клавишам блока связи. Дважды

чертыхнулся про себя, ошибочно набрав коды доступов. Потом окликнул девушек:

— Ваш брат, мисс Иннинь, в «Рэмпартс» — это военный госпиталь. Я думаю, мне надс будет побывать там. Вы, мисс Циньмэй, можете присоединиться ко мне. Вместе с... предметом. А вам, мисс, — он взглянул на Иннинь, — лучше ждать здесь. Мы сообщим вам все, что будет необходимо. Прошу вас не покидать дом.

— Разумеется, — ответила Иннинь и протянула подруге цветастый сверток.

— Это — он? — недоверчиво спросил Том.

Циньмэй коротким, быстрым движением развернула сверток, и Роббинс увидел предмет, знакомый ему только по паре фотографий и по довольно лаконичным описаниям.

— Вы хотя бы запомнили комбинацию знаков, которая выпала вам? — спросил Том Цинь.

— Я сняла это «Полароидом», — ответила она. — И старалась ничего не трогать после.

— После чего?

— После того, как эта... вещь словно бы раскалилась и так... зазвучала. Комбинация не изменилась. Никто не трогал вещь.

Том вздохнул:

— Сначала мы завезем эту игрушку в центральный банк. Пусть побудет там — в абонентском ящике.

— Не игрушку — Ларец. — На секунду хриловатый голос Цинь стал резким. — Не стоит запирать эту штуку в металл.

Она осторожно коснулась тусклой поверхности кубиков.

— Тогда, с вашего позволения, оставим ее в филиале... моей конторы. Там будет кому присмотреть за этим.

Циньмэй ничем не выразила отношения к этому предложению.

— Еще раз попрошу вас никуда не отлучаться, мисс Иннинь, — повторил он, обращаясь к хозяйке дома.

— Разумеется, мистер. Ведь надо следить за детьми. Их у Куна двое — мальчик и девочка. А госпожу Рэнго — это его жена. Ее забрали тоже. Это... это не заразно?

— Никто не знает этого, мисс, — ответил Том и рванул машину с места.

— Так повезем *это* в филиал моей конторы? — спросил Том.

— Нет. У меня есть идея получше. Сверните здесь. — Циньмэй на что-то решилась. — Все равно придется вам это показать. И это по дороге. Еще раз сверните. Дальше — пешком.

Это был уже чисто китайский квартал, построенный словно для киносъемок, тесный и одноэтажный. Но за низкой кирпичной стеной с деревянными, в темно-красный цвет выкрашенными воротами им открылся довольно просторный и как-то по-весеннему голый сад. В глубине его виднелся невысокий — в полтора этажа — сложенный из грубых плит местного известняка павильон, к которому вела украшенная разноцветным гравием дорожка.

Том чуть вздрогнул, с опозданием заметив в тихом поклоне склонившуюся мужскую фигуру, почти незаметную между деревьями. И вторую — столь же почтительную. Третью, четвертую. Оружия у них не было — у этих незаметных людей в пустом саду. Но от этого не стало спокойнее — совсем нет. Что-то угрожающее, напряженное было в этой черно-зеленой пустоте, так неожиданно разверзшейся среди шумного людского муравейника. И кланялись прихотливо расставленные в этой пустоте фигуры вовсе не гостю, а Циньмэй. А может, чему-то еще, что воплощалось в хрупкой, быстрой, как ртуть, фигурке, скользящей мимо них.

— Это — мемориал отца, — пояснила китаянка.

Не отвечая на поклоны, она быстро шла по дорожке, и Том еле успевал за ее летящей походкой. На мгновение она замедлила шаг: в дерн у дорожки были впечатаны две простых гранитных плиты.

— Брат, — сказала она в пустоту. А может, привычно окликнула тень в весеннем саду.

— Ваши отец и брат похоронены здесь? — то ли спросил, то ли констатировал Том, тоже помешкав секунду у могильных плит.

Ответа он не удостоился.

Циньмэй решительно прошла в низкие, охрой окрашенные двери павильона. Том, пригнувшись, вошел вслед за ней.

Это был зал, точнее, просто большая, погруженная в полутьму комната с низким потолком, укрепленным простыми деревянными стойками, с вытянувшимися под самой кровлей окнами-щелями, через которые видно было только блеклое в этот вечер небо Джея. Тяжелые низкие сундуки, черные, со скупым узором, стояли вдоль стен, закрытые бамбуковыми панно. У противоположной входу стены курился небольшой жертвенник, и в воздухе стоял терпкий аромат тлеющих в нем трав.

— Здесь принимают в Посвященные, — быстро, как о чем-то само собой разумеющемся, сообщила Циньмэй. — И здесь мы храним... Ну, то, что непосвященные называют реликвиями. Инструменты Магии.

— Это... м-м... Все это — собственность вашей семьи? — осторожно спросил Том.

— Нет. — Девушка безразлично пожала плечами. — Далеко не все. Мы — лишь хранители. Но эти предметы... они хранятся здесь уже много десятилетий. А раньше сберегались в других... таких же местах.

Она подошла к одному из сундуков и с неожиданной легкостью откинула его массивную крышку. Сняла и отложила в сторону плоскую коробку, первой стоявшую под крышкой. Том засмотрелся на странноватое мерцание диковинных амулетов, разложенных в ней. Ему показалось, что все это уже было с ним. И в то же время — словно он читал все это в книге, которую ребенком видел во сне.

— Кладите... вещь сюда. Здесь она лежала все эти годы, пока я не дала ее Кану.

— Кану? — спросил Том. — Зачем вы давали эту вещь ему? Он...

— Кан читает знаки Зу. Он мог постичь тайный смысл того жребия, который я выбрала тогда. Только восемь человек в секте читают Зу. — Циньмэй взяла янтарный короб из рук Тома. — Кан читает очень глубоко. Точнее, читал. Сейчас он становится коконом.

— Вы не боитесь этого? — Том решился наконец заглянуть в глаза Цинь. — Ведь никто не знает на самом деле — заразен ли этот...

— Нет, я не боюсь стать коконом, — твердо глядя ему в глаза, ответила китаянка. — Я знаю, что вызывает синдром. Ведь это я вызвала его в мир.

Том наклонил голову, ожидая хоть какого-то объяснения. Но объяснений не последовало: Цинь опустила шкатулку внутрь сундука, осторожно водрузила плоскую коробку-панель сверху и все так же легко и бесшумно опустила на нее тяжелое черное дерево крышки. Потом, не оборачиваясь, быстро прошла к жертвеннику, взяла с тусклого бронзового блюда перед ним пригоршню какого-то снадобья и подкормила огонь. Тот не то чтобы разгорелся — просто его отсветы стали ярче и как-то пронзительней поблескивать в металле кованых узоров сундуков и мелких фигурок и амулетов, расставленных в незаметных нишах по стенам, развешанных в укромных углах зала. Казалось, что в воздухе замерцали

огненные искры.

«Странный это храм, — подумал Том. — И буддийское в нем что-то, и боги пестрой веры, будь она неладна, здесь поставлены».

Циньмэй отвернулась от жертвенника и сделала знак сутулой фигуре, еле заметной в сумраке за алтарем. Роббинс не то что не заметил ее — просто принял сперва за изваяние. Фигура приблизилась к китаянке, и в полутьме тихо зазвучали совершенно непонятные Тому слова. Он вздохнул, терпеливо ожидая, когда снова удостоится внимания дочери владельца «Линчжи». Та закончила разговор быстро и энергично. Но вместо того, чтобы вернуться к спутнику, она опустилась перед алтарем на скрещенные ноги и замерла в ритуальной позе медитации. Том осторожно подошел к ней и затаил дыхание за ее спиной.

— Пойдемте, — наконец быстро и глухо произнесла Цинь и, легко вскочив на ноги, почти бегом заторопилась вверх по узенькой, жженого дерева лесенке, отсеченной от комнаты с талисманами легкой бамбуковой занавеской.

Она и сама была почти незаметна, и скрытую за ней лестницу и стену делала такими же незаметными занавеска эта.

Цинь и не думала оборачиваться на ходу, чтобы проверить, успевает ли за ней Том. Следователь уже стал привыкать к манерам этого своего партнера в этом зыбком деле. Странное чувство охватило его, когда он нырнул в нарезанную мелкими полосками тень, — чувство сродни тому, которое испытала та девочка из сказки, которая шагнула сквозь зеркало.

Узкий проход, дверь, просто обитая железом, и такой же бесхитростный замок на ней. За дверью оказался спуск куда-то вниз, в темноту, освещенную скудным светом флюоресцентных ламп. Тамбур с дверьми похитрее. Это уже где-то много ниже мостовой. Коридор пошире и дальше — комната, в которой за металлическом столом резались в карты два охранника. Появление Циньмэй заставило их вскочить. Один деловито что-то дожевывал, стараясь, впрочем, делать это как можно более незаметно. Цинь коротко сказала им обоим что-то по-китайски и кивнула замешкавшемуся Тому, чтобы он проходил в соседнюю комнату. Там было что-то вроде операционной — бестеневая лампа под низким потолком, стол с фиксаторами, шкафы с инструментами, общая белизна и запах дезинфекции.

— Вот, — сказала Цинь, подходя к тяжелой, с колесом гермозапора и иллюминатором, двери, — смотрите сюда.

Она вся сгорбилась и подперла ставшим неожиданно угловатым под тонким трикотажем майки плечом железный косяк. Том заглянул в поблескивающее изнутри проникавшим светом оконце — туда, за бронестекло иллюминатора.

Это очень походило на внутренность печи для обжига кирпича — так же голо, светло и даже уютно. Посреди залитой теплым красновато-оранжевым светом комнаты, с пустыми шершавыми стенами, на высоком, неудобном стуле почти спиной к двери сидел сухонький подслеповатый старичок. Какой-то очень уж выцветший, белесый. В такой же, как он сам, выцветшей, когда-то синей, униформе — хлопчатобумажных брюках и рубашке. Он был занят: тихо и внимательно рассматривал свои руки. Или что-то, что было в них. Делал он это почти не шевелясь, очень терпеливо, временами только еле заметно помаргивая и шевеля губами. Ничего в увиденном не должно было пугать — чем, собственно, страшен старый, выживший из ума китаец? Старый и немощный. Старый и... И почему-то нечеловечески жуткий, как бывают отвратительны и мерзки люди и вещи, встречающие нас в стране

большого сна.

Старик шестым чувством, наверное, угадал, что на него смотрят, замер, как только может замереть и без того неподвижный человек, а потом нехотя и неловко, словно кукла, ведомая неумелым кукловодом, стал, пришепывая сандалиями, перебираться от стула к двери. Остановился перед нею, жалко и просяще улыбаясь прямо в глаза Тому.

— Эт-то... Это — господин Ван? — спросил Роббинс.

Неожиданно пересохшее горло подвело его.

— Это *был* господин Ван, — не оборачиваясь к стеклу как-то уже привычно, пояснила Цинь. — Мой покойный отец.

Она тоже в упор рассматривала Тома, откровенно изучая его реакцию на то, что он видел перед собой. Оба эти взгляда: выцветших, ставших умоляющими бельмами, глаз отца и жестких, но тоже с какой-то слепой поволокой глаз его суровой дочери — показались Тому одинаково безумными. Он сосредоточил взгляд на лице старика. Тот, уловив, наверное, это к нему внимание и улыбаясь по-прежнему растерянно и умоляюще, поднял на уровень лица дрожащую руку, предлагая Тому что-то, лежащее на ней. Сначала следователь подумал, что это какие-то мелкие птичьи яйца, но потом понял: нет, что-то другое.

Руки старика вздрагивали, и маленькие белые кругляшки один за другим валились на пол — вниз, куда взгляд Тома проникнуть не мог. Подслеповатый безумец за окном попробовал наконец попридержать разбегающиеся с ладони белые комки. Непослушные пальцы мяти их, крошили. Сухая труха сыпалась в ладони, на рукава и грудь старика.

— Пойдемте, — резко сказала девушка. — Вы видели, теперь — пойдемте.

— А что это у него? — Том не мог оторвать взгляда от иллюминатора. — Что у него в руках? Он словно хочет, чтобы я у него взял.

— Пойдемте. — Циньмэй, не оборачиваясь, пошла к двери.. — Это — смерть. Хуже смерти.

* * *

Циньмэй смотрела перед собой невидящим взглядом. Словно превратилась в неподвижную куклу. У Тома тоже не было настроения затевать разговор.

«Будь оно все проклято, — думал он, — в городе эпидемия. Может, по всей Колонии. И я, федеральный следователь, последним узнаю об этом. Между делом. Нянчась с чокнутыми бабами».

Госпиталь «Рэмпартс» затесался между громадными, за высокими заборами скрытыми блокгаузами военной зоны Лагодо. Да и сама она занимала несколько таких же безликих и хорошо охраняемых железобетонных корпусов.

«Господи, с кем же они тут собираются воевать? — недоуменно подумал Том. — Хотя, конечно, современные планетарные ВС не для этого и созданы, чтобы сражаться с реальным противником. Ну как иначе кормить и содержать под контролем прорву бездельников, которым просто нет места в теперешнем суперавтоматизированном цикле производства-потребления? Хотя и опасная это затея — тысячи тысяч людей, бесцельно слоняющихся около современного оружия, — а все-таки популярная в Мирах Периферии. Несмотря ни на что, популярная».

При входе в закрытый блок «Чаттам» ему долго пришлось доказывать, что он

представляет на Джее не киностудию «Уорнер бразерс» и не заведения Барнума. Здешняя охрана просто отродясь не видела удостоверение федерального следователя. Когда наконец явившаяся после долгих телефонных переговоров высокая шишка в белом халате, накинутом на полковничий мундир, вложила ума-разума своим подчиненным, Том, буркнув: «Эта девушка со мной», проследовал внутрь медицинского святилища. Все кому не лень отдавали ему честь и спешили предупредить любой могущий возникнуть вопрос.

Тому пришлось признать, что госпитальное дело в Республике Джей было поставлено на должную высоту. Ослепительно чистые безлюдные коридоры вели в залитые светом дезинфицирующих ламп переходы, которые связывали между собой таинственного назначения и все той же небывалой чистоты отсеки.

Стремительно провожавшая их к «главному по делам с коконами» лицу — заместителю министра, генералу медслужбы КанOVERу — смуглая девица без малейшего сучка и задоринки справилась с вверенным ей поручением, и Том на пару с Циньмэй, оба облаченные в кипенно-белые халаты, предстали перед смертельно уставшим руководителем операции «Сеть».

— Снова к вам, профессор, — доложила провожатая. И, обратившись к Тому, сухо добавила со значением: — В вашем распоряжении девятнадцать минут.

Из-за тяжелого стола, напомнившего Роббинсу своей фактурой карельскую березу, навстречу посетителю поднялся сухой как палка старик.

— Генерал КанOVER, — представился он. Добавлять к этому определению свои академические и административные титулы заместитель министра не стал. — С вами, мисс, мы уже знакомы. А мистер... — тут он поднял к глазам карточку Тома, — э-э... Роббинс.

Том протянул ему свое удостоверение.

— Мистер Роббинс, я вижу, представляет здесь весьма серьезную... э-э... федеральную структуру. Не сочтите за невежливость, мисс. — Генерал поднял взгляд на Циньмэй. — Прошу вас подождать в приемной. Таков протокол для подобного рода... м-м... контактов.

Том не успел возразить — Циньмэй, став вдруг кроткой китайской девочкой, присела в подобии церемонного реверанса и бесшумно скрылась за тяжелой двойной дверью. Что ж, генерал только твердо следовал установленному на сей счет протоколу, и Тому просто второй раз за эти сутки напомнили, что в чужой монастырь не следует ходить со своим уставом.

Некоторое время КанOVER то вообще не замечал следователя, сосредоточившись на созерцании сомкнутых перед собой пальцев, то неожиданно пронзал его испытующим взглядом — пристальным и отрешенным одновременно. Такой взгляд пресекал попытки начать разговор.

Тут — на редкость вовремя — выполз из стенной панели сервисный автомат и доставил по назначению пару дымящихся чашек кофе. Сделав маленький глоток неплохо приготовленного напитка. Том, как показалось ему, вновь усмирил непокорного черта праздного любопытства и взял себя в руки. Он, чуть обжигаясь, залпом выпил свою порцию и попробовал поставить вопрос ребром:

— Мне кажется, вы не совсем уверены в том, что имеете дело с лицом, наделенным... соответствующими полномочиями. Я бы попросил вас в таком случае связаться непосредственно с отделом специальных расследований Федерального управления.

Генерал решительно поставил свой кофе на стол...

— Нет. Ваши... м-м... полномочия, господин следователь, не вызывают у меня никаких

сомнений. Тем более что ваша миссия в здешних краях не оставлена вниманием спецслужб Республики, что, впрочем, находится в полном соответствии с существующими договоренностями и с принятой в делах такого рода практикой.

Генерал откинулся в кресле и, не уделяя особого внимания реакции собеседника, прикрыл тяжелые веки и предался каким-то своим внутренним борениям, которые выражались в энергичном сжимании и разжимании кулаков до белизны суставов.

— Нет, — продолжил он, все так же не открывая глаз и делая время от времени паузы, чтобы спазматически глотнуть очередную порцию воздуха. — Нет. Дело в том, господин следователь, что я сам лично, как человек, а не как представитель системы, далеко не уверен, что кому бы то ни было стоит хоть что-то знать об этой истории. В свое время я высказался по этому поводу... в самых высоких инстанциях. В двух словах мое мнение в то время было таково: все материалы по... интересующему вас вопросу должны быть уничтожены, а участники работ по этой программе — подвергнуты «психологическому пломбированию». Забыть нам надо было этот... эпизод. Он, как говорится, не содержит позитивного опыта.

— Однако это ваше мнение, — осторожно подтолкнул начавший снова буксовать разговор Том, — ваше мнение, видимо, не получило поддержки.

— И это — верно! — резко выпрямился в кресле генерал. — Мне все-таки не хватило мудрости тогда... в тот период, когда я носился с этими идеями. Я-то, старый дурак, воображал, что дело уже закончено. А оно, оказывается, только начинается!

С минуту или около того Канонер молча постукивал кончиками пальцев по тяжелой древесине подлокотников. Потом глубоко и тоже чуть прерывисто вздохнул.

— Однако все мои сантименты действительно не имеют никакого значения. Начнем сначала. Препарат «Линчжи» был предложен для испытаний в системе нашей Академии военно-космической медицины госпожой Луюнь из фирмы с тем же названием. Впрочем, для вас это не новость. Дело было около десяти лет назад. Дату можно уточнить.

Том знал дату.

— Сопровождающая вас дочь госпожи Луюнь позже представляла... м-м... интересы своей матери в контактах с министерством.

Роббинс подумал, что местные нравы довольно своеобразны, если бюрократы из министерства терпят в своих кабинетах едва достигших совершеннолетия девиц дикого нрава. Впрочем, деньги есть деньги. Ради сохранения хороших отношений с «Линчжи» можно и разговор с юной ведьмой вытерпеть.

— Как вы знаете, на планете... — Генерал кашлянул. — Точнее, в пределах собственно территории Республики Джей вооруженных столкновений за этот период не было. Это не значит, что военной медицине у нас тут делать нечего: во-первых, за эти годы около двадцати тысяч военнослужащих Республики приняли участие в военных действиях вне планеты — в договорных миротворческих операциях, санкционированных решениями Совета безопасности и Федеральным директором. — Речь генерала-профессора катилась теперь по явно хорошо проторенной колее. — Кроме того, — чуть отрешенно продолжал он, рассматривая осадок на дне своей кофейной чашки с таким выражением лица, словно обнаружил там битое стекло, — примерно такое же количество наших солдат и офицеров приняли и принимают участие в военных действиях согласно двусторонним договорам с различными... м-м... субъектами Федерации. Кроме того, вооруженные силы Джея участвовали в ликвидации последствий разного рода стихийных бедствий на самой планете

и в тех из Миров, где дислоцированы наши подразделения. Всего за эти десять лет — в сорока относительно крупномасштабных акциях. Это не так мало. К сожалению, процент пострадавших во всех этих... м-м... действиях довольно высок, так что и для нас проблема разработки и внедрения новых средств медицинской помощи — вовсе не праздный вопрос.

Том уже понял, что выступления в комиссиях и комитетах парламента были тяжким крестом, который приходилось нести по жизни его собеседнику. Выслушанный им пассаж был явно опробован не на одной сотне слушателей. Он позволил чуть заметным покашливанием направить поток генеральского красноречия в нужное русло.

Тот решительно перешел к делу:

— Препарат проявил себя самым наилучшим образом. Он очень удачно сочетал... сочетает в себе разные... м-м... качества. С одной стороны, это — отличный «фиксатор», то есть «Линчжи» останавливает развитие процессов разрушения и саморазрушения организма после получения... э-э... травмы. А с другой — это высокоэффективный активатор процессов репарации и регенерации. С точки зрения профанов, это неудивительно. Но на самом деле эти... м-м... свойства противоположны. Взаимоисключающи. — Генерал на секунду прервался, чтобы ласково кинуть взгляд вслед убывшему за новой порцией кофе грузинскому опустевшим чашками мини-роботу, и тут же, пресекая зарождавшееся в горле Тома вопросительное «э-э-э?», поспешно продолжил: — Да-да, вы не ослышались — я говорил именно о регенерации. Не о той, которую проводят в клиниках с применением громоздкой и дорогостоящей техники, а о естественной, доставшейся нам от каких-то далеких предков. Той, которую надо было только разбудить для того, чтобы... Да что мне секретничать с вами! Происходили просто чудеса: необратимо разрушенные ткани сердца, костного мозга, сосудов восстанавливались буквально в считанные дни и часы. Более того, в опытах на животных, а затем на добровольцах, из тех, что согласились на проведение экспериментального курса лечения в случае потери ими конечностей в бою, при других обстоятельствах или при иных серьезных травмах... Так вот, в этих опытах удалось добиться буквально в полевых условиях начального периода регенерации утраченных... м-м... органов.

— То есть как это? — не сдержал удивления Том. — У людей руки-ноги начинали отрастать прямо на поле боя?

Он поймал себя на ранее не замечавшейся склонности задавать собеседнику вопросы, которые подсказывал ему усмиренный еще в детстве, как ему казалось, демон любопытства, а вовсе не царивший в его уме уже много лет суровый и безжалостный бог профессиональной Истины — тот, который больше сродни Безумному Богу из пантеона пестрой веры. Вовсе не он. Вдобавок речь его с древнеоксфордским произношением стало прерывать аристократическое блеющее заикание.

— В госпиталях, конечно, в госпиталях, — поморщился от бестактного вопроса генерал. — А потом процесс удавалось вполне успешно довести до конца... м-м... в стационаре. До восстановления функционально активных органов и конечностей. Не столь совершенных, конечно, как те, что бывают у пациентов клиник столицы, но... Но и калеками люди не оставались. И это только одна сторона дела.

— Послушайте, — снова не сдержался Том. — Вы десяток лет экспериментировали с препаратом, который иначе как чудодейственным не назовешь, и все эти годы не обмолвились всему остальному миру о том, за что вам памятники при жизни воздвигли бы?!

— Да и надгробной плитой потяжелее нас прихлопнуть стоило бы тоже — еще при

жизни. За эти наши заслуги. — Кривая усмешка означала наличие у генерала еще сохранившейся под напластованиями чинов и званий доли черного юмора. — Дело в том, молодой человек... — КанOVER несколько неожиданно и резко встал и, повернувшись к собеседнику спиной, стал рассматривать тщательно выполненные копии пейзажей Метрополии, украшавшие противоположную стену.

На картинах преобладали пасторальные пейзажи.

Комнату вновь заполнил аромат свежеприготовленного кофе, доставленный услужливым автоматом, который приволок новую пару чашек и терпеливо ждал, когда же генерал соизволит взять с подносика свою.

— Дело в том, — после некоторой нервной паузы продолжил КанOVER, — что кроме обычной — режимной, так сказать, — секретности нас удерживали еще и определенные условия нашего... м-м... соглашения с концерном «Линчжи». Это, к вашему сведению, — наш старый и постоянный партнер, и мы... м-м... меньше всего склонны подводить их. Есть и еще два обстоятельства, связанных с «Линчжи». Одно социального, скажем так, плана, другое — скорее... м-м... интимного.

— Что значит интимного?

— Связанного с определенными обстоятельствами личной жизни участников этой истории. С обстоятельствами личной жизни господина Цзун Вана. Его жизни и... м-м... смерти. Вам это будет трудно понять, молодой человек. Поэтому давайте начнем с того, что будет полегче.

Том пожал плечами.

Генерал поморщился, словно в кофе, который он позволил себе отпить, был добавлен хинин. Сервисный робот с опаской ретировался.

— Дело в том, — КанOVER говорил медленно, подыскивая слова, — что концерн не имел возможности обеспечить все потребности армии — я имею в виду всего лишь армию Республики Джей — в препарате, о котором я вам рассказал. Ни за какие деньги. Мы принципиально лишены были — и до сих пор лишены — возможности обеспечить более ста — ста двадцати полноценных курсов лечения в год. Дело в том, что в качестве компонентов препарата использовали некоторые... м-м... соединения, получаемые из каких-то ископаемых объектов. Из тех, что остались со времен войн Звездных Империй.

— Ну, надеюсь, они там не додумались извлекать жизненную силу из праха покойных Воинов Империи Зу? — опять не удержался от мрачноватой, но все-таки слишком иронической реплики Том.

И тут же понял, что ирония опять оказалась не к месту. Уголок рта генерала чуть дернулся.

— Не стану зарекаться. Могу сказать только, что для «Линчжи» мы выполнили ряд работ... м-м... не совсем характерных для нашего ведомства. Пришлось даже привлекать специалистов-археологов со стороны. Поисковые раскопки — у них своя специфика, знаете. Что именно они там выкапывали и как это использовали — это секрет, который «Линчжи» охранял очень хорошо.

— К господину Васецки, декану из университета Вестуича, вы не обращались? — высказал Том наобум неожиданно пришедшую ему в голову догадку.

— К сожалению, мало что могу вам сказать на этот счет вот так — по памяти. Да и, признаюсь честно, наше участие в этих работах ограничилось выделением транспорта, некоторого количества военнослужащих — как рабочей силы, — и главным образом мы

просто оплатили расходы нашего субподрядчика — все того же концерна «Линчжи». Конкретных специалистов нанимали они. И многие вещи в этой деятельности — это их конфиденциальная сфера.

— А что-нибудь конкретное я все-таки получу возможность от вас узнать? — с чувством, что он пытается удержать в руках нечто очень скользкое и холодное, спросил Том.

— Да, получите. — Уголок рта генерала снова дернулся. — Если воздержитесь от своих вопросов. Они уведут нас в сторону. А мне и без того нелегко вести разговор на... на интересующую вас... тему. — Он пожевал свои сухие, почти совершенно бесцветные губы и продолжил: — Как вы понимаете, хотя клиническое применение препарата, предложенного «Линчжи», и было существенным образом ограничено, мы применили его с успехом примерно в тысяче случаев. Значительное количество препарата было, конечно, израсходовано и для чисто экспериментальных целей: исследовали возможность возникновения разного рода... м-м... побочных эффектов. Это была долгая и сложная работа.

— И тем не менее вы все-таки приступили к применению этого... лекарства в госпиталях?

— По жизненным показаниям, молодой человек, по жизненным показаниям. Вам знаком такой термин?

— То есть в тех случаях, когда речь шла уже не просто о здоровье, а о необходимости спасти пациенту жизнь и всякие побочные эффекты уже в расчет могли не приниматься?

— Вот именно, молодой человек, вот именно. Собственно, сам господин Ван и испытал его на самом себе именно в такой ситуации. Препарат буквально вытащил его с того света после истории с его ранением. Впрочем, об этом потом. В конце концов мы настолько уверились в возможностях препарата, что пошли навстречу нескольким... э-э... клиентам... со стороны. Клиентам, которым никак нельзя было отказать. К сожалению, не удается все удерживать в секрете. Применение дало самый благоприятный результат.

— И никаких... побочных эффектов так и не обнаружилось? — Том искренне хотел воздержаться от своей реплики, но уж слишком затянулась очередная пауза генерала.

— В том-то и дело, что побочный эффект обнаружился. — Канонер изучал теперь небо за окном. — Но побочный эффект особого рода.

— Что значит — «особого рода»? — напряженно спросил следователь.

— Этот эффект проявляется только после смерти клиента, — сухо пояснил генерал.

Том непонимающе тряхнул головой:

— После смерти? Но сам-то он — этот препарат — смерть не вызывает, надеюсь?

— Нет. Наоборот, я уже пояснил вам, молодой человек, что препарат как раз способен спасти смертельно травмированных людей от гибели. Но мы отслеживали его действие на пациентов на протяжении многих лет, после того как их выписали из госпиталей. Многих лет. За это время некоторые из них умерли. По различным причинам. Военнослужащие — специфический контингент, знаете ли. Образ жизни, постоянно связанный с риском, лишениями. Даже здесь — на мирном Джее. Одни уходят служить по контрактам в Миры, обремененные вооруженными конфликтами, другие...

— Я уже понял. Речь, значит, идет о погибших и умерших не от препарата. Ну так что — после него чаще погибают?

— Нет. Статистика этого не показывает. И потом — погибают живые, а то, о чем говорю вам я, происходит уже только с мертвыми.

— Ну, если речь идет о каких-то посмертных изменениях... Так что тут может быть особенно страшного — потом? — Том пожал плечами. — Ну, понятное дело, что родным и близким покойного, должно быть, очень неприятно, если его, покойника, облик...

— С обликом покойных, молодой человек, как раз ничего особенного и не происходит, — криво улыбнулся какой-то своей мысли генерал. — Большие изменения действительно... м-м... имеют место в клетках и тканях умерших. Еще более заметные — на биохимическом уровне.

— Может быть, это и трагедия для патологоанатомов, но...

— Для них — тоже. Эти прозекторы — настырный народ, господин Роббинс. — Генерал сел наконец за свой стол и стал копаться в его выдвижном ящике. — От них мы и получили первые сигналы о неблагополучии. Дело в том, что трупы и части тел погибших, которые в свое время проходили лечение препаратом «Линчжи», необыкновенно долго сохраняли состояние окоченения. А затем не подвергались разложению. Даже в самых неблагоприятных условиях. И мумификация их тканей проходит совершенно иначе, чем в... э-э... чем в случае обычных тканей.

— Значит, обработанные «Линчжи» пациенты, — начал о чем-то догадываться Том, — становятся, так сказать, нетленны?

— Если бы этим дело ограничилось, то можно было бы лишь возблагодарить Бога. — Генерал вытащил из ящика пачку топографических снимков, с силой задвинул его и принялся выравнивать стопку пластиковых карт, постукивая ее торцами по столешнице.

— Они обретают не только способность сопротивляться тлению. Они обретают... м-м... новую жизнь!

— Как? — Том снова потряс головой. — Они...

Это была та самая дикая мысль, которая возникла у него, казалось, задолго до того, как он вошел в кабинет Кановера.

— Они воскресают?!

Генерал продолжал молча тасовать снимки.

— Происходит полная регенерация их... их организмов?

Кановер поднялся и бросил стопку снимков на стол несколько нервно — они разлетелись веером. Несколько карточек слетели на пол. И на колени к Тому.

— Я бы не назвал то... то, что случилось с ними, *воскрешением*.

Сказав это, хозяин кабинета помолчал с минуту.

Том рассматривал снимки. Разное было на них: в основном — непонятное. Но было и жутковатое. И страшное — тоже было.

— Как человек верующий, — генерал машинально скользнул взглядом по стенам кабинета, словно отыскивая затерявшееся на них распятие, но его здесь не было, оно висело где-нибудь в другом месте, — как человек, верующий в истинного Бога, — продолжил он, — я под воскрешением понимаю возвращение души в тело. А этого нет. Не чудо Господне — бесовство и некромания.

Том сосредоточенно смотрел в остававшееся стерильно-пергаментным лицо заместителя министра. Словно врач в лицо больного.

— Впрочем, это все эмоции. — Генерал потер длинными сухими пальцами веки. — А документально все это выглядело так. Чистый, так сказать, клинически безупречный случай воскрешения описали впервые Устинов и Николсон из Военно-Морского госпиталя. Сначала происходит восстановление всех функций организма. За исключением высших —

психических. Если имело место повреждение коры больших полушарий, то... Восстанавливается та часть психического мира... м-м... пациента, которая не была уничтожена. А остальное замещается психикой младенца. Кстати, такой пациент вполне может пройти курс реабилитации и жить среди людей. Но затем наступает следующая стадия, когда он становится опасен. В организмах... э-э... воскрешенных стали находить некие образования. Вот. — Генерал протянул сухую, костлявую руку и взял с полки стояк с пробирками. Вытащил одну из них и протянул Тому. — Это — инактивированный облучением образец. Совершенно не опасен. Теперь. Напоминает кокон тутового шелкопряда. А внутри — пыль. Такая белесая пыль. Паразиты второго поколения. Постепенно этих мини-коконов становится все больше. Но не всегда это кончается разрушением. Смертью. В определенных условиях можно долго поддерживать жизнь в таком.... в таком носителе. Правда, происходит распад психики... всех функций. Человек превращается в ходячий инкубатор этой заразы.

— И те, кто с ними контактировал, — предположил Том, — превращаются в таких же...

— Нет, не в таких же. — КанOVER подтянул к себе по столу белый листок бланка и быстро стал заполнять его. — Хуже, все много хуже. Вот... — Он поднялся и протянул Роббинсу листок: — С этим отправляйтесь в штаб по борьбе с эпидемией. Это — в новых клинических корпусах, на Озерном шоссе. Там профессор Гримальди ответит на все ваши вопросы, связанные с развитием болезни, вызываемой... э-э... вторым поколением паразита. У меня много работы. И будет еще больше. Настоящая Эпидемия еще впереди.

* * *

Профессор поднял на вошедших глаза, темные мешки под которыми старили Гримальди лет на двадцать.

— Право же, господа, — глухо сказал он скорее самому себе, чем прибывшим визитерам, — не могли бы вы как-то согласовать ваши действия таким образом, чтобы наведаться ко мне все разом, а не делегациями каждые четверть часа?

Том постарался как мог вежливее объяснить уважаемому профессору, что компетентные службы Республики Джей и Федерации не всегда находятся должным образом в курсе дел друг друга, и поэтому...

Гримальди остановил его движением руки:

— Ваши вопросы, господа... Я вижу вашу карточку, представляю себе уровень вашего доступа к классифицированной информации, и поэтому не станем тратить время на ненужные формальности. Если вас интересует динамика... э-э... заболевания, то с периода Изоляции, то есть более пятидесяти лет, на планете наблюдали не более десятка случаев достоверного «синдрома кокона». До этой весны. Первый вызов относится к шестому числу — всего три недели назад. С этого момента количество вызовов идет по нарастающей. Всего госпитализировано свыше шестисот человек. Речь идет не только о столице. Общее впечатление такое, что очаги заболевания... э-э... равномерно распределены по территории Республики. Ложных вызовов было только три или четыре.

Вас, разумеется, интересует, имеет ли заболевание инфекционный характер. Так вот — точного ответа нет. Среди лиц, непосредственно общавшихся с заболевшими, как до, так и после обнаружения синдрома, не выявлено большего процента поражений, чем среди

населения в целом. Почти не подвержены заболеванию дети — только два случая. Все остальные в большинстве своем — в возрасте около сорока лет. Есть и несколько стариков. Нет никаких данных, что заболевание более опасно для представителей одного какого-нибудь пола. И мужчины и женщины среди пораженных представлены примерно в одинаковых количествах.

Профессор устало встал, поправил халат, сморщившись, посмотрел на доньшко опустевшей кофейной чашки. Потом надавил клавишу на полускрытом пульте и произнес в воздух:

— Джерри, три кофе ко мне в кабинет. Минут через тридцать, пока я буду знакомить наших гостей с... с музеем... — Потом повернулся к посетителям: — Наденьте вот эти респираторы, господа. Я уже сказал, что выраженной инфекционности нами не обнаружено, но... Береженого, знаете, сам Бог бережет.

Снова последовала анфилада коридоров, залитых призрачным светом флюоресцентных ламп, тамбур и — палата.

— Это первые стадии заболевания, — чуть понизив голос, сказал профессор. — Точнее, та стадия, в которой больных доставляют к нам. Не бойтесь говорить вслух — пациенты практически лишены способности к восприятию. Да и болевая чувствительность у них порядком снижена. Однако они еще сохраняют способность к движениям конечностями, реже — телом. Обычно — в ответ на внешние раздражители, когда медсестра меняет им, например, позу.

— Господи, — сказала Циньмэй, — это же Кун.

— Вы, видимо, знали этого господина? — сдержанно спросил профессор, нервно потирая ладони. — Разумеется, я ознакомлю вас с его историей болезни, если это потребуется. — Он сухо откашлялся и продолжил: — На этой стадии отсутствует членораздельная речь. Но больные еще способны выполнять некоторые свои... э-э... естественные надобности: опорожнять кишечник, мочевой пузырь. И — вот видите, уже на коже и вот тут, среди волос — на голове, лобке, под мышками... Возникают такие особые нити. Видите, они совершенно не похожи на волосы. Сначала мы их пытались удалять, но это было совершенно бесполезно. Они и внутрь прорастают, эти волокна. Что характерно — не причиняя вреда внутренним органам. Они — эти нити, гифы, я бы сказал, мы называем их здесь так, они как бы раздвигают клетки тканей, заполняют весь организм — до двенадцати — пятнадцати процентов его объема, и начинают затем соединяться между собой. Это уже — следующий этап. Пройдемте в следующий отсек.

В следующем отсеке на специальных кроватях-стеллажах лежали уже не люди. Точнее, уже не совсем люди. Белый мох, проросший из кожи, уже покрывал их целиком, стлался по телу и деликатно обходил воткнутые в кожу иглы каких-то инъекторов и датчиков.

Но еще можно было различить под этим белым саваном лица тех, кто были когда-то людьми.

— Такая фаза наблюдается на третьей-четвертой неделе заболевания, — продолжил глухим, бубнящим тоном профессор. — Внутренние ткани и физиологические системы больного продолжают функционировать, но очень слабо, вяло.

Цинь смотрела на эти полускрытые белесым пологом лица. Нет, они не были бесстрастно отвлеченными, погруженными в глубь себя, как у тех, из первого отсека. Разные были на них выражения — безмерного удивления; безмолвного, словно в стоп-кадре застывшего крика тупой, ничего не понимающей сосредоточенности; отчаянной, уже

готовой принять отказ, мольбы. Тома слегка передернуло, и профессор, не то заметив это, не то по опыту прошлых экскурсий, пояснил:

— Не следует воспринимать эти... гримасы как действительное выражение чувств лежащих... людей. Нет, их энцефалограммы соответствуют глубокому — на грани комы — покою. Они не чувствуют и не ощущают ничего. По крайней мере, не должны ни чувствовать, ни выражать.

— Вы пробовали зондировать их... м-м... внутреннее состояние с помощью экстрасенсорики? — поинтересовался Том.

— Здесь не верят шаманам, мистер следователь. — Профессор неодобрительно посмотрел на него, словно на шаловливого ученика, нарушающего плавное течение экскурсии. — Гифы, — продолжил Гримальди, — пронизали на этой стадии все ткани больного. Мозг — в том числе. Но эти ткани еще продолжают выполнять свои функции. Минимально, на грани анабиоза. Физиологические выделения уже прекращены. Организм больного... Точнее, тот комплекс, который данный организм составил теперь с этой сетью гиф, переходит, так сказать, на «замкнутый цикл». В этом состоянии его можно поддерживать неопределенно долго.

— Запах... — чуть неожиданно сказала Циньмэй. — Здесь у вас запах, как... Мне трудно это сказать по-английски. Нет, не запах тлена. Какой-то *чужой* запах.

— Да, — подтвердил профессор. — И сами гифы, и вошедшие в контакт с ними клетки начинают вырабатывать некий комплекс химических соединений. Совсем не свойственный для того, с чем мы сталкиваемся в обычной жизни. Некоторые из соединений летучи. Но здесь мы все привыкли к этому. Они не вызывают дурных последствий — мы проверяли это. Так вот. — Гримальди на несколько секунд задумался, ловя какую-то ускользнувшую мысль. — Мы, конечно, поддерживаем функционирование тканей пациентов, вводя целый комплекс необходимых для этого веществ. Кстати, большинство тканей больного, если не считать костной и... и мозга, сильно редуцируются, уменьшаются в своих объеме и массе. Тем не менее мы продолжаем их подпитку. Но... Но если такая поддержка оборвется, это вовсе не будет обозначать полной гибели больного. Он... Он просто перейдет к последней стадии этой метаморфозы.

— Превращения, — тихо сказала Циньмэй.

— Да, — не особенно слушая ее, произнес профессор, — метаморфоза. Это — следующий отсек. Приготовьте свои нервы, господа.

* * *

Собственно, ничего очень уж страшного в третьем отсеке не было. Такие же или почти такие же стеллажи и совсем уж покрытые белым, отвратительно мохнатым саваном фигуры на них. Лиц теперь уже невозможно было различить.

— Иногда они переходят в это состояние спонтанно, — продолжал профессор. — Я, собственно, думаю, что по истечении какого-то промежутка времени каждый из них перейдет в это состояние. Вот видите, теперь пациент практически утрачивает хоть какое-либо сходство с... м-м... человеческим существом. Рентгеновские снимки и ЯМР-томография показывают, что форма и консистенция скелета, других органов и тканей человека, точнее, того, что от него остается, начинают испытывать какие-то очень

существенные изменения. Я бы... Я бы уподобил ЭТО тому, что происходит в куколке насекомого, которое из состояния личинки переходит в форму зрелого насекомого, в так называемое имаго.

— Господи, и что же собой представляет тогда эта... зрелая, как вы выразились, форма? — осведомился Том.

— Этого никто не знает, — косо улыбнулся Гримальди. — По крайней мере — никто из живущих. Вы... Ну, раз вы занимаетесь некими вопросами, связанными с особенностями нашей милой планетки и, может быть, с древней историей Джея, его реликвиями..

Том заметил, что то ли он сам, то ли непроницаемая с виду Цинь чем-то выдали себя. Во всяком случае, это было заметно по чуть изменившемуся тону руководителя программы.

— Видите ли, со школьных лет вы должны помнить, что у человека, в отличие от, скажем, кишечной палочки, большая часть его генетической информации «молчит» — никак не проявляет себя в течение его жизни образованием каких-то в ней закодированных веществ или признаков, которые такие вещества могли бы вызвать у человека в процессе его созревания, развития. — Гримальди академично рассказывал о генетике. — Ну, несмышленным детям в школе или на факультативах по биологии, где глубокого познания природы человеческого естества с них никто не спрашивает, этот парадокс объясняют весьма просто. Все эти лишние нуклеотиды, вся большая часть информации, которая записана в каждой клеточке нашего тела, — это не структурные гены, не чертежи белков, которые будут затем спущены со стапелей рибосом и отправятся в бурное море цитоплазмы выполнять свое нелегкое дело.

— Вы так поэтически пересказываете введение в молекулярную генетику, — сделал Том усталому профессору комплимент, которого тому, чувствуется, не доставало.

— Что поделаешь, в наш век приходится иногда напоминать людям о том, чему их учили лет пятнадцать назад. — Ученый приободрился. — Так вот, обычно «немую», «молчащую» информацию человеческого генома оценивают не как описание каких-то структур, которые должны воплотиться в материале белков, ферментов или... Одним словом, в чем-нибудь материальном. Ее — эту информацию — оценивают как некие управляющие инструкции, согласно которым вся эта белковая машинерия осуществляет свое действие. Еще была и благополучно существует по сию пору теория так называемой «эгоистической ДНК». Мол, существует возможность бесконечного самовоспроизведения и самоумножения фрагментов ДНК, не несущих никакой смысловой информации. Осуществляющих свое бытие только ради продления этого бытия. Бессмысленного самого по себе.

— В этом есть своя философия, по крайней мере Мастер Лю сказал бы так, — оценила эту мысль Циньмэй.

— Но есть и другая точка зрения, я, правда, не ее сторонник. — Профессор чуть заломил седую бровь, как бы придавая оттенок некой иронии той теории, которую он собирался сообщить уважаемым слушателям. — Некоторые особо оригинальные теоретики считают, что человеческий организм, каким мы его знаем, — это всего — лишь личинка, которая разучилась превращаться в зрелую свою форму — в имаго. Принимать истинный облик, достойный человека. Это не столь оригинальная мысль, мисс, — заметил Гримальди, уловив тень какой-то странной улыбки на крепко сжатых губах китайки. — Ювенильное существование, бытие в форме личинки, способной к размножению, ведут довольно много живых существ как на матушке-Земле, так и в иных Мирах. Самый распространенный

пример — амбистома, которая может всю свою жизнь прожить, так и не став тем, кем ей предназначено, — аксолотлем.

— Это, кажется, называется неотенией, — продемонстрировал краешек своей эрудиции Том.

— Совершенно верно, — устало подтвердил профессор. — Так вот, есть оригиналы, считающие, что *Noto sariens* — это только неотеническая форма. Личинка, которая при соответствующих условиях должна переродиться во что-то более развитое.

— В ангела или, быть может, в самого Господа Бога, — чуть иронично заметил Том.

— Или в дьявола, — без всякой иронии сказала Циньмэй.

Вообще без всякого выражения в голосе. Просто так.

— Ну так вот, — продолжил профессор, — в этой стадии образовавшийся... э-э... кокон может существовать, в отсутствие разного рода внешних воздействий, неопределенно долго. Есть образцы — их доставили из Внутреннего Пространства, — которым стукнуло уже за сто. Эти... гифы, проникая во все органы и ткани, не только их изменяют, трансформируют каким-то образом клетки тканей, в которые попадают, они их еще и консервируют — переводят в этакий... м-м... сверхэкономичный режим. Но не только в этом дело. Этот биологический материал... сеть этих волокон, она, видимо, способна к какому-то автотрофному виду питания. Поглощает некоторые формы энергии, нами практически игнорируемые. Ну, корпускулярное излучение из космоса, может быть. Или наоборот — некоторые исследователи утверждают, что эта... плесень как-то избирательно притягивает радиоизлучение из различных, под грунтом расположенных источников. Служит для них мишенью. Вопрос этот, в общем, достаточно темен. Факт, что коконы на этой стадии и не гибнут, и не претерпевают существенных изменений. Хотя на молекулярном уровне какая-то перестройка идет. Похоже на то, что либо этот мицелий начинает продуцировать какие-то ДНК-содержащие плазмиды и передает их клеткам вот так закуклившегося организма, либо как-то трансформирует сам генетический материал клеток организма-хозяина.

— А вы... кто-нибудь вообще пытался, ну... ускорить этот процесс? Довести его до конца? — спросила Циньмэй.

Профессор кашлянул:

— Я совершенно уверен в уровне вашего доступа к секретным материалам, господин... э-э... Роббинс, но в отношении вас, мисс...

— Я могу и подождать в сторонке, — холодно парировала Цинь.

— Вот и прекрасно. Пройдемте в следующий отсек, господин следователь.

* * *

Следующий отсек напоминал некий странный гибрид цеха с музеем. Музей был представлен значительным числом витрин и не без своеобразного вкуса аранжированных экспозиций голографических снимков и каких-то гипсовых и пластиковых отпечатков. Цех — громадой каких-то ненормально искореженных металлических конструкций, старательно, но далеко не эстетично обнесенных, закрепленных, покрытых бесцветным защитным лаком и металлическими мостиками, и переходов, позволяющих заглянуть в некий заботливо огороженный провал у противоположного торца отсека. Провал был и не естественного происхождения, но и на искусственное сооружение явно не тянул. Это,

скорее, был когда-то сооруженный со вполне благими целями колодец, превращенный взрывом, случившимся где-то в его глубине, в жерло туннеля, уходящего в преисподнюю, не иначе.

Профессор выразительно помолчал, пока Том с опаской по периметру обошел отсек и заглянул в жутковатую полутьму провала-шахты. Потом деликатно кашлянул.

— В принципе все мы, — не торопясь стал объяснять Гримальди непростую историю непростому собеседнику, — сотрудники отдела биотрансформаций (это наше официальное название и по сию пору, кстати), были против предложенных... м-м... определенными лицами экспериментов по... по стимуляции происходившей с больными метаморфозы, против... м-м... ее доведения до конца. Но с нашим мнением не посчитались. На нас было оказано давление. Вы, молодой человек, вряд ли достаточно хорошо представляете... психологию людей того времени. Короче говоря, эксперименты проводили специалисты военного ведомства. Наше... и мое, в частности, участие в этой части работы заключалось в определенных... э-э... консультациях в отношении... предполагавшихся экспериментов и, скажем, в участии в трактовке полученных результатов...

— А результаты — это вот. — Том кивнул головой в сторону шпалерами вывешенных вдоль стен экспонатов.

Эти залитые в пластик свидетельства чего-то чудовищного, что происходило в этих стенах, были больше похожи на какие-то вышедшие из кузни сатаны инструменты и орудия. И еще — на чудовищно разросшиеся и искаженные неведомыми силами органы каких-то жутких насекомых. Тварей не из Мира сего.

Их можно было увидеть целиком. Серия голограмм запечатлела последовательные стадии рождения чудовища. Из кокона.

— Биороботы. Люди в коконах перерождались в биороботов, господин следователь. Чудовищно, коварно агрессивных. И практически неистребимых. Были довольно большие жертвы среди тех, кто первыми столкнулся с этим... с этим феноменом. Но все удалось локализовать. Пока что мы перехватываем все случаи заболевания. Исследования... э-э... финальной стадии развития прекращены. Есть установка сверху: сохранить все в секрете. Впрочем, вы-то можете ознакомиться с видеосъемками. А я, с вашего позволения, пройду в свой кабинет — много работы. И с каждым днем становится все больше.

* * *

Это было довольно жутко — знакомиться с этими видеосъемками.

Том с трудом досмотрел пятнадцатиминутный файл, поблагодарил лаборанта, помогавшего ему работать с монитором, и быстрым шагом миновал отсеки отвратительного паноптикума, порожденного препаратом «Линчжи». Проходя мимо ожидавшей его Цинь, он молча кивнул ей, приглашая идти за ним. Говорить ему было тяжело.

* * *

Обратный путь от столицы до Вестуича ночным экспрессом монорельса занял, как показалось Тому, вечность. Он так и не запомнил, сколько раз забывался тревожным,

зыбким сном или ему снилось, что он проваливался в эти призрачные, топкие дали, в которых к нему возвращались окутанные паутиной призраки и заточенные в залитых жарким светом кельях старики со слезящимися глазами. А когда он выныривал, возвращался из этих недобрых мест, то всякий раз встречался взглядом с замершей в неудобной, напряженной позе на сиденье напротив угловатой, похожей на паренька из городского гетто девушкой, которая, похоже, так же, как и он, смотрела свои сны — тоже зыбкие и недобрые. Смотрела с открытыми, бездонно-черными глазами, в глубь которых невозможно было заглянуть.

На коленях у нее темной глыбкой лежала объемистая дорожная сумка, сквозь кожаные бока которой угадывались очертания плоского Ларца.

* * *

Декан Васецки встретил их на перроне новенького терминала Вестуича шестью этажами выше вмурованной в фундамент Транспортного узла крипты — и молча повел к стоянке, на которой его кар был почти единственной машиной. Похоже, он тоже плохо провел ночь. «У нас всех сегодня неважный цвет лица», — хотел заметить Том, но тут же усмехнулся невольной двусмысленности этой фразы — конечно, неважный: серо-черный у него, серо-желтый с коричневым загаром у Цинь и просто серый у господина декана. Эта гамма требовала слишком долгого осмысления. Он не стал говорить ничего.

Так они промолчали всю недолгую дорогу до дома Васецки. И только когда, поздоровавшись с занятым обихаживанием аккуратнейшего газона Васецки-старшим, все трое поднялись в кабинет декана и старенький сервисный автомат подал каждому чашку чая. Кайл наконец заговорил. И заговорил решительно:

— Давайте покончим с секретами.

Он помог Циньмэй извлечь из громоздкой сумки обернутый ритуальной тканью Ларец и, развернув его, поставил тускло мерцающий янтарный параллелепипед на пол между своим столом и креслами, в которые усадил гостей. Только потом Кайл уселся за стол, но уже с явным намерением взять на себя роль председательствующего на предстоящем военном совете. Том решил не оспаривать у него эту роль.

— На нас движется лавина. — Кайл тронул стопку распечаток на углу громадного рабочего стола. — Кто-нибудь из нас сомневается, что Эпидемия связана с пробуждением «Джейтеста»?

— Он не пробуждался. — Цинь с неприязнью посмотрела на Ларец. — Он и не засыпал. Просто ждал своего часа.

— И дождался с твоей помощью. — Кайл кривовато улыбнулся. — Может, ты и начнешь, Цинь, расскажешь, как обещала, про то, как вы... как ты сделала свой... ход. Когда. И зачем. Пойми, я не хочу устраивать вам допрос. И господин Роббинс этого не хочет. — Он взглядом обратился к Тому за поддержкой. — Я уже сказал тогда, что нам надо играть на равных. Но именно поэтому...

— Не тратьте зря время, декан. — Девушка выпрямилась в кресле.

Теперь она напоминала скорее послушную ученицу, чувствующую свою вину перед старшим. Том вспомнил, что в детстве Цинь помогала аспиранту — тогда еще аспиранту — Васецки где-то на раскопках. Должно быть, пиетет по отношению к старшему сохранился у нее с тех далеких лет. И оба еще не поняли, как им сейчас обращаться друг к другу. Кайл

явно непроизвольно перешел на «ты», а Цинь не могла освободиться от церемонного «вы».

— Не тратьте зря время, — повторила китаянка. — Простите, декан, но я, может быть, лучше вас понимаю, что мы теперь — одна команда. Оказались на одной дорожке, и, пока не пройдем по ней до конца, все будет идти только хуже и хуже. И с вами я буду совсем откровенна. Но... — Она посмотрела на Тома. — Господин Роббинс, может быть... Может быть, ему самому можно верить. Но ведь те, кто послал его... Всем этим управлениям и министерствам не место в этой игре. Они угрожат и нас, и весь Джей. Я уже убедилась.

Том улыбнулся. Как можно более вежливо.

— Я не могу дать никаких других гарантий, кроме своего слова. Я говорю о гарантиях того, что... Что наша служба воздержится от вмешательства в эту странную игру. Но мне кажется, что у меня есть неплохие возможности помочь вам. Я уже начал понимать, насколько опасно то дело, с которым связался. И насколько оно деликатно. И насколько тут опасно вмешательство со стороны.

— В конце концов, я первым обратился к Федеральному управлению расследований, — вздохнул Кайл. — Правда, в несколько иных условиях. — Он косо усмехнулся. — Так что и этого джинна из бутылки выпустил именно я. И считаю, что теперь должен быть честен с партнерами. Да и времени нет, я уже сказал об этом, играть в секреты.

Цинь сделала рукой движение, словно отмахнулась от назойливых насекомых или мыслей:

— В конце концов лучше, если Том будет в нашей лодке открыто. Все равно мы никуда от его конторы не денемся. Ладно. К черту. Теперь слушайте. Вы уж простите меня, господин декан, но у нас с вами разные представления о Древних Империях и обо всем таком. Я сейчас наговорю много вещей, которые вам не понравятся, но попрошу вас меня не перебивать. Потом поспорим обо всем этом.

Она как-то зябко, точно как ее мать, повела плечами. Том про себя отметил, что это был чуть ли ни первый признак нервозности, который он заметил у Цинь за все время их знакомства.

— Это для вас, доктор Васецки, — с некоторым трудом подбирая слова, продолжила она, — для вас Ларец Испытания оказался чем-то совершенно неожиданным. Потому что ваши профессора и академики никогда не принимали всерьез ни Тайные школы, ни — как вы это называете — фольклор Лесного народа, ни людей Джея. А я с детства росла среди этого. Вообще-то мне казалось... Тогда, в храме Кошек, например, что вы и Марика — не такие, как вся эта научная братия, что с вами можно всерьез говорить об этом. Но — не получилось. Ладно. Так вот, легенды о Ларце — это такая... Ну, как это назвать... Такая часть всех этих Тайных Учений, о которой хорошо знают Посвященные. Не все, но многие. Правда, в этих... сказаниях много противоречий. Но вот если бы там все было гладко, тогда наверняка все это было бы враньем. А правда всегда очень запутана. И когда я... Когда Марика намекнула мне о чем-то таком, очень похожем... Я все сделала, чтобы она рассказала мне об этом до конца. Это и не трудно было. Она была очень подавлена и потрясена тем... Ну, всем тем, что обрушилось на нее. Считала себя в ответе и за тех детей, и за гибель господина Сухова.

— Ведь вы... Ты ведь тоже знала его, Цинь? — морща лоб и потирая висок, спросил Кайл.

Девушка невольно поморщилась. Вопрос сбил ее с мысли, изложение которой давалось ей с таким трудом.

— Только так. Издалека. Вы тогда затащили меня на ваш семинар... Ну, на котором делали доклад о тех надписях, которые мы с вами нашли. И доктор Сухов там выступал. Вы нас знакомили — мне очень неловко было. Я почти ничего не поняла тогда. — Она снова коротким жестом отогнала то постороннее, что мешало ей сосредоточиться. — Так вот, когда я поняла, что боги — злые и... всякие, — тут она сделала охранительный жест пестрой веры, — что боги послали мне возможность пройти Испытание. Я стала просить Марику. Я почти никогда и никого ни о чем не прошу! Но в тот раз — я просила. Я *давила* на Марику. — Глаза Цинь недобро сверкнули, — Не думайте, что все было так легко — поплакалась на моем плече госпожа Карои и принесла мне Ларец в шелковом платочке. Она... Она смертельно боялась всего, что было связано с Испытанием. Но — спасибо Эс-дар-Саю — ее грызло чувство вины. Это была очень хорошая мысль — уйти в монастырь. Марика — идеальный для пестрой веры человек. Испытание принесло ей Дар. Ее туда брали с закрытыми глазами.

— Насколько я знаю... — начал Том.

Он осекся, вдруг осознав, что Ласковый Бог Измены не случайно напомнил им о себе.

— Я же сказала, что мне пришлось *давить* на нее, — снова зябко поежилась Циньмэй. — Это я. Я подсказала желтым монашкам, как можно заработать на этом. И когда они завели речь о вступительном взносе, Марика сама предложила мне купить... приобрести Ларец. У нее не было другого выхода. Она до сих пор не знает, что это я... Что это моя работа. Вступительная плата. Я, впрочем, тогда уговорила отца дать ей больше. Много больше, чем требовалось на этот взнос. Он меня понимал — отец. Сначала, правда, он долго не верил мне и всей этой истории с Марикой. Но я убедила его. Это ведь я от него впервые услышала и об Испытании, и о Ларцах. Он... Он вообще сыграл большую роль в этой истории.

— И ты... — Том почему-то почувствовал, что им сейчас можно говорить друг другу «ты». — Ты не раскаиваешься, что так вот подставила подругу?

— В чем нам было раскаиваться тогда? — Цинь смотрела на него своими антрацитовыми глазами и в то же время куда-то мимо. — Каждая из нас получила то, что хотела. Даже больше. Так мы думали тогда. И каждый Бог получил свое. Ее Бог — Кунта-ин-Шай — и мой.

Она запнулась.

— Ты уже помянула своего Бога, — глядя в сторону, напомнил Кайл.

— И твой отец так раскошелится только ради того, чтобы его любимая дочь смогла пройти Испытание? — прервал наступившее молчание Том.

Цинь снова посмотрела на него и — мимо:

— Отец... Отец многое бы дал, чтобы это была не я. Он долго работал с Ларцом. Советовался с людьми из разных школ. Даже за людьми Джея посылал. Хотел примириться с ними. Ради *этого*.

— И с людьми Учения он тоже советовался? — не удержался от вопроса Роббинс. Он не стал говорить: «Ложного Учения». Они с китайкой порой уже начали понимать друг друга с полуслова.

— Он сам был человеком Учения, — быстро и как-то в сторону произнесла Цинь. На секунду она прервалась, затем быстро заговорила снова: — Все они очень по-разному читали письма на Ларце. И разное советовали. Но все равно тут все сходились — ход должен был сделать кто-то из своих. Не просто из Стаи. Из самых близких. А Ли... Брат... К

тому времени он погиб.

— Его убили? — спросил Том.

— В нашем бизнесе это случается часто. Фармакология, психотропика, мафия, Комплекс... Это все — много денег и очень мало закона. Не стоит об этом сейчас. Отец ни за что не позволил бы мне сделать это, если бы был хоть кто-то другой.

— А зачем? Зачем ему так надо было, чтобы хоть кто-то из его близких прошел Испытание? — с недоумением прервал ее запинаящуюся речь Кайл.

Наступила пауза. Цинь смотрела на него с неподдельным изумлением.

— А зачем *это* потребовалось вам? — спросила она. — И Марике? И Сухову? Разве вы не знали?

Лицо китаянки странно изменилось.

— Не знали *чего*, Цинь? — осторожно задал вопрос Кайл.

Он словно боялся спугнуть бабочку, севшую ему на плечо. Странную, жутковатую ночную бабочку.

— Я все время думала, что Марика врала мне. Да она и говорила обо всем этом так. С пятого на десятое. Значит, вы и вправду просто случайно сделали это? Без всякой цели?

— А какая у нас могла быть цель, Цинь? — все так же осторожно, но очень напряженно спросил Кайл.

Девушка сокрушенно опустила голову:

— Значит — не знаете. Ведь Ларец исполняет желания. И приносит Дар.

— Исполняет желания? — Декан Васецки поражение смотрел на нее.

— Ну да. Ведь когда вы... Когда вы выбирали свой шаг в Испытании... Когда вы переставляли эти знаки.

— Кубики, — машинально поправил Кайл.

— Кубики, — как взрослый, не желающий спорить с ребенком, согласилась Цинь. — Когда вы расставляли знаки, вы ведь, наверное, все-таки пытались придать им какое-то значение? Так ведь?

Кайл выглядел как человек, оглушенный по голове пыльным мешком.

— Нет. Черт возьми — нет! — почти выкрикнул он, ударив кулаком по столу. — Мне не приходило в голову *программировать* «Джейтест». Только когда я увидел, какой набор знаков сложился у Павла, я понял, что это — не случайное выпадение кубиков.

— Лучше не поминайте черта, декан, когда *это* здесь, — чуть отрешенно кивнула на Ларец Цинь. — *Значит, вы не знали.* Это все меняет. Не все — многое... «Джейтест»... Марика тоже так называла *это*. Придется объяснять.

Она подняла голову и сразу стала похожа не на угловатого подростка, а на какое-то подобие юного Будды, наделенного незримым остальному миру знанием, на посланца из другого, совсем другого Мира. Впрочем, это, скорее всего, просто почудилось Тому. На секунду-две, не больше.

— Вы, конечно, понимаете, декан, что там, на этих... кубиках можно набрать только ограниченное число Приказов... Повелений... Но можно выбрать такое, которое принесет тебе то, что ты желаешь. Только это будет одна часть Повеления. А вторая — хочешь ты или не хочешь — будет гласить что-то другое. Что-то для тебя страшное. Через что придется пройти. В этом и состоит смысл Испытания. А вы просто... Просто были похожи на обезьян, которые барабанят по клавишам компьютера. Простите.

— Ничего, — вздохнул Кайл. — Мне и самому это сравнение приходило в голову. —

Только не простого компьютера, а такого, который подключен к очень страшным вещам. Управляет запуском ракет, лазерами на боевых спутниках — и все такое. Такое вот сравнение. Так, значит, ты расставила кубики... знаки по какой-то системе? В соответствии с тем, что вам насовествовали эти мудрецы из школ и Лесов. Понятно, такое дело ваш отец мог доверить только кому-то близкому. Самому близкому. И что вы загадали для себя?

— Я загадала спасение для отца, — коротко ответила Цинь.

Замолчала, протянула руку к янтарному коробу, словно грея ладонь в невидимом тепле, исходящем от него.

— У отца шло разрушение сознания. Вы знаете — человек с его деньгами может себе позволить жить долго, очень долго. Любые трансплантации, любая терапия... Но его несколько раз пытались уничтожить. Враги. Конкуренты... Было несколько попыток отравить отца. Но он выбирался всякий раз. Десять лет назад у него обнаружили признаки системного разрушения психики. Так называемый комбинированный вирус Дильмана. Он не убивает человека. Просто со временем лишает разума. Рушатся не структуры — функции, принципы работы системы. Программа, хранящая личность. Любая — самая долгая — жизнь не нужна тому, кто лишился сам себя, своей души.

— Это — очень редкое заболевание, — заметил Кайл.

Цинь убрала руку от невидимого огня и, подняв голову, посмотрела на него:

— На Джее — да. В Метрополии его совсем нет. А вот на Гарроте — там, на Седых Лунах, — это повальная напасть. Там практически нет таких, кто дожил бы до старости, не превратившись в... А отец провел там шесть лет в молодости.

— Туда ссылают... — начал Том.

— Туда *ссылали*, — поправила его девушка. — Теперь этого не делают. Уже давно. Но раньше ссылали. Особо опасных преступников. Вы это хотели сказать?

Том промолчал.

— И что же ты выбрала для себя? — спросил Кайл.

Цинь закрыла глаза и процитировала:

— «Спасешь тебя породившего дарами крови спасенных от ведьм Третьим из путников. Ужасу подаришь ты свободу. И Третий поможет Первому в Испытании Избавления». Примерно так. Впрочем, надпись вот она — перед вами. — Она глухо откашлялась. — Вы понимаете, что я набрала только про спасение того, кто дал мне жизнь. Остальное сложилось само. В том числе и то, что спасение надо искать в крови тех, кого спас Третий из пошедших по пути Испытания. И про избавление для Ужаса. Тут выбирать не приходилось.

Кайл молча рассматривал узор, выложенный на верхней плоскости Ларца.

— Я читаю это совсем по-другому, — тихо сказал он. — Но... Нужно поработать, чтобы выбрать верную трактовку. Но этот текст упоминает о ком-то третьем. Третьем в некой последовательности. С этим я согласен.

— И что произошло дальше? — осведомился Том. — После того как вы составили этот текст?

— То же, что рассказывала Марика. Ларец как бы раскалился, низко так гудел некоторое время, и...

— И? — переспросил Кайл.

— И еще — погода испортилась. Вопреки всем прогнозам. Вот и все.

— Ну, а отец — он излечился? — Сцепив пальцы. Кайл напряженно всматривался в

лицо Цинь.

— Его излечили. Ведь ясно было сказано, что спасение надо искать в крови спасенных Третьим — Павлом Суховым. Значит, в крови тех восьмерых детишек, которых он вернул оттуда, куда отправила их ведьма. Они почти ничего не помнили о том, что с ними произошло. Те, что были постарше, твердили про какого-то демона, который владел ими в каких-то подземельях. Заставлял участвовать в каких-то обрядах. Вообще творил над ними какое-то колдовство. Известно только то, что всех их нашли в течение двух-трех дней после исчезновения Павла в нескольких заброшенных храмах. Все твердили о том, что должна быть какая-то система порталов, связывающих храмы по всему Джею, но толком ничего об этом так и не узнали. И детишек обследовали самым тщательным образом — и тоже с неопределенными результатами. Но отец, он, как говорили древние, на уши поставил все три наших исследовательских филиала. И они нашли...

— Препарат «Линчжи»? — спросил Том.

— Его основу. Это — наш теперь самый большой секрет. Но...

— Но у нас теперь нет секретов, — напомнил Кайл. — В нашей лодке.

— Я и не собираюсь скрывать от вас. Нам же от этого и спасти надо Джей. У них в крови нашли такую загадочную штуку — она называется «глиняная плесень». Самонарастающая кремнийорганическая субстанция. Если ее разрушить, частично, она снова нарастает до какой-то критической массы — очень небольшой. Сначала быстро, а потом все медленнее и медленнее. Особого вреда организму не причиняет. Впервые такую инфекцию подцепили те, кто первым попал в один из храмов *там* — во Внутренних Пространствах. Только не спрашивайте меня, о каком храме идет речь. Этого не удалось установить с точностью. Плохо сохранилась документация. Вы сами знаете, что с материалами экспедиций во Внутренние Пространства. В те времена все это описали, но толком не разобрались. Носители «плесени» — одни погибли по разным причинам, другие к нашему времени состарились и умерли. Все пробы этой странной субстанции, собственно говоря, давно разрушились, и только мы, работая с живыми носителями этой необыкновенной инфекции, смогли получить пригодные для исследования образцы и правильно истолковать результаты. Это, в сущности, оказался еще один сюрприз из арсенала Древних Империй. Нанороботы. Механовирусы. Точнее, их своеобразный генератор. До конца с ними не разобрались, но получили много их мутантных... квазимутантных форм. Очень умные зверушки — не в пример тем, что сделали у нас в Метрополии. Когда надо, группируются в системы разной сложности, когда надо, работают в одиночку. Самое большое достижение наших высоколобых — это то, что они раскололи систему секретности этих тварей. А потом и научились ее использовать. Они саморазрушаются практически при любой попытке их исследовать, эти механовирусы. У них очень сложный жизненный цикл: сначала микророботы-матки на кремнийорганической основе, потом несколько поколений, которые одно за другим все больше приспособляются к организму-хозяину, изучают его. И наконец — последнее, чисто углеродное поколение. Узкоспециализированное. Оно размножаться не способно, только работает с генами хозяина, перестраивает его организм. Но сейчас — не об этом. — Цинь потеряла виски. — Отец был первым, кого излечил «Линчжи». Ну, а потом — вы слышали уже о том, какие чудеса делает этот препарат. Но я ждала, когда придет расплата, Ужас. Ждать пришлось довольно долго — вы это тоже знаете. Но знаете и то, что наступило в конце. Они вышли из-под контроля, эти умные зверушки. Да нет — даже не они сами. Это Джей приказал им. И Ужас пришел. И к отцу он пришел тоже

— первому.

— И дети те... Они тоже погибли? — нахмурился Том.

— Нет. — Девушка пожала плечами. — Тут Бог Джея сдержал свое слово. Они уже давно не дети теперь, живут своей жизнью и даже не знают о том, какую роль сыграли в этой истории. Мы не делились с ними своими секретами.

— Все-таки что это было? — подался вперед Том. — Что я видел там, в твоём доме?

Цинь отвернулась в сторону:

— Вы уже знаете: одних людей эти твари превращают в чудовищ. А из других делают инкубаторы, в которых размножаются. Точнее, в которых образуется их инфекционная форма, которая сама способна дать только несколько поколений уже в новом носителе. Они подавляют все — сознание, волю, чувства. Такой человек-инкубатор только перерабатывает пищу, а когда ее нет, то себя самого во все новые и новые микрококоны, начиненные... суспензией нанороботов-маток, черной такой пылью. Которая поражает все новых и новых людей. Разносится по всей планете. Но это — на последней стадии. А сначала такой инкубатор ни о чем не подозревает. Сначала эти личинки у него выходят из организма незаметно — с естественными выделениями, потом, с кашлем, мокротой, затем — через кожу. Но тогда он уже не реагирует как нормальный больной. Считает себя здоровее других. Живет среди нас, только удивляется странным нарывам, из которых вываливаются пушистые «яички». Они почти не болят — эти нарывы. Хорошо, что наши медики не спускали глаз с отца и вовремя его... Вовремя изолировали его. Это спасло мать, меня, наверное. Но и погибли многие из них — первыми. Впрочем, это все было почти напрасно: по Джею уже бродят десятки таких «инкубаторов», сотни, может быть.

— Но вы же не применяете больше «Линчжи», — осторожно уточнил Том.

— Я же сказала — промежуточные формы. Только часть из них проходит цикл развития до конца. А большая часть развивается по циклу: три или четыре типа нано-механизмов воспроизводят друг друга и инфицируют все новых и новых носителей. Пока не получают сигнала изменить программу. Вот с чем предстоит нам бороться.

Некоторое время все трое молчали.

— Дар... — вдруг вспомнил Том. — Вы говорили, что Испытание ко всему еще и приносит прошедшему его какой-то Дар.

Цинь потрясла головой — ей было трудно отвлечься от охвативших ее мыслей...

— Ну... Это сложно. Тут разные школы говорят по-разному. Люди Джея — они говорят, что Джей просто находит тех, кто имеет какой-то из Даров, какие-то особые способности. Ну, способность к предвидению, к общению с живым. Со зверями, растениями. Или еще что-то. Иногда — магические способности. А Кун говорил, что эти способности приходят только после того, как Избранник проходит Испытание. И усиливаются с каждой его ступенью.

— Так их много — ступеней у этого Испытания? — взволнованно спросил Кайл.

Девушка пожала плечами:

— Я только рассказываю то, чему меня учили. И то, что я сама видела.

— Ты видела? — Кайл внимательно всмотрелся ей в глаза. — Что?

— Я видела, что у Марики появился Дар.

Тут оживился и Том.

— Какой Дар? — заинтересовался он.

— Она... Это трудно объяснить. — Цинь невольно поморщилась. — Понимаете, вы не знаете Магических Языков. А без этого трудно объяснить. Она видит судьбу вещей.

— Судьбу вещей... — изумленно повторил Том,

— Да, это — Дар Второго рода. Марика почти ничего не может сказать о людях, только если их судьба пересекается с судьбой той вещи, на которую она загадала. Но это все равно очень... полезное свойство. Она много зарабатывает. По крайней мере, зарабатывала раньше. Пока не ушла из монастыря. К ней даже полиция обращалась за помощью. Не говоря уже о всяких частных детективах. С одним у нее даже чуть не вышел роман. Но Дар очень мешает в таких делах. Это — если уж тебе досталось — для тебя одного.

Том переглянулся с Кайлом. Тот пожал плечами.

— Получается, что и у вас, декан, — стараясь подавить иронию, проскальзывающую в голосе, сказал Роббинс, — должно обнаружиться нечто... Нечто подобное. Какой-то из Даров.

— Об этом — потом. — Кайл явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Том молча пожал плечами. Цинь смотрела в сторону.

— Итак... — Васецки поднялся и энергично потер лицо ладонями. — Первое: ваш текст. Повеление. Он еще требует основательной проработки. Но он дважды говорит о ком-то Третьем, теперь ясно — о Павле Сухове. О том Третьем, которому надо найти путь к оставшимся Четырем.

Цинь недоуменно смотрела на него.

Том жестом показал ей: «Потом».

— Так что вы предлагаете? — спросил он.

— Надо вернуть этого Третьего. Помочь ему найти дорогу к нам. И раз мы названы Четырьмя — найти Четвертого. — Кайл снова потер лицо. — Хотя логика подсказывает, кто подразумевается под этим «Четвертым». А Первому предстоит снова вступать в игру. Ради Исцеления. И, следуя этой логике. Первый — это я.

— На этот счет у меня есть своя точка зрения. — Том встал и начал расхаживать по кабинету из угла в угол. — Впрочем, довольно близкая к вашей. Вы... вы хорошо исследовали место исчезновения Сухова?

— Храм Желтой Луны? — Кайл пожал плечами. — И мы, и кое-кто из специалистов. Очень трудно понять, что произошло там. Может быть, невозможно.

— Мне кажется... — Том резко остановился. — Мне кажется, что нам надо туда отправиться. Попытаться все это понять, сообразуясь с нашей новой информацией. Мне кажется, что мисс Циньмэй может увидеть там что-то такое, что...

— Если бы это говорил не профессиональный следователь... — Васецки пожал плечами. — Если бы предложил кто-нибудь другой, то я послал бы его к черту! Мне... Мне тяжело будет снова оказаться в этом месте. Но... в этом есть смысл: за эти годы у моих знакомых физиков появились кое-какие новые идеи и кое-какая новая аппаратура. Я попробую прихватить это с собой.

— Да и ваш покорный слуга здесь находится не с пустым багажом, — чуть иронично поклонился ему Том. — Во всяком случае, осмотр места исчезновения Павла Сухова официально внесен в мой план следственных мероприятий. Цинь, у вас нет возражений?

— Нет. — Она озадаченно почесала изящный нос. — Я сама удивляюсь, почему после того, как Марика рассказала мне все это, я ни разу не приехала сюда.

— Будь по-вашему, — вздохнул Кайл.

Директор филиала приятно отличался от всех довольно многочисленных представителей этой разновидности работников Управления, которых довелось повидать Тому Роббинсу за время его учебы, стажировки и службы в различных Мирах. Он напоминал старого закала фокусника, этот директор. Из тех, что выходят на сцену в строгой, тройке и с невозмутимым видом вытаскивают кроликов из шелковых цилиндров, распиливают красного дерева ящики с обездвиженными блондинками и извлекают трефовые тузы из уха смущенных отцов семейств на фестивалях любительской эстрады в общественных парках провинциальных городков.

Цилиндр с кроликами, правда, в кабинете не наличествовал. И никакого представления здесь на сей раз не предвиделось. Роббинс был приглашен сюда для деловой беседы. Он сидел в предложенном ему низковатом кресле, у бокового столика и испытывал от этого некоторую неловкость: господин директор нервно расхаживал перед ним, меряя шагами пространство между штандартом Федерации и мозаичным панно, изображающим какой-то, не очень Тому понятный, эпизод из истории освоения планеты.

— Ответ на вашу докладную, адресованную комиссару Сектора, получен, — уведомил господин директор господина следователя и наконец остановился перед ним, тряхнув довольно импозантной гривой седых волос. — Мне поручено лично ознакомить вас с ним. Давайте с этого и начнем.

Карточку с грифом Центра он извлек словно из воздуха — жил, жил все-таки в душе тертого бюрократа неутомонный иллюзионист — и, сотворив сие малое чудо, протянул ее Тому и указал на терминал, приютившийся на столике перед ним. Тот молча сломал пломбу, вставил запись в аппарат и нажал клавишу пуска. Господин директор стремительным движением опустился в кресло по другую сторону столика от посетителя. Прямо перед ними — за массивным директорским столом — стена кабинета разверзлась провалом окна топографического экрана, и в окне этом явились им серебристая борода, орлиный нос и высокие залысины господина Жюля Геда — комиссара Сектора.

— Здравствуй, Том. — Голос комиссара был полон суровой благодати. — Надеюсь, при прослушивании этого моего письма присутствует только господин Дрю Декстер — директор нашего филиала в системе Джей.

Взгляд господина Геда, устремленный с экрана, с такой — поразительной точностью остановился на упомянутом Дрю, почтительно выпрямившемся в своем кресле, что можно было подумать, что там, — в своем кабинете, за пределами здешней планетной системы — он совершенно определенно знал, как рассядутся перед дисплеем его слушатели. Впрочем, может, он действительно знал это, старый лис.

— То, что я должен сказать сейчас, касается вас обоих. Вам двоим и следует принять решение, которое не выходило бы за рамки этого, гм, узкого круга. — Комиссар прервался на секунду, сосредоточиваясь. — Вы правильно поняли ситуацию, Том, — продолжил он. — Она не поддается вскрытию извне. Все усилия следствия могут привести только к непредсказуемым результатам. Находка господина Васецки может оказать слишком сильное воздействие на планы Директории в отношении Плана заселения. Собственно, начинающаяся на планете Эпидемия свидетельствует именно об этом. Господин декан прав в своем заключении, что уничтожение его находки не решит проблемы, а лишь придаст

процессу, который вы окрестили Испытанием, неуправляемый характер.

Снова комиссар взял секундный тайм-аут. Вид его стал унылым. Вводная часть послания явно закончилась.

— Ты предлагаешь довольно смелый план, — приступил он к сути дела. — Ситуацию ты предлагаешь взять под контроль изнутри. Идея самому стать участником Испытания — твоя инициатива. При принятии подобных... м-м... решений Управление придерживается принципа абсолютной добровольности. Ты должен четко представлять, на что идешь. И помнить, к чему приводили такие решения в прошлом. Не только удачные прецеденты, но и истории, подобные случаю Андрея Градова.

Да, Том знал не только о победоносных результатах внедрения людей Управления в группы риска. Он знал о цене, которую приходится платить за это. Если внедряешься в цепочку траффикантов оружия, то не жалуйся, когда тебя пристрелят вполне законопослушные спецназовцы в ходе проведения операции какой-нибудь из региональных спецслужб. Если решаешь проникнуть в структуру психоделической секты, не исключай, что одиссея твоя закончится в психушке. Сначала ты пудришь мозги полоумному гуру и остаешься очень доволен проведенной операцией, а потом вдруг оказываешься на заброшенной помойке — мертвый, как дверная ручка, по причине передозировки хитроумного снадобья. Или тебя, как Андрея, свои же просто запрут в потерявшем управление корабле, которому предстоит год-другой падать в огненные океаны Альтаира. За то, что тебя переделала, перевербовала генетическая программа вируса, завезенного из Тартара. Том знал обо всем этом.

— Внедрение... — Комиссар задумчиво сплел перед собой длинные и тонкие пальцы. — Подобный вариант проведения порученной тебе операции рассматривался нами. Но развитие событий оказалось слишком стремительным. Эпидемия просто не оставляет нам времени на то, чтобы глубоко проанализировать ситуацию. Поэтому я оцениваю степень риска, на который ты намерен пойти, как чрезвычайно высокую.

Господин Гед уставился куда-то в пространство за объективом снимавшей его камеры. Видно, ему не хотелось даже с интервалом во много часов и в миллионы миль глядеть в глаза Тому.

— Пойми меня правильно. Речь идет не только о том, что обстоятельства, связанные с Испытанием, могут привести тебя к физической гибели. По мнению специалистов, исследовавших данный вопрос, участие в этой затее связано с изменениями структуры личности участников такого Испытания, их системы ценностей. Таким образом, мы имеем нечто аналогичное риску внедрения в наркосообщество. Но не только в этом дело. Речь идет о том, что, кроме известных нам уже случаев... м-м... деградации психики участников подобных операций, мы располагаем данными о приобретении ими — этими участниками — неких аномальных... нечеловеческих качеств. Они сами по себе опасны для окружающих, а в сочетании с возможными... э-э... определенными абберрациями психики могут превратить человека в нечто враждебное, действующее в соответствии с планами абсолютно непонятного нам разума. Я недаром вспомнил о деле Градова. Думаю, что не стоит упоминать историю инвазии Тартара на Прерии. Мы можем не просто потерять тебя, Том. Может статься, что в твоём лице... В лице того, чем ты можешь стать, мы обречем врага, с которым вынуждены будем сражаться. Ты должен ясно сознавать это.

Снова комиссар замкнулся, рассматривая сведенные кончики пальцев.

«Господи, сейчас он классику вспомнит, — подумал Том. — Начнет цитировать

древних — про жука в муравейнике».

Но комиссар не стал рассказывать про жука.

— В другое время я бы категорически отверг твой план, Том. Но обстоятельства не дают нам времени. Пожалуй, нам так или иначе не обойтись без твоей инициативы. Я предлагаю вам решить вопрос на месте. И немедленно подробнейшим образом информировать меня по известному вам каналу о дальнейшем плане ваших совместных — подчеркиваю, совместных — действий. Желаю вам удачи, господа.

Рука господина Геда потянулась в направлении камеры, по экрану золотым тиснением прошли кодовый номер записи и данные ее хронометража, а затем — после короткой вспышки — знак полного уничтожения информации.

Директор филиала поднялся с кресла чуть более тяжело, чем он опускался в него, выключил терминал, вытащил из него пустую теперь карточку и пошел к своему рабочему столу. По дороге бросил стертую запись в утилизатор.

— Расписку об ознакомлении можно не делать, — заметил он, не оборачиваясь. — Нам никто не писал, и мы ничего не слышали. Все решения — под нашу ответственность. Ничего другого я и не ожидал.

Он опустил в тяжелое вращающееся кресло и, упершись подбородком в переплетенные пальцы, а локтями — в полировку стола, впери в Тома тяжелый взгляд:

— Честно говоря, задали вы нам задачу, следовательно. Впрочем, нечего ныть старому Дрю. Ничего другого, кроме головной боли, План заселения филиалу и не обещал. Перед нами поставлена задача, будем ее решать. — Он устало прикрыл глаза и коротким жестом показал Тому, что еще не дает ему слова. — Прежде чем мы определимся с решением этой головоломки, вам, следовательно, следует более четко представить себе обстановку здесь, на месте действия. Как вы понимаете, история с вашим таинственным Ларцом — далеко не единственная из тех, которыми приходится заниматься филиалу. И даже далеко не самая главная. Далеко. Собственно, это не наша сфера компетенции. Для всего этого существует неплохо финансируемая наука. Однако раз уж этот бумеранг снова вернулся к нам, то надо вам знать, что вы были не единственным за ним охотником. Могу сказать, что вам поразительно везет: никто за все эти десять лет не опередил вас. Если не считать концерна «Линчжи», конечно. Хорошо, что вы нашли какой-то свой подход к этой китайской мафии.

Том пожал плечами. Ему все происходящее представлялось пока в несколько ином свете.

— Прежде всего вам надлежит узнать, что господин Васецки в свое время выбрал весьма неудачных партнеров для изучения физических свойств своей... находки. Нет... сами по себе сотрудники физического факультета, к которым он обратился, — милейшие люди, прекрасные специалисты. Одно удовольствие было беседовать с ними. Вся загвоздка только в том, что физические исследования аномальных явлений на Джее по линии университета финансирует этаким небедненький фонд фундаментальных исследований. И фонд этот вошел в курс очень и очень многих проблем, имеющих потенциально оборонное значение для Джея и для Федерации, прежде чем нам стало ясно, что финансируется он небезызвестной, думаю, вам корпорацией «Дженерал Трендс». Ну, знаете, прогностические разработки, пилотные проекты, концептуальные модели. В общем, все — очень дорогое, очень долгосрочное. И очень рискованное. Ну, а риск может оплачивать только тот, кто обеспечен очень большими и гарантированными доходами. А гарантированные и огромные доходы — это четырнадцать внутренних войн, вяло текущих по всему Обитаемому Космосу,

это конфликт с «Золотым миром», это подготовка к двум масштабным акциям против Чужих, которые ведутся сейчас.

— Если вы хотите популярно объяснить мне, что «Дженерал Трендс» — это и на Джее одна из крыш Комплекса, то вы напрасно тратите время, — пожал плечами Том. — Я в курсе дела.

— Я и не думал открывать для вас Америку. Учтите, что Комплекс Джеем интересуется весьма серьезно и постоянно. Ведет работу среди сект и боевых школ. Даже затевает тайные экспедиции во Внутренние Пространства за всякими диковинами. И до вашего Ларца пытался добраться. Но слишком поздно. Китайцы их обошли, а цапаться с азиатской диаспорой, без гарантии солидных от того дивидендов, господа из фонда сочли нецелесообразным. Думаю, они не оставят вас в покое. В свете, так сказать, вновь открывшихся обстоятельств. Официально мы не воюем с Комплексом, но, сами понимаете...

Тут было что понимать: Директорат упорно гнул линию на перевод военной промышленности бывшей Империи под свое крыло, а подпольный, вопреки законам о монополиях существующий Комплекс военно-промышленных производств этой линии противился, весьма активно — следы столкновений интересов сил, управляющих жизнью Федерации Тридцати Трех Миров, можно было найти в каждом из них. Очень часто такими следами были могильные плиты. И под немалой частью этих плит покоились останки сотрудников Федерального управления расследований.

— Что ж, считайте, что в этой части вашего инструктажа вы своего добились, — улыбнулся Том. — Но, судя по всему, список охотников за Ларцом не исчерпан?

— Отнюдь. — Декстер ответил на его улыбку мрачной гримасой, указывающей на неуместность легкомыслия в обсуждаемом вопросе. — О существовании Ларца информированы практически все крупные преступные группировки, существующие в системе. Судя по всему, они имеют своих заказчиков. Мы в настоящий момент исследуем этот вопрос.

Он надавил кнопку на монументальном пульте, украшающем его стол, и из раздвинувшейся ниши в кабинет вкатился сервировочный столик с двумя дымящимися чашками кофе и горкой крекеров на подносе.

— Угощайтесь, следователь. Здешний кофе — прекрасное средство от головной боли. Она нам с вами гарантирована. — Он поднялся из-за стола и взял свою чашку. — За работу, Роббинс. Нам предстоит сделать выбор.

* * *

На закате они собрались в тесноватом южном приделе храма.

— Ваши аппараты просто обязаны показать хоть что-то необычное, — сказал Кайл, повернувшись к Тому. — Мои показывают нечто интересное, но непонятное. И у меня самого... У меня странное чувство, что я хожу здесь по какому-то невидимому лабиринту. Меня все чаще охватывает такое странное чувство...

— Показания моих приборов придется еще долго расшифровывать.

— Так же как и моих. — Васецки пожал плечами. Цинь молча смотрела в узкое окно, в котором таяло над горизонтом заходящее солнце.

— Так вы убеждены, что Павел может вернуться только к *четырем* участникам

испытания? — Том внимательно взгляделся в лицо Кайла, потом — Циньмэй.

— Это недвусмысленное условие, — с тяжестью в голосе ответил Кайл. — Если он вообще жив.

— И, как я понимаю, найти пятого участника испытания — это задача, которая вам представляется неразрешимой. — Роббинс переводил взгляд с одного из собеседников на другого.

Декан скривил губы в хмурой улыбке. Посмотрел на китайянку:

— Разве что кто-нибудь из ваших товарищей по братству Мастера Лю.

Циньмэй отрицательно качнула головой:

— Нет. Я не знаю среди них никого, кто сможет по-настоящему принять этот вызов.

— Но вы-то приняли, — вполголоса заметил Том.

Девушка ответила почти незаметным движением плеч, которое должно было недвусмысленно подчеркнуть различие между нею и «всеми прочими».

Кайл с досадой отошел к окну-амбразуре и стал рассматривать действительно диковинный ландшафт Поля Девяти Лун. Сумрак еще не сгустился над плато, но уже обозначился в настоящем на дневной жаре гор и степи воздухе.

— Давайте вернемся к первоисточнику, — сказал он, не оборачиваясь, куда-то туда, в скалы, обрывающиеся в желтом прахом запорошенную долину. — Давайте постараемся понять тот текст, что выпал девочке. Уважаемой мисс Циньмэй, хочу я сказать.

Том осторожно тронул янтарный короб и, словно желая оградить его от какой-то незримой порчи, провел над ним рукой, смахивая невидимую пыль.

— «Тебе выпало, — все так же, не оборачиваясь от высокой щели окна, стал цитировать Кайл, — дать твоему народу путь, минующий Превращение. Ступивший Третьим откроет тебе ключ». Все это очень приблизительно, — пояснил он устало. — «Ступивший Третьим» можно перевести и как выбравший третий жребий. Выбравший Третьим.

— И вы все-таки полагаете, что речь идет о Сухове? — решил уточнить Том.

Это было в традициях Управления. Только вложив персты в рану, убедиться в ее подлинности.

— Да, я в этом уверен. Так же как и в том, что Превращение — это то, что мы называем коконом. «Синдромом кокона».

— Всегда обожала филологию, — пожала плечами Циньмэй. — Так, значит, только тот человек... Сухов, если он вообще жив, может дать мне ключ? От чего ключ-то? От сундука со снадобьями, от древнего рецепта, зашифрованного как-то там?

— Все эти толкования подходят, — буркнул Кайл. — И все они не снимают проблемы Пятого.

— Ну, очевидно, если ключ к средству от «синдрома кокона» может дать только Третий, — вполне логично продолжила его мысль Циньмэй, — этот ваш Сухов, то вернуться он может лишь к четверем ученикам Воинов Зу. А мы имеем пока только трех. На Четвертого кандидатуры нет.

— Если бы в этой дурацкой игре участие засчитывалось два раза, — зло сказал Кайл, — я бы снова бросил эти кости.

— Очень приятно это слышать, но Бог Джея, похоже, не принимает одну и ту же жертву дважды, — с горечью оборвала его девушка. — А найти за короткий срок добровольца, у которого бы кишка не оказалась тонка, — дело нереальное.

— Кишка, говорите. — Том достал из кармана, подбросил в воздух и поймал на лету

цепочку с керамическим амулетом.

Кайл и Циньмэй как замороженные смотрели на него.

— Вы... — растерянно произнес Васецки. — Вы взяли это в крипте? Вы понимаете, что это значит?

— Не совсем, — честно признался Том. — Но, по-моему, и никто этого толком не знает и знать не может. Даже, наверное, те, кто эту штуку выковал. Но когда я уходил оттуда, проклятая кукла была еще цела. Раз уж вы трое позволили себе... приукраситься этак вот, то почему, собственно говоря, я должен быть исключением?

Кайл сглотнул заполнившую его рот горькую слюну. Циньмэй яростно продолжала расширенными, черными, как безлунная ночь, зрачками рассматривать тонкую металлическую змейку, скользящую между пальцами Тома.

— Послушайте, — сказал Кайл, стараясь как можно отчетливее выговаривать слова. — Я... и Марика сделали это в неведении... по глупости. Этой девочкой, — он кивнул на Цинь, — двигали какие-то древние суеверия. Но вы-то — человек закона.

— Именно потому, что я и есть человек закона, я должен прекратить, пресечь происходящее зло, — неожиданно сухим и звонким голосом ответил следователь. — Даже если ради этого придется шаманить у костра и кропить вокруг святою водой. — Он смотрел в расширенные зрачки Цинь, словно принимая одному ему понятный вызов. — Мы сами только что решили, что единственный путь для того, чтобы остановить зло... Эпидемию... это вернуть в игру Третьего из ступивших на путь Испытания. А для этого нужен Пятый испытуемый. Мы же сами только что убедились, что на стороне добровольца не найдем. Вы двое — уже в игре. Значит, остаюсь я. И я свой выбор сделал.

На вытянутых, растопыренных пальцах Том поднял цепочку над своей головой, поднял к ней лицо и улыбнулся.

— Вы, следователь, лучше вот о чем подумайте, — все тем же чересчур менторским тоном, словно растолковывая нерадивому ученику довольно простой урок, продолжил Кайл, словно не слыша ничего из сказанного. — Каждый раз, когда кто-то из нас делает свой ход... Выбрасывает свою комбинацию этих... иероглифов, на Джей обрушивается очередная беда. И всякий раз — нешуточная! Я — Дракона из норы выманил, и зверек этот такого понатворил, что только за голову держись. Марика — двойников наших на белый свет выпустила. Чем это все закончилось, и вспомнить муторно. Где и как сама она сейчас грехи замаливает. Богу одному известно. Ну, а мисс Циньмэй Эпидемией планету одарила.

Китаянка глянула на Кайла все тем же взглядом, ничего и одновременно так много выражающим, но свою реплику оставила при себе.

— Так что же вы, господин следователь, еще каким-нибудь подарком нас, грешных, осчастливить хотите? Вы об этом подумайте, прежде чем цепочку напяливать и кубики кидать.

С минуту Том молчал, рассматривая растянутую на пальцах тусклого металла цепь. Потом повернулся к Кайлу:

— Вы сами истолковали надписи на этой штуке в том смысле, что, пока последнее испытание не будет пройдено, Мир этот — Мир Джея — будет порождать новые беды. Подумайте сами, ну побоимся мы сделать следующий ход — и сколько людей по всей планете станут коконами? Позавчера их было двести. С сегодняшнего утра счет пошел уже на тысячи. И когда я выкину новый расклад этим камушкам, конечно, какая-то новая неприятность с кем-то из нас произойдет, но ведь и путь к спасению от этой белесой

напасти нам указан будет. А иначе так и будем мучиться с этой Эпидемией превращения всех в «коконов» без конца.

Кайл молча отвернулся к бойнице, а Том почти нежным движением опустил тусклую цепочку на свои плечи.

Ничего не произошло. Только легкое тепло согрело его где-то внутри, а может, наоборот — частичка холода покинула его душу.

— Ну что же, новопосвященный, — с какой-то тяжеловато ей дающейся иронией подбодрила его Циньмэй. — Бросайте кубики. Делайте ваши ставки, господа.

Том усмехнулся. Как-то чисто профессионально.

— Ну, а что, если я поступлю не совсем так, как это сделали вы, господа? Возьму пример с Цинь? Не вывалю кубики эти кучей на стол, чтобы их потом расставить, как попало, а воспользуюсь здесь присутствием специалиста по языкам Империи Зу, господина декана Васецки, и попробую с его просвещенной помощью сложить в шкатулочке не случайную абракадабру, а что-нибудь поосмысленнее. Подобрее. Этого-то вроде правила Испытания не запрещают?

Кайл молча взирал на федерального следователя. Высказанная им идея явно заинтересовала его.

— Не запрещают. Это верно, — согласился он. — Это вы интересную идею выдали. Не запрещают правила перемешивать элементы Наказа в том или ином выбранном порядке. Но и не разрешают, вот в чем загвоздка. У такого эксперимента может получиться совсем уж неожиданный эндшпиль. Как и в случае с Цинь.

Он взял янтарный Ларец в руки и, наклоня его то так, то этак к льющемуся из окна бойницы свету, что-то пробормотал про себя. Потом прикинул что-то на карманном калькуляторе.

— Они, конечно, немного дают вариантов, — глуховатым голосом сказал Кайл, — но попробовать можно. Выберем, например, вот такую комбинацию. Давайте, сударь, выкидывайте кубики на стол, а я уж вам подскажу, как их по местам растасовать. Хотя не знаю, как это поймет Джей — как ваш выбор или как мой.

Том молча перевернул коробку над столом.

— Только переставляйте их вы — своими руками, — посоветовал Кайл. — Мне кажется, что иначе Джей не поймет нас. Так, вот эта кость будет крайняя справа, в верхнем ряду. Нет, не торопитесь засовывать их в ларец. Сначала разложим комбинацию на столе. Так. А вот этот — каменный — пусть пойдет в самый конец. Так будет явно лучше. Теперь эти два керамических. Нет, вы не тот берете. Вот так. Их — вертикально в ряд. А как быть с вот этими, что-то ума не приложу. Получается солидная неопределенность.

Том достал белоснежный платок и вытер им бусинки пота, выступившие на его лбу. Кайл просто утер рукавом вспотевшую переносицу. Только Циньмэй с ледяной замороженностью истукана смотрела на разыгрывающуюся перед ней партию каменных, янтарных и деревянных фигур.

— Нет, все не так, — решительно сказал Кайл. — Так получается совсем двусмысленно. Нет. Вот эти — каменные — кладь по диагонали и каждый с поворотом. Нет, ты не понял. С поворотом относительно предыдущего. Ну вот, примерно так. Теперь надо пристроить эти — янтарные. Ч-черт...

— Не поминайте черта здесь, — вдруг резко сказала Циньмэй, совсем как Марика когда-то.

— Верно, — заметил Кайл. — Но теперь наконец получается.

— А что получается-то? — поинтересовался вконец замороченный Том.

— Сейчас найдем место для этой деревяшки и... дьявол побери, все опять придется переставить, — снова не к месту помянул нечистого декан Васецки. — Теперь — на что-то похоже. Складывайте все эти украшения в коробку, только точно так, как мы их расставили здесь, на столе.

Том точными движениями, словно вгоняя патроны в обойму, стал вкладывать причудливые кубики в их гнезда в янтарном Ларце.

— Так что вы все-таки напророчили мне, господин декан? — осведомился он, не отрываясь от своего занятия.

— В наиболее приближенном к нормативному языку сложившаяся фраза звучит так, — пояснил Кайл. — «Тобой спасенного сопровождает награда». Думаю, что это не такой уж плохой вариант.

— Мне тоже так кажется, — с легким скепсисом отозвался Роббинс, прилаживая кубик за кубиком на их места.

— А если переводить так, как это делает Мастер Лю, то у фразы будет иной смысл, — вмешалась Циньмэй. — Чуть-чуть.

— А именно? — заинтересованно спросил Том, вертя в пальцах последний из кубиков.

— Будет примерно так, — она слегка наморщила загорелый лоб и процитировала: — «Тобой спасенный за собою повлечет возмездие твое».

— Дьявол, это не совсем похоже на то, что вы сочиняли, профессор. — Рука Тома замерла над гнездом последнего кубика.

— А если читать не строками, а столбцами, — продолжила Циньмэй, — то можно прочесть и так: «Силящийся обмануть Богов превращает себя в дичь духа возмездия».

— Надеюсь, вы все-таки доверитесь академическому переводу, — сухо сказал Кайл. — Потому что, если мы начнем читать этот текст, скажем, еще и по диагонали, то мы вычитаем в нем еще и не такое.

— Ладно, Господь вам судья, господа толкователи текстов. В конце концов вы рисковали больше меня, — вздохнул Том и поставил последний кубик на его место.

И снова, как тогда — раньше, много лет назад, — Ларец налился янтарным светом, как бы превращаясь в брусок расплавленного металла. Низкий, словно оркестром дьявола прозвучавший аккорд повис в воздухе.

Храм потрянуло, пыль и щебенка посыпались с потолка. Немыслимо яркий, слепящий белый свет ударил в бойницы и щели ворот.

Глава 7

ЭКСПЕДИЦИЯ

Довольно осторожно Том и Цинь двинулись к окнам-бойницам. Замерли, созерцая жутковатый пейзаж плато, над которым медленно исчезали призрачные столбы поднятой подземным ударом пыли. Том устало провел ладонью по глазам, отступил назад и в изнеможении опустился на край низкого каменного столика, на котором тлел еще, казалось, вновь затаившийся янтарный Ларец. Цинь, ссутулившись, подозрительным взглядом окидывала неуловимо изменившийся пейзаж Поля Девяти Лун. Она не проронила ни слова.

— Уф-ф... — снова вытер набегавший на глаза пот Том. — Реакция. — Он посмотрел на мокрую ладонь. — Переволновался, как мальчишка. Что-то случилось, но что — надо понять.

— Двигаем в город, — сухо определил порядок дальнейших действий Кайл. — Вас, девушка, Джей подстерег только через три года после того, как вы сделали... м-м... свой ход. Мне не хотелось бы провести... гм... следующие годы ожидания в этом неудобном месте. — Он протянул руку Тому. — Поднимайтесь, вы и в самом деле здорово раскисли.

Том нетвердыми шагами преодолел расстояние до приоткрытых ворот храма, там остановился. Кайл теперь уже с явной тревогой смотрел на него.

— Кажется, нашему другу плохо, — тихо сказал он Цинь.

Теперь и она, беспокоясь, смотрела на Тома, которого явно «вело».

— Нет, — глухо отозвался Том, расстегивая ворот рубашки, — нет, мне хорошо. — Пальцы его скользнули по тусклой цепочке амулета. — В город... — Он с трудом поднял странный, чужой взгляд на Цинь, криво улыбнулся. — Давайте, ребята, в город. Поближе к клинике. Пока мне не стало... еще лучше. Это — не нервы уже. — Взгляд его на глазах мутнел, речь путалась.

— Он... — тихо, но уверенно произнесла Цинь. — Не трогайте его. Он должен остаться здесь. В храме. Пока...

Кайл замер, нервно сжимая и разжимая кулаки, кусая побелевшие губы. Он явно не знал, что ему предпринять. Том с трудом, по стенке, неожиданно двинулся прочь от ворот. Казалось, он полностью сосредоточился на чем-то, что подсказывало ему, как поступить дальше. Откуда-то изнутри. Так, спотыкаясь, он добрал до пустующей ниши в боковом приделе храма. Сел на теплый пыльный камень откинувшись, словно хотел занять место того, кто занимал эту нишу раньше. Выгнулся так, что затрещал позвоночник, и уперся затылком в заднюю стенку ниши.

— С-свечи... — глухо сказал он. — С-сколько свечей.

И странно: Кайлу и впрямь показалось на миг, что усталый, полусонный мрак храма наполнен колышущимся, зыбким светом тысяч матово-прозрачных язычков пламени, струящегося вверх, вверх, вверх тонкими струйками заколдованного дыма. Ему пришлось встряхнуть головой, чтобы прогнать странный морок.

На Тома жутко было смотреть: зрачки его закатились, и огромные — с яблоко, казалось, размером — фосфоресцирующие белки глаз безумными бельмами светились над страшно ввалившимися щеками и резко очертившимися высокими, угловатыми скулами. Цинь решительными шагами пересекла зал, стала над Томом и, уверенным движением надавив на веки, словно покойнику, закрыла ими жуткие глазницы.

— Небесный сон, — сказала оно коротко, словно это все объясняло. — Он не здесь сейчас.

Она привычно опустила в ритуальную позу, скрестив ноги под собой и уставившись в пыльную пустоту. Том, словно он того и дожидался, неожиданно обмяк, осел в нише, глубоко вздохнув. Кайл тоже подошел к нему, присел рядом на корточки, пытаясь нащупать пульс. Глаза его на минуту оказались на одном уровне с черными, бездонными глазами китаянки, и озноб охватил декана.

А свечи все продолжали устремляться ввысь своим чуть коптящим пламенем — там, за опущенными веками Тома.

И он улыбнулся во сне. Его действительно не было здесь.

«Где я?» — подумал он.

* * *

Или, может быть, и не он подумал. И глаза... Точно так же — он или не он открыл их. Где-то совсем далеко от Поля Девяти Лун.

Открыл, чтобы тут же сомкнуть, спасая зрение от термоядерного пламени рассвета, встающего над слепящими ледяными зубцами гор, заливающего расплавленной магмой беспощадного утреннего света зыбкий простор Гнилого моря.

Да нет — чьи же тогда это еще могут быть глаза? И эти вот, странно грубые, чужим чем-то пахнущие руки, которые сжимают, массируют, растирают воспаленные веки?

Он отнял руки от глаз и стал с каким-то тупым изумлением рассматривать их — изрезанные давними шрамами и ссадинами огрубевшие руки белого человека.

«А чьи же еще руки ты хотел увидеть, Паша?»

«Паша. Павел. Ну да, конечно...» Он неуверенно встал на ноги. Странно это — быть самим собой и одновременно — кем-то еще. Он отступил назад, в островок ночи, который притаился в напоенном странными ароматами, зыбком от трепетного света свечей пространстве часовни. Нетвердо ступая, подошел к тяжелому камню и стал рассматривать выбитые на нем, давно знакомые ему руны — так, будто в первый раз в жизни увидел их. Потер лоб и глаза — смысл давно им расшифрованного текста вдруг стал зыбким, призрачным, начал ускользать от него. На мгновение он снова стал самим собой — Томом Роббинсом — только вот Мир вокруг него оставался другим. Чуждым и непонятным. Миром Внутренних Пространств — он только что осознал это. И одновременно с этим пониманием в него вернулся Павел Сухов — растерянный и еще так и не поверивший в то, что с ним происходит. В то, что все еще существует возможность хоть что-то изменить в его теперешнем, невысказанном странном бытии.

И он осторожно опустился на еще хранящий промозглый, ночной холод камень, стараясь прислушиваться к чему-то внутри себя — к тому, которое еле слышно подсказывало ему, что именно надо делать с собой и в своей душе. Он осторожно, чтобы не спугнуть это *что-то*, осмотрелся вокруг, со стороны могло показаться, что неожиданно остановившийся на горной тропинке человек боится сломать ставшую вдруг страшно хрупкой шею. Потом нагнулся, сделал несколько шагов, высматривая под ногами что-то, самому ему еще непонятное, поднял белесый, крошащийся камень и уже решительно, с неожиданно сошедшим на него вдохновением, начал царапать, вычерчивать на отвесной стене еле

различимые знаки и фигуры. Это длилось секунд сорок — пятьдесят. Потом рука его дрогнула, взгляд стал мутным, бессмысленным. Он провел тыльной стороной ладони по глазам, судорожно вдохнул в себя воздух и привычным — таким привычным для Тома Роббинса — жестом прижал напряженные руки к вискам. Стиснул их сильно, еще сильнее. Потом вдруг словно поломался, обмяк. Руки его бессильно упали вдоль тела. Безмерная усталость снизошла на него с исходящих зноем небес.

Магия кончилась.

* * *

Том легко и стремительно поднялся на ноги — здесь, в храме на Поле Девяти Лун. Быстро огляделся, выкинул перед собой нервную, тонкую в запястье руку. Лихорадочно щелкнул пальцами.

— Нарисовать! — он лихорадочно повернулся к Кайлу. — Чем нарисовать?! Что-нибудь — скорее! И на чем!

Кайл лихорадочно, словно заразившись его спешкой, пошарил в своих карманах в поисках электрокарандаша. Но Цинь опередила его: бесшумным, незаметным движением она вытащила длинный и тонкий керамический «шарпрайтер», потом легко поднялась на ноги и выудила из брошенной в стороне сумки узкий желтоватый блокнот. Стремительно протянула и то и другое Тому.

Тот даже не кивнул в знак благодарности, сразу опустил на корточки и сосредоточенно короткими, судорожными движениями стал черкать на шершавом, чайного цвета листе что-то совсем непонятное. Точнее — понятное, но пока только ему одному. Нервно схватил лист тонкими вздрагивающими пальцами, но удержался от того, чтобы смять его, осторожно расправил и замер на несколько секунд, прикрыв глаза. Потом, мучительно скривившись, попытался добавить к своим наброскам еще два-три штриха, остановился, потряс головой и осторожно оттолкнул от себя лист.

Кайл уже взял себя в руки, он сидел рядом, держа наготове открытый термос с отваром. Быстро налил горячий напиток в крышку-чашечку и протянул Тому:

— На, выпей. У тебя был самый настоящий «контакт». Как его описывают классики. Это тебя подкрепит. Сейчас самое главное — не свались, не засни. В сон клонит? Нельзя. Прости, но выкладывать все, что ты... воспринял, надо прямо сейчас. Иначе стирается из памяти. Во сне — практически сразу, наяву — за час-полтора.

— Это называется... — Том снова поднял руки к вискам. — Это у вас называется Внутренние Пространства. Я только что был там. Я только что был *им*.

— Господи... — пробормотал Кайл. — *Внутренние Пространства...*

Он переглянулся с Цинь.

Том двумя руками — его слегка трясло — взял пластиковый стакан и молча стал мелкими глотками пить отвар. Кайл поправил верньер настройки регистратора, проверил микрофон.

Сначала Том по профессиональной привычке пытался сосредоточиться, чтобы как можно более точно формулировать свои мысли и впечатления, но Кайл остановил его:

— Расслабься. Как можно меньше задумывайся над тем, что говоришь. Работай на прямых ассоциациях. Просто говори сразу то, что можешь вспомнить, а когда я буду

спрашивать, отвечай не задумываясь, быстро.

Через час такой работы оба они иссякли. Циньмэй не вставила почти ни одного слова, но странное чувство осталось у Тома: именно бесшумное присутствие этой угловатой, непонятной девушки давало ему какое-то понимание того, что то, что либо ему привиделось, либо на самом деле произошло с ним только что, позволило ему говорить более свободно и связно, чем если бы в храме они сидели вдвоем с умным и образованным профессором Васецки перед включенным высококачественным регистратором.

— Все. Вот, пожалуй, и все, — наконец сказал он и откинулся к прохладной стене. — А теперь скажите, что это было? Галлюцинация, гипноз или самая настоящая телепатия? Ведь если это так, то...

Кайл пригладил свою коротко стриженную шевелюру, откашлялся:

— Ну, вы сами знаете, что по части телепатии в нашем веке у науки дела обстоят не лучше, чем, скажем, в веке этак двадцатом. То есть с помощью искусственных устройств — довольно громоздких — удастся осуществлять контакт «мозг — мозг». Практически это не находит применения. Но здесь, на Джее, вокруг этой проблемы царит несколько иная атмосфера. Да, мы немного говорили об этом с вами. Есть теория, согласно которой вся «аура» электромагнитных полей у нашей планеты — не такое пассивное... м-м... образование, как у других небесных тел. Даже не такое, как у планет, наделенных биосферами. Полевая картина окрестности Джея — это что-то уникальное. Самые смелые из специалистов в этой области считают, что биоэлектрическая активность любого объекта, в пределах нескольких сот километров от поверхности планеты, включена в некоторую систему. Саморегулирующуюся. Кибернетическую. И что в «ауре» Джея могут самопроизвольно формироваться некие... э-э... каналы, по которым может происходить перекачка биологической информации. То же по схеме «мозг — мозг». Но только устройство, которое этот контакт обеспечивает, не искусственное. В том смысле, что оно не изготовлено людьми. Хотя тоже очень громоздкое — весь Джей. Ваш случай — когда мы сможем о нем рассказать... Когда и если... Он хорошо ложится в эту теорию. Наряду с еще несколькими сотнями свидетельств. Но — оставим это пока в покое. Примем за данность. — Кайл устало потер лоб. — Конечно... — Он пододвинул к себе листок со спешно набросанными каракулями Тома. — Конечно, нам придется покопаться в документации по Внутренним Пространствам, чтобы вычислить, откуда Павел послал нам такую вот «весточку». Но кое-что можно сказать сразу. — Он разгладил исчерканный значками листок. — Ведь вам не приходилось никогда видеть таких текстов? Или, — тут он чуть иронически посмотрел на Тома, — в программу вашей подготовки к работе в этом Мире входит и экзопалеография?

— В тот момент... Пока я был, чувствовал себя Павлом Суховым... — Том нервно дернул плечом. — Тогда *там*... мне казалось, что я очень хорошо знаю эти... каракули. Разумеется, на самом деле я же не знаю даже, в каком направлении их читать — сверху вниз или задом наперед. А сейчас... Странно. — Он провел рукой по глазам. — Странно. Даже сейчас мне кажется... У меня такое чувство, что я понимаю смысл некоторых... некоторых сочетаний. Вот эти, например. Как-то особенно запомнились. Вот эти три знака — они означают... Вы только не смейтесь... Они ведь означают что-то такое, похожее на слова «Случайный Стрелок». Станные слова.

Кайл наклонив голову, глянул на него.

— Да, — подтвердил он. — Именно так и надо читать — «Случайный Стрелок».

Полуденный зной, процеженный сквозь бойницы и желтого камня стены, застыл в полутемном пространстве храма густой, словно медом насыщенной тишиной. Время здесь забывало о своем движении, норовило остановиться в задумчивости, сонной птицей повиснуть над этими тремя.

Трудно было прервать томительную паузу.

— Ну что ж. Для меня это звучит неплохим доказательством в пользу того, что это был истинный контакт. — Кайл еще раз кончиками пальцев разгладил листок. — Сухов действительно хорошо разбирается в этом виде письменности. Думаю, что лучше любого другого специалиста на Джее. Это очень редкий вид письма, который сохранился от Древних Империй. Письмена Горных храмов. Они встречаются только там, во Внутренних Пространствах. Я думаю, что он... Павел сознательно или нет таким образом точно обозначил свое местонахождение в этом лабиринте. По письмам легко вычислить храм. Если он описан в трудах экспедиций. И если Павел будет теперь держаться близ этого места или оставит там послание.

— Все гораздо проще, — вдруг прервала его Цинь. — Ты говорил про Гнилое море. Простое, что Звезда стояла над ним. Это легко вычисляется. На запад от Гнилого может быть только один храм.

— Ого, какие познания в географии тех мест. И тех храмов. — Кайл отвесил чуть ироничный, но достаточно уважительный поклон китаянке. — А ведь вы, пожалуй, действительно правы. Там может быть только один храм — Лесного народа. Одиравший сброд, конечно, ни ухом ни рылом не понимает в письменах Империй, но Бродкастер пишет, что храмовый комплекс они приспособили к своему культу и совершают в нем презабавные обряды.

— Любая школа древних боевых искусств больше смыслит в древних письменах, храмах и в этой самой географии, чем вся ваша академия, — сурово возразила ему Цинь. — Только нас интересует совершенно не то, ради чего там ошивались Бродкастер и его компания. Нас учили люди Джея...

— Не будем спорить, — миролюбиво парировал наскок на академическую науку Кайл и иронически улыбнулся. — Так или иначе, во-первых, у меня лично появилась уверенность в том, что Павел жив, и, во-вторых, его местоположение, по крайней мере, хорошо вычисляется. Хотя его и не назовешь легкодоступным. Странно... Странно, что за все эти годы он так и не смог...

— У него нет ни радиостанции, ни глайдеров высшей проходимости, — напомнила ему Цинь. — И он — пленник проклятой коробки. Не забывайте об этом.

— Вопрос состоит в том, что если мы хотим спасти Павла, то нам предстоит организовать не более не менее как вторую за целых пятнадцать лет экспедицию в те края, — сухо продолжил Кайл. — Последняя экспедиция была организована силами армии и трех министерств. И потеряла треть состава за два месяца пути. Представляю, насколько действенными будут наши ссылки на такой аргумент, как телепатический сеанс, когда мы будем выбивать средства под спасательную акцию.

— Вот этим можете не слишком тяготиться. — Том поднялся на ноги и на глазах вновь становился тем, кем был в начале своего пребывания на Джее — подтянутым и сосредоточенным сотрудником Федерального управления. — Моих полномочий еще вполне хватает на то, чтобы ОКФ поддержал нас целевым десантированием в любую точку планеты.

— Только Объединенный Космофлот и только десантированием? — задумчиво спросил

Кайл. — Десантирование во Внутренние Пространства никогда еще добром не кончалось. Там еще полно древних оборонительных систем, и они, к сожалению, часто срабатывают. И успешно. Туда только по суше и по рекам можно добраться относительно безопасно. И вмешательство Космофлота на здешних политиков подействует как красная тряпка на быка. Впрочем, ради Павла я перессорился бы со всеми политиками на свете, вместе взятыми. Но главное — это, конечно, то, что из Космоса и по воздуху Внутренние Пространства практически недоступны.

Он стал собирать и укладывать в рюкзак разбросанное по храму снаряжение их мини-экспедиции. Пора было отправляться в обратный путь.

Том молча вертел в руках листок с храмовыми письменами.

— Если так... — Он задумчиво потер свой забавно приплюснутый нос — нос потомка африканских шаманов. — Если так, то возможна более сложная комбинация. Мы по своим каналам можем организовать университету грант. Целевую субсидию под этнографическую экспедицию. Нужна будет заявка, похитрее закрученная, на имя одного фонда, который наш здешний филиал хорошо контролирует, и еще — более или менее точная смета. Понятно, что таких средств, как под Бродкастера, вам... нам не дадут, но ведь столько и не потребуется.

— И не забывайте, что концерт «Линчжи» — совсем не посторонняя фигура в этой истории, — сцепив перед собой пальцы и ни на кого не глядя, добавила Цинь. — Считайте, что у нашей экспедиции уже есть один — совсем не бедный — спонсор.

Кайл задумчиво склонил голову и по-птичьи, оценивающе посмотрел на Тома, потом — на китайнку:

— Что ж. Это вариант. — Он закинул рюкзак за спину, давая понять, что пора трогаться. — Будет смета. И заявка будет. Завтра же.

* * *

Карты были расстелены по всей комнате. Фолианты экспедиционных отчетов загромождали оба стола и секретер. На полу стояли чашки недопитого кофе и пластиковые тарелочки с остатками то ли раннего завтрака, то ли позднего ужина. На экране дисплея сменяли друг друга то данные спутниковой съемки, то таблицы промежуточных вычислений. За дисплеем колдовал Том. Цинь усердствовала над разложенным по полу арсеналом охотничьего оружия. Кайл, сверяясь по бумажке, вымерял расстояния то по одной, то по другой из карт. Старший Васецки, появившись в дверях, не сразу смог привлечь к себе его внимание.

— Вас уже давно ждет человек, — сообщил он, после того как минуты две настойчивого покашливания наконец достигли своей цели.

Кайл ответил ему недоуменным взглядом.

— Он сидит там по крайней мере с утра, — объяснил ему отец. — Но мне сдается, что он пришел еще ночью.

— И что он говорит? — почесав в затылке, спросил Том. — Почему вы решили, что он — именно к нам?

Старик пожал плечами:

— Он, конечно, темнит, как это у них — паломников — водится. Но выразился, в общем, в том духе, что людям, которые собрались путешествовать по Внутренним

Пространствам, без проводника, наверное, не обойтись.

— Дьявол побери! — с чувством произнес Кайл. — Я в полнейшем восторге от нашего уровня секретности! В полнейшем! Мы тут чудовищно корячимся, выдумываем всякие псевдопричины и квазиобъяснения для покупки лишнего метра буксировочного троса, мы засекретили нашу почту, наши переговоры, мы врем и притворяемся на каждом шагу! А тем временем бродячие шаромыжники по всем дорогам и перекресткам живейшим образом обсуждают проблемы, которые могут перед нами возникнуть в экспедиции во Внутренние Пространства! И рассказы об этой экспедиции передаются по всему Джею из уст в уста!

Он грохнулся в кресло и с досадой хлопнул себя по коленям. Цинь подняла на него затуманенный отрешенными размышлениями взгляд, оторвав его от разложенных перед ней на полу жутковатых железяк:

— Напрасно вы так, профессор. — Она энергично потерла свой маленький нос. — Это может быть не простой бродяга. И даже — не просто пилигрим.

— Ты думаешь? — откликнулся из-за терминала Том. — Знаешь, я, пожалуй, спущусь — позову его.

— погоди! — Цинь быстрым движением набросила на заваленный бумагами стол снятую с него скатерть. — И уберите с экранов все это.

— Разумно, — согласился Том, выставил на своем дисплее скринсейвер с динозаврами, озабоченно бродящими по девонскому лесу, и убыл за настаивавшим на аудиенции чудачком.

Проситель не заставил себя ждать. Он уже стоял прямо за дверью, неведомо как пройдя в дом. Мало того — прямо к месту дислокации штаба тайной экспедиции. Чуть не наткнувшись на него, Том только и смог, чуть посторонившись, вежливым жестом предложить гостю войти.

Кайл поднял глаза на вошедшего и вздрогнул: на миг ему почудилось, что в комнату шагнул старый Квинт. Он потряс головой: да нет, Господи, почему он так решил... Совсем не был похож на Квинта этот человек, скромно замерший в углу. Острый взгляд очень живых глаз незнакомца из-под словно пеплом подернутых бровей прожекторным лучом скользнул по лицам собравшейся вокруг наскоро прикрытого от любопытных глаз стола четверки и снова спрятался под тяжелые, нервные веки. Кайл жестом пригласил гостя присесть на свободный стул, и тот уселся на сей скромный предмет мебелировки с видом патриарха в изгнании. Стремления первым начать разговор он никоим образом не выражал. Том, с досадой осознав, что кому-то все-таки придется взять инициативу, откашлялся и осведомился:

— Насколько я понял, вы хотели бы предложить нам свои услуги в качестве... м-м... проводника?

Гость только не спеша наклонил голову, что при желании можно было расценить как знак согласия. Том решил придерживаться этой версии и продолжил:

— В таком случае позвольте узнать, каким образом вам стало известно о том, что мы... м-м... намерены предпринять поход во Внутренние Пространства?

Посетитель повернул голову в его сторону, но отвечать на вопрос по существу даже и не подумал, а парировал его своим вопросом:

— А разве вы не собираетесь предпринимать такой... поход?

— Собираемся, — признал Том нехотя. — Но согласитесь: Внутренние Пространства велики, вы уверены, что сможете быть нам полезны именно там, куда?... Кстати, нам не мешает представиться, если уж речь пошла о деловом сотрудничестве.

— Вас я достаточно хорошо знаю, — вежливо, но сухо ответил гость. — Так что представляться не стоит. А в нашем... кругу имена не приняты. Люди Джея знают друг друга по делам, а не по именам. Мое дело — быть проводником. Так что для вас я просто Проводник. Если вам нужна рекомендация, то вот она.

Он протянул перед собой сухую, темную ладонь, и на ней блеснул скупым, мерцающим блеском незамысловатой работы бронзовый перстень — тяжелый и грубоватый на вид. Кайлу доводилось много раз видеть этот оберег в другие времена и при других обстоятельствах. Он молча кивнул, взял кольцо и надел его на безымянный палец левой руки, как бы принимая правила игры.

— Я достаточно хорошо знаю места, в которых находится ваш друг, — спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, уведомил его странный гость. — Во всяком случае, немного лучше, чем те, кто монтировал ту карту, которая находится в памяти ваших компьютеров.

Он сопровождал эти слова движением головы в сторону слепо мерцающих экранными заставками дисплеев, словно показывая, что насквозь видит нутро этих красивых коробок.

— И какое же... э-э... вознаграждение рассчитываете вы получить за те услуги, которые вы нам предлагаете? — осторожно, но настойчиво спросил Кайл.

— Ну что же... — Посетитель смолк на несколько секунд, переводя взгляд с одного на другого. — Я попрошу вас о малом. И в то же время о чем-то весьма важном. Будет достаточно того, что мы поможем друг другу добраться до цели похода. Она у нас одна — у вас и у меня. В первом, как говорится, приближении. И у нас есть чем друг другу помочь: у вас — техника, стволы, поддержка с Большой земли, провиант, наконец. У меня — Знание.

Кайл скептически пожевал губами, переваривая двусмысленный ответ гостя:

— Так что? Мы должны понимать, что вы готовы помогать нам, так сказать, за харч?

Тень улыбки тронула самые уголки губ незваного Проводника.

— Вы еще не представляете себе... — все так же чуть отрешенно, без тени выражения, словно желая успокоить Кайла, ответил он. — Вы еще не представляете себе, какую сложную, невероятно тяжелую цель поставили перед собой. Достаточной наградой и для вас, и для меня будет, если мы освободим вашего друга и вернемся из странствия живыми. А та плата, на которую я рассчитываю... Если цель экспедиции будет достигнута, то я ее получу — свою истинную плату. Вы просто не сможете достичь своей цели, не воздав мне этой платы.

— Черт возьми! — вдруг резко, не вставая с места, подключилась к разговору Цинь. — Черт возьми! Это смахивает на шантаж. Ты хочешь сказать: «Пошли со мной в лес, а как заберемся поглубже, тогда и поговорим о цене!» Или я неправильно поняла тебя, Проводник?

Улыбка гостя обозначилась более заметно, резко, и была она не столько иронической, как до этого, сколько какой-то понимающей, хищной.

Промелькнуло что-то между этими двумя. Том готов был в этом поклясться. Так же как и в том, что, без сомнения, они, эти двое, никогда раньше не знали друг друга.

— Боюсь, что исходя из соотношения сил, — все тем же бесцветным тоном ответил Проводник, — скорее это вы сможете диктовать мне свои условия там, в Темных долинах, а не я вам.

— Как сказать, — покачал головой Кайл. — Как сказать. Вы не собираетесь диктовать нам свои условия. В таком случае не понимаю главного. Я не понимаю, что движет вами?

— Месть!

Теперь Проводник стоял выпрямившись и смотрел пристальным, неприязненным взглядом вовсе не на Кайла, а в такие же неприязненно и пристально суженные зрачки Цинь.

— Мною движет месть! — повторил он.

* * *

Глайдер сдох после второго броска через Кипящие топи. Захлебывающийся отчаянным кашлем движок с трудом дотянул отяжелевшую тушу машины до песчаной безжизненной отмели. Отмель эта, переходя в широкую неприветливую полосу берега, отсекала жутковатые, прячущиеся в зыбкой мгле ядовитых испарений топи от тянущегося к предгорьям причудливого, но безобидного на вид мелкоколесья.

Лес даже привлекал к себе, манил своей насквозь пронизанной низким осенним солнцем, отрешенной, кружевной глубиной. И уставшим от бесконечного пути по зачумленным просторам Горных топей путникам оставались невидимы те мириады опасностей, которые стерегли их там — в изумрудном забытии, в зыбкой сети бликов и полутеней. Ни один из тех шедевров мимикрии, внимательно присматривающийся к незванным гостям из этой мерцающей мглы, не спешил обнаружить свое присутствие и свое напряженное внимание — ни движением, ни звуком. Полная шорохов тишина сменила оглушительный, захлебывающийся сип движка и воцарилась в осенней вселенной Внутренних Пространств. Где-то за лесом в этой тишине несла свои воды к океану Большая река. Она брала начало где-то совсем недалеко, словно рождаясь из ничего — из ожерелий, питаемых тающими ледниками таких близких здесь вершин Большой Стены, из стылой жижи Горных топей, из мириад ручьев, ручейков и ручьишек, сочащихся, кажется, из-под каждого камня здесь, на плато. Отсюда путь лежал вниз по течению — через террасы Горных храмов, в обход Гнилого моря на равнину, к подножью лежащих по ту сторону Внутренних Пространств Предельных хребтов. Вниз, все время вниз по течению...

Спрыгнув на гнилой песок, Кайл напряженным взглядом шарил по кромке зарослей, пытаясь упредить хищное движение, в любой момент готовое зародиться в их зыбкой глубине. За две недели пути по этому пропитанному злой смертью миру он уже успел познать цену осенней идиллии. Два глубоких шрама, тянущиеся под слоем репарирующего биогеля вдоль левого предплечья, постоянно напоминали ему уже ставшей привычной болью о необходимости постоянной, не ослабевающей ни на миг бдительности.

Второй глайдер — слава богу, исправный — приткнулся рядом со своим охромевшим собратом, и выбравшиеся из него водитель и Цинь принялись разгружать багажный контейнер. Хотя Кайл и прикрывал их, не выпуская из рук снятый с предохранителя бластер, спиной к Лесу они старались не поворачиваться. Цинь отвлекалась от дела только для того, чтобы время от времени с досадой встряхивать левую кисть — ее механические часы (электронные во Внутренних Пространствах носить было небезопасно) безнадежно вышли из строя после какого-то из случайных ударов, случившихся в пути, и это ее невероятно злило. Один только Проводник не проявлял видимых признаков тревоги. Он как-то сам по себе вылез из глайдера и, не торопясь, словно просто разминая ноги, отошел на несколько шагов в сторону Леса. Только взгляд его, которым он окинул место будущей ночевки, был необычным — взглядом хирурга, примеряющегося сделать точный и аккуратный разрез по

живому.

— Палатки разобьем там — ниже, на полпути к реке, — определил он, поворачиваясь к Кайлу. — Пусть водители выставят электроограждение и утром уходят. Дальше все по плану: делают крюк по Большой земле и к последней декаде месяца через перевал Кертиса проходят Предельные хребты. Выходят на равнину и разбивают лагерь встречи — на условленных координатах. Там и ждут нас. А мы на берегу оборудуем площадку под сборку плотов. Нам все время предстоит двигаться вниз по течению. Сегодня-завтра надо проверить все. Здесь относительно безопасные места. Дальше таких уже не будет. Начинать надо сразу — ждать нечего: осень идет.

И небо, наливающееся уже в полдень сизым, стылým мраком близких пасмурных дней, подтвердило его слова порывом неожиданно холодного, пронизывающего ветра.

— Дед опять вытащил свою стекляшку.

Том незаметно кивнул Кайлу в направлении Леса. Кайл, стараясь не привлекать внимания, не приподнимаясь с корточек, оторвался от непослушного шарнира и осмотрелся по сторонам.

Все четверо водил сгруппировались вокруг «сдохшего» глайдера и, похоже, взялись за него всерьез. Ограждение они соорудили на славу, но палатки разворачивать не стали, решив, очевидно, ночевать в кабинах. Кайл, Цинь и Том с помощью трех поселенцев монтировали и спускали на воду сборные, как у Первопроходцев, плоты. Поселенцы честно отработывали выплаченные им при найме деньги, а заодно и старались поскорее спровадить нанимателей вниз по реке, чтобы самим не застревать надолго здесь, в *настоящих* Внутренних Пространствах.

«Похоже, что до наступления темноты плоты будут собраны, поставлены на воду и загружены», — прикинул Кайл и выпрямился, разыскивая глазами Проводника. Ему трудовой распорядок экспедиции был не закон. Он гулял сам по себе. Не спеша дошел до опушки Леса и там остановился у отбившейся от общего массива рощицы «Сосны Казановского». Почти слился с ней в наступающих сумерках. Склонился над своим зеркальцем. То ли колдовал, то ли высматривал, вычислял что-то по начавшим появляться в светлом еще, обманчиво чистом небе звездам и уже начавшим свой факельный бег Быстрым лунам.

Том давно обратил внимание Кайла на эту странную привычку старика: играя с причудливым, в тяжелое каменное полушарие вправленным зеркальцем, подсматривать за окружающим: то за горизонтом, то за дорогой, что осталась за спиной. Теперь — за небом.

Кайл обменялся взглядом с Цинь и Томом, положил инструмент на траву, поднялся и осторожно пошел к старику. Тот, похоже, ждал именно этого. Ни словом, ни жестом не показав, что заметил Васецки, он выдержал довольно долгую паузу, а затем глуховатым, спокойным голосом произнес в пространство перед собой:

— Пришла пора поговорить.

— Давно пора, — отреагировал Кайл, — нам не хватает ясности в... м-м-м... отношениях. А когда нет ясности, нет и доверия.

Они помолчали немного.

— Мне показалось, — продолжил Кайл, — мне показалось, что сегодня ты чем-то встревожен.

— Тебе не показалось, — чуть заметно покачал головой Проводник. — Только я не встревожен. Я — испуган. Сильно испуган. Я не ожидал, что Стрелок так быстро обнаружит

нас.

Слово было сказано. И слово это было «Стрелок».

Кайл терпеливо ждал, пока Проводник объяснит свои слова.

Пауза затянулась. Старика, кажется, действительно отвлекло что-то там — в закатных небесах, отраженных в странной глубине зеркала.

— Я... все мы слишком мало знаем о Стрелке, — наконец подтолкнул разговор Кайл. — Вы прочитали о нем там, в том тексте, который я вам показывал в Вестуиче? Случайный Стрелок?

Проводник не торопился с ответом.

— Птицы... — задумчиво обронил он. — Птицы. Вы видите — вот одна такая... светлая. Очень высоко. Не стоит заирать голову. Смотрите сюда.

Кайл опустил глаза на почти утонувшее в сухих ладонях Проводника темное, глубокое озерцо, взгляделся в удивительно ясное отражение небес в древнем стекле. Странно, но крохотная, злым металлическим блеском посверкивающая в невероятной высоте крупца плоти была гораздо более отчетлива в опрокинутой бездне отраженного неба, чем в светлых столбах восходящих потоков воздуха, открывавшихся прямому, устремленному вверх взгляду. Так, говорят, яснее бывают видны звезды со дна глубокого колодца.

— Она кружит над нами немного в стороне, — сухо прокомментировал Проводник то, что разглядывал в его зеркале Кайл. — «Око Божье» — эта порода сохранилась со времен Древних Войн. Есть изображения в храмах, если вас это интересует. Их разводят и воспитывают в тайных монастырях. Эта — птица Стрелка. Их у него много. Через час-полтора уйдет к болотам, а на его место прилетит другая. Они меняются над нами с полудня — птицы Стрелка. Так что не только мы знаем кое-что о Стрелке, теперь и он кое-что знает о нас. Но мы о нем — пока больше. Я тебе... вам расскажу то, что знаю о нем. Но пока нам надо поторопиться. Чтобы уйти отсюда ночью на плотях. Нам придется передвигаться только ночью, до крайней мере ближайшие несколько суток. И главное... — Он коснулся регистратора, притороченного к поясу Тома. — Выключите электронику. Всю, кроме самой необходимой. Оставьте здесь. Это все притягивает нечисть Джея. Оставьте только дозиметры. И аппаратуру пассивной навигации. И ни в коем случае не выходите в эфир.

— Вы думаете, — Кайл с тревогой посмотрел на него, — что нам удастся это? Птицы... Птицы помогают ему днем? А ночью? Ведь кто-то, наверное, помогает ему и по ночам?

Проводник чуть улыбнулся мрачноватой какой-то улыбкой. Покачал головой, пряча тяжелое полушарие в складки одежды:

— Стрелок — это порождение Полуденных Демонов. И демоны мрака не друзья ему. Но и нам они не друзья. Просто Стрелок — это главная опасность для вашего друга. Теперь и для нас. Так и должно было быть. Постарайтесь успеть хоть немного выспаться до наступления темноты.

* * *

Оказалось, что река ночью гораздо больше, чем днем. Ночью она была целым миром, спрятанным во мраке зарослей прибрежного тростника, растекшимся тысячами протоков, плесов, заводей, шепчущим ночными шорохами, плесками и стонущим голосами ночных тварей. Миром жутковатым и предельно чужим.

Огня не разводили — Кайл контролировал движение сцепки из двух плотов по еле заметному в темноте экранчику небольшого гидролокатора и по показаниям сонара. На руле сменяли друг друга Цинь и Том. В трудных местах к рулю становился Проводник. Хотя небо было прочно затянуто невидимым покровом ночных облаков, они старались идти в тени берегов, не выходя на слабо светящуюся середину потока. Они ни на минуту не ослабляли внимания, но время от времени им все-таки удавалось перекинуться парой слов. Неторопливый и в то же время напряженный, скачущий с темы на тему разговор проносился над тяжелой, тихой водой.

— Кто такой этот Случайный Стрелок? — спросил Кайл, потирая глаза, уставшие от пристального наблюдения слабо мерцающих экранов укрепленных перед ним приборов. — Отчего такое имя? Откуда он взялся? Как захватил власть над Тремя Народами? Зачем ему сдался Павел?

Проводник чуть вздернул плечи и стал похож на нахохлившуюся ночную птицу:

— Он пришел с побережья. Точно так же, как и вы. И точно так же он простой смертный, как вы. По крайней мере, родился простым смертным. Только вы еще только начали свою партию с Джеем, а он свою уже сыграл. И о вас я знаю все, что хочу знать, а о нем никто не знает ничего.

На некоторое время воцарилась тишина. И легкий плеск реки.

— И он... Он выиграл у Джея? — тихо спросила Цинь.

— «Цель Испытания — не выигрыш, а Превращение», — спокойно процитировал Проводник слова, которых никто ему не говорил раньше.

Никто из тех, кто обменивался сейчас короткими, вполголоса фразами на плоту.

— Он участвовал в Испытании? И Джей его... превратил? — снова спросила Цинь.

— Да. — Проводник опустил руку с борта и чуть коснулся поверхности воды. — Превратил. Сделал тем, кто был нужен Джею. А Трем Народам просто не повезло. Он оказался слишком хитрым и слишком жестоким. Ко всем вокруг себя и к себе самому. Он прервал Испытание и сломал свой Жребий.

— Жребий? — Кайл недоуменно посмотрел на Проводника. — Вы имеете в виду — Судьбу?

Тихо, но звонко всхлипнула вода за бортом — словно в ответ на улыбку Проводника, еле угадывающуюся в темноте.

— Не совсем так. Джей дарит тем, кого бросает в Испытание, Жребий. Они бывают разными. У вас это — Ларец. А у Стрелка был Посох. Посох, который дал ему власть над Тремя Народами и умение становиться Демоном. А когда он этот Посох сломал, Джей отнял у него душу. Оставил власть, оставил колдовское умение, но душу отнял. Сейчас власть Стрелка простерлась и над вашим другом. Я не знаю почему. Но есть поверие. Оно — от тех рун на стенах горных храмов. Тот, кто победит Стрелка, тот вернет ему душу. Но он останется Демоном.

— Гос-с-споди... — негромко воскликнул Кайл. — Слепые... Мы — слепые. И судьба наша — шагать по граблям! Правильно говорила Марика. Какого черта вы молчали про Посох все это время?

— О чем это вы? — Цинь вскинула на него удивленный взгляд.

— О тексте! О надписи, которую хотел передать нам Павел тогда — при контакте. Она про Посох! Про Проклятие Посоха, черт меня побери!!! Я — дурак, подумал тогда, что все это, весь этот текст, только для того, чтобы мы узнали храм, определили место. А когда

вы, — он кивнул на Проводника, — сегодня заговорили про Стрелка... Про Случайного Стрелка... Так меня как громом поразило! А теперь — еще и Посох!

Кайл подтянул к себе один из сваленных под брезентом рюкзаков и, порывшись в нем, извлек пластиковый здоровенный пенал — типа тех, редко встречающихся в повседневной жизни шукувин, в которых иногда таскают с места на место свернутые в трубку распечатки карт, чертежей и тому подобного, почему-либо не отсканированных, не загнанных в память компьютера, а потому не подходящих для передачи на расстояние ни одним из нормальных, человеческих способов. Кайл, подсвечивая себе фонариком, принялся разворачивать на коленях содержимое пенала. В пенале, как и положено, свернутыми в трубку лежали оттиски текстов со стен Горного храма.

— Это — копии кое-каких материалов экспедиции Бродкастера. Вот этот лист — это именно тот текст, который хотел закинуть нам Павел. Он... По всей видимости, контакт был для него полной неожиданностью. Он не до конца понимал, что происходит, и сделал первое, что пришло в голову. Он, должно быть, придавал ему очень большое значение — считал ключом к своему освобождению.

— Я до сих пор ломаю голову, — вздохнул Том, осторожно разглаживая лист. — Почему, черт возьми, он не стал писать перевод, а начал царапать на стене древние руны?

— Это... — Кайл запнулся. — Понимаешь, это — профессиональное. Мы — специалисты по текстам Сгинувших Империй — всегда держим в уме, что каждый смысловой блок таких вот текстов имеет в среднем этак с дюжину трактовок, и просто не можем себе позволить держать в уме один какой-то вариант. Это, простите, очень уж ученически. И когда надо что-то из... гм... из этой области быстро вспомнить, воспроизвести, а Павел, наверное, вспоминал именно так — лихорадочно быстро и тут же хотел записать, но было нечем... Так вот тогда чисто автоматически память выдает не перевод, а оригинал. Пусть даже нашими условными сокращениями записанный, но оригинал. Но это детали. — Он энергично отмахнулся от готового задать следующий вопрос Тома. — Главное в том, что я — болван, все это время занимался географической привязкой текста к храму, храма — к местности, местности — к маршруту и не задумался над самим смыслом этого текста. Впрочем, мне тогда ничего не говорили слова «Случайный Стрелок». И мне ничего не было известно о роли Посоха. У тебя, честно говоря, на редкость неудобная манера выдавать информацию, — повернулся он к Проводнику. — От случая к случаю, по чайной ложке.

— Ну, вы тоже не стремились рассказать мне все до конца о затеянной вами прогулке по Внутренним Пространствам, — кротко возразил тот. — Кроме того, ты знаешь, люди Леса говорят только то, что необходимо знать перед тем, как сделать следующий шаг. Лишние знания вредят.

— Что ж... Пожалуй, я основательно подзабыл уроки старого Квинта, — вздохнул Кайл. — Но теперь-то уж пора тебе до конца изложить нам всю эту историю. Рассказать все про Случайного Стрелка.

— Ты хотел показать нам Письмена. — Проводник коснулся развернутой перед Кайлом прорисовки. — Я уже видел их. Но прочитал по-своему. Что увидел в них ты?

Кайл тряхнул головой, отгоняя какую-то ненужную мысль. Расправил испещренный знаками лист:

— Так вот — теперь читаем. Начало текста повреждено. Потом идет: «Нет страшнее ошибки, чем уклониться от пути, что даст тебе Опора». Это я сначала так перевел —

«Опора», — чуть сбивчиво, возражая сам себе, стал читать Кайл. — Правильнее — «Посох». Именно — «Посох»! «Предавший Путь лишится знания своего Истинного Имени и обретет бремя власти. Предавший Путь будет просить о милости. Просящий милости милость не получит. Пришлый царь...» — это не обязательно царь, это я для быстроты перевода, — «пришлый царь не принесет свободы. Пришлый раб не принесет свободы». «Раб» тут — скорее «пленник». Ну да ладно. «Свободу даст объединение»... слияние, может быть. В общем, эта группа знаков означает объединение нескольких сущностей в одну. Так вот. — Кайл почесал в затылке. — «Свободу принесет объединение, слияние сути Оступившегося и раба, Назвавшего Истинное Имя». Дальше очень темный текст идет. «Наказанием Оступившегося станет обращение Темной стороной сути Назвавшего Имя. Истинное Имя даст Оступившемуся свободу от власти, но не даст свободы от Изменения. Просящие Оступившегося дадут ему власть над собой. Если...» Дальше — опять текст — ни к черту. Нда...

— Тут нет слов «Случайный Стрелок», — удивленно заметил Том.

— Правильно: в зарисовках Бродкастера этих знаков нет. Они есть здесь.

Кайл бережно вытянул из кипы рисунков узкую желтоватую страницу, исчерканную «шарпрайтером».

— Сравните. Абсолютно тот же... э-э... фрагмент. Только знаки заменены — здесь и здесь. Не «Оступившийся», а «Случайный Стрелок».

— Вы уверены? — Голос Тома прозвучал неожиданно напряженно и резко. — Это Сухов написал «Случайный Стрелок»? И власть у него отнимет тот, кто назовет ему его настоящее имя?

Кайл потер лоб:

— В общем, должно быть, это верная трактовка. Но только... Речь идет о некоем рабе. Тот, кто назовет Случайному Стрелку его истинное имя, должен быть его рабом. Он лишит Стрелка власти и — не знаю как — сделает его частью своей сущности. Понимать это можно по-разному

— Но можно понять так, что тот, кто узнает Истинное Имя Оступившегося, должен сначала стать его рабом, а потом, назвав его этому своему повелителю, лишит его власти и... И с ними обоими произойдет какая-то чертовщина. Так? — каким-то очень уж напряженным голосом спросил Том.

— Почему же? — тихо и чуть задумчиво сказал Проводник. Он словно решал в уме какую-то головоломку. — Все проще. Достаточно, чтобы тот, кто это Истинное Имя знает, сообщил его пленнику Оступившегося. И по-моему, вы знаете, кто его пленник.

— Так, — решительно сказал Кайл. — Теперь давайте все с самого начала. О Стрелке, о пленнике и о мести. Ведь ты ведешь нас, чтобы осуществить месть, так ведь?

— Да, это так. — Проводник выпрямился, уперся напряженными руками в колени и устремил взгляд в темноту. — Мною движет месть. Месть за судьбу Трех Народов Леса. За моих братьев. За моих учеников.

— Я-то думал, — с недоумением заметил Том, что люди Джея — все как один непротивленцы. Обычно их так характеризуют.

— Я — не человек Джея, — сухо возразил Проводник. — Не путайте Лесные народы и Учителей. Учителей — таких, как тот, кого ты зовешь Квинт, — немного, и они... Они бродят между Мирами. Джей для них — только одна из сцен, на которой они разыгрывают представление. Мистерию, одним им понятную. Они могут себе позволить такую роскошь

— забвение зла. А нас — людей Леса — тьма-тьмущая. Поэтому Квинт и послал меня к вам. Его сейчас нет... здесь. И он не хочет участвовать в таком деле, в котором вам, может быть, придется пролить кровь других людей. Пленников Стрелка.

— Черт возьми! Мы вовсе не предполагали устраивать карательную экспедицию, — с досадой прервал его Кайл.

— Однако неплохо вооружились для самозащиты. Ведь не в мегароботов собираетесь вы стрелять из обычных армейских бластеров?

— Мне приходилось стрелять уже дважды. В древесного осьминога. И в ту тварь, которая... — Кайл осторожно прикоснулся к левому предплечью.

И отметил про себя, что Цинь, которая в тот раз оказывала ему помощь и по-своему как-то поколдовала над плечом, сделала это на редкость умело — боль почти ушла из раненой руки.

— А еще нам придется, быть может, попадать в засады. Я уже сказал, кто будет устраивать их. И если вы не готовы стрелять в живых людей... Ну, скажем, в людей, которые совсем недавно были живыми... Тогда вам лучше сразу повернуть назад. Над нашим походом тяготеет Пророчество. Вы говорите, хотите знать его историю. Вот она. Она начинается с Пророчества Посоха. Оно — древнее. Всего в него входит девять Письмен в шести храмах. То, что у тебя, — последнее, девятое.

— Да. Я с этим материалом знаком, — согласился Кайл. — Пока вычислял нужный храм, воскресил кое-что в памяти. Почти хрестоматийные тексты. Многие были известны еще до походов Бродкастера. Только вот насчет их нумерации... Тут у нас есть расхождения. И мне не приходило в голову, что у вас это называется Пророчеством. Это... Это — своего рода программа подготовки Воина-одиночки. Рыцаря-смертника Империи Зу. И тем более я не сообразил, что это — Пророчество Посоха. Вот вам пример того, как влияет предвзятость при переводе. Всюду в комментариях — «опора», «жезл». Хотя теперь вспоминаю: сам Бродкастер писал именно про Посох. Но его не считают авторитетным толкователем текстов.

— Жезл... — как-то рассеянно повторил Том.

Какое-то воспоминание серым зверьком бесшумно пробежало в далеком и темном углу его мозга и тут же нырнуло во мрак подсознательного, оставив после себя лишь тень тревоги.

Река напоминала о себе редкими и гулкими всплесками. И ночные твари перекликались в Лесу. Небо нежданно-негаданно очистилось от облачной мглы. И звезды высоко над головами путников горели теперь ярко. Они были уже осенними — непривычно яркими и далекими, чуть подрагивающими, эти огни далеких и безразличных к мирской суете Миров. И, как всегда торопливо, словно опаздывая на какое-то важное дело, в небо начали взбираться Малые луны.

— Это — правила Испытания, — сухо определил Проводник. — Одного из Испытаний. Их много. Одно — Испытание Ларца — досталось вам. Оно, пожалуй, труднейшее. О нем мало что известно. Даже Квинт не мог многого мне рассказать. Он сейчас ищет знатоков Письмен. Но они почти все ушли в другие Миры.

— Хм... Это значит — умерли? — бестактно попробовал уточнить Том.

— Нет. — Проводник снова коснулся скользящих вдоль борта темных вод, словно исполнив обряд-оберег. — Знание Испытаний — большое искушение. Для того чтобы познать Испытание до конца, надо встретить Жребий. Вещь. Предмет. Такой, как Посох.

Такой, как ваш Ларец. Это — огромная редкость. Мало кто из тех, встретив такую Вещь, избежал искушения. И почти всем им пришлось уйти в Миры Темных Битв. Не спрашивайте меня о том, что это за Миры. Спросите Квинта. Только Бродящие по Мирам знают что-то об этом. И то немного.

Том почувствовал, что тема эта явно уводит их в сторону от сути дела и к тому же явно не по зубам ему.

— Так что же — значит, Стрелку на роду было написано взять в плен Павла Сухова, а нам — отправиться на его освобождение? — постарался он вернуть разговор на более понятную тропинку.

— Нет. — Проводник улыбнулся еле заметной в отраженном свете реки улыбкой. — Кайл прав: это скорее программа. Там ничего не говорится, что будет на самом деле, а о том, что надо и чего не надо делать решившемуся на Испытание. О самом Посохе ходили только легенды. Рассказывают, что еще во времена Катаклизма Посох был увезен с Джея. Он долгие переходил из рук в руки. Ходил чуть ли не по всему Обитаемому Космосу. Со всем этим связано много всяких историй. Потом он попал в руки того, кто стал Случайным Стрелком. Никто не знает, кем он был — там. Говорят, он специально скрывался. Уничтожил все свои следы. Этот человек был помешан на магии Сгинувших Империй. И когда завладел Посохом — прилетел сюда, на Джей. От кого-то он скрывался. Сменил много имен. Несколько лет жил, как вы говорите, на Большой земле. На побережье. Собрал большую коллекцию реликвий. Потом нанял проводников сюда, во Внутренние Пространства. Всего их было шестеро тогда. Тогда он и принял теперешнее имя — Стрелок. Он действительно хорошо умел стрелять. Был снайпером. Стрелок и пятеро проводников. Среди них — два моих брата. Он обошел все горные храмы и в одном из них начал Испытание. Перед этим люди Джея пытались его остановить. Пророчество Посоха предвещает много бед всем живущим. Поэтому ему хотели помешать. Особенно — Хозяин Пещеры Царств. Но остановить Стрелка не удалось. Он убил всех своих проводников. Они слишком много знали о нем. Тогда я был послушником в ските — и ушел оттуда. Тот, кто идет дорогой мести, никогда не станет человеком Джея. Но мне не удалось отомстить Стрелку. Он стал на путь Испытания и сделался слишком сильным. Неуязвимым. И Пророчество начало сбываться. Одна за другой пришли обещанные беды. Разразилась война между Тремя Народами. И подземные твари вышли на свет. И люди начали превращаться. В разные сущности.

— Мне кое-что рассказывал Квинт, — припомнил Кайл, — о войне Трех Народов. Но не помню, чтобы он что-то говорил про Стрелка. Это было давно. Я еще мальчишкой был. Какая-то темная вера овладела Лесными людьми. Изуверская. Считалось, что это — результат действия какого-то психотропного оружия. Остаточное — после того, как проснулась вся эта дрянь.

— Да, — кивнул Проводник. — Тогда еще все хорошо помнили про эпоху Катаклизма. Поэтому все воспринимали события совсем по-другому. И о Стрелке предпочитали не говорить много. Он словно исчез на какое-то время. А я стал Проводником. Жил в селениях одной из Троп. У меня появились ученики. Семья. Но все разрушила эта война. И войну эту развязал Стрелок. Тогда, пожалуй, он еще был человеком.

— А потом перестал им быть? — чуть недоуменно спросил Том. — Превратился, как те, что болеют «коконом»?

Кайлу было о чем вспомнить из рассказов Квинта про ту войну. Про войну, о которой не трубили по «Ти-Ви», про войну, на которой не было ни фронтов, ни штабов, ни

военнопленных. Про войну, которую вели полуголодные, вконец затравленные, запутавшиеся в диких предрассудках люди, отвергшие ценности земной цивилизации, одурманенные фанатиками магией нечеловеческого разума. Про войну, о которой на Джее никто не знал и знать не хотел, кроме тех, кто умирал на ней. Странно, тогда он воспринимал все эти рассказы как какую-то легенду. Может, и был, но о чем-то несусветно далеком, в другой Вселенной происходящем.

— После первых ступеней Испытания Джей дал Стрелку власть над Тремя Народами и странную способность... — Проводник запнулся на какую-то долю секунды, подбирая слова. — Способность становиться некой сущностью. Всепроникающей и всемогущей. Демоном. И тогда Стрелка обуял страх, и он сломал свой Жребий. И...

— Чего же он испугался? — Том подтолкнул вопросом буксующий рассказ Проводника. — Того, что погибнет в очередном Испытании? Или...

— Пожалуй, как раз «или», — согласился тот. — Гибели он не боялся. Иначе не затеял бы всю эту игру. Игру со Злым Богом Джея.

— А по-вашему, у Джея есть Бог? — спросил Том.

— Есть. — Проводник недоуменно пожал плечами, словно ему задали предельно глупый вопрос. — Сам Джей и есть этот Бог. Теперь даже ваша наука признает, что все эти подземные суперкристаллы, которые остались даже не от Империй, а от Предтеч, наверное, и все слои руд, минералов, глубинные структуры — они взаимодействуют. Перерабатывают информацию. Еще до Катаклизма говорили, что весь Джей — это гигантский компьютер. До сих пор эту теорию никто не опроверг.

— Ну и особо не подтвердил, — сухо заметил Кайл. — Этим занялась вроде Спецакадемия — и с тех пор мало об этих делах слышно. Но я думаю, что это — очень близко к истине. Так это Злого Бога Джея испугался Стрелок?

— Не совсем. — Проводник пожевал сухие губы и повторил: — Не совсем. Об этом можно только догадываться. Но люди Джея говорят, что он испугался того, во что начал превращаться. Того, чем ему предстояло стать.

«Марика... — подумал Кайл. — Ведь именно этого испугалась и Марика. Тогда. И не страх ночных ведьм, не ожидание того, что из-под земли или с небес явится стальное чудовище, погнали ее в монастырь и дальше в неизвестность, а ужас перед тем чуждым, который она почувствовала в себе. Ледяной ужас предстоящего *перерождения*, который пришел с чем-то... С чем-то новым и смертельно чужим, что каждый из нас почувствовал в своей душе. Ведь и я ощущаю *это* все эти годы. И все сильнее. И это правда».

Он, как и Проводник за минуту до этого, коснулся рукой реки. И темные воды успокоили его.

— Его... Его можно понять, — неожиданно тихо сказал Том,

Он тоже прислушивался к чему-то внутри себя.

— И тогда того, кто звался Случайным Стрелком, охватило великое отчаяние, — продолжил Проводник. — Он остуился — сломал свой Жребий, и Джей лишил его памяти. Он не ушел в Темные Миры, не сгинул, не стал снова человеком. Он остался Демоном и будет править Тремя Народами до тех пор, пока раб, назвавший его истинное имя, не освободит его от этой власти. И Три Народа послали меня... и других они тоже послали, чтобы найти спасение.

— Должно быть, этим Трем Народам очень не нравится то, как ими правит этот... Демон? — спросил Том.

— Он убивает. — Голос Проводника стал низким и резким. — Он... Он проводит эксперименты. Опыты. Наверное, в конечном счете, Джей пытается всех, на кого простирается его власть, превратить... В воинство. В Орду. И Стрелок — инструмент, орудие такого превращения. Конечно, там, на Большой земле, вы всерьез не принимаете стадо дикарей, вооруженных бластерами времен Первооткрывателей, но вспомните, какую роль Лесные народы сыграли, когда все на Джее было к чертовой матери разбито и разгромлено Катаклизмом. Если нечто подобное повторится, а Три Народа будут уже не в дружбе, а во вражде с Большой землей, то... То всякое может случиться. Так что она вам, по сути дела, тоже не должна быть так уж безразлична — та каша, которая варится в Лесу.

— Демон... Как же он выглядит? Что может? — Кайл оторвал взгляд от ночной, завораживающей панорамы реки и повернулся к Проводнику. — Откуда он узнал про нас?

— Он знает про всех, кто приходит в Лес, — равнодушно ответил тот. — У него власть над дневными тварями. Может знать, что видят птицы с высоты и что слышат звери, таящиеся в чащобе. И он старается следить за всеми, кто идет через Лес. Он тоже знает Пророчество... и поэтому боится всех, кто может принести в Лес его имя. Как он выглядит? Чаще всего — как человек. Почти такой же, каким он пришел сюда. А когда он... Когда с ним происходит *превращение*, то... он становится Тьмой. Зримой тьмой среди бела дня — ведь он из породы Полуденных Демонов.

— Видимая Тьма. — Кайл потрянул головой. — Тьма среди бела дня. И что она может, эта Тьма? Чего нам от нее ждать?

Проводник помолчал. Гулко плеснула какая-то тварь вдали, ниже по течению, и звук этот далеко разнесся над бесшумно скользящими вдаль водами. Но Проводник прислушивался не к этому всплеску — к чему-то, чего еще не слышал никто из его спутников.

— Что она может? — рассеянно переспросил он. — Многое. Разное. Она много сильнее всего, с чем мне приходилось встречаться. Она, разумеется, может убивать, крушить. Может заморозить человека или сжигать его болью изнутри. Может в клочья разорвать его в доли секунды. Может уничтожить голема, опуститься под воду или подняться в стратосферу. Может стать огромной, как туча, а может пыльным комком катиться по твоим следам, мышью юркнуть в кусты. Но все это — только днем.

— Приятная нам предстоит встреча, — вздохнул Том.

— Вовсе не обязательно. — Проводник продолжал прислушиваться к чему-то.

И теперь, кажется, стало слышно к чему. Словно гигантский котел, доверху наполненный водой, начал закипать где-то глубоко под землей. Очень глубоко.

— Вовсе не обязательно. Вот с вашим другом нам встретиться придется — кому-то из нас, по крайней мере. Чтобы сообщить ему Истинное Имя Стрелка.

— Это как раз то, чем вы меня, да и всех нас поставили в тупик. — Кайл кивнул на развернутый перед ним и слабо подсвеченный притушенными фонариками лист с письменами. — Ни в этом тексте, ни, думаю, где-либо еще не сказано, что кто-то из нас может хотя бы догадываться, как мама окрестила того типа, который пришел к вам под этой странной кличкой. Так почему же вы явились именно к нам? И как вы представляете себе этот процесс выяснения имени Стрелка?

— Квинт послал меня к вам потому, что знал: Ларец сделал вашим Испытанием именно освобождение вашего друга. Раз так, то путь к его спасению заложен в ваших судьбах. Вам надо только найти его. Есть те, кто может помочь вам в этом. Я сделаю так, чтобы вы

встретились с этими людьми.

Теперь все они уже ощущали, что котел закипает в далекой глубине планеты. Это было ощущение подкатывающей к сердцу беды. Проводник жестом приказал выключить сонар. Потом добавил тихо, быстрой скороговоркой:

— Уберите... вырубите всю электронику! Там...

Цинь быстро провела ладонью по сенсорам аппаратуры, и экранчик сонара погас. Том погасил оба фонарика. Теперь они не видели лиц друг друга. Течение вслепую несло плот навстречу надвигающемуся из-под дна реки подземному грому.

— Осторожно, — все также тихо и быстро продолжил Проводник. — Не стоит плыть дальше. — Он поднялся, нашаривая весла. — К берегу. Надо причалить, переждать.

— О Господи! — сдавленно прошептал Том. — Там внизу... Огни...

И действительно, внизу, в толще вод творилось нечто невообразимое: непроницаемая, черная гладь становилась прозрачной, словно таяла, исчезала, и река на глазах превращалась в ущелье, в залитый слабым светом звезд и маленьких злых лун Джея провал.

В пропасть.

И далеко, там, где заполненное чуть подрагивающим, призрачным хрусталем ущелье делало поворот, неслись по его дну отсветы каких-то стремительных огней. Неслись торопливо. Все быстрее и быстрее.словно гигантский экспресс с ярко освещенными окнами набирал скорость. И грохот, гул, вызываемый этим движением, уже затопил мир, вытеснил все остальные звуки, добрался до сердца, мозга, заполнил сознание.

— К берегу, к берегу, — продолжал тихо командовать Проводник.

Теперь за весла взялись все, и плоты заскользили в тень гигантских деревьев, нависших над неторопливой водой.

«Ну и глубина тут, — подумал Том, снова бросая взгляд за борт. — Сотни метров... Река... Слышал, читал, но представить не мог». Сцепка плотов казалась ему каким-то сюрреалистическим ковром-самолетом, парящим над бездной чужого, незнакомого Мира. Мира чьей-то недоброй сказки.

Они зачалились, стали осторожно подтягиваться к берегу, набросив петли тонких канатов на корни чудовищной коряги, и молча, лишь переглядываясь изредка, слушали и смотрели это странное представление, разыгрываемое неведомыми силами в толще вод. Оно длилось недолго — от силы считанные минуты. Гулкий рокот начал стихать, и колдовская череда огней погасла, канула, словно уйдя в глубокий туннель. Стал меняться — тускнеть, гаснуть и становиться прежней темной, неторопливо стремящейся в неизвестность громадой вод, заполнявшей широкое русло реки. И облака начали возвращаться на осеннее небо.

Впрочем, неба они сейчас почти не видели: ветви древесных гигантов, склонившиеся над берегом, скрыли его. Лианы, свешивающиеся с них, нависали над самой водой, порой уходили в нее. Они скользили вокруг, норовили задеть по лицу.

— Что это было? — спросил Том, все еще не пришедший в себя после странного и неожиданного представления.

— Червь... — все также рассеянно ответил Проводник.

Он прислушивался к нависшему над ними Лесу и словно ждал чего-то, ему одному известного.

— Железный Червь, — объяснил он нехотя. — Железный Червь пересек реку. Все хорошо обошлось, но могло иначе произойти. Когда они выходят в русло, то Черви эти часто сворачивают вверх. И тогда по-всякому выходит. Они очень большие. И много чего могут.

Сейчас все хорошо закончилось. Но все равно — туда не надо. Сейчас выждем чуть-чуть и повернем в протоку.

Плоты наконец остановили свое движение, песок скрипнул под бревнами, борт первого ткнулся в глинистый обрез берега. Под покровом ветвей, склоненных над головами, было темно, как в пещере. Путники напряженно приглядывались к обступившему их мраку. Кайл осторожно включил фонарик. Проводник достал из нагрудного разреза своей просторной рубахи что-то тускло блеснувшее в приглушенном луче фонарика. Том присмотрелся — это был странный, из зуба какой-то твари выточенный свисток. Проводник поднес его к губам, и словно гибкий детский мизинчик вошел в ухо Тома и аккуратно надавил на барабанную перепонку, не причиняя боли, но лишая слуха. Впрочем, длилось это недолго. Проводник спрятал свисток и снова прислушался к Лесу. Улыбнулся почти невидимой в темноте улыбкой. Должно быть, получил ответ оттуда, из мира ночных шорохов. Потом повернулся к своим спутникам.

— Не пугайтесь сейчас. Следите за берегом, чтобы оттуда никто не забрался.

Он снова прислушался.

Мягкие толчки прозвучали оттуда — из тьмы Леса. словно прыжки какого-то очень осторожного и очень быстрого зверя. Потом Том услышал их где-то у себя над головой — в выпускающей пряную одурь ночной кроне гигантского дерева. И нечто темное, бесшумное вывалилось из этого мрака на плечо Проводника, потом — на палубу плота, прямо перед Томом, спиной к нему.

— Здравствуй, Мурх, — сказал Проводник.

Тот, кого он назвал Мурхом, не был человеком — нет, он скорее был похож на обезьяну — длиннорукую, заросшую очень длинным и невероятно черным мехом. И напоминал он в то же время странную птицу. Длинные космы этой матово-черной шерсти, свисающие с плеч и предплечий удивительного создания, превращали их в какое-то подобие крыльев. Темнота не позволяла разглядеть ни лица, ни сложения странного гостя. На секунду-другую он оглянулся, наверное окинув взглядом компанию, собравшуюся на плоту. Глаз его разглядеть было невозможно — это были лишь бездонные черные провалы, скрытые в густой поросли.

И тут Проводник заговорил. Заговорил на странном, нечеловеческом языке. Языке Ночи и Леса. Том, да и Кайл тоже сначала даже не поняли, что это именно их спутник издает эти звуки. Похожие то на вздох ветра, то на звук снежного кома, рухнувшего с ветки, то на шелест лесного опада под лапами невидимого зверя, то на всхлип лесного ручья в ночной тишине.

Разговор этот не занял много времени. Проводник кивнул Тому, чтобы тот отвязывал причальный канат. Кайл занял место у руля и выжидательно смотрел на человека Леса. Тот подхватил шест и стал рядом с ним. Вооружилась шестом и Цинь. Лесной гость легко отстегнул притороченный к борту запасной металлопластиковый «кий», раздвинул его и стал помогать отчаливать плоты. Они почти не обменивались словами, пока не вошли в протоку. Но и там — в туннеле-лабиринте, накрытом сошедшимися над полосой темных вод сводами крон прибрежных деревьев, — они лишь перебрасывались короткими, отрывистыми командами и предупреждениями, не позволяя себе расслабиться для отвлеченного разговора ни на минуту. Небо окончательно скрыли облака, и тьма стала абсолютной. А затем пошел дождь.

Наступившее утро заявило о себе довольно поздно: свет затянутого дождевой мглой

неба еле пробился к ним через полог ветвей. К счастью, ветви эти защитили плывущих на плотях и от потоков ночного ливня, ставшего на рассвете просто моросью. Они зачалили и замаскировали плоты между гигантскими корнями циклопического дерева, названия которого Том не знал. Впрочем, судя по уверенному поведению Проводника, оно было довольно надежным убежищем, и можно было не ожидать появления из его низко нависшей кроны какого-нибудь особо злобного гада. В этой кроне и исчез Мурх, как только плоты ткнулись в берег, — так же быстро и так же бесшумно, как появился несколько часов назад. Словно его и не было.

* * *

Замаскировать место «дневного ночлега» оказалось делом нелегким — Проводник был привередлив и дотошен. «Не стоит и думать стать невидимками, — говорил он, подтаскивая к стоянке выбранные по каким-то особым приметам ветви и сучья. — Надо сойти за номадов. Они именно так и живут: кочуют по ночам, а днем отсиживаются в лагерях. Надо сделать стоянку похожей на такой лагерь. Норы — надо еще вырыть пару фальшивых нор».

Том заснул в засыпанной кучей листвы низенькой палатке, сморенный душной жарой, затопившей пространство под пологом Леса, и сквозь сон, где-то уже незадолго до наступления его очереди принимать охранную вахту, услышал странные далекие, сквозь толщу коры Джея дошедшие удары. Это была поступь вереницы циклопических воинов, оживших изваяний, колоссов из стали и металлокерамики. Он так и не понял: во сне это было или наяву. Том внутренне напрягся, даже приник к земле, словно древний воин, прислушивающийся к приближению неприятельской конницы, но шаги гигантов не близились, наоборот — уходили вдаль, стихали. Собрав все свои силы, он попытался вынырнуть из бестолкового сна, но сил этих не хватило: омут сладкой одури не отпустил его и снова повел кривыми лабиринтами, в которых то и дело встречались ему странные создания и возникали странные мысли.

Разбудила его Циньмэй, поутру вызвавшаяся отстоять первую вахту и честно с этой задачей справившаяся. Знойный полдень стоял над Лесом. Но сюда — в тень древесного гиганта — лучи Звезды не проникали. Сумеречная духота царила здесь. Том возблагодарил Бога за то, что, в отличие от Большой земли. Внутренние Пространства не пустили на свои просторы завезенный из Метрополии гнус, а здешние мошки и прочая летучая и ползучая мерзость пуще смерти боялись человеческого духа. В земных джунглях — там ему пришлось побывать на тренировочных марш-бросках — на путниках уже не осталось бы живого места.

— Послушай, Цинь. — Том потер опухшее со сна лицо. — У меня возникли галлюцинации, или этой ночью нашим лоцманом действительно была мохнатая черная мартышка?

— Это такая же мартышка, как я — архиепископ Кентерберийский, — угрюмо ответила китаянка. — Это кто-то из друзей Лесного народа. Вполне разумное создание. Только ночное. Зовут — Мурх.

— Он — из этих... Из Превращенных? — озадаченно спросил Роббинс. — Проводник говорил, что люди здесь стали... превращаться.

— Знаешь, — все с тем же усталым раздражением отозвалась Цинь, мечтающая занять место Тома в покинутой им палатке, — из нашего друга слова лишнего не вытянешь. Лесной

человек, он и есть — Лесной человек. Он сказал что-то такое, вроде того, что Мурх не отсюда. Он из тех Чужих, которых люди Джея сюда затащили из Темных Миров.

— Ты этому веришь? — покосился на нее Том.

— Если тебе охота ломать голову над всем этим — посмотри на еще одного его друга. И на нашего сторожа дневного. Он там — на опушке. Вместе с Проводником и Васецки. А я должна выспаться. Кстати, с час назад была пальба. Где-то на запад от нас. Не слишком далеко.

И Цинь нырнула в палатку.

Сполоснув лицо тепловатой водой из канистры, Том осторожно, стараясь не «светиться» в прогалинах между деревьями, спустился в небольшой естественный окопчик на краю тенистой опушки, в котором был сооружен импровизированный наблюдательный пункт. Там у еле заметного костерка кемарили не пожелавший отсыпаться Кайл и Проводник. Навыки лесной конспирации с трудом давались Тому сегодня — не отпускал сон и скулы сводила зевота. Ничто вокруг не настораживало подсознания. Мирным был освещенный полуденным, узорчатым от теней листвы светом Лес. И мирной была тихая беседа, текущая между двумя людьми у тусклого, бездымного костра. Том и не сразу заметил третьего свидетеля беседы, которого человеком назвать было уж никак нельзя.

Чуть поодаль от тех двоих в плотной тени причудливого кустарника то ли притаилось, то ли вольготно развалилось создание *оттуда* — из лабиринта, пригрезившегося ему в мутном дневном мороке.

Существо можно было назвать пародией на обезьяну или обезьяной, которую угораздило уродиться кузнечиком. Гладкие, словно лаком облитые, хитиновые покровы заключали в себе тщедушное, из сегментиков сложенное тельце, увенчанное приплюснутой, ернической маской, словно в издевку над физиономией блаженного Будды слепленной головой. Создание ничуть не боялось людей — устроилось невдалеке от них. И люди — Кайл и Проводник — тоже не проявляли особого беспокойства. Они беседовали: говорили на языке людей, а создание — на каком-то своем, точно таком же, как и у ночного гостя, только ему самому и Проводнику понятном. Впрочем, в отличие от Мурха, этот друг Лесного человека, похоже, понимал нормальную человеческую речь, а сам испускал те стрекочуще льющиеся звуки, которые сыпались откуда-то, скорее из области сегментированного брюшка, нежели из находящейся на месте рта тройной щели этого оливково-зеленого творения природы. Проводник тихо и скупно растолковывал Кайлу услышанное.

Это занятие, однако, не отвлекало его от выполнения основной его задачи — обзирать окружающее пространство, оставаясь самому как можно более незаметным. Не зря его руки опять сжимали тяжелое полушарие древнего зеркала-амулета. Он и увидел первым подходившего Тома, махнул ему рукой.

— Сейчас ты можешь быть немного поспокойнее, — сказал Проводник, указывая Роббинсу на подходящий, чтобы на него присесть, ствол поваленного дерева по другую сторону костра. — А это — Лиандр, в общем-то наш друг, — пояснил он, уловив недоумение во взгляде следователя, направленном на существо из лабиринта причудливых снов. — Он присматривает за здешними местами. Сейчас поблизости опасности нет.

— Лиандр, — без всякого выражения повторил Том, присаживаясь на шершавую, тронутую тленом древесину.

И машинально подумал: «Сверчок. Только очень большой. И — сапиенс». Открытия

двух новых форм разумных существ менее чем за десяток часов было многовато для федерального следователя. Да и для всего Обитаемого Космоса, с его тремя неполными Разумами, открытыми человечеством за период, истекший со времен строительства пирамид, это было тоже явным перебором.

Вслух Том сказал только:

— Будем знакомы, Лиандр. Откуда ты?

Создание тут же разразилось неугомонным стрекотом.

— Такие, как он... — Проводник задумчиво потер висок. — Их Мира давно уже нет. Но самих их — много. Бродяжье племя. Шатаются между Мирами. Вот Лиандр прижился здесь. И не один. Он говорит, что мы не одни пришли сюда. Похоже, в Лесу есть еще люди, которые следят за нами. Этой ночью они потеряли нас. Надо будет тронуться пораньше, еще до заката. И немного изменить маршрут.

— Плоты слишком примелькались кому-то, — помрачнев, добавил Кайл. — Придется с ними проститься на время. А сами двинем напрямик — через перевал. Придется немного изменить маршрут. У нас будет важная встреча там, в горах. В развалинах института. Слышали о таком? Это недалеко от храма, впрочем. В окрестностях. А оттуда спустимся снова к реке, но уже по ту сторону гор.

— А плоты что — сами туда приплывут? — поинтересовался Том, задумчиво скользнув взглядом по зарослям вокруг.

В прогалине неподалеку какая-то тварь, с кошку размером, торопливо метнулась через открытое пространство, но щупальце хищной лианы, быстро и бесшумно упав на нее с высоты, тут же свернулось, унося жертву во тьму сомкнувшихся зеленых крон. Жизнь Леса шла своим чередом.

— Плоты пригонит Лесной народ, — ответил Кайл, тоже не отрывая взгляда от дневного сумрака зарослей. — В условленное место. За это один плот, с меновым товаром, мы отдаем им. А на одном сами уходим, к Предельным хребтам. Так мы, собственно, и планировали, только — по мелочам. А так все — оптом.

— Когда успели, — пожал плечами Том, — с Лесными людьми договориться?

— Это они прислали Лиандра. — Кайл осторожно поворошил костерок и выкатил из золы какой-то печеный плод. — И еще. Они найдут Павла. И приведут к горному храму. Если он еще там.

— Довольно любезно с их стороны, — признал Том. — И всего-то — за полтонны скобяных изделий

— Вы понимаете лучше меня, — вздохнул Кайл, — что Лесные люди собрались помогать нам не за меновой товар. Они хотят помочь тем, кто пришел освободить их от Демона. К сожалению, уже весь Лес знает, зачем мы пришли сюда.

Словно в ответ на эти слова странное насекомоподобное создание напряглось, прислушиваясь к чему-то далекому, потом коротко стрекотнуло и почти бесшумно, одним прыжком скрылось в чащобе.

— Что-то ему передали... — покачал головой Кайл. — Из Леса.

— Они, Лесной народ, сейчас «прозванивают» наш маршрут, — пояснил Проводник. — Что-то там у них вышло.

Что вышло «у них», путники узнали, когда наступила ночь. Четверка пришедших из Леса немногословных туземцев отплыла на плотках дальше по реке, а сами они тронулись в путь по суше. И путь этот привел их к поляне, на краю которой громоздился сгоревший вертолет. Он совсем недавно рухнул сюда — трава вокруг нелепой груды металла выгорела, а та, что осталась, все еще хранила злые запахи сожженного пластика, металла, сработавшей взрывчатки.

— Додумался же кто-то летать тут на этой штуке, — пробормотал Проводник, осторожно обходя уничтоженную машину. — Ее «стальные осы» изрешетили не позже чем через четверть часа полета.

«Стальные осы» — самовоспроизводящиеся мини-комплексы поражения низко летящих целей — были уже хорошо знакомы Тому. За неполную неделю пути по Внутренним Пространствам он уже насмотрелся на «кладки» этих кибернетических псевдонасекомых. Кое-где это были «живые», распространяющие микроволновое излучение и еле слышное электронное жужжание, а чаще — уже отстрелявшиеся, мертвые, ощерившиеся опустевшими ячейками самонаводящихся мини-ракет комья металла, действительно напоминающие гнезда лесных ос. «Ось» были одним из тех проклятий, из-за которых любая авиатехника превращалась над Внутренними Пространствами в смертельно опасный вид транспорта.

— А людей на нем не было? — озадаченно спросила Цинь.

— Или спаслись и ушли, — задумчиво предположил Том, — или их забрали отсюда — живыми или мертвыми. Если, конечно, эта штука летела с экипажем на борту.

— Был экипаж, — задумчиво заметил Кайл. — Вон туда они ушли. — Он указал на тропку, уходящую вверх по склону.

«Господин декан не зря провел детство в лесах», — подумал Том. Сам он эту тропку — точнее, просто полосу притоптанной травы — не заметил бы, даже если бы знал, что надо высматривать в проклятой темнотище.

— А ведь это, наверное, по наши души кто-то в Лес пожаловал, — предположил он.

— Не обязательно, — хмуро бросил Проводник. — Может, просто контрабандисты — из тех, кто наживается на распрях Трех Народов. Но очень вероятно, что это те, про которых рассказал Лиандр.

* * *

Лиандр появлялся днем, стрекотал из кустов что-то, понятное только Проводнику, и сразу же исчезал, оставляя лишь впечатление дурного сновидения. И так же, словно видение, ночами появлялся Мурх и подолгу шел с ними вместе. Точнее — мохнатой тенью перемахивал с дерева на дерево вдоль тропы, уходящей все выше и выше в горы.

А там, где эти горы начинались, на самой кромке иссякнувшего, обмельчавшего Леса, их встретила засада. Очень странная. Мертвая.

Кто-то опередил их, и в двух неглубоких окопчиках, к которым подвел путников Мурх, лежали только трупы. Изрешеченные и изуродованные осколками тензионных гранат, хорошо вооруженные шесть трупов. И еще двое — четверо свешивались с развилок приземистого «дерева слепых».

— Нич-ч-чего не понимаю... — пробормотал Том, подсвечивая фонариком то жуткое, что лежало перед ним. — Опустился на корточки и снова пробормотал: — Не понимаю ни-

че-го! Кровь... Кровищи должно было быть море. А нет ее. Они же... *Они же не были живыми.* Никогда...

Точнее, эти десятеро не были живыми, когда их убивали. Когда керамические осколки разрывали их плоть. Когда пули разносили их черепа. Перед Томом лежали изуродованные мумии. И если бы не смазка на поблескивающих в лучах фонарика затворах, если бы не свежая, не тронутая ржой линия заточки изготовленных к бою кинжалов, можно было бы подумать, что они лежат здесь уже давным-давно — обескровленные, сведенные причудливой судорогой тела в потертой камуфляжной форме.

— Да нет — были, — безразличным голосом возразил Проводник. — Кое-кого из них я встречал раньше. Пока Стрелок не взял их. Похоже, что те, кто на них напоролся, хорошо просчитали наш маршрут, только поторопились и теперь идут впереди. По тому следу, который нам только предстоит оставить. Они очень спешили — не стали даже забирать оружия. Но своих убитых унесли. Пошли, нам тоже надо торопиться. С этого места сворачиваем к западу — этого от нас не ждут.

Глава 8

СРАЖЕНИЕ

Их путь проходил мимо земель, населенных Тремя Народами — точнее, по самой кромке этой, никакими пограничными столбами не обозначенной территории. Это была граница Леса и гор — скалистая и суровая тропа. Она то ныряла снова в джунгли, то предательски вилась по пустынным, редким кустарником поросшим склонам. Судя по карте, он мог бы быть и более прямым — этот их путь. Но, видно, Проводнику не хотелось предпринимать этнографическую экскурсию по местам, охваченным скрытой жестокой сварой. И это было разумно — точно так же, как глупо было им, выслеживаемым и Стрелком, и пришедшими следом с Большой земли, попадаться на глаза кому-либо. Они и не попадались. По крайней мере, тем, кому незачем было знать об экспедиции. Только иногда встречались им брошенные селения, следы кострищ, какие-то языческие погосты. Реже видели живых туземцев — всего двое встретились на их пути. Оба вооруженные по старинке, в обносках армейской формы, оба молчаливые и непроницаемые. Коротко приветствовали Проводника и сворачивали с дороги, таяли в ночном Лесу.

Впрочем, наверно, было лишь иллюзией это их одиночество. В Лесу много глаз следили за каждым из чужаков. Временами вдали звучали тамтамы — единственный надежный вид связи на этой затопленной «электронным смогом» земле. Тогда Проводник останавливал движение их маленькой колонны и долго слушал далекий рокочущий гул, присев в молитвенную позу.

— Кажется, нам удалось одурачить тех... — сообщил он Кайлу после одного из таких сеансов. — Тех, что угробили вертолет и шли впереди нас. Они увязались за плотами, а слуги Стрелка — за ними.

Ни Кайл, ни Том не знали, как реагировать на эту новость. А Цинь сохраняла непроницаемый вид. Так они и продолжили свой путь — в тщательно охраняемом одиночестве. Только Мурх и Лиандр, сменяя друг друга, следовали за ними, неся свою вахту — вахту дня и вахту ночи. А когда кончился Лес, исчезли и они. Словно никогда их и не было.

* * *

Развалины института тоже были своего рода засадой — так показалось Тому. В зыбкой мгле рассвета неожиданно выросли перед ними эти обрушенные лабораторные корпуса, обглоданные мачты электропередач, траншеи-провалы и залитые водой подземные этажи. Неожиданным было все это, высоко в горы забравшееся, узкой галереей протянувшееся вдоль скальной стены плато. Непрístupное когда-то, загроможденное угрюмыми развалинами плато, нависшее над сумеречной равниной, по которой скользила причудливо изогнутая серебряная лента реки. Небо над ними уже превратилось в подсвеченный огнем не взошедшей еще Звезды высокий свод. День был близок.

Кайл замороженно прикоснулся кончиками пальцев к выкрошенной кладке стены. Тряхнул головой:

— Отец рассказывал мне... — Он повернулся к Тому. — Отец... Он начинал здесь.

Тогда — до Катаклизма. Вы, наверное, в курсе дела — это был форпост Большой земли здесь, в глубине континента. Страшно секретный и очень мощный форпост. Здесь были сосредоточены лучшие научные кадры Джея. Да и всей Федерации институт мог дать кое-какую фору. Отсюда, из Внутренних Пространств, они выкачивали много всякого. О вооружении Сгинувших Империй, но не только. Это только так говорится — институт. На самом деле это был чуть ли ни целый город со своим реактором, парой заводиков, биофермами. Они продержались некоторое время после Катаклизма. Потом часть уцелевших эвакуировали. Но были и такие, кто не захотел уходить. Вот к одному из них нас и привел Проводник.

— Кто это? — спросил Том. — И почему он будет помогать нам? Он — враг Стрелка?

— Вряд ли его имя что-то скажет вам, — ответил Проводник. — Его местная кличка — Колдун. Еще — Хозяин Пещер. Они со Стрелком... Считайте, что они попросту безразличны друг другу. А помогать он нам станет, потому что... Потому что так подсказывает Джей. Есть связь между вами и Колдуном. По крайней мере, между кем-то из вас и ним. Он сам передал Лесным людям это. Как только узнал, что вы идете по Внутренним Пространствам. И еще — он знает Павла. Можно сказать, они — друзья.

— Он поможет нам... м-м... расколдовать Павла и Стрелка? — напряженным, глухим голосом спросила Цинь.

— Если бы я не верил, что он поможет именно с этим, то зачем же я привел вас сюда? — Проводник пожал плечами. — А если бы я знал заранее, чем именно он вам поможет, то — опять-таки — зачем бы мне было сюда тащиться? Нам надо приискать себе здесь убежище. Днем — придется рисковать — дадим сигнал, и он придет.

Все трое пришельцев с Большой земли тревожно обводили взглядом местность, открывшуюся перед ними. В небе уже полыхал день, а в долине все еще притаилась глухая, осенняя ночь. Края горизонта, очерченного неровным контуром гор, уже наливались нестерпимым блеском восхода.

— Убираемся в укрытие, — хмуро добавил Проводник. — День идет. О ч-ч-черт!!!

Беспощадное око Звезды выглянуло из-за кромки Предельного хребта. Свет пришел в долину — злой свет осени. Но не ударившее в глаза слепящее термоядерное пламя заставило Проводника помянуть нечистого, нет.

— Смотрите! Вон он! — выкрикнул Лесной человек, загораживая глаза ладонью. — Там... Там начинается...

«Там» — это было в небе над далекой излучиной. Том не сразу понял, что он видит перед собой. В далеком хрустальной чистоты пространстве воздуха, нависшего над долиной, из ничего собиралась, сгущалась струйка тьмы, словно стая насекомых собиралась к невидимой приманке. Тьма делалась чем-то реальным. Реальным и огромным — Том мысленно сделал поправку на расстояние и поежился.

— Смерч, — сказал он. — Станный такой смерч.

— Это — Демон, — сказала Цинь решительно и обреченно. — Поздно прятаться.

— Верно, это Демон. — В голосе Проводника почувствовалось почтительное удивление. — Но он еще не видит нас. Он кого-то другого собирается бить. Отступаем в здания. Лучше всего найти подвал незатопленный. Здесь есть такие.

Том не мог оторваться от странного зрелища: струйка тьмы набирала силу, пронзая громаду небес, завернулась стремительной петлей. Кольцом. Встала над равниной гигантской черной короной. И молнии ударили из нее вниз, в мглистый мрак, все еще

заливающий русло вокруг странно светлой, флуоресцирующей ленты реки. Гулкий грохот прокатился над Лесом и горами.

Цинь потянула Тома за локоть:

— Уходим. — Она тоже завороченно смотрела на битву неведомых сил, сошедшихся над Рекой. — Господи. Не по нашим ли плотам бьет *он*?

Там происходило совершенно странное. Столб воздуха над эпицентром сражения задрожал, жемчужное облако тумана стало вставать в нем из остатков ночного мрака поймы, оттуда, куда били молнии. А потом гладь реки вздыбилась, лопнула, прорвалась, пропуская в Мир нечто огромное, округлое, растущее вверх, вверх, вверх. *Это* стало холмом, гигантской скалой, башней. И продолжало стремиться вверх, не падая и не ломаясь, вопреки очевидным законам тяготения. Поднялось выше тени горных хребтов, укрывшей долину, хищно сверкнув металлическим блеском, продолжало громоздиться вверх и вверх — циклопической кованой колонной, железной змеей.

«Червь, — понял Том. — Железный Червь. Как там сказал Проводник? «Они очень большие. И много чего могут». И еще он говорил: «Когда они выходят в русло, они — Черви эти — часто сворачивают вверх. И тогда по-всякому выходит». Вот он и свернул».

Похоже, что он сказал это вслух.

— Да, это — Червь, — подтвердил Лесной человек. — Уходим.

И тут нелепая, вытянувшаяся на километры в небо, тонкая чешуйчатая нить надломилась, сложилась ломким циркулем, стала рушиться вниз — на реку, на ее все еще залитые тьмой берега, на гудящую отраженным громом фантастической битвы равнину. Суетливо клубящееся облако стало торопливо карабкаться навстречу лучам Звезды, скрывая, проглатывая останки стремительно распадающегося металлического чудища.

* * *

Они молча уходили в глубь скалы — по туннелям, пробитым в толще горы много десятилетий назад. В неверном свете галогеновых фонариков перед ними возникали то обвисшие кабели с разлохмаченной изоляцией, то неведомо куда ведущие ржавые двери с остатками надписей. Пару раз из-под ног выскакивали и удирали во тьму неведомые, но достаточно шустрые гады. На Проводника они никакого впечатления не произвели. Он твердо знал, куда идти: в конце коридора (третьего или четвертого, считая от входа) была сухая и относительно чистая, похожая на тюремную камеру комнатка с довольно неплохой вентиляцией. Кайл вытащил из рюкзака и включил светильник-переноску, и окружающее их тесноватое пространство сразу стало чуть уютнее.

— Вы беспокоились за наши плоты, Цинь? — заговорил наконец Проводник, устраиваясь в углу лишенного мебели каземата. — Скорее всего, напрасно. Они еще не обогнули хребет. Это было что-то другое. Может быть, те, кто выслеживал нас, спугнули Демона, а тут и Червь оказался на месте действия. А может, просто демоны Джек разбирались между собой. Это здесь не редкость. — Он помолчал. — Оставайтесь здесь. Не стоит так уж распаковывать багаж. Нам, наверное, скоро придется уходить отсюда. Я выберусь из подземелья и дам сигнал Хозяину Пещер. Потом дам вам знать. Вы услышите. Здесь неподалеку есть колокол. Пойдете на его звук. Тут, в туннелях, хорошо слышно.

— Неплохой прием — устроить малиновый перезвон прямо под носом у Стрелка, —

криво усмехнулся Кайл. — Может...

— После того представления, которое вы сподобились видеть только что, ему потребуется отдых. Недели две — не меньше, — усмехнулся Проводник. — А колокола здесь звонят по разным поводам. Постарайтесь не заблудиться, когда пойдете на звук. Я оставляю метки на стенах — там, где надо поворачивать, — вот такие.

В руках Лесного человека как по волшебству появился светящийся мелок — из тех, которыми школяры любят разрисовывать стены Вестуича в канун Хэллоуина. Он набросал на стене торопливо летящий, стремительный иероглиф, неуловимо напоминающий Белый Знак, по-птичьи наклонив голову, взглянул на спутников, проверяя, поняли ли они его, удовлетворенно кивнул и нырнул в проход, уходящий во тьму.

Акустика в подземельях института и впрямь была отличной. Сюда, в тупиковый каземат, издалека — через гулкие просветы туннелей, через ходы вентиляции — доносились и тихое подвывание ветра в недалеких ущельях, и крики гром-птиц в поднебесье, и даже шелест утреннего муссона в кронах Леса там, вниз по склонам гор, странного, с Гнилого моря идущего муссона.

И звон колокола донесся до них без помех. Они успели уже завершить сегодняшний «утренний ужин» — долю сухого пайка, сдобренного водой из горного ручья, и обсуждение того, на сколько суток этого пайка еще хватит. И теперь, предвидя, что дневного сна им в этот раз не достанется, каждый из них занялся своим: Цинь медитировала, Кайл разбирался в записях и зарисовках, накопившихся в дневнике странствия, Том приводил в порядок и без того постоянно готовое быть пущенным в ход оружие.

Они с Кайлом одновременно наклонили головы, прислушиваясь к тягучему и одновременно резкому звуку, и молча поднялись, переглянувшись и кивнув друг другу. Так же — молча, без особых церемоний, поднялась на ноги и Цинь, мгновенно вышедшая из охватившего ее было транса. Трое ощущали, что им предстоит не просто встреча с новой тенью Леса. Впереди был конец чего-то одного и начало совсем другого. Не просто продолжение пути к месту, где должно состояться Испытание, — нет. Оно само!

Гулкие и пыльные коридоры и знаки Проводника на перекрестках легко вывели их на разрушенную смотровую площадку. Еле заметная тропка сбегала с нее и, огибая утес, выходила туда, где звонил колокол.

Это была даже не скальная площадка. Естественный балкон, вознесенный над пропастью. И на нем действительно была звонница. Должно быть, много позже Катаклизма, когда институт уже стал руинами, сооруженная звонница — пара рельс, вмурованных вертикально в гранитное тело площадки, и на оси между ними из обрезанного кислородного баллона сделанный колокол с языком — куском трубы, залитым свинцом. Поодаль — слева от странной звонницы — стояли двое.

Проводник и Колдун.

* * *

Кайл даже вздохнул с облегчением. Колдун был *свой*. Не человек Леса, не человек Джея, а в точности такой же, как и он сам, Кайл Васецки, — человек из университетских аудиторий, из тишины читальных залов, из лабораторий, сверкающих стеклом и металлом дорогого оборудования. Не важно, что он очень устал от многих лет, проведенных в Лесу,

этот типичный исследователь, «рисечер», волею судеб оказавшийся в диких краях. Не важно, что на нем выдавший виды общевойсковой комплект («тропическое исполнение» десятилетней давности). Не важно, что его зовут Колдуном и Хозяином Пещер. Он был *свой*.

И в Кайле он тоже сразу признал *своего*. Задержал на нем взгляд, еле заметно улыбнулся. Он был высок и сухощав — Хозяин Пещер. Чуть сутул и, наверное, очень стар. А голос его не имел возраста — спокойный и уверенный голос человека, который знает: то, что он говорит, всегда будет внимательно выслушано.

— Наверное, можно обойтись без формальностей, — сказал он, слегка повернувшись к Проводнику. — Наши гости знают, как обращаться ко мне, а я о них тоже знаю достаточно. Вас, девочка, зовут Циньмэй, и мне приходилось иметь дело с людьми, которые приходили сюда от вашего отца. Давно. Вы тогда были совсем маленькой. — Колдун старомодно поцеловал руку, протянутую ему китаянкой. — А вашего отца, господин Васецки, — он подал Кайлу руку, — я, может быть, знал в лицо. Мы почти ровесники с ним. Правда, работали в разных отделах института, но мельком друг друга могли видеть. Меня тогда звали Радо. Доктор Радован Зорич. Тогда — до Катаклизма. Во всяком случае, ваше лицо мне кого-то напоминает. Ну, а для вас, господин, — он повернулся к Тому, — не остается другой вакансии, кроме Томаса Роббинса, следователя Федерального управления. И вы сегодня — главное действующее лицо.

— Боюсь, что да. — Том пожал руку Колдуна с легкой растерянностью. — Как-никак, теперь — моя очередь. Вы, я вижу, хорошо осведомлены о ходе наших дел.

— У нас будет время поговорить о них. — Хозяин Пещер был чуть уклончив. — А сейчас поторопимся в мою здешнюю нору. Мне надо посмотреть на ваш Жребий. И обследовать вас самих. Прежде всего — вас, следователь.

— Не будем терять времени, — согласился Кайл, всматриваясь в становящееся белесым от приближающегося полуденного жара небо. — Указывайте нам путь.

— Это по тропе вниз, — охотно пояснил Колдун, — потом — по скобам, вбитым в скалу. Когда-то это был аварийный выход из испытательных цехов. Там внизу будет горловина туннеля. Надеюсь, вам удастся добраться до нее без приключений. В конце концов, если уж вы добрались сюда живыми и невредимыми, то с этим упражнением в альпинизме справитесь шутя. Но страховочные тросы все-таки закрепите. Здесь далеко падать.

* * *

Вовсе не все в институте, оказывается, было разбито и разрушено. Не все тут было подвержено тлению. Всего в десятке метров под живописными, поросшими черным мхом развалинами свет флюоресцентных светильников заливал вполне обжитые кабинеты и лаборатории. Здесь, Том успел заметить это по множеству почти незаметных признаков, продолжалась своя тихая, подземная жизнь. Свежие еще ватные тампоны валялись на столах, растворы в колбах не успели высохнуть, а сами колбы и мерные цилиндры не заросли вековой пылью. Исчерканные листы не пожелтевших еще распечаток заполняли корзины у приткнувшихся по углам терминалов. В кабинете, куда привел их Колдун, был устоявшийся запах, от которого Том отвык за время долгого марша по зарослям Внутренних Пространств. Здесь было накурено. Причем не так уж и давно. Правда, обивка кресел, в которые они сели,

давно обтрепалась, пластик стен облупился, а светильники в коридорах горели через два на третий — останки бывшего форпоста науки вели свою тайную жизнь явно не на субсидии Большой земли. Однако Колдун как-то поддерживал эту жизнь, верно, все же не без чьей-то помощи и явно не в одиночку.

Впрочем, незримые помощники Хозяина Пещер вовсе не стремились попадаться на глаза его гостям. Ни одна живая душа не встретила их на пути, пока они проходили сквозь длинную анфиладу в разной степени захламленных помещений и переходов упрятого в глубь скалы осколка некогда огромного Института Внутренних Пространств. Правда, два или три раза что-то, похожее на внутренний укол, заставляло Тома тихо и стремительно оборачиваться, чтобы успеть встретить чей-то — *чей?* — взгляд, острый и пристальный, каждый раз успевавший исчезнуть за поворотом коридора или за приоткрытой дверью, которая — он готов был поклясться — была закрыта, когда они миновали ее. Ему стало не по себе — нет, не от этого незримого присутствия посторонних. Просто он раньше не замечал в себе явной способности ощущать чужой взгляд, чужое присутствие, чужой, незримый интерес к себе. Это было знаком *изменения*. Изменения в нем самом. Это пугало.

* * *

Колдун долго рассматривал янтарный короб, и так и этак поворачивая его на широком столе перед собой. Его сухое, с острым, как лезвие секиры, профилем, лицо, казалось, осунулось, в глазах вспыхнул желтоватый огонек азарта.

И Проводник, устроившись поодаль от всех в темноватом углу, тоже заинтересовался тускло мерцающим средоточием тайны. Его глаза выразительно сверкнули. Нечасто Тому приходилось видеть на этом лице что-то, кроме отрешенного внимания к чему-то нездешнему. Он перевел взгляд на Колдуна.

Тот осторожно отодвинул Ларец на середину стола и позвонил в тяжелый высокий бронзовый колокольчик, украшавший специально для него предназначенный столик сбоку от кресла Колдуна. Дверь за его спиной отъехала в сторону, и гости наконец увидели кого-то из тех, кто разделял одиночество Хозяина Пещер. Одетый в белый халат типичный широколицый туземец — такой, как их изображают во всех фильмах про Внутренние Пространства, — вкатил в кабинет столик, уставленный приборами, и в ожидании замер у стены.

Колдун вопросительно поднял глаза на Кайла, потом перевел взгляд на Тома и Цинь:

— Вы разрешите нам немного прощупать вашу... находку? — Он успокаивающе взмахнул сухой, словно лапа диковинной птицы, рукой: — Не беспокойтесь, я лучше вас понимаю, с какой опасностью имею дело. Мы используем только пассивные методики. И только на ваших глазах. Впрочем, если вы все-таки против...

Кайл переглянулся со своими партнерами. Потом кивнул Колдуну:

— Валяйте, доктор Зорич. Только все-таки будьте поосторожнее.

Хозяин Пещер кивнул ассистенту и поднялся из-за стола:

— Будьте спокойны, господа участники Испытания. И вот что: пока мы тут будем производить замеры, вы не теряйте времени даром. Если у вас есть, что рассказать мне, не стесняйтесь, я — весь внимание.

— Ну что ж, я думаю, у нас нет секретов от... от Леса? — Кайл попробовал уточнить

здешний статус дока Зорича.

— Считайте, что от Леса, — вздохнул тот.

И вздох этот, как ничто другое, дал понять каждому из гостей с Большой земли, насколько их представления об отношениях между Лесом, и Хозяином Пещер, и демонами Джея далеки от четкого понимания той ситуации, которая с незапамятных времен возникла в исходящем миазмами Гнилого моря котле Внутренних Пространств.

— Но только и нам, — Кайл внимательно, как коллега коллеге, глянул в глаза Хозяина Пещер, — и нам, доктор Зорич, тоже хочется как-то уяснить себе суть вашего интереса в этой истории. И больше всего нас интересует судьба нашего друга. Проводник сказал, что вы знаете Павла.

Док поднял на Кайла тяжелый взгляд. Взгляд Колдуна.

— Да, я знаю его, — сказал он. — И он ждет вас.

* * *

Историю янтарного короба, названного «Джейтест», Колдун, видно, уже знал неплохо, так что ему не было нужды прерывать Кайла пустыми вопросами и уточнениями. Вопросы он стал задавать, только когда тот закончил. Спрашивал он, не отрываясь от возни с датчиками, которые его ассистент аккуратно закреплял на проволочной клетке, которой накрыл перенесенный на передвижной столик «Джейтест». Вопросы дока были довольно странными.

— Постарайтесь вспомнить, — он бросил на декана короткий взгляд, — постарайтесь вспомнить тот момент, когда вы первый раз попробовали извлечь эти... м-м... кубики из их гнезд. Вы сказали, что-то насторожило вас, когда вы рассматривали свою находку дома перед тем, как показать ее Павлу.

И к Кайлу вдруг вернулась та — десятилетней давности — осенняя ночь в Вестуиче. Да-да, тогда тоже была осень. И яркие злые луны наперегонки плыли по небу Джея.

— Да. Когда я вынул пару кубиков у себя в комнате, без свидетелей, то мне почудилось... Мне показалось, что все стало меняться вокруг. И в воздухе, в пространстве все стало так, словно... Так бывает за миг до того, как начинается гроза. И я испугался — быстро вернул кубики на место и... И почему-то как угорелый выскочил на порог. Чуть ноги себе не поломал, пока сбегал по лестнице на первый этаж. И тогда увидел... Успел увидеть... Туман вдруг встал. Всюду — и по городу, и над степью. Станный такой туман — словно кто-то рывком выдернул из земли тысячи дымных нитей. Выдернул — и сразу отпустил их оплывать, растекаться, таять. Через минуту это был уже простой туман. Обычный осенний туман, струйками разбавленного молока стекающий в ложбины, тающий в закоулках кампуса. Странное это было чувство — я потом много раз пытался его вспомнить. Много думал про эти несколько мгновений. Было в них что-то такое... Что-то более странное, чем все, что произошло дальше. Намного более странное. — Он потер лоб. — Понимаете, потом я понял, что это не вокруг меня все изменилось — во мне самом. Словно я до сих пор находился взаперти — в каком-то каземате или в пещере. А тут — словно я понял, что просто все время стою спиной к выходу из... этого места. И в любой момент могу выйти. И мне стало страшно. Потому что... Потому что я представил — а что там... В том пространстве, которое откроется за этим выходом? За воротами. Нет, не

подумайте, что это я про какую-то аллегория смерти. Нет, понимайте меня буквально.

— Именно так я вас и понимаю, декан. — Хозяин Пещер, не отворачиваясь от громоздящейся на столике аппаратуры, успокаивающе поднял руку. — Я понимаю вас лучше, чем вам кажется.

Два приборчика из полусотни уместившихся на тележке вокруг янтарного Ларца одновременно запели занудливым, нервирующим сигналом. Колдун чуть резковатым движением погасил их звук, только яркие точки светодиодов продолжали мигать, настойчиво взывая о внимании к себе. Никто словно не замечал этого.

— И после этого. Когда я искал меч — то, что оказалось плазменной пушкой — там, на плато Девяти Лун, я ощутил это; словно вошел в лабиринт. В какой-то невидимый, но для меня вполне реальный, настоящий. Мне кажется, что... что не было там — под землей — никакого меча. Что я нашел его где-то в другом пространстве. В другом Мире вообще. И только потом эта штукавина попала сюда — в наш Мир. Ну, в самом деле, как могли не заметить такую массу металла и камня? Почти под ногами — метрах в пяти-семи под землей? И потом — дальше. Уже годы спустя. Снова и снова. *Это* приходит ко мне — ощущение лабиринта, переходов. Какой-то сети, пронизывающей все вокруг. Смешно, но иногда я прямо посреди улицы останавливаюсь и иду кружным путем. Потому что... Потому что знаю, что передо мной — стена. И если я коснусь ее... — Он снова энергично потер лоб. — Наверное, я говорю лишнее. Это похоже на невроз.

— Все, что с нами происходит, похоже на невроз, — сухо констатировал Колдун. — А вы, мэм? — повернулся он к Циньмэй, слегка огорошенной: подобное обращение было только в мультике про дядю Тома. — Вы тоже испытали что-то... м-м... необычное, — когда начали манипулировать с Ларцом?

— Я к этому была готова. — Цинь пожала одним плечом. — Поэтому, может быть, только потом... Я и сейчас не уверена, что это — на самом деле.

— Ты не говорила мне, — удивился Кайл. — Так ты — тоже ощущаешь это? Лабиринт...

— Нет никакого лабиринта! — с легким раздражением возразила китаянка. — По крайней мере для меня — нет! Я — совсем о другом. Просто... У меня появилось странное... странное чувство. Понимаете, док, — она повернулась к стоящему к ней вполоборота и напряженно следящему за показаниями многочисленных индикаторов Колдуну, — я давно уже приучена не чувствовать боль. Ни свою, ни чужую. Это — первое, чему учат в боевых сектах. А после того, как я стала на путь Испытания, я начала... Нет, я по-прежнему могу погасить свою боль, знаю, как словом остановить кровь, если меня ранят, но... Когда кто-то рядом... Или даже не рядом, а просто кто-то из тех, кто близок мне... Если кто-то из таких людей испытывает боль, или нездоров, или... или что-то происходит с его душой, то я... То все это отдается во мне. И я не могу... Я не могу взять себя в руки до тех пор, пока это не пройдет, не закончится, не будет излечено. И у меня... Никогда раньше мне не приходило в голову это. Я впервые подумала, что, *может быть, это мое призвание — исцелять боль.*

— Может быть, — вздохнул Колдун и повернулся к Тому: — С вами, следовательно, разговор особый. Немного спустя мы спустимся в лабораторию для обследования. И вас я расспрошу более подробно. Ваши друзья могут присутствовать при этом, если у них есть сомнения относительно...

— Будем считать, что если бы вы хотели причинить нам вред... — начал Кайл.

Но тут металлическая клетка, в которую был заключен Ларец, лежащий на толстого стекла крышке передвижного столика, зазвенела сначала тихим и тонким, затем все более низким, переходящим в громкое гудение звоном. Запах раскаленного металла, который уже несколько минут висел в воздухе, стал резким и вытеснил все другие ароматы, витавшие в комнате. Прутья клетки начали наливать малиновым цветом.

Ни Колдуна, ни его подмастерье случившееся не повергло в панику. Быстрым и решительным движением лаборант сбросил ничем, слава богу, не закрепленную на столе раскаленную клетку на пол. Все невольно приблизились к приборной тележке, чтобы убедиться, что «Джейтест», целый и невредимый, преспокойно лежит на стеклянной столешнице. Хозяин Пещер повернулся к вскочившим на ноги Кайлу и Цинь. Лица у всех трех застыли в напряжении. Колдун улыбнулся первым — еле заметной улыбкой учителя, провинившегося перед учениками.

— Джею не понравилось, что мы хотели заэкранировать его игрушку. — Колдун осторожно взял янтарный короб со столика-тележки, протянул его Цинь и повернулся к Кайлу: — Ваши друзья правильно предупреждали вас, декан, что не надо заключать эту вещь в металл. Боюсь, что мы с вами сейчас глотнули небольшую дозу микроволнового излучения. Хотя, — он покосился на индикаторы приборов, — похоже, что это было что-то совсем другое. Зато мы теперь будем немножко больше знать о том, где искать «нервные центры», из которых Джей следит за Ларцом.

Он кивнул своему бессловесному помощнику, и тот, подобрав сброшенную на пол экранирующую клетку, бесшумно исчез в темном провале двери вместе со своим передвижным хозяйством. Цинь угрюмо стала укладывать «Джейтест» в походный рюкзак, из которого он был извлечен с полчаса назад. Ей явно пришлось не по нраву тот способ, которым Хозяин Пещер провел обследование Ларца.

— Будем считать, что если бы вы хотели причинить нам вред, — как ни в чем не бывало продолжил прерванную фразу Кайл, — то вы бы его нам причинили уже давно. Так что, если господин Роббинс не возражает...

Том молча кивнул в подтверждение этих слов.

— Так что, если Том не возражает, то мы не против того, чтобы вы побыли с ним какое-то время с глазу на глаз. Но перед этим...

— Перед этим вы хотели бы услышать хоть что-то о судьбе вашего друга. Понятно, за этим вы и пришли сюда, чтобы спасти Павла Сухова, вытащить его из Внутренних Пространств. Ну что же. Я много раз встречался с ним. Думаю, он не станет возражать, если я скажу вам, что мы с ним подружились. Сейчас он в пути — я пригласил его в Пещеры. Вы, должно быть, уже поняли, что называют тут этим словом. То, что осталось от Института Внутренних Пространств. Пещеры. Действительно, сейчас это самое точное слово, чтобы назвать то, что досталось нам.

— Не понимаю... — Кайл впился цепким взглядом в глубоко посаженные глаза Колдуна. — Не понимаю, как вы можете называть Павла своим другом, если не помогли ему вернуться на Большую землю? И даже не передали ни одной вести о нем ни нам — его друзьям, ни... Никому вообще!

Лицо Хозяина Пещер словно погасло. Стало непроницаемой маской. Он обошел вокруг стола, тяжело опустился в кресло и принялся с силой массировать эту маску обеими ладонями. Казалось удивительным, что его сухая, как пергамент, кожа не рвется от такого энергичного массажа.

— Павел мог бы покинуть эти места, как только он захотел бы этого. И мог бы передать вам любое сообщение. Если бы мог себе это позволить. Но тот, кто продал душу Стрелку, не волен выбирать свою судьбу.

— Продал душу Стрелку? — Кайл наклонился к самому лицу Колдуна. — Вы сказали, что Павел продал душу этому... этому Демону. Почему? В обмен на что?

— В обмен на путь к Исцелению. Павел первым узнал о той порче, которая поразила Большую землю. Задолго до того, как Эпидемия пришла на Джей.

— Вы... Вы говорите про «кокон»? — Кайл застыл, словно скованный странной догадкой.

— Он сам все расскажет вам. — Хозяин Пещер резко поднялся на ноги. Он снова потянулся к бронзовому колокольчику. — Мои люди покажут вам, где вы можете расположиться и привести себя в порядок. Далеко не «Хилтон», конечно, но есть вода — питьевая и техническая. И все такое. Выспитесь. У вас в запасе семь-восемь часов. Павлу нелегко добраться до Верхних Пещер. Нам придется пройти часть пути ему навстречу — до Мертвого Места. Постарайтесь отдохнуть за эти несколько часов, господа. Я не задержу господина следователя дольше, чем нужно. Разговор с вашим другом будет не прост. Даже если нам не помешает Демон.

* * *

Еще Квинт в далеком детстве научил его сбрасывать напряжение вот так: забывшись легким, стремительным сном-дремой, готовой прерваться в любой миг, как только этого потребуют обстоятельства. Сейчас таким обстоятельством стали шаги Тома, зазвучавшие в проходе. Оказывается, он уже научился узнавать его по походке.

Кайл легко вскочил с продавленного дивана, на который, не раздеваясь, свалился, как только очередной помощник Хозяина Пещер — почти точная копия первого — проводил его в этот, неизвестно чем служивший в былые времена, закуток института. Скорее всего, это была какая-то курительная или иное помещение для отдыха сотрудников цитадели науки после напряженных умственных борений.

Тома придерживал за локоть низкорослый коренастый туземец, так же как и предыдущие двое одетый в порядком засаленный белый халат и ужасно озабоченный тем, чтобы доставить гостя Хозяина к его товарищам в целости и сохранности. Вид у Тома был сосредоточенный.

Очень сосредоточенный.

Из дверного проема напротив выглянула целомудренно размещенная на ночлег в отдельном отсеке Цинь. Кайл молча движением головы указал обоим товарищам по Испытанию на вход в замеченный накануне полуосвещенный холл. Там вокруг обшарпанного журнального столика приютилась стайка колченогих кресел, на одном из которых притулилась сутулая фигура в серо-зеленом капюшоне. Проводник явно решил в этот день обойтись без сна. Поймав безмолвного проводника Тома за локоть, Кайл снова молча — взглядом — попросил оставить их одних.

С минуту они молчали, рассаживаясь вокруг стола. Потом Том тряхнул головой, собираясь с мыслями:

— В общем, все это... Очередная головоломка. Мы битых три часа потратили на... на

этот разговор. Это было что-то типа ассоциативного допроса. Только раз в десять покруче. Немного гипноза, немного разной растормозки. И как всегда, вместо одной головоломки — другая. Док Зорич считает, что тайна имени Стрелка — во мне. В том Даре, который я получил от Джея. Самое поганое, что в этом что-то есть. Это проходило где-то в файлах Управления. Совсем не в связи с Джейем. «Случайный Стрелок» — такая кличка. Если бы была возможность выйти в эфир. — Том взглянул на Проводника, но тот только прикрыл глаза и отрицательно повел головой. — Или... — Том нервно щелкнул пальцами, — или как-то по-другому связаться с нашими архивами. Там должно найтись Истинное Имя. Но док предлагает другой вариант. — Он коротко усмехнулся. — Спросить у самого Стрелка.

Наступившую паузу прервала Цинь:

— Но... Он ведь лишен памяти. Сам Джей стер ее из его сознания.

— Из сознания. — Том снова усмехнулся нервной, не своей усмешкой. — Но не из подсознания. Док считает, что когда я «вошел» в мозг Павла, то получил от Джея Дар. Дар Контакта. Теперь мне осталось только повторить этот номер со Стрелком. Хотя на несколько секунд стать им. Нырнуть в его душу. То, что Джей запер, закрыл от него, будет открытым для меня. Легко сказать...

— А потом нам останется уж и совсем ничего, — в тон ему усмехнулась Цинь. — Передать Истинное Имя Павлу. Чтобы тот его шепнул на ушко своему хозяину.

Кайл потер лоб, переглянулся с Проводником:

— М-м-м... В этом что-то есть. Но... Тогда это... Контакт, он наступил почти сразу после того, как ты набрал на «Джейтесте» свою... команду. Ты... ты не ощущал после этого чего-то... м-м-м... подобного? Тебе и в самом деле придется... попробовать.

Взгляд Тома затуманился.

— В этом... Мне очень трудно разобраться в том, что происходит там — внутри меня. Мне надо... сосредоточиться. Вы попробуйте отоспаться, а я побуду здесь. Спать у меня все равно не получится.

* * *

Не получилось ни у кого. Кайлу не удалось поспать и получаса. Проводник тряс его за плечо и тихо, но очень внятно повторял: «Вставайте, декан, вставайте». Такое официальное обращение здесь, в подземелье, затерянном в сердце диких гор и Лесов, почему-то вывело его из себя.

— Что? Что еще там приключилось? — зло спросил он, прислушиваясь к чему-то резкому, что выговаривала, почти выкрикивала Цинь Тому в комнате рядом.

— Не обращайтесь внимания. — Проводник махнул рукой в сторону источника вздорного спора. — Просто у мисс не выдержали нервы. Мисс считает, что господин Роббинс своим неверием в магию Джея проваливает свое Испытание. Дело не в этом. Дело в том, что Стрелок опередил нас. Он ждет Павла в Мертвом Месте. Нам надо перехватить вашего друга в пути.

Бессмысленно было интересоваться у Лесного человека источником этой информации. В пронизанных бесчисленными нитями условных сигналов, тайных тропинок и магических знаков сферах планеты существовал Мир Внутренних Пространств. За то время, пока зыбкий поток сна влек Кайла мимо призрачных мелей и порогов его подсознания, кто-то принес

сюда, в Пещеры, много новостей — тревожных и обязывающих к действию. И все изменилось тут за эти неполные тридцать минут. Вместо мертвой тишины в коридорах звучали легкие, торопливые шаги, где-то вдалеке перекликались приглушенные голоса, а по проходу, ведущему к месту недолгого отдыха гостей, двигалась целая небольшая делегация. Сейчас Хозяина Пещер сопровождали не вышколенные туземцы, а двое хмурых типов с походной выкладкой. Типы явно принадлежали к той же касте, что и Хозяин, — касте давних обитателей подземного царства Внутренних Пространств, усталых и замкнутых. К касте тех, кто не покинул эти лабиринты в те годы, когда сбесившиеся демоны владели этими местами.

В проходе Кайл чуть не столкнулся с двумя другими участниками Испытания. Судя по их виду, они еще не до конца высказали друг другу все, что им хотелось.

— Кажется, наш выход, — поправляя крепления рюкзака, обронил Том и двинулся вперед по коридору.

На Цинь он старался не глядеть.

— Чего вы с Томом не поделили? — спросил Кайл, повернувшись к ней. — У тебя такой вид, словно ты хочешь вызвать следователя на дуэль.

Китайка только сердито сверкнула на него глазами. Потом поднесла свои наручные часы к глазам, потом — к уху.

— Черт! — сказала она сама себе. — Странно. — Она перевела взгляд на внимательно присматривающегося к ней Кайла. — Странно, — повторила она. — Помните — я кокнула их — она тряхнула часами перед его лицом, — тогда на переправе. Думала выкинуть, а потом повертела в руках, повертела, и что-то такое на меня наехало. Одним словом, они снова идут. Как ни в чем не бывало

Кайл бросил задумчивый взгляд на поблескивающий металлом браслет:

— Ну, значит, твой Дар исцеляет не только живое. — Он обернулся и шагнул навстречу подходящим к ним Хозяину Пещер и его свите: — Я вижу — пора в путь? Нам только что передали...

— Вам правильно передали. Познакомьтесь. — Хозяин коснулся плеча одного из своих товарищей. — Это — Следопыт. Так его зовут здесь. Крупнейший специалист по географии этих краев. А это, — его сухая ладонь коснулась локтя второго спутника, коренастого и лысого, как бильярдный шар, — Книжник. Не удивляйтесь, что мы все тут друг друга называем не по именам.

— Мисс Циньмэй, — представил свою спутницу Кайл, — и господин Роббинс. Том Роббинс. Ну и ваш покорный слуга — Кайл Васецки, к вашим услугам. Я думаю, вы в курсе наших... м-м... проблем.

Державшийся в стороне Том откашлялся и кивнул на по-походному одетых спутников Колдуна:

— Ваши... м-м... товарищи проводят нас через перевал к Мертвому Месту?

Он снова нервно поправил рюкзак. Колдун отрицательно покачал головой:

— Вам не придется преодолевать перевал. Мы пройдем сквозь горы. Здесь у нас — неплохая система пещер, туннелей. Часть прорыли мы, часть — мать-природа, а часть нам досталась в наследство от Сгинувших Империй. А возможно, и от самих Предтеч. Мы войдем в них двумя этажами ниже. Вообще я ни за что не стал бы открывать этот путь посторонним. Но теперь... Только так мы успеем перехватить вашего друга, прежде чем Стрелок настигнет его. Оставьте ваш груз здесь. Только оружие стоит захватить с собой. А

провиант и все такое... Мои люди спустят все это прямо к реке — к вашему месту встречи с плотами. Когда все закончится. Когда и если...

* * *

Дорога сквозь хребет была странной — точно так же, впрочем, как и все дороги через Внутренние Пространства. Двое довольно немолодых на вид товарищей Хозяина Пещер, да и он сам оказались довольно выносливыми и опытными спелеологами. Следопыт временами просил спутников остановиться и исчезал в каком-нибудь почти невидимом боковом туннеле, чтобы какое-то время спустя неожиданно появиться из другого, столь же хорошо скрытого, и позвать маленькую экспедицию следовать за ним. Книжник, казалось, не нуждался в освещении, мало того — по каким-то только ему ведомым причинам жестом приказывал товарищам выключить фонари и в полнейшей темноте уверенно находил и помогал всей небольшой группе преодолевать довольно сложные проходы и «колена» пронизывающего толщу гор лабиринта. Иногда они перекидывались одним им понятными репликами с Проводником, которому, видно, тоже привычна была тьма. Временами залитые призрачным светом залы и бездонные пропасти, на дне которых, казалось, тлело злое пламя древних войн, вставали на их пути. И тогда Тому начинало казаться, что за время продвижения они уменьшились до размеров каких-то чуть ли не микроскопических паразитов, отважно пустившихся в путь по извивам кишечника некой гигантской доисторической твари. Им пришлось пройти мимо каких-то огромных сооружений, явно искусственного происхождения, — сооружений, живших своей непонятной, но заметной пристальным взглядом жизнью. Они миновали несколько залов, напоминающих храмовые помещения со странными панно и настенными письменами, прошли между пологом подземного водопада и скользкой от водяной мороси стеной и совершенно неожиданно вышли из тесной каменной щели прямо под начинающее темнеть вечернее, почти ночное уже небо Джея — на Мертвое Место.

Оно недаром так называлось — это небольшое, сложенное из странной, на окаменевшее дерево похожей породы, усыпанное черными валунами плато. Ничего живого не было на Мертвом Месте. Сам воздух над ним, казалось, застыл какой-то призрачной траурной колонной, незримо осыпающейся, оседающей в подземное царство мглистой трухой тлена. Странные, тянущиеся к небу неровными сломанностями пни-постаменты окаймляли это пространство, лишенное хоть малейшего сходства со всем, что приходилось видеть человеческому глазу на просторах Джея.

Несколько троп убегали отсюда, стремительно петляя, уходили в глубь массива лесов, затопивших предгорья. Отсюда — с отрешенной, уже по-настоящему горной высоты — теперь было ясно видно, что осень уже завладела этими лесами, совсем по-земному окрасив их в золото и багрянец. И только в мглистой дали сбегаящей к Гнилому морю равнины по-прежнему простиралась ядовитая зелень Леса. И ночные тени шли в наступление оттуда.

А еще — по одной из троп сюда, вверх, то шла, то карабкалась еле различимая вдали человеческая фигурка.

Павел Сухов.

— Стойте! — резким возгласом Колдун остановил гостей, рванувшихся было к этой тропе, навстречу уже узнаваемому, хотя и страшно изменившемуся с тех пор, как они видели

его в последний раз много лет назад, силуэту. — Не выходите за предел. Только здесь вы защищены. Это ничья земля — Мертвое Место. А Стрелок уже где-то рядом.

Том подошел к самому краю плато — туда, где оно обрывалось круто уходящей вниз тропой. Кайл и Цинь остановились сзади за его спиной, всматриваясь в то появляющуюся, то вновь исчезающую среди нагромождений каменных глыб и зарослей фигурку. Проводник стал рядом с Томом. Тот внимательно приглядывался к тому, ради кого проделал этот странный путь: только по немногочисленным кадрам из файлов Управления он знал Сухова — плечистого, русоволосого славянина с чуть более темными, чем шевелюра, усами и бородкой. Сейчас из долины к Мертвому Месту спешил сухой как палка и седой как лунь старик. По крайней мере, таким он казался издали. Но чем ближе подходил он, тем лучше становилось видно, что и седина, и истощенный облик его были не следом возраста, нет, — клеймом Внутренних Пространств.

Метрах в трехстах от плато — у острого обреза скалы — Павел остановился и пригляделся к пустынному пейзажу Мертвого Места. Кайл поднял обе руки и посигналил издали своему бывшему учителю. Теперь Сухов видел их. И тоже вскинул руку в приветствии. Одну — правую.левой рукой он придерживал что-то, висевшее на ремне или веревке, перекинутой через плечо: то ли ружье, то ли сложенное в чехол удилище. Теперь он торопился, он видел перед собой фигуры, две или три из которых были хорошо знакомы ему, он понимал, что наступает развязка. И когда наконец с разбегу он чуть не рухнул в объятия Кайла, говорить он почти не мог.

И его связанная с невероятной усталостью радость неожиданно хлынула в сознание Тома, почти затопила его. Он снова, как в *тот* раз, почти что стал Павлом Суховым.

Но все-таки не стал.

Одновременно с душой Павла в Тома хлынуло и что-то чуждое, непонятное ему. Страх, который не был страхом. Ненависть, которая не была ненавистью. Что-то близкое к той смятенной тоске, которая бывает на исходе ночи и охватывает даже самые твердые души. Тревога. Да, близящаяся, откуда-то издали подступающая тревога. Он не мог заставить себя шагнуть к Павлу, протянуть ему руку для знакомства, вместо этого он вскинул руки к вискам, словно для того, чтобы унять неожиданный приступ мигрени. О Гос-с-споди! Если бы *это* была мигрень!

Цинь и Кайл, а секундой позже и Павел с тревогой повернулись к нему, но Колдун снова удержал их от лишних движений. Он тоже почти не смотрел на происходящее в двух шагах от него — он с напряженным вниманием обводил взглядом горизонт. Обменялся взглядами с Проводником. Потом быстро перевел взгляд на Сухова.

— Сейчас не трогайте его. — Он осторожно прикоснулся к плечу Тома, словно став мостом, соединившим его и Павла. — Знакомься — Том Роббинс. Он пришел сражаться за тебя. Это его Испытание. Стрелок идет за тобой. Скоро он будет здесь.

* * *

Он уже был здесь. Потому что он глядел на Колдуна глазами Тома, а Том — издали, из расщелины скалы, смотрел на семерых людей, неровным кружком стоящих посреди черных камней Мертвого Места. Глядел, только начиная понимать, что *это* снова пришло к нему. Но, осознав, он ощутил что-то, что нельзя было назвать ужасом — нет, это было какое-то

ледяное оцепенение, похожее на то, которое испытывает перед первым прыжком начинающий парашютист. Ну что же. Ему приходилось преодолевать такое. Только бездной был на этот раз не океан воздуха, простертый над полигоном, а стылый, затягивающий омут чужой души. Но надо было шагнуть в нее — в эту зыбкую бездну. И Том шагнул.

— Что?! Что ты делаешь со мной?!!! — Глаза того, кто только что был для Цинь и Кайла Томом, стали чужими, сами они расширились до предела, а зрачки их, наоборот, сузились, впились в лицо Сухова, словно ища в нем разгадку мучительной тайны.

Сам Том странно, по-старчески согнулся и, скорчившись, словно от сильной боли, стал оседать. Сухов и Цинь подхватили его и посадили на сколотый валун поодаль. Кайл и Колдун со своими людьми словно не видели этого: они напряженно смотрели вдаль, выискивая взглядом нечто, что выдало бы им присутствие крохотной, может быть, неразличимой малости среди зеленого моря зарослей, карабкающихся вверх по обступившим плато отвесным скалам. Блеска линз прицела. Бледного пятна человеческого лица. Прутика ствола, появляющегося из-за нагромождения камней.

А с Томом продолжало происходить то странное, чудовищно изменившее его облик *превращение*. Его обычно гладкое, с профессиональной улыбкой, лицо словно смялось, стало лицом глубокого старика, глаза ввалились и смотрели на обступивших его людей болезненным, воспаленным, бегающим взглядом зверя, неожиданно попавшего в ловушку. Один только Сухов, кажется, уловил в этом взгляде что-то, что заставило его обеими руками охватить плечи Тома. Опустившись на корточки перед ним, Павел отрешенно уставился на его лицо.

Ему пришлось бросить на землю болтавшийся у него за плечом брезентовый чехол от тяжелого охотничьего карабина. Но оружия в нем не было. По крайней мере, ни обычного — огнестрельного, ни привычного в этих местах бластера Космодесанта. Только два каких-то сравнительно тонких, завернутых в желтоватую ткань прута торчали из этого перехваченного в нескольких местах крепкой бечевой свертка.

— В-вы... — Тот, кем был сейчас Том, вытянул перед собой руку, словно пытаясь удержать что-то невидимое у самого своего лица. — У вас-с-с вс-с-се р-равно нич-чего не получится.

Кривая, мученическая улыбка исказила его лицо. Глядя на него, Цинь вдруг сморщилась, как испуганный и собирающийся разреветься ребенок. Теперь и Кайл, оторвавшись от созерцания окрестности, встревоженно шагнул к Павлу. Тот не отрываясь смотрел в лицо Тома. Теперь оно было страшно, это лицо: словно кто-то чужой, не из этого Мира явившийся, натянул лицо Тома на чужую, нечеловеческую морду и силился изобразить здесь, перед ними, их друга.

— Осторожно, — коротко бросил Хозяин Пещер. — Это... Это *не он* сейчас с нами.

* * *

Словно желая опровергнуть его слова, Том с усилием выпрямился, окинул все вокруг снова затуманившимся взглядом и словно поймал из воздуха свое обычное, вполне человеческое выражение лица. На миг стал самим собой. Наконец встретился взглядом с Павлом. И тут же снова стал проваливаться *туда* — в призрачные топи чужой души. Снова нечеловеческий оскал исказил его сведенные судорогой черты. И они, черты эти, сложились в маску растерянности и страха.

Растерянность и страх владели сейчас Стрелком, потому что по странным тропам его подсознания шарили сейчас невидимые и неслышные лапы чужой судьбы. И по затопленному мраком лабиринту этой, ставшей для него недоступной, запретной страны пробирался сейчас Чужой — Том Роббинс. Том был Стрелком, а Стрелок — Томом.

— Мы так не договаривались, Павел, — чужим, по-старчески дребезжащим голосом выговорил Том. — Ты не можешь... Ты не должен узнать у меня то, на чем — Запрет. Остановись.

Тот, кто так недавно был их спутником и другом, говорил голосом кого-то другого. Говорил голосом хозяина Павла Сухова. Голосом проклятого колдуна по кличке Случайный Стрелок. Его словами, его волей.

— Это не я, дурак, — оборвал его Павел.

Его голос был тоже не благозвучен. За эти десять лет он стал глухим, надтреснутым голосом человека, которому сутками и месяцами не приходится перекинуться словом с другим человеческим существом.

— Это не я, дурак. Не я. Мои друзья пришли за мной. Я обещал тебе это. Говорил, что так будет. Мы выполнили Уговор — каждый то, что было обещано. Ты — нашел путь спасения, я — служил тебе десять лет. А теперь за мной пришли. Просто время настало.

— Время... — Это слово будто отравило вселившийся в Тома дух Стрелка. — Это время никогда не настанет. Я не для того связался с Хозяином Пещер, чтобы подарить Большой земле спасение от Превращения. Им... Всем им предстоит *это*. *Пройти эту стадию*. Стать коконами. Я не затем вернул тех, о ком ты просил, чтобы так дешево купиться.

— Кого? — вдруг резко и неожиданно вмешался в этот странный диалог Кайл. — Кого тех? Кого вернул ты?

— Детей, — не отводя взгляда от ставших точкой сузившихся зрачков Тома, объяснил Сухов. — Ведь они нашлись, те дети, которых забрала ведьма? Нашлись?

— Нашлись. — Кайл не глядя протянул руку и подхватил сброшенный Павлом чехол-сверток. — Но он обманул тебя. Они... Они оказались заражены. В них поселился кокон. Они принесли его в Мир.

— Значит... — Павел с ненавистью глядел в глаза Демона, воплотившегося в Томе. — Значит, ты уже начал эту свою войну? Еще *тогда*? Не дожидаясь, пока Хозяин найдет путь к исцелению в этих своих царствах? Значит, ты обманул меня?!!

— Н-не было обмана.

Демона корежило. Он силился сбросить личину Тома, воплотиться в себя.

— Это Джей. Это Джей начал войну. Эт-то он обманывает вас. Он всегда обманывает. Он сделал меня.

Судорога прошла по покрытому крупным бисером пота лицу Тома. И смысл на миг вернулся в его взгляд. Теперь он — Том Роббинс — сбрасывал с себя ненавистную маску, словно из трясины, пытался вырваться из черного омута души Стрелка. Цинь вдруг быстрым, легким движением наклонилась к нему, руками охватила искаженное лицо, сжала его.

— Это Джей... — повторил Том. Уже своим голосом.

— П-павел, — торопливо заговорил он, глядя куда-то сквозь Сухова, сосредоточиваясь на чем-то, чего не видел никто, кроме него. — Запомни и скажи. Первое, что ты ему должен сказать... Поль Танниел — простое имя. Истинное. С-смешно, я должен был знать его. Он проходил по куче дел. Киллер. Его знали, но никто ничего не мог доказать. Удалось посадить — давно. Но по смешной статье. Неосторожное обращение с оружием. Случайный

выстрел — Случайный Стрелок. Поль Танниел — с-скажи ему! С-сразу...

Пока он произносил это, взгляд его мутнел, зрачки сходились в точки. Спазм перехватил его дыхание, и руки Цинь отлетели от его висков, словно отброшенные ударом невидимой силы. Он наклонился вперед, стал на колени, руки его вцепились в шею, царапая кожу, разрывая ворот. С губ его срывались путанные, ломанные слова. Стали хрипом.

Кайл отступил на шаг, почему-то ему показалось, что надо подальше, как можно дальше убрать сейчас тот странный сверток, который принес с собой Павел и сейчас сжимал в руке он сам.

И оказался прав. Словно намагниченный, Том шатнулся, наклонился вслед за движением брезентового чехла. Правая рука его оторвалась от горла, потянулась к свертку. Проводник перехватил чехол у оцепеневшего Кайла.

— Н-нет... — Это снова Демон хрипел устами Тома. — Н-нет. Не успеваю... Ночь идет. Не надо... А ты, — он стал поворачиваться к Сухову. — Т-ты м-молчи!..

— Поль, — словно гвоздь вбил Павел, — Поль Танниел, мне незачем молчать. — Теперь мы в расчете. Я уйду. Прощай.

Он поднялся.

Но странное творилось вокруг.

Столб разреженной тьмы, нависший над Мертвым Местом, стал изменяться, вытягиваться, концентрируясь в черную, мерцающую струю смерча. Теперь его видели все — этот вихрь, бродящий вокруг, вихрь, перестающий быть вихрем, сжимающийся в сотканную из дыхания дьявола фигуру. В монстра. В чудовищную пародию на человека. В Демона.

И над плато прозвучал его голос.

— Тебе не уйти от меня, Павел, — сказал он. — Теперь ты мой хозяин. Я — это ты.

* * *

Демон шел к ним по сожженной земле плато, и пепел Мертвого Места хрустел у него под ногами. Теперь он не был призрачной тьмой. Теперь он был камнем. Ожившей статуей из черного обсидиана. Творением Безумного Бога Джея.

Пятеро стоявших посреди плато людей словно замороженные смотрели на него, и только Цинь склонилась над седьмым — рухнувшим ничком в мертвый прах Томом. Казалось, ей не было дела до происходящего. Подняв Тома, она сосредоточенно колдовала над ним, творя странную смесь из приемов оказания скорой помощи, навыков врачевания старых времен и древней магии.

И глаза Тома открылись.

Стали осмысленными. Он зашелся глубоким вздохом, превратившимся в кашель, скорчился, сотрясаемый спазмами рвоты.

— Больно... — тихо сказала Цинь. — Тебе очень больно. Прости.

Теперь Демон подошел к ним вплотную. Остановился в шаге перед Суховым. Он был не так уж огромен — на две головы, не более, выше его.

— Нам о многом надо договориться, — сказал он.

— Это и есть Стрелок? — спросил Кайл.

Сухов молча покачал головой.

— Нет, — не спуская глаз с черной фигуры, бросил Колдун. — Это — Демон. А то, что осталось от Стрелка, от его первоначального воплощения, мы найдем где-то рядом.

— Почему ты не уходишь? — спросил Сухов.

— Это не ты сделал меня своим пленником. — Голос Демона был ровен и гулок. — Это Джей приставил меня к тебе. Сделал тобой. И только он может освободить меня. И служить тебе я буду за плату. Ты, наверное, догадываешься — за какую.

— Мне ничего не надо от тебя. — Голос Павла стал голосом того Сухова, которого так хорошо знал Кайл — годы назад. — И не собираюсь платить за твою службу своей свободой. Ты ведь про это?

— Твоей свободой — в последнюю очередь. Нет. Свободой вашей — всех — Пятерых. Сначала одного, потом — другого. Ты станешь последним. И все вернется на круги своя. Твоя свобода продлится недолго.

Демон говорил почти без всякого выражения. Но тем не менее интонация его казалась издевательской. Или такой и была.

— Такого нет в Уговоре! — резко перебил его Павел. — Это — нечестная игра.

— А Джей никогда и ни с кем не играет честно.

Демон был невозмутим.

— И когда же придет время снова меняться ролями? — зло осведомился Сухов. — Когда счетчик накрутит твою цену?

— Нет никакого счетчика. Просто, когда ты позовешь меня, отсчитай: «раз». Когда позовешь второй раз — сосчитай: «два». Когда досчитаешь до пяти, вы — мои. Все пятеро. Если раньше ты не догадаешься, как вернуть Посох Богу Джея. Тогда уж пойдет совсем другая игра.

Они молча стояли друг против друга, и становилось все заметнее, что Демон продолжает меняться. Становится Павлом — только отраженным в зеркале черного камня. Но пробыл он им лишь считанные мгновения.

— Прощай. Я все сказал тебе. Ты знаешь, как позвать меня, когда станет необходимо.

Он уже сравнялся в росте со своим теперешним хозяином, Павлом. Но Превращение шло уже в обратном направлении: он уже не сжимался, не концентрировался из призрачного столба тьмы. Нет, он истаявал в ней, терял свою плотность и четкость очертаний, снова превращался в ту неразличимую сущность, которая породила его. Во мглу, исчезающую в наступающем сумраке близкой уже ночи.

— Того... кем был я... — Что-то дрогнуло, изменилось в голосе Демона. — Предайте *это* земле. Из праха взят, в прах да обратится. Вам нетрудно будет найти. И запомни, — теперь он снова обращался только к Сухову и говорил о чем-то, понятном только им двоим, — запомни, что если ты вернешь Посох... Если Джей примет его у тебя, то ты... ты подаришь свободу нам обоим. Свободу от безумных богов этого Мира. Тогда... тогда все пойдет по-другому. Но я останусь тобой. А ты — мною.

Словно невидимый, только для него — Демона — существующий вихрь размывал его очертания, слой за слоем уносил в выросшую над плато струю темного смерча. Вот только тень, еле намеченный контур, остался от него. Только след в стынувшем горном воздухе. Все. Никакого Демона не было больше. Только стремительная, изогнувшаяся высокой аркой, струя тьмы истаявала над Мертвым Местом. Вот и ее не стало.

Все.

— Господи, — тихо спросил Кайл, — да что же это было?

Сухов оглядывался, словно человек, проснувшийся от кошмарного сна.

Том попытался встать на ноги, и его тут же швырнуло вперед. Кайл и Цинь, с трудом подхватив, удержали его и осторожно усадили у косо стесанного валуна. Он обмяк и, казалось, проваливался в сон или в обморок. Цинь снова охватила руками его лицо и, прикрыв глаза, сосредоточилась на чем-то внутри его стиснутой, исковерканной души. Она словно отрешилась от себя самой, слилась в единое целое с этим, так страшно изменившимся за считанные минуты, чужим ей раньше человеком. Кайл подумал, что со стороны можно было бы предположить, что эти двое предаются любви. И может, любовью это и было, но странной, на магии и жестокой логике Испытания замешанной любовью. На глазах Цинь словно переливала свою жизнь в Тома — тот снова становился собой, стряхивал с себя болезненную одурь, просыпался от злого кошмара, а китаянка сгибалась от невидимой тяжести, наваливающейся на нее, таяла, старела на глазах, превращаясь из наполненной силой, порывистой девушки в злую тибетскую ведьму.

— Остановись. Хватит. — Том перехватил руки Циньмэй и стал нетвердо еще, но уверенно подниматься с земли.

Теперь глаза его были глазами прежнего Тома Роббинса. Полными тревоги и недоумения, но — прежними, человеческими. Цинь опустила руки и отступила на шаг.

— Он... Он просил нас забрать то, что осталось от его прежнего воплощения. Того, которое он покинул. От Стрелка, — чуть хрипловато произнес Колдун за ее спиной. — Ты должен знать. — Он шагнул к Тому и осторожно взял его за локоть. — Можешь идти?

— Да, я знаю. Я же был им. Только что. — Том повернулся к скалам, окутанным зеленой дымкой зарослей. — Я могу идти. Пусть Цинь останется здесь — поможет господину Сухову. Ему сейчас требуется помощь. А там... Двух-трех человек достаточно.

— Нет. — Сухов покачал головой.

Потом протянул руку и взял из рук угрюмого Проводника свой чехол с упакованными в слегка выцветшую ткань прутьями.

— Это?.. — вопросительно кивнул на чехол Кайл.

— Это — Посох, — подтвердил Сухов. Именно тот Посох, про который говорил *он*. Я принес его из храма Желтой Луны. Да-да. Там, откуда меня унесло сюда, в эти края... Там — локальный портал. Он открывается здесь — в Горных храмах. Еще Терренс подозревал, что Джей пронизан сетью подпространственных переходов. Можете считать, что я подтвердил его гипотезу. Но первым был Стрелок. Он ведь тоже попал сюда из того храма. Сразу после того, как сломал Посох. Жаль только, что переход этот отнимает память.

— Значит, мы можем разделаться с этим... — Кайл запнулся. — Выполнить условие освобождения.

— Посох сломан, — отрубил Павел, коротко и зло. — И Джей не берет его обратно. Хотя у этой головоломки должно быть решение. Иначе *он* не сказал бы того, что вы слышали сейчас. — Он коснулся плеча Роббинса. — Веди нас, Том. Ведь тебя зовут Том? Я не успел еще толком представиться.

Следователь коротко махнул рукой и зашагал к еле заметной тропе, уходящей в тень скал. Хозяин Пещер, не говоря ни слова, двинулся за ним, коротким жестом пропуская вперед Сухова и его друзей. Следопыт и Книжник последовали за Хозяином, замыкая строй.

Временами Том останавливался и словно мучительно пытался что-то вспомнить, и тогда Цинь с легким испугом ловила в его взгляде тень той, *чужой* души. Потом небольшая группа продолжала свой путь.

Путь этот оказался не долог. Том свернул в тесноватую щель между огромными — с дом — обломками скал и остановился над чем-то, что Кайл издали принял за неопрятную кучу странно наваленных светлых листьев. Потребовалось подойти чуть ли не вплотную для того, чтобы понять, что перед ними лежит почти целиком скрытый в слишком большом для него защитном комбинезоне Космодесанта труп седого как лунь человека.

Кайл присел на корточки над телом и повернул его лицом вверх. Труп был невероятно легким, словно тело ребенка. Лицо, сморщенное, как печеное яблоко, выражало жутковатое, кукольное умиротворение. Умиротворение, пожалуй, более страшное, чем оскал мертвого зверя.

— Мумия... — чуть растерянно сказал Том. — Это же мумия. Как те — там... В засаде. Он же давно... Разве это возможно?

— Нанороботы, — глухо сказал Хозяин Пещер. — Микрокиберы. Молекулярные машины. Внутренние Пространства — это царство нанороботов. Их здесь столько же разновидностей, сколько и настоящих микроорганизмов. Мутируют, скрещиваются, эволюционируют — под контролем здешнего Бога. И очень редко попадают под объективы наших микроскопов — почти у всех них вшиты программы избавления от наблюдателей. Но зато уж те, которые попались... Мисс Циньмэй может вам кое-что об этом рассказать.

Цинь оторвала взгляд от мертвого Стрелка и безумными глазами уставилась на Колдуна. — Вы знаете про «кокон»?!! — шепотом, еще более страшным, чем эти глаза, спросила она.

— «Кокон» — это подарок Стрелка Большой земле, — отрешенным и даже скучноватым голосом ответил ей Хозяин Пещер. — Это — особенность Посоха. Ларец делает из вас Боевую Пятерку, а Посох из своего хозяина должен был вылепить манипулятора армиями нанороботов. И Стрелок преуспел в этом. Вы найдете потом, в подземельях Горных храмов и лаборатории, оставшееся от Сгинувших Империй и целую армию рабов Стрелка. Павел многое расскажет вам об этом. А Стрелок... Он был прекрасным учеником, и Джей наделил его Демоном — сверхорганизмом, который сам себя строит по воле Стрелка. Сливается с ним. Становится им самим. Может рассеиваться и собираться в любом месте. Проникать всюду. Разить молниями или пыльными клубками катиться по тропам. С такой силой можно уже и поугаать кое-кого с Большой земли. Но еще рано было объявлять ей войну. А вот явиться на охваченные Эпидемией побережья Избавителем, неся рабство в обмен на исцеление... Это был уже не совсем безнадежный план.

— Так это сюда — в Горные храмы — ведьма унесла тех детей? — спросила Цинь.

— И отсюда Стрелок вернул их, — подтвердил Колдун. — По Уговору с Павлом. Но вернул уже несущими в себе «синдром кокона». Восемь маленьких бомб замедленного действия.

— «Ушедшие с демонами претерпят Изменение», — вполголоса горько напомнил Цинь и самому себе Кайл.

— И вы... Вы не пробовали даже уничтожить эту гадину? — устало, безнадежно спросил Том.

Он на корточках сидел над иссушенным трупом и словно что-то пытался рассмотреть в искаженных причудливой смертью чертах чернеющего на глазах лица.

— Он обманул нас, — сдавленным, срывающимся голосом ответил ему Сухов. — Он сказал... Он внушил всем нам мысль, что всего лишь ищет исцеления. Он рассказывал про опасность. Приводил меня в целые селения, пораженные з-заразой. Я... Я понимал, что он сеет зло, когда проводит свои чудовищные опыты на Трех Народах. Догадывался, что те, с кем приходилось... работать, вовсе не добровольцы. Но он действительно хотел научиться лечить проклятый синдром. Мы видели, в какие чудища перерождаются те, кто прошел через *это*. Они еще бродят по Внутренним Пространствам — те из них, кого мне не удалось уничтожить. Как учил меня *он*. А он многому научил меня. Особенно тому, как убивать чудищ. Пулями и заклинаниями... и магическими стрелами. Я спасал от них народы Леса. Я служил ему ради того, чтобы он нашел Исцеление. Я был посредником между ним и Хозяином Пещер. Таков был Уговор. И по этому Уговору я отдал ему память и волю к Возвращению. И только ты... — Он поднял глаза на Тома. — Только вы вернули их мне. Друзья.

Они молчали.

Молчал Лес, молчали темнеющие небеса над ними.

— Черт возьми, — вздохнул Кайл, повернувшись к Колдуну. — Я не такого ждал. Не знаю чего. Ну, какой-то схватки, фехтования дурацкого. Молний и фаерболов. А все получилось не так. Я все равно не понимаю... Что... Что делало его живым.

— Я же сказал. — Колдун присел над Стрелком и стал что-то искать в его одежде. — Нанороботы. Кибермикробы. Они служили ему. Исцеляли от всех хворей. Позволяли выжить в аду Внутренних Пространств. И заменяли потихоньку изношенные клетки его организма — печени и сосудов. Иммунной системы. Мозга. А когда Стрелок понял, во что превращается, он взбунтовался. И Джей лишил его памяти. Сделал марионеткой. Это не просто выдумка Стрелка: явиться Большой земле спасителем от Эпидемии. Это — часть Испытания. Джей испытывает не Стрелка, не вас, Пятерых. Он пробует на зубок род людской. Примеряет его на роль новой Империи. Она еще не кончилась — война, на которую призвали тех Пятерых.

— И вы... Вы нашли для него *это*? Путь к исцелению? — Цинь шагнула к Колдуну. Казалось, она сейчас вцепится в него и вытрясет ответ, каким бы он ни был.

— Нашел. И одному из вас предстоит пойти по нему. Теперь только от вас будет зависеть, сумеете ли вы воспользоваться этой возможностью.

— Так... Теперь я начинаю понимать, что нам нагадал Ларец.

— Вы правы, декан Васецки. — Колдун еле заметно прикрыл глаза в знак согласия с догадкой Кайла. — Вам предстоит начать второй тур Испытания. Но прежде нам надо проделать довольно большой путь. Довольно большой для этой ночи. Нам надо к утру добраться до Пещеры Царств. Это почти на перевале. Если задуманное нам удастся, то там мы простимся. Оттуда вы спуститесь к реке.

— Гос-с-споди... — пробормотал Павел. — Так, значит...

— Мне кажется, — Кайл переглянулся с Цинь, — что вообще-то мы проделали за этот день довольно большой переход. И Павел тоже издалека добирался к Мертвому Месту. Да и простым, как говорится, глазом видно, что двое из нас долгий путь в горы — тем более ночной путь — могут просто не выдержать.

Он сделал жест рукой в сторону Тома и Павла.

— Боюсь, что эта ночь будет последней, когда мы сможем добраться до перевала без особых приключений, — устало прервал его Колдун. — И не скоро повторится. Мне самому не с руки без подготовки отправляться в этот путь, но... Но обстоятельства изменились. Демон ушел, а Стрелок — мертв. По крайней мере, для Леса мертв. Это взорвет все. Начинается новый передел власти. Здесь будет ад крошечный.

— Я-то наивно рассчитывал, что Три Народа просто перепьются от радости, что избавились от этого... экспериментатора. — Том кивнул на иссохший труп у ног собравшихся. И криво усмехнулся. Способность улыбаться почти вернулась к нему. — Устроят пир, праздник. И будут осыпать цветами своих спасителей. А оказывается, не Мир мы сюда принесли, но меч.

— У Бога Джея — свои мессии. — Колдун энергично потер лоб длинной, узкой ладонью. — Привыкайте.

— Пир они устроят, — вздохнул Сухов. — Но после этого непременно устроят резню. Даже раньше — не окончив пировать. А пиры здесь и без того не длинные. Я когда-то тоже питал иллюзии относительно жизни в гармонии с природой планеты. Джей дал мне десять лет на то, чтобы этих иллюзий лишиться. — Голос его стал тверд. — Хозяин говорит дело. — Он поправил на плече свою странную ношу. — Надо отправляться в путь немедленно. По крайней мере, унести ноги отсюда. У нас будет возможность подкрепить силы в пути. Надо, однако... Надо послать кого за заступом, что ли. — Он выразительно кивнул головой на скорчившегося у их ног Стрелка: — Из праха взят. Надо праху его и вернуть.

— Не беспокойтесь об этом. — Колдун наконец нашел то, что искал в карманах протертого в сотне мест комбинезона Стрелка.

Это был странный — цилиндрической формы — колокольчик — почти такой же, как тот, что украшал стол доктора Зорича в подземелье, из которого они пришли сюда. Колдун сдернул кожаный чехольчик, защищавший его причудливый язычок, поднялся с колен, сделал неприметное движение — и над скалами, над Лесом, над испепеленной проплешиной Мертвого Места поплыл звук, тоже странный, похожий на пение заколдованной птицы. Том поймал себя на мысли: оказывается, он уже не раз слышал его здесь, в пути по Внутренним Пространствам, этот, похожий на стон, звон. Звук тихий и пронзительный одновременно. И звуку этому ответил шорох. Еле слышный, но сразу отовсюду, со всех концов раздавшийся шорох.

Том поднял взгляд на заросли и оцепенел. Из зарослей, из-за камней, из мрака ночного уже Леса здесь и там молниеносно и тихо возникали люди. Призраки.

Тени Тьмы.

Почти все они были полуодеты и все как один вооружены. Охотничьими «винчестерами» и армейскими бластерами. Кортиками и мачете. Бабуками и духовыми трубками. Но, похоже, никто из доброй полусотни выступивших из зарослей бойцов и не думал свое оружие пускать в ход. Или даже просто привести в боевую готовность.

Словно замороженные, слепо глядя в пространство перед собой, они короткими, скованными шагами приближались, стягивались к узкому просвету между обломками скал, где на опавшей листве скорчилась иссохшая мумия бывшего киллера, а затем несостоявшегося спасителя и диктатора Мира Джея Поля Танниела, провалившегося на Испытании Посохом.

— Да, он основательно подготовился к встрече с нами, Случайный Стрелок, — хмыкнула Цинь, оценивающе оглядываядвигающееся к ним лесное воинство.

— Воины Полудня, — сухо сказал Проводник. — Стража Стрелка. Дневные демоны владеют ими. — Он тоже не спускал глаз с теней, бредущих к мертвецу. — Наша встреча могла обернуться по-другому. Совсем по-другому. Стрелок много раз мог уничтожить нас. Но он надеялся, что кто-то из нас несет ему избавление. Он и сейчас надеется, что мы сможем вернуть Посох Джею.

— Но он же мертв. — Кайл бросил на Проводника недоуменный взгляд.

Но тот напряженно молчал.

— Он жив в Демоне, — коротко, без всякой интонации ответил Кайлу Колдун. — И теперь, — он взглянул на Сухова, — еще и в тебе, Павел.

Хозяин Пещер ждал. Ему были словно безразличны эти дикари, которые могли бы сейчас просто смести с лица планеты горстку стоящих перед ними чужаков, Колдунов и выходцев с Большой земли. Он внимал только звону, все еще живущему в темнеющем, сгущаемся вечернем воздухе Леса. Колокольчик неподвижно висел в его приподнятой руке. И все еще плывущий от него звук, словно мелодия гаммельнского крысолова, завораживал, лишал воли стражей злого волшебника. Влек их.

И когда он смолк, они остановились.

Как вкопанные, они замерли вокруг чужаков. И Том машинально прикинул, что они с Книжником и Следопытом — единственные трое вооруженных мужчин из всей семерки — вероятно, смогут еще прикрыть отход остальных четырех, если будут действовать с умом. И еще — что Цинь, со своим бластером, пожалуй, тоже следует принять в расчет. Она пусть прикроет отступление самих стрелков — уже от входа в Пещеры. У нее хватит ума не геройствовать. Независимо от него его тело уже просчитывало прыжок за здоровенный, в половину человеческого роста, валун поодаль и руки, казалось, уже устраивали опорную рукоять табельного «парабеллума» в подходящей выбоине на его поверхности.

И тут док Зорич заговорил.

Том готов был поклясться, что короткие, звонко отдающиеся в нависающих скалах фразы, которые произносил Хозяин Пещер, обернувшись к замершим, словно изваяния, воинам, сложены были из знакомых ему слов — смеси галактического пиджина и местного англо-славянского диалекта, — ну разве чуть измененных, одичавших в варварской чащобе Леса, но смысл этих фраз ускользал от него, оставался непонятным, как завывания шамана.

С шаманами ему приходилось иметь дело на Аку-Танге.

Но на соратников Стрелка эта речь дока Зорича произвела, видно, большое впечатление. Один за другом они, опуская на пожухлую листву под ногами свое оружие, молитвенно сложив руки, двинулись к телу своего бывшего владыки.

Колдун торжественно наклонился над поверженным в прах властителем и аккуратно вложил в его сведенную причудливой судорогой ладонь магический колокольчик. С усилием эту ладонь сжал, выпрямился и, уже не оборачиваясь, пошел по тропе, ведущей к Мертвому Месту. Павел молча зашагал рядом с ним — плечом к плечу. Видно, у них было что сказать друг другу.

Проводник сделал Тому и Цинь знак следовать за ним. Кайл в такой подсказке не нуждался. Книжник и Следопыт замкнули колонну. Все семеро шли не оборачиваясь — то, что должно было происходить в этой узкой, тонущей в наступающей тьме расселине, было уже не для их глаз.

Глава 9

ПЕЩЕРА ЦАРСТВ

Они миновали вход в пещерный лабиринт, словно его и не было, оставляя позади переходящий в горное редколесье Лес, распадающийся на все более редкие рощицы, на отдельно, сами по себе прилепившиеся к скалам одинокие, скрюченные деревья. Поднимались теперь по едва угадываемой в наваливающейся с небес тьме тропе.

Впрочем, тьма эта была, слава богу, не полной. К отрешенному, словно сквозь колеблющуюся толщу ледяных вод добирающемуся до скал и зарослей Джея свету далеких звезд прибавился сначала суетный и злой свет Быстрых лун. А затем, словно специально, к последнему в этом году своему выходу на бал светил южного полушария в небо из-за рваного обреза, окаймленного зазубринами Предельных хребтов горизонта, стал подниматься матово-белый, испещренный прихотливыми крапинками кратерного рельефа диск Старой Сковородки — планеты Тамплисон — громадного и неповоротливого спутника-напарника Джея, почти равного ему по размерам, но удаленного и безжизненного.

— Сегодня последняя светлая ночь осени, — произнес, ни к кому конкретно не обращаясь, Проводник. — И поэтому нам тоже надо спешить. И поэтому — тоже.

Том, стараясь держаться молодцом, размышлял о сложности доставшегося им маршрута: судя по очертаниям неприступных скал прямо перед ними, подъем к перевалу, где бы тот ни располагался, предстоял довольно крутой. Он впервые всерьез подумал, что может спастись перед делом, за которое взялся. Усталость — огромная, как сам Джей, и затягивающая, словно трясина, — навалилась на него после путешествия в душу злого волшебника. И теперь его собственная душа — опустошенная и словно постаревшая — не могла найти никакой опоры, норовя скатиться то ли в какую-то детскую истерику, то ли в полнейшую ко всему апатию. Но мысль о шприц-ампуле «элеватора», вложенной в кармашек пояса-патронташа, Том все-таки оставил под конец. Он понял, что Цинь неспроста внимательно приглядывается к его еле различимому во тьме лицу, и, чтобы отвести взгляд, оглянулся на ставшее уже далеким Мертвое Место.

Там, из лощины, чуть ниже по склону, вставал почти незаметный в темноте столб дыма. Тянулся ввысь и таял в темном небе изогнутой, точно сабля, струей. Наверное, это было игрой воображения — что, в конце концов, можно было различить в ночных небесах. Но Тому почудилось, что не только из дыма сложилась эта мглистая, неровная, в облако переливающаяся струя, растущая над невидимым погребальным костром Стрелка.

«Их мириады, — подумал он. — Миллионы миллионов крохотных созданий из углерода, кремния, из наноконтуров, по которым стремят свой суетный бег электрические заряды созданий, рассеянных в воздухе, земле, в воде этих мест. И теперь они слетелись, чтобы сцепиться в последнем танце над тем, кто был когда-то их властителем, кто стал ими самими теперь. *Они принимают в СВОИ его душу*».

Эта мысль заставила Тома прислушаться к тому, о чем заговорили после долгого молчания идущие впереди него. Потому что Колдун и Сухов заговорили о том же, о чем только что подумал он: о нанороботах. И о душах.

— Ты очень напугал меня, Радю, — говорил Сухов Хозяину Пещер, — когда сказал, что Стрелок теперь будет жив... и во мне. Во мне — тоже. Это ведь — не метафора?

— Нет, почему же? — Колдун чуть пожал плечами. — И метафора тоже. Нельзя

победить врага, не став хоть немного им. Это тебе скажет каждый, кто в своей жизни победил хотя бы таракана. Но это еще и констатация технического факта. Теперь сообщество этих... кибермикробов, которое хранит в себе информацию, высосанную из мозга Стрелка, сменило оперативный центр подчинения. Теперь твой, Павел, мозг дает им жизнь, цель, смысл существования. И я не знаю, кем станешь ты теперь. Знаю, что тебе страшно. Мне тоже.

Они не секретничали, эти двое. Но и не предназначали свой разговор кому бы то ни было — ни друзьям, ни врагам. Поэтому Тому на миг стало неловко. Он покосился на Цинь, но та, кажется, не прислушивалась к этому разговору. Она тихо перебрасывалась короткими, только посвященным понятными фразами с Проводником. Может быть, они — Цинь и Проводник — уже давно знали то, что было жутковатым откровением для федерального следователя, без году неделя как объявившегося в Мире Джея. Знали *по-своему*. И *по-своему* понимали *это* — то, что не могло, не хотело укладываться в сознание безнадёжного чужака в этом Мире.

— Мне тоже страшно, — продолжал док Зорич, прозванный Колдуном. — И точно так же, как о тебе, о себе я не знаю, куда приведет меня выбранный путь. Но у нас нет другого выбора — пройти его до конца, — ни у тебя, ни у меня, ни у твоих друзей.

Он смолк. Том понял оттого, что уловил его внимание к своим словам. И поэтому решил присоединиться к разговору:

— Вы... Вы занимаетесь здесь нанороботами, доктор? Простите, что прерываю вашу беседу. Просто хочется хоть в чем-то разобраться... здесь. А вы уже предупредили нас о близком расставании.

Колдун бросил на него острый взгляд из-под кустистой сербской брови:

— Я кое-что смыслю в тех зверушках. Здесь без этого нельзя. Но если вас интересуют проблемы нанотехники Древних Империй, то лучше расспросите об этом Арчи Познера из храма Червей. Мы с ним большие друзья. Он как-то раскопал целый научный центр Зеркальной Империи Ю — там. — Зорич указал на исходящее чахлым, мучительно-белым сиянием светило у них над головой, — на Старой Сковородке. — Когда-то это была прекрасная пара планет-близнецов — Джей и Тамплисон. Цветущие, наполненные жизнью Миры. Но один стал полигоном Зу, а другой — Зеркальной Империи. И Зу выиграла свой тур этой игры. Здесь и тогда. Правда — ненадолго. Арчи страшно не хочет, чтобы с нами вышло так же. И поэтому никогда не вернется на Большую землю. Это я о нанороботах. Нет, я ими не занимаюсь. У меня дело поинтереснее. Пещера Царств. И сами Царства, как вы понимаете. Не поняли? Ничего не слышали об этом раньше? Мое дело — модели. Решение проблем путем моделирования. Моделирования процессов, структур, отношений — всего. Всей Вселенной. Этой и других. Это мои модели здесь называют Царствами. На самом деле правильное было бы их называть... Ну уж лучше — кристаллы. Впрочем, Камни — иногда так говорят.

Он смолк. Том не знал, о чем спрашивать Хозяина Пещер. Усталость снова навалилась на него. Усталость и безразличие.

— Здесь поворачиваем, — прервал молчание Сухов. — Поляна.

— Тебе видней, — устало отозвался Зорич. — Здесь, в Верхнем Мире, ты лучше меня читаешь местность. А Поляна любит блуждать.

Им пришлось свернуть в казавшуюся непроходимой чащобу. Но Павел не даром долгие годы плутал в этих краях, еле заметная тропка вывела восьмерых путников на странную

прогалину. Она совсем не была похожа на те поляны, что встречались Тому до сих пор в его пути по этому чуждому всему земному Лесу. Может быть, в этом были виноваты ночные тени — расплывчатые, словно вычурная ретушь, тени от вымороченного света бельма Старой Сковородки и вдогонку друг за другом ползущие, резные тени от злого света Быстрых лун. Но Тома вдруг охватило странное чувство: словно сбылось какое-то из тех обещаний, которое сулило ему его детство и которые в той жизни не сбылись никогда. Ему казалось, что он пришел на земную, только заколдованную поляну из сказки, но только никак не припомнить из какой. И на поляне этой должны расти заколдованные травы.

Он не ошибся насчет трав.

* * *

— Привал, — скомандовал Сухов. — Я поищу кое-что из того, что растет тут, чтоб мы с вами в пути не скисли. А вы подкрепитесь. Или о сухом пайке не подумали?

— Шеф, естественно, выше таких вопросов, — иронически заметил Следопыт, принимаясь распаковывать свой не слишком объемистый мешок. — Но мы с Книжником, грешным делом, кой-чего с собой прихватили. Хватит на всех.

Пока двое помощников Колдуна делились с попутчиками нехитрой снедью из запасов списанного НЗ Космодесанта, сам док Зорич присоединился к Сухову, блуждавшему по заросшей высокими, по пояс, травами Поляне. Том машинально взял свой кусок «пицц-ультра» и осторожно, словно мять здешний мох было святотатством, опустил у седого от ночного света пня и почувствовал, что мир вокруг тихо поплыл куда-то. По своим делам.

— Послушай, — спросил он у опустившегося рядом Проводника, просто для того, чтобы собственным голосом спугнуть наплывающий обморочный сон, — а он... Стрелок... Он и всегда был таким? Ну, вроде ожившего зомби... Мумией...

— Да нет. — Проводник протянул ему свою флягу. — Хлебни, а то кусок в горло не полезет. Стрелок выглядел на все сто. Выглядел не то чтобы как супермен с картинки, но внушал... Это когда Демон забрал его душу себе, от него осталось — сами видели что. Я тоже сперва не понял этого.

Наверное, Том все-таки отключился на минуту-другую. А то — и на все полчаса. Потому что, когда Павел потряс его за плечо, Быстрые луны уже завершали свой торопливый путь в небесах. А самая быстрая из них — Желтая луна Лисиц — уже снова появилась из-за гор. Крохотный костерок теплился поодаль, и дым его издавал запах осени.

— Возьми вот это. — Сухов протягивал ему что-то зажатое у него в пригоршне. — Лучше бы сварганить отвар, а сейчас — просто сунь их под язык и поддержи минуты две. Глотать не надо.

Том подставил руку и некоторое время рассматривал лежащие на его ладони зерна. Косо взглянул на Проводника. Тот кивнул в подтверждение и показал ему свою ладонь. На ней тоже виднелось несколько темных зернышек. Проводник чуть улыбнулся и смахнул их в рот. Откинулся на ствол, у которого сидел, и прикрыл глаза.

— Не бойся, следовательно, — чуть насмешливо подбодрила Тома Цинь. — Это не наркотик. «Смелая трава». Метрополия за эти зернышки платит «Линчжи» сумасшедшие деньги. Только приносят их Лесные люди считанные унции за сезон. — Она слегка подбросила семена и, словив их налету, зажала в маленьком кулачке, смуглом и

исцарапанном. — Эта штука должна здорово ставить на ноги — я чувствую в ней что-то такое. Как говорят в кино — Силу.

Она закинула семена в рот и мученически скривилась.

Том повторил этот нехитрый жест и тут же понял причину появления жуткой гримасы на ее чистом, почти детском личике. Семена «смелой травы» были очень горькие. Честно отсчитав в уме отведенные им на пребывание под языком сто двадцать секунд, он с облегчением выплюнул проклятую отраву в траву. Впрочем, Цинь знала, что говорила: облегчение принесло ему не только избавление от горечи — кристальная, словно на заре, перед самым восходом, ясность заполнила все его существо. Такое бывало с ним только в детстве, когда он, никем не разбуженный, просыпался после долгого, глубокого сна. В первое утро каникул. И весь Мир был в его распоряжении за сорок центов.

— Это надолго? — словно угадав овладевший Томом испуг перед хрупкостью обретенных им силы и свежести, спросил Сухова Кайл.

Декан тоже морщился и отплевывался, но и его лицо, как и у Цинь, просветлело изнутри. Том подумал, что и сам он, несмотря на иссиня-черный, конголезский цвет своей физиономии, тоже словно светится изнутри.

— Хватит, чтобы добраться до Пещер Царств, — заверил его Колдун.

Его и Проводника лица были по-прежнему непроницаемы.

— И весь следующий день вы будете неплохо себя чувствовать, — усмехнулся док Зорич. — Потом... может быть, сон сморит. Но, в сущности, все это уже не так важно — то, что будет на следующий день. И вообще — потом. Главное состоится там — в Пещерах.

— Понимаю, — не поднимая глаз, глухо отозвался Кайл. — Нам... *Мне* придется сделать мой второй ход.

— Какого же черта?! — вдруг резко оборвала его Цинь. — Ведь мы уже покончили с *этим*! Все!! Пятеро!!! Каждый прошел свое Испытание! Мы... Мы закончили этот проклятый цикл!

— Ты ошибаешься, — глухо и словно через силу произнес Кайл, и голос его был горек. — Этого нет в Правилах. Там сказано: «Знаками будет объявлено». Но «Джейтест» ничего не объявил нам. Значит, за кем-то из нас осталось еще непройденное Испытание. Логично, если первым снова буду я. Логика второго круга — думаю, всем понятно. Если я ошибаюсь... то Джей меня поправит.

Цинь резко вскочила, явно вознамерившись перебить его, но Кайл коротким жестом усадил ее на место.

— Ты напрасно видишь в этом только плохое, — сказал он. — Напрасно ты думаешь, что только мы что-то должны Джею. Он нам тоже кое-что задолжал. Пусть... Пусть ему придется платить. Но... Но ты знала, а Павел понял. Первым из нас понял, что Джею можно отдавать команды. И нам есть что ему скомандовать!

— Как вы не понимаете?! — Цинь уставилась на декана Васецки широко открытыми глазами школьницы, заставшей любимого учителя в пивном баре. — Это же — ловушка! Каждый наш выбор рождает новую беду, а каждая новая беда заставляет снова делать выбор. Отдавать... *Вводить* новую команду. Этому не будет конца.

— Нет. И тут ты не права, — неожиданно вмешался Сухов. Он придержал своей широкой ладонью взлетевшую в энергичном жесте руку Циньмэй. — Конец-то как раз и будет. Наступит. Когда Бог Джея решит, что мы стали настоящими Пятью. Когда *Превращение* дойдет до конца. И это — самое страшное.

— Так вот потому-то конца и не будет! — не выдержал Том. — Ведь все это — и Испытание, и Превращение — придумано не для людей! Для совсем других существ! Для тех, кто жил здесь и еще в одиннадцати Мирах тысячелетия назад! А мы... Нас *он* может сколько угодно — снова и снова — гнать через эти свои Испытания. Джей... Он может сколько угодно *изменять* нас. Калечить своими жуткими Дарами, кроить под свою мерку. Но он не сможет простого — не сможет переделать птичку в рыбку. Он снова и снова будет получать на выходе пятерых *людей*. Изуродованных, обезумевших, просто мертвых, в конце концов. Но — пятерых людей — не Воинов Империи Зу! — Том сомкнул пальцы и, морщась от боли, сжал их. — Нам не выбраться из этой ловушки.

Колдун, внимательно прислушивающийся к их разговору, внезапно остановил его...

— А откуда вы взяли, следовательно, что Испытание запрограммировано именно под них — под этих воинов Сгинувших Империй? Все, что я знаю о целях тех сил, которые сотворили Джей и всю его машинерию, вовсе не говорит об этом. Это ловушка, верно. Но это вовсе не ловушка на какого-то одного зверя. Когда-то разумная раса псевдогуманоидов пришла на Джей с далеких звезд. Или из параллельного Мира — не важно. И попалась Джей превратил ее в две другие — противостоящие одна другой, воинственные цивилизации. Ведь когда-то они были одной расой, эти две сгубившие друг друга породы разумных существ. Две Империи. Или вы не догадывались об этом?

— Есть на этот счет пара гипотез в научной литературе, — заметил Кайл. — Достаточно безумных.

— Ну а теперь на смену растраченному в древних сражениях старому материалу пришел новый. — Колдун пожал плечами. — Может быть, род людской только за тем и явился во Вселенную, чтобы в своих странствиях наткнуться на Мир Джея и сделаться тем оловом, из которого неведомые нам силы отольют себе новых солдатиков, дабы продолжить свои сражения. — Он косо усмехнулся. — Не обольщайтесь. Вы просто не представляете себе реальных возможностей Джея.

Наступило молчание.

— Так или иначе, но нам ничего не остается, как идти вперед — до конца. — Кайл выпрямился, подводя черту под ставшим бессмысленным разговором. — И логика следующего хода ясна: или все мы рано или поздно становимся рабами Демона — он обещал нам это — или...

— Нет! — резко оборвал его Сухов. — Это — не та логика! Это все — во вторую очередь! Не для этого я... Не для этого все мы — здесь! Мы здесь для того, чтобы принести на Большую землю Исцеление! Эпидемия «кокона» — вот это — настоящий Демон! И только его и надо бояться по-настоящему. Еще несколько недель — и ни одна армия не справится с полчищами Превращенных. Вы еще не представляете, в какую опасную и хитрую тварь превращает человека эта зараза. Если Эпидемия не будет остановлена, Джей будет поработен чудищами. А дальше — весь Обитаемый Космос, может быть. — Он замолчал, хрипло откашлялся, повертел головой, словно что-то душило его. — А тот Демон, в которого перевоплотился Стрелок... — Павел поморщился, словно глотая горькое лекарство. — Этот Демон может поработить только нас, Пятерых. Это не так страшно. В конце концов, чуть ли не все эти десять лет я служил ему.

— Прав. Ты прав, — тихо сказала Цинь, слепо глядя в пространство перед собой.

Снова тишина повисла над странной Поляной.

— Ну что же. — Кайл провел ладонью по лицу. — Значит, я буду вводить именно такую

команду. У меня нет возможности спросить мнение Марики. Ты, Цинь, согласна с таким решением. А ты, Том?

— Мы пришли сюда, чтобы исправить зло, которое сами накликали на этот Мир. — Китайка говорила жестко и убедительно. Говорила для Тома, чтобы у того и мысли не возникло поколебаться в выборе решения. — А все остальное...

Она резко махнула рукой.

«А ей, оказывается, будет неприятно, если я окажусь трусом», — смущенно отметил Том и растерянно пожал плечами:

— Ну что ж. Тут не о чем спорить. Но... — Он почесал в затылке. — Сдается мне, что если мы справимся с этим... С Эпидемией... То потом для того, чтобы совладать с Демоном, нам придется хоть из-под земли достать госпожу Карои. Ведь это она сделала второй ход. Так что *и в этот раз* будет ее очередь. Впрочем, розыск пропавших — это по моей линии. Справлюсь. Если, конечно, после хода Кайла у нас не появится головная боль посильнее.

Цинь, не говоря ни слова, присела на корточки и стала распаковывать свой громоздкий рюкзак.

— Ты хочешь, чтобы мы устроили *это* прямо здесь? — чуть растерянно спросил Кайл. — А впрочем, чем быстрее это случится, тем лучше.

Ларец появился из укутывавших его слоев брезента как-то неожиданно и словно залил Поляну незримым, но теплым и тревожным светом. Все восемь путников застыли над ним, словно замороженные, собравшись в кружок.

— Вот он, — выдохнул Сухов. — Как же давно я тебя, зар-р-разу, видел в последний раз!

— Скажи, — Кайл оторвал взгляд от Ларца и посмотрел Павлу в глаза, — ты сразу сообразил, что надо не выбрасывать случайные комбинации знаков, а выбирать их по своей воле — *вводить команду*? Ведь эти слова... О пленниках ведьм... Ведь ты не случайно набрал их тогда?

— Конечно же нет. — Сухов поморщился от неприятного воспоминания. — Я просто недооценил тогда вторую часть этой команды. Заклинания. Которая получается уже независимо от нашей воли — по правилам комбинаторики. А эта часть обещала мне рабство. Я его и получил. И теперь я не знаю, что станет второй частью той команды, которую ты сейчас наберешь на чертовых кубиках.

— Мы все прошли по этой дорожке, — вздохнул Кайл. — Теперь мы хотя бы смутно представляем, какую цену придется нам платить.

Он стал доставать и раскладывать на траве листы прорисовок граней кубиков, составляющих мозаику «Джейтеста».

— Вы, я вижу, решили держать военный совет прямо здесь, не откладывая дело в долгий ящик, — заметил Хозяин Пещер. — Что ж, может быть, в этом вы как раз правы. Позвольте на время оставить вас одних, такие решения лучше принимать без посторонних советчиков.

Он встал с вороха травы, на которой восседал перед небольшим костерком. Над ним колдовали Следопыт с Книжником. Тому показалось, что Сухов хотел было удержать своего знакомого, но в последний момент отказался от этой мысли. Какая-то своя этика действовала в этих краях. И какие-то свои законы диктовались участникам странной игры. Вещи Испытания — янтарный Ларец и сломанный Посох.

Вслед за Колдуном поднялись и тихо отступили в темноту оба его помощника, а вслед за Книжником и Следопытом, сделав трем оставшимся у Ларца короткий ритуальный жест

Ложного Учения — пожелание удачи, в сумрак ушел и Проводник. Том провожал взглядом эти четыре бредущие по краю Поляны фигуры, и в какой-то миг ему показалось, что из Леса к ним присоединилась пятая — нечеловеческая, неуклюжая, словно мартышка, становящаяся птицей. Мурх — ночная тварь из Темных Миров.

* * *

— Примерно так, — сказал Кайл, разглаживая исчерканный одному ему понятными каракулями лист. — Как ты смотришь на это, Павел?

— А что тут получается в твоей трактовке, Цинь? — озабоченно спросил Сухов. — В первой части... заклинания и во второй?

— «Принести спасение своей Стае из иной жизни» — это примерно то, что у вас получилось вначале. — Китайка нахмурилась, и в тусклом, неровном свете костерка ее лицо напомнило Тому лицо старухи гадалщицы с Аку-Танги, первого Мира, который свел его с Марикой. — А дальше получается так: «Только Идущий следом вернет твое тебе».

— Вообще-то почти совпадает, — задумчиво почесал затылок Павел. — Во второй части, по-моему, так: «Шагнувший следом вернет... м-м... глупо получается — вернет тебя тебе».

— «Вернет тебе твое я», — подсказал Кайл. Голос его был невесел. — Час от часу не легче. Отправиться в чужой Мир и ждать, пока кто-то вернет тебе твою личность. А перед тем, стало быть, ее надо потерять. Впрочем, легко догадаться, кому предстоит шагнуть следом.

— Может, попробуем по-другому? — без особой надежды в голосе спросила Цинь. — Еще раз?

— Нет. — Теперь голос Кайла стал твердым. — Другие варианты с семантикой исцеления, спасения явно не вписываются в контекст. Нет нужных комбинаций. Вообще-то командная строка задумана так... м-м... «Добыть своему народу прощение в ином подобии мироздания». «Прощение» здесь идет как синоним «исцеления». А про «иное подобие мироздания» — это твоя идея, Павел.

— Это идея Хозяина. — Сухов потер лоб, тряхнул головой. — Он, похоже, действительно нашел путь к спасению от «кокона». Там, в его Пещерах Царств, нас ждет много «иных подобий». Этого Мира и других. — Он снова потер лоб. — Надо решаться, Кайл.

— Ну что же... — Лицо декана Васецки превратилось в каменную маску. — Я уже сказал, что эту дорогу придется пройти до конца. Начнем?

Цинь молча кивнула в ответ.

Кайл поправил светлый керамический амулет на груди, опустил на колени перед янтарным коробом и решительно вытряхнул его содержимое в траву.

И светлый туман встал вокруг.

— Ничего больше не будет. — Сухов поднялся со ставшей вдруг сырой, пронзительным осенним ароматом пахнувшей травы. — Свет, звон... Гудение это... И все.

— И туман, — добавила Цинь.

— И туман, — согласился Павел. — Все остальное будет там — в Пещерах Царств. Пора звать Хозяина.

Он протянул руку Кайлу, помогая тому подняться с мокрой травы, потом сунул пальцы в рот и по-разбойничьи пронзительно свистнул куда-то в недра седой бездны тумана. Издалека кто-то из спутников Колдуна повторил эту трель с конца звучания до начала.

Цинь деловито упаковала «Джейтест» — она не доверяла Ларец никому и вообще неохотно выпускала его из рук.

— Послушай, Сухов, — какая-то мысль не давала ей покоя, — это... это было как? Служить Демону. Что пришлось делать тебе?

Павел молчал, прислушиваясь к шагам, приближающимся из тумана.

— Я постараюсь, чтобы вы поняли меня, — глухо сказал он. — У нас длинная дорога впереди. Я буду рассказывать. Всю ночь нам идти. Много успею рассказать.

* * *

Он действительно рассказал много. О том, что расположение знаков на верхней лицевой грани «Джейтеста» вовсе не было случайным. Эта простейшая мысль пришла к нему как-то глубокой ночью. О том, сколько вариантов своей команды-молитвы перебрал он, прежде чем понял, что набор знаков на грани магических кубиков никогда не позволит ему сделать эту команду совершенно произвольной, однозначной. О том, что, остановив все-таки свой выбор на самой, как ему показалось тогда, безопасной комбинации иероглифов, он по подсказке, сложившейся из второй, «неуправляемой» части заклинания, нашел в храме Желтой Луны сломанный Посох, спрятанный в нише, выбитой под каменными плитами Немого алтаря.

— Меня до сих пор мучает простая мысль, — сказал Том, когда им пришлось остановиться на минуту, чтобы отставшие от вырвавшихся вперед на крутой горной тропе смогли сократить образовавшийся разрыв. — Ведь они давно — тысячелетия назад — выбиты и вырезаны на гранях кубиков, эти иероглифы. И не очень много комбинаций, которые можно сложить из них. Тогда получается, что Джей предвидел все то, что произойдет с нами, со Стрелком, с его Посохом через все эти века? Или он на самом деле тайком переписывает эти знаки перед каждым новым шагом Испытания?

— Вряд ли. — Сухов понимающе поморщился, кивнул подтянувшимся наконец к ним Книжнику и Следопыту и, поправляя свой рюкзак перед тем, как возобновить путь, закончил свою мысль: — Скорее... скорее, он просто направляет события. Укладывает их в дискретную сетку вариантов раскладки знаков в гнездах Ларца. Я тоже много думал об этом.

— Это тоже довольно сложно, если учесть... — с сомнением в голосе возразил Том.

— У нее очень большие возможности, у этой машины размером с планету, — коротко заметил шагавший впереди Хозяин Пещер. — Вы еще убедитесь в этом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Некоторое время они шли молча, потом Сухов снова стал рассказывать историю этих десяти лет — скорее самому себе, чем своим спутникам. Говорил он довольно сбивчиво, порой и вовсе не понятно, тогда в разговор вступал Колдун, объясняя коротко и тоже не всегда до конца ясно. Память Сухова не сохранила многого из того, что было связано с тем моментом, когда в храме Желтой Луны перед ним открылся Портал. Первые несколько месяцев его жизни во Внутренних Пространствах были периодом тяжелой болезни и плена. Там, куда привел его Портал, в горном храме Червей, ждал его предупрежденный

Пророчеством Стрелок. Было ли тому виной злое колдовство Джея или дурман и гипноз, которым Посох в свое время обучил Стрелка, но только разум и сознание себя самого вернулись к Павлу Сухову не сразу и не полностью. О тех годах помрачения он говорил с неохотой. Гораздо лучше помнилось его возвращение к себе — к своим душе, совести, разуму, хотя оно и принесло ему огромное страдание, это возвращение. А кончилось оно тем, что он ушел к Трем Народам, к тем странным людям, которые предпочли благам земной цивилизации прозябание в джунглях. До этого он склонял их служить воле Стрелка, приводил в подземные лаборатории горных храмов, где Стрелок, сам становящийся Демоном, обещал им силу и могущество ценой превращения в чудовищ, ценой прохождения через кокон.

Сухов рассказывал о том, как непросто складывалась его дружба с Хозяином Пещер, с тем, кто подарил ему путь к возвращению в себя. Про бунт Перерожденных. О том, как их, прошедших через кокон, пришлось уничтожать одного за другим, чтобы уцелели Три Народа. И чтобы уцелели Стрелок и Колдун — черный и белый маги этих мест. И про странную дружбу-вражду этих двоих. О том, как Хозяин Пещер помогал ему, тогда еще рабу Стрелка, медленно, шаг за шагом находить в своем погруженном в гипнотический мрак сознании тропинку к тому Павлу Сухову, которым он был до того, как шагнул в Портал, открывшийся перед ним в храме Желтой Луны. А когда он закончил свой рассказ, окончился и их ночной путь.

Отмеченный выложенным слабо фосфоресцирующими камнями тайным знаком, перед ними мерцал вход в глубокий — куда-то к самому сердцу гор — провал. Колдун сделал знак остановиться.

— Здесь? — спросил Кайл.

— Здесь, — ответил Хозяин Пещер. — Смотри. Какое Царство ты выбираешь?

— Царство? — чуть удивился Васецки.

И шагнул в пещеру. Остановился озираясь. Хозяин осторожно взял его за плечо и повел за собой. Кайл подчинился.

Странное зрелище предстало перед ним.

Пещера длинным и извилистым туннелем уходила в скалу и там, дальше, в своей мерцающей глубине разветвлялась, становилась лабиринтом. А лабиринт этот был то ли складом, то ли музеем, то ли необычной какой-то библиотекой. Стены его временами не доходили до отражающих тусклый свет сводов, образуя перегородки между тесными проходами, точнее — галереями, а вдоль этих причудливых галерей, по их стенам, тянулись проломленные в камне ниши. Порой эти ниши тоже ветвились — перетекали одна в другую, сливались или превращались вдруг в каменные выступы-полки. Они тянулись вдаль, терялись в толще скалы.

И всюду, почти всюду заполнены они были светлым, дарящим взгляду отдых и забвение тусклым мерцанием. Почти невидимым огнем.

Кайл не сразу понял, где таится его источник. Эти ниши на что не похожие, почти незаметные в собственном странном сиянии, чуть мерцающие глыбы сначала показались ему чем-то нематериальным, не из этого Мира явившейся сюда сущностью. Заметив приглашающий жест хозяина, он приблизился к нишам и теперь смог лучше рассмотреть эту странность. Потянулся рукой.

— Не стоит, — предупредил его Зорич. — Не надо лишний раз прикасаться... входить в контакт. Это не проходит даром.

Кайл отдернул руку и поближе нагнулся к тому, что лежало перед ним. Медленно двинулся вдоль бесконечных ниш. Их содержимое зачаровывало. Это были камни. Кристаллы.

Разные, почти ничем не напоминающие друг друга кристаллы. Одни — размером с мячик для пинг-понга, другие — с человеческую голову. Таких было, пожалуй, больше всего. Были и такие, которые свободно поместились бы в наперстке, а для некоторых и бочка из-под дизельного горючего была бы, пожалуй, мала. Одни из них были наивно, даже как-то вызывающе прозрачны — они словно дразнили Кайла какими-то неуловимыми искажениями причудливой структуры отчетливо видной сквозь них поверхности скалы. Другие были загадочно-матовы или наполнены таинственным светом, словно заключали в себе неведомые звездные миры, целые галактики. Среди них почти не было окрашенных в яркие цвета; чистым, глубоким, но в то же время каким-то приглушенным пламенем светились все они. А иные были немые и глухи, как придорожные камни, или неприступно черны, как дорогой лабрадорский гранит, посверкивали антрацитовый тьмой, или, наоборот, были сгустками этой непроницаемой тьмы — расплывчатыми и неопределенными, словно само Ничто. Одни из этих странных камней были правильных форм: идеальными, но всегда с каким-то неуловимым изъяном шарами, бриллиантами иной, не из этого мира, огранки, кубами и пирамидами из атрибута странствующего факира. Другие были нарочито неправильно сросшимися друзьями, кистями кристаллических ягод, странными подобиями внутренностей каких-то глубоководных тварей.

Том и Цинь первыми, а за ними и Сухов вошли в пещеру. Зачарованно сгрудились за спиной у Кайла. Только Проводник не стал заходить внутрь. Сел у входа и словно замер в полусне.

— И это... — начал Том.

— И это — Миры, — пояснил Хозяин Пещер. — Самые настоящие Миры, не сомневайтесь в этом. В каждом из них светят свои солнца, живут свои народы, и в их чащобах бродят свои чудища. Есть, впрочем, и такие, в которых нет ни солнц, ни народов, ни чащоб. Вот только свои чудища есть, наверное, в каждом. Не улыбайтесь так недоверчиво. Мы немало потратили времени, денег и жизней, чтобы понять это. Джей, кроме всего прочего, — инкубатор Миров. Вселенных. Это — наследие Предтеч. Тех, что пережили не один коллапс Вселенной. Тех, которых создал сам Джей. Или — тех, кто его создал. Тех, для кого все эти сражения Древних Империй были только полигоном для испытания каких-то своих, нам непонятных, идей и методов. — Он провел рукой по лицу, словно снимая невидимую паутину. — Когда-то этим занимались всерьез. Но теперь в Большом Мире это никому не нужно. И никому не известно.

— В Большом Мире кое-что об этом слышали, — осторожно заметил Том. — О Камнях Колдунов ходят всякие легенды. Но считалось, что все они разрушены в период Катаклизма. И все, кто работал с ними, они...

— В Большом Мире слишком любят секреты, — усмехнулся Зорич. — И они там хорошо засекретили от себя правду о Камнях. Может быть, она кому-то не нужна, эта правда.

Но Том почти не слушал его. Он опять замороженно рассматривал россыпи застывшего в камне пламени.

— Модели Вселенных, — продолжил Роббинс, не отрывая глаз от этого, слегка гипнотизировавшего его света. — Модели, составленные из квазичастиц, из возбужденных состояний, бродящих по кристаллической решетке. Адамс и Ли писали об этом, но... Но

ведь такие модели должны быть намного проще, чем... Чем... — Том обвел рукой пещеру: — Чем реальный Мир.

Колдун усмехнулся:

— Сложность — относительное понятие, дорогие мои. Там, в тех Вселенных, которые заключены в Камнях Колдунов, — свое время и свое пространство. И еще каждый Камень — это кусочек Джея. Они постоянно взаимодействуют, питают друг друга энергией и информацией, эти маленькие Камни и большой Камень — Джей. Вы думаете, я не хотел бы поработать с Камнями в университетской лаборатории, посоветоваться с коллегами, со специалистами в разных тонких науках? Думаете, в свое время никому не приходило в голову вывезти Камни в Метрополию? Джей не дает этого сделать. Камни сохраняют свои свойства только в определенных точках планеты. Или должны быть выполнены некоторые особые условия. И тот, кто лишает Камень его свойств, кто разрушит хотя бы одну из этих Вселенных, — обречен. С тех пор, как на Джей обрушился Катаклизм, те немногие, кто знает тайну Камней, обречены на молчание. А такие, как я, — еще и на то, чтобы нести у Камней вечную стражу. В этом Месте. И в других. Спрашиваете, откуда я это знаю? Ну, не буду вам морочить голову такими вещами, в которые вы все равно не верите и не поверите никогда. Просто поинтересуйтесь судьбой всех тех, кто уцелел из института. — Он махнул рукой и отвернулся к ясному пламени тлеющих перед ним Вселенных. Снова стал добродушным и заговорил о другом: — Для каких-то из этих Миров как раз наш с вами Мир — только подобие, модель того — настоящего, на взгляд его обитателей, Мира. А вам самому, — тут Колдун повернулся почему-то не к Тому, а к Кайлу, — никогда не приходило в голову, что и наша Вселенная, быть может, это только модель, воплощенная в чем-то, подобном такой вот субстанции? Или в чем-то ином.

— Мне — нет, — честно признался Кайл, не отводя взгляда от магического мерцания Камней. — Но философам — да. И далеко не одному.

— Ну вот, — мягко рассмеялся Колдун. — Так чем же эти Вселенные хуже, чем та, в которой привык жить ты?

— Том уже сказал, — пожал плечами Кайл. — Как бы там ни было, они меньше. А следовательно — проще. Я не могу понять твоей логики относительности простоты.

— Ну... — Колдун продолжал добродушно посмеиваться, — это пока... это *пока* ты этого — не понимаешь. Но раз уж вам обоим так далась эта простота... Так считайте, что на средних размеров мирок — со своим светилом, с планетной системкой, с народами и государствами на какой-то из планет этой системки, с жизнью и смертью, со скукой и чудесами — любого из моих Камней хватит. Вот метагалактику — не в любой, конечно, впихнешь — разве что в виде декорации. Пустышки. Видимости. Для той публики, которую ты пригласил в этот театр. Для тех обитателей твоего Мира, которым решил дать сознание. Хотя, если ты Создатель, так это уже от твоей фантазии зависит, какой философии очередную Вселенную, очередное Царство подчинить. Стоит ли его под одну гребенку с нашей Вселенной-матрешкой стричь, с такой, где частицы обязательно в атом умещаются, атомы — в молекулы, а молекула — в тело. Тело — в планету, планета — в систему своей звездочки, а звездочки, те — в галактику. И так далее.

— А как же иначе? — удивленно приподнял брови Том.

И тут в пещере раздался смех.

Смеялась не сказавшая до сих пор ни слова Цинь. Жестом, коротким и нервным, она попросила не обращать на нее внимания. Колдун понимающе улыбнулся ей:

— В Царствах Камней — свои законы. — Он показал рукой вдоль ниш, как бы охватывая царящее в них разнообразие. — Можно придумать такие Царства, в которых электрон больше атома, и такие, в которых вчера наступает послезавтра. Все это есть в моем зверинце. Впрочем, и наш с вами Мир странен, когда задумываешься над всем, что напридумывали и наоткрывали физики. Или когда просто размышляешь. Только, по-моему, тебе, — он снова повернулся к Кайлу, — вряд ли выпадет что-то нечеловеческое.

— Это... Это все создали Предтечи? — как-то отрешенно спросил тот.

Какая-то другая мысль уже владела им.

— Предтечи. — Колдун снова провел рукой по лицу. — Они оставили нам огромный материал. Это позволило разработать методы. Так что... — Голос его стал глухим, и огромной нахохлившейся птицей он побрел вдоль мерцающих колдовским огнем полок-ниш. — Так что можно считать, что некоторые из Царств создал я. Одни — из интереса академического, другие — в целях более практических. Впрочем, не слишком ли долго мы с вами беседуем на... м-м... чересчур отвлеченные темы?

Теперь они снова стояли у порога пещеры. Проводник, до того неподвижным пнем присевший в просвете прохода, теперь поднялся и, сделав один только шаг, вошел в мерцающую тьму и оказался в кругу беседующих.

— Ведь ты, — Колдун поднял глаза на скрытое капюшоном его лицо, — привел Гостя для того, чтобы он прошел Испытание.

— Да, можешь считать, что я пришел за этим, — взял на себя инициативу Кайл. — Что я должен сделать? И что должны сделать мои друзья?

— Твои друзья должны будут всего-навсего помочь тебе, — с некоторой досадой, как если бы ему пришлось объяснять непонятливому слушателю что-то совершенно очевидное, вздохнул Колдун. — Помочь тебе жить в этом Мире, пока ты будешь путешествовать в том Царстве, которое тебе выпадет. А потом — помочь вернуться из него. Из того Царства, куда пошлю тебя я. Точнее, из того, куда тебя пошлет твой Выбор.

— Кем? Кем ты пошлешь меня в то Царство?!

В голосе Кайла вдруг дрогнувшей нотой прозвучала какая-то странная, потусторонняя тревога.

— Нет. — Колдун понимающе покачал головой. — Я не дам тебе того, чего ты боишься. Не Господом Всемогушим явишься ты тому Миру, нет.

— А кем же? — Васецки напряженно вглядывался в лицо собеседника. — Кем я должен стать для... для того Царства?

Снова странная улыбка тронула губы Хозяина Пещер.

— Не жди от меня ответа на этот свой вопрос, Гость. Ты не понимаешь еще, о чем спрашиваешь. Ты сам сделаешь выбор. И сам должен будешь найти в том Царстве, на которое он падет, себя. Свое предназначение. Может, ты придешь туда Воином. Может — Колдуном. Пророком. Рабом. Проповедником. Вестником Зла. Или — самим Злом. Ты сам найдешь в том Мире свой путь. Или потеряешь в нем себя. Это — Испытание.

— Ну что же? — Кайл выпрямился. — Так или иначе, один выбор уже сделан. Пора действовать. Говори, что мне делать.

Колдун повел рукой в сторону мерцающих ниш:

— Раз уж ты выбрал действие, то делай и второй выбор. Присмотри себе Царство. Их здесь много. Можешь бродить хоть неделю.

— У меня... У нас не так много времени. — Кайл окинул взглядом тающие во мраке

груды мерцающего огня. — В Большом Мире люди гибнут и превращаются в чудовищ. Мы должны принести им спасение. Я не должен долго оставаться *там*.

— Все зависит от того выбора, который ты сделаешь. — Колдун еле заметно покривил губы. — Здесь есть такие Миры, в которые пришлось послать разные виды Зла. Чтобы они спаслись или победили. И если они победят Зло, то и мы сможем научиться у них побеждать. Есть и такие Миры, в которые я... в которые мы послали то Зло, которое сейчас обрушилось на Большой Мир. Если ты действительно можешь победить его, то сделаешь правильный выбор. Не сможешь сделать другого. Ты выберешь нужное Царство, и это Царство выберет тебя. Но только не торопись *там*. Время идет по-разному здесь и *там*, у *них*. Тебе придется принять законы того Мира всерьез. Потому что это не будет игрой, смерть останется смертью и в том Царстве, которое ты выберешь. Уничтожением души, а не моделью уничтожения. Не бойся потерять время, бойся потерять себя.

* * *

В тишине Кайл молча шел вдоль мерцающих ниш. Он шел довольно долго. Том, который двинулся следом, временами терял его фигуру в зыбком свете, исходящем с нескольких сторон сразу. За ним, растянувшись цепочкой, словно боясь спугнуть невидимую дичь, шли Цинь и Павел. Временами Кайл останавливался, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом неожиданно резко шагнул к каменной полке и взял с нее темный, словно ослепший, неправильной формы кристалл размером с голову ребенка.

— Вот, — со странной твердостью в голосе произнес он. — Вот! Пусть будет *этом!*

И, словно в ответ на эти его слова, призрачный свет, наполнявший пещеру, стал вдруг ясным и ровным, будто налился какой-то тайной силой, в этих словах заключавшейся. И только через несколько мгновений, долгих, как века, свет этот снова обрел ту ускользающую от сознания, уводящую в какой-то запредельный Мир зыбкость, которая так изменяла все и вся в пещере.

А сам Кайл так и остался стоять, сжимая в руках похожую на плод какого-то странного дерева Вселенную, хозяином которой он теперь стал.

Колдун тихо подошел к нему и взял за плечи. Что-то приговаривая на ухо, словно маленькому ребенку, повел его к выходу. Павел и Цинь поспешили за ними следом. Навстречу им с широкого гладкого камня поднялся Проводник. Там, на той грани, где туманный утренний свет переходил в сумеречный полумрак пещеры, все они остановились, образовав маленький круг, словно выполняя какой-то темный обряд. Сухов и девушка не спускали глаз с лица Кайла. Том недоуменно глядел то на одного, то на другого из собравшихся.

— Он... — хриловатым от волнения голосом спросила Цинь, — он — уже *там*?

Колдун молча повернул Кайла лицом к себе, внимательно всмотрелся в его словно ослепшие глаза, осторожно взял из его рук уродливый кристалл и не глядя отдал его Тому. Кайл подчинялся ему, как марионетка. Казалось, даже дыхание покинуло его. Зрачки... Зрачки его не отреагировали на упавший на них утренний свет. Том почувствовал, как, несмотря на прохладный ветерок, обдувавший его затылок, бисеринки пота выступают у него на лбу. Ему приходилось видеть разное — следователь Федерального управления расследований ведет дела не только с текстами на дисплее, но этот слепой взгляд, это

странно сосредоточенное на чем-то лицо Кайла Васеcki было одним из самых жутких видений, встречавшихся ему в жизни. Да, Кайл действительно был *там*.

Том перевел взгляд на больной, словно обугленный, кристалл, который сжимал теперь в руках. Колдун поймал его взгляд:

— Да... — Он положил сухую, покрытую странным загаром ладонь на шершавую, словно в язвах, поверхность диковины, заключающей в себе Вселенную, в которой таилась тайна исцеления Мира Джея. — Ваш друг теперь там. Он сделал правильный выбор: вошел в Больное Царство. Его сознание стало сознанием кого-то из мириад существ, заключенных в нем. А тело его остается здесь, и оно будет повиноваться только самым простым из законов, управляющих жизнью. Оно будет как бы погружено в сон, но что-то из того, что окружает его в этом мире, будет вызывать у него отклик. Оно будет не только дышать, пить и есть, отправлять все функции человеческого организма. Оно — его тело — и мозг, в нем заключенный, будут способны воспринимать слова, сказанные голосами друзей, подчиняться простым, недвусмысленным повелениям, даже отвечать на ясные и четко поставленные вопросы. Но не обольщайтесь: от той Вселенной, в которую погружено его сознание, вы отсечены. Вы не сможете ни слова передать ему туда, в Мир Больного Царства. И он никакими силами не сможет докричаться до вас оттуда. Только лишь наделенные особым Даром люди иногда устанавливают какое-то подобие контакта с Мирами Царств. И один раз — не более того — он сможет подать вам знак. Когда этому наступит срок. Только когда будут выполнены оба условия возврата, он снова проснется в этом Мире. Но если вы не убережете его оболочку, которая остается здесь с вами, если тело вашего друга погибнет, то разум его навеки останется там, во Вселенной, которая, поверьте, ничуть не менее сложна, чем та, в которой находимся мы. Если же... Если смерть постигнет его *там*, в Больном Царстве, то...

— То он не проснется в этом Мире? — торопливо, с тревогой спросила Цинь. — Останется вот этим... Куклой? Роботом?

Лицо Хозяина Пещер потемнело, голос стал глухим.

— Может быть и нечто худшее. Безумие. Или... Допустим, он может стать таким же слугой демонов Джея, каким был один из вас. — Колдун бросил короткий взгляд на Павла. — Возможны и иные варианты. Это очень сложно объяснить — то, что ждет тело, лишенное души.

— Вы сказали, — Сухов осторожно взял Кайла за стиб руки и заглянул ему в глаза, — вы сказали, что должны быть выполнены два условия. Что это за условия? Объясните нам. Мы же не посвящены в ваши тайны.

— Первое условие — это условие внутреннее. Которое должно исполниться там, в недрах Царства. Достижение Цели. Той цели, ради которой он вошел в тот Мир. Ему предстоит отыскать в нем способ подать знак. И тогда кто-то из вас должен будет исполнить второе — внешнее- условие. Понять, в чем оно состоит, и выполнить.

— О Господи! — вдруг воскликнула Цинь.

Сухов повернулся к ней, и тень догадки легла на его лицо.

— Что мы должны делать с... с этим? — Том приподнял на уровень глаз обугленный кристалл и недоуменно посмотрел на Колдуна.

Тот понимающе прикрыл веки и сделал неторопливый, успокаивающий жест:

— Они должны всегда быть вместе, ваш друг и этот Камень — Сосуд Больного Царства. Постарайтесь, чтобы расстояние между ними было не слишком велико. Во всяком случае, не

превышало бы восьми — десяти метров. И чтобы между ними не было стен. Временами давайте ему, вашему другу, возможность прикасаться к Камню. Он иногда будет испытывать в этом потребность. Не препятствуйте этому. Никогда не отнимайте у него Камень силой. Даже если в его поведении вам покажется что-то странное. И никогда не отдавайте Камень в чужие руки. Никаких опытов и исследований. В принципе этот тип кристаллов достаточно прочен, но... Никто не может предсказать, что начнет твориться с тем Миром, который заключен в нем, если на него будет воздействовать, скажем, высокая температура или ионизирующее излучение.

— Вы... — Том наклонил голову, чтобы лучше видеть глаза Колдуна. — Вы разрешаете нам забрать этот Камень с собой? Туда, на Побережье? Как здесь говорят, на Большую землю? Но ведь вы сами сказали, что там Камни теряют силу.

Хозяин Пещер улыбнулся горьковато и понимающе:

— Пока у Камня есть хозяин, пока ваш друг пребывает в Больном Царстве, не имеет значения, где они будут, здесь, в особой точке, или в любом другом районе Джея. Пусть даже в Космосе. Сейчас это — система, замкнутая сама на себя. Это и есть одно из тех особых условий, про которые я говорил вам. Во всяком случае, так мне кажется — на основании прошлого опыта. Конечно, я рискую, но... У меня просто нет другого выхода. Ни вы, ни я не знаем, когда и как вернется в наш Мир ваш товарищ. Вам опасно оставаться здесь надолго: Внутренние Пространства — не то место, где можно стать лагерем для долгой передышки. И я сомневаюсь, что тот или те, кому предстоит выполнить второе условие, придут к вам сюда. Если, конечно, этим человеком не окажется кто-то из вас. Что заранее предсказать невозможно. Да и Эпидемия не станет ждать, когда вы довезете то решение, которое добудет ваш друг в Больном Царстве, через половину Внутренних Пространств до Большой земли. Я понимаю, что могу лишиться Камня, но должен пойти на такой риск. Когда Камень станет для вас и Кайла бесполезным, люди Джея помогут вернуть его мне.

— Ну что же. — Сухов осторожно, как ребенка, потянул Кайла за руку. — Нам и вправду придется спешить. А жаль: нам о многом надо расспросить вас. То, что мы узнали сейчас и здесь, это... Это только самый верхний слой всей... Всей этой безумной игры.

— Есть те, которые довольно много знают о Камнях. — Зорич легко коснулся плеча Проводника. — И еще о большем догадываются. И есть те, с кем мне приходилось работать, они сейчас не у дел там, на Большой земле. Но все эти люди могут помочь вам. Будьте лишь достаточно осторожны. Почти все, кто был связан с работой института, находятся под постоянным наблюдением. Самые разные глаза присматривают за ними. И сам Джей далеко не безразличен к ним.

— Мы знаем это достаточно хорошо. — Теперь пришла очередь Тома криво улыбнуться. — И про чужие глаза, и про то, что это значит, когда Джей к тебе не безразличен. И мы будем осторожны.

Он обернулся: Проводник уже вел Кайла, расправившего плечи и непривычно тихого, вниз по тропе. И Цинь, шевельнув в знак прощания узкой, загорелой кистью руки, не оборачиваясь, поспешила за ними. Том повторил ее жест и тоже начал спускаться в море тумана, окутавшего долину.

Этот туман не рассеялся к полудню, наоборот, стал плотнее и начал расслаиваться, обретая какую-то внутреннюю структуру, словно пытаюсь породить другой, совсем не похожий на реальность мир — мир причудливых расселин и уходящих в никуда анфилад сводчатых залов. Осень давала понять, чье теперь время, — злая и лживая осень Внутренних Пространств. Плавание в этом призрачном смешении обманчивого сна и жесткой, полной опасностей яви было сущей пыткой. Очертания крутого берега норовили утонуть в зыбкой, холодной мороси, а течение то тут, то там закручивалось все новыми водоворотами, уводя плот с курса, разворачивая его на коварные мели, заставляя плывущих постоянно прощупывать дно шестами и теми же шестами отталкиваться от то и дело выплывающих из ниоткуда, нависающих над стылыми водами выступов скал, а то и странно изогнутых, обросших шевелящимися побегами-щупальцами корней.

А кроме этого довольно изматывающего и неблагодарного занятия, надо было еще присматривать за Кайлом — тот был явно не годен на то, чтобы править плотом. Даже кормить его было трудновато: то и дело забывал подносить ко рту тубу с пищевым концентратом, пристально вглядываясь в туман, он был сосредоточен на чем-то, чему не было места в этом Мире — мире коварной реки и смертельно опасных берегов. Проводник, Павел и Том сменяли друг друга, присматривая за ним. Они почти не говорили друг с другом — река отнимала все силы и все внимание. Цинь как заведенная то промеряла глубину фарватера, то пыталась определить курс по спутниковым радиомаякам, ожесточенно воюя с простенькой навигационной программой своего «ноутбука». Но даже эта старая как мир система давала сбои здесь — во Внутренних Пространствах, где то и дело сигнал «плыл», двоился и троился, подхваченный радиобуями-«пересмешиками» — еще одним наследием древних войн. Китайка проявляла чудеса терпения и выдержки, но время от времени все-таки объясняла «ноутбуку», что она о нем думает. После этого она меняла метод и начинала шаманить по-своему, как учили ее в секте, но и применение магии, похоже, также не слишком помогало успешной навигации.

К тому моменту, когда Сухов заговорил о том, что не помешало бы поискать на берегу место побезопаснее и устроить привал и совет, Том начал ощущать, что мироздание плывет вокруг него, словно движимое легким ветерком. С облегчением передав шест молча подошедшему к нему Проводнику, он очередной раз опустился на корточки напротив сидящего у контейнера с экспедиционной утварью Кайла. Вспомнив слова Колдуна, он осторожно развернул спрятанный в спальный мешок Камень и протянул его по-прежнему отрешенному и безразличному ко всему окружающему спутнику. Кайл взял кристалл с какой-то нежностью, улыбка тронула его губы. Тому почему-то не хотелось отрывать ладони от шершавой поверхности кристалла, и они так и застыли на миг, вдвоем сжимая диковинный талисман. И на этот, вдруг ставший бесконечным, миг Том снова ощутил странное чувство — чувство «убегания», ненадежности, зыбкости Мира вокруг себя.

Он на мгновение, не больше, прикрыл глаза. И провалился в бездну.

Из бездны его вернула рука Сухова. Он осторожно тряс Тома за плечо.

— Что с тобой? — с тревогой спросил Павел, вглядываясь в его помутневшие, словно внутрь себя повернутые, глаза.

— Со мной? — Роббинс с трудом оторвал руки от Камня, который они вдвоем с Кайлом сжимали, словно стараясь слиться с ним. — Ни... Ничего. Так — привиделось.

— Ты уже больше часа сидишь этак вот. — Тревога не сходила с лица Павла. — Смотри, как бы не... Тут что-то творится вокруг. Ерунда какая-то.

Том и сам уже видел, что творится неладное. Плот качало и подбрасывало, откуда-то спереди, из мглы, накатывались на него неровным строем плоские, какой-то могучей силой вздымаемые волны. Захлестывали палубу, наклоняли ее под опасным углом. Проводник и Цинь уже не орудовали шестами, а держали их на весу и напряженно всматривались в наступающий туман — куда-то вперед и вверх.

А там, вниз по течению, где широкая отмель почти рассекала реку на рукава, двигались в мутной мгле исполинские тени. Казалось, невидимые в тумане окрестные скалы ожили и затеяли странный хоровод. Тяжело, сотрясая окружающий Мир низким, на грани инфразвука уханьем тяжелых стоп, ударяющих по дну, с шумом расступающихся вод и с утробным завыванием древних, сверхмощных сервоприводов, пересекали реку исполинские, угловатые тени. И самым жутким в этих расплывающихся призраках были не их устрашающие, сказочные размеры и мощь, а неуловимое, карикатурное сходство с человеческим обликом — уродливое, словно усмешка сатаны.

— Нарвались. — Голос Сухова стал хриплым и злым. — Цинь, вырубите вашу погремушку. — Он кивнул на сумку компьютера, болтающегося на ремне, перекинутом через плечо китайки. — Может, пронесет.

— Уже... — отмахнулась Цинь. — Теперь уж как повезет. Надо пришвартоваться. Это — голем, и не один. Там их с полдюжины тусуется. А нас сносит прямо на них.

— Да не големы это, — с досадой поморщился Павел, разматывая бухточку стрессолитового каната. — От силы — «тролли», они всегда тройками пасутся. Но с нас и этого достаточно — мегаробот, он мегаробот и есть. Прихлопнут походя, как мух.

Он соорудил из тонкого каната лассо, приторочил его к скобе, вогнанной в бревно палубы, и, балансируя на полусогнутых, стал присматриваться к выплывающим из тумана очертаниям берега. Тени гигантских машин смерти продолжали свой неуклюжий танец, теперь уже в опасной близости от плота.

Наконец из белесой мглы, чуть ли не прямо над головами плывущих, вынырнула достаточно массивная, невероятно искореженная неведомыми силами ветвь дерева — бог его ведает, какого: исконного представителя местной флоры или переселенца с Земли. Главное, что ветвь эта, словно тянущаяся навстречу своему отражению в беспокойной воде, была достаточно крепка на вид. Сверхпрочный канат надежно обвился вокруг нее и натянулся, удерживая плот от скольжения к роковой отмели. Ветка изогнулась, издала душераздирающий скрип, гулким эхом прокатившийся в призрачном, туманном мире, но выдержала.

И, словно в ответ на этот звук, какой-то из «троллей» врубил свой звуковой сигнал. Черт его знает зачем, может, для устрашения врага, может, во исполнение всеми забытого ритуала мертвой Империи. Так или иначе, но это было достаточно страшно, как рев динозавра, заблудившегося в заколдованных развалинах миллионолетней давности, как завывание воздушной тревоги над мертвым городом призраков, как вой огромного, древнего стального пса, потерявшего хозяина в лабиринте веков. А потом туманную мглу разорвала вспышка. Томительно длинная и в то же время смертельно, неотвратимо стремительная, вытянутая в молнию и залившая Мир хриплым свистом реактивной струи — вспышка выхлопа боевой ракеты. Она еще не достигла цели — где-то там, в недрах залитого туманом Леса, когда вслед ей злобно ударили вторая, третья... десятая. И из тумана грянуло, заскакало по утонувшим во мгле сопкам, полыхнуло под самое небо злое, ослепительное пламя разрывов. Чудовищные тени — деревьев, скал, неведомых, из кошмарного сна явившихся машин и

сооружений — за долю секунды каждое ложились на слои тумана, обрисовывались в его объеме, чтобы, навек отпечатавшись на сетчатке глаз и в памяти невольных созерцателей призрачного побоища, уступить место следующему кошмарному видению.

Гром прокатился над стылыми водами, эхом отзываясь в далеких уже предгорьях, рассыпаясь гулом рушащихся с невидимых круч камней, там, в далеких отрогах стены.

А потом все кончилось. Только земля еще гудела под ногами уходящей во мглу колонны уродливых гигантов да Лес горел по правому берегу на многие мили вниз по течению набирающим силу, захлебывающимся в треске и копоту пламенем.

— Господи... Кого это они? — ошалело пробормотал Том.

— Да-а, кому-то досталось. — Цинь вглядывалась в ставший совсем непроницаемым туман. — Похоже, что мы не одни здесь бродим. Мы даже — не главная цель, оказывается. Не цель вообще.

— Внутренние Пространства, — ни к кому не обращаясь, произнес Сухов. — В них трудно ходить. Проехать нельзя. По воздуху не перелетишь — собьют. Иногда даже спутники над ними исчезают. Тут своя игра идет, и мы в ней лишние.

* * *

А к ночи, как ни странно, тумана не стало. Вместо него низкие облака нависли над рекой и Лесом. Вверх по течению их подсвечивало снизу угрюмое зарево. Он еще горел там, позади, этот Лес. На память об участке пути, проходившем мимо мест загадочного сражения, остался запах дыма, крепко въевшийся в бревна палубы, в брезент, укрывавший экспедиционный скарб, в кожу лиц и рук: почти два часа плот проходил через прерывистую пелену гари и копоты, которую слабый вечерний ветерок доносил с берега и размывал над хмурой гладью реки.

И еще — Тому это запомнилось, словно какой-то сон наяву, — там, наполовину утопая в тумане, а наполовину — в жидкой илистой трясине, над рекой высилось то, что он принял сначала за какое-то странное, словно пародирующее идею Смерти, в издевку над ней сооруженное гигантское изваяние. Пустые, выгоревшие глазницы пялились на текущие мимо воды из неправильной формы, нечеловеческого, уродливого черепа, водруженного на изуродованное, впечатанное в стену обрушенного берега — на века теперь — туловище величиной с солидный утес. И только когда череп этот вдруг со скрежетом стал разворачиваться, словно удерживая взглядом пустых глазниц уходящий вниз по течению плот, до Тома дошло. Это древнее изваяние. Это выпотрошенный попаданием плазменного заряда, наполовину разрушенный «тролль» умирал своею жуткой смертью — смертью никогда не бывшего живым творения ненависти и страха. Счетчик на поясе у Тома нервно засигналил: на шкале его огонек индикатора поднялся совсем близко к отметке предельно допустимого уровня. Тот, кого здесь всего пару часов назад гвоздили атомным пламенем, умел, оказывается, огрызаться.

Теперь плавание не требовало такого дьявольского напряжения, как днем, и они решили не делать ночного привала: спали по очереди, сменяя друг друга на вахте каждые три часа. Хотя небо и было напрочь скрыто гребнями низких туч, видимость была неплохой: к зловещим отсветам пожарища добавлялась вечная иллюминация Внутренних Пространств — зыбкий, трепетный свет электрических разрядов, тлеющих вокруг горизонта, в складках

облачных гряд, вдоль зубцов горных кряжей вдали. С плотом теперь вполне можно было справляться в одиночку, течение само сносило его к фарватеру, и скоро уже на западе должна была показаться кромка Предельных хребтов, а там — где-то на полпути до первых их отрогов — и замаскированный на опушке, на границе болотистых пустошей, лагерь.

— К полудню будем на месте. — Сухов присел к Тому, который пытался задремать, привалившись к плечу Кайла, погруженного в иную явь — в явь Больного Царства. — К вечеру подтянутся проводники, расконсервируем глайдеры — и на следующее утро двинем на Большую землю. В первых числах будем в Вестуиче. Гос-с-споди! Как же я там давно не был.

— Да, там, наверное, многое для вас изменилось за эти годы, — согласился Том. — Вестуич хорошо подойдет для... Для того, чтобы дождаться результата. Пока что это — все еще провинция. Там дом Кайла. Значит, туда и тронемся. Или «Линчжи» нас приютит где-то ближе к столице. Вот что...

Он потер лоб. Сухов выжидающе смотрел на него. Он, видно, давно уже понял, что у Тома есть что сказать ему. Оглянувшись через плечо, он позвал Цинь, та тоже и не думала спать — о чем-то тихо говорила с Проводником, который нес вахту у рулевого весла. Тот кивком отпустил ее.

— Дело в том, — Том снова, морщась, начал растирать лицо, — дело в том, что, похоже, со мной снова было... *это*. Я... Я на какое-то время был *им*. — Он кивком указал на Кайла. — Им или тем, кем он стал. В кого воплотился — *там*.

— Но... — начал Павел. — Сказано было, что «он не сможет докричаться до нас». Он изолирован *там*.

— Сказано было, что «наделенные особым Даром люди иногда устанавливают какое-то подобие контакта с Мирами Царств», — напомнила Цинь.

И смолкла, приглядываясь к медленно скользящей мимо громаде берега.

— Похоже, что Джей держит слово — наделяет каждого прошедшего Испытание Даром, — вздохнул Сухов. — Надо только присмотреться к себе.

— Вот, — вдруг резко выбросила вперед руку Цинь. — Видите?

— М-м... Что я должен видеть? — несколько недоуменно спросил Павел.

Том осторожно перехватил узкое запястье ученицы Мастера Лю и присмотрелся к нему:

— По-моему, мы должны были видеть те два шрама — ритуальных, вы говорили. — Он перевел взгляд на лицо девушки. Тряхнул головой. — Слушай, а ты... Вы... Я в том Мире проснулся, в котором надо? Может, вас, часом, подменили, пока мы шатаемся по этим краям, мисс Циньмэй? Или то были не настоящие шрамы?

— Самые настоящие, будьте спокойны. И никто меня не подменял. Просто... Сначала я думала, что это все мне только кажется, а потом убедилась: на мне все заживать стало как на кошке. И... и потом — не только это. Я в принципе знаю некоторые приемы. Ну, первой помощи, лечения. А теперь — после того, как... После Испытания... У меня появилась способность. Лечить. Заживать. Но там, на Большой земле, все не так было. А теперь — очень стало заметно. Да вы и сами помните — тогда... Когда мы вернули Павла. И еще — помнишь, когда разбитые часы, вот эти, у меня снова пошли? Сами.

— Да, — Том кивнул. — Я очень поразился тогда.

— У меня не только это получается. Вот ты помнишь... Помнишь, как мы поссорились тогда?

Роббинс ожесточенно потер виски:

— Разве мы с тобой ссорились, Цинь?

Проводник задумчиво переводил взгляд то на одного, то на другую.

— Вы ссорились, — тихо уточнил он.

— А я захотела, чтобы ты это забыл. Чтобы не было этого вовсе — для тебя. И ты... И этого для тебя не стало. Я могу... — Она сделала перед глазами жест — узкой, темной ладонью, словно снимая невидимую паутину. Или — стирая что-то с доски. — Вот. Я могу очищать. Сознание. Душу. Другим. — Она вдруг сгорбилась, по-детски горестно прикусила губы: — Другим. Себе — не получается. — Она снова выпрямилась. — Вот сейчас я скажу слова. А ты их запомнишь. Слушай: «Семь ветров, семь судеб, семь самураев». Повтори!

— М-м... «Семь ветров, семь судеб, семь самураев», — повторил Том.

— А сейчас...

И снова бронзовая ладонь взлетела вверх. Теперь к лицу Тома. Смахнула невидимые знаки.

— Повтори! Повтори теперь!

— Что повторить? — Он ожесточенно тер виски.

Впервые в его глазах Цинь увидела эту тень — тень страха.

— Повтори слова, которые я просила тебя запомнить.

— Ах да... Ты же только что... Только что сказала. Вот черт! — Том сильно сжал руками голову, словно хотел сломать свой череп к чертовой матери. — Ты — вот что. Ты не делай так больше, Цинь. Это... Это плохо. Понимаешь?

Тень не уходила из его огромных, словно фосфоресцирующих глаз — глаз потомка африканских колдунов.

— Я не буду этого делать. Другим. — Она неожиданно провела рукой по его жестким волосам. Ей хотелось прогнать злую тень. — Только если меня попросят. Или если без этого нельзя будет.

— А наоборот... Вернуть память ты можешь? — уже своим, не ломающимся от напряжения голосом спросил Том.

— Нет. Это — насовсем. Только от кого-нибудь другого можешь узнать то, что я... отнимаю.

— «Семь ветров, семь судеб, семь самураев», — тихо напомнил Проводник.

Том потряс головой. Нет, никогда он не слышал этих слов.

— Не могу возвращать, — вздохнула Цинь. — И никто не может. Я пробовала, и там, в Стае; и с нашими «яйцеголовыми» из институтов. В «Линчжи» есть хорошие специалисты, и работают с памятью тоже. Может, это придет. Потом. А может, это так и надо — уметь навсегда отнимать у человека что-то, что ему не надо, что губит его. Это ведь тоже исцеление.

Том улыбнулся. Только сейчас он заметил, что снова держит Цинь за тонкое запястье. И что страх ушел из его души.

— Значит, это, наверное, и есть твой Дар — быть Целительницей. А мой — вот это. Влезать в чужую шкуру. Точнее — в душу. А Павел получил в подарок Демона.

— Лучше не поминай его в ночной час, — хмуро прервал монолог Тома Сухов. — Не подарок это. Тут... Когда понесло нас на чертей этих... — Он кивнул головой за спину, туда, где набирало силу зарево лесного пожара. — Я тогда грешным делом подумал, что неспроста это. Что здешнему Богу угодно, чтобы я кинулся в ножки своему теперешнему покровителю. Но вроде как пронесло.

И тут же, словно для того, чтобы опровергнуть его слова, издалека — оттуда, с гнилой равнины, простирающейся до скрытого еще за горизонтом подножья гор, донесся уже знакомый им вой: то ли боевой клич заблудившихся в веках циклопических боевых роботов, то ли мольба, обращенная к навеки сгинувшим, покинувшим их, создателям и властелинам, — прийти и отдать Приказ. Хоть какой-то, пусть даже гибельный, но Приказ, который освободил бы их мертвые души от гнета необходимости снова и снова принимать решения в этом давно чужом для них мире.

Они молчали секунд десять — двадцать. Потом Том тряхнул головой, кивнул на Кайла:

— Вот и он... тоже говорил о том, что стал ощущать нечто необычное. Какие-то проходы в пространстве, невидимые для других. Чувство какого-то лабиринта. Я не знаю даже, как назвать это. А что касается Марики Карои, то ее Дар даже официально зарегистрировала без малого дюжина комиссий в монастыре Кунта-ин-Шая.

— Марика Карои, — Сухов тяжело вздохнул, — это особый разговор. — Мне кажется, Цинь, что и ты почувствовала, кто нам потребуется, когда придет пора выручать Кайла из Больного Царства.

— Если она жива и если ваши предчувствия вас не обманывают, то я беру ее поиски на себя, — уверенно произнес Том. — Собственно, я их уже начал — эти поиски. В конце концов, это моя работа — искать и идти по следу.

— У меня тоже есть кое-какие соображения на этот счет, — задумчиво добавила Цинь. — Но ты сказал, что... что тебе удалось заглянуть *туда*. В Больное Царство. Расскажи.

Том помолчал. Сосредоточился, уставившись на Камень, по-прежнему сжатый руками Кайла. Провел рукой по лицу:

— Вы, наверное, можете себе это представить, Павел. Если тогда... Во время нашего контакта испытывали то же, что и я. Сначала — замешательство, полная сумятица в мыслях. А потом начинаешь что-то понимать, схватывать. Только... В тот раз, когда мы поменялись душами, это было очень ненадолго, на мгновения. А сейчас... У меня было чувство, что я пробыл *там*, ну, — неделю. Даже больше, пожалуй. Вместе с Кайлом. В его шкуре. Точнее, в шкуре того, кем он стал в том Мире. И когда я снова очнулся здесь, когда ты вернул меня... Я снова ничего не мог понять некоторое время. Того, например, что всего-то и времени прошло час с минутами. — Он снова тряхнул головой. — Я и сейчас никак не могу в это въехать.

— Он... Он хоть немного узнал что-то про коконы? Про излечение? — Цинь схватила его за руки и пристально, требовательно уставилась ему в глаза.

— Да. — Том зажмурился, словно этот взгляд жег его. — Кажется, да. Я много чего не смог понять еще. Надо разобраться, ухватить все это. Диктофон...

Он похлопал себя по карманам, по подсумкам на поясе и, вытянув из узкого футляра стандартный регистратор, бросил его себе на колени и стал торопливо, сбиваясь, рассказывать историю погружения в странный Мир.

Он еще не успел рассказать и половины того, с чем стоило разобраться, как пошел снег над рекой и равниной. Мелкая белесая сетка затянула горизонт и скрыла уже отчетливо обозначившиеся далеко впереди гряды Предельных хребтов. Пришлось торопливо натягивать уложенный в скатку тент и, как беспомощного ребенка, укутывать Кайла в целый ворох теплого барахла, взятого в дорогу больше случайно, чем из предусмотрительности. Да и самим пришлось укутываться наподобие воинов армии Наполеона Первого, отступающих из-под Березины.

Утро наступило и минуло незамеченным, в окутавшей все белой, стремительно мчащейся мгле. Как ни странно, именно теперь сознание, казалось, почти полностью возвратилось к Кайлу. Он почти не доставил хлопот своим спутникам, когда пришло время принимать пищу, питье и выполнять прочие отправления организма. Том не без облегчения понял, что в дальнейшем им не надо будет обращаться с победителем Дракона как с пускающим слюни дегенератом, требующим постоянного присутствия санитаров с «уткой». Сейчас Кайл Васецки больше всего был похож на рассеянно задумавшегося над своими факультетскими делами декана, способного даже односложно отвечать на вопросы, требующие разумных ответов, и даже, быть может, мог поставить свою вполне подлинную подпись под какой-нибудь малозначащей бумажкой. Казалось, еще немного, и, стряхнув с себя одурь, он весело рассмеется очередной незатейливой шутке Сухова и попросит Цинь плеснуть ему в кружку горячего какао из термоса. Но ощущение это было обманчиво: любая попытка отвлечь его от того, на чем были сосредоточены его мысли, наталкивалась на невидимую, словно электрическое поле, мягкую, но непреодолимую стену рассеянного непонимания, ускользающей, запредельной сосредоточенности на чем-то совсем-совсем нездешнем, чужом.

Радиосигнал лагеря встречи, видно, заплутал в сложной, многослойной ионосфере Джея, и надежно сориентироваться на него стало возможным лишь тогда, когда только сквозь сетку мелкого, мокрого снега обнаруживались палатки, разбитые на границе заболоченной поймы и начинающихся зарослей карликовых «стальных пихт», избегающих по склонам Предельного хребта. Стали видны приткнувшиеся рядом с палатками глайдеры, готовые отправиться в путь, унося вернувшуюся наконец экспедицию назад, через заносимые ранними снегами перевалы на Большую землю.

— Ч-черт! Почему они не высылают машину к берегу? — озадаченно пробормотал Сухов. — Кабы чего у них там не вышло... худого.

Тому и самому очень не нравилось, что лагерь встречи не только не выслал машину к точке предстоящего причаливания грузовой платформы, но и не выходит на связь.

— Вот что... — Он тревожно пригляделся к лениво скользящему мимо них берегу, потом повернулся к Сухову: — Давай-ка двинемся в разведку. Цинь пусть посторожит Кайла, а мы посмотрим, что там с лагерем. А то — сигнал робота проходит, а на вызов никто не отозвался. С такого расстояния уже и ракетницей сигналить можно даже при такой видимости.

— Может, не хотят выдавать своего местоположения. — Павел уже держал наготове трос с якорем-«пауком», высматривая место для причала. — Их могли сильно переполошить «тролли». Ночное побоище отсюда хорошо просматривалось. Так что всякое могло быть. Мы-то ведь тоже в эфир носа не казали. И сейчас, может, напрасно высунулись. Но ты прав: всем скопом, да еще с Кайлом на руках, туда переться не след. Чалимся вон у той рощи — какая-никакая, а все же маскировка — и разбиваемся на две группы.

* * *

Цинь, как ни странно, ни словом не возразила против принятого плана, хотя явно осталась недовольна тем, что ее не включили в разведотряд. Проводник тоже не стал противиться предложению Тома. Он был встревожен и занялся в основном созерцанием

местности через свое каменное зеркало. Впрочем, для того, чтобы помочь в причаливании и затаскивании плота лебедкой на отмель у берега, он отвлекся от этого занятия. Уже на берегу, поживаясь и низко надвинув капюшон, долго приглядывался к уже хорошо различимым в поредевшей метели очертаниям палаток и машин вдалеке и наконец, придерживав Павла за локоть, глухим голосом спросил его:

— Тебе не нравится все это? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Мне тоже. Слушай внимательно. Я понимаю, что тебе очень не хочется принимать Дар Джея. Условия его слишком жестоки. Но, может статься, та цена, которую назвал тот, кого вы называете Демоном, не покажется тебе слишком большой. Может настать такой момент.

Сухова передернуло — еле заметно. И потом, когда они с Томом по занесенной быстро таявшим снегом лощинке уходили все дальше и дальше от рощи, все-таки неплохо укрывшей причаленный плот, он изредка оглядывался и вот так же, почти неощутимо вздрагивал и смахивал с перекосившегося лица невидимую гримасу. Том постарался не обращать внимания на это. Павел имел право нервничать. Даже — на большее.

Лощинка довольно быстро сошла на нет — перестала быть укрытием, — и они двинулись к лагерю уже по фактически открытой, лишь местами поросшей клочьями кустарника местности. Да и не было теперь смысла укрываться. Том переглянулся с Суховым, тот понимающе кивнул и вытащил из кобуры ракетницу. Комбинированный сигнальный заряд с оглушительным бабаханьем и жутким воем вмонтированной сирены забрался под низкие облака и оттуда полыхнул длинной, томительной вспышкой, превратившей истончившийся полог ранней, осенней метели в искрящийся, меняющий свой цвет занавес. Вслед за ним в небо ушли еще два воющих и горящих ярким пламенем беса. Но лагерь — хмурый и полузанесенный недолговечным еще снежком — молчал. Нет, ни в самом лагере, ни окрест не видно было ни разрушений, ни следов борьбы с кем-то или с чем-то.

Они уже почти вошли в него, в очерченный вешками отключенного электрозаграждения круг нос к носу поставленных глайдеров и слегка провисших под навалившимся снежком палаток, когда поняли, что ловушка захлопнулась.

Над рекой и равниной прокатился вой «тролля».

Сначала им показалось, что он один, еле различимый через остатки пурги уродливый гигант, двигал к лагерю от хмурых предгорий. Но, словно в дурном сне, теперь уже от Леса, от которого катила свои воды река, пришел ответный клич — хриплый и срывающийся в утробный рык и дребезг. И тут же его подхватили с севера, с запада, с востока.

Их хорошо видно было теперь — лагерь располагался на невысоком холме и предоставлял неплохой обзор. Они не торопились открывать огонь, они просто шли — шесть «троллей» и три или четыре «бронтозавра». А дальше — за ними, словно тени, рожденные кошмаром рехнувшегося сюрреалиста, плавно, почти не сотрясая твердь равнины, приближались два голема. Нет — три. Четыре.

На Тома напал нервный смех.

— Куда они все? — Он резко передернул затвор совершенно бесполезного теперь «винчестера». — С нас и одной такой куклы более чем...

— Надо, — Павел облизнул вмиг пересохшие губы, — надо хотя бы отвлечь их от реки. От тех... Запустить глайдеры.

— Нет. — Том покачал головой. — Это же... Это — вызов. Если бы Джей хотел нас уничтожить, он бы это сделал вмиг. Он... Ты уже понял, чего он хочет. Проводник не даром

сказал тогда...

Павел выпрямился. Он, прищурясь, смотрел на равнину, на сужающееся вокруг них кольцо сотворенных из сверхпрочной металлокерамики уродов и, казалось, не слышал его.

— Хотел бы я знать, куда смылись эти чертовы курвы — ваши водители с проводниками, — пробормотал он себе под нос.

Неяркое, издали похожее на невинный солнечный зайчик пятно плазменного заряда покатилося от простертой вперед руки мегаробота по заснеженной степи к лагерю, оставляя за собой дымную черную полосу. Исчезло, погасло меньше чем в двух сотнях метров от ограждения.

— Это они предлагают сдаваться, — кивнул Павел на покрытый копотью след. — Хотел бы я знать, как сдавались *в тех войнах*.

Хриплое завывание заставило их обернуться к реке.

— О гос-с-споди! — Том словно попытался заслониться бесполезным карабином от дьявольского видения: там, с того берега, сотрясая равнину, на них шел еще один толем. И на прямой, соединяющей его с лагерем, только одно препятствие стояло на его пути — почти незаметная на фоне темных вод реки рощица, укрывавшая от посторонних глаз плот и трех путников на нем.

Снова со свистящим шипением покатился по горячей земле огненный колобок. Еще и еще. Том уже не оборачивался на этот злой звук. Он не отрывал взгляда от снега, тающего на керамической броне исполинской громады, наплывающей на него прямо из кошмара,

— Давай, — сказал он Павлу. — Давай!

И когда он обернулся, Павел «дал».

Тьма, мерцающая и неуловимая, сгустилась перед ним, образовала столб, такой знакомый Тому теперь, и стала Демоном.

— Я не хотел звать тебя, — глухо сказал Павел. — Но...

— Не важно, чего ты хотел и чего не хотел. Ты позвал меня. Теперь все зависит от того, как ты сумеешь мною управлять. Это — дело для тебя новое. Поторопись — и помни...

Сухов молчал. Что-то происходило в нем. И сам он становился чем-то другим. Иным — не тем, чем был когда-то, до той поры, когда стал хозяином Демона. А сам Демон начал исполнять приказ — тот, что прочитал в сознании своего нынешнего господина. Он повернулся и пошел навстречу голему. Том и Павел смотрели ему вслед, и то, что они видели, было похоже на дурной сон.

С каждым шагом Демон рос. Расплывался и терял свои и без того не слишком четкие очертания, стал подобен колышущемуся занавесу северного сияния, только не из света сотканному — из тьмы. Все происходило словно в фильме, снятом «рапидом»: ужасающе медленно и одновременно неумолимо стремительно. Том не успел еще смахнуть пот, бисеринками выступивший у него на лбу, а две исполинские фигуры уже сошлись прямо над рекой. И прежде, чем все началось и кончилось, он только и успел, что сказать себе: «А он не отражается в воде, этот черт...»

Он ждал чего-то, что ударило бы по нервам: обмена молниями, огня, грома и скрежета, но вышло иначе. Словно старого друга, Демон обхватил голема за плечи, притянул исполинскую громаду к себе, словно обволок чудовищного истукана тьмой. И вот он уже шел дальше, продолжая с каждым шагом меняться, превращаться во что-то иное. А толем остался посреди реки, медленно рушась, оседая в ее стылые воды. Становясь островом, уродливой отмелью, окутанной облаком пара. Вода кипела вокруг раскаленной руины

слоями тумана, громоздящимися все выше и выше, скрывая от глаз конец мегаробота.

А Демон стал тучей. Венцом тьмы, вставшим над равниной. Только теперь все каменные чудища, плетущиеся по заболоченной, колышущейся под их шагами земле, переключили свое внимание на нового врага, и игра пошла всерьез.

— Ложись! — только и успел выкрикнуть Сухов.

Том замешкался и едва не ослеп: в небе рванул заряд, рассчитанный, пожалуй, на отражение среднего ракетного удара. На несколько секунд он еще и оглох, так что хрип и завывание новых реактивных драконов, дракончиков и плазменных шутих не слышал, а, скорее, ощущал, спиной и внутренностями, норовящими вылететь наружу от каждого громового удара, катящегося над отрогами, гулко отражающегося от стены Предельных хребтов.

Он пополз под укрытие приземистого глайдера. Обернулся на Сухова. Тот стоял на коленях и, закрыв глаза, словно молился неведомому богу. И он был сейчас Демоном, а Демон был им. Дар подсказал это Тому. И некоторое время все они — трое — были чем-то одним.

А потом все это стало воспоминанием. Осталась только усталость, звон в ушах да медленно гаснущие фейерверки. Они стояли, оглядывая окружающий мир, так изменившийся за считанные десятки секунд. Секунд, сопровождавшихся громом взрывов и слепящим пламенем термоядерной плазмы. А над равниной вставали огромные столбы дыма. Столбы, обозначившие места, где гибель настигала смертоносных кукол-гигантов, которыми надумал было поиграть Бешеный Бог Джея. Том считал эти гигантские костры про себя: «Шесть, девять. Вон там, за рекой, — еще три. Кажется — все». Он повернулся к Павлу. Тот стоял за его спиной. И Демон стоял рядом с ним.

— Ну что же, — создание Тьмы, похоже, улыбалось. — Мы по-прежнему хорошо понимаем друг друга. У тебя осталось еще четыре приказа. Помни, чем придется платить вам.

Ноющий звук движка скоростного глайдера донесся до них. Том присмотрелся к простору равнины — там от предгорий к ним на полной скорости пилил легкий «Бриз-14».

— Это наши водилы, — вздохнул Сухов и положил руку на плечо Тома.

Тот оглядывался слегка ошалело. Демона уже не было с ними.

— Их, видно, спугнули те — ночные дела. — Сухов с досадой сплюнул под ноги и присел на подножку глайдера. — Отсиделись на перевале, сволочи, а теперь, видно, хватились. Тронулись к плоту — надо разгружаться. Ни минуты лишней нельзя оставаться на этой земле.

От рощи Цинь уже сигналила им ручным прожектором.

А на равнину падал снег. Уже не мелкой метельной сетью, а густой — хлопьями, сплошной завесой. Зима пришла на Джей.

Снег норовил залепить узкие, высокие окна-бойницы, и потому внутри гостиницы царил сумрак. Связной филиала из-за этого сумрака порядком нервничал — даже больше, чем из-за того, что совершенно не мог сообразить, как вести себя с таким странным посланником Центра, каким оказался следователь третьей категории Томас Лэмберт Роббинс. Мрачноватым местом была гостиница «Перевал», в которой тот назначил ему встречу. До прихода землян — тысячелетия назад этот скальный грот сторожил проход между двумя уютными долинами на самой границе Внутренних Пространств. Бравые Первопоселенцы успели до неузнаваемости изуродовать ремонтom древнюю архитектуру крепости-монастыря и приспособить ее под чисто человеческие нужды раньше, чем Метрополия проштамповала закон о неприкосновенности здешних объектов астроархеологии. И теперь «Перевал» уже которое десятилетие служил пристанищем для немногочисленных путников, которых судьба заносила на северную окраину Республики.

Впрочем, над всем, что соорудили на планете и окрест Сгинувшие Империи, все равно тяготела мистическая аура нелюдской, злобной вражды, словно впитавшаяся в древние металл и камни. Этой, несколько суеверной, точки зрения на Джее придерживались даже прожженные скептики, так что ничего удивительного не было в том, что временами мороз пробирал по коже остановившихся в стенах «Перевала», несмотря на их вполне земное оформление, на гостеприимную подсветку скрытых светильников и радушие самого настоящего бармена за отделанной под красное дерево стойкой уютного бара.

На настроении связного сказывалась и неприятная перспектива в любой момент оказаться отрезанным от всего Мира снежным заносом, самым обычным для этой чертовой глуши. Но больше всего давило ставшее уже почти привычным постоянное нервное напряжение, вызванное ползущей по планете Эпидемией. Ее еще только полупризнали власти Республики. Число жертв пока не перевалило за десяток тысяч. Но от нее уже знобило всех на Джее. Знобило правительство, медиков и науку, знобило армию и госбезопасность. Трясло и Управление. И персонально его — агента Аугусто Цолльнера.

И Аугусто нервно барабанил пальцами по ножке высокого бокала с вином из ягод «хлановой лозы», исподлобья поглядывая на сидящего напротив него следователя Роббинса. Собственно, Цолльнер и не собирался особенно скрывать от Тома своего дурного расположения — Центр уже недвусмысленно дал понять филиалу, что следователю давно пора призадуматься над своими методами работы. Но Том явно не собирался придавать большого значения этому признаку высочайшего недовольства, проявленному к тому же лицом, в непосредственном подчинении которого он не находился. Он вел себя так, словно сокровенный смысл этой их встречи, ради которой оба они, соблюдая все правила конспирации, тащились сюда по полузанесенным снегом проселкам, только в том и состоял, чтобы заняться дегустацией жаркого на ребрышках и местного вина.

— Прежде всего, — с облегчением вздохнул Аугусто, уловив наконец в пустой в общем-то болтовне Тома нотку интереса к причине того настоящего вызова на randevu, который вот уже которую неделю слал ему филиал, — вас, господин Роббинс, уже довольно давно дожидается это вот письмо. — Он перебросил через стол узкий белый конверт. — Комиссар Гед подчеркивает, что это его сугубо *личное* вам послание, и я, конечно, не в курсе того, что

он пишет. Но, наверное, не стоит пренебрегать тем, что один из высших руководителей Сектора счел необходимым сказать вам. На словах же велено было передать, что крайне желательно было бы с вашей стороны восстановить наконец... э-э... нормальный, принятый в Управлении способ поддержания контактов с участниками операции. Впрочем, — Цолльнер схватил со стола бокал и чокнулся с Томом, — если у вас есть на этот счет особые соображения, то сейчас самое время изложить их... м-м... как можно более внятно.

Том подавил тяжелый вздох. О личных посланиях комиссара Геда по Управлению давно шла дурная слава.

— Собственно, — он пригубил вино и распечатал конверт, — я уже достаточно ясно излагал обстоятельства дела, и не раз.

Он развернул вложенный в конверт листок и пробежал глазами от руки написанный текст.

«Надеюсь, что это письмо застанет тебя в добром здравии, Том, — писал в несвойственном ему дружеском стиле федеральный куратор Сектора. — Безусловно, там, непосредственно на месте действия, тебе виднее, когда и какие действия следует предпринимать в первую очередь для достижения поставленной перед тобой задачи. Опыт твоей предыдущей работы, — тут Том машинально провел кончиками пальцев по еле заметному шраму над правой бровью, — дает основания полагаться на твою способность действовать самостоятельно. Я должен отдать должное справедливости — формально ты не превысил рамок предоставленных тебе полномочий (хотя и подошел к ним вплотную). Однако два обстоятельства принуждают меня требовать немедленного изменения стиля твоего нынешнего поведения.

Прежде всего, уровень интересов, представленных в плане, реализацию которого обеспечивает порученная тебе операция, гораздо выше, чем уровень обычного расследования. Ты должен понять, что тот уровень неопределенности, на котором нам приходится находиться, работая с тобой, недопустим при тех ставках, которые сделаны в этой «игре».

Вторым беспокоящим меня моментом стало то, что ты пошел на слишком большой риск, приняв участие в странной игре, в которой изменению подвергаются составные части твоей личности. Пойми, что твои сообщения о возникновении у участников так называемого Испытания новых физических и психологических свойств заставляют с настороженностью относиться к твоей нынешней способности адекватно реагировать на ситуацию и отражать эту ситуацию в отчетах Управлению. Я не подвергаю сомнению сам факт возникновения таких новых свойств, это подтверждают многие косвенные данные и анализ других эпизодов, в чем-то сходных с тем, что происходит с тобой. Но именно это и заставляет меня принимать меры предосторожности. Но стал бы ты сам безоглядно доверять человеку, который, допустим, в качестве добровольца участвует в испытаниях некоего психотропного средства? Я думаю, такое сравнение не должно обидеть тебя. Со стороны изменения в твоём отношении к работе в Управлении хорошо заметны. Поданные тобой отчеты сознательно обходят принципиальные, ключевые моменты, которые важны для координации действий всего Сектора (чтобы не сказать — всей Федерации).

Поэтому я вынужден потребовать от тебя, и потребовать самым решительным образом, в корне изменить принятый тобой метод работы. Я имею все полномочия для того, чтобы гарантировать твоим партнерам сохранность их тайн и неприкосновенность сферы их интересов. Однако мне не остается ничего другого, как настоятельно

рекомендовать тебе в скорейшее время явиться в филиал Управления для подробнейших отчета и обследования и продолжать выполнение своего задания в условиях полного контроля со стороны Управления. Ты располагаешь определенным временем для того, чтобы с наименьшими потерями для порученного тебе задания выйти из той игры, которую ты затеял. Надеюсь, мне не придется в административном порядке отстранять тебя от исполнения задания.

Будь осторожен.

Искренне твой, Жюль Гед, комиссар Сектора».

Том задумчиво отхлебнул вина, сложил листок и спрятал его в конверт.

Сначала тебя благословляют на участие в рискованной игре. «Мы должны проникнуть в дело изнутри, и нам некому доверить это дело, кроме тебя, Том Роббинс. Береги себя». А после того, как ты вляпался в это самое дело по уши, тебе брезгливо сообщают: «Ты слишком запачкан, малый, чтобы мы могли доверять тебе. Так что готовься сдавать дела. И конечно, будь осторожен, не подцепи грипп. Ты нужен нам живым».

— Мне, пожалуй, и впрямь придется объясниться с вами достаточно подробно, Аугусто. — Он побарабанил длинными, музыкальными пальцами по белоснежному конверту. — Я, пожалуй, больше, чем кто-нибудь другой, заинтересован в том, чтобы в этом деле наступила наконец полная ясность. Но сейчас не тот момент, когда можно выкладывать все карты на стол. Это... Это, пожалуй, вызовет катастрофу. Да к тому же мне просто не удастся выполнить задание, если я нарушу слово, данное моим... нашим партнерам. И никому другому не удастся. Поэтому мне придется выдавать информацию по чайной ложке — порциями. Я думаю, вопросник у вас составлен и вы его помните наизусть. Лучше будет, если вы не будете прятать свой регистратор — так вот. Ведь, в конце концов, мы с вами оба — профессионалы.

Аугусто, хмуро улыбнувшись, достал из внутреннего кармана и пристроил на столе табельный опломбированный регистратор и чуть-чуть подрегулировал его. Откашлялся.

— Собственно, основное, что от вас хотят услышать, это — подробное и ясное описание хода ваших дел по разработке средств борьбы с «коконом». Согласитесь, что одних слов о том, что «решение проблемы близко», более чем недостаточно. Хотя они и подтверждаются авторитетом концерна «Линчжи». Знаете, то, что в центре событий находятся люди, не являющиеся... э-э... светилами в области медицины и нанотехнологий...

Том улыбнулся понимающе и криво:

— Вы знаете из моего предыдущего отчета, что нам пришлось столкнуться с весьма экзотической ситуацией. Источник нашей информации находится как бы вне обычной Вселенной. И в то же время — внутри ее. Помещен в... ну, в некую ее модель. И в этой маленькой Вселенной есть те самые светила, о которых вы говорили. Сейчас сознание Кайла Васецки находится... м-м... в контакте с этим Миром.

Связной склонил голову набок, задумчиво ковырнул небольшой стожок салата на тарелке перед собой.

— Вы не слишком затруднили себя уточнением того, при каких обстоятельствах вам удалось ввести господина Васецки в этот контакт. — Он отложил вилку в сторону и уставился на Тома так, словно тот персонально ему отказался открыть рецепт эликсира вечной молодости. — Честно говоря, следовательно, лично я ни за что не поверил бы в такого рода историю, но там, — он сделал ножом, зажатым в правой руке, жест, указующий куда-то вверх, — там *они* располагают какими-то им одним известными сведениями, которые

заставляют их верить тому, что сказано в ваших отчетах.

— Ну, знаете... — Том пожал плечами. — Вы непоследовательны. С одной стороны, говорите, что недоверия к изложенному мною в отчете не оказано, с другой — хотите доказательств. Я думаю, что местонахождение Пещеры Царств во Внутренних Пространствах не составляет тайны для Центра. И если люди, связанные с... с этой стороной событий, не хотят вступать в контакт с официальными структурами, то я просто ничего не могу изменить в этой ситуации. К тому же — не это главное. Не это, а содержание той информации, которую Кайл... которую господин Васецки заполучил в Больном Царстве.

Лицо Аугусто не выразило ни малейшего недоумения, но Дар, шевельнувшийся в глубине сознания Тома, подсказал ему, что сказанные им слова остались непонятны собеседнику, и кольнул его изнутри острой булавочкой чужого недоумения. Видно, агент Цолльнер не входил в число посвященных, допущенных к полному тексту отчетов следователя Роббинса, и о каком-то Больном Царстве слышал впервые. Предстоял разговор, напоминающий игру в «испорченный телефон». Это ощущение пришло к нему неожиданно, и Том так и не уловил, отразилось ли это на его лице. Так или иначе, но Аугусто тихо покачал головой — словно в ответ на что-то, сказанное Томом, — и осторожно подвинул регистратор по столу к нему, чуть-чуть. Сантиметра на два. Красный огонек индикатора заботливо напоминал о том, что работа любого подслушивающего устройства в радиусе двухсот метров надежно блокирована.

— Будет лучше, если вы будете свободно излагать то, что вы имеете сообщить Центру в свете того, о чем... м-м... просит вас в своем письме господин комиссар. Если потребуются пояснения, я буду задавать вопросы.

Том пожал плечами. Вздохнул и продолжил — уже в другой тональности:

— Так вот: декан Васецки был, как вы знаете, помещен в одну из... м-м... клиник концерна «Линчжи». Все четверо участников работы с так называемым «пультом»... с объектом «Джейтест» постоянно находятся в контакте.

— Вы упорно не указываете местонахождения той клиники, в которой находится Васецки, — тихо вставил Цолльнер. — Трудно поверить, что вы не знаете адреса.

— Это нечто типа бункера, — пожал плечами Том. — Я почти не отлучаюсь от Кайла. И каждый раз возвращаюсь так же, как первый раз попадал туда, в закрытом каре. Точнее сказать, в закрытом салоне кара. Из разных мест. Это занимает несколько часов. Так что достаточно трудно вычислить реальное расположение этого места.

— И вы, профессионал, не предприняли даже попытки...

— Это было бы то, что я называю, извините меня, дурацким любопытством, — довольно резко прервал его Том. — Поверьте, в службе безопасности «Линчжи» тоже работают неплохие профессионалы. Кроме того, я связан словом. Конечно, потратив некоторое время и приложив некоторые усилия, я смогу порадовать Центр точными координатами местонахождения декана Васецки и... — Он коротко махнул рукой. — Но это слишком дорого обойдется для всей операции. Они, в конечном счете, не имеют никакого значения — эти координаты. Так же как и масса других деталей, которые Центру захотелось непременно узнать. Вы можете выяснить их все или часть из них, но доверие между участниками Испытания нарушится. А прервать Испытание означает продолжить ту цепь бедствий, из которых оно построено, до бесконечности! Не требуйте от меня такой цены!

Десяток-другой секунд ушел у Тома на то, чтобы взять себя в руки.

— Все это время, — продолжил он чуть более энергично, чем раньше, — Васецки...

Кайл пребывает в состоянии своеобразного коллапса. Комы. Его сознание находится, как я уже сказал, в иной Вселенной. Со своими законами, со своим ритмом событий, со своим течением времени. И единственный канал контакта с ним — это мои с ним сеансы общения. Понимаете ли... я уже излагал это в отчетах: та особенность психики, которая возникла у меня, после того как я принял участие в Испытании, заключается в возможности в определенных условиях как бы совмещать свое сознание с сознанием другого человека.

— Любого? — живо и чуть встревоженно спросил Цолльнер.

Том внимательно пригляделся к нему:

— Нет. Пожалуй, что нет. Пока что мне не удастся произвольно управлять этим своим качеством. — «А ведь, пожалуй, это ложь, — подумал он. — Или скоро станет ложью». Вслух он продолжил: — За эти несколько недель мне... нам удалось четыре раза вступить в такой контакт. И каждый раз довольно много времени заняло осмысление того, что я *там* получил: увидел, почувствовал, подумал. Видите ли, Аугусто, это — совсем иной Мир. Специально сконструированный для того, чтобы изучать Эпидемию «кокона». И кроме того, это... все то, что я получаю там... память поступает с этим как с дурным сновидением — выталкивает, стирает эту информацию. И мне остается очень мало времени на то, чтобы все это надиктовать, наговорить на кассеты. Записать, изложить, проанализировать как-то. Понимаете, сразу... через секунды после выхода из этого контакта еще сохраняется впечатление совершенной ясности, полного понимания того, что... Того, что вошло в тебя. И тут же все это начинает теряться. Расплываться. Уходить. И ты, даже сохранив в памяти до мельчайших деталей нечто... Какую-то сцену, разговор, мысль... Даже видя еще это перед собой, перестаешь что-либо понимать. Теряются связи, ассоциации. Это — очень странный Мир.

Связной кашлянул:

— Васецки удалось узнать там то, за чем он туда отправился, в этот странный Мир?

— Да. — Том устало прикрыл глаза. — Теперь, после трех месяцев работы, я в этом уверен. Теперь даже можно представить принцип, на котором основан способ уничтожения Эпидемии. Но только принцип. Чтобы на самом деле уничтожить ее, надо вернуть Кайла сюда, в эту Вселенную.

— Я не могу понять, — голос Аугусто звучал неуверенно, — ведь та искусственная Вселенная, модель... Она ведь создана искусственно. В ней не может содержаться ничего такого, чего не знали бы те, кто ее создал.

— Это не совсем так. — Том потер веки. — Они, создатели этих моделей, только запускают процесс их самоорганизации. Это — сложная система событий. Что-то вроде процесса кристаллизации. Они и похожи на кристаллы — эти модели Миров. И когда их элементы складываются в какую-то структуру, на них влияет информация из окружающего Мира. Они как бы концентрируют ее, избирательно высасывают ее из общей структуры Мироздания. Так это объясняли мне. И этот кристалл — Камень Больного Царства — был создан так, что отбирал, впитывал в себя все, относящееся к «кокону». Не спрашивайте меня, как они это делали. Но в этом и смысл: модель рождается вне воли ее создателей и несет в себе гораздо больше того, что знают они о ней. — Он сгорбился в кресле и старался не сбиться с собственной мысли. — Так или иначе, смысл решения, которое Кайл отыскал в Больном Царстве, состоит в том, что нанороботы — микромашины, которые порождают процесс программированного перерождения разумных существ, зараженных «коконом», — сами поддаются перепрограммированию. Там, в том Мире, в котором он сейчас находится,

это нашли ценой огромных жертв, проб и ошибок. Мне... Нам удалось даже восстановить основные блоки новой программы, которую надо ввести в некоторое число этих созданий, дальше она начнет передаваться среди них автоматически — от одного ко многим другим, вытесняя, стирая исходную.

— «Нам» — это?.. — поинтересовался Аугусто. — Ведь среди вас четверых нет ни одного программиста. Тем более специалиста по нанороботам.

— Зато таких спецов полно в «Линчжи». — Том выпрямился, еще раз пригубил из бокала и прикинул что-то в уме. — Тем не менее у них займет, пожалуй, больше года реализация такой программы и способа ее введения в исходных носителей. А Кайл знает все необходимое уже сейчас.

— И сколько же вам потребуется еще «контактов» для того, чтобы?.. — подался вперед в своем кресле Цолльнер.

Тому не удалось удержать вздох, получившийся чуть судорожным.

— Боюсь, что мы уже достигли предела. Джей... Джей не дает нам нарушить правила Испытания. Не удастся установить полный контакт с Кайлом. Много помех, побочных эффектов. — Он снова потер ставшие тяжелыми веки. — А времени остается мало. Но здесь Эпидемия набирает силу. Скоро не удастся контролировать перерождающихся и начнут рождаться на свет монстры, которые выберутся на волю. И там, в Большом Царстве, время тоже работает не на нас. Если я начну излагать детали дела, то это займет слишком много времени. Короче говоря, *там* он находится в большой опасности — Кайл Васецки. И если смерть найдет его там, это не будет ни моделью смерти, ни смертью модели. Тогда он не вернется оттуда.

— Вы хотите сказать, что находитесь в критическом положении? — четко, сухим голосом выговаривая слова, спросил Цолльнер.

— Да, — коротко сказал Том. — И мне нужна та помощь, о которой я просил в моем письме. Адрес и местонахождение Марики Карои.

— То есть пятого участника так называемого Испытания? Какова роль этой... гм... фигуры?

— Это именно тот участник Испытания, который сможет вернуть Кайла в наш Мир.

Том на мгновение — не больше — снова ушел в себя: у него было что вспомнить об этих трех месяцах, проведенных далеко отсюда — в бог знает где расположенном горном убежище древних, переоборудованном под секретный институт фармакологического концерна.

— Нам был дан знак, — пояснил он, заметив, что собеседник напряженно ждет завершения образовавшейся паузы. — Своего рода знамение. Понимаю ваш сарказм на сей счет и благодарю за то, что вы его достаточно хорошо скрываете. Но один и тот же сон никогда не снится четырем людям одновременно. По крайней мере, в Метрополии.

— Вот как раз на Джее вы этим никого не удивите, — позволил себе чуть улыбнуться связной.

Его «клиент», хотя и провел на Джее уже почти полгода и прошел через чистилище Внутренних Пространств, все еще оставался новичком. Это открытие почему-то сделало «клиента» чуть более симпатичным для него.

— Половина всех исследований, которые филиалу приходится курировать здесь, так или иначе завязана на какую-нибудь паранормальщину, — пояснил Аугусто. — В большинстве случаев с этим приходится как-то мириться. Мы — не Спецакадемия, в конце

концов. Им и сдаем на руки все подобные факты. Естественно, что в отчетах Метрополии все эти вещи излагаются... обтекаемо. Да, именно обтекаемо. Вы первый раз пробуете хлановое вино?

Нотка взаимопонимания наметилась между этими двумя служителями Ран-ад-Тартара — Безумного Бога Истины. Они были похожи — несмотря на то, что Том был тонким в кости, высоким и моложавым потомком обитателей Черного континента, а Аугусто — крепко сложенным чистокровным представителем «вуззи» — первопоселенцев далекого Раниса. Оба держались чуть напряженно, хотя хотели казаться расслабившимися, оба были одеты и причесаны так, чтобы — насколько это возможно — ничем не выделяться в городской среде. Каждый тщательно следил за выражением своего лица и лица партнера. Сейчас они позволили чуть улыбнуться друг другу — еле-еле, уголками губ. Связной дал понять Тому, что не только его, Роббинса, отношения с Центром, но и отношения с ним планетарного филиала далеки от безоблачных.

— Бармен рекомендовал мне именно его, — отозвался Том на последнюю реплику собеседника. — Честно говоря, я ожидал лучшего.

Он виновато пожал плечами.

— Не стоит извиняться. — Теперь улыбка Аугусто приобрела вполне официальный статус. — Вы просто не привыкли. Это действительно очень хороший выбор. На Джее любой знаток подтвердит вам это.

Улыбнулся открыто и Том:

— К сожалению, на дегустацию вин у меня не было особенно много времени. Так что же с моим запросом по госпоже Карои?

— Вот. — Цолльнер перекинул через стол магнитную карточку. — Собственно, у вас уже имеется наше полное досье на эту женщину. Это — некоторые уточнения. И список ее нынешних адресов, предположительных. Мы соблюдаем поставленное вами условие: не принимаем никаких мер по отношению к подозреваемым. Но...

Он пожал плечами.

— Но?.. — Том внимательно посмотрел на лицо связного.

Тот рассматривал на свет свой полупустой бокал. Потом снова улыбнулся собеседнику. Теперь — чуть виновато...

— Но этого и не требуется. Никто из подозреваемых лиц Марикой Карои не является. Даю вам голову на отсечение. Этот список составлен так — для успокоения совести.

— Вы хотите сказать, что филиал все эти десять лет ни разу не поинтересовался истинным местонахождением фигуранта по делу федерального значения? — Том удивленно поднял бровь. — И даже теперь, когда стало ясно, что Испытание напрямую связано с Эпидемией...

— Чтобы работать с местными властями, господин следователь, чтобы работать с ними без помех, я имею в виду, приходится учитывать массу действующих сил. Сперва, как только господин Васецки учинил свой знаменитый аттракцион с Драконом, была очень оперативно создана совместная комиссия — от здешней госбезопасности, от Управления и от Спецакадемии. Все ожидали, что дело довольно быстро придет к концу — тому или иному. Однако наступил, как говорится, лаг-период. На целых десять лет. А «висняк» никто не любит, вы это знаете. Так что операция «Гамбит» приглянулась только генералам-академикам. Они ее и взяли на себя, целиком и полностью. И тогдашнее руководство нашего филиала только перекрестилось, сдав по описи все, что имело в заглавнике по этой

проблеме, господам яйцеголовым. И в этом — свой резон: то, что в нашем деле — «висняк», для них — нерешенная проблема, которая их кормит до тех пор, пока не будет решена. Так что все разработки, в том числе и чисто оперативные, по «Гамбиту» выполняли их люди. А мы не вмешивались — профессиональная этика. Только запросили у них соответствующее досье к вашему прибытию. Сдается мне, что они ограничились выписками. Есть, знаете ли, косвенные признаки. Возможно, вам следует знать имя и, так сказать, координаты руководителя исследований по этому проекту с их стороны. Генерал Ганс Иоахим Майерфельд. Хорошо запоминается. Формально он директор Центра по изучению лесных пожаров. Это в столице. Адрес и телефон легко найти в общей базе данных. — Цолльнер озабоченно пожевал губами. — Центр не возражает, если вы войдете в контакт с этим... м-м... звеном.

— По-вашему, у них есть резон скрывать местонахождение Карои? — чуть недоуменно спросил Том.

— Прямой, если у нее действительно прорезались какие-то необычайные способности. Телепатические или какие-то там другие. — Аугусто подобрался в кресле и пристально поглядел на Тома. — Это — их непосредственный объект изучения. За это их и кормит Директорат. Они, будьте спокойны, не спускают глаз и с вас четверых. Если я так говорю — у меня есть основания так думать. Им, видите ли, интересно, как вы найдете Пятого: по следам, по запаху, по какому-нибудь мыслеизлучению. И что вы станете делать, когда соберетесь вместе, все Пятеро. Чем вы тогда станете.

Почти минуту за столиком царило молчание. Потом Том криво улыбнулся.

— Я думаю, это интересно и филиалу, — коротко бросил он. — Как-никак — целых пять жуков. Статистика.

Цолльнер пожал плечами:

— Каких жуков?

— Так. Просто вы почти процитировали кого-то из древних. Не помню точно, были такие авторы из русских, которые первыми моделировали такие вот ситуации. Еще до Империи. Господин Гед иногда тоже цитирует сие сочинение. Его настольная книга. Поинтересуйтесь. — Том решительно поставил бокал на стол, выпрямился, плотно вцепился в подлокотники кресла. — В таком случае вы можете передать в Центр, что в ближайшее время я буду искать Марику... госпожу Карои всеми доступными мне средствами. Отправляюсь прямо сейчас и отсюда. Что касается моей отчетности — главное я изложил вам в нашей... беседе. И в уже поданных отчетах. Вот, — он протянул связному карточку компьютерной памяти, — здесь — всяческие дополнения и уточнения. Вся рутина. От себя добавлю только одну просьбу.

Цолльнер наклонил голову в знак внимания.

— Я прошу Центр и филиал не вмешиваться в мои действия еще хотя бы две недели. Больше времени не требуется.

Связник вздохнул:

— Я думаю, что больше его у нас с вами и нет.

* * *

Этот адрес Том поставил в конце довольно короткого маршрута, по которому пустили

его Бог Поиска и Демон Пропавших — непременные персонажи пантеона пестрой веры, в ведении которых пребывала теперь монашка-расстрига Марика Карои — носительница Дара Второго рода. Адрес этот он поместил в конец списка друзей, знакомых и клиентов, с которыми Марика поддерживала контакты за эти странные десять лет, не потому, что считал его самым безнадежным. Нет. Скорее уж наоборот. Он и сам не понял сперва, почему поступил именно так. И только расплачиваясь с такси-автоматом, доставившим его сюда, на улицу Семи Грешников, он сообразил, что ему просто дьявольски не хочется иметь дело с Кристофером Локи — бывшим следователем третьей категории Федерального управления. И пока Том вытаскивал из щели расчетного терминала свою кредитную карточку и поднимался по ступенькам старого, набитого офисами и кабинетами под аренду «Сим-Хауса», он сообразил еще, что Крис Локи заведомо — еще до знакомства с ним — неприятен ему. Но не потому, что когда-то изменил Управлению, а потому, что ему самому — Тому Роббинсу — непременно предстоит где-то, в конце той странной игры, в которую он ввязался, стать таким же, если не худшим, изменником того дела, которое послало его сюда через половину Обитаемого Космоса. На кого он работает сейчас, для кого ищет Марику? Для Управления? Для того чтобы вытащить Кайла Васецки из странной, заключенной в кристалл Вселенной? Или — для Джея, для продолжения странной игры с Безумным Богом этого Мира?

У самого входа в «Сим-Хаус» — это был под старину устроенный вестибюль с зеркального стекла вращающейся дверью-тамбуром — Том по-бойскаутски по отражению проверился, не присматривает ли за ним кто с людной улицы. Конечно, это было чистой воды мальчишеством — в век, когда камера с гелиопланера, парящего в незримой высоте, без труда читает лейбл на отвороте вашей рубашки и автоматически наведенный идентификатор за километры распознает вас по рисунку радужной оболочки. Но раза три за всю сравнительно недолгую его карьеру именно такие глупые трюки сыграли для него решающую роль. Но в этот раз ничего подозрительного не произошло. Как это и бывало почти всегда.

«Невроз, — сказал он себе. — Обыкновенный невроз. Здорово меня успокоил этот Цолльнер. Как он там выразился: «Они не спускают с вас глаз. Им интересно, как вы найдете Пятого, по следам, по запаху, по какому-нибудь мыслеизлучению. И что вы станете делать, когда соберетесь вместе, все Пятеро. Чем вы тогда станете...» Здорово. Это просто здорово — загнать себя в этакий вот угол. — Он прикрыл глаза. Лифт бесшумно увлекал его вверх, вверх, вверх. — Кстати, чем действительно мы станем? И чем стану я сам?»

Офис детективного агентства «Локи и Ли» находился на двенадцатом этаже «Сим-Хауса», почти в самом конце довольно длинного и пустынного в этот час коридора. Дешевенький секретарь-автомат задумчиво пожевал визитную карточку Тома и поинтересовался у него, назначал ли господин Ли время встречи господину Роббинсу.

— Я звонил не господину Ли, а господину Кристоферу Локи час назад и договорился с ним о встрече, — объяснил Том и подождал с полминуты, пока микрочип переваривал эту информацию.

Всегда, когда ему приходилось объясняться с бытовой автоматикой, он машинально переходил на тон, которым когда-то разговаривал с младшим братишкой. В детстве. Давно.

Секретарь сообщил ему, что будет лучше, если господин Роббинс спустится в холл «Е» на десятом этаже и подождет там. Господин Локи спустится к нему через несколько минут. Том неодобрительно посмотрел на так и не открывшуюся перед ним дверь агентства и

— Извините, следовательно, но сдается мне, наш офис — неподходящее место для того разговора, который нам предстоит. Так что лучше побеседовать здесь — на нейтральной, так сказать, территории.

Том очнулся от легкого одурения, которое снизошло на него от затянувшегося созерцания зимних облаков, сделавших обычно высокое небо Джея неким подобием причудливого готического свода, и обернулся к худощавому скандинаву, незаметно подошедшему к нему сзади.

— Мистер Локи, если не ошибаюсь? — осведомился он, протягивая руку этому хмурому на вид персонажу. — Очень приятно, что вы сочли нужным навести обо мне справки, перед тем как встретиться. Полезная привычка. Ведь я, кажется, не называл вам своих чинов и регалий.

— Меня просто предупредили. — Локи опустил в уютно расположенное у журнального столика кресло и жестом предложил гостю устроиться визави в другое такое же. — Предупредили относительно вашего предстоящего визита и вашего интереса к одной моей знакомой.

Сидел он в позе напряженной и был как-то рассеян и нервозен. Похоже, что совсем недавно ему основательно потрепали нервы и ему никак не удастся взять себя В руки.

— И кто же вас предупредил? — Том опустил в кресло, но вместо того, чтобы расслабиться в нем, наоборот, напряженно выпрямился, пристально фиксируя собеседника взглядом.

— Во-первых — ее младшая подруга. Девушка-китаянка. О вас она отозвалась хорошо. А вот люди, которые пригласили меня для разговора в Серый дом... Они довольно агрессивно настроены против вашей, как они выразились, «самодеятельности».

— Кто из них был первым? — облизнув сразу пересохшие губы, торопливо спросил Том. — И... и они, и Цинь... Циньмэй — китаянка, и люди из ГБ получили от вас те сведения, которые хотели? Ведь и она, и господа из контрразведки хотели быть в курсе нынешнего местожительства вашей старой знакомой? Я... про Марику Карои, если вы...

— Так и вы за тем же пришли, не так ли? — Крис Локи с демонстративной рассеянностью похлопал себя по карманам в поисках курева, отыскал и принялся раскуривать свой «Житан» от массивной зажигалки, украшавшей столик между собеседниками.

Зажигалка от греха подальше была прикреплена к этому предмету обстановки надежной цепочкой. Видно, холл «Е» десятого этажа привычно служил местом доверительных бесед господина Локи и был им минимально к тому приспособлен в соответствии с его привычками.

— Именно за этим. — Том жестом отклонил предложенную ему сигарету. — Но боюсь, что пришел слишком поздно. В таком деле быть третьим — все равно, что вовсе не участвовать в... гм... забеге.

Он приготовился подняться из кресла.

— Вам лучше знать, — грустно усмехнулся Локи. — Но кучность у вас отменная.

Госпожа Циньмэй наведлась ко мне прямо на дом, в пятом часу утра. А вот господа из госбезопасности ждали у моего подъезда — еще не было восьми. А едва я явился в свой офис, как почти сразу удостоился вашего звонка. Боюсь, однако, что не смог удовлетворить никого из всей вашей теплой компании. Разве что госпожу Циньмэй, но и в этом не уверен до конца.

Том решил задержаться и остался сидеть в кресле.

— Вы бы как-нибудь пояснее выражались, мистер, а то я, видно, туго соображаю в последнее время.

— Тут действительно есть над чем поломать голову. — Крис Локи уставился на свою сигарету, словно именно она так озадачила его. — Дело в том, что вы, наверное, в курсе того, что мы с Марикой работали вместе лет этак шесть. Мы с мисс Карои сотрудничали очень тесно еще в те времена, когда вы могли бы считать меня своим коллегой.

— Вам было поручено присматривать за мисс? — осторожно поинтересовался Том.

— Нет. — Локи удивленно взглянул на него. — Я вообще не был задействован в спецоперации, связанной с тем делом. И сначала знал ее вообще под другим именем. И очень долго был совершенно не в курсе дела. Она почти ничего не рассказывала о том, что случилось тогда. Наш филиал здесь, вы уж простите, кроме всякой паранормальщины занимается еще и вполне обычной полицейской прозой, только на федеральном уровне. А моя лично специальность была и есть розыск пропавших. Вы, конечно, в курсе того, какая чертова пропасть народу числится в федеральном розыске по одному только нашему Сектору? И прекрасно понимаете, как только у кого-нибудь там, наверху, возникает мысль о том, что хоть кого-то одного из этой уймищи без вести пропавших могло занести сюда, в систему Джея, у всего здешнего филиала Управления начинается головная боль по той причине, что с нашим мизерным штатом офицеров контора должна перелопатить всю базу данных по иммиграции, учтенной и неучтенной. А вы имеете представление о том, что здесь, на Джее, представляют архивы иммиграционной службы?

Том имел такое представление. Локи продолжил, нервно затягиваясь сигаретой:

— При этом каждый раз оказывается необходимым немедленно пуститься по следу не менее шести подозрительных пентюхов, ни один из которых, поверьте, не горит желанием встречаться с какими бы то ни было представителями властей. Самое смешное в том, что время от времени даже таким вот способом мы... они и впрямь находят тех, кого ищут. Это всегда здорово воодушевляет начальство, и после каждой такой удачи от него просто житья не бывает. Короче, Марика со своим Даром Второго рода была для меня очень счастливой находкой. Особенно если учесть, что мы неплохо сошлись характерами.

Снова Крис Локи нервно затянулся табачным дымом и одарил его струей какое-то подобие кактуса, притулившееся в кашпо поодаль от него.

— Но этот... Второй из Основных Даров... — Том отмахнулся от доставшейся на его долю части дыма. — Он же ведь относится к неодушевленным сущностям — не к людям. Каким же образом...

Крис Локи улыбнулся впервые за время их с Томом разговора:

— Вот это-то и было основой основ нашей с Марикой кооперации. Ее дело было идти по следу вещей — сущностей неодушевленных, а мое — вовремя соображать, где, когда, как и при каких обстоятельствах судьбы этих неодушевленных сущностей пересекались с судьбами сущностей одушевленных — нашего брата, людей. Достаточно было маленькой зацепки, какого-нибудь вещественного доказательства, пустяка, побывавшего в руках у

объявленного в розыск, или даже рассказа про какой-то такой предмет — только рассказа человека, который к тому предмету имел хоть небольшое отношение, — и, работая на пару, мы выстраивали цепочку, которая нас приводила к нужному человеку. Здесь важно то, что Марика могла отслеживать след вещи, так сказать, в обе стороны — и назад по времени, и вперед. Она могла не только установить, от кого пришла вещь, но и определить, к кому она уйдет. Узнать, угадать, что из какого-то круга предметов понадобится тому, кого мы ищем, притянет его. Согласитесь, с таким напарником можно делать чудеса. Надо только уметь работать с человеком. Я мог сделать сумасшедшую карьеру. Но решил вместо этого сделать сумасшедшие деньги. Это все и сгубило.

— Интересно, здесь, на Джее, Управление часто сотрудничает с магами и гадалками? — позволил себе улыбнуться, но только чуть-чуть, Том.

— Управление — нет, — без тени улыбки ответил Крис Локи. — А вот его сотрудникам не возбраняется действовать в интересах расследования любыми законными методами. Включая гадание на кофейной гуще или обращение к услугам шамана — в пределах выделенных на это ассигнований или за собственный счет. Я предпочитал рисковать собственными деньгами, но жадность, говорю, сгубила: решил, что будет только справедливо компенсировать эти траты за счет благодарных клиентов. — Локи усмехнулся и снова одарил декоративное растение струей дыма. — Понимаю, что вы будете осуждать меня — осторожный человек на моем месте сначала бы подал в отставку из Управления и выправил бы себе по всей форме лицензию на частный сыск. Но не стоит меня убеждать в том, что мне теперь и так очевидно более чем кому-либо еще. Я на этом потерял больше, чем репутацию и законное выходное пособие.

— Вы еще подставили Марику, — констатировал Том.

— Вот именно. Меня извиняет только то, что я ничего не знал тогда о ее прошлом, о том, которое было связано с Ларцом. Она никогда ничего и никому не рассказывала об этом. Я даже ее настоящее имя узнал не сразу. Что касается остального, у нас состоялся только один разговор обо всем этом. Прощальный. Когда все уже и так всплыло на поверхность, из-за того скандала, с которым я вылетел из Управления. Нашлись те, кто сопоставил ее Дар и события тех лет. Марика очень боялась, что прошлое вернется к ней. И как только почувствовала к себе интерес со стороны спецслужб...

— Это Управление взялось за нее? — Том перегнулся через стол, чтобы видеть глаза собеседника.

— Нет. — Локи небрежно взмахнул рукой. — Я бы об этом догадался. Рыбак рыбака, знаете... Нет. Какая-то из специализированных служб, я думаю. Это, впрочем, не имело значения ни для нее, ни для меня. Короче, Марика снова сменила имя и подалась в бега — она была готова к такому повороту событий. Жаль, что все так обернулось: у нас в планах уже было намечено небольшое частное детективное агентство. А теперь... — Крис поднялся и подошел к окну, за которым хмурился пасмурный зимний день, — теперь, благодаря вашей косоглазой колдунье, я еще неизвестно когда смогу снова найти Марику.

— А до этого... до пяти часов сегодняшнего утра вы знали, где ее искать? — осторожно, чувствуя, что касается опасной темы, спросил Том.

— Знал!!! — Локи с неожиданной злобой запустил окурком в ничем не повинное и довольно убогое деревце, украшавшее интерьер холла «Е». — И знал бы и сейчас, если бы эта ведьма не сказала мне: «Забудь!» Сказала, повернулась и ушла. А я и действительно забыл. Я не помню даже того, о чем этаком мы с ней разговаривали. Я и имя ее вспомнил

только вот сейчас, когда вы его назвали. Можете себе представить, каким бараном я был дальнейшие четыре часа, пока со мной работали люди из ГБ?

Он вскочил и принялся мерить холл шагами, нервно разворачиваясь на поворотах. Том незаметно подался вперед, чувствуя, что сейчас его собственный — неизвестно какого рода — Дар рождается в нем и входит в мозг собеседника невидимым, мощным сверлом. Он уже был Крисом Локи на четверть, на треть, наполовину. На сто десять процентов он уже знал то, что запрет Цинь скрыл от мысленного взора Криса. Он даже испугался, что сейчас, пропустив через себя, вернет ему это знание.

И он поспешно, как из ледяной проруби, вынырнул из души бывшего коллеги. Все-таки каждый контакт давался ему нелегко. С минуту или две он не понимал, что говорит его собеседник. Пот бисером выступил на его лбу, и знакомая уже слабость заставила кулем осесть в кресле. Он с трудом удерживался от того, чтобы привычным движением сжать виски и, скорчившись, замереть хотя бы на несколько секунд — сосредоточиться и снять тупую разламывающую боль.

— Нет, не беспокойтесь... — Он скорее догадался о смысле вопроса, который уже второй раз задавал ему встревоженный Крис, чем расслышал его. — Со мной все в порядке. — Он не без усилия поднялся на ноги. — Извините за доставленные вам хлопоты.

Шагая к выходу, он старался не оборачиваться, чтобы не встретить тревожный взгляд, которым провожал его совладелец детективного агентства «Локи и Ли». Тому тоже было не по себе.

«Как это там выразился господин Цолльнер про господ генералов-академиков? — спросил Том самого себя в лифте. — «Они не спускают глаз и с вас четверых. Им, видите ли, интересно, как вы найдете Пятого: по следам, по запаху, по какому-нибудь мыслеизлучению. И что вы станете делать, когда соберетесь вместе, все Пятеро. Чем вы тогда станете...»

Еще он несколько раз повторил про себя: «Надо искать гадалку без лицензии. Слепую Цыганку. На Северном побережье. Зброшенный маяк на Каменной косе. Полдороги между Порт-Руми и Лукасвилем. Чертова глушь...»

* * *

Иллюзий относительно того, что добраться в эту глушь будет легко, Том, разумеется, не питал. Но и того, что путь — монорельсом, с двумя пересадками, затем арендным каром, а потом, когда кар подвел, на попутках — займет у него чуть ли не сутки, он не ожидал никак.

Каменная коса оказалась узкой полоской суши, на которой уместились только сооруженная давно набережная и вдоль нее — узкое шоссе, соединяющее берег с островком, над которым не столько возвышался, сколько громоздился заброшенный маяк — неправильной формы старинный дом с пристроенной к нему невысокой башней. Посередине косы к обочине шоссе пристроился «лендровер», возле которого маячила уже знакомая ему фигура с военной выправкой.

— Спасибо, считайте, что вы довезли меня, — сказал Том водителю, взявшемуся доставить его к маяку. — Я сойду здесь, мне надо поговорить с господином...

— Как скажете, — удовлетворенно ответил тот, пряча в карман куртки протянутую ему купюру, и даже, перегнувшись через сиденье, помог пассажиру открыть дверцу кабины.

— Ну вот мы и встретились, — вздохнул Том, протягивая руку полковнику. — Так я и знал, что это дело еще сведет нас вместе. Однако ваше ведомство играет не слишком честно.

Стырный, похоже, удивился его словам, но не слишком, что и означил легким поднятием левой брови, бесцветной и потому по-детски невидимой. Точно такой же, впрочем, как и правая.

— Что вы имеете в виду? — осведомился он и кивком головы предложил коллеге пройти с ним вдоль набережной.

Том поглубже засунул руки в карманы плаща и последовал за полковником. Ветер бросал в их лица пригоршни холодной соленой мороси, но это не мешало им общаться всерьез и, скорее, усиливало взаимопонимание, делая товарищами по этому маленькому несчастью.

— Я имею в виду то, — уточнил Том, внимательно глядя в глаза собеседнику, — что еще до прибытия на Джей я сразу после получения задания направил в региональные компетентные органы запросы относительно всех лиц, связанных с... с известными вам событиями. Такой запрос получил и ваш Комитет. Наш здешний филиал этот запрос дублировал. И в обоих случаях в полученном ответе про Марику Карои — всего только строчка: данные о ее теперешнем местонахождении и занятиях в файлах Комитета и подчиненных ему служб отсутствуют. Что вообще-то уже само по себе удивительно, учитывая, как говорится, историю вопроса. Так что, как видите, мне пришлось самому принимать меры розыска. И вот теперь я обнаруживаю, что стоило мне почти добратся до цели, как вдруг...

— Вы так уж убеждены, что добрались именно до той цели, к которой стремились? — с едва заметной иронией осведомился Стырный.

— А вы хотите уверить меня, что Слепая Цыганка — это вовсе не госпожа Карои? — вопросом на вопрос ответил Том.

Некоторое время они молча шагали по набережной, обдаваемые седой мелкой водяной пылью прибоя. Наконец полковник повернулся к Тому:

— Ладно. Не стану врать. Она. Она самая. Но Комитет вам не лгал. Да и никто здесь, не Джее, не станет врать ни Управлению, ни людям Директората вообще. — Он усмехнулся: — Вы даже не знаете, насколько законопослушен этот Мир. Республика Джей. Понимаю ваше недоумение, почему же ваш покорный слуга здесь, а не за своим рабочим столом? Прошу вас учесть, что этот самый ваш покорный слуга находится здесь не в качестве... э-э... должностного лица, а как персона сугубо частная. Сам по себе, так сказать.

Тому не оставалось ничего, как высоко поднять плечи, означив этим крайнюю степень недоумения.

— Вы просто не в курсе того, насколько сложно все здесь, в Мирах Периферии, — вздохнул Стырный. — И насколько все сложно с этим конкретным «делом археологов» — так его здесь окрестили. Так вот: все материалы по «археологам» примерно через год после... после тех событий, о которых вы говорите, были переданы комиссии Спецакадемии. И нам достаточно прозрачно намекнули, что интересоваться вопросами, связанными с этими материалами, далее не следует. Я, право же, думал, что вы в курсе дела.

Том промолчал, мысленно помянув крепким словом и Спецакадемию, и режим

секретности, доведенный до вершин маразма прилежными усилиями нескольких поколений конкурирующих компетентных служб Федерации. Полковник криво — понимающе — улыбнулся. Водяная пыль сделала его брови отчетливыми и пушистыми.

— Так что я, — Стырный энергично потер нос и откашлялся, — в известной мере превысил свои полномочия, когда по собственной инициативе продолжил отслеживать... м-м-м... судьбу доктора Васецки и госпожи Карои. Сами понимаете, когда берешься за такое, приходится немного мудрить в отчетности, но дело стоит того. Не могу, конечно, поклясться, что руководство Комитета ни о чем не догадывается, но пока ни Академия, ни Директорат не проявляли особой нервозности. На такую самостоятельность иногда смотрят... э-э... сквозь пальцы. Как на резервный вариант. Можно считать, что ничего и не было, а можно, если надо, соорудить оправдательный отчет, подкрепленный железными фактами. Да и в конце концов они там тоже люди, не лишенные любопытства.

— Ну так что же. — Том остановился у тянущегося вдоль набережной парапета. — Пусть это будет ваша личная инициатива. В сущности, это мало что меняет. Так или иначе, понять вас можно только так: вы хотите поставить какие-то свои условия, без выполнения которых наш разговор с госпожой Карои не состоится?

— Я не могу ставить вам условий, — натянуто улыбнулся полковник. — Повторяю: я действую как частное лицо, на свой страх и риск. Но вот пожелания... Некоторые пожелания... в отношении того, что вы затеяли, у меня есть. Пожелания. Просьбы.

Роббинс всем своим видом изобразил величайшее внимание к собеседнику.

— Да о сущем пустяке хочу я вас просить, — махнул рукой Стырный. — О совершенно очевидной вещи. Я всего лишь хочу присутствовать при этом вашем разговоре. Совершенно открыто, только как частное лицо, повторяю. Но только откровенно заинтересованное в том, чтобы знать... ну, хотя бы догадываться о тех сюрпризах, которые поджидают тот мир, в котором этому частному лицу приходится жить. Поймите меня правильно: если бы речь шла только о ваших личных судьбах, то я и не стал бы совать нос в ваши опасные игры. Но все дело-то в том, что с самого начала это оказались не только ваши игры. И сверх того, еще и очень опасные игры. Собственно, для нашего Мира, для Республики Джей, если выражаться формально, они, игры эти, гораздо опаснее, чем для вас лично. Гибель пятерых любителей приключений, согласитесь, пустяк по сравнению с Эпидемией или визитами технодраконов. А вот безопасность Республики — это, если хотите, уже мое личное дело. Не заработок и не обязанность. Мне кажется, вы из тех, кто должен понять, что это — не демагогия. Так что, согласитесь, у моей просьбы есть свой резон. Как-никак, хочется загодя иметь хоть какое-то представление о том, чем планете придется расплачиваться за следующий ход в этой вашей игре. Ведь вы — уже в игре, господин следователь?

Это был не вопрос — снисходительное утверждение. Том не стал возражать полковнику. Промолчал.

— И я понимаю, что вам не по своей воле приходится делать эти ходы. — Стырный отвел свой взгляд от лица Роббинса и уставился в туманную даль моря, затянутого пеленой дождя.

— Вы... госпожа Карои рассказала вам свою историю? — выдержав небольшую паузу, спросил Том.

Стырный покачал головой:

— Я и не пытался расспрашивать ни ее, ни Васецки. После того, разумеется, как пришлось сдать это дело. Это, в общем-то, и бессмысленно. Однако многое в этой истории

поддается... Ну, вычислению, что ли. Логическому анализу. В конце концов, я уже полный десяток лет копаюсь в делах этой... теперь и вашей компании. Не грех было бы и самому догадаться кое о чем. Другое дело — догадливость моя проснулась с солидным запозданием. С самого начала этой истории мне только и приходилось, что хлопать ушами, пока по милости этих затейников нам на головы сыпались непредсказуемые беды и несчастья. А затем, после исчезновения Сухова, оставшиеся двое, что называется, легли на дно так основательно, что... К тому же как раз в это время дело это у нас, как я вам уже сказал, отобрали.

— Я боюсь... — Том посмотрел в ту же промозглую даль, в которую внимательно всматривался полковник, точно так же видя в ней только что-то свое. — Я боюсь, что в таком случае у нас с госпожой Карои не получится никакого разговора.

— Это, пожалуй, верно. — Стырный бросил на него короткий взгляд. — Бог с вами, с вашими секретами. Они — не для этого Мира. Давайте поставим вопрос так: и вы, и я понимаем, что значит *ответственность*. Немножко лучше понимаем, чем все прочие смертные. Если бы не некие... м-м... особые обстоятельства, связанные со всей этой историей и с наличием у госпожи Карои так называемого Дара... Если бы не это, я не преминул бы прибегнуть к специальной технике наблюдения. Но в предлагаемых обстоятельствах это точно так же испортит все дело, как и мое прямое присутствие. Поэтому мне остается полагаться именно на то, о чем я только что сказал, — на общее для нас чувство ответственности. Надеюсь, у вас будет его достаточно, чтобы поделиться со мной той информацией, которую вы сочтете достаточно важной. Я уже сказал вам, что предвижу новые сюрпризы. А к сюрпризам надо быть готовым. Хотя бы немного. Надеюсь, мы поняли друг друга.

— Во всяком случае, я понял вас. Я сам прежде всего заинтересован в том... В том, чтобы эта адская игра хоть чем-то закончилась. — Том сделал неопределенный жест и поежился от налетевшего порыва холодной мороси. — Только... Только мы имеем дело с настолько неопределенной, непредсказуемой... сущностью. Думаю, что вряд ли смогу сообщить вам, полковник, что-то хоть сколько-нибудь путное.

Он помолчал немного.

— В одном только вы совершенно правы — продолжать эту... игру нам приходится не по своей воле. Может, каждый новый ее шаг и приносит Джею новую беду, но если его не сделать, этот шаг, то события окончательно выйдут из-под контроля.

Стырный усмехнулся:

— Если бы я не понимал этого, вся ваша компания уже давно сидела бы за решеткой. И за крепкой решеткой, поверьте мне. Будь на это хоть сто запретов Директората. Тем не менее повторяю: я верю, что никто из нас не желает зла ни Джею, ни себе. И я верю в то, что мы с вами достаточно хорошо понимаем друг друга.

— Вы можете верить в то, — Том повернулся лицом к полковнику и посмотрел ему в глаза, — что ничего я не желаю так сильно, как того, чтобы все... *это* оборвалось. Закончилось. А лучше — вообще забылось бы. Как дурной сон.

— Я бы тоже не возражал против того, чтобы забыть кое-что. Кое-что из дурных снов. — Стырный оторвался от парапета и не оглядываясь зашагал к своей машине.

По ступенькам маяка Том поднимался, неся в душе тяжелое чувство полной неопределенности. Что может сказать он незнакомой, в общем-то, женщине, которая перенесла тяжелейшую душевную травму, столкнувшись с темной стороной тайного, нечеловеческого Мира Джея? И которой он не мог предложить ничего иного, кроме как снова ступить на зыбкую тропу Испытания.

Он неуверенно взялся за рукоять дверного молотка — странноватый архаизм, впрочем совсем не удивительный здесь, на тяжелой дубовой двери этого старого, времен Изоляции, сооружения. Подождал ответа, не дождался и толкнул тяжелую створку. Та отворилась с таким душераздирающим скрипом, словно претендовала на главную роль в триллере ретро. Возникший проход закрывали тяжелые гардины. Том откашлялся, сдвинул полотнища в сторону и шагнул в сумеречное пространство за ними.

Этим пространством оказалась полутемная комната — приемная гадалки, судя по всему не загроможденная мебелью и демонстративно аскетичная. Комната с восьмью неровными углами, пожалуй, даже чересчур просторная, очевидно, раньше разгороженная на несколько подсобок заброшенного теперь маяка. Амулеты в двух-трех витринах, развешанных в промежутках между узкими, неправильной формы окнами; причудливой, грубой ковки люстра, асимметрично висящая в стороне от трудно определяющегося центра сводчатого потолка, потемневшие балки, три старинные, тоже грубой работы, скамьи. Тяжелый, из рок-дерева, стол с разложенными на нем проспектами и образцами изданий о сверхъестественном и побрякушек.

Роббинс откашлялся еще раз.

— Не надрывайся, — посоветовал ему из-за спины хорошо знакомый голос. — Хозяйка сейчас спустится к нам. Только приведет себя в порядок.

— Господи, Цинь! — с досадой вздохнул Том. — Все-таки первой пришла к финишу и чувствуешь себя победительницей.

Странная усталость навалилась на него, похожая на ту, что одолевает солдат, поднятых по тревоге, которую тут же отменили.

— Что поделаешь, я это люблю — чувствовать себя победительницей, — отрешенно взмахнула рукой Циньмэй, обошла Тома и, подойдя к столу, стала длинными, тонкими пальцами перебирать разложенные на нем безделушки.

Со стороны она напоминала угловатого паренька-воришку, пытающегося выбрать добычу в оставшейся без присмотра лавке бижутерии.

— А еще я удачно разминулась с господином Стырным, — сочла нужным сообщить она. — Он тоже немного запоздал навестить свою... подопечную. Я тут через окно насмотрелась, как вы полчаса морочили друг другу головы. Ты вымок? — вскинула она на Тома чуть потеплевшие глаза.

— А ты давно здесь? — устало спросил он, опускаясь на лавку у закопченной стены.

Цинь дернула плечом:

— Я сюда просочилась еще в полночь примерно. И мы с Марикой долго разговаривали — всю ночь. Хотя и не обо всем стоит говорить вслух в этом домике.

Странная усталость заставила Тома прислониться спиной к прохладной каменной кладке стены и на минуту прикрыть глаза.

— Ну и до чего же вам удалось договориться? — с каким-то ему самому непонятным безразличием спросил он.

В этот момент дверь, ведущая на верхнюю площадку лестницы, сбегавшей вдоль

неровных стен со второго этажа, с глухим скрипом отворилась и пропустила хрупкую женскую фигурку, затянутую в темный дорожный костюм с капюшоном. При виде нового неожиданного гостя фигурка замерла.

— Это Том, — не оборачиваясь от стола с безделушками, пояснила Цинь, — Томас Роббинс. Я вам про него рассказывала. Как видите, он тоже вычислил вас. Знакомьтесь.

— А вы — Марика Карои? — для порядка осведомился Том, поднимаясь и приглядываясь к скрытому в глубине капюшона лицу хозяйки странного дома.

Та еле заметно пожала плечами, явно подумав: «А кого еще вы хотели здесь застать?» — и, постукивая каблучками, стала быстро спускаться по глухо резонирующим в такт ее шагам ступеням.

Том с удивлением отметил, что госпожа Карои, кажется, почти совершенно не изменилась по сравнению с тем хрупким и женственным созданием, которое было запечатлено на голограммах и в видеофайлах десятилетней давности. То же — почти без следов косметики — чистое, с еле заметной родинкой над уголком рта лицо, та же чуть летящая походка, тот же светлый и тревожный взгляд, похожий на взгляд испуганной птицы. Только отчужденности, строгой замкнутости прибавило Марике время.

— Нам лучше поговорить не здесь. — Цинь с легким презрением швырнула на стол цепочку с имитацией старинного медальона, которую вертела в руках за секунду до этого. — Здесь все слишком хорошо пристреляно нашим добрым полковником. А если не им, так его конкурентами.

Марика еще раз вздернула плечи. Но не сказала ни слова.

Они молча вышли из странного дома. На мокрых ступенях высокого крыльца Том задержался на секунду-другую, высматривая в дождливой мгле «лендровер» Стырного. Но ни его, ни полковника окрест и в помине не было.

Марика достала из кармана плаща дистанционный пульт и послала сигнал куда-то за угол. Оттуда, послушно похрюкивая, тут же выполз темненький «форд-уникум» и аккуратно приткнулся к крыльцу. Марика заняла место за рулем, Том пропустил Цинь вперед и сам втиснулся рядом, на заднее сиденье. Повертел головой, оценивая обстановку.

— Здесь у меня поставлено две глушилки, — наконец произнесла Марика.

Голос был приятный, с чуть заметной хрипотцой.

— Нестандартные, — пояснила она. — Штучная работа. От благодарных клиентов. Так что, если у вас есть о чем говорить всерьез, то...

— Все-таки подождем с этим, — перебила ее Цинь. — Вот пересядем в мою тачку, тогда можно стать и поразговорчивее.

Наступила пауза. Марика вопросительно обернулась к подруге.

— Туда, на перекресток, — кивнула та.

Девушка тронула кар.

После короткого перегона под нервную дробь капель по тонкому пластику крыши «уникум» выкатился на пустынный перекресток, а с боковой дороги навстречу ему из пелены усиливающегося дождя вынырнул и приткнулся к обочине фирменный фургончик «Линчжи». Том уже не удивился, разглядев за его лобовым стеклом добродушную и заспанную физиономию Павла.

Цинь откинулась на сиденье.

— Ну вот вы и снова вместе, — тихо сказала она. Словно самой себе. — Только Кайла нет, — добавила она. — Теперь — Кайла. Можешь думать обо мне все, что хочешь.

— Можешь не терзаться, — взмахнула рукой Марика. Теперь, когда они перебрались в гораздо более просторную кабину фургончика, который Павел уверенно гнал по дороге на север, она могла позволить себе жестикуляцию — скупую, но — как того и требовала ее профессия — очень выразительную.

— Можешь не терзаться: я знала, что... — она запнулась, — что продолжение последует. С самого начала знала. Так что все эти годы я... Я скорее от себя самой пряталась. И когда вы меня вычислили... Когда Цинь забралась ко мне. Я даже испытала облегчение. Только... — Она крепко сжала переплетенные пальцы. — Только мне кажется, я страшно, *страшно* боюсь, что все *это* уже никогда не кончится!

— Не стоит паниковать! — не оборачиваясь, прервал ее Павел. — Расшифровка текста на шкатулке — вполне недвусмысленная. «Джейтест» действует по жесткой программе, и программа эта в конечном счете разворачивается в линейный алгоритм. Там только вспомогательные циклы. Больше никаких! Она в чем-то ужасно логична, эта программа. Даже не ужасно, а ужасающе. Другое дело, что она вовсе не на людей рассчитана. Но все равно, мы упорно набираем какие-то очки по его, «Джейтеста», шкале. И когда наберем их достаточно, то программа закончит свою работу. — Тут Павел тяжело вздохнул: — Правда, ни бог, ни черт не подскажут нам, *чем* она ее закончит.

— Тем, что вобьет каждому из нас в лоб бляху с Белым Знаком, — мрачно предположила Марика. — Только уже не глиняную, а из металла.

— Так или иначе, но эта штука не успокоится, пока не доведет дело до команды «стоп», — подведя черту под сказанным, заявил Павел.

— А мы — пока не пройдем Испытание, — твердо определила Цинь. — До конца.

— И вот тогда, — Сухов повернулся к Тому, — эту заразу можно будет со спокойной совестью замуровать где-нибудь в заброшенной шахте. И вход в ту шахту, которой выпадет такая честь, взорвать и засыпать!

— Вы... Вы всерьез верите, что это нам удастся? — как-то отрешенно спросила Марика. Не своих попутчиков, а так — вообще.

— Ты сомневаешься, что мы сможем пройти Испытание? — повернувшись к ней, строго спросила Циньмэй. — Мы ведь уже прошли несколько ступеней. И — не легких.

— Я не про это, — снова мрачно сказала и как-то особенно обреченно взмахнула рукой Марика. — Совсем не про это.

Некоторое время они молчали. Павел вырулил с тянущегося вдоль унылого побережья проселка на широкий федеральный хайвей и переключил управление на автопилот. Помассировал освободившимися от руля руками затекшее лицо и повернулся к Марике.

— Думаете, господа в мундирах не оставят в покое ни нас, ни чертову коробочку? — спросил он хриловато. — Так ведь на такой случай...

— Я не знаю, что у вас там придумано «на такой случай», — резко перебила его Марика, — только, думается мне, любопытство господ из Спецакадемии и из Комплекса — это, наверное, не самое страшное из того, с чем нам предстоит встретиться. Дело не в каких-то там опасностях вообще. Дело — в нас! В том, чем мы станем, когда пройдем Испытание, как это назвала Цинь. Когда и если. Да вы и сами видите, какое превращение уже началось — мы с вами уже не те люди, которые нашли проклятый коробок! А скоро, может быть, и

вообще перестанем быть людьми!

— Я лично не собираюсь никем другим становиться! — раздраженно пожал плечами Павел. — Был, есть и остаюсь Суховым Павлом Николаевичем, рожденным в...

Он запнулся от отчужденного, ставшего вдруг бешено-прозрачным взгляда Марики. Совсем не той Марики, которая прилежно очищала кисточкой камушки, извлеченные вместе с Кайлом из стен раскопа где-нибудь в степи под Вестуичем.

— Это ты-то не изменился, Павел? — звенящим голосом произнесла она. — После того, как провел эти десять лет с Лесным народом и со своим Случайным Стрелком?

Лицо Сухова застыло. Только в уголке рта чуть заметно дергалась жилка.

— Да... — У него сразу пересохло в горле. — Да. Десять лет во Внутренних Пространствах — это обстоятельство капитальное. Чуть было не забыл про это. Спасибо, что напомнила, Марика.

— Я не хотела вас задеть, Павел, — вздохнула она. Это — просто, чтобы вы лучше поняли, что... Это ведь — со всеми нами. *С теми, кто нашел.* Это очень жестоко задумано с самого начала. С первого хода. — Ее глаза расширились. — Ведь первое, что Джей сделал, — это отсек нас от всех. От рода людского. Ведь подумай, не мог же Кайл вот так просто пойти сдаваться: мол, это по моей глупости Дракон явился в Мир. И тут Джей подбрасывает тебе вполне достойный вариант: ты, оказывается, сам можешь победить зло, которое спустил с цепи. Только включись в Игру.

Павел покачал головой:

— Нет. Ты очеловечиваешь эту систему, Марика. Здесь — другая логика. Нечеловеческая. — Он помолчал. Вздохнул. — И все-таки придется делать следующий ход.

— Придется, — согласилась Марика. — И не бойтесь: я его сделаю. Мне не страшно.

Глава 11

ИСЦЕЛЕНИЕ

— Это будет нелегко. Для меня — нелегко. — Марика сосредоточенно замерла над разложенными на широком столе распечатками и прорисовками граней мозаики «Джейтеста». — Я ведь... Я не знаю, чем тут может помочь мой Дар. Ведь душа Кайла... Его сознание — это не потерянный зонтик и не украденные часы. Я не знаю, как это сделать. Какую ниточку протянуть *туда* — в то Царство.

— Это может быть что-то другое. — Цинь, устроившаяся в углу бункера, забравшись с ногами на широкую дубовую лавку, сделала неопределенный жест своей узкой ладонью, словно пытаясь выхватить из воздуха что-то невидимое. — Какой-то предмет. Талисман, который вернет Кайла сюда. Надо только правильно попросить.

— Сформулировать команду, — мрачновато уточнил Сухов и возобновил свое хождение по скрытому на многие этажи в скальной породе, как и все остальные помещения секретного института «Линчжи», бункеру.

— Знаете, я бы сделал так. — Том осторожно подвинул к середине стола составленные встык кусочки бумаги: — «Дать дорогу к возвращению...» А дальше лезет какая-то чепуха.

— «Дать ключ»! — определила Цинь. — Марика работает с памятью вещей, и мы должны просить тоже о вещи. О *предмете*. О ключе.

— А смотрите-ка. — Сухов нагнулся над столом и стал решительными движениями переставлять клочки бумаги с начавшими уже стираться знаками магического языка. — У меня уже мелькало тут... Вот: «Дать ключ заблудившемуся в мирах». И дальше — вторая часть здорово прочитывается. «Идущим за тобой Силы... или, гм, Боги... прочтут последнее Испытание для Пятерых».

— Ч-черт! — Цинь вскочила на ноги, словно подброшенная пружиной. — Это — оно! Не может быть по-другому! Кажется, мы все-таки одолеем Ларец!

Сухов молчал, мрачно потирая наметившуюся щетину на щеках:

— «Последнее испытание». Идущим за тобой. Это я и ты. — Он посмотрел на китаянку. — Тебе не страшно, Цинь?

* * *

Цинь было страшно. Точно так же, как и Марике. Но обе они, как могли, скрывали этот страх. Одной это удавалось, другой — не очень. Пальцы Марики предательски подрагивали, когда она вставляла ставшие вдруг тяжелыми и непослушными кубики древней магической мозаики в гнезда на дне янтарного короба. И когда последний из них стал на свое место, зажмурилась, словно маленькая девочка, которой предстояло войти в ужасно холодную, ледяную прорубь.

Но даже через зажмуренные веки она узнала этот насыщенный, теплый, все раскаляющийся по мере нарастания свет, который полился из Ларца. И слух ее заполнился знакомым, хотя и слышанным-то всего два раза — много лет тому назад — гулом. Этот свет и этот гул, как и *тогда*, проникли в ее душу, заполнили ее до краев, стали *превращать* ее во что-то, чем она не была. И не хотела быть.

Как и тогда, все вдруг окончилось, оборвалось, оставив в душе лишь чувство тревоги и растерянности, словно она услышала во сне зов кого-то близкого и, очнувшись от этого сна, поняла, что кинуться на этот зов уже давным-давно некуда.

— Так. — Сухов присматривался к лицу Марики. — Ну, теперь остается ждать. И надеяться, что мы не ошиблись.

— Ждать особенно нечего. — Марика выпрямилась на жесткой лавке и, словно сразу постарев на несколько лет, приняла ритуальную позу гадальщицы. — Я начну работать прямо сейчас. Дар меня не подводил никогда. Почти никогда. Или получится, или нет. — Она встала. — Мне надо видеть Кайла. — Руки ее что-то искали на пустой поверхности стола, а глаза смотрели мимо — куда-то вдаль, поверх всего происходящего.

Том понял, откуда взялось это прозвище — Слепая Цыганка.

— Пойдем. — Цинь взяла Марику за локоть. — А вы побудьте здесь, — она слегка кивнула Тому и Сухову. — Может, придется предпринимать что-то прямо сейчас.

Две тяжелые, на номерных запорах двери, два охранника с непроницаемыми плоскими лицами и два марша узкой, выбитой в скале лестницы отделяли бункер, в котором остались наедине с Ларцом двое из Пятерых, от небольшой светлой комнаты. В ней у узкого, выходящего в залитый полуденным светом колодец внутреннего двора-сада сидел Кайл. Чуть поодаль, прямо на каменном полу, лежал неправильной формы камень, заключавший в себе его душу. И еще — Большой Мир.

Марика на мгновение застыла посреди этого, наполненного светом только наметившейся где-то в далеких небесах весны, пространства. Она и не поняла сначала, что этот человек в больничной пижаме, задумчиво ловящий лицом льющийся из окна свет, ее старый друг — Кайл Васецки, настолько непривычным стало его лицо — обычно веснушчатое и, как правило, ироническое. Теперь оно казалось маской, изваянной из крапчатого известняка.

Потом стремительными шагами она подошла к нему, положила руки на его плечи, заглянула в лицо. На секунду Кайл отвел глаза от окна и встретился взглядом со своей старой знакомой.

— Здравствуй, Кайл, — сказала Марика. — Ты узнаешь меня?

— Да, — голосом, лишь чуть тронутым теплой интонацией, ответил он и снова отвернулся к окну.

— Я предупреждала, — с тревогой в голосе напомнила Цинь, она продолжала стоять на пороге. — Он... Он — как во сне. Точнее, это мы, наверное, кажемся ему сном. — Она оглянулась в дверной проем позади себя: — Тебе принести что-нибудь? Из твоих... инструментов?..

Марика молча покачала головой. Она перенесла одну руку на лоб Кайла, другую оставила на плече.

— Нет. Все эти штучки... Они — на публику. Так — бутафория. Лучше... Вот что, мне кажется, что... Позови сюда Роббинса. Пусть он просто побудет здесь. Похоже, что мой Дар и его — они как-то помогут друг другу.

Цинь бесшумно исчезла в темном проеме. Когда она вновь появилась в сопровождении озадаченного и немного наряженного Тома, Марика сидела на корточках над камнем Больного Царства, протянув к нему ладонь. Казалось, она грела над ним озябшие руки. Не говоря ни слова, Том подошел к ней и сел напротив, почти в точности повторив ее позу. И Цинь опустилась рядом, пристально заглядывая им в лица.

Кайл, почувствовав, видно, что нечто происходит совсем рядом с той гранью, которая отделяет его от Мира, где уже давно ждут его возвращения, отвернулся от светлого провала окна и слепым, неосмысленным взглядом стал обводить почти лишенную мебели и обстановки палату. Тень тревоги легла на его лицо и, словно в зеркале, отразилась уже не тенью, а судорожной гримасой на лице Тома. Марика резко поднялась на ноги и, тряхнув головой, молча направилась к двери. Поднялся на ноги и Том. Нахмурился в ответ на немой вопрос устремленным на него взглядом Циньмэй, коснулся руки Кайла и быстро вышел следом за Марикой. Несколько секунд Цинь смотрела, как покой и отрешенность возвращаются на ожившее было лицо Кайла, потом осторожно закрыла за собой дверь, приводимую в движение парой сервомоторов, сурово посмотрела на неподвижного, как истукан, охранника и быстро, по-мальчишески сбежала по лестнице вниз. В полутемном бункере Марика Карои, ее старая, старшая подруга, прикусив губу и по-старушечьи сгорбившись, стояла над столом, впившись обеими руками в погасший, темный короб «Джейтеста».

* * *

— Это... это очень странная вещь — то, что мне надо найти. — Марика смахнула с лица упавшие на него волосы, повернулась к Тому: — Ты это почувствовал?

«А ведь эти трое только что были чем-то одним, — подумал Сухов. — Марика, Кайл и Том. Точно так же, как я и Том. И еще — Стрелок. *Тогда...* Когда мы искали Истинное Имя. И так же, как Цинь становится немного кем-то из нас, когда исцеляет... Души... Наши души. Джей их сливает в одно целое. В один ком. И лепит из них что-то ему одному понятное и нужное».

— Я почувствовал. — Том провел рукой по глазам. — Это... То, что ты ищешь... Оно как бы раздвоилось. Оно — и там, в Больном Царстве, и здесь — где-то с нами.

— С нами. — Марика тряхнула головой, глядя в пространство. — Это... Это — не совсем те слова. Цинь... Подойди ко мне, Цинь.

Она по-прежнему, как слепая, вскинула руки к лицу китайки и, не касаясь его, стала словно ощупывать невидимую маску или шлем вокруг ее головы. Потом — быстро взяла ее за руки.

— То, что мы ищем, было у тебя, Цинь. — Взгляд Марики снова приобрел ясность, она внимательно заглядывала в глаза подруги, мучительно стараясь что-то объяснить ей.

— Ваши пути пересекались. — Она, не отводя взгляда от зрачков Цинь, окликнула Роббинса. — Том, я... Я почти видела *это*. И мне кажется, ты... Ты тоже должен был увидеть... почувствовать.

Том напряженно молчал, потом, точно так же, как тогда — в храме Желтой Луны, — торопливо, ни на что вокруг не обращая внимания, потянул к себе брошенный на стол электрокарандаш и стал нервно, морщась, рисовать что-то. Перечеркивать, рвать нарисованное и снова мучительно пытаться изобразить нечто, привидевшееся ему глазами Кайла там — в Мире Больного Царства. Остановился. Откинулся на лавке, прижавшись спиной к стене. Закрыв глаза, покачал головой.

— Ушло, — с судорожным вздохом произнес он. — Не успел зацепиться... понять. Надо попробовать еще раз «нырнуть». Но только это сразу не получится. Одно могу сказать: *это*

действительно есть и *там*, и *здесь*. И когда он завладеет... Когда Кайл возьмет *это* в руки... И *там*, и *здесь*...

Марика сосредоточенно рассматривала наброски Тома. Нагнулась, подняла с пола пару скомканных листов и, расправив их, стала сравнивать разные варианты рисунка. Цинь через ее плечо внимательно присматривалась к изображенным на бумаге штрихам и линиям.

— Это что-то небольшое, — уныло попытался подсказать Том. — Небольшое и древнее. Тогда — в момент контакта — я почти точно знал, что это такое.

Марика не обратила внимание на его слова.

— Это имеет отношение к твоему дому, Цинь. К твоей семье. — Она решительно подняла голову, впившись глазами в китаянку. — Где-то там — *настоящий след*. Не тень из сна, как здесь.

— Это... — Цинь сосредоточенно стиснула пальцы рук. — Это может быть что-то из коллекции. Из собственности Стаи.

— Тогда... — Марика решительно выпрямилась, — мне надо туда. Быстро.

— Я думаю, — жестко остановил ее Сухов, — нам всем надо туда.

* * *

Единственное, о чем Том успел подумать в дороге, так это о преимуществах обладания золотом, и о власти имущих, и о суровой необходимости соблюдать закон. Скоростной глайдер возник у ворот высокогорного особняка, в котором располагался секретный институт, мгновенно, по одному только мановению смуглой ладошки наследницы могущественной империи «Линчжи». И помчался этот глайдер к столице Республики, явно посылая куда подальше всех диспетчеров — гражданских и военных служб движения — вместе с обещанными за такое непослушание карами. Подумав об этом, Том — это у него уже вошло в привычку после контактов — провалился в глубокий и в то же время беспокойный сон. В нем он, незримым спутником Кайла Васецки, брел по колдобинам дорог Больного Царства к столице страны, огромной, разрушенной Эпидемией и войной с чудовищами, и чудища эти перекликались в далеких горах, и раскосые ведьмы следили за ними из заколдованных рощ. И дьявол жил в лесах. А Кайл все что-то пытался объяснить ему — своему гостю из Истинного Мира, все говорил и говорил что-то внутрь самого себя, куда гость этот поселился, и длилось это до тех пор, пока и там — в странно реальном Мире вымороченного кошмара — Тома не сморил сон. Ставший пробуждением наяву в ярком полуденном солнце, редком для конца зимы, перед воротами родового особняка владык фармакологической империи.

Водитель, выскочив из кабины, услужливо помогал хозяйке и ее гостям спуститься на пыльную холодную землю перед входом в сад, голый и жутковатый в эту пору года. Посмотрев на красный, в традиционном китайском стиле, дом, Том внутренне похолодел, вспомнив о таящейся там, в глубине этого красивого дома, совсем недалеко от зала с окованными сундуками, другой, похожей на нутро жарко натопленной печи, комнате.

Но им не пришлось входить ни туда, ни в зал, в котором стоящие вдоль стен дубовые короба таили реликвии тысячелетней магии Джея. Им вообще не пришлось входить в дом.

— Здесь! — сказала Марика, резко остановившись посреди выложенной камнем дорожки.

Сад вокруг был пуст. Только тени незаметных охранников, склонившихся в поклоне перед внезапно явившейся хозяйкой, застыли тут и там — такие покорные и безжизненные, как почти не скрывавшие их деревья. Только одним отличалось выбранное Марикой для неожиданной остановки место: справа от дорожки, утопленные в тщательно разглаженный граблями грунт, в полушаге от них лежали две скромных плиты, украшенные только вязью иероглифов.

— Это... Это было связано вот с ним. — Марика судорожно выкинула перед собой руку, простирая ее над одной из могил. — Это ведь твой брат, ты мне рассказывала, Цинь.

Китайка не ответила. Присев, она совершала над плитой какой-то ритуал, короткий и непонятный непосвященным.

— Эта вещь... То, что нужно нам... Это было связано с ним, с твоим братом, Цинь, — глухо сказала Марика. — Это было связано с его смертью.

Циньмэй резко поднялась на ноги.

— Где?! — Казалось, Марика сейчас провалится в уставившиеся на нее широко раскрытые, бездонно-черные глаза подруги. — Теперь я знаю *что!* Осталось узнать, *где это*. Тогда я буду знать, *кто...* Кто убил. Кто прислал убийц. Кому они отдали то, что забрали у него.

Не спуская глаз с Марики, она вдруг резко хлопнула в ладоши, и, раньше, чем этот звук этого хлопка смолк, за плечами ее выросла серая тень. Раскосая и покорная.

— Мать? — не оглядываясь спросила Цинь.

— Госпожа больна, — голосом ветра в траве ответил охранник. — Госпожа не может спуститься из покоев. Она примет вас одну.

В жизни Том не слышал столь покорного, но безапелляционного тона. Нет, впрочем, слышал. Временами точно так же говорила с ним Цинь. Которая сейчас задумалась о чем-то.

— Позаботься о гостях. — Все также, не оборачиваясь, она зашагала по дорожке к дому, коротким жестом велев гостям следовать за собой. — У нас будет важный разговор. — Она не сомневалась, что слуга тоже идет за ней. — Пусть нам накроют в Старой гостиной. Никто не должен знать.

* * *

Вторая чашка зеленого чая показалась Тому не такой уж и безвкусной и, пожалуй, прибавила бодрости и ему, и Сухову с Марикой. В ожидании, пока Цинь закончит беседу с престарелой матушкой в верхних покоях старого дома, трое обменивались короткими репликами. Они касались в основном поданного угощения (тема была не слишком благодатной — печенье и засахаренные фрукты, как на день рождения в детском приюте) и убранства гостиной (древнекитайская живопись не была увлечением ни одного из присутствующих). Беседа Цинь с родительницей протекала, видно, непросто, чего, собственно, и следовало ожидать в сложившихся обстоятельствах; появившись на верхних ступенях ведущей в зал лестницы, девушка была целиком погружена в себя, замкнута и даже — как это ни трудно было представить при ее предельно смуглой коже — бледна. Однако, довольно быстро справившись с душевным состоянием, войдя в гостиную, маленькая китайка уже полностью владела собой.

— Ты сказала, что для тебя теперь все ясно, Цинь, — с места в карьер начал Сухов. —

Почти все.

— Это так, — согласилась Циньмэй, тщательно ополаскивая кипятком свой фарфоровый чайничек. — Все это так.

Она продолжала совершать обряд заварки отрешенно и сосредоточенно.

— Не знаю только, приблизило ли нас это знание к решению проблем или отдалило. То, что нам надо узнать... о той вещи вся наша семья хотела бы знать давно. И поверьте, не жалели для этого ни сил, ни денег. А их много у нашего клана. Но мы все там же, откуда отправились в путь.

— У нас... — Том аккуратно опустил свою чашку на стол. — У нас теперь есть кое-что сверх этого. У каждого из нас. Временами нам удастся заставить играть за себя самого Джея.

Цинь сосредоточенно молчала, замерев в позе священнодействия, держа на трех пальцах пиалу на уровне глаз. Потом — начала говорить тихим, звенящим от ненависти голосом:

— Ван... Он был *настоящим* наследником. Если бы не он, отец не позволил бы мне стать тем, кем я хотела стать. Не дело для наследника — болтаться по сектам Тайных Учений. Стать ученицей Мастера Лю. Сорная трава растет, где хочет. Истинным наследником был Ван. И ему отец передал Кольцо Удачи.

Она резким движением, умудрившись не пролить ни полкапли, поставила нетронутую пиалу на приземистый столик и легко, без малейшего усилия в мгновение поднялась.

— Пойдемте.

Короткий лабиринт, лишь тени охранников подразумевались за рябью бамбуковых занавесок, вывел их в уже знакомый Тому зал. Цинь и не подумала трогать коробов, придавленных к полу, гасящих своей тусклой поверхностью свет зимнего дня, сочащийся из узких окон-щелей под потолком. Она уверенно прошла к темной нише, не освещенной ни одним из множества теплящихся в этой странной комнате огней, и взяла с похожей на белый мох тонкой подстилки небольшой — с крупную монету размером — предмет. Резко повернулась к застывшим за ее спиной Трем и подняла к их глазам смуглую ладонь. На ней лежало потертого металла колечко. Нарочито простой орнамент бежал по нему.

— Копия, — равнодушно пояснила Цинь. — Это было у нас в семье — по линии отца — с самого первого поколения. Те, кто первыми пришел на Джей. Его называют Кольцо Удачи. Оно позволяет многих вещей достичь в жизни. Тайных вещей. Темных. Очень странная история связана с ним. Но об этом — потом. С ним надо вести себя по-особому. Только старший в роду может знать его секрет и передает его из года в год Истинному Наследнику. Отец не успел этого сделать. Он не предвидел, что Вана убьют. Не допускал такой мысли. Но он торопился: знал, чем болен. И все-таки — не успел. И когда Вана не стало — было уже поздно. Хотя нам и удалось остановить болезнь отца тем препаратом. Я успела узнать от него только самую малость. Только азы. А потом он стал... превращаться. Это лишило его личности... памяти. А потом...

Это было похоже на всхлипывание девочки, заблудившейся в страшном лесу, и никак не сочеталось со служительницей Бога Битв, обладательницей звонкого голоса, сейчас рассказывающей жестокую историю гибели брата.

— Мы не знаем, за что убили Вана. Но там — в храме, где его нашли, — с ним уже не было Кольца. Его могли, конечно, взять и просто так, заодно с деньгами — их тоже украли. А Кольцо, как-никак, вещь дорогая, для тех, кто в этом разбирается. Но оно больше не появлялось. Нигде. Следствие дало стандартное заключение — «заказ» конкурентов. Так считают до сих пор. Мы, конечно, сами нашли кое-кого из исполнителей, но... Их не

удалось допросить *как надо*. Мать считает... Да и все мы думаем, что Вана убили, чтобы заполучить Кольцо. Теперь для меня это ясно, как день.

— Ты мне не говорила об этом. — Том потер переносицу, уставившись на девушку.

— Я не думала, что это как-то связано с... — Цинь запнулась. — Хотя... было Предсказание. С самого начала... — Она протянула руку и взяла из ниши ветхую деревянную табличку, по которой сверху вниз бежали столбики иероглифов. — Я уже сказала. Это очень странная история о том, как Кольцо пришло в нашу семью. Ее нельзя объяснить постороннему — эту историю. Только своему — из Стаи. Так вот, слушайте. — Она как-то подобралась и словно постарела лицом, как бы впитав дух древней реликвии. — «Власть и Могущество пребудут с тем, кто все силы положит на то, чтобы не расстаться с Даром Ушедших. Утративший Дар примет Смерть и Покой. Он положит начало пути к вратам Тьмы тем, кто соединит Три Чуда в Одним Деле. И соединившим предстоит сделать Выбор...» Господи... — Цинь осеклась, зачарованно глядя на дощечку. — Я раньше не видела в этом смысла.

— А я вот вижу! — Сухов ступил вперед, протянув руку к амулету. — Я не знаю, как это пришло к вам. Но это же... Это — канонический текст Магического Письма. Его студенты сдают на втором курсе. У него одних трактовок шестьсот десять. Его можно читать так: «Соединивший Три Тайны — Посох, Кольцо и Ларец — откроет Врата Темных Битв!..»

* * *

— Это полная копия дела о гибели вашего брата? — спросил Том, осторожно подвигая к себе по полированной глади стола серую, казенного вида, папку.

— Это *само дело*, — почти без всякой интонации, сухо ответила Цинь. — Копия — это то, что в прокуратуре. А это, — она толкнула по столу в направлении к Тому желтоватый лист с выписанными в столбик именами, — это те, кто мог заплатить за смерть Вана. Точнее, за Кольцо Удачи.

— Надо... — несколько неуверенно начал Том.

— Ничего не надо! — Марика решительно протянула руку к списку, и сидевший поближе Сухов передал его своей бывшей ученице. — И *это* я должна прочитать тоже! — Она кивнула на серую папку. — Это — моя партия. Разве что... Разве что ваши, господин следователь, — ее глаза остро кольнули угрюмо смотревшего на нее Тома, — связи помогут нам. И еще. Мне потребуется привлечь к делу еще одного человека. Постороннего.

— Я, кажется, знаю кого, — вздохнул Том.

— А у вас есть возражение против кандидатуры Кристофера Локи? — Марика чуть недоуменно заломила бровь. — Понимаю, профессиональная ревность. Но мы с Крисом пять лет работали рука об руку. И как только я теперь стала понимать, какого рода задачка выпала на мою долю, то первый, о ком я подумала, был именно Крис. К тому же... Может быть, не стоит мне об этом говорить.... Тогда, когда все это произошло... когда Ван сначала пропал, а потом его нашли... Мы же были очень близки с Цинь. А с Крисом у меня тогда только начиналась... работа. Мы тогда еще только ходили кругами друг к другу, принимались и пофыркивали. Так вот, тогда он еще считался очень перспективным малым в вашем филиале. — Ее лицо чуть заметно дрогнуло. — Короче, Управление активно разрабатывает темы всех клановых разборок, хотя это и не его сфера. И смертью Вана там

занимались тоже. Крис — не в последнюю очередь. Я порывалась получить от него тогда какую-нибудь информацию для Цинь, но заработала только здоровый щелчок по носу — и правильно получила, теперь я это понимаю. В такие вещи соваться небезопасно. Особенно — по горячему следу.

— Возможно, мистер Локи будет не в восторге от того, что мы предложим ему вернуться к этому... м-м... сюжету, — предположил помалкивавший до сих пор Сухов. — Пусть уж Цинь простит меня, но разборки в здешних закулисных кругах — это не та петля, в которую нормальный человек согласится вот так, запросто, по старой дружбе сунуть голову.

— Нас с Крисом связывают отношения более прочные, нежели просто старая дружба, — с неожиданным высокомерием возразила Марика. — Обстоятельства с тех пор достаточно изменились: Крис больше не сотрудник Управления, а я — не начинающий сыщик-любитель. У меня теперь есть след, и Джей стоит за нами.

— И он будет рисковать не даром — твой Крис, — глухо, но очень многозначительно сказала Цинь. — Тому, кто поможет отомстить за Вана, семья заплатит ровно столько, сколько он запросит.

— Послушайте... — Том нервно потер лоб. — Давайте не будем про месть. Меня еще никто не освобождал от присяги, и вообще мы собрались вытаскивать декана Васеcki из Больного Царства, а не устраивать самосуд. Мне кажется, что и господину Сухову такая задумка будет не по душе. Если госпожа Карои и мистер Локи раздобудут какие-то сведения, проливающие свет на обстоятельства смерти вашего брата, Цинь... Что-либо, что поможет найти виновного...

— То вы зачитаете виновному его права и наденете на него наручники, — презрительно бросила китаянка и безнадежно махнула рукой. — Только виновный вряд ли согласится их надеть. Вообще виновный пошлет вас в задницу и будет прав — там только и место тем, кто верит в Закон с большой буквы «з». У этого Мира — свой Бог. И свои законы. И выдумывали их не три сотни депутатов, а те силы, про которые... Про которые лучше не поминать всуе.

— Нет, Цинь, так нельзя. — Сухов прервал горячий монолог наследницы клана решительным движением руки. — Ты что же, предлагаешь следователю Федерального управления расследований постоять в сторонке и отвернуться, пока ты будешь отрезать голову нынешнему владельцу Кольца Удачи?

— А как вы, Павел, представляете себе способ получения этого амулета? — пожала плечами Марика. — Предложите выкупить вещицу за кругленькую сумму? Или взять в аренду? Или пошлете похитителю вызов на дуэль? В поле закона мы заранее в проигрыше.

— Есть такое слово — «разберемся», — мрачно ответил Сухов. — Сначала надо разобраться и только потом действовать. И обязательно — всем вместе. — Он снова остановил порывающуюся что-то сказать Цинь. — Не бывает дел без деталей. Только конкретные детали и могут нам подсказать, как надо действовать. Я, Цинь, кое-чему научился за эти годы в Лесу. И я могу пойти против закона. Против совести — не смогу. Поэтому поможем Марике и ее другу узнать об этом деле все, что возможно. И только тогда примем решение. — Он снова смолк, рассматривая свои плотно сомкнутые пальцы. — Мне тоже кое-что не нравится в том, что предстоит нам. Нет, это не то, что вы думаете, Том, не то, что, возможно, нам придется идти против закона. Я — о другом. Вы заметили, ребята, что он уже кое-чего добился от нас, этот Бешеный Бог? Он уже заставил одних людей — нас — воевать с другими.

Крис Локи не так уж и много запросил с «Линчжи» — ровно столько, сколько стоил путь до Метрополии, и еще немного — на устройство в тех краях. Должно быть, он хорошо понимал, что спокойной жизни здесь, на Джее, не будет. И должно быть, им с Марикой было о чем поговорить за те десять дней, пока они пропадали то в столице, то на побережье, а то и вообще неизвестно где. За эти, дни оба порядком сдали: Крис как-то потемнел и даже усох, а от Марики, казалось, остались одни только громадные, все такие же, как на снимках многолетней давности, глаза. Но и остальным Трем они задали работы: Том изрядно разворошил чуть ли не все базы данных здешнего филиала Управления в поисках все новых и новых справок, которые требовались то Крису, то Марике, неожиданно выходявшим на связь с ним в любое время дня и ночи. Сухов насмерть перепугал без малого десятка два ученых мужей и собирателей реликвий Сгинувших Империй, явившись к ним с того света, где он, по всеобщему мнению, пребывал последние десять лет. Цинь употребила все свои связи и немало денег на то, чтобы организовать встречи Криса и Марики с нужными людьми из оккультного андеграунда всех трех провинций Республики. И только Кайл Васеcki в призрачной яви своих снов все шел и шел ночными лесами и каменными лабиринтами городов Больного Царства.

Сегодня Тому очень трудно давался контакт с ним — словно он во сне, набрав в легкие побольше воздуха, пытался нырнуть в тяжелую, стылую воду далеких рек. Контакты у них вообще становились все труднее и реже — Кайл уходил. Зато назойливо, в ответ на еле означенное усилие воли, вдруг возникали, «защелкивались» цепочки, связывающие сознание Тома с душами совсем посторонних людей, чем-либо обративших на себя его внимание. Это порядком злило его, заставляло сторониться всякого общества, стремиться к уединению.

Вздыхнув, он поправил одеяло на груди забывшегося коротким, нервным сном Кайла и спустился в пустынный этой ночью холл, где на заваленном бумагами столе заливался тихими трелями его блок связи.

— Я уже думала, что вы заснули, Роббинс. — В голосе Марики звучал легкий укор. — А у нас все... что я вам хотела сказать...

Том не сразу понял ее слова:

— Все? — Он наморщил лоб. — Вы хотите сказать, что...

— Я хочу сказать, что вам стоит присоединиться к нам. Мы — я и Крис — будем ждать вас на «Лесной остановке».

«Это на двенадцатом километре — по Северному шоссе», — вспомнил Том.

Марика даже в разговоре по защищенному каналу не называла людей и места иначе как условным кодом и того же добила от всех участников розысков.

— Кар будет в роще у смотровой площадки. Мы нашли адреса. Теперь надо принимать решение. Но перед этим с вами хотели поговорить... разные люди. Не очень безопасные, но, может, полезные. Так что будет лучше, если вы сейчас встретитесь с нами. И с ними, если захотите. Перед тем как принимать какое-нибудь решение.

— Ждите меня. — Том надавил клавишу отбоя и отправился будить Сухова: ему не хотелось оставлять Кайла без надзора даже в этом, охраняемом полусотней, наверное, человек, подземелье тайного института.

— Вот, смотрите. — Марика кивнула в сторону равнины, над которой царила мокрая, промозглая ночь — еще не весенняя, но уже и не зимняя. — Мы не зря выбрали это место. Видите огоньки?

Огоньки действительно золотистой пригоршней подрагивали вдали, венчая вершину еле различимого во мраке холма.

— Замок Сорби, — пояснила Марика. — Тех самых Сорби, которые выжили на Джеб после провала Первого Десанта. Впрочем, сейчас замок им не принадлежит. Это собственность клана Парреда. Знакомая фамилия?

— Знакомая. — Том покосился на мрачно молчащего Локи. — Семейство в Секторе известное. Кроме того, она есть в списке Цинь, эта фамилия.

Карои имела в виду Карла Парреду — нынешнего главу клана.

— Теперь я знаю совершенно точно, что она не зря там оказалась. — Марика уверенно выпрямилась на сиденье и впиалась взглядом в окна замка.

— Это подтверждается еще чем-то, кроме... — Том выразительно взглянул на Слепую Цыганку.

— В принципе — да. Подтверждается, — ответил за нее Крис.

— Можете не сомневаться, следовательно, Кольцо — в сейфе, а сейф — в замке, — заверила его Марика, не отводя взгляда от дальних искорок электрических огней. — Точно так же, как можете не сомневаться в том, что добраться до Кольца Удачи нам было бы значительно легче, если бы оно валялось где-нибудь на доньшке кратера на обратной стороне Старой Сковородки. Хотя, может быть, Цинь и удастся купить кого-то из охраны замка. Точнее — из охраны Кольца. Не дергайтесь, следовательно, никто вам лично не предлагает подписываться на соучастие в подкупе и ограблении. Я ничего вам не говорила, а вы ничего не слышали.

— Собственно, реальных способов вернуть вещь, — вмешался Локи, — у вас только два: один — вооружиться до зубов всем кланом и прорваться к тому сейфу, в тот подвал, убивая без особого предупреждения всех, кто окажется на пути и рядом. А второй — предъявить генпрокурору Республики доказательства того, что Ван был действительно убит и ограблен людьми Карла Парреды, и прийти в этот милый замок с ордером на арест и конфискацию. И с батальоном спецназа. По возможности на танке. Первый способ вас, как государственного служащего, наверное, не устраивает...

— Но, как я вас понимаю, второй вариант не так уж и нереален, — настороженно предположил Том.

Он уже совершенно определенно ощущал в этом деле подвох, и большой подвох.

— Это как раз от вас и зависит, следовательно. — Крис откашлялся. — Если не полностью, то наполовину. Вторая половина — в руках Божьих, и еще кое-что зависит от Луиджи Джентри. А все в целом — от того, как вы с ним договоритесь.

— Джентри... — Том не без удивления уставился на Локи. За последнюю неделю ему пришлось довольно подробно познакомиться с досье практически всего криминалитета Джеб. — Мафия решила сдать старшего Парреду? Чем вы их так прижали?

— Не я. — Крис принялся хлопать себя по карманам.

Марика молча протянула ему сигареты и зажигалку.

— Это вы, Пятеро, чем-то их достали. Чем-то таким, что они рискнули поторговаться с вами за спиной Парреды. Но из всей Пятерки говорить хотят только с вами одним. Я полагаю, что Луиджи считает, что знает к вам подход. Вы это примите во внимание.

— Высочайшая аудиенция мне назначена прямо в офисе «Тарновски и Джентри»? — осведомился Том.

— Нет. Луиджи приглашает вас отобедать с ним в ресторане Паскуале, что в Старом городе, в любой из удобных для вас дней после шести часов вечера. Только предупредите его загодя вот по этому номеру. — Крис вынул из нагрудного кармана визитку с золотым тиснением и протянул ее Тому. — А вот никого другого не предупреждайте. Он так выразился.

— Ну что же. — Том сосредоточенно принялся рассматривать визитку, держа ее, как при близорукости, близко перед глазами. — Медлить нам не приходится. Проведем разговор завтра. А сейчас, думаю, почтенный синьор Луиджи не станет особенно возражать против нашего к нему звонка, несмотря на столь поздний час. — Он потянулся к трубке блока связи, но Крис остановил его коротким движением:

— Знаете, следовательно, давайте-ка позвоню ему я. Чтобы в случае перехвата не сразу поняли, о ком речь. Мне все равно через сутки на геостационар. Ждать рейса «на историческую родину». Слишком сильный интерес вызвала моя с вами деятельность в последние дни. Боюсь, что задерживаться тут мне не стоит.

Он начал набирать номер по памяти, не заглядывая в визитку. Марика взяла ее у Тома, покрутила в руках, задумчиво прикрыв глаза, и вернула назад.

— Будьте осторожны, — сказала она сухо. — У этой вещи скверный след. Издалека.

* * *

Том огляделся по сторонам. Ощущение зыбкости, нереальности окружающего Мира снова кольнуло его. Жизнь Внутренних Пространств — жизнь совсем другой Вселенной, полной жестокой и бессмысленной смерти, Вселенной, хранящей в своих недрах жуткие и ненужные тайны, не отпускала его. Она казалась гораздо более реальной, действительной, чем жизнь путаницы старинных улочек провинциальной столицы, жизнь, наполненная патриархальным уютом и смешными — вековой, наверное, давности — реалиями земного Мира, переброшенного сюда, за сотни парсеков от матушки-Земли. Каждый из заселенных Миров превращался в своего рода музей своей эпохи, иногда — в довольно злую пародию на такой музей, в котором застывали, консервировались на века черты и черточки жизни поколения Первопроходцев, которые безжалостное время стирало из памяти материнской земной цивилизации, продолжавшей свое движение по ухабам и колдобинам генеральной магистрали исторического прогресса.

Но не только ощущение музейной обстановки декораций прошлого сбивало Тома с толку, не давало ему спокойно «вписаться» в ситуацию. Новый и неожиданный для него Дар Джея лихорадил его мозг, перемежал ровное течение мысли случайными, неведь откуда проскальзывающими в сознание кусками чужих жизней, образами, ассоциациями, заботами. Ему приходилось порядком напрягаться, чтобы вытолкнуть из головы, не пускать в нее весь этот информационный шум, заполнявший биоинформационное пространство вокруг.

Ресторанчик Паскуале оказался именно таким, каким Том и ожидал его увидеть здесь, в

квартале средней руки кафе и магазинчиков, торгующих всем: от антиквариата до только начинающих выходить из моды нарядов и косметики. В напоминающем лабиринт зале, в насыщенной ароматами итальянской кухни полутьме яркими пятнами выделялись бело-красные клетчатые скатерти и в тон им — салфетки. Антикварный музыкальный автомат у входа издавал нечто лирическое и, слава богу, достаточно тихое. Условленный столик, как и все практически столики заведения Паскуале, благополучно пустовал, и Тому было бы достаточно трудно не привлечь к себе внимания, если бы бармену за стойкой или лениво болтающему с ним официанту пришлось вдруг в голову проявить такое внимание. Изучив меню и разложенные на столе ножи и вилки, Том слегка заскучал, так и не почувствовав внимания со стороны этой пары. Постепенно он начал склоняться к убеждению, что принятие пищи явно не является занятием, характерным для посетителей сего заведения.

Однако в этом состоянии ума ему пришлось пребывать недолго. Стремительно вошедший откуда-то из-за спины Тома, из недр закрытых неприметными шторами внутренних помещений ресторанчика, тип сразу изменил всю ситуацию на предполагаемом театре военных действий. Он деловито уселся напротив Роббинса и энергичным жестом призвал официанта к исполнению его обязанностей. Затем протянул Тому руку:

— Зовите меня Луиджи. Ваши коллеги меня хорошо знают, и мы с ними на «ты». Рекомендую заказать вам тушеные почки. Это здесь — специалитет. — Он повернулся к вытянувшемуся по стойке «смирно» официанту и распорядился: — Две порции, Тони. И не забудь салат и кьянти.

Тони как ветром сдуло.

— А фамилия ваша, все-таки... э-э... — вопросительно начал Том.

— Джентри. Если уж вам требуется официальное представление. Не бойся, парень, я именно тот, кто тебе нужен.

Англосаксонская фамилия явно не подходила крепко сложенному жгучему брюнету с глазами-маслинами и развязными манерами, как не подошел бы строгий галстук к пестрой «гавайке» или костюм-тройка к спортивным кроссовкам. Впрочем, с нарядом у Луиджи все как раз было на уровне: смахнув пару пылинок, его можно отправлять прямо отсюда шафером на свадьбу. Или главным действующим лицом на похороны.

Том решил не проявлять излишней инициативы и с безразличным видом воззрися в полутьму ресторанчика. Осторожно, очень осторожно он постарался чуть-чуть подтолкнуть свой Дар к действию. Но вот как раз теперь тот не торопился прийти ему на помощь.

Собеседник его тоже довольно неожиданно для бурно взятого старта решил выдержать паузу и заполнил ее старательным ковырянием зубочисткой сначала в левой половине рта, потом — в правой. Обе половины состояли преимущественно из золотых коронок — весьма внушительных. Зубочистка тоже была золотая и могла бы сойти за ломик для небольшого гнома-строителя.

Увлеченно используя это орудие, Луиджи пристально созерцал невозмутимого Тома, стараясь, видимо, спокойствия этого его лишить. Но шевельнувшийся наконец Дар на какую-то долю секунды приоткрыл Тому чувство, владевшее его собеседником. И чувством этим была неуверенность. Близкая к панике неуверенность. Страх провалить дело.

Расторопный официант явился на линию фронта как раз к тому моменту, когда затянувшаяся пауза явно перезрела. Проводив Тони тяжелым взглядом и пододвигая тарелку с аппетитно дымящимся блюдом к себе, Джентри хмуро молвил:

— Не завидую тебе, парень. Плохи твои дела.

Он наполнил бокалы себе и Роббинсу и поднял свой, предлагая чокнуться. Том без особого энтузиазма удовлетворил желание собеседника и отпил малую толику неплохого, надо сказать, вина. Выжидательно посмотрел в глаза Луиджи. И решил первым начать партию:

— Вы собирались предложить нам, — вы понимаете, кого я здесь представляю, — он присмотрелся к маловыразительной физиономии Джентри, — некую информацию. Мы это ценим, так как вы подвергаете себя большой опасности. И мы готовы выслушать ваши условия.

— Условия... — Луиджи поднял бокал на уровень глаз и сквозь рубиновую жидкость стал рассматривать следователя. — Да, собственно, условия для вас куда как выгодные. — Он поморщился и поставил вино на стол. — Не мое, конечно, дело, но вы там со своими друзьями заигрались в черную магию. У твоего начальства, парень, сложилось мнение, что чересчур заигрались. И тебе сейчас самое время об этом узнать. Чтоб как-то определиться.

— Откуда, позвольте узнать, — Том аккуратно поставил свой бокал на скатерть, — вы имеете такие точные сведения о том, какое мнение сложилось у моего начальства? Оно довольно далеко отсюда.

— Послушай, ты здесь все еще новичок, парень. — Луиджи доверительно наклонился через стол. — И ты предпочитаешь работать в одиночку без особых контактов со своими. Что ж, дело твое. Но мы-то с вашим филиалом здесь работаем вот так. — Он сложил параллельно два указательных пальца, толстых и поросших черной щетиной. — И без нас вашим людям ни за что не взять под контроль ни контрабандные каналы, ни траффик наркотиков в Секторе, ни... — Он энергично махнул рукой. — Одним словом, приходится кое-что знать друг о друге. Назвать тебе ваших главных шишек здесь и в Секторе пофамильно?

— Не стоит, я их и так знаю. — Том отпил немного кьянти и невозмутимо занялся содержимым своей тарелки. — А вот кто такие «мы», о которых вы говорите, стоило бы, простите, уточнить. Чтобы как-то определиться, как вы изволили выразиться.

— Послушай, парень, не стоит со стариной Джентри играть в кошки-мышки! — Луиджи тяжело оперся руками о стол. — Когда Джентри говорит «мы», это и значит «Мы!» — уважаемые здесь люди! На Джее и в Секторе. Те люди, которые крутят колесики. Без нас все тут стало бы к чертовой матери на мертвые якоря. И в столице, и в мэриях, и в прокуратуре — всюду. Но для того, чтобы колесики крутились, надо иногда поменьше слушать законников, а больше полагаться на свою голову. А раз так... Короче, «мы» — это те, кому ваша контора частенько поручает дела — довольно деликатные дела, которые в сфере, как говорится, закона просто не смотрятся. Ну и, соответственно, на что-то вашим людям приходится в свою, как говорится, очередь закрывать глаза, кое-какой информацией, так сказать, делиться.

— Ладно. — Том промокнул губы салфеткой и выдержал еще один взгляд собеседника. Взгляд, явно предназначенный, чтобы сбить с него тон. — Будем говорить «уважаемое общество». Не будем говорить «мафия».

Луиджи перекосило.

— Будем говорить «деликатные дела». Не будем говорить «провокации». — Теперь и Том оперся о стол и уставился на собеседника. — Я не знаю и не должен знать лишнего о том, что там планируют руководители Управления. Но одно о нашей работе я знаю точно: кадровые вопросы — а вы меня именно на таком вопросе ловите — кадровые вопросы никто

в Управлении и ни-ког-да с посторонними не обсуждает. И если вы хотите меня предупредить о том, что я из доверия у руководства Сектора вышел, то это означает одно из двух: или вы мне врете в глаза, или в Управлении есть ваш агент. Причем — на довольно высоком уровне. Как мне прикажете вас понимать?

Джентри явно подавил приступ гнева, с бульканьем сделал пару глотков вина и насмешливо скривился, глядя на Тома:

— Да вы просто идеалист, дорогой вы мой! Вы что же, воображаете, что, когда занялись шуточками с той вещицей, которую раскопал док Васецки, причем практически самовольно занялись, не докладывая наверх всех подробностей и обстоятельств, вы за собой доверие начальства сохранили? Еще когда вы только затеяли это ваше путешествие — туда, во Внутренние Пространства, — нам пришел заказик. От вашей же конторы. Отслеживать все ваши действия. И в случае чего — вмешаться. Если бы вы, допустим, стали искать покупателя на ту игрушку. Или затеяли бы какие-нибудь еще игры. У нас, видишь ли, свои связи с людьми, которые забредают в те края, и с теми, кто интересуется всякими находочками. И свои методы работы. А сейчас, когда стало ясно, что она, штука эта, вас заколдовала, что вы все от нее стали зависеть, и пресильно зависеть, веры вам нет ни на грош и быть не может! Я говорю тебе точно. Знаешь, что всех вас ждет? Не сегодня-завтра вам прикажут сдать дела и запрут в исследовательском центре. Где-нибудь в подземелье. Или вообще вывезут прочь с планеты. И обращаться с тобой и с твоими друзьями будут вовсе не как с больными или с товарищами, попавшими в беду, а как с лабораторными мышками. А точнее, как с колдунами. Опасными колдунами. У вас, говорят, необыкновенные способности прорезались — не знаю какие, не мое дело. Так вот: они — господа ученые — не успокоятся, пока до того, как у вас ваши фокусы получаются, не докопаются. А пока будут докапываться, они... Они вам веселую жизнь устроят. Скорее всего, просто на части разберут вас. Но — не сразу. Тебе такое нравится, парень?

Тому это не нравилось. Тем более что от истины оно было недалеко.

— И добрый Луиджи решил меня предупредить о грозящей беде. — Он откинулся на стуле и иронически улыбнулся.

— Добрый Луиджи предлагает вам ваши фокусы показывать в другом месте за хорошие деньги. Далеко отсюда. Далеко от Джея, далеко от Управления. На хороших условиях. По контракту.

— По контракту? Вот как? Контракт в обмен на свидетельские показания против Парреды?

Это было действительно ново: кто-то в Федерации вздумал нанять к себе на службу Боевую Пятерку Древних Империй. К такому стоило присмотреться — с чисто профессиональной точки зрения. Том озадаченно потер нос:

— А как же заказик от Управления? Вы решили похерить его?

— Давайте называть вещи своими именами. Тот, кто предлагает вам контракт, хорошо платит. Столько, сколько Управление не заплатит никогда. К тому же Управлению не обязательно знать, что именно произойдет с вами. Вы просто исчезнете из обращения — и все. Ну что поделаешь — не усмотрел Луиджи за вами — невелик спрос: с теми, кто играет с такими игрушками, как ваша, такое случается. И сам черт не будет знать, где вас искать.

Том снова потер нос. Теперь уже менее растерянно.

— Черт, может быть, и не будет. А вот человеку, если у него голова на плечах, догадаться не трудно. — Он аккуратно сложил салфетку, задумчиво отодвинул от себя

тарелку и, наклонив голову, посмотрел в глаза Джентри. — Как только Управление объявит нас в розыск, никакой контракт с нами не будет действителен по всей Федерации. Практически во всем Обитаемом Космосе. Но на три субъекта прямая юрисдикция директората не распространяется. Только оттуда нас Управление и не сможет выкопать. И еще пара планет может на закон просто наплевать. Примем и их во внимание. Кроме того, Боевая Пятерка нужна кому-то для войны. Или военных разработок. Сделаем поправку и на это. А еще есть Комплекс — великий и могучий. Но по ряду причин, — Том вспомнил слова Кайла, — Комплекс — не в счет.

Не стоило Джентри знать, что Комплекс уже в игре.

Луиджи пошевелил левой бровью. С некоторым удивлением. Он был, однако, достаточно понятлив.

Том пожалел о том, что сказал лишнее, и выкинул перед собой один палец:

— Прежде всего — Дальние Базы. Это — свой Мир, практически никому не подчиняющийся. Второй производитель вооружений в Обитаемом Космосе. И деньги, и интерес к магии Джея у тамошнего руководства есть. Но вот беда. — Том задумчиво уставился на одиноко торчащий палец. — Люди с Дальних Баз не станут связываться с вами, Луиджи. С уважаемым обществом. У них — своя агентура в Секторе. И действуют они всегда через нее напрямую. Кроме того, Джей — вне их сферы влияния. Здесь им все блокирует Комплекс. Вряд ли... Вряд ли это они. Второй независимый субъект — Чур. — Том разогнул второй палец. — Тоже фактически иной Мир. Уже почти не человеческий. Тоже сильно вооруженный. Но в том-то все и дело, что уж больно он не человеческий. В дела других Миров Чур не вмешивается. Просто не умеет этого делать. Люди с Чура, впрочем, принимали участие в экспедициях во Внутренние Пространства. Нестрого в рамках соглашений и договоров. Нет, это не они. У них просто нет агентуры. Нигде и никакой. Последний независимый субъект — Шарада. — К двум пальцам присоединился третий. — Там сам черт голову сломит. Но на Шараде нет ни крупного военного комплекса, ни воюющих государств. Тоже — вряд ли. Точнее скажем — пятьдесят на пятьдесят. Что же получается? — Он критически осмотрел все три поднятых вверх пальца и со вздохом расправил ладонь. — Среди Миров, официально независимых от общих законов Федерации, нам место для работы найти трудновато. Теперь о тех, кто на федеральные законы обычно плюет: тут можно еще заподозрить кого-то с Мелетты. У них — юридическая автономия. Весьма скользкое понятие. Но Мелетта может быть только посредником. Планета не воюет и живет в основном торговым бизнесом. Контрабандой. Нет, не Мелетта. Насчет тамошней братии могу поручиться. А вот насчет Одноглазого Императора... Гм... А ведь пожалуй, это — в самую точку. На Харуре — война. И никто не станет ссориться с сумасшедшим диктатором из-за пятерых чудаков. Даже с их особыми способностями.

Том блефовал. Гадать о намерениях многочисленных хозяев Тридцати Трех Миров в отношении обладателей «Джейтеста» на самом деле можно было до бесконечности. Но Дар снова приоткрыл ему — теперь уже на секунду-другую — содержимое черепной коробки собеседника.

— Я не сказал слова «Харур», — нахмурился Луиджи.

— Так и не надо. — Том пожал плечами. — Я просто погадал немного вслух насчет того, в какой санаторий вы нас приглашаете. И знаете: я в него не поеду. И никто из нас не поедет, будьте уверены. Вам стоит выставить другие условия.

— Других условий не будет. — Джентри вытянул из кармана кожаный футляр, из

футляра — сигару, раздраженно откусил ее кончик и выплюнул его под стол. — Когда начинаешь игру за спиной Парреды, то может случиться и так, что после этого вот с тобой разговорчика добрый Луиджи вдруг с удивлением обнаружит себя на дне Обводного канала. Или в другом таком же приятном месте. А ты хочешь откупиться от нас на шермачка. На «других условиях». Их не будет! И не может быть.

Том пожал плечами еще раз:

— Благодарю вас за полезную информацию. А за обед позвольте мне расплатиться самому.

Он достал бумажник и махнул пребывающему в состоянии боевой готовности Тони.

— Ты ни черта не понял, парень! — вскипел Луиджи, забыв про нераскуренную сигару. — Это — не шутки! Вы же — в полной заднице! Вас к стенке прижали! Заперли в сортире! Вам деваться некуда! Повторяю по слогам для дураков: Уп-рав-ле-ни-е те-бя ре-ши-ло сдать! Сдать с потрохами местной Спецакадемии. Не знаю, какие вы там чудеса научились вытворять, но с вами справятся. Против вас пятерых будет играть вся армия Джея! А это — нехилая команда, ты уж мне поверь. Или ты действительно веришь, что с вами будут нянчиться, как это прописано в законе? Ты, может, на газетчиков рассчитываешь? И не думай! Если поднимешь шум — вас всех такой грязью измажут, что милые жители Джея самый настоящий суд Линча над вами учинят. И скажешь — не за что? Ты, может, еще адвоката себе наймешь? Посмотри сюда внимательно! — Джентри уперся обоими указательными пальцами себе в физиономию. — Вот твой единственный адвокат! И твои папа и мама и домашний доктор в придачу! Только у меня есть интерес в том, чтобы ты и твоя компания вышли из игры живыми и невредимыми! Больше — ни у кого!! У вас пятерых один путь: на корабль и — к чертовой матери отсюда!!! И Луиджи тебе билетик на этот кораблик дает! И мешок баксов в придачу!

Роббинс снова махнул Тони, нерешительно топчущемуся на солидной дистанции от пышущего гневом босса. Официант нехотя приблизился и протянул Тому расчетный терминальчик. Тот ткнул в него кредитную карточку и, даже не взглянув на сумму, означившуюся на дисплейчике, поднялся из-за стола.

— Ты будешь последним дураком, парень, если думаешь, что на этом наши разговоры закончились, — зло бросил Джентри, тоже поднимаясь из-за стола.

Следователь отвесил ему еле заметный поклон и не оборачиваясь зашагал к выходу.

* * *

— Положите эту вещь в ваш сейф. — Том протянул Цинь свой служебный жетон-идентификатор. — Лучше в какой-нибудь такой, в котором его не найдут в случае, если... — Он сделал неопределенный жест.

— Еще раз говорю тебе, следовательно, — в голосе китайки звучала хрипотца, — никто не тянет тебя за уши идти с нами «на дело». От тебя нужно будет только одно: не мешать нам. Просто вести себя так, как если бы ты про все это ничего не знал, не более того.

— Давай оставим амбиции в стороне, — с обидой в голосе произнес Том, потом решительно поднялся с места и начал расковырять по карманам своего бронежилета разложенный перед ним на столе портативный инструментарий взломщика. — Условия Джентри для нас неприемлемы. Ждать, пока Эпидемия войдет в необратимую фазу,

немыслимо. Да, и Кайл. Он уходит все дальше. Придется работать вне рамок закона. Но это в конце концов не значит против закона.

— Вопрос философский, — заметил со своего места Сухов, корпевший над планом замка Сорби. — Ты, Цинь, кадрами не раскидывайся. Я, хоть в органах и не служил ни дня, все-таки представляю, чего мистеру Роббинсу стоило переступить через свой профессиональный кодекс чести. — Он стал аккуратно складывать распечатку плана. — И подумай хорошенько: достаточно ли надежен этот французик, которого ты купила. Нет ли способа как-то его проверить напоследок.

— Купила я не его. — Цинь пожала плечами. — Не самого мсье Бланшара. Я купила компромат на него. Конечно, старый Монк взял с меня порядочно за пять минут видеосъемки и пару листов бумаги, но этот материал делает для нас Бланшара надежным, как скала. Парреда никогда не простит ему контактов с человеком Большого Кира. Так что в обмен на пленку и бумажки мсье Анри выстелит нам путь до сейфа с Колечком ковровой дорожкой. Другое дело — как мы справимся с тем, чтобы выбраться оттуда. Выйти будет потруднее, чем войти. Материальчик на француза прощупала Марика. Ведь это подлинник, так?

— Да, это не инсценировка, — как-то устало подтвердила Марика, поудобнее устраиваясь на скамейке. — След верный, но опасный.

Цинь коротко отмахнулась рукой:

— Подлинный. Этим все сказано. Другой проверки не требуется. Да и времени уже нет: человек с фургоном будет на месте через час. Пошли.

* * *

Все шло именно так, как и было договорено: фургончик-автомат, доставляющий в замок Сорби свежий товар от поставщиков из столицы, в этот раз немного ускорил свое движение и выкроил несколько минут на то, чтобы свернуть во двор пустого по зимней поре и раннему времени мини-кемпинга на выезде из города. Сопровождающий водитель-оператор (это он поколдовал немного с путевой программой на сегодня) не торопясь вышел из кабины, отпер замок задней двери своего экипажа и отправился в пустующий, как и вся стоянка, бар-автомат пропустить баночку пива. Ему не полагалось видеть, что там вынут и положат в грузовой отсек машины в его отсутствие. Почти сразу вслед за этим во двор вкатилась неприметная прокатная «хонда» и заняла место позади фургона. Цинь и Том вышли из кабины и быстро сдвинули в сторону дверь фургона. Том кивнул Марике, и она короткой перебежкой преодолела небольшое расстояние между машинами и разместилась за пластиковыми мешками с мясными тушами и ящиками с вином из Метрополии. Следом за ней показался из кабины Сухов, но тут произошло первое отступление от плана: Цинь решительным движением удержала его на месте.

— Ты останешься здесь, — определила она тоном, не терпящим возражений. — Останешься за рулем и катишь за нами. Потом ставишь машину, где условлено, и ждешь сигнала.

— Машина придет на место на автомате, — возразил Павел. — Это же бред собачий: на дело идут две бабы и только один мужик, пусть даже и профессионал, а второго мужика оставляют на стреме. Тогда уж пусть лучше Марика...

— Она необходима на месте, — четко оборвала его Цинь. — А ты необходим здесь: в-первых, если при нашем отходе будет стрельба — прикроешь...

— Там — четверо твоих телохранителей в засаде, — снова попытался возразить Сухов, но китаянка тут же пресекла его возражение.

— Пятый стрелок вовсе не помешает в такой заварухе. Кроме того, именно на тебе остается Кайл: не забывай — вне зависимости от того, что получится у нас с Марикой, следующий ход твой. И потом... — Она сделала паузу. — И потом, за тобой — твои особые возможности. Если дело обернется совсем худо.

Лицо Сухова стало каменным.

Цинь смотрела на него в упор:

— А дело будет плохо, если не получишь сигнала. Или если сигнал будет *не такой*.

Она задвинула приоткрытую было Павлом дверь кара и нырнула в искрящиеся инеем недра фургончика. Следом за ней туда шагнул Том и захлопнул грузовой отсек изнутри. Сухов скрипнул зубами и поставил окна «хонды» на максимальное затемнение. Затем, чтобы даже его силуэт не маячил за лобовым стеклом, лег на сиденье и дождался, пока по гравию дорожки прошуршат шаги водителя фургона и сам фургон тронется с места. Потом снова сел за руль и, пропустив по шоссе пару машин между «хондой» и фургоном доставки, покатыл к замку Сорби.

* * *

В нескольких километрах от них, с «площадки отдыха», ведущей к побережью трассы, два человека, вооруженных биноклями, молча следили за бегом жучков-автомобилей по плавному изгибу Южного шоссе. Временами то у одного, то у другого в наушнике начинали звучать сигналы или голоса агентов, ведущих наблюдение за развитием событий с других позиций, расположенных вокруг места предполагаемого действия. После очередного сообщения агента тот из двоих, который был чином помладше, прервал молчание:

— Въезжают. Они уже *там*. — Он отнял бинокль от глаз и повернулся к начальнику: — Вам не кажется, что мы слишком рискуем, оставляя их одних в ловушке?

— Те, кто расставил ловушку, рискуют больше, — сухо заметил старший. — Пока что, не вмешиваясь в происходящее, мы не потеряли ни одного из наших людей, зато узнали многое. Не отвлекайтесь — сейчас начнется главное.

* * *

Тома последний раз приложило о куль с парной бараниной, и фургон закончил свои маневры, заняв место в гараже. Корпус машины дрогнул еще пару раз, означая, что водитель покинул кабину, оставив фургон на расправу сервисным автоматам.

— Приготовились, — тихо скомандовала Цинь. — Сейчас робот отопрет контейнер — начнет разгрузку. Людей в гараже быть не должно. Том, твоя задача — прикрывать Марику.

Том вытащил пистолет из наплечной кобуры и снял его с предохранителя.

И — словно в ответ на этот легкий щелчок — в отсеке зазвучал смех.

Слегка искаженный динамиком недобрый смех. Невидимый в темноте динамик был

укреплен где-то в углу за багажом.

— Добро пожаловать, господа, — раздался хрипловатый голос. — Пожалуйста, не делайте глупостей, а то мне придется просто поджарить вас — на СВЧ, и у нас с вами не состоится один очень интересный разговор. Сейчас вам откроют дверь контейнера, и вы спокойно, по одному выйдете наружу. Надеюсь, господин Роббинс будет достаточно любезен, чтобы пропустить дам вперед. Как только выйдете, вы положите ваше оружие и защиту на пол. А потом — четыре шага вперед — и ждать.

Все молчали. Говорить, собственно, было не о чем.

С шелестящим звуком ушла в сторону дверь отсека, и в глаза пленникам ударил яркий свет. Нет, они были не в гараже — в узком, облицованном плитами брони ангаре, освещенном бестеневыми софитами, по периметру которого с непроницаемыми физиономиями стояло не меньше дюжины боевиков. Габариты громил поражали. Экипирована братва была по всем правилам Космодесанта — комплекты полевой защиты на корпусах, боевые бластеры в положении «целься» в руках.

— Здорово мы влипли! — сказала Марика и первой спрыгнула на выложенный скользкими плитами пол.

* * *

Сухов поежился. Казалось, промозглая сырость серого дня оттуда, снаружи, пробралась внутрь темного салона «хонды» и начала брать свое.

«Нервное», — сказал Павел себе и покосился на наручные часы. Время, отведенное на то, чтобы трое его соратников проникли в замок, стремительно иссякало. Приемник молчал: не было от отправившихся в Сорби никакого сигнала — ни правильного, ни ложного. «Глупо и пытаться штурмовать замок в одиночку или даже силами команды боевиков «Линчжи», — который раз сказал он себе. — И ждать здесь до бесконечности — тоже нельзя. Меня вычислят элементарно. Если уже не вычислили. Можно возвращаться в подземный институт, петляя и путая след, возвращаться и как-то спасти Кайла. Но... Но ведь не этого от меня ждут они — те, кто влип в замке».

Он снова посмотрел на часы. Время истекло. Надо было принимать решение.

— Правильно, — сказал ему хрипловатый голос. — Ты решил правильно. От тебя ждут не бегства. Ну, а сочтемся мы позже — ты знаешь как.

Сухов с трудом повернул голову и посмотрел на сиденье рядом. Нет, ему не почудилось. Разумеется, он был не один в машине.

* * *

— Все-таки я был прав, когда заказал на пару бараньих туш меньше, чем всегда. — Карл Парреда окинул стоящих перед ним пленников ироническим взглядом и снова обратился к лысоватому толстяку, стоявшему по правую руку от него: — Нет, в самом деле, Анри: бараны сами лезут в фургон, стоит только пальцем поманить. А Шер-Хану только на пользу разнообразие в меню. Шер-Хан, как вы понимаете, господа, — он снова повернулся к пленникам, — это один из моих... э-э... домашних тигров. Вам еще предстоит с ними

познакомиться.

Том с чисто профессиональным интересом рассматривал стоящего перед ним человека — четвертого по значению главаря организованной преступности в системе Джея. Управление располагало немногими его портретами. Несмотря на звучные имя и фамилию. Карл Парреда был человеком неприметным — разве что аккуратная прическа и бесцветные, слегка навывкате глаза могли запомниться в его внешности. Отсутствие колоритных черт один из крупнейших воротил нелегального рынка вооружений компенсировал несколько ярковатым, но, безусловно, очень дорогим костюмом, не слишком подходящим к обстановке.

— Этому франту удалось провести тебя, Марика, — с досадой констатировала Цинь. — Жаль, что твой Дар подвел тебя.

Марика угрюмо молчала, сгорбившись и исподлюбья сверлила взглядом мсье Бланшара.

Внимание, проявленное к его персоне, Парреда оценил:

— Напрасно вы так. — Он язвительно улыбнулся, поправляя галстук. — Вас, господа, никто не вводил в заблуждение. Да-да-да: мой друг, мое доверенное лицо, — он похлопал по плечу лысого Анри Бланшара, — действительно уличен вами в непростительном грехе. Он действительно от лица подставной фирмы намеревался заключить сделку с «Кирилофф-пойнт» на переброску партии тяжелого вооружения на Харур. Старина Монк только немного покривил душой — что поделаешь, пришлось его об этом настоятельно попросить, он все делал отнюдь не без ведома вашего покорного слуги. Отнюдь. Так ведь, Анри? — Он жестко потрепал по шее руководителя своей службы безопасности. — Что поделаешь, приходится соблюдать определенное реноме. Связи с господином Кирилловым не принято афишировать. Но, впрочем, я отвлекся. Вы ведь зашли ко мне по делу, не так ли? Так давайте это дело и обсудим. — Парреда сделал короткий жест, и охранник торопливо внес и поставил за спиной хозяина белый, сверкающий лаком стул, на который тот, не бросив даже взгляда себе за спину, опустился с царственным видом аристократа, решившего на загородной прогулке передохнуть немного и обозреть открывающийся перед ним пейзаж.

— Ты?.. — спросила вдруг Цинь. — Это ты убил Вана?

Она смотрела на Карла расширившимися от ненависти глазами, несмотря на ожесточение оставшимися непроницаемыми. Это было достаточно страшно: Бланшар отступил на шаг и вцепился в спинку дачного стула своего шефа.

— Собственно, ваш брат сам виновен в своей... гм... безвременной кончине, — пожал плечами Парреда. — Ему ничего не стоило... э-э... продлить свое существование в этом бренном Мире — достаточно было всего лишь поделиться с нами, грешными, теми небольшими секретами, которые были ему известны относительно Кольца Удачи. Вы ведь явились за этим предметом? Раз оно снова потребовалось вашему семейству, его секрет, видимо, не утерян. Или — найден вновь? Я, признаться, заблуждался на этот счет. Иначе мы давно бы проявили к вам свой интерес, маленькая Цинь.

— Ты заплатишь. Дорого заплатишь за Вана. — Китайка сказала это так уверенно, словно не она стояла здесь под дулами бластеров, а Карл Парреда был доставлен к ней держать ответ. — Зачем ты, непосвященный, полез в дела Стаи? Вы все воображаете, что Магия — это что-то вроде радио или электричества, просто еще одно удобство в вашей скотской жизни. А это — совсем, совсем другое. И те, кто этого не понял, за это платят жестокой ценой!

— Девочка, вы, кажется, не понимаете своего положения, — оборвал ее Бланшар из-за спины своего шефа. — Только благодаря милости господина Парр...

И тут он осекся, и было от чего: по ушам всех, находившихся в ангаре, ударил жестокий, невероятно пронзительный визг рвущейся в клочья стали. Направленные на пленников стволы бластеров рванулись в сторону, а совершенно ошалевший от истощенного скрежета Том вдруг обнаружил себя стоящим не на своих двоих, а на четвереньках — в судорожной попытке удержать рывками вырывающийся из-под ног пол ангара. Он перекатился на спину, увернулся от куска рухнувшей кровли и, используя в качестве прикрытия ходуном ходящую железобетонную опору, попытался сориентироваться в происходящем.

Стена прямо перед ним, стена военного типа ангара из соединенных сварными швами стальных плит, была просто напрочь разорвана и смята, словно бумажная обертка. И в огромную — с ворота размером — дыру входил Демон. Он был не слишком огромен: в два-три человеческих роста. Он еще не материализовался в нечто, заключенное в конкретную форму, был облаком вьющихся в сумеречном воздухе незримых почти темных сущностей, стекающихся, сосредоточивающихся в его беспрерывно меняющийся, размытый облик. Тенью из Мира мглы. Повелителем мух.

И он не щадил никого.

Том не сразу сообразил, что никого из оравы до зубов вооруженных громил, только что толпившихся вокруг них, уже нет в живых. Почти не слышные после вопля раздираемого металла частые глуховатые разрывы были всего лишь взрывами человеческой плоти, субстанции, прекрасно поглощающей энергию плазменных разрядов. Вскипающей и горящей под их действием. Пространство вокруг молниеносно заполнялось зловонным смрадом. И Марике, и Цинь никак не удавалось толком подняться на ноги. И только двое — одетый, словно к званому обеду, Карл Парреда и вцепившийся в спинку его стула бледный как смерть Анри Бланшар — оставались целы, невредимы и неподвижны. Для них у жуткого гостя был приготовлен другой конец: рука Демона окончательно материализовалась из суетливой черной мглы и, становясь все длиннее, догнала кинувшегося было наутек начальника охраны, но не смяла его, а вошла в его спину, словно в бесплотный туман, погрузилась в самое его нутро и сделала там нечто, что заставило Бланшара орать нечеловеческим голосом, надрывно и долго. Так по крайней мере показалось Тому.

Марика, которая наконец приняла вертикальное положение, по-детски закрыла глаза руками, тихо подвывая от ужаса и отвращения.

А к тому времени, когда мсье закончил кричать и жить, Демон уже стоял перед его шефом. Парреда продолжал сидеть на изящном дачном стуле, и более нелепого зрелища Тому не приходилось видеть в жизни. Глаза главы клана были совершенно белые, как у хорошо сваренного судака, и руки он прижимал к бокам, как будто боялся, что его сейчас начнут щекотать. В этом он был по-своему прав: обе лапы чудища уже тянулись к нему, не спеша, с пониманием.

И тут — совершенно неожиданно — между Демоном и его жертвой вклинилась тонкая фигурка Цинь.

— Стой! — скомандовала она ровным и уверенным голосом — так, будто отдавать приказы исчадиям Тьмы было ее работой, повседневной и скучноватой. — Стой! *Этого* ты оставишь мне!

— Смотрите, вон балки полетели. Высоко... — обратился младший по чину к своему начальнику. — *Они* уходят. А это чудище развлекается: разносит замок к чертям собачьим.

— Жалко здание, — сокрушаясь, сказал руководитель операции. — Оно было исторической ценностью. Однако нам с вами удалось отследить и зафиксировать процесс самосборки боевого мегаробота из нанопредшественников. Уже за одно это можно отдать полсотни таких замков.

Наступила пауза. Она тянулась довольно долго. Оба собеседника, не отрываясь от своих биноклей, роняли короткие реплики в микрофоны переговорных устройств, обращаясь к своим невидимым подчиненным.

— По-моему, она кончается — эта кутерьма там, — снова оживился наконец старший. — Робот начал демонтироваться. Скомандуйте группе Лундса войти в район... э-э... событий, как только это станет возможным. И давайте сами подтянемся поближе. Возможно, удастся найти что-то интересное, прежде чем на место явятся дуболомы из пожарной службы.

Младший тронул кар с места, и уже через несколько минут они подъезжали к дымящимся руинам. Неподалеку от поворота к замку дорогу перед самым их носом перебежал прихрамывающий тигр.

* * *

Эта роща называлась почему-то садом Перемен. Может быть, потому, что перемены, происходящие в природе, были здесь заметнее, чем где-либо еще в окрестности неприметного, старинного особняка, маскирующего вход в подземелье, в котором размещалась большая часть секретного института «Линчжи». Снег здесь уже начал сереть, и голые черные ветви над головами, казалось, были какими-то иероглифами, письменами, возвещавшими о близости весны.

А Сухов и Цинь писали на снегу свои иероглифы: Павел — подобранным прутиком, Цинь — носком сапожка. Том и Марика молча разглядывали плывущие в высоком небе перистые облака. Четверо убивали время, оставшееся до того, как из очередного, такого долгого теперь, провала в забытие вернется в зыбкое, больше на сон похожее бодрствование Кайл Васецки.

Интерес Тома и Марики к весеннему небу был не случаен. Оба рефлекторно пытались совершить невыполнимое — рассмотреть замеченный с утра спецсредствами охраны института гелиопланер наблюдения, парящий в паре километров над окрестностями. Нервничали и двое других участников игры.

— Будь я проклят, если после этого цирка нас не взяли под колпак. Все эти наши номера с пересадками из машины на машину и с запутыванием следов не обманут даже младенца. — Сухов бросил на землю веточку, которой чертил на подтаявшем снегу руны забытых письмен. — Наши опекуны проявляют дьявольское терпение, если готовы прощать нам до поры до времени даже прямую уголовщину с человеческими жертвами.

— Это была самооборона, док, — холодно парировала Цинь. — Своеобразная, но самооборона. Не более того.

— Я бы не назвал то, что ты сделала с Карлом Парредой, самообороной, — отвернувшись к по-весеннему чистому небу, заметил Том.

— Я с ним сделала только то же самое, что он и его люди сделали с моим братом — не больше. — Цинь с ожесточением принялась затирать что-то ею начертанное на снегу.

Сухов, вернувшийся было к прерванному занятию, покосился сначала на Цинь, потом на Тома. «Этим двоим никак не удастся поссориться по-настоящему, — подумал он. — А Джей здорово ссорит их. Да он и всех нас сталкивает. Суть каждого против сути других. Сталкивает и превращает...»

Тихий звон поплыл над рощей: от дверей дома почтительный санитар колокольчиком извещал хозяйку о том, что пациент вышел из забытья и подготовлен к работе.

* * *

— Садитесь, как кому удобнее. — Марика рассеянно окидывала взглядом палату. — А я сяду рядом с ним. И когда будет надо, я почувствую это, надену Кольцо ему на палец. Безымянный, на левой. Так надо. Но пока еще рано.

Она опустила на стул рядом с диванчиком, на котором, как всегда погруженный во что-то свое, сидел Кайл, и одной рукой взяла его за запястье. Другую — с зажатой в кулачок ладонью — положила себе на колени. Разжала ладонь — на ней лежало Кольцо Удачи с простым орнаментом.

Том молча кивнул ей и, сутулясь, стал расхаживать по комнате. Он уже привык входить в контакт именно так: отыскивая такое место, где его Дар начинал «принимать» незримый сигнал. Иногда ему казалось, что он ищет какую-то тайную дверь, проход в иное измерение, в котором живут души живых обитателей Джея. И может быть, не только живых.

В этот раз он «провалился» в Кайла неожиданно, словно оступился на горной тропе. И сразу оказалось, что это было давным-давно: и белая солнечная палата, и ощущение наступающей весны в воздухе, и тревожное, какое-то детское лицо Цинь, и вздрагивающие веки напряженно выпрямившейся на стуле Марики.

А сейчас вокруг была ночь, и громадная белая луна светила в лицо, а злой, обжигающе холодный ветер дул ему в спину, пробирая насквозь безнадежным холодом чужой осени. И кольцо облавы смыкалось вокруг — где-то за рваной стеной развалин, куда загнал его странный, годы отнявший у него, изматывающий поиск.

Но поиск этот был уже закончен. Теперь он просто сидел на старых камнях и собирался с силами. Это был его последний отдых в этом Мире.

Впрочем, сил ему теперь требовалось уже немного. Он встал неловко, по-стариковски — он был стар, очень стар в этом Царстве, — и пошел навстречу тому, кто позвал его, голосом ночной птицы из глубокой тени единственной уцелевшей в этих руинах башни, у еле теплящегося, только по дымному аромату горячей смолы ощутимого костерка. Он развел его с вечера, и сейчас огонь ушел уже в глубь обугленного праха, золотыми искрами тревожно мерцал в нем

— Ну вот ты и пришел, — окликнул он почти неразличимую тень, появившуюся у костра.

— Я же обещал тебе. — Голос пришедшего был горек. — Ты выполнил мои условия, я — твои.

— Ты не передумал? — без выражения в голосе спросил Кайл. — Ведь теперь ты уже никогда не сможешь...

— Я не передумал. — Тень вытянула руку вперед и разжала ладонь.

Потертое колечко с нарочито простым орнаментом лежало на ней.

— Для меня все решено было с самого начала, — сказал пришедший из тьмы. — Этот Мир — мне, тот, *снаружи*, — тебе. И ты должен принести ему спасение — не я. Бери.

Он протянул кольцо Кайлу. Тот осторожно, словно опасное насекомое, взял его. Происходящее на миг утратило для него реальность.

— Ты понимаешь, что выбираешь для себя *ненастоящий*, игрушечный Мир? — все еще не до конца веря в то, что время пришло и час пробил, спросил он.

Издаലെка, за кольцом руин, стал слышен звук двигателей, совсем далеко раздавался короткий перебрех собак.

— Только ты об этом знаешь. — Тень опустила руку, отступила от костра. — А я уже сомневаюсь. Еще можно поспорить, какой из наших Миров игрушечный. Торопись. Погоня будет здесь скоро. Теперь уже — очень скоро. Жаль. Для меня, ведь ты умрешь настоящей смертью, подлинной. И ангелы не возьмут тебя живым на небеса. Это мы убили тебя.

Кайл молчал. Тень не стала ждать его ответа. Отступила еще на шаг в темноту и сама стала темнотой.

Старый, очень старый человек опустился на землю рядом с еле заметным костерком, оперся спиной о хранящий еще дневное тепло камень стены, закинул голову. Чтобы последний раз посмотреть на небо этого Мира.

Огромное бельмо луны прожектором светило с этого неба. Словно для того, чтобы в мертвом своем свете показать ему, кем он станет через миг: мертвым камнем между мертвыми камнями. Кайл надел кольцо на безымянный палец левой руки.

И открыл глаза.

Марика внимательно смотрела ему в лицо, а через плечо ее так же сосредоточенно смотрел Сухов. Со скамьи у стены ему устало улыбался Том. Они казались ему ужасно молодыми.

— Так... — Кайл внимательно осматривал все вокруг себя.

В принципе ему не надо было спрашивать «Где я?». Он уже знал все, что было с ним за это время. Видел во снах.

— Как ты? — осторожно потрепал его по плечу Сухов.

— Ты принес Исцеление? — тревожно спросила Цинь шагнув к нему из угла, где ее до сих пор скрывала тень.

Там, в тени, как яйцо странной птицы, остался лежать камень, заключавший Большое Царство, теперь неуловимо изменившийся.

— Да, — чуть охрипшим голосом ответил Кайл. — Думаю, что принес. Для начала я исцелил *тот* Мир. И там меня за это убили.

Пару мгновений в зале царил тишина. Потом, прежде чем вся братия журналистов сорвалась с цепи, слово успела взять самая энергичная из почти сотни представителей этой древнейшей профессии — аристократического вида соотечественница Цинь. Точнее говоря, соотечественниками их были прапрабабушки и прапрадедушки. В отличие от Циньмэй — уроженки Джея, Энни Чанг («Гэлэкси ньюс») была коренной жительницей Метрополии. Она вынуждена метаться по Мирам Периферии в поисках тем для злободневных публикаций. Сейчас ей такая тема шла прямо в руки.

— Позвольте узнать, — быстро произнесла она в микрофон, на долю секунды опередив Доди Кречмаря из «Медицинского вестника», — почему корпорация «Линчжи» считает возможным препятствовать выступлению на пресс-конференции человека, которого сейчас открыто называют одним из авторов победы над Эпидемией, — доктора Васеcki? Если доктор Васеcki не желал выступить перед представителями средств массовой информации, он имел все возможности заранее предупредить об этом приглашенных корреспондентов. Он этого не сделал, и мы вправе требовать объяснений.

Ожидаемый гомон последовал незамедлительно. Председательствующий ожесточенно застучал карандашом по микрофону. Слово взял председатель Объединенного штаба по борьбе с Эпидемией, профессор Гримальди.

Он дождался, пока зал успокоится, извлек из внутреннего кармана конверт, из конверта — лист, исписанный убористым почерком, и помахал им в воздухе, привлекая всеобщее внимание.

— Во-первых, — начал профессор, — декан Васеcki вовсе не является сотрудником корпорации «Линчжи», свободен от каких-либо обязательств перед ней, и указанная корпорация никоим образом на его присутствие на нашей пресс-конференции повлиять, таким образом, не может. Во-вторых, вчера, — Гримальди снова показал собравшимся лист бумаги, — через доверенных людей доктор Васеcki передал мне письмо, в котором ставит меня в известность, что, поскольку считает, что его участие в разработке средств борьбы с фактором перерождения «кокон» закончилось еще на стадии теоретических разработок, то теперь, когда борьба с Эпидемией успешно доведена до окончательной победы уже сугубо практическими методами, он прекращает свое участие в проекте и удаляется от общества.

Зал снова зашумел, и Тургут из «Интерстеллар крониклс» осведомился у выступающего, надо ли понимать услышанное в том смысле, что декан Васеcki, вместо того чтобы пожинать плоды своей заслуженной славы, решил теперь удалиться в монастырь? И если это так, то в какой?

Чтобы погасить эту вспышку эмоций, профессору пришлось встать и замахать руками, уподобясь пожилому орлу, вознамерившемуся взлететь из горного гнезда.

— Мне не даны полномочия предать гласности намерения господина Васеcki. — Гримальди сухо подвел черту под ненужными расспросами. — Ни мне, ни кому-либо из здесь присутствующих нечего добавить к тому, что уже сказано о странном, на мой взгляд, достойном даже... э-э... сожалении решении декана Васеcki. Мы живем в обществе, которое дает нам право выбора, и Кайл Васеcki свой выбор сделал. Эту тему будем считать закрытой.

Вновь всколыхнувшийся в зале шум заставил Сухова чуть убавить громкость звука приемника, встроенного в панель управления, и стали слышны шорох и шелестящее шипение, с которыми поставленный на автопилот флаер скользил над ночным шоссе.

— Как скоро до этой публики дойдет, что у Кайла есть старик отец и что Кайл никуда не уйдет, не попрощавшись с ним? — спросил скорее сам себя, чем кого-либо из своих спутников, Том.

— К тому времени они уже успеют попрощаться, — сказала с заднего сиденья Марика. — Не надо громче. — Она за плечо удержала Сухова, потянувшегося было к верньеру радио. — Боюсь, и мы не успеем.

Там, далеко — в конференц-зале Центра сопротивления бедствиям, — председательствующий овладел наконец ситуацией и профессор Гримальди зачитывал теперь официальное коммюнике, подводившее итоги Эпидемии (число жертв со смертельным исходом — около десяти тысяч, общее число пострадавших — до семидесяти тысяч человек, размер причиненного ущерба). Жертвами были в основном вовсе не пораженные «коконом» больные, наоборот, речь шла главным образом о военнослужащих, погибших при усмирении «коконов», успевших в окраинных поселениях Республики пройти процесс перерождения в агрессивных чудищ.

Сухов покосился на Цинь. Та молча смотрела на уносящуюся назад ночную степь. Все четверо в кабине флаера уже хорошо знали эти цифры, и они тяжелым грузом ложились на плечи затеявших странную игру со здешним Богом. Но китайке было, наверное, тяжелее других. Хотя и заплатила она тоже, пожалуй, больше: к ее отцу Исцеление пришло вместе со смертью, и теперь обе плиты в старом саду у дома Цинь скрывали урны с прахом тех, чьи имена были выбиты на них.

Она поймала взгляд Павла и, чтобы не продлевать тяжелую паузу, продолжила начатую Марикой тему:

— Понимаю, почему Кайл не стал связываться с прессой и своими учеными собратьями, но вот как получилось, что нам он даже не обмолвился... — Она хрустнула пальцами. — И все равно, напрасно это он.

— Напрасно, — согласилась Марика. — От Джея не уйти.

Сменивший Гримальди оратор довольно успешно пытался на пальцах объяснить аудитории, как идеи доктора Васецки о перепрограммировании части нанороботов, являвшихся тем самым «фактором перерождения», провоцирующим развитие «коккона», были развиты и воплощены в жизнь талантливым коллективом исследователей концерна «Линчжи» и как эти разработки были совершенно бескорыстно переданы в распоряжение ЦСБ.

— Короче говоря, вам удалось заразить эти кибермикробы чем-то вроде компьютерного вируса? — осведомилась из зала Энни Чанг.

— Вот именно, — с облегчением подтвердил профессор. — Только не сами

нанороботы, а ту систему, в которую они самоорганизовывались в ходе выполнения своего жизненного цикла. Теперь эта система полностью разрушена, и Джей свободен от Эпидемии.

— Надолго? — спросил из-за плеча Энни мрачный толстяк из «Джей-уикли». — Эти милые крошки в нем промутируют обратно?

— Это знает только Бог Джея, — криво улыбнулся Гримальди.

Кайл зашел в пыльный гараж. Из багажника простоявшего всю зиму на приколе старенького джипа вытащил свой еще студенческих лет рюкзачок, поискал на полках и под ними и бросил в него пару-тройку вещей, которые должны пригодиться в Лесах. Прикинул, что еще стоит захватить с собой, закинул рюкзак на плечо, запер ворота и устало пошел к дому.

В кабинете на втором этаже его встретили легкий полумрак, укоризненный прощальный вид забитых старыми книгами полок и легкий, еле заметный аромат трубочного табака.

Кайл резко отступил к двери, в которую только что вошел. Он узнал этот аромат. Среди небогатой ученой диаспоры Вестуича не многим был по карману этот привозной из Метрополии сорт.

Повернутое спинкой ко входу кресло развернулось, и человек, сидевший в нем, поднялся навстречу хозяину кабинета. Неяркий свет от закрытого жалюзи окна оставался за спиной у непростого гостя, и нельзя было понять, что написано у него на лице. Впрочем, декан Васецки достаточно хорошо знал это узкое, как лезвие финки, породистое лицо доктора Герхарда Бокка, директора-распорядителя фонда фундаментальных исследований. Достаточно хорошо, чтобы знать, что ничего, кроме наипочтеннейшей улыбки, не найти на этом лице даже с помощью микроскопа.

— У нас в доме не курят, — глухо и неприязненно сказал Кайл, решив начать разговор. Разговор, который не обещал быть ни простым, ни легким.

— Я прошу прощения за то, что вломился в ваши владения непрошеным, — произнес господин Бокк. — И мои извинения за это. — Он взял трубку с подлокотника кресла с тонкой струйкой дыма и как бы замешкался, не зная, куда определить сей предмет. — У вас не было заперто, господин декан. И я не хотел тревожить вашего отца. Кроме того, — тут тон доктора Бокка чуть изменился, — ваш кабинет — одно из немногих мест, где прослушивающую аппаратуру не меняли уже лет семь. Так что с ней легко сладить.

— Вот как? — В голосе Кайла не прозвучало ни удивления, ни особого возмущения. — Как я понимаю, вы рассчитываете на конфиденциальную беседу, господин директор? Должен вас огорчить: я к таким разговорам не расположен.

Он подошел к окну и потянул за шнур. Утренний свет заполнил комнату.

— Вообще-то я уже начал удивляться тому, что ваш фонд не проявляет к событиям вокруг... м-м... вокруг нашей находки никакого интереса. Ведь ни для кого не секрет, что фонд — это «Дженерал Трендс». А «Дженерал Трендс» — это, так сказать, официальная крыша того самого военно-промышленного комплекса, которого на ДЖее якобы не существует. Я уж и подумал, может, и впрямь не существует? Но вот вижу — ошибся.

Кайл устало потер лоб и стал складывать в рюкзак то небольшое, что могло пригодиться в пути, к которому он готовился. На непростого гостя он не обращал внимания.

— Ну, после той славы, которая нам досталась от здешней прессы, я и не рассчитывал на радушный прием. — Доктор Бокк поудобнее устроился во вращающемся кресле и, крутясь

на нем, отрешенным взглядом следил за перемещениями хозяина кабинета. — Я не буду сейчас дебатировать с вами о том, что половина всех тех грехов, которые приписывают фонду купленные конкурентами писаки, просто немыслимая чушь. Я не буду даже пытаться выглядеть в ваших глазах хоть немного лучше, чем вы обо мне думаете, господин декан. Как-никак, я не девица на выданье и не свататься к вам пришел. Я пришел к вам, собственно говоря, для того, чтобы спасти вам жизнь. Вам и вашим друзьям.

— Вот как? — Кайл остановился посреди комнаты и, наклонив голову, пристально уставился на господина директора. — Ну и кто же собирается нас убивать? И почему это вы только теперь решили кинуться нам на помощь?

Бокк улыбнулся. Сухой, кривоватой улыбкой:

— Да потому, что вы стали вести себя как компания самоубийц. Неужели непонятно, господин декан, что вам уже не выйти из игры, которую вы затеяли со здешним Богом? По крайней мере, в одиночку не выйти. За вами еще один — последний — ход. И этот ход будет страшным.

— Не мне делать его. — Кайл уже закончил свои сборы и начал подгонять ремни рюкзака. — Если вам угодно думать, господин директор, что вы знаете, в чем будет состоять Последнее Испытание, то, значит, вы самый осведомленный на этот счет человек во всей Федерации.

— А если вы думаете, что вы, Пятеро, единственные, кому пришлось столкнуться с Испытаниями, то вы далеко не самый осведомленный специалист в экзоархеологии. Даже не во всей Федерации, а просто в Республике Джей.

Кайл пожал плечами:

— Ну, допустим, я — не тот наивный аспирант Васецки, которому десять лет назад попал в руки этот коробок. И теперь я более серьезно отношусь к той... мифологии, которая сложилась вокруг магических находок и находочек. К сожалению, очень многое из того, что рассказывают про эти вещи, надо понимать... э-э... иносказательно. Но у вас, наверное, более полная база данных на этот счет.

— Естественно! — Господин Бокк выпрямился и посмотрел на Кайла, как удав на кролика. — Естественно, что корпорация, которую, как вы совершенно справедливо заметили, я представляю на Джее, рассматривает так называемые «магические находки» как материал для весьма перспективных разработок. Притом, заметьте, не только военного характера. И естественно, что мы подробнейшим образом изучаем судьбы тех, кто на свой страх и риск экспериментировал с этими объектами. Как правило, у них очень печальная судьба. И вовсе не похоже, что вы составите тут исключение. Джей уже изменил вас: наделил странными... м-м... способностями, о которых мы пока только лишь догадываемся, внедрил в вашу психологию. Если этот процесс вот так, неуправляемо, пойдет до конца, то... — Господин директор сделал сухой ладошкой короткий, но достаточно выразительный жест. — То — одно из двух. Или он сделает вас тем, чем хочет, — воинами исчезнувшей Империи для давно закончившейся войны, или... Или он просто уничтожит вас. Поломает, как станок ломает заготовку из неподходящего материала. У вас будет возможность изучить несколько поучительнейших примеров.

— Где-нибудь в бункере корпорации? — Кайл накинул рюкзак на плечо. — Или на полигоне?

— Во всяком случае, в более комфортабельных условиях, чем те, которые вам предложат господа из здешней Спецакадемии. А они предложат, будьте уверены! В

ближайшее время они займутся вами вплотную. Если бы вы только знали, каким плотным кольцом они обложили вашу Пятёрку, то не чувствовали бы себя так вольготно. Господа только и ждут, когда вы доведете вашу партию до логического конца. И тогда вам придется распрощаться со свободой уже без права выбора.

Кайл шагнул к двери. Повернулся:

— Если уж Дары Джея... те самые особые способности, которые вы тут упомянули, и будут изучать с нашей помощью, то почему вы думаете, что лаборатории Комплекса нам милее, чем наши здешние и федеральные институты? Чем, собственно, хрен слаще редьки?

— Да тем, господин декан, что дуболомы из провинциальной Спецакадемии отнимут у вас здоровье, а то и саму жизнь просто так, за здорово живешь. Во имя исполнения гражданского долга. И в лучшем случае отделаются от вас нищенскими пенсиями и наглухо закрытой визой на вылет куда-либо с планеты. А то и засадят навеки в клинику или того лучше — в каталажку. Вы думаете, что трудно будет ваши игры представить перед судом как опасную и безответственную авантюру? Повлекшую за эти десять лет большие жертвы и разрушения.

— А «Дженерал Трендс», надо полагать, поместит нас в райские кущи и будет на руках носить, как родных детей? — Кайл покачал головой: — Считайте, что разговор наш не состоялся.

— По крайней мере, вы сразу, как только дадите согласие на сотрудничество с нами, сможете перевести на свое имя или на имена ваших доверенных лиц вполне приличную сумму в твердой валюте. — Господин Бокк поднялся с кресла. — И мы согласны оговорить с вами условия, которые вы предложите в качестве гарантии вашей безопасности. Не торопитесь принимать решение. У вас есть время на размышление. Но его остается все меньше.

— Я не решаю за своих друзей. — Кайл шагнул в сторону, недвусмысленно освобождая гостю проход к двери. — Но свой выбор я сделал. И менять его не стану.

— Я думаю, вам еще придется пересмотреть ваше решение. — Господин Бокк сухо откланялся и, не оглядываясь, покинул кабинет.

Кайл выждал несколько минут, ожидая, пока стихнут шаги незваного гостя, и спустился по лестнице к выходу. На минуту задержался у комнаты отца, прикрыл дверь, — старик спал. Будить его сын не стал.

Его ждала довольно далекая — идти придется пешком — дорога. От того места, где сходит на нет заброшенный проселок, по берегу речки — к озерам. Холодному Соленому и Ледяному Пресному. Вдоль черных, словно выгоревших опушек. Туда, где начинаются скалы.

* * *

— Вот. — Васецки-старший передал Павлу распечатанный конверт. — Он оставил это для меня, но можете не стесняться, читайте, тем более что там и для вас написано немало. — Он встал. — Да и вообще, располагайтесь здесь. Отдохните с дороги. Можете и задержаться на денек-другой. Этот дом великоват для одинокого старика.

Он начал подниматься на второй этаж по лестнице и вдруг напомнил Сухову его собственного — совсем в общем-то на Васецки непохожего и вовсе не такого старого —

отца. «Кайл никогда не оставил бы старика одного, — подумал он. — Никогда. Но — оставил. Значит, как и все мы, понимает, что навлекает на себя беду. Ставит под удар всех, кто его окружает, особенно самых близких. И только Бешеный Бог Джея знает, какую беду обрушит на этого старика, да и на весь Джей, следующий расклад древних кубиков». Павел подавил тяжелый вздох и вынул письмо из конверта.

Сидевшие вокруг стола Четверо переглянулись.

— Читай вслух, — попросила Марика. — Надо торопиться. Скоро сюда нагрянут люди из прессы.

— «Отец, — прочитал Сухов хрипловатым голосом, — будет лучше, если я уйду вот так — без прощания. Прощание будет слишком тяжелым и для тебя, и для меня. Пусть у нас обоих сохранится надежда, что это — не навсегда. К тому же в конечном счете мы поговорили с тобой обо всем и ты знаешь, куда и зачем я исчезаю. Ты хорошо понимаешь, что этого не должен знать никто. Исключение сделай только для тех четырех моих друзей, которые, как и я, попали в ловушку Испытания.

Я точно так же, как и они, понимаю, что, хотя уже и сделал свой последний ход в этой игре, выйти из нее мне не удастся. Не для того она начата, чтобы с миром отпустить попавших в капкан на все четыре стороны. Я уйду в Лесные скиты не затем, чтобы спрятаться от Безумного Бога Джея, нет, я уйду, чтобы понять здешнего Бога по-своему, так, как его понимают люди Джея. Тогда он может перестать быть безумным для меня. Тогда и путь к свободе станет ясен для меня и для вас. Это и есть мой Дар — находить пути. И сердца этих путей. Один сумасшедший в старину писал, что все пути не ведут никуда. Просто у одних из них есть сердце, а у других — нет». — Сухов откашлялся. — Постскриптум... — глухо сказал он. — Тут есть постскриптум: «Может сложиться так, что я стану нужен моим друзьям. Пусть тогда Цинь, передай ей это, вспомнит, как и где мы встречались со старым Квинтом».

Он положил письмо на стол.

— Пожалуй... — прервал начавшуюся затяжной паузу Том, — пожалуй, нам не стоит его трогать сейчас. Мы только наведем на след журналистскую братию. Нам надо подумать о следующем ходе. Пока Джей не заставил нас сделать его из худшей позиции. Мне не нравится наступившее затишье.

— А по мне — так хоть бы век оно длилось. — Марика нервно провела пальцами по лицу. — Нам нечего просить у Джея. В этом нет никакой логики, в том, чтобы снова будить дьявола.

Том нахмурился.

— Логика следующего хода ясна, — пожал он плечами. — Мы дважды призывали Демона в помощь себе, и теперь по меньшей мере над двоими из нас нависла довольно серьезная опасность. Я не знаю, кого именно выберет Демон себе в рабы, но... Собственно, это не так уж и важно. Первая половина команды — та, которую будет задавать Павел, должна содержать условие. Такое условие, которое позволит вернуть Посох его хозяину. Богу Джея.

— Как ты это себе представляешь? — недоуменно спросила Марика.

— Вот это-то как раз и несложно себе представить. — Сухов тяжело повернулся в кресле, в котором прочно устроился в самом начале разговора. — Но все дело в том, что мне даже не хочется думать, что мы обнаружим во второй половине команды — той, что сложится «сама по себе».

— Так, по-вашему, пришла пора остановить игру? — саркастически спросила Цинь. — Взять тайм-аут, как док Васецки? Вы думаете, Джей даст нам такую передышку? Я такую передышку сделала — на годы. И пришла Эпидемия. И ты сам десять лет гнил в джунглях. Как вы не поймете — останавливаться нельзя!

— Мне бы твое бесстрашие, девочка. — Кресло снова заскрипело под Павлом. — Мне бы твое бесстрашие.

— Бесстрашие?! — Глаза Цинь широко раскрылись, стали почти безумными. — Это раньше я была бесстрашной, когда только боль и смерть могли угрожать мне. А сейчас... А сейчас я каждую ночь умираю от ужаса — от ужаса перед тем, что нам предстоит. Перед *превращением*. Перед тем, что мы можем потерять все — себя, свои души, разум — и не получить ничего взамен. Стоит только оступиться на пути Испытания.

— Но ты все равно хочешь пройти этот путь до конца. — Том откинулся в кресле, молитвенно сложив руки перед собой и прикрыв тяжелые веки.

— Да нам ничего другого и не остается! — резко выпрямилась Цинь.

— М-м-м... — Марика цедила сквозь зубы невнятный, прерывающийся звук, и плечи ее вздрагивали, словно она плакала, плакала без слез, замерев с широко раскрытыми и словно ослепшими глазами на неподвижно застывшем лице. — Ладно! — резко оборвала она этот звук. — Пусть будет по-твоему — только скорее!!!

— Прямо здесь, стало быть, и начнем? — саркастически спросил Сухов.

— Нет. — Циньмэй быстро встала. — Здесь оставаться нельзя. И журналюги набегут с минуты на минуту, и беду мы на этот дом навлечь можем. Есть другое место — недалеко.

* * *

Это действительно было недалеко. Четверо собрались в заброшенной с виду, но, видно, неплохо охранявшейся вилле — кусочке собственности миссис Лююнь, записанном на чужое имя. От проходящего неподалеку шоссе виллу закрывал густой, неухоженный лес. Дом стоял посреди чащобы, и лишь незаметная тропинка вела к его воротам. Сторож, открывший гостям двери приземистого двухэтажного особняка, обменялся с Цинь парой слов по-китайски и отправился выводить из сторожки свой велосипед. Видно, ему было велено побыть подальше от места встречи хозяйки и ее друзей.

В широком нижнем зале на обеденном столе Том и Павел снова занялись перекладыванием расчерченных древними знаками листков. Чуть поодаль на середине стола лежал янтарный короб «Джейтеста». И рядом с ним два причудливых прута — сломанный Посох.

Пока мужчины были заняты своим делом, Цинь и Марика успели привести в жилой вид две комнаты на втором этаже и начали готовить нехитрый обед. Эти простые и будничные дела успокоили Марику, вернули ей хорошее расположение духа.

— Эй! — немного задорно даже окликнула она мужчин, сгорбившихся над столом. — Возьмите хотя бы сэндвичи и кофе. А лучше — остановитесь на полчаса и поешьте по-человечески.

Павел, не поднимая головы от листков с магическим текстом, протянул руку и, схватив бутерброд с ветчиной, стал жевать его. Том от еды отмахнулся — кусок не лез ему в горло.

— Подойдите. — Он кивнул женщинам. — Мы заканчиваем.

— Вариантов два, — стал объяснять Павел, с трудом глотая всухомятку сандвич. — Два — п-плохой и вовсе ужасный.

— Начинай с ужасного, — махнула рукой Марика.

Павел наконец проглотил остатки бутерброда и кивнул:

— Будь по-твоему. В этом варианте мы исходили из основы «вернуть». Итак: «Вернувший Жезл — я п-привык так говорить — «Жезл» — найдет себе достойную замену среди живых, но свою жизнь потеряет».

— К черту! — зло сказала Марика.

— Нечистого не поминай! — одернула ее Цинь. — Давайте второй вариант.

— Здесь за основу взяли снова «Исцеление». — Павел откашлялся и сделал глоток горячего кофе из кружки, которую просто не замечал до этого. — Понимаете, когда мы еще работали с предыдущим... ходом, я заметил, что «Исцеление» и «Жезл» дают продуктивные комбинации. Получилось вот что: «Исцелить Жезл поможет Дар одного из Пяти. Дар его возрастет безмерно, волю его заменит воля Джея. И придет срок Последнего Испытания» Чушь какая-то. Хотя... Мне теперь предлагается найти способ... Как использовать наши Дары... Для исцеления...

— Твой Дар — Демон, — глухо напомнил ему Том. — Может быть, он и может... Но вряд ли знает об этой своей возможности. А я, должно быть, могу проникнуть... В душу кого-то или чего-то. И найти там секрет Исцеления.

— А Кайл, видно, мог бы найти Путь, — высказала свое мнение Марика. — Куда-то, где такое Исцеление возможно. А я...

— Исцелить. Наверное, это — я, — негромко, но очень убежденно перебила ее Цинь. — Исцеление — это мой Дар.

Она уверенно взяла обломки Посоха в руки и, соединив их вместе, застыла, прикрыв глаза, словно вспоминая что-то.

— Ты лечишь живых людей, — взял ее за руку Том. — А Посох, Жезл — неодушевленная дрянь.

— Никогда не говори про амулеты Джея, что они лишены души! — резко оборвала его китаянка. — А что до того, чтобы исцелять вещи. Ты помнишь те часы — тогда, в экспедиции? Я это проверила еще раз и еще. Ну так что, командир. — Она повернулась к Павлу. — Наверное, нужно твое согласие. Разреши Джею усилить мой Дар.

— Вспомни про условие. — Том держал Цинь уже за обе руки, сжимал их, не давая случиться чему-то страшному, но они были стальными — эти тонкие в запястьях, почти детские, загорелые руки. — Ты отдаешь свою волю! Ты ее меняешь на волю Джея.

— Вы не умеете читать. — Цинь снова закрыла глаза и цедила слова сквозь зубы. — Я это понимаю по-другому.

Марика смотрела на нее остекленевшими глазами, впившись побелевшими пальцами в край стола. «Господи, — подумал Сухов. — Сейчас с ней будет истерика».

— Так как, начальник? — снова спросила Цинь. — Дашь «добро»?

— Чушь. Чушь. Ер-р-р-ралаш!!! — Сухов даже заскрипел зубами. — Этой ход! Почему, какого черта, его делаешь ты?!!

— Это ты, ты его делаешь — этот ход! — все так же, не открывая глаз и прислушиваясь к Посоху, возразила она. — Джей проверяет тебя на способность выбора. И на способность принимать решения. Не забывай — это тебе нести Посох в храм Желтой Луны. Ну, дашь «добро»?

Павел молчал, помрачнев, Том отпустил руки Цинь и только смотрел на нее немигающим взглядом огромных африканских глаз. Марика словно старела на глазах и тоже не отводила взгляда от подруги.

— Да, — сказал Павел. — Я даю «добро».

* * *

— Оставайся здесь. — Сухов придержал за локоть собиравшегося уже шагнуть в темный провал ворот Тома. — Ты будешь... мешать мне там. А помочь, случись что, не сможешь. Постой лучше, как говорится, на стреме.

— Ты уверен, что не стоит подождать до утра? — в который уж раз спросил Том.

И, в отличие от всех предыдущих случаев, получил ответ:

— Демон будет бороться до последнего. Но он — полуденная тварь, а не полночная. Вспомни Внутренние Пространства — там эта разница очень даже чувствуется.

Том пожал плечами и отступил от ворот. Павел шагнул в темноту.

Храм внутри вовсе не был так темен, как это казалось снаружи. Огромные летние звезды и две махонькие, но очень яркие луны наполняли через многочисленные окна-бойницы все его внутреннее пространство слегка неверным, плывущим, но достаточно ощутимым светом. И изваяние Тощего Лиса было хорошо видно через весь не такой уж и широкий зал.

Теперь надо было внимательно прислушиваться к себе, выбирать путь не напрямик, а по подсказке какого-то шестого чувства. Павел сделал первый шаг вдоль выкрошившейся стены. Что-то незримо изменилось вокруг, только вот — что? Второй шаг — и снова неуловимые перемены. Третий, четвертый...

Только одолев треть пути, он понял, что так менялось в залитом зыбким светом зале. Цель уходила от него — все дальше и дальше оказывалось оскаленное изваяние, только отдаленно напоминающее изголодавшуюся земную лисицу. И все напряженнее и ярче становился свет вокруг. Словно пламя раскаляло стены храма снаружи и внутренность его становилась огромной жаркой топкой печи.

Сухов тряхнул головой, освобождаясь от наваждения — чушь! ералаш! — и снова оказался в прохладной прозрачной мгле ночного храма — в двух шагах от изваяния Тощего Лиса. Но кто-то шел рядом с ним, слева, невидимый и неслышный, движущийся где-то на грани восприятия.

— Зачем пришел? — не оборачиваясь к мороку, спросил Павел. — Я не звал тебя.

— Прощаться, — прошелестел или почудился ему голос Тьмы. — Прощаться с тобой я пришел... этой ночью все кончится или для меня, или для тебя.

— Не морочь мне голову. — Осторожно выбирая нужное место, чтобы поставить ногу, Павел сделал следующий шаг.

Посмотрел вниз — и пошатнулся.

Бездна, наполненная прозрачным маревом, простиралась под ним. Где-то там, на километровой глубине, его ноги выискивали точку опоры, а сам он уже наклонился, переламяваясь на лету, рушился в эту пропасть.

И это наваждение сгинуло.

Еще шаг.

— Ты оступиш-ш-шься, — шипел Демон. — Ошибеш-ш-шься.

Или это он сам говорил себе.

«Ш-ш-шшш!!!» — словно тысячи рук щупалец рванулись к нему из покачнувшейся тьмы. Не дотянулись. Стали дурным туманом.

Еще шаг.

— Пугаешь. Ты только пугаешь меня. Ты ничего не можешь мне сделать, — говорил он Демону, медленно, но верно сокращая расстояние до изваяния. — Пока что.

Еще шаг. Странное творилось кругом.

— Ты...

Еще. Телефонный звонок — глупость какая — не оборачиваться.

— ...ничего не можешь...

Еще. Отец окликнул его. Он давно умер, его отец.

— ...мне предложить, кроме...

Совсем немного уже осталось.

— ...заигранного репертуара «Диснейленда», — ядовито закончил Павел и сделал последний шаг.

Перед постаментом он присел на корточки и все так же, не оборачиваясь на Демона, принялся искать на цоколе те единственно верные впадинки и ложбинки, вложив пальцы в которые можно легко, словно дверь на хорошо смазанных петлях, отвести в сторону тяжелый каменный блок с гнездом для вложенного в чехол Посоха.

Удалось.

Посох стал на место — и сразу словно неслышный. инфразвуковой аккорд обрушился на Павла. Вместе со страшной усталостью. Он с огромным трудом заставил себя вдвинуть каменный блок туда, где ему определено быть веками. Потом, пошатываясь, поднялся на ноги.

Демон гигантским нетопырем сидел перед ним на постаменте, поглотив, скрыв в своей массе желтый камень изваяния.

— Ты победил. — Голос Демона был глух. — Я — твой раб. Повелевай.

— Исчезни, — устало сказал Павел. — Исчезни и никогда не приходи больше.

— В моих силах исчезнуть, — все с той же напряженной покорностью ответило порождение Тьмы. — Но не в моих силах не являться на твой зов. Жди последнего испытания. Я — это ты теперь. И ты — это я.

Стаей летучих мышей Демон разлетелся во все стороны. Смердным ветром обдал лицо Павла и, рушась, разрываясь на мириады крошечных клочков тьмы, превратился в пустоту. С постамента на Сухова снова скалился Тощий Лис.

Ларец, Кольцо и Посох, сойдясь на короткое время, сыграли свою непонятную роль в этой непостижимой игре, и теперь время разводило их снова врозь.

Сухов потрогал постамент. Каменная плита неподвижно стояла на месте. Если кому-то и суждено было открыть этот тайник вновь, то не Павлу.

* * *

— Я уже начал волноваться. — Том присматривался к Сухову. — Он... Джей принял Посох?

— Да. Взял. Пошли спать. Завтра... Завтра — ход Цинь. Последний ход в этой игре.

Они молча дошли до флаера.

— Цинь... — Павел сказал это, когда они уже шли над степью к шоссе на Лагодо. — Ты уверен, что с ней ничего не произошло? Ведь заклинание гласило...

— Она устала. — Том пожал плечами. — Выложились до конца с этим Посохом. Но и только. Марика не отходит от нее. Все будет хорошо. Если *это* не придет к ней во сне. Здесь, на Джее, многое завязано на сны.

— Ладно. — Сухов прикрыл глаза и сам начал проваливаться в сон. — Все будет хорошо.

Глава 13

ПОСЛЕДНЕЕ УСЛОВИЕ

Циньмэй проснулась легко, будто и не думала спать вообще. Марика — уже совсем такая, какой была всегда, сидела у нее в ногах. На губах ее, так и не ставших губами взрослой женщины, нервных, каких-то подростковых, была грусть.

Цинь улыбнулась ей тоже грустной, понимающей улыбкой и быстро поднялась, несколькими быстрыми движениями приведя в порядок лицо и короткие иссиня-черные волосы. Потом они сели рядом. На коленях у Марики лежала казавшаяся налитой янтарной тяжестью плоская шкатулка «Джейтеста».

— Надеюсь, наши мудрецы не перемудрили с переводом последнего заклинания, — вздохнула Марика. — Пусть это будет действительно последний тест. Если вся эта хреновина пойдет по новому заходу, я, ей-богу, не выдержу.

— Нам всем давно пора или сбрендить по-тихому, или впасть в буйное безумие и жевать занавески в той жизни, которую нам устроила эта коробочка, — пожала плечами Цинь. — Но даже боги не знают, что там на уме у нее сейчас. Мне кажется...

Она замолчала, сосредоточенно пытаясь уловить тень какой-то идеи, возникшей у нее в это мгновение. Марика положила янтарный ларец на шерстяной плед ближе к Цинь и встала, словно сбрасывая с себя наваждение.

— Собираемся наверху, — сказала она. — Оба наших корифея всю ночь ломали голову над комбинациями команд. И не только эту ночь. Думаю, они выдадут напоследок что-то подходящее.

Цинь молча пожала плечами и тоже встала. Подхватила и подняла перед собой, словно принимая эстафету, плоскую коробку «Джейтеста». И уже в спину исчезавшей в дверях Марике бросила глухо:

— Хотела бы я однажды проснуться такой же оптимисткой, как ты. Даже после того страшного сна, который приходил к Кайлу.

Марика резко обернулась. Хотела сказать о страшных снах, наверное. Но что-то остановило ее. Может, мысль о том, что предстоит ее странной подруге.

— Мы ждем тебя, — кивнула она.

И вышла из комнаты.

* * *

Утренний свет, проникавший сквозь под самым потолком пробитые окна-щели, уже заполнил все неширокое пространство столовой. Павел, невыспавшийся, с темными мешками под глазами, мрачно и угрюмо навис над столом, словно немой укор одиноко стоящей перед ним маленькой чашечке кофе. Марика ссутулилась в углу, не изъявляя ни малейшего желания первой начать разговор. Том молча рассматривал разложенные на столе схемы сочетаний знаков-команд. Время от времени он перекладывал разные листки, словно пытаясь таким образом — перед самой развязкой — найти единственно истинное решение головоломки Древних Империй.

— По-моему, все наши попытки перехитрить Джей, понять его логику... это все —

какая-то разновидность шаманства, — глядя в пустоту перед собой, хрипловатым еще с ночи голосом все-таки прервала общее молчание Марика. — Мы — словно те черные невольники, которые взбунтовались по пути из Африки. Ну, знаете ту хрестоматийную историю? Команду пошвыряли за борт, и управлять кораблем стало некому. И несчастные бунтовщики молились компасу. Понимали, что штука это важная, только вот не знали, как с ней обращаться. Не помню, помогло им это или нет.

— Должно быть, помогло, если кто-то все-таки спасся с той посуды и рассказал эту байку, — заметил Том, не отрываясь от своего странного пасьянса. — Но все-таки это твое сравнение хромает: те несчастные негры о компасах и понятия не имели, пока не столкнулись с необходимостью править судном. А мы за четыре поколения знакомства с Джеем о его колдовской машинерии успели все-таки узнать кое-что. В конце концов, это, как-никак, создание разумных существ, пусть даже совсем на нас непохожих. И не только Джей может крутить нами как захочет. Мы тоже в состоянии вмешаться в его жизнь.

— Здесь такие идеи популярностью не пользуются, — неприязненно поморщился Павел. — После последнего Катаклизма по крайней мере. И потом... Это еще вопрос — ктс чье создание: разумные существа построили Джей или Джей — разумных существ. — Он повернулся к Марике: — Как там Цинь?

Марика пожалала плечами. Чуть заметно:

— По-моему, она в порядке. У девочки не нервы, а стальные канаты. Просто она слишком выложились в этом... В последнем сеансе. Должно быть, *это* отнимает слишком много сил. А вот коробочка... Ларец... У нее... У нее странный след.

Оба мужчины озадаченно посмотрели на Слепую Цыганку.

— След... Мне не удастся проследить, куда ведет он. Уходит во что-то очень странное.

— Так это ж и было бы удивительно, если бы с этим ящиком все оказалось ясным и понятным, — поморщился Павел. — Послушай, Марика, напрасно ты ее надолго оставила там одну — с... Том, ты бы поднялся.

Все трое задумчиво подняли глаза к потолку.

— Как бы мисс не учудила чего спросонок, — задумчиво пробормотал Сухов.

Они помолчали.

Потом Марика осторожно придержала Тома за руку и направилась к лестнице, потянув его следом за собой. Что-то детское было в этом. Том, положив руку на плечо Марики, жестом велел ей обождать, сам же в несколько шагов — легких и стремительных, неожиданных при его сложении — взлетел наверх, к дверям кельи. Резко постучал и тут же рванул створку на себя. Это потребовало некоторого усилия — изнутри ему попытался помешать старенький засов.

Когда героически исполнившая свой долг железка отлетела и дверь распахнулась, в лицо ему ударил свежий ветерок: окно было распахнуто настежь. А сама келья была, разумеется, пуста: в ней уже не было ни Цинь, ни янтарного ларца со странным именем «Джейтест».

* * *

— У нее же фора не больше получаса! — с досадой воскликнула Марика, выдирая из волос застрявшие в них мелкие сучья и листья. — Она просто не могла уйти далеко. Мы не

могли не догнать ее.

— Разумеется, — согласился Павел, тяжело поднимаясь на крыльцо обители. — Разумеется, не могли не догнать. Кабы в окружности было не триста шестьдесят градусов да кабы не лес кругом.

— И если бы мисс Циньмэй не была ученицей Мастера Лю, — добавил Том. — И многих других «если».

Он стоял внизу, не поднимаясь на крыльцо, и тоже отчищался от лесного мусора, которым в избытке оброс за час с небольшим, рыская окрест в поисках взбунтовавшейся китаянки.

— Хватит прихорашиваться, — позвал его Сухов. — Пойдемте сядем. Надо прикинуть, как дальше действовать. Чтобы не наломать дров. Снова.

Пока мужчины устраивались за столом, скрипя стульями, Марика запустила кофеварку и нацедила себе полкружки «эспresso». Спихватилась и протянула кружку в их сторону:

— Кто хочет?

Том покачал головой, от кофе его уже мутило, а Сухов просто отмахнулся от чашки, словно в ней содержался не бодрящий напиток, а желчь престарелой ехидны.

Марика пожалала плечами и, заняв место за столом, стала плотками пить обжигающую жижу.

— Какого же черта?! — спросила она пространство перед собой. — Какого же черта она пошла на это?

— Наверное, девочка решила скомандовать здешнему Богу что-то свое, — пожал плечами Павел. — Ее можно понять. Джей сообщил нам, что следующее испытание станет для нас последним. Не знаю уж почему. Но она... Цинь очень хорошо поняла еще с самого первого раза, что *это* можно использовать и как машину исполнения желаний. Пусть за такое исполнение и приходится платить страшную цену. Наверное, у нее было какое-то желание. Сокровенное. Которым она решила с нами не делиться. Хотя мне и не хочется в это верить.

— А и не стоит верить в такое, — неожиданно резко сказала Марика. — Ерунда это. Вообще — все не так!

— А как же? — повернулся к ней Том, подняв голову от раскладки знаков, которую было уже начал вычерчивать на подвернувшемся листке — это действительно стало у него привычкой, приобретенной в последние дни.

— Не знаю. — Марика сгорбилась над своей кружкой, словно пытаясь так отогреться от охватившего ее озноба. — Мне кажется, это Джей изменил ее. Когда дал ей Дар. Вложил в нее какую-то программу. Свою. Что-то такое, что идет вразрез со всем человеческим. Со всем, что внутри нас. Поэтому она и сорвалась. Вокруг нее... Вокруг нее — я это почувствовала, только понять вовремя не смогла — все вещи потеряли след. Даже не так. След у них не исчез — сменился. Вещи вокруг нее изменили судьбу.

— А мне... — Том скомкал свои каракули и гневно уставился на Марику. — Мне трудно поверить в то, что Цинь стала зомби. Мне все представляется по-другому. Из нас всех она ближе всего к этой магии. Это у нее с детства: дружба с колдунами, всякая эзотерика Древних Империй. Разве что Васецки так же хорошо разбирается в этом. Она что-то высчитала. Догадалась о чем-то, каким будет Последнее Испытание. О чем-то таком, от чего решила нас удержать. Спасти. От чего-то, что хуже, чем то, что постигло Случайного Стрелка. От чего-то, что хуже смерти.

— И по-твоему, это «что-то» даже не надо объяснить нам? — Лицо Марики нервно скривилось.

— По-моему, — Том отшвырнул скомканный листок, — надо найти Цинь и объясниться, прежде чем она, как любит выражаться Павел, «наломает дров». Но теперь это будет трудно. Инициатива у нее.

«Дьявол их всех поberi! — подумал Павел. — Кажется, мы обречены только тем и заниматься, что гоняться по планете то за одной шальной бабой, то за другой». Он потер лоб, мучительно сморщился.

— Для того чтобы ее найти, — взмахнула рукой Марика, — надо иметь представление о том, что она задумала. А для того, чтобы понять, что она задумала, надо ее найти и спросить.

Она резко поставила на стол опустевшую кружку.

— В конце концов, — Сухов придавил ладонями наваленные перед ним на столе листки, — в нашем распоряжении есть и немного более сильные средства поиска, чем пешие прогулки по окрестным буеракам. У тебя, Том, твоя телепатия или как ты ее там называешь. А кроме того — за тобой вся мощь федерального сыска. Тут уж нечего играть в конспирацию — одному Богу известно, что сейчас выкинет эта чертова система, если мисс Циньмэй взбредет в голову, допустим, зашвырнуть «Джейтест» в море. — Он повернулся к Марике: — Про твой Дар я уже не говорю. Почему ты не хочешь...

— А почему вы не хотите позвать *того*?! — Она резко выпрямилась на стуле. — Вы что, думаете, можно победить Джей, выпрашивая у него Дары? Это — ловушка. Неужели вы не понимаете, что каждый шаг, который мы делаем с помощью этой дурацкой магии, только затягивает петлю на нашей шее?!

Сухов стиснул зубы, сжал пальцы:

— Отвечаю по порядку. — Он выдержал гневный взгляд своей бывшей ученицы. — Когда будет надо, Демон придет. Когда и если. Я вызову его. Но здесь и сейчас он бесполезен. Демон — как стратосферный бомбардировщик. Он может жечь и разить. Но он не может искать. Ему нужна система наведения — я. Он не может узнать ничего сверх того, что знаю я сам. Так что в поисках мисс Циньмэй я пойду другим путем.

— Каким же? — уже более спокойно спросила Марика.

— Я думаю, нам с Томом надо действовать, так сказать, на пару. Том сможет очень облегчить поиск. И сделать это быстро, если...

Теперь Том выпрямился на стуле и пристально посмотрел на Павла.

— Если он обеспечит отслеживание управляющего луча. Того самого, которым «Джейтест» связан с машинерией Предтеч. Мы с вами немало говорили на эту тему. Тогда, десять лет назад, когда ни господин Стырный, ни Комплекс, ни Спецакадемия еще не взяли нас в клещи, Кайл со своими друзьями с физического — наивно, по-любительски — немало повозились с чертовой коробочкой. Тем ребятам, с которыми он тогда связался, теперь заткнули рот всяческими подписками и уровнями секретности, но одно я усвоил твердо: Джей отслеживает положение Ларца лучом, который исходит то из одной точки его недр, то из другой. И параметры луча, я думаю, легко найти в дневниках Кайла.

— Я в курсе дела, — сдержанно ответил Том. — Эти параметры Васецки приводил в своем меморандуме Директорату. Но... тогда, после вашего исчезновения, луч погас, некоторые считали его вообще артефактом. Иначе не составило бы труда все время держать «Джейтест» в поле зрения. Может быть, Джей продолжал отслеживать его каким-то другим способом. Тем же лучом, но иначе промодулированным. Но вы правы: я и не подумал о том,

что, когда Цинь сделала свой ход, луч должен был «проснуться». Это — хорошая мысль. Насколько я помню, луч очень узконаправленный. По крайней мере, район поиска будет достаточно ограничен.

— Если вашей конторе все достаточно хорошо известно про луч, то задача упрощается, — вздохнул Павел. — Но тебе придется совершить кое-что почти невыполнимое: не дать никому из ваших... гм... коллег вмешаться в это дело.

— Думаю, мой кредит доверия еще не исчерпан до конца. — Том энергично почесал бровь, потом нос. — Хотя, по большому счету, ты прав, конечно. Но все это — уже моя проблема. Но, как я понял, и сам ты не собираешься сидеть в норе и ждать, пока махну флажком. Или пока Марика не даст знак.

— Нет, не собираюсь, — хмуро улыбнулся Павел. — Для этого я слишком много знаю о местных сектах и школах единоборств. У этого народа в здешних лесах полно ям и ямок, в которых можно перезимовать хоть денек-другой, хоть месяц. Правда, моя информация порядком устарела, но еще не поздно поднять некоторые старые связи.

— Вот уж не ожидал, что специализация в области экзоархеологии предполагает такие вот знакомства и такие познания, — усмехнулся Том и поднялся из-за стола.

Пора было собираться.

— Половина наших находок сделана по наводкам как раз «таких вот» знакомых, — вздохнул Сухов, тоже вставая, — и половина того, что мы по-настоящему знаем о Древних Империях, это те из так называемых «вздорных баек» людей Джея, которые подвернулись под руку достаточно умным исследователям. Достаточно умным, чтобы найти крупицы истины среди всякого словоблудия.

— Я поднимусь наверх, — сообщила Марика и стала собирать со стола накопившиеся за ночь чашки, кружки и остатки упаковки вчерашней снеди. — Может быть, там осталось что-то из ее вещей. Это может помочь. Не ждите меня. Я доберусь до шоссе без проблем, а там до города — автобусом.

* * *

Автобус и в самом деле не подвел. Марика спрыгнула с подножки древнего, как сам Джей, — на аккумуляторной еще тяге — автобуса, притормозившего на короткой промежуточной остановке у перекрестка бесконечной Мэйн-стрит и Кок-аллеи, точно напротив кафе «Шато». Здесь когда-то они любили посидеть с Цинь — в резной тени причудливого мозаичного навеса. Отсюда она начала свой поход по тем местам, где Цинь могла задержаться хоть на минуту, если, конечно, она заезжала в Лагодо. Но не заехать сюда она не могла. Ей надо было хотя бы получить деньги в банкомате — ведь ушла она из заброшенной виллы с одним «Джейтестом». Даже электронная кредитка осталась в куртке, запертой в шкафу. Мир не без добрых людей — до города беглянка могла добраться на попутке. Добраться и оставить след в Мире вещей.

Про гараж, где Цинь ставила свой «конспиративный», на чужое имя записанный кар, Марика вспомнила только после полудня, после того как обошла «объектов».

* * *

— Нет. — Лысый тип, присматривающий за гаражом-автоматом, отрицательно покачал головой и вернул Марике стопку сделанных «Полароидом-колор» фотографий. — Сегодня я не видел эту мисс. И ее кар на месте. — Он потянулся к клавиатуре своего терминала: — Вот он — «файерстрим» последней модели. Вообще-то я неплохо знаю эту девушку, она часто пользуется нашими боксами. Из богатеньких. На моей памяти сменила три или четыре машины. Предпочитает «файерстримы» — у них высокая проходимость. Уж и не знаю, по каким буеракам ее носит на них. Это, впрочем, и не мое дело, мисс.

Он пожевал губами, флегматично рассматривая сводку, которая ползла по экрану. Потом встрепенулся, как раз в тот момент, когда Марика, спрятав фотоснимки в сумочку, уже собралась двинуться дальше на поиски Цинь.

— А ведь я, пожалуй, наврал вам, мисс. Тут у меня компьютер выдает вот что: хозяйка заходила в бокс. Или кто-то, кому она давала свою карточку. На две минуты. Машину не забирала. Просто что-то взяла или что-то оставила в машине, должно быть.

— Послушайте, мистер. — Марика зафиксировала взглядом зрачки плешивого собеседника, от чего тому сразу стало чуть неуютно. — Я очень тревожусь за свою подругу. У меня есть, как говорится, причины думать, что она попала в беду. Влипла в историю. У нее могут быть большие неприятности. — Голос Слепой Цыганки стал профессионально вкрадчивым, убедительным. — Мне нужно взглянуть, только взглянуть, мистер, на то, что моя подруга взяла из своей машины. Или оставила. Это очень важно.

— Вы, стало быть, хотите, чтобы я отпер вам ее бокс? — догадался лысый. — Это, знаете ли, большое нарушение. Кто ж вас знает, может быть, вы — фокусница и что-нибудь, извините за выражение, стибрите. Или наоборот- подбросите. А у меня потом будут неприятности с полицией.

— Вот этого как раз я и не хочу! — перебила его Марика. — Если вы беспокоитесь, то вот моя карточка. — Она протянула дежурному свой идентификатор. — И вы можете не спускать с меня глаз все это время. Поверьте, — она двинула по стойке купюру в направлении правой руки собеседника, — это очень важно. Может быть, ее — мою подругу — еще удастся вытащить из очень скверной истории. Из беды. И вот тогда не потребуются никакая полиция.

Купюра исчезла со стойки. Как и не было ее.

— Ну что ж... — Гаражный сторож тяжело и сочувственно вздохнул. — Из беды, говорите... — Он с трудом поднялся из-за стойки и кивнул Марике на дверь. — Пойдемте. Но только все — на виду у меня. Только на виду.

Платные гаражи «Индепендент эрроуз» были громадны, как трюм трансгалактического «грузовика». Марике они показались каким-то циклопическим ульем, в прозрачных, словно льдом подернутых ячейках которого причудливыми личинками неведомых насекомых дремали несколько тысяч каров, флаеров и других чудес техники, предназначенных избавить род человеческий от утомительного прямохождения на задних конечностях.

Бокс, в котором дремал «файерстрим» Циньмэй, находился на самом дорогом — нулевом, на уровне улиц находившемся этаже. Отсюда быстрее и удобнее всего было выбираться в поток уличного движения. И наоборот — поставить машину на место можно было быстро и без проблем.

Дежурный, бормоча что-то себе под нос, провел магнитной карточкой по щели замка, и боковая панель бокса отъехала в сторону. Марика подошла к машине, окинула ее взглядом, закрыла глаза и прикоснулась к чисто вымытому металлу корпуса. Ничего.

К счастью, боковое стекло справа от места водителя было опущено, и Марика, не спрашивая уже разрешения, отперла кар и скользнула внутрь. Расположилась на месте водителя. Откинулась на сиденье и снова прикрыла глаза. Если бы только этот тип не мешал своим бурчанием. Ага, что-то есть.

Она постаралась запомнить, зафиксировать в сознании образ, колыхнувшийся перед ней в темноте. Открыла отделение для перчаток и запустила туда руку, перебирая на ощупь его содержимое, всякую мелочь: ненужные «Магнитки», отвертку, ключи неведомо от чего, разряженный электрокарандаш. Снова что-то шевельнулось в ее сознании — на самом его краешке.

Она решительно захлопнула «бардачок» и вышла из кара, отомкнув предварительно замок багажника. Обошла машину и подняла крышку.

Зашедший сзади дежурный присвистнул.

— Ого! — с некоторым даже восторгом пробормотал он. — Да тут целый арсенал.

Арсенал не арсенал, а два отличных — боевых, не охотничьих — «стволы» были тщательно уложены между контейнерами с картечными патронами и другими ящиками с армейской маркировкой. И еще — пара бластеров в разборе и нечто, упакованное в толстую фольгу. Остатки одной из таких упаковок валялись на выстланном амортизирующей резиной дне багажника.

Марика подняла обрывки фольги, попробовала разобраться в маркировке.

Плазменные гранаты. Ее передернуло.

Снова сосредоточившись, она закрыла глаза и стала осторожно, кончиками пальцев гладить мягкий, податливый металл. У того явно была аура. Злая и совсем свежая.

Марика торопливо сняла с пояса блок связи.

— Вы слышите меня? Том? Павел? — сказала она в тихо шипящую пустоту. Подождала, пока те отзовутся, и объяснила: — Это должен быть Лес. Снова Лес. Павел, ты слышишь меня? У тебя должно быть «горячо»: Лес, Павел. Лес. И дом в Лесу. Снова дом в Лесу.

* * *

Охранник на КПП базы федерального десантирования посмотрел на Тома с недоумением, но пропустил, доложив по инстанции о появлении «гражданского к майору Циммеру». Майор Циммер никакого удивления при виде неожиданного визитера не выказал, а только молча пропустил его карту-идентификатор через щель своего терминала и осведомился, чем может быть полезен господину следователю.

— Мне нужен переговорный бокс, — объяснил ему Том. — И кодированный канал связи. На двадцать минут — не более.

Через две минуты он уже находился в стереотипном боксе напротив полковника Листера.

То есть сам Марк Листер — резидент Управления в системе Джей, конечно, пребывал себе спокойно в точно таком же боксе, но на геосинхронной орбите — на борту косморейсера «Шторм», а переговорный бокс Тома делило с ним всего лишь достаточно точное голографическое изображение полковника. Настроено оно было чуть иронически. Задержка во времени на прохождение сигналов до геосинхронной орбиты и обратно почти не ощущалась.

— Ну что же, рад вас видеть живым и здоровым, следовательно, после такого... э-э... каскада пережитых вами приключений. — Листер перекинул ногу на ногу. — Мы здесь уже наслышаны о ваших... м-м... подвигах. Рад также тому, что вы наконец вспомнили о том, что, кроме ваших новых и... э-э... странноватых друзей, у вас есть еще и довольно надежная поддержка здесь, на небесах. Как я догадываюсь, вас слегка прижало там, на планете.

Том улыбнулся, как мог более вежливо:

— Вы правы, полковник. Ваша помощь может потребоваться теперь в любой момент. Я, собственно, собираюсь просить вас только о двух услугах. Относительно небольших.

— Слушаю вас внимательно. — Листер подался вперед.

— Во-первых, мне нужно ваше заключение по программе поиска «направленный луч». Мне надо хотя бы приблизительно знать местоположение тех «управляющих центров», о которых говорит в своей записке декан Васецки.

— А во-вторых? — Глаза полковника прищурились: он явно сознавал, что «во-вторых» будет гораздо заковыристее, чем «во-первых».

— Во-вторых, нам может потребоваться огневая поддержка крейсера.

Резидент Управления поднялся и стал мерить шагами неширокий бокс. Остановился, внимательно разглядывая партнера:

— Конечно, я в курсе ваших полномочий, следовательно. — Он остановился напротив Тома и некоторое время словно пытался выиграть у него очередной тайм в «гляделки». — Махнул рукой и, вернувшись на свое место, морщась, как от зубной боли, продолжил: — Я хочу сказать, что применение огневых средств Космофлота в пределах одного из Обитаемых Миров без санкции региональных властей — это нечто выходящее из ряда вон.

Том пожал плечами:

— Такая санкция у вас будет. Тем более что применять придется не главный калибр. И не против людей. Не против разумных существ вообще.

— Так что же тогда имеется в виду? — Теперь настала очередь полковника пожимать плечами. — Помогать протонными пушками в проведении землекопных работ? Или разгонять ракетами саранчу?

— Нет. Возможно, вам придется применить ваши ракеты более разумным способом. В полной увязке с программой поиска источника — того, что вы называете «направленный луч».

— Источников, следовательно. Источников — во множественном числе. Их несколько. — Призрак полковника Листера назидательно поднял над столом сухой, как осенняя ветка, палец.

Том принял поправку без особых возражений.

— Так или иначе, — примирительным тоном продолжил он, — весьма вероятно, что потребуются заставить замолчать какие-то из этих... источников излучения. Во избежание повторения событий, подобных явлениям драконов и эпидемий «кокона».

— И когда вам потребуется такого рода помощь? — Листер нервно забарабанил пальцами по столу. — Вы сами понимаете, что такое вмешательство в дела региональной администрации требует... э-э... подготовки.

Вообще-то идея поугатать вконец распутившийся народец, населяющий Республику Лжей, явно была не чужда полковнику. Некоторыми спецэффектами, на которые был горазд вверенный его попечению контингент Космодесанта, он не без основания мог гордиться. В чем он хотел быть уверен твердо, так это в том, что ответственность за возможные

политические последствия такого вот фейерверка целиком ляжет на чужака из Управления расследований, в помощь которому группа Космодесанта, истосковавшаяся уже от безделья, лишь «придана».

— Надеюсь, что так круто действовать вообще не придется, — вздохнул Том, — но если придется, то боюсь, что счет идет уже не на сутки. На часы.

— На то, чтобы согласовать вопрос о бомбардировке, потребуется часов десять. — Полковник встал. — Не уходите из эфира. Я поставлю вас в известность, как только мы будем готовы. А информацию по местонахождению источников «направленного луча» вам перекачают на терминал вашего филиала немедленно.

Поднялся со стула и Том. Собственно, разговор прошел гораздо более гладко, чем он рассчитывал. Так что нотка благодарности в его голосе, когда он прощался с Листером, была вполне искренней.

* * *

Сухов внимательно осмотрелся вокруг. Куда-то сюда, в непотребную чашобу, направлен был управляющий луч. Отраженный от Темного Спутника, он предназначался для «Джейтеста», должен был проинтерферировать со своим отражением от причудливо расположенных граней кубиков, в которые играет дьявол, и донести неведомо где скрытому мозгу Джея, какое испытание должен он послать тем странным и неведомым разумным существам, которые после тысячелетнего перерыва вновь закопошились на его поверхности.

Сухов уже понял, что окликать Циньмэй бессмысленно: не для того она покинула их, чтобы играть в непритязательные «кошки-мышки». Он еще раз сверился с показаниями индикатора и бесшумно двинулся вперед. Годы служения Случайному Стрелку выработали у него тысячи совершенно автоматических рефлексов, которые делали все его движения неслышными и предельно скрытными. Но он не забывал, что лучшая ученица Мастера Лю тоже не лыком шита.

В облаках над головой стали все чаще и чаще появляться узорчатые разрывы, и каждый раз, когда в разрывы эти заглядывали торопливые, злые луны Джея, под ногами от каждого кустика и каждой былинки ложились веером на землю сразу несколько теней. Также злых и торопливых.

А потом он слышал птиц. Ночных птиц Джея, которые перекликались в темноте своими перекатывающимися голосами, так похожими на скрип попавших под каблук черепков.

Он почти никогда не видел этих таинственных порождений ночи, днем таких невзрачных, что глаз не останавливался на них. Но ночь была их временем. Точнее, временем их голосов. И Павел умел читать эти странные голоса.

Сейчас они говорили между собой о том, кто потревожил их, птиц ночи. И, подчиняясь тому, что подсказали ему птицы, Павел свернул с тропинки и двинулся поперек довольно глубокой, заросшей дьявольски колючим кустарником балки. Впрочем, и тут ему удавалось двигаться достаточно бесшумно. Только пару раз из-под ног посыпались вниз, в тихо журчащий там ручеек, мелкие камушки, сухая земля. И птицы заметили его.

Павлу это не понравилось. Кто знает, может быть Циньмэй не хуже его разбирается в звуках ночи. Наверняка — лучше. Он стал двигаться еще тише, напрягая уже привыкшее к

ночному мраку зрение, чтобы максимально использовать те короткие мгновения, когда торопливые луны Джея высветят зыбкий пейзаж вокруг.

И все-таки свет, мелькнувший слева — вдалеке, меж ветвей, — был для него неожиданностью. Это был еле заметный трепетный свет свечи, теплящейся за каким-то укрытием, отсекающим ее из поля прямой видимости. Тьма образовывала вокруг этого пятна света неправильный четырехугольник. Окно. Это, без сомнения, было окно.

Павел сверился с индикатором, теперь прикрыв его ладонями. Похоже, что он действительно вышел на цель. Теперь действовать надо было с удвоенной осторожностью. Он короткими, бесшумными перебежками преодолел пространство, отделявшее его от неказистого каменного сооружения, которое он сначала и не приметил в ночном мраке.

Это был сложенный из здешнего тяжелого камня дом. Должно быть, еще самые первые переселенцы воздвигли его непонятно за каким чертом в этой лесной глуши. Впрочем, может, леса в те времена здесь как раз и не было — преобладали все больше с Земли завезенные породы деревьев и кустарников.

Когда-то дом был, по всей видимости, двухэтажным, как и та вилла, которую они покинули, но от второго этажа, насколько об этом можно было судить в крошечной тьме, мало что осталось.

Вокруг дома была возведена солидная стена. Тоже каменная — на века. Но они уже прошли — эти века, и стена местами осела, дала трещины, а окно, которое своим светом выдало ему местонахождение Цинь (или кого-то другого), было видно издалека благодаря тому, что часть стены вообще рухнула, образовав широкий проем.

К сожалению, идти прямо сквозь него было бы большой глупостью: если голоса птиц ночи хоть немного встревожили Циньмэй (или кого-то другого, притаившегося там), то она или кто-то сейчас не сводит глаз именно с этой части стены. Не следует считать противника глупее себя.

Но и тянуть резину было некогда. Павел, стараясь не выходить из-за деревьев, взявших в кольцо развалины, обошел дом и, сверившись еще раз с индикатором своего поискового прибора, убедился, что цель, на которую был сориентирован отраженный от Старой Скородки луч, находится именно там, где он и предполагал: внутри прямоугольника, очерченного стеной ограждения.

Он машинально перекрестился и преодолел короткое расстояние от скрывавшего его кустарника до вполне целой на этом участке стены. Потом он подсветил стену фонариком и прикинул план дальнейших действий.

Выступов и неровностей на стене было вполне достаточно, только вот трудно было сказать, насколько они прочны, эти неровности. Пришлось перекреститься во второй раз и, погасив фонарь, в три приема перемахнуть через стену.

По ту сторону стены буйным цветом цвела крапива. Нашли же что из трав земных завозить в иные Миры господ Первотроходцы! Мысленно чертыхаясь худшими из известных ему слов, а знал он их немало, Павел преодолел расстояние от зарослей жгучей дряни до стен дома. Еще раз подсветил себе фонарем и увидел наконец, что находится в двух шагах от дверного проема.

Сама дверь безусловно наличествовала когда-то и вполне надежно, если судить по единственной оставшейся от нее доске, защищала дом от вторжения всяких посторонних.

Вроде доктора экзоархеологии Павла Сухова, например.

Но время сделало свое дело, и теперь провал двери был практически пуст, и через него

уже вполне отчетливо были видны трепетные отсветы свечи.

«Ну что ж, — подумал Павел. — Нет двери, нет и скрипа дверных петель».

Он постоял, вытянувшись в струнку, сдерживая дыхание, прижимаясь к сгнившему косяку и мысленно собираясь в единый комок энергии, а затем, уже не заботясь о том, чтобы не производить шума, чертом-вертушкой влетел в подсвеченную зыбким пламенем свечи темноту.

Под ногами у него бубном загремело что-то жестяное и дьявольски корявое. Естественно, что в своем стремительном развороте он зацепился за это идиотство и чуть было не потерял равновесия. Естественно, что для Циньмэй его появление вовсе не было неожиданностью.

Собственно, ей, видно, было совершенно безразлично, кто и по какой причине вломился в засыпанную по колено сухими листьями комнату-келью, в былые времена служившую, видимо, небольшой детской. Циньмэй стояла на коленях и сосредоточенно пыталась втолкнуть на их места в шкатулке «Джейтеста» кубики, которые почему-то не желали слушаться ее.

И еще...

На старом, разохшемся столе перед нею, на том же, где был рассыпанный «Джейтест», лежали четыре аккуратно связанные в пары металлические трубки с режущей глаз маркировкой — плазменные гранаты!

— Цинь! — окликнул девушку Павел голосом, с трудом вырывавшимся из мгновенно пересохшего горла. — Ты с ума сошла, Цинь!!

Даже не вздрогнув, как к чему-то само собой разумеющемуся, Цинь обернулась к нему:

— Понимаешь... Эта штука перестала слушаться. Она... Она начала мешать. Навязывать стала мне команду.

— Оставь все это в покое. — Сухов отодвинул рукой в сторону злобно блеснувшие отраженным пламенем свечи гранаты и осторожно взял девушку за руки: — Что случилось, расскажи.

Некоторое время Цинь судорожно сглатывала застрявший в горле комок, а потом стала говорить — быстро, короткими, рублеными фразами:

— Понимаешь, я хотела... ну, как и в прошлый раз, задать что-то осмысленное, но... Но они перестали слушаться.

— Кто? Кто перестал тебя слушаться? — постарался внести ясность Павел.

— Да камни эти. Кубики. Раньше, до этого... Раньше им было все равно, какой стороной ложиться, а сейчас они то ли изменили размеры, то ли стали как намагниченные.

Павел почувствовал, как что-то нехорошее тронуло изнутри его душу.

— Может быть, на них появился наведенный заряд? — как-то машинально предположил он.

Просто для того, чтобы хоть что-нибудь сказать. Оттянуть время, прислушиваясь к тому, что хочет нашептать ему Демон.

— Может быть. Но они перестали становиться на какие попало места. Я знаю, что это было. — Она вдруг резко вскинула голову. — Как было в твоём заклинании: «Дар его возрастет безмерно, но волю его заменит воля Джея». Только одним-единственным способом удалось воткнуть их. Таким, каким захотел сам Джей! Ну и сразу он заработал. «Джейтест».

— Как всегда — звук и свечение? — уточнил Павел.

— Да, — кивнула Циньмэй. — Гул такой и янтарный свет. А потом я попыталась прочитать. Перевести, что же это была за команда. Условие.

Сухов посмотрел на рассыпанные по столу кубики.

— И что же это было? — спросил он, прекрасно понимая уже, что ответа не получит.

— Об этом — не стоит. Мы проиграли Джею. Проиграли свою игру. И не надо, чтобы кто-нибудь еще в нее играл.

— И поэтому ты и отправилась в бега? — Павел постарался заглянуть Цинь в глаза. — И вот это схватила. — Он кивнул на гранаты. — Ты хотела...

— Ее надо сжечь — эту штуку! — резко выкрикнула китаянка. — Сжечь, взорвать. Уничтожить.

— А ты подумала, как ответит на это Джей? — спросил Павел. Он подкинул на ладони несколько тусклых кубиков. — За какую команду он примет то, что продиктуют ему разлетающиеся на молекулы кубики?

Цинь отвернулась к стене.

Он стал вставлять кубики в шкатулку. Теперь «Джейтест» и не думал сопротивляться. Он снова был обычной мертвой вещью. Безделушкой, каких миллионы.

— Нам всем надо расстаться, Павел, — твердо сказала девушка. — И больше не встречаться никогда. Джей не сможет сделать нам ничего хуже *этого*.

— Успокойся, Цинь. — Сухов легко поднял ее на ноги. — Уйдем отсюда. И подумаем обо всем этом потом. На ясную голову. А это... — Он протянул руку к шкатулке и почувствовал, как рука Цинь напряглась в его ладони. Стала на миг стальной. Потом расслабилась. — Мы все-таки должны знать, что «Джейтест» приказал сам себе. Хотя, мне кажется, что я уже догадываюсь.

— Он приказал это НАМ!!! — словно глухому, выкрикнула китаянка. — Мы все погибнем. Мы погибнем, если не выполним приказ. Ему это легко — Джею. Ведь мы мухи для него — не более. Но я не буду... Не буду подчиняться.

Она задумалась, напряженно глядя в пространство перед собой.

— Тогда, Цинь... Тогда мы все-таки имеем право узнать, что нас убьет. Или ты уже решила это за нас? — Голос Павла приобрел твердость. — Вот что, давай договоримся.

Лицо девушки болезненно дернулось.

— После того как ты узнаешь, чего хочет от нас Джей, мы не сможем уже договориться ни о чем. — Она сняла руку Сухова с плеча. Помолчала. Потом тряхнула головой: — И все-таки договоримся, Павел. Давай действовать так: я напишу... точнее — нарисую на листке. У тебя есть бумага?

Он пошарил в планшете блока связи. Вытащил засунутый в его чехол блокнот с какими-то пометками:

— Вот это, пожалуй, подойдет. Ты помнишь рисунок наизусть?

— Не беспокойся. — Циньмэй горько улыбнулась. — Этого я уже не забуду. Так вот, я воспроизведу рисунок. И оставлю его. В городе. В гостинице какой-нибудь. В мотеле. А ты сейчас забереешь эту... вещь и будешь ждать. Где хочешь, только не надо идти за мной. И ждешь моего звонка. По блоку связи. Хотя — нет! Вы все собираетесь вместе и ждете моего звонка. Вызова. Я должна убедиться, что все мы будем играть на равных. Я не хочу, чтобы вы...

— С нами не будет Кайла, — напомнил Сухов.

— Господи, действительно, он же там... С людьми Джея. — Цинь тряхнула головой,

словно просыпаясь после дурного сна. — Его. Его надо найти. Я знаю... как. Надо, чтобы все, обязательно все... — Она снова замолчала. Снова глаза ее стали пустыми. — Нет. Ничего не выйдет. Не получится.

— А вдруг все-таки и выйдет и получится? А, Цинь? Мы ведь все-таки люди. Сапиенсы.

— Ну что ж... — Китайка снова пересилила себя и, снова тряхнув головой, продолжила: — Значит, когда я буду уверена, что вы все в сборе, я назову вам место, где я оставила... рисунок.

— И мы все вместе отправляемся его читать и переводить, — облегченно вздохнув, подтолкнул ее мысль к завершению Павел.

— Нет!!! — Циньмэй вскрикнула, как от боли. — Этого — ни в коем случае! Вы все расходитесь в разные стороны. И не говорите друг другу, кто куда. Но не выключаете свои блоки связи. А ты забираешь мой рисунок и зачитываешь с него свой перевод. Всем остальным. Я буду контролировать через мой блок. А там, может, обменяемся парой слов по радио и... И дальше — пусть каждый поступает как хочет. У нас останется что-то около суток. Чтобы что-то сделать. Или чтобы не делать ничего.

— Будет проще, если ты сразу скажешь нам без всяких рисунков и тому подобного — что ты там вычитала, — почесав в затылке, преложил Павел.

Цинь молчала секунду-другую.

— Я и сама об этом подумала. Но нет. Пусть будет твой перевод — профессиональный. Остается, видишь ли, слабая надежда. Надежда на то, что я по-своему, по-шамански поняла все шиворот-навыворот. Я напишу. Напишу рядом на рисунке и свой перевод. Я многое дала бы за то, чтобы все это было просто моей ошибкой.

— Ну что же. — Павел молча сложил кубики «Джейтеста» в сумку — отдельно от янтарного короба — и стал не без труда устраивать Ларец в походной сумке. — Расходимся прямо отсюда или тебя подбросить до города? У меня машина на шоссе, тут недалеко.

— Нет. Лучше сейчас, — покачала головой Цинь. — Я хорошо ориентируюсь здесь. И до города доберусь, пожалуй, побыстрее тебя. А еще мне надо встретиться с Кайлом.

Она повернулась и вышла из комнаты. Только на пороге повернулась и сделала тонкой рукой почти незаметный прощальный жест.

* * *

Трое сидели в придорожном круглосуточном кафе-автомате. Столик перед ними был завален горкой опустошенных одноразовых стаканчиков из-под кофе и обертками от бутербродов. У всех вид был основательно невыспавшийся.

— Если бы у меня был еще час свободного времени, я бы и сам точно вышел на Цинь, — мрачно заметил Том, с отвращением рассматривая остатки кофе на дне последнего стаканчика.

— Ты думаешь, что тогда дело бы повернулось иначе? Мне кажется, что уж скорее мы с нею как женщины поняли бы друг друга, — возразила Марика.

— Но уж вышло как вышло, — мрачно резюмировал Сухов. — Одного не хватает только — это чтобы опять она по пути передумала. Все-таки неприятно, когда не поймешь, от чего помрешь.

— Типун вам на язык, — вяло пожелала ему Марика.

Павел повернулся к Тому:

— Коробочка, кажется, уже сделала свое дело. Будет лучше, если она снова вернется к декану Васецки. Хотя, думаю, к ней в ближайшее время проявят самый невообразимый интерес ваши коллеги, господин Роббинс.

— И коллеги полковника Стырного, — устало добавил Том. — Но так или иначе, лучше будет поместить «Джейтест» в место ненадежнее. Кто знает, на сколько таких вот тренировочных циклов он рассчитан?

— А пока первое, что я сделаю, после того как мисс Циньмэй разрешит нам заняться своими делами, это помешу вещь, — Павел кивнул на сумку с треклятой шкатулкой, — в университетский археологический запасник: его довольно хорошо охраняют, как это ни странно. В случае чего там его и найдут компетентные лица. — Он помолчал немного. Потом вздохнул: — Предлагаю пари: по-моему, все мы уже сообразили, что в общих чертах сказано в той, последней инструкции, которую прочитала Цинь. Давайте напишем свои гипотезы на этом вот листочке. — Он вырвал страницу из своего блокнота. — Только вот так, как это делаю я. Чтобы не видел никто другой. А потом загну листок вот так, чтобы следующий не прочитал, и передаю листок, скажем, вам, Марика. А вы — Тому. А потом, когда я зачитаю перевод истинной команды, вскроем этот... э-э... пакет. Это — почти то, что у студентов называется игрой в «балду».

Невеселая игра едва успела закончиться, когда блок связи Сухова наконец зазуммерил. Павел спрятал многократно сложенный листок во внутренний карман куртки и поднес трубку к уху.

— Да, — подтвердил он. — Мы все в сборе. За исключением декана Васецки. Подтвердите, дамы и господа.

Цинь терпеливо выслушала голос каждого из трех, потом распорядилась:

— Теперь на минуту выйдите из эфира все, кроме Павла. Я назову ему место, где оставила записку. Никто не должен знать, куда он пойдет. Так надо. А потом расходитесь и ждите его вызова. У всех должны быть равные права.

— Слушаюсь и повинуюсь, — устало сказал Том и, щелкнув переключателем, положил свою трубку на стол.

Марика последовала его примеру.

— Готово? — спросила Циньмэй.

— Готово, — ответил Сухов.

Он тоже порядком устал от идиотской конспирации.

— Мотель «Кедры», — определила Цинь местонахождение своего послания. — Это на пересечении Второй авеню и...

— Я знаю, где это, — прервал ее Павел.

— У дежурного — конверт на твое имя. Это все. Жду твоего вызова. Удачи тебе.

— Спасибо, — вздохнул Павел.

* * *

Снова от того места, где сходит на нет заброшенный проселок, пешком, по берегу речки к озерам. Холодному Соленому и Ледяному Пресному. Вдоль черных, словно выгоревших опушек. Туда, где начинаются скалы.

Только уже не Кайл Васецки — заблудший ученик Мира Джея, а загорелая, похожая на угловатого подростка девушка спускалась по незаметным тропкам в переплетении заросших кустарником ложбин и высохших, забытых русел.

А сам Кайл издалека, из-за деревьев кустарника, надежно скрывавших его, даже стоящего в полный рост, от чужих глаз, смотрел, как быстро и уверенно находит Циньмэй правильный путь в этом серо-зеленом лабиринте, и который раз думал о том, как давно, Господи, это было тогда, в первый раз, когда еще мальчишкой он, почти на чистой интуиции распутывая присказки-подсказки Квинта, выискивал этот путь.

В распадке, в тени одного из Высоких Камней, где не было ветерка, Цинь опустила на колени и прислушалась; когда-то давно так прислушивался Кайл к тому, как тишина рушится с небес, а тишину эту в ключья рвет потусторонний скрип черных гиффовых сосен — там, глубже, в ущельях. Стонущий скрип, такой приглушенно-гневный, совсем не вписывающийся в этот — один из последних этой осенью — теплый день затишья. А потом ключья тишины вновь смыкались в мертвое, лишенное памяти о только что истекших мгновениях, безмолвие.

Обрядовый костерок Цинь сложила неумело, но старательно — ей впервые приходилось приходить на встречу с людьми Джея на их территории. Она очистила грунт вокруг и зеркальцем-талисманом разожгла еле заметный в дневном свете огонек. Когда ввысь потянулась неуловимая, из странного аромата свитая, струйка дыма, китаянка стала скармливать огню то, что предписывал Уговор, то, что передал ей странный человек там, в Вестуиче: корни и травы, камни и кости диковинных тварей. Потом — кольца и цепь. И когда сигнал — столб золотистого, не ощущающего ветер дыма поднялся над Высокими Камнями, стала ждать.

И, как и сам Кайл много лет назад вот так же, перед костром, наконец впервые за много дней она не думала ни о чем. И точно так же не могла бы сказать, сколько пришлось ей ждать: минуты, часы, мгновения... пока не услышала наконец за спиной тихие знакомые шаги.

— Здравствуй Цинь, — сказал Кайл.

Цинь поднялась навстречу фигуре в серо-зеленом одеянии. Даже в наряде лесной секты Кайл остался доцентом Васецки, знатоком древних странностей и причудливых текстов, всегда чуточку чудаковатым, всегда где-то чуточку не здесь и не сейчас находящимся. Заваленный книгами и диковинными вещами кабинет словно и не остался заброшенным и запертым там, в кампусе Вестуича. Он всегда и везде незримо окружал Кайла. Казалось, стоит ему протянуть руку, и в ней, как по мановению волшебной палочки, появится увесистый том справочника Грина и Уэста или слепок следов Невидимого Бога из дебрей Полярного материка.

Впрочем, это не мешало Кайлу быть самым настоящим — без дураков — человеком Джея. И это не было результатом чудесного, за пару недель приключившегося, преобразования. Он всегда им и был — человеком Джея. С детства, странного и теперь уже такого далекого. И он не торопился дать знать, в каком из этих непохожих своих воплощений он пришел на встречу с Цинь.

Во всяком случае, пришел он на эту встречу не один.

Из-за деревьев, из зеленоватого дыма весеннего кустарника, из самого воздуха мглистого лесного распадка неторопливо, чтобы не спугнуть доверия, зыбко висящего в полуденном зное над причудливым костерком, появилась и направилась к ним еще одна, в

седую зелень одетая тень. И еще одна и еще. Трое. Нет, четверо. Но они остались ждать поодаль. Только один из пяти стал участником разговора.

— Здравствуй, Квинт. — Цинь приподняла руку в принятом в Лесах жесте. — И ты пришел посмотреть, чем кончится Испытание?

Квинт молча опустил на широкий камень, притулившийся в двух шагах от костерка. Жестом показал, что говорить будет Кайл.

Он все-таки был стар. Очень стар, этот человек Джея.

— Все теперь будет зависеть только от нас. От того, что мы выберем. — Кайл жестом пригласил и Циньмэй сесть на прогретый лучами здешнего солнышка валун. — Даже точнее, от вас четверых. Я свой выбор сделал.

— Так ты знал? — наклонила голову Цинь. — Ты... вычислил, каким будет Последнее Условие?

Она все-таки опустилась на предложенное ей место, только для того, чтобы дать понять, что хочет продолжить разговор.

— Мне помогли. — Кайл присел рядом. — Ты же знаешь, что не нам одним выпало Испытание. Не один Ларец появился в истории Джея. И у них есть своя история — у Ларца и у Испытания.

— А эти... — Цинь кивнула на замершие невдалеке, у деревьев тени. — Зачем ты привел их?

— Это те, кто знает об Испытании больше, чем другие, — чуть неожиданно и очень тихо присоединился к беседе Квинт. — И о судьбе тех, кто прошел Испытание. Если хочешь, это — ваши посредники с Джеем.

— Экзаменаторы? — чуть заметно улыбнулась Цинь. — Приемная комиссия?

— Что-то в этом роде. — Кайл пожал плечами. — Где остальные трое? Они уже знают?

— Скоро будут знать. — Девушка зябко поежилась. — Как только Павел доберется до «Кедров», на Второй авеню. Я велела... Я попросила их всех разойтись. Спрятаться.

— Напрасно. — Кайл со вздохом подобрал с земли плоский камушек и подкинул его на ладони, словно загадывая на монетке. — Все наоборот. — Не глядя, он отбросил камушек прочь. — Надо будет собрать всех. Так будет лучше.

— Наверное, ты прав, — неожиданно кротко согласилась Циньмэй. — Но... но мне очень страшно за то, что будет. Не потому... Вы должны понять...

— Ты беспокойна. — Квинт положил старую, высушенную временем руку на впившуюся в камень кисть китаянки.

Она непроизвольно вздрогнула.

— И это — не из-за Испытания. Что-то еще есть. — Квинт присматривался к ней, словно художник, отыскивающий в лице своей модели, в ее облике какую-то одну, очень необходимую для рождающегося портрета черту. — Ты... Ты одна пришла сюда?

— За мной следил в городе, — Цинь дернула плечом, — один человек. Не знаю, кто это. Из тех, кто во вражде с моей семьей, может быть. Посторонний. Это уже не важно. Больше не следит.

— Напрасно ты так думаешь. — Квинт провел рукой по рукаву ее куртки. — Здесь не очень далеко чужие люди. И они следят за нами.

Он потянул за что-то, крепко засевшее в ткани штормовки, и вытянул тускло поблескивающую нить.

— Резонатор, — определил Кайл. — Еще один. Не только Джей следит за нами.

Собственно говоря, это была уже не Вторая авеню. Это было начало Северного шоссе. В том месте, где его пересекала кольцевая трасса, по которой то и дело с интервалом минуты в полторы проскакивали контейнеровозы-автоматы, Павел припарковал свой на прокат взятый джип у приземистых корпусов мотеля «Кедры».

Здесь, в главном корпусе мотеля, действительно за стойкой полированного дерева скучал дежурный — милая, патриархальная сценка, прямо для исторического боевика. На автоматику здесь, видно, не полагались. Или это была роскошь, на заезжих туристов рассчитанная, — настоящий, живой портье.

Дежурный выслушал Павла и, пожав плечами, повернулся к красного дерева ячейкам, украшавшим стену за его спиной. Из одной из ячеек он извлек чуть помятый конверт — уйма таких для постояльцев пылилась на столиках в вестибюле — и протянул его Сухову. Удостоверением личности посетителя он даже не поинтересовался.

Павел отошел к одному из столиков, пристроил на нем блок связи, переключил его на режим «конференции» и набрал поочередно номера каналов связи своих товарищей по «Джейтесту». Убедившись, что все трое находятся на линии, он откашлялся и вскрыл конверт.

Взглянув на рисунок, вынутый из конверта, он, не разворачивая, смял сложенный гармошкой лист «балды» и молча швырнул его под ноги — к неудовольствию автомата-уборщика.

Дежурный из-за своей стойки с вялым интересом следил за его манипуляциями.

— Итак, господа, — вышел на связь Павел. — Вычистите серу из ушей и слушайте: надпись, сложившаяся при программировании нашего коробочка мисс Цинь, звучит в ее переводе так: «В поединке сгинут Четверо, побежденные Одним из Пяти».

Глава 14

ПЕРЕКРЕСТОК

Старый дом семьи Карои словно и не заметил того десятка лет, что минули с тех пор, как на его порог последний раз ступала нога хозяйки. Все так же темнота царила за навечно зашторенными окнами в комнатах, заставленных старинной, ручной работы мебелью. Все так же еле заметный сквозняк стлался по полу, незримой струйкой исчезая в черном зеве заброшенного камина.

«Кажется, я здесь — первая...» — Марика рассеянно прошла по вестибюлю, поднялась по отзывающейся звонким гулом на каждый ее шаг лестнице и, все так же отрешенно погрузившись в свои мысли, вошла в сумеречную, пронизанную слабым, жемчужным светом раннего утра просторную комнату — то ли гостиную, то ли столовую, ту самую, в которой когда-то зазвонил древний, отключенный от сети телефон. Половину комнаты занимал тяжелый, темного дерева стол, вокруг которого стояли двенадцать таких же темных и тяжелых стульев. Шесть из них были заняты.

* * *

— Ты уверен, что тебе не потребуется моя помощь? — спросил Демон.

— Уверен, — ответил Павел и попробовал проснуться.

Но не тут-то было: сон не отпускал его, и Демон не торопился оставить Сухова.

— Ты веришь, что они остались самими собой — твои друзья? — спросил он. — Ты сам к себе присмотришься хорошенько: чего в тебе больше осталось теперь, после всего этого, — тебя или *меня*?

Павел попытался сосредоточиться и понять, куда завел его прихотливый Бог Снов, в какое ущелье своего призрачного царства. Провел рукой по скале, которую с такой зыбкой, только во сне встречающейся, ясностью ощущал за своей спиной. И наткнулся на шершавую ткань обивки сиденья.

— Тьфу, черт! Сгинь! — теперь уже уверенно приказал он своему коварному слуге.

И проснулся уже окончательно.

Джип, за рулем которого он задремал на пару часов, притулился на заброшенной просеке, совсем недалеко от места условленной встречи. Странная усталость, сморившая его в самом конце пути, была, очевидно, еще одним подарком Джея. А может, и не было ничего странного в том, что перед решающим испытанием взбунтовались, запросили свой тайм-аут «маленькие серые клеточки», которым порядком досталось за эти годы.

Сухов осторожно тронул машину, внимательно поглядывая по сторонам дороги, и уже через несколько минут стал узнавать давно забытые места. Сквозь деревья забрезжил просвет опушки, а за опушкой, на фоне темной стены, вновь берущий свое после давних вырубок лес. Гнилой сыростью потянуло от простирающихся совсем неподалеку болот. Павел поставил джип на обочину, заглушил движок и замер, не сводя глаз с зеркала заднего обзора.

Ему показалось или действительно там, в дальнем конце просеки точно так же, повторив его маневр с отсрочкой в полсекунды, исчезла за громоздящейся в утренней дымке

сутолокой придорожного кустарника защитного окраса тень? Некоторое время он прислушивался к просыпающемуся лесу, — для него земному и домашнему после многих лет дружбы-вражды с *тем* Лесом. Лесом Внутренних Пространств.

В любом случае он мог теперь обойтись уже без своего «железного конька». Пусть постоит тут — не на виду, в засаде. Прихватив рюкзак и объемистую сумку, Сухов спрыгнул на покрытую еще утренней росой траву и, не выходя на заросшую бурьяном колею, осторожно, с оглядкой, по кромке придорожного насаждения пошел вперед — к дому.

* * *

Том обнаружил, что порядком отвык уже от положенного ему по штату «найтфлайта», и чувствовал себя в его кабине словно угонщик, забравшийся в чужой кар. Дорога от Вестуича до загородного дома семьи Карои была пустынна и основательно запущенна. Глупо было в век «микрожучков» и камер на спутниках и высотных гелиопланах пытаться обнаружить за собой слежку, но Том — чисто рефлекторно — проверился. Раз, потом другой. Так и есть, встроенная аппаратура спецмашины засекла пару зондов, пристроенных чьей-то умелой рукой в пустом просвете за бампером и на резиновой прокладке заднего окна. После беседы с господином Джентри ничего удивительного в этих находках для Роббинса не было.

Вообще ни в чем ничего удивительного уже не было и быть не могло.

«К черту, — сказал себе Том, — к черту! Объявлен последний акт представления, и сейчас — мой выход.»

Флаер он припарковал прямо у входа в старое, давно не помнящее ремонта здание. Тяжелые и грозные на вид входные двери отворились на удивление легко, от одного толчка, заполнив душераздирающим скрипом гулкую пустоту прихожей, переходящей в каменный короб лестничной клетки.

— Эй! — окликнул он тех, кто должен был ждать его в этой пустоте, где-то там, этажом выше. — Эй, Павел, Цинь!..

— Поднимайтесь сюда. — Голос Марики, прозвучавший в ответ, был усталым и глуховатым. — Все уже в сборе. Ждут вас. И вашего решения.

Никто не раздвинул штор, отсекающих утренний свет. Только свечи, неровными кучками расставленные где попало, освещали эту комнату с камином и большим дубовым столом. Янтарный короб «Джейтеста» в центре словно собирал свет неровного пламени и возвращал его ровным, зачаровывающим сиянием. И он был пуст. Кубические бруски камня, дерева, металла, которые должны были заполнить его, горкой лежали поодаль — другим островком колдовского света на темной дубовой глади.

За столом собрались все.

* * *

— Вам не приходилось встречаться. — Кайл указал рукой на сухую, не по-стариковски прямую фигуру, слева от себя. — Учитель Квинт. Я...

— Вы мне много рассказывали о нем. — Том занял место за столом. — Хорошо, что такой человек с нами в этот момент.

— И еще четверо. — Кайл сделал жест в сторону погруженных в тень спутников Квинта. — Это те, кто больше всех знают о том, с чем нам приходится иметь дело. Они более ясно представляют, что нам осталось сделать.

— Собственно, осталось только нечто... Нечто очевидное. — Том пожал плечами. — Вслух сказать друг другу, что последнее Испытание мы не прошли. И не собираемся проходить. И потом — ждать.

— Я тоже сперва думал так. — Сухов оторвал взгляд от пламени свечей, которое словно гипнотизировало его. — Но все-таки мы, оказывается, плохо читали письма Ларца. С этой точки зрения Кайл очень вовремя подался в Леса. Его неплохо просветили там за эти дни.

Васецки обвел взглядом собравшихся. Теперь все смотрели на него. Он пожал плечами, вздохнул:

— Хотя я и не ожидал того, что мое отшельничество превратится в интенсивный курс по магии Испытания, — он нервно смахнул с лица незримую паутину, — на самом деле я, наверное, хотел именно этого. К этому стремился. Вместо того чтобы навсегда порвать с этой... С этой жестокой игрой. Вместо этого я снова оказался лицом к лицу с Последним Испытанием. Теперь, после десяти лет молчания и размышлений, после Пещеры Кристаллов я совсем по-другому стал понимать то, что узнал от Учителя, и то, о чем мы говорили в эти дни. По сути дела, мне снова пришлось вернуться туда — в свое детство, когда Квинт учил меня различать знаки древних писем. Впрочем, это все лирика. А дело в том, что Джей ждет от нас ответа, и мы должны дать его.

— По-моему, мы уже дали его. — Том пожал плечами. — Мы выходим из игры. Дело — за ответным ходом.

— Дело за тем, — Кайл выпрямился в кресле и слегка улыбнулся трепетному огню свечей, — чтобы дать ответ Джею на его языке. Он, Джей, копается в наших мозгах, разыгрывает с ними сложные игры, может внушать или стирать мысли, но не читает их. По крайней мере, не читает в том смысле, в каком мы понимаем это слово. Мы не уловили этой мелочи. Надо было только задуматься над последними словами Правил Игры.

Сухов осторожно перевернул пустой Ларец и провел рукой по мозаике древнего письма, врезанного в его дно.

— «Знаки означают Конец Испытания, и Знаки объявят судьбу Пятерых», — прочел он. — Но можно несколько иначе: «Результат Последнего Испытания должен быть выражен Знаками, и в виде Знаков будет дано решение судьбы Пятерых». Теперь, когда мы поговорили обо всем с господами из Лесов, я думаю, что такое прочтение будет более верным. И более понятным.

Он снова повернул Ларец дном вниз и поставил на стол.

— То есть, — Том потер лоб, — мы должны передать Джею свой отказ. По какому, черт возьми, каналу? Впрочем... Черт! Что же я за дурак! Это... Это — еще один набор чертовых кубиков? Ведь так?! И что придет к нам тогда? Избавление? Смерть? Казнь за неповиновение?

— Никто из нас, — тихо произнес один из четверых, так и оставшихся пока безымянными, спутников Квинта, — повторяю, никто не знает, что решит Джей в ответ на отказ исполнять его волю. Мы можем только догадываться об этом. Никто и нигде не описал Испытание в том варианте, в каком оно выпало вам. Но всегда те, кто затевал игру с магией Джея и потом пытался бросить ее, навлекали на себя и на окружающих беды. Я не знаю, пошлет ли Джей вам безумие, вернет ли эпидемии или породит новые призраки и чудовища,

но он будет снова и снова пытаться заставить вас войти в игру.

Тишина повисла в заполненной мерцающим светом комнате.

— Ну что ж... — Том осторожно прикоснулся к янтарному коробу, перевел взгляд на горку кубиков. — Каждый из нас, наверное, должен сложить часть того заклинания, которое надо воспроизвести. Чтобы объявить Богу Джея о том, что мы решили. Об Отказе. А там — посмотрим.

Он поднял глаза на склонившихся над столом друзей. Обвел их взглядом. Марика вздрогнула и тихо спросила:

— Павел, Кайл... Вы, должно быть, знаете, что нужно делать?

— Мы можем попробовать несколько вариантов. — Кайл осторожно снял с подлокотника своего кресла висевший на нем рюкзак, а из рюкзака достал трубку свернутых листов плотной желтоватой бумаги. — Вот.

Он развернул свиток и разгладил бумагу нервными, чуть подрагивающими руками. Цинь потянулась к листам с изображением таких знакомых теперь Пятерым знаков.

— Это... Такие вещи я видела. В коллекциях отца.

— Знак Отречения, — глухо сказал Кайл. — Он действительно встречается в ряде текстов. Связанных с магией в основном. Вот — варианты.

— Что думают об этом знающие люди? — Сухов поднял взгляд на Квинта, перевел на его спутников. — Ведь вы об этом толковали с Цинь, когда позвали ее к себе, в Лес?

— И об этом — тоже. — Еще один из людей Джея выдвинулся из тени ближе к столу. — Ваш друг прав, надо, чтобы каждый из вас выложил часть... часть мозаики, как вы это называете. И попробуйте начать с этого вот варианта. — Сухая, темная рука легла на один из листов. — Может быть, он не самый простой, но он менее двусмысленный, чем другие.

Снова молчание повисло в темной комнате. Прервал его Павел.

— Ну что ж, — как-то буднично, словно продолжая вести прерванный факультетский семинар, сказал он. — Давайте приступим к делу. Будем действовать в том же порядке, в каком вступали в Игру.

— Только позвольте дать вам пару советов. — Еще один из спутников Квинта наклонился над столом. — Вы с этим не сталкивались. Обычно магические надписи пишут... Точнее, составляют в такой последовательности.

Он взял протянутый ему Павлом электрокарандаш и стал размечать один из листов в каком-то ему одному понятном порядке. Закончив, он снова откинулся в кресле и как бы растворился в тени.

— Ну вот и ладно. — Кайл обвел присутствующих взглядом. — Кто-нибудь может добавить что-то к тому, что мы тут слышали?

— Только вот это. — Последний, до сих пор хранивший молчание спутник Квинта стал доставать из своего дорожного мешка и раскладывать на столе странные предметы: длинные керамические таблички с впечатанными в них знаками древнего письма, несколько ножей со странным, туманным узором на их лезвиях, цепи и перстни причудливой, неземной работы — находки, которыми мог бы гордиться средней руки музей экзоархеологии. — Это — кое-что из того, что мы, люди Джея, нашли и сохранили здесь и во Внутренних Пространствах. С помощью этих редкостей они уже несколько раз добивались хорошо проверенных ответов Джея. Исцелений, метаморфоз. Мы постараемся прийти вам на помощь, если ваш ответ... Если Знаки Отречения вызовут в ответ нечто скверное. Но вы

понимаете, что...

Снова выразительная тишина повисла в воздухе.

— Уже и за это мы должны быть вам благодарны, — прервал паузу Сухов. — Но раз уж речь пошла о магии, то я, с вашего позволения, пушу в ход кое-что из моего, так сказать, мобильного комплекта.

Он встал и, склонившись над тяжелой сумкой, взятой из «джипа», начал выставлять на стол и на пол рядом сенсорные блоки регистрационного комплекса — стандартный экспедиционный комплект небольшой экзоархеологической экспедиции.

— Эта техника настроена на автонаведение на спутник. Забросит туда показания приборов. Оттуда «Юнайтед софтвер» скачает любое сообщение на мой арендный сайт. По крайней мере, сохранятся записи о том, что здесь произойдет.

Он щелкнул тумблером, и на приборах вспыхнули тусклые огоньки индикаторов, добавив свой слабый, свет к неровному пламени свечей.

Павел молча несколько долгих секунд смотрел на эти огоньки, провел ладонью по глазам и опустился на свое место. Глухо произнес:

— Все. Вот теперь можно начинать. Давай, Кайл.

Васецки встал и, нагнувшись над столом, выбрал из неровной горки несколько кубиков, помеченных нужными знаками. Осторожными, чуть неловкими движениями вложил их в Ларец. И Ларец принял их, ответив немного усилившимся сумрачным мерцанием. Впрочем, может, он только почудился собравшимся здесь людям — этот знак согласия, поданный им демонами Испытания.

* * *

Последним поставил свои кубики Том — их ему досталось только два — в оставшиеся пустыми гнезда между уже ставшими на место кусочками мозаики. Теперь надпись, сложенная иероглифами, вырезанными на гранях кубиков, лежащих в плоском, светящемся внутренним, почти неощутимым светом параллелепипеде, стала полной. Формулой Отказа.

Знаком Отречения.

Все Пятеро теперь стояли. Никто из них не опустился на стулья после того, как закончил свой фрагмент магической мозаики. Они ждали.

Первыми отозвались на сделанное ими индикаторы приборов, расставленные Павлом вокруг. Тлеющие точки фотодиодов ярко вспыхнули, от высочайшего напряжения светящиеся «растяжные» линейки шкал торопливо засуетились, то вытягиваясь на максимальную длину, то сжимаясь в одно-единственное деление. Сразу несколько разных силовых полей бушевало в темной, отрезанной от дневного мира, зале. И огни свечей вытянулись, затрепетав, начали коптить причудливыми, рваными струйками дыма.

А потом Знак Отречения словно взорвался.

Полыхнул белым пламенем, заполнившим эту тесноватую комнату, ослепившим десятерых, окруживших Ларец, и погас, став тлеющим контуром, означающим уже нечто совсем другое, нечто, уже переставшее быть этим Знаком.

В наступившей тишине Павел склонился над Ларцем и тут же глухо вскрикнул. Резким движением скомкал рубаху на груди, словно поймал забравшегося под одежду скорпиона. И тут же его движения повторили, словно передразнивая, Цинь и Марика. Но они и не думали

шутить: лица обеих женщин исказила гримаса неожиданной боли.

И Том тут же ощутил разгорающееся, становящееся обжигающим жаром тепло, возникшее и сосредоточившееся где-то прямо на его теле — чуть выше солнечного сплетения. Рванул «молнию» куртки и с тихим проклятием за тонкую, тусклого металла цепочку вырвал наружу то, что жгло ему грудь, Белый Знак, отчеканенный в металле медальона, горячего и сверкающего, словно побывав в печи.

* * *

— А ведь это теперь — настоящий знак Воина, — растерянно сказала Цинь, рассматривая свой амулет, медленно остывающий, повиснувший на цепочке, крепко зажатой в ее ладони.

Теперь все Пятеро держали перед собой каждый свой Знак и размышляли, пытаясь хоть как-то оценить происходящее.

— Да, — медленно выговаривая слова, подтвердил Кайл. — это амулет Воина Империи Зу. Последний раз я видел такой в коллекции Андерсена в Форжерии, и было ему без малого двенадцать тысяч лет. А этим вот сейчас исполняется первая, пожалуй, минута. Я ничего не понимаю.

— Присоединяюсь, так сказать, к предыдущему оратору, — устало произнес Сухов и тяжело опустился в кресло. — Что происходит с нами? Мы только и мечтали, что избавиться от проклятой коробочки, а в результате она, эта коробочка, крутила нами, как хотела, целых десять лет. Мы старались помочь людям, на головы которых накликали беды, а в результате выпустили в Мир Эпидемию, дьяволов, черное колдовство. Мы отказались пройти Последнее Испытание, а в результате пожалованы включением в Касту Воинов. Нет, он безумен — Бог Джея.

— И еще. — Том подбросил на ладони остывающий амулет — тот уже не обжигал руку. — И еще: на наших глазах глина стала металлом. Произошла трансмутация элементов — десятков граммов. И мы не взлетели на воздух в результате ядерной реакции. Хотя, может быть, и глотнули основательную дозу гамма-квантов.

— Ну... — Сухов пошевелил в воздухе пальцами, — с трансмутацией-то все как раз не так страшно. — Он повертел свой амулет перед глазами. — Здесь, скорее, не ядерные превращения. Эта глина была не совсем глина, а этот металл — не совсем металл. Сложная металлоорганика. Не трансмутация — аллотропный переход. В каком-то очень сильном поле. Которое, однако, пощадило нас. Но все остальное, о чем я только что говорил... Это — безумие.

Кайл молча опустил свой амулет за ворот рубахи и продолжил занятие, прерванное минуту назад неожиданным ожогом, нагнулся к Ларцу «Джейтеста» и углубился в изучение новой комбинации знаков на гранях магических кубиков.

— Они... они изменили положение, — сказал он, не поднимая головы. — Квинт, Павел... Читайте...

Не только Квинт и Павел склонились к этому моменту над Ларцом: его плотное обступили все, собравшиеся вокруг стола.

— Ведь сказано же было: «Знаки означают Конец Испытания, и Знаки объявляют судьбу Пятерых», — невозмутимо констатировал Сухов. — Вот они — те знаки, которые объявят

нашу судьбу.

— Не знаю еще, как прочтает это твоя наука, Кайл, — руки Квинта осторожно прикоснулись к граням Ларца, а сам он на мгновение замер, прикрыв глаза, словно слепой, читающий азбуку Брайля, — а для нас знаки говорят вот что: «Отказ был ключом Последнего Испытания. И ключ этот открывает Пятерым Врата Темных Битв, ведущие в Миры Сражений. Судьба их — ждать Приказа». — Квинт помолчал немного, словно прислушиваясь к тому, как справился с переводом, провел языком по пересохшим губам и повернулся к Кайлу: — Это — примерно то, чего мы и ждали.

— Черт возьми, — высоко вздернула плечи Марика. — Если бы у кого-нибудь мозги были хоть немного на месте, мы бы и не подумали устраивать трагедию из такого дешевого розыгрыша. Цирк, дешевый цирк. Здешний Бог решил напоследок проверить, надежно ли сбита Боевая Пятерка, и подкинул нам Последнее Испытание. Такое, чтобы для его исполнения надо его ни в коем случае не исполнять. Цирк!

— Все это не так уж и глупо. — Том завороченно смотрел на новый рисунок магической мозаики. — Проверка на единство. Тест на прочность. Значит, те, кто программировал все это... Они в первую голову ставили единство этих своих Пятерок. Внутреннее единство, а уж потом — готовность исполнять любой приказ. Это... Это по-другому заставляет взглянуть на всю идею. На Испытание.

Кайл остановил его жестом.

— А ты, Павел? — Он перевел взгляд на друга. — Как ты переводишь это?

Сухов помедлил. Пожал плечами:

— Знаешь, за эти десять лет мой способ перевода древних текстов стал порядком отличаться от академического. — Он усмехнулся чему-то там — внутри себя. — Так что я не слишком возражаю против того, как прочитал это Квинт. Ты и сам можешь оценить. Только вот тут... Последнюю часть текста я сформулировал бы немного иначе: «Судьба их будет Приказом и Исполнением его».

Том оторвал взгляд от полупонятных ему знаков, и его тут же обжег сильнее, чем раскаленный амулет, устремленный в пространство, невидящий взгляд Цинь. Что-то происходило в душе этой напряженной, как струна, угловатой девушки. Существа, рожденного для того, чтобы стать женщиной, но нагадавшей себе судьбу Воина. Циньмэй, выбор которой всегда странен.

— Если вы хотите классического перевода, в духе школы Рейнольдса и Ямагавы, — со вздохом продолжил Сухов, — то мне придется поработать с этим текстом весь сегодняшний вечер. И еще немало повозиться со справочным аппаратом. Почему-то мне кажется, что на это у нас уже нет времени. Да и все равно — главного тут не изменить. Дорога в Миры Сражений. Врата, точнее. И судьба исполнить Приказ. Чье-то Повеление. Здесь уже есть над чем подумать, и крепко подумать. Мы ждали плохого. Гибели. Но вот надо же — спаслись. Только такое спасение может оказаться много хуже гибели. В этом всем есть какое-то безумие. «Джейтест» гнал нас от испытания к испытанию. Наделял новыми и непонятными способностями. Как мог, калечил наши мозги. И это все для того только, чтобы подарить пятерых бойцов Империи, которая сгинула за тысячелетия до того, как мы родились. Для странствий по Мирам Битв, которые кончились века и века тому назад. Это — поистине странная судьба.

Павел смолк, сгорбился и не то чтобы съежился, а как-то уплотнился, отяжелел в своем кресле. Снова тишина повисла в темной комнате.

— Ну так что ж. — Теперь наступила очередь Тома тяжело вздыхать и сбивчиво обрушивать на окружающих нахлынувшие на него мысли. — Если нет всего этого — ни Империй, ни войн, ни... Одним словом, если все это уже там, в бездне времен, тогда... Да тогда мы просто-напросто никогда не дождемся этого самого Приказа. Того, который должен сделать нашу судьбу. Никакого Приказа не будет. Никакого и никогда. Мы просто получаем свободу, только и всего. — Он провел рукой по своей короткой, курчавой шевелюре. — Странную, но свободу.

— А почему вы так уверены, что Миры Сражений опустели? — В наступившей тишине слова Квинта прозвучали словно голос наставника, заставшего врасплох стайку нерадивых учеников, уже подготовившихся сорваться с урока зазевавшегося было учителя. — Почему вы думаете, что войны Древних Империй закончились?

Сухов, расслабившийся уже было в тяжелом, на века сработанном кресле, так резко повернулся к старику, что это крепко сбитое сооружение драматически застонало всеми своими частями.

— Слушайте, это уж слишком! — Он с досадой ударил кулаком в ладонь. — После десяти лет с Лесным народом, после всех фокусов этой коробочки я готов верить в черта, дьявола, в леших, в ведьм и вампиров! В конце концов, есть люди, которые все это видели, хоть бы и в бреду. Но Древних Империй и их войн в наше время не видел никто! Ни во сне, ни наяву! Десяток-другой глупейших постановок по «Ти-Ви» — это не в счет. От всего этого остались только древние развалины в пятнадцати планетных системах. В общей сложности на двадцати четырех планетах, бывших когда-то обитаемыми.

— И еще от них осталась Боевая Пятерка, — спокойно вставил свою реплику в его эмоциональный монолог Квинт. — Пять Воинов, наделенных Даром. Одним из которых являетесь вы.

— О том-то и речь! — Павел навалился на стол с такой силой, будто хотел им прижать своего оппонента к противоположной стенке. — Пятéro солдат без генералов! Нет их — прежних обитателей Погибших Миров! Может быть, их мертвые корабли все еще бороздят где-то Космос. Их мегароботы еще бродят по пустыням. Их оборонные системы еще иногда стреляют. Их ракеты иногда стартуют из шахт. Но самих их нет! Они сожгли друг друга!! Уничтожили!!! Прогнали со сцены. Все! Тот спектакль окончен!

— То был очень долгий спектакль, — вздохнул Квинт. — Он тянется дольше, чем история земного человечества. И хотя он прервался — здесь и сейчас, это еще не значит, что он не идет где-то еще. И что его нельзя поставить заново. Сценарий цел, а исполнителей можно создать — вы сами видите как. Сцена готова, декорации не слишком потрепались. — Он замолчал на мгновение. — Долгий спектакль. И вы напрасно думаете, что это Древние Империи затеяли его в борьбе за Наследие Предтеч. И Предтечи — тоже не те, кто затеял эти битвы. Никто не знает точно, какие силы стоят за всей этой Игрой. Но, похоже, что Игра эта куда более важна, чем те, кто в нее играют: она начинается снова и снова. Вербует себе новых и новых Игроков, оживает из их плоти и крови, питается их силой, использует их знания и разум. Рождается снова и снова.

— Ну нет! — Сухов решительно поднялся и выдвинул крепкую ладонь впереди себя, словно желая оттолкнуть поток слов Квинта, защититься от него. — Эту песню об извечной борьбе сил Добра и Зла мы все уже слышали! Вы мне скажите ясно, так, чтобы и дураку было понятно: какие Приказы и кто нам собирается отдавать? В какие такие Миры отправят нас эти Приказы?

Квинт то ли отшатнулся от мерцающего Ларца, то ли выпрямился. Тень скрыла его лицо.

— Как раз про это, мы, Люди Джея, могли бы многое рассказать. Дело за немногим. Нужны те, кто захотел бы выслушать эти рассказы. И был бы достоин этого. Теперь это совпало. Сейчас самое время и место вам прислушаться к этим рассказам. — Он снова ступил в круг теплого света и окинул взглядом Пятерых: — Вы готовы к этому?

Цинь опустилась в кресло, всем своим видом показывая, что готова к долгому разговору; Сухов, подумав, изменением позы выразил такое же желание. Заняли свои места почти одновременно Кайл и Том. Несколько секунд оставалась на ногах только Марика — хмурая и озадаченная. Потом сдалась и она: неопределенно взмахнула рукой и забралась с ногами в кресло. Наверно, так она сидела в этом самом кресле когда-то еще девочкой, для которой этот дом был родным и не было еще никакого другого.

— Вы считаете глупым предрассудком, выдумкой рассказы о том, что люди появились на Джее задолго до того, как Хендрикс и Зорич высадились на поверхность планеты, и вообще задолго до того, как корабли первой волны Экспансии добрались до этого уголка Галактики. Никто даже не требует доказательств такой точки зрения, она самоочевидна. Ну какие могут быть люди на планете, удаленной на миллиарды миль от Солнца? Как могут они туда, на планету эту, попасть, иначе как на звездолетах и в спускаемых аппаратах на реактивной тяге? И уж подавно не могли никакие земляне оказаться на Джее в те времена, когда ни о чем подобном на старушке Земле еще и не начинали думать всерьез. В этом убеждены почти все, хотя теперь уже даже школьники слышали про «Парадокс Желтых Лун»* [\[1\]](#). Но колония землян, вывезенных туда пришельцами, так и оставшимися неизвестными «Пришельцами из Ниоткуда», века назад, неизвестно как и неизвестно зачем, — это для здешнего народа такая экзотика, которую никто и в голову брать не хочет. Точно так же, как никто не хочет принимать в расчет, что у историков давненько концы с концами не сходятся, когда они начинают разбираться с историей земных поселений на Шараде.

Просто за эпоху Изоляции они скатились в средневековье — и все тут. Не важно, что это средневековье ничего не помнит об эпохе космических перелетов, а тянет свою историю прямо из древних государств Земли. И неземных царств — где-то на полпути.

В конечном счете это все тоже экзотика. На Джее, разумеется, нет и быть не может. Нет, хотя все мы здесь топчем землю Древних Империй и читаем на дряхлых камнях заклинания Предтеч. Люди не хотят взять в толк, что для той сложной игры, в которую они — хотят они этого или не хотят — втянуты чуть ли не со времен кроманьонцев, это — сущий пустяк. Я говорю про те тысячелетия и те миллиарды миль, которые разделяют от сегодняшнего Джея эти островки вмешательства Чужих в жизнь землян. Впрочем, не стоит много говорить о людских заблуждениях. Будем говорить о сути. Для нас, людей Джея, издавна ясно, что далекие части Вселенной соединены между собой не только трассами звездолетов. Это начали понимать и земные ученые уже сразу после того, как была разработана теория подпространственных переходов.

Так вот, Джей — это не только полигон Древних Империй. Он таким полигоном стал потому, что он не просто планета, пригодная для жизни разумных существ. Гуманоидов. Джей — это перекресток. Здесь тысячи лет происходила переброска разумных существ из одних уголков Вселенной в другие, из одного Мира в другой. Все вы, Пятеро, кто больше, кто меньше, но сведущи в древней истории этой планеты. Ну, в той мере, в какой вам позволяют

результаты раскопок и знание университетских наук. И вам хорошо известно, что останки жрецов, воинов, властителей, найденные в развалинах, в захоронениях, их изображения в оставшихся росписях и документах — это останки и изображения существ, которые не имеют никакого отношения к животному миру Джея, никакая эволюция здешних псевдоприматов не могла породить их. Они не схожи и друг с другом — это несколько совершенно различных видов, пришедших сюда из нескольких различных Миров. Теперь — после того, что мы точно знаем о Желтых Лунах, и после того, о чем мы догадываемся в отношении происхождения землян Шарады, — так ли уж странно думать, что среди тех мест, куда неведомые Предтечи забрасывали похищенных или завербованных землян прошлых веков, был и Джей? Но в те времена из нас не вышло воинов, а может быть, их не для этого, а для чего-то другого забросили сюда. Но даже и не в этом дело. Дело в том, что вы можете легко прикинуть: в истории Джея есть «пустые» тысячелетия — периоды, когда ни одна из рас, участвовавших в Войнах Империй, и носу не показывала на планету.

— Это так, — задумчиво и нехотя признал Сухов.

— А со времен Первой Высадки воды утекло куда как меньше. Однако бесспорной истиной считается, что эпоха Войн — это плюсквамперфект. Нечто давно закончившееся, полностью ставшее достоянием прошлого. Стоит ли так уж торопиться с таким заключением?

— Допустим, что планету расы Империй действительно покидали, порой надолго, — пожал плечами Павел, — но не Вселенную же, в конце концов! Где-то в ней они оставались для того, чтобы приходить сюда вновь и вновь. В те времена. А теперь... В той Вселенной, которую мы знаем теперь, есть много всякого: есть целых Тридцать Три Мира, населенных землянами, есть бог весть сколько больших и малых земных колоний — в пространстве и на планетах, которые за самостоятельные Миры не считаются, есть три неземные — чужие, негуманоидные — цивилизации, есть Мир, в котором люди не захотели оставаться людьми, есть цивилизация Чур, которая ни в какие рамки не укладывается. Есть Тартар. Есть даже Блуждающий Мир — Мир Молний. Но нигде, понимаете, нигде нет больше ни Воинов Зу, ни Воинов Ю, ни вообще никаких Воинов Древних Империй! Никаких Воинов, никаких Сражений, никаких Темных Битв!! Что кончилось, то кончилось, и мы на этот спектакль не успели!

— Вот вы сказали: «В той Вселенной, которую мы знаем теперь...» — Квинт коротким, экономным жестом словно очертил некий объем пространства. — Но то, что Вселенная не едина, что каждое мгновение она ветвится, порождая новые и новые Миры, каждый из которых ничего равным счетом не знает о других; то, что Миры эти причудливо переплетены и в неких критических точках перетекают один в другой, это уже перестало быть кабинетными фантазиями мыслителей-теоретиков двадцатого века. Теперь, после экспериментов Ярского и Даниэли, после того, как эффект расщепления пространства-времени используется даже в работе компьютеров, после трагикомической истории с раздвоением «Гэлакси»... После всего этого, согласитесь, можно допустить мысль о том, что Сражения Империй, Темные Битвы идут где-то совсем рядом с нами, хотя в *этой* Вселенной мы не найдем их никогда и нигде?!

— Так Джей, по-вашему, командирует нас в Параллельные Миры — воевать там во славу Империи Зу? — поинтересовался Том.

Его никак не могло оставить ощущение, что с какого-то момента, который он не заметил, «проехал», все вокруг стали знать больше него самого о его тайных догадках,

подспудных страхах и теперь сговорились неизвестно зачем, но совершенно определенно свести его с ума. Что это не он, обретя свой Дар, может входить в чужое сознание, читать в нем, словно в диковинной книге на полузабытом языке, а наоборот — его собственная черепная коробка стала прозрачна для пытливого внимания всех, кто окружал его. Ведь именно это занозой сидело у него в подсознании — Параллельные Миры! Места, которых нет. Вселенные, в которых побывал, только если верить легендам, экипаж злосчастного «Гэлакси».

Квинт поднял на него глаза, и в глазах этих была усталость. Он перевел взгляд на Кайла:

— Может быть, это сделает Джей, а может быть, вы сами уйдете по одной из тропинок, что ведут отсюда в другие Вселенные. Тем из нас, людей Джея, которых он наделил тем же Даром, что и тебя, Кайл, давно уже приходится бродить по этим странным тропам. Одни из них приходят из Станных Миров, другим приходится уходить туда.

— Пока что для перемещения между параллельными Вселенными используют установки размером с астероиды, — заметил Сухов. — Сдается мне, что у нас нет таких под рукой. Разве что сам Джей.

— Именно так и обстоит дело, — кивнул Квинт. — В том, что Джей — не планета в обычном смысле этого слова, вы могли убедиться уже не раз.

— Господи, — с каким-то ироническим унынием вздохнула Марика. — У всех планеты — как планеты. А нам досталась планета, у которой есть Бог.

«Это вообще странное место — Джей, — подумал Том. — Здесь сходятся Миры, и здесь в кристаллах выращивают модели Вселенных. И еще здесь живет Бог. Злой и безумный».

— Можете считать это Богом. — Квинт улыбнулся чему-то там, в сумраке перед собой. — Я не уверен, что те тропинки, что уводят с Джея в чужие Вселенные, заканчиваются в тех Мирах, которые точно соответствуют теперешней квантовой теории множественных Вселенных. Скорее всего, мироздание устроено еще сложнее, чем это следует из всех ваших моделей. Или, наоборот, много проще! По этим тропам вас и пошлет Джей. Если... Если вы не захотите уйти по ним сами. Так или иначе, но один из вас — Кайл — знает теперь, как пройти по этим тропинкам. Таков его Дар. Возможно, в нем кроется и ваше избавление. И может быть, он сможет увести вас отсюда прочь. Прочь от того, кого вы считаете Бешеным Богом Джея.

Наступила тишина.

— Но мы же не хотим уходить никуда! — Марика решительно выпрямилась, ее ломкие пальцы сжались в угловатые кулаки. — Мало того, что эта шгука поломала нам всю жизнь! Теперь, оказывается, от нее надо еще и бежать в чужие Миры. Я не знаю, что на уме у каждого из вас, но я — Марика Карои — хочу наконец стать простым, нормальным человеком! Не играть в поддавки с Бешеным Богом, не прятаться от призраков и демонов, а просто жить! Я хочу просто жить, зарабатывать себе на хлеб, когда-то и за кого-то выйти замуж и растить детей! И забыть — вы слышите?! — забыть как страшный сон все это колдовство!!!

И снова возникла гнетущая пауза.

— Я боюсь, что вам не придется выбирать. — Квинт горьковато улыбнулся Марике. — Вам этого просто не дадут. Вы... Вы уже не вписываетесь в тот Мир, что породил вас, — в Мир земной цивилизации. Вы для него теперь — нечто чужое и загадочное. Что-то, из чего можно черпать некое знание, невероятные возможности для науки, промышленности и войны, войны, войны. Нечто... Нечто очень ценное, но только уже не люди! Это основное,

что я хотел вам сказать. За этим и пришел. Раскрыть вам глаза. И предложить путь к спасению. Кайл знает, где расположены Врата. И у вас еще остается время уйти сквозь них. Только...

Он запнулся на секунду.

— Только?... — внимательно приглядываясь к нему, переспросил Сухов.

— Но только никто — ни вы, ни я — не будет знать, спаслись ли вы от злой воли демонов Темных Битв в тех Мирах, куда уйдете по доброй воле, или на самом деле это Бешеный Бог Джея пошлет вас туда. Мы не будем знать этого до конца!

Очень трудно, казалось, почти невозможно было нарушить молчание, наступившее теперь. И только довольно прозаическое покашливание Сухова прервало его:

— Ну что же. Снова нам надо выбирать. Что касается меня, то... Я не очень-то в это верю. Но я буду пытаться найти общий язык с... со своими — с людьми. Хотя многое из того, о чем вы нас предупреждаете, правда.

— Я свою дорогу выбрала давно. — Цинь осторожно коснулась Ларца. — Они для меня — Странные Миры.

— У нас с вами не много остается времени. — Квинт осторожно, с какой-то деликатной легкостью отодвинул тяжелое кресло и вышел из-за стола.

Бесшумно, словно тени, за ним последовали четверо его спутников.

— Не знаю, заметили ли вы, думаю, что хорошо заметили, но за нами идут. Идут по пятам. — Квинт сделал рукой легкое движение, словно отгоняя неприятную мысль. — Скоро кольцо замкнется. Нам надо поторопиться. За вас я не боюсь: вас теперь очень трудно одолеть. Но могут произойти большие... м-м... большие глупости. Делайте свой выбор быстрее.

Люди Джея двинулись к выходу, стали таять в сумраке.

— Дайте нам знать, когда доберетесь до Леса, — глухо сказал Кайл вслед уходящему Учителю. — Надо будет попрощаться, если...

— Да, я дам знак. — Квинт на мгновение замер в дверях. — Вот ему. — Он указал на Тома. — Ты знаешь как.

По гулкой лестнице зазвучали шаги уходящих. Смолкли. Кайл и Сухов подошли к окну и некоторое время провожали взглядом серо-зеленые, похожие на клочья ночного тумана, силуэты.

— Странные Миры. — Павел прикрыл глаза и потер веки кончиками пальцев. — Странные Миры. Вот, оказывается, по какому лабиринту ты бродишь, Кайл.

* * *

Свечи, потрескивая и коптя, гасли одна за другой. И огоньки на причудливой машинерии, расставленной Суховым по комнате, тоже утомленно угасали, теплились еле заметными точками. Но Пятерым не было до них дела — Кайл рассказывал про Лабиринт. Про то, что успел узнать там, в Лесу.

— Получается, что те, кого мы называем людьми Джея, это только часть — здешний, так сказать, филиал — какого-то бродячего племени? — попробовал свести воедино свои, ставшие довольно сумбурными, мысли Том. — Только бродят они не по Лесам и даже не по Внутренним Пространствам Джея, а по Странным Мирам? Параллельным или каким-то еще.

— Не все из них. — Кайл сделал неопределенный жест. — Но в целом ты прав. И сам Джей — тоже всего-навсего один из таких Миров.

— И они показали тебе как?.. — подалась вперед Марика. — Ты... Ты уже побывал там?!

— Побывал — это громко сказано. Меня... Меня, как ребенка, водили за ручку. Есть несколько мест на Джее... — Кайл постарался жестом выразить какую-то сложную мысль, но не смог. — Таких мест, из которых можно... отправиться.

— Это — как Порталы на Чуре и на Прерии? — попытался уяснить себе ситуацию Сухов. — Или...

— Нет. — Кайл безнадежно махнул рукой. — Это... Это — совсем другое.

Павел нахмурился:

— И на Землю в древние времена те самые пришельцы, которые уводили людей на Желтые Луны, на Шараду, может быть, они приходили через этот твой Лабиринт?

Ответ ему услышать не пришлось: Том резко вскинул руку, призывая всех к вниманию:

— Мне... Я сейчас почувствовал. Квинт или кто-то из тех, кто с ним... Они пытаются связаться со мной.

Кайл посмотрел на часы:

— Они не могли еще. У них же нет транспорта.

— Нет! — Том мучительно сморщился.. — Не, то! С ними беда. Им нужна помощь. Черт! Как мы не подумали...

— На всех мы навлекаем беду! — Марика вскочила из-за стола. — Проклятая коробка! Что, что они говорят тебе?!

Том жестом попробовал заставить ее замолчать:

— Мне... Мне трудно понять сейчас. Там...

И тут в комнате зазвучал сигнал вызова.

Кайл взял трубку блока связи, коротко и односложно ответил кому-то и протянул ее Тому:

— Они хотят вести переговоры с вами. Он, тот, кто звонит, говорит, что ты знаешь его.

— Алло, — как можно более спокойно сказал в микрофон Том.

— Здравствуйте, мистер Роббинс, — прозвучал в трубке голос господина Джентри. — Вы узнали меня?

— Узнал, — без особого восторга ответил Том.

Напряженная вежливость Джентри и «вы», сменившее развязное «парень» прошлой их беседы, заставили его внутренне замереть в ожидании того, что теперь было нетрудно предугадать.

— Очень жаль, что у нас с вами не получилось делового контакта в прошлый раз. Но сегодня у нас разговор получится. Хотите пари?

— А нельзя ли сразу по сути дела? — Тому очень не нравился тон Луиджи. Очень.

— Если вы догадаетесь включить кодированный видеоканал, то суть дела вам станет сразу же ясна, господин Роббинс, — с иезуитской вежливостью уведомил его голос с итальянским акцентом.

Том молча щелкнул переключателем. Потом поставил аппарат так, чтобы всем было видно. Слов действительно не требовалось.

Судя по всему, перед ними был салон небольшого трейлера. Почти все видимое пространство в нем занимали двое крепких парней в стандартных вязаных масках-шлемах,

натянутых на головы. Оба деловито сжимали рукоятки бластеров.

Между бандитами спокойно, положив на колени перехваченные наручниками запястья, сидел Квинт. Он улыбнулся в камеру и пожал плечами. Чуть виновато.

— Я надеюсь, господин Васецки не слишком шокирован? — поинтересовался Джентри, появляясь в поле зрения, словно ведущий телешоу. — Он может не волноваться. Все закончится хорошо, если все мы будем вести себя достаточно разумно.

Кайл с остервенением выхватил трубку у Тома:

— Послушай, ты, ублюдок!!!

Впервые на памяти всех Пяти с губ декана Васецки слетело откровенно злое ругательство.

— Ты, ублюдок! — повторил он. — Никогда и никто на Джее не впутывал *их* в криминальные разборки. Ты еще пожалеешь о том, что затеял.

— Не кипятитесь, господин декан, — все так же невозмутимоотреагировал Джентри. — И верните трубку мистеру Роббинсу. Я с самого начала знал, что с вами разговаривать будет слишком трудно.

— Я могу только согласиться с Кайлом Васецки, — сухо сказал Том, забирая трубку из дрожащей от ярости руки Кайла. — Вы пожалеете о том, что сделали. Но сейчас не будем махать кулаками. Вы, по всей видимости, хотели назвать нам свои условия. Валяйте. Мы только зря теряем время.

— Тогда слушайте: сейчас у нас... э-э... в гостях, кроме наставника господина Васецки, находятся еще четверо его приятелей из Лесов. Поэтому не пытайтесь затевать его освобождение или что-нибудь в этом роде. Положение всех остальных вы только ухудшите. А всего-то и нужно, чтобы вы передали нам ваш коробок с фокусами и согласились подписать контракт на работу в одном месте — далеко отсюда. Очень выгодный контракт, поверьте.

— Когда и как вы освобождаете заложников? — перебил его Том.

— Да все дело будет обделано очень просто. — Луиджи расплылся в улыбке. — Мои люди сейчас оцепили домик, где вы собрались. Мы подкатим, считайте, что к самому вашему порогу — ну, за полсотни метров от него остановимся. А затем один из вас — кто, выбирайте сами, с коробком под мышкой выходит к нам, а мы отпускаем первых двух наших гостей. Потом, если все сойдет нормально — идет второй ваш человек, а мы отпускаем остальных трех чудаков. После этого расходимся. У тех из вас, кто останется в доме, будут все возможности... э-э... убедиться в том, что вашим лесным друзьям не причинено ни малейшего вреда. Вы даже сможете проводить их в любимые Леса. Но, сами понимаете, после этого мы ждем вас. Мы легко найдем друг друга. Вы не заинтересованы быть порознь. Ведь в вашей компании не принято бросать друзей на произвол судьбы, не так ли?

— Какие у нас гарантии, что, когда заполучите первого из нас, вы не повысите ставки? Не продолжите нас шантажировать? — Том облизнул пересохшие губы.

Комбинация, которую предлагал ему лысоватый Луиджи в твидовом пиджаке, совсем не нравилась Тому. Напоминала очень нехитрую ловушку.

— А вы воображаете, — Джентри вдруг посерьезнел, — что мне так уж хочется, чтобы у кого-нибудь из вашей компании сдали нервы и он начал отмачивать фокусы? Мы о них наслышаны. Я понимаю, мистер Роббинс, что работаю с опасным материалом.

— И все равно думаете, что эта затея сойдет вам с рук?

— Мой заказчики, господин Роббинс, тоже не пальцем деланы. Как-нибудь да выручат

старину Луиджи. Так что не берите себе в голову мои заботы. Постарайтесь понять, я играю с вами честно. Иначе мы с вами не тронемся с места. А времени, сдается мне, у нас не так уж много.

— Мы будем думать. — Том переглянулся с остальными Четырьмя. — Пару часов. Вы слишком мудрите.

— Тридцать минут — не больше! — Голос Джентри стал резким, улыбочивая маска сползла с его лица. — Если хотите убедиться, что мы с вами говорим серьезно, — выгляните в окно.

Том отступил назад к стене и отодвинул портьеру в сторону. Сумеречный, таким он казался ночью, лес был залит ярким утренним солнцем. И из-за плотно стоящих стволов поодаль, метрах в трехстах от стен старого дома, уже открыто выбегали пестровато одетые, но неплохо вооруженные парни. Из закрытых от постороннего взгляда просек выкатилась пара переоборудованных из фургонов межбанковских перевозок броневичков. Вокруг дома замыкалось кольцо.

Сухов неожиданно сделал Тому знак прижать клавишу отключения микрофона.

— Надо идти ва-банк, — вдруг резко сказал он. — Работать на опережение. — Первым пойду я, вторым — ты, Том. И мы им бучу отчебучим. И у тебя есть неплохой Дар, и у меня в приятелях теперь весьма незаурядный... герой ходит.

— Если мы пойдем на это, — Марика высоко вздернула плечи, — они... Все равно они обманут нас. А если использовать Дар... Это ведь все равно, что брать займы у Джея. Нам придется расплачиваться и за это.

— Чушь! — нервно ударил кулаком в ладонь Кайл. — Джей — это Чужой Бог. И не стоит гадать, задолжаем мы ему или нет. Нас не спрашивали, будем ли мы соблюдать правила этой игры, когда втянули в нее. Сейчас главное — это спасти Наставника. И тех, кого они захватили вместе с ним. Я должен сам...

— Ты сейчас должен побережся, Кайл, — прервала его Марика. — Никуда не лезь. Ты должен уцелеть. В первую очередь — уцелеть. Если ты сам веришь в то, что обещал нам. Надо действовать так, как говорит Павел. Он, наверное, прав. Я напрасно все время думаю про это. Про Джей. Как о чем-то живом. О чем-то разумном.

— Пусть будет так, — коротко высказалась Цинь. — Не стоит тянуть.

И тут тихо, но очень отчетливо зазвучал сигнал вызова. Сигналил не блок, трубку которого сжимал Том. Звук исходил от пристегнутой к его поясу «луковицы». Он положил на стол трубку с отключенным микрофоном и поднес к уху свою имитацию старинного «Брегета».

— Агент Роббинс? — напряженный голос в микродинамике был знаком Тому.

«Кто-то из нашего филиала? — мелькнуло у него в голове. — Или — нет. Ведь точно: совсем недавно я говорил с этим человеком. Зар-р-раза!»

— Это я, — ответил он вслух. — Кто говорит со мной?

— Слушайте внимательно, — торопливо продолжил голос в аппарате, начисто игнорируя его вопрос. — Мы знаем, в каком положении вы находитесь. Постарайтесь потянуть время. Хотя бы несколько минут. Будет нанесен удар силами армии. Не выключайте аппарат. Как только мы дадим музыкальный сигнал, ложитесь. Падайте. Укройтесь. Дом будет обстрелян спецзарядами.

— Какими спецзарядами? За каким чертом обстреливать дом? — обалдело и совсем непрофессионально спросил следователь.

Но «Брегет» молчал.

В ответ на устремленные на него вопросительные взгляды Том перешелкнул клавишами и прокрутил автоматически сохраненную запись разговора через встроенный динамик.

— Кажется, в дело влезла армия. — Он пожал плечами. — Они, кстати, собираются нас обстреливать какой-то дрянью. Кажется, час назад мы с вами были убеждены, что надежно укрылись от излишнего к нам любопытства. Вполне серьезно, — он улыбнулся, но как-то неудачно, — если начнут сигналить музыкой, — он кивнул на «Брегет», — будьте готовы ко всему.

Пятеро молча сидели вокруг стола, в центре которого тускло поблескивал янтарный Ларец. Подле него лежали, словно тоже ожидая чего-то, оба блока связи — типовой «Эриксон» Марики и вмонтированный в часы компьютер Тома. Все молчали — люди и аппараты. И молчание их постепенно становилось все более напряженным.

— Проклятая глупость! — Кайл мял свое лицо обеими ладонями, словно желая наказать себя за наивность, заведшую их в тупик. — Пройти всю эту чертовщину, испытать такое, чего не испытывал никто из смертных. И выдержать все это. Приготовиться к битве чуть ли не с самим сатаной. И влипнуть в ловушку, подстроенную обычными бандитами с большой дороги!

— Бывает, что и чемпионы по каратэ поскальзываются на банановых корках, — пожал плечами Том. — Давайте прикинем порядок действий.

— Ты уже не рассчитываешь на то, что помощь поспеет? — спросила Цинь.

— Или это была какая-то провокация — просто для того, чтобы сбить нас с толку, или... — Том пожал плечами. — Или это все мне приснилось. Пожалуй, так и надо к этому отнестись.

— Итак, полагаемся только на себя, — подвел черту, под сомнениями Кайл. — И играем всерьез.

— Они согласны оставить троих из нас на свободе. — Сухов подкинул на ладони свой Знак. — Понимают, что Пятерка уже не сможет разбежаться. И понимают, что мы не побежим за помощью в полицию. Ну что же, нас и двоих они так просто без хрена не сожрут!

— Если Джей еще не отобрал у нас свои подарки, что было бы логично, — оборвала его Цинь. — И если... Если *это* — она кивнула в сторону окна, — не его же шуточки.

— Это — вряд ли, — покачал головой Павел. — Не стоит путать в дело Сатану, когда и простых людей достаточно, чтобы справиться с его работенкой. Не стоит в этом отношении недооценивать род людской.

— Что касается Даров, — Кайл поднялся со стула и принялся мерять комнату большими шагами, — то мой Дар при мне. Я ощущаю Лабиринт все время. Каждый миг.

— И мой тоже как будто цел. — Марика склонила голову, словно прислушиваясь к чему-то в себе. — В этом доме... Здесь мне тяжело приходится. Здесь все буквально прошито... линиями Судьбы, как я это называю. По шарлатанской своей привычке. Ведь здесь прошло мое детство и...

— Вот. — Цинь протянула над столом руку. — Я минут восемь назад полоснула по тыльной стороне. Вот здесь. И попробовала. Получается.

— Шрам такой, словно ты уже с месяц назад порезалась, — констатировал Павел. — Но вчера его у тебя не было.

Цинь бросила на стол узкий клинок:

— Кровь свежая, можешь убедиться. А шрам... Через пару часов его и вовсе не будет. Так что Дары при нас. Нам не стоит трусить.

— Тем лучше. — Сухов повертел перед глазами окровавленное лезвие и осторожно положил его на стол. — Труса праздновать здесь, по-моему, никто не собирается. Но вот действовать надо с умом. — Он присмотрелся к лицам друзей. — Я так думаю, — он остановил свой взгляд на Томе, — что будет правильно, если первым к ним пойдешь ты. По двум причинам. Во-первых, ты у нас ко всему еще и федеральный следователь. А во всей Федерации не найдется и двух полоумных, которые захотели бы ссориться с Управлением. Тем более таких нет на Джее. Это, надо отдать должное вашей конторе, еще ни разу добром не кончалось, чтобы за здорово живешь угрожать кого-то из ваших людей. Поэтому ты рискуешь меньше всех. И при тебе твой Дар. Выбери какого-нибудь из них, лучше самого Джентри или... Ну, в общем, сам сообразишь. И еще выжди момент. Где-нибудь по дороге — им ведь надо доставить нас куда-то, прежде чем забросить на Харур. И тогда — перевоплотись. Они такого не ждут. К тому моменту с тобой буду я. Да-да. — Он знаком руки приостановил Цинь. — Именно я. Потому что из нас всех, как тут ни рядись, самым большим разрушительным потенциалом обладаю я. Точнее, — он снова подкинул Знак в руке, — мой лучший после дьявола-сатаны друг. Постараемся оказаться в одной машине. Ты начинаешь, только даешь мне знак. *Твой* знак — этот фокус с телепатией.

— Это не совсем телепатия. — Том хрустнул пальцами. — Но не в этом суть. Я постараюсь дать тебе понять, в кого я вошел. Чтобы...

— Договоримся сразу. — Сухов оставил в покое этот спор и уперся ладонями в стол. — Если в течение четверти часа нам... тебе не удастся подать мне знак... Тогда я спускаю с цепи своего приятеля с того света. И он будет действовать, исходя из того, что ты или не смог вселиться ни в кого из этих... Либо ты вошел в главного, в Луиджи. Ты и он... Вы останетесь целы в заварушке, которая последует. И дай мне понять, когда ты... Когда ты «вернешься». А вы — трое — уводите Квинта и... тех, что с ним, от греха подальше и, как говорится, «ложитесь на дно». Надо обговорить, где встретимся.

Марика пожала плечами:

— Разве еще остались такие места на этой планете, где мы можем спрятаться?

— Надо выходить к Зброшенным Городам, — с неожиданной уверенностью сказал Кайл. — Или к каньону. Оттуда я смогу увести вас.

— До каньона отсюда — путь неблизкий, — резонно заметил Павел. — Да к тому же — по степи. По открытой местности. И в самом каньоне трудно сориентироваться. А Зброшенные Города... Туда паломники все время тянутся. Можно затесаться. И разминуться там невозможно. Надо только договориться, в каком из тамошних храмов.

— В храме Кошек, конечно, — снова пожала плечами Марика.

— Неплохая мысль, — согласился Сухов.

— Да, именно там. — Марика кивнула ему и самой себе. — Там, где... Впрочем Том может не понять.

— Для нас четверых это Мекка, — усмехнулся Кайл. — Там ваш покорный слуга начинал как профессиональный экзоархеолог. Смешная история вышла тогда с теми орнаментами, которые я принял за... Впрочем, не в этом дело. Будем ждать друг друга в храме Кошек Зброшенной столицы. На рассвете и на закате. До того момента, пока не встретимся все. Или пока не станет ясно, что...

— Сколько? Сколько дней конкретно мы будем ждать там тех, кто не сможет прийти

туда сразу? — озабоченно спросила Цинь.

Сухов хрустнул пальцами. Том даже удивился про себя тому, что такими вот крепкими, словно из грубой древесины, покрытыми шрамами, шрамчиками и русой щетиной пальцами можно нервно похрустывать.

— Это придется решать по обстоятельствам. — Павел энергично почесал нос. — Ясно, что не больше двух-трех суток.

И тут в воздухе повисла трель сигнала блока связи.

— Полчаса истекают. Вы готовы? — поинтересовался Джентри, уже совсем не светским тоном.

— Готовы. — Том покосился на свои часы-блок. Переглянулся с Павлом. — Мы не видим заложника. Квинта. Через... Через пять минут выводите свой кар к воротам, к главному въезду. Так, чтобы все хорошо просматривалось из здания. И выходите из машины вместе с заложниками. С двумя заложниками. Я — вы слышите? — я, Томас Роббинс, выхожу из дверей, из главного входа, и даю вам знак. У меня в руках будет то, о чем вы говорили. — Он снова посмотрел на «Брегет». Но тот по-прежнему молчал. — Тогда, по знаку, вы отпускаете заложников, и мы с ним идем друг другу навстречу. После того как оба заложника войдут в дом, выходит наш второй человек, и ему навстречу остальные трое. Снова только по нашему знаку. Как только обмен закончится, вам снова дадут знак, и вы убираетесь отсюда как можно скорее. Запомните: наш сигнал... наш знак — очень простой — будем вам махать платком. Сверху вниз — три раза.

— Заметано. Начинаем, ждите.

В трубке зазвучал отбой. Том подошел к окну. Павел и Кайл присоединились к нему. Оцепление вокруг древнего дома стало гуще. Растянувшаяся в цепь пестроватая на вид компания вооруженных типов в натянутых на физиономии масках-шлемах казалась каким-то шутовским хороводом, затеянным почему-то среди бела дня. Похоже, что ввиду своего явного численного преимущества бандиты воспринимали происходящее не слишком серьезно.

Теперь уже все Пятеро, осторожно замерев у окон, следили за развитием событий. Каждый из них без команды взял из разложенного на полу арсенала свой ствол и держал его наготове. Ждать пришлось недолго.

На хорошо просматривающееся из дома лесное шоссе из скрытого зарослями проселка выкатил неброский «лендровер» и, беспрепятственно пройдя сквозь расступившееся перед ним оцепление, стал в проеме ворот старого поместья. После томительной паузы из машины вылез и шагнул вперед, подгоняемый тычками револьверного дула в спину, человек в серо-зеленом плаще-накидке — Квинт. Джентри покинул машину вслед за ним и, пройдя шагов пять-шесть по направлению к дому, остановился, уперев ствол оружия в затылок человека Лесной секты и придерживая его за локоть. Четверо громил со стволами наготове вылезли из боковых дверей и остановились шагах в двух позади шефа. Двое из них придерживали еще одного человека в серо-зеленом.

Том тяжело вздохнул, пошарил по карманам, огляделся вокруг, отыскивая взглядом что-либо, что могло бы сойти за сигнальный платок, подхватил пыльную салфетку, украшавшую старинный буфет еще с той поры, когда дом был населен, встряхнул ее, поставил в угол свой бластер, кивнул Сухову: «Пора!» Тот кивнул в ответ и тоже приткнул свое оружие к стенке.

— Эту штуку я оставляю здесь. — Том кивнул на свой «Брегет», валяющийся на столе. — Вдруг...

Он на секунду прикрыл глаза, потом легко подхватил со стола янтарный Ларец — Цинь сдержала произвольное удерживающее движение руки — и направился к выходу. Стало слышно, как он уходит вниз по гулкой лестнице. Потом закрипели створки двери там, внизу.

Павел от окна отслеживал каждый шаг Тома. Тот резко отмахнул салфеткой раз, другой, третий. Луиджи толкнул человека Джея вперед, и тот не торопясь пошел. Двинулся также после толчка и второй заложник. Том шагнул им навстречу. Между сближающимися фигурками на залитой ярким светом летнего дня осталось метров двадцать. Десять.

Заиграла музыка.

Музыка из тускло посверкивающего на темной глади стола «Брегета».

— Ложись! — рявкнул Сухов, грохнувшись на пол.

Падая, он успел схватить и придавить к пыльным половицам зазевавшуюся Марику. Успеть что-либо еще было трудно: в небо над домом и лесом вывалились вертолеты. Дом словно подпрыгнул на месте. С вибрирующим визгом нечто злобное и стремительное пронзило его от крыши до фундамента. Еще и еще. Посыпалась штукатурка.

Павел поднял голову, пытаясь понять, что происходит. И остоленел. По стенам темной комнаты змеились молнии. Светящимся плющом ползли вверх, к потолку. Воздух наполнился фиолетовым сиянием. Фосфоресцирующей мглой. Лица, пальцы, суставы пронзила колющая, волной набегающая боль.

— Это — защитное поле! — сдавленно выкрикнул Кайл. — Они ударили нейроиנדукторами. А дом обстреливают генераторами защитного поля! Ч-черт, как в кино!

И тут все кончилось.

Громилы за окном вповалку лежали на зеленой травке. Казалось, перепившаяся компания расслабляется на лоне природы после чересчур бурно прошедшего пикника. Только две серо-зеленые тени не торопясь шли по заросшей травой дорожке к одиноко приткнувшемуся к воротам «лендроверу». Из машины выбрались и тоже пошагали прочь еще трое. Геликоптеры с эмблемами ВВС Республики зависли над опушкой, и из них соскакивали и деловито бежали к жертвам странного пикника десантники.

Четверо в темной комнате поднимались на ноги, ошалело стряхивая с себя одурь, штукатурку и пыль.

— Потолок продырявили, — растерянно констатировала Марика. — С-своими генераторами. К-козлы, однако. Фамильный дом.

— Хорошо, что не черепушку кому-нибудь из нас, — махнул рукой Сухов. — Пошли Тома откачивать. Его же там, снаружи, отоварили по полной.

Четверо сбежали по лестнице вниз на солнечную опушку, заваленную поверженными в бездну депрессии людьми. Том, надо отдать ему должное, уже пытался — первым из пораженных — подняться на ноги. Встал на колени и, сжимая голову руками, тихо постанывал и раскачивался из стороны в сторону. Цинь, не говоря ни слова, присела перед ним, подобрала упавший на траву Ларец, положила его на колени и решительно отвела ладони Тома в сторону. Осторожно прижала свои пальцы к вискам мучительно скривившегося приятеля. Чуть прикрыла глаза и словно задумалась о чем-то. Grimаса страдания исчезла с лица Тома. Мутные, словно чужие глаза стали вновь осмысленными, хотя и растерянными, но живыми глазами живого человека.

Десантники уже подбегали к ним. Один из солдат на ходу, пинком, вышиб из рук зашевелившегося бандита бластер, который тот уже завел себе под подбородок — должно

быть, хотел свести счеты с жизнью: типовая реакция на нейроиндукционное поражение. Пятерку набежавшее воинство окружило довольно почтительным кольцом.

Вдалеке, теперь уже вдалеке, одетая в седую зелень, уже почти слившаяся с тенью леса фигурка подняла руку в прощальном жесте. Кайл ответил учителю тем же жестом.

* * *

Солдаты смотрели вслед Квинту и его товарищам, спокойно уходящим в лес, с удивлением, сквозь которое проскальзывало немалое уважение — удар, который они обрушили на поле боя, словно и не задел этих странных людей. Никто не пустился в погоню за ними — наверно, не было приказа.

Последним к освобожденным Пятерым подошел светловолосый человек в штатском — полковник Стырный. С некоторой неуверенностью он протянул руку Кайлу. И тут же сурово нахмурился:

— Почему вы начали покидать дом? Я же предупредил вас.

«Господи! Вот чей это был голос», — сообразил окончательно пришедший в себя Том.

— Ей-богу, вы могли бы выражаться яснее, — с досадой заметил Кайл, отвечая на рукопожатие старого знакомого.

— Боялись радиоперехвата. — Полковник кивнул на «лендровер» Луиджи. — У этих друзей техника не хуже нашей.

— А вы говорили еще, что вышли из игры, господин Стырный, — поднимаясь на ноги, вздохнул Том.

— Святая истина. — Полковник демонстративно осенил себя крестным знаменiem. — Нас привлекли к операции по линии Спецакадемии. Так что я здесь — тот самый мавр, который сделал свое дело и уходит. А вами займется генерал Майерфельд. Только не считите его превосходительство за тупого солдафона. Ганс Иоахим Майерфельд — действительный член двух академий. Крупнейший специалист по здешней аномальщине. Да вот они и пожаловали — его превосходительство.

Пятеро обернулись, следуя за взглядом Стырного: из-за верхушек сосен в небо выскочил «скаймастер» — маленький и стремительный — и завис над поляной, метрах в двухстах от дома. Потом сел в облако взметенной двигателями пыли и сухой травы и спустил на грешную землю изящную аппарель трапа. По трапу, сопровождаемый адъютантом, рослым и почтительным, на землю эту сошел и генерал, сухой и чуть отрешенный. Десантники расступились, рассыпались цепью, образовав что-то вроде живого коридора, по которому его превосходительство проследовал к главному объекту успешно проведенной операции. В последний момент Пятеро, подчинившись порыву чего-то, напоминающего благодарность, двинулись ему навстречу.

— Рад видеть вас живыми и... э-э... — генерал присмотрелся к Тому, — невредимыми.

Он по очереди одарил трех мужчин рукопожатием, начав с Кайла. Марика и Цинь удостоились даже старомодного поцелуя руки. Каждого назвал по имени и был снова, теперь уже не за глаза представлен и поименован в чинах и званиях полковником Стырным.

— Пройдемте же в дом, надеюсь, он не очень пострадал от нашего, гм, обстрела? Нам есть о чем поговорить, господа. — Генерал подхватил Кайла под локоть и энергичным шагом направился к дверям, не обращая больше внимания на солдат, лихо забрасывающих

связанных и все еще совершенно одуревших бандитов в вертолеты. — Господин Стырный, думаю, может заняться... э-э... завершением своей миссии. — Полковник откланялся и свернул в сторону. — А мы с вами выпьем по чашке чая. Сержант Тротт, позаботьтесь... э-э...

Рослый адъютант рысцой направился к самолету за чаем, надо полагать. Пятеро и генерал вошли в дом и молча заняли места вокруг стола.

— Должен извиниться перед вами, господа, за то, что эти мерзавцы доставили вам несколько неприятных часов. Все время — больше десяти лет — мы не спускали с вас глаз, и теперь на самом, если так можно сказать, финише допустили такой прокол.

— А я-то воображала, что никто не относится к нам серьезно, — с искренним удивлением заметила Цинь. — А оказывается, вы с нас глаз не спускали.

— Не только с вас, — чуть поклонился, принимая сей сомнительный комплимент, генерал. — Мы работаем, тщательно работаем со всеми, кто может или пытается вмешиваться в функционирование этого суперкомпьютера Предтеч. Люди Джея и все эти секты, верящие в магию Древних Империй, для нас — бесценный источник информации. Иногда таким доморощенным магам удается нечто такое, на что мы не решаемся в наших лабораторных бункерах и на полигонах.

— В таком случае, за нашей... игрой вы должны были следить с самого ее начала, — уверенно констатировал Кайл. — И однако, ничем не намекнули на то, что находитесь в курсе всех этих тайн.

— Да, вы абсолютно правы. — Генерал несколько рассеянно окинул взглядом адъютанта, бесшумно возникшего в комнате и разместившего на столе один пластиковый подносик с бисквитами, другой — с кубиками сахара.

Сержант, словно фокусник, сотворил из ничего одноразовые чашки, наполнил их чаем из термоса и снабдил ложечками для помешивания. Устроив это мини-чудо посреди еще не остывшего поля боя, он словно растаял в сумеречном воздухе, лишь взглядом испросив на то дозволения начальства.

— Благодарю вас, сержант Тротт, — сказала начальство образовавшейся на его месте пустоте. — Вы не ошибаетесь, — продолжал генерал, уже снова обращаясь к Пятерым, — в том отношении, что у Спецакадемии свой интерес на Джее и свои счета с ним. И вы в этой раскладке не последняя карта. Вы не ошибаетесь и насчет того, что глаз мы с вас не спускали. Все эти десять с хвостиком лет вы, господин Васецки, являетесь моим, так сказать, клиентом. Ни местонахождение самого пульта, ни ваши проблемы никогда не составляли для нас секрета. Надеюсь, однако, что не докучал вам своим вниманием эти десять лет.

— Да, навязчивым ваше присутствие в этом деле не назовешь, — согласился Кайл. — Но, может быть, нам не помешало бы, если у академии нашлось бы немного... м-м-м... доброй воли, чтобы поделиться с кем-нибудь из нас своими знаниями о том, что с нами происходит.

— Поверьте... — генерал услужливо пододвинул собеседнику его чашку, — поверьте, мне самому порой хотелось прийти вам на помощь. И часто мы были близки к тому, чтобы вмешаться в... э-э-э... ход событий самым радикальным образом. Но постарайтесь понять: вся информация, касающаяся деятельности Предтеч на Джее, имеет такой высокий уровень секретности, что даже я не информирован о ряде аспектов этой проблемы. Кроме того, это совсем не факт, что наша... м-м-м... информация принесла бы вам пользу. И принесла бы

пользу делу вообще.

— Мы тронуты вашей заботой о чистоте эксперимента, — кисло улыбнулся Сухов. — Жаль только, что в нем нам досталась роль подопытных мышек.

— Напрасно вы так. — Генерал сокрушенно покрутил свою ложечку в чае и строго окинул взглядом Пятерых: — Вам стало бы легче, если бы вы узнали, что нам известны еще три прецедента, так или иначе напоминающих ваш случай. И все три закончились весьма трагически. Повлекли громадные жертвы, насколько мы можем судить об этом.

— Вы имеете в виду... — начал было Павел.

— Я имею в виду события времен Катаклизма, — сухо уточнил генерал. — Сохранились весьма интересные воспоминания участников тех событий. Во время попытки массированного освоения Внутренних Пространств произошло много странного. Такого, в чем нам до сих пор приходится разбираться, и чем дальше, тем больше. Спецакадемия обладает огромным фондом информации того периода. От официальной переписки до записей личных разговоров. Однако, проанализировав содержание этих и других документов, высокие власти пришли к выводу, что опасно, весьма опасно обнародовать эту информацию. Поймите, население планеты перевалило за пятьдесят миллионов. Республика Джей дает в казну Федерации почти столько же, сколько вся система Океании, планируется огромная волна эмиграции. И вот на фоне всего этого людям вдруг намекают на то, что они обитают вовсе не на пригодной для жизни планете, а в недрах какого-то гигантского тренажера, которым управляет не людьми созданный, давно выживший из ума суперкомпьютер. Своего рода реальный заместитель вымышленного дьявола. Но этого мало. Этот дьявол не прочь поиграть в поддавки. От него можно чего-то добиться для себя. Как вы думаете — найдутся ли желающие оседлать этого конька? Поиграть с дьяволом краплеными картами? Нащупать точки управления этой жуткой машиной? Как вам нравится такая перспектива? Вы лучше чем кто-либо знаете, как такая игра выглядит в реальности.

— Я не пожелал бы никому подобных... неприятностей, — вздохнул Кайл, глядя в глаза генерала.

— Да, конечно, это большая неприятность — когда целый Мир идет против тебя, — согласился тот. — И, честно говоря, я не дам и ломаного гроша за жизнь тех, кому такая неприятность выпала. Если, конечно, они в одиночку собираются с этой... гм... неприятностью справляться. Но ведь это — не та глупость, которую человек, который попался на крючок Джею, станет делать, не так ли? — Он еще раз помешал ложечкой чай, с сомнением поглядел на бисквиты и продолжил со все тем же откровенно лицемерным благодушием: — Ведь, в конце концов, на то мы и люди, что знаем: за каждым из нас стоит не одна только его собственная сила. За каждым из нас стоит все человечество. Это, конечно, высокопарно звучит, но не побоюсь повторить: за каждым из нас стоят все Тридцать Три населенных Мира. И Трасса, и базы в уйме необитаемых Миров, и все, кому выпало жить в Далеком Космосе. Все человечество. А на таких условиях можно поспорить и с Джеем, и с чертом и с дьяволом. Не надо только становиться в ложную позу.

— Это вы о чем, генерал? — поинтересовался Сухов, не проявляя, впрочем, особого интереса к собеседнику и заглядывая в дуло разобранного «винчестера».

— Я о том, господа, что вам не стоит... э-э... переоценивать свою роль в этой игре. Вам в одиночку не понять логику Джея, какими бы способностями он вас ни наделил. Грубо говоря, вы не в состоянии понять, чего он от вас потребует. Тем более не сможете в одиночку действовать вопреки воле Предтеч. Вы должны понимать, что нравимся мы вам

или нет, но другого пути, кроме того, что предлагаю вам я, у вас просто нет.

— А что вы, собственно, предлагаете? — неприязненно спросил Кайл. — Пока что вы не назвали вещи своими именами.

— Я думаю, что вы уже успешно догадались о сути моего предложения. — Генерал решительно отодвинул чашку с остывшим чаем и, выразительно откинув голову, впился в собеседника прямо-таки орлиным взглядом. — Вы становитесь нашими партнерами в работе по исследовательской программе «Гамбит». Мы — Спецакадемия — и, гм, некоторые другие наши партнеры вывозим вас с Джея на достаточно удаленный полигон. В другой системе. И там внимательнейшим образом исследуем все те возможности, которые открываются перед нами благодаря тем способностям, которые вы обрели, проходя Испытание. Параллельно отдельная группа — на этот раз специально подготовленных на основе вашего опыта добровольцев — здесь, на Джее, займется исследованием самого... э-э... пульта. Я имею в виду этот ваш Ларец.

Кайлу показалось, что он ослышался.

— Вам не будет причинено ни малейшего вреда, — продолжал генерал. — Даже кровь на анализ брать будут только с вашего разрешения. Я уже сказал: мы вам предлагаем *партнерство*.

— А то, что объектом вашей — страшно интересной — программы, — прервал его Сухов, на секунду опередив уже начавшего открывать рот Кайла, — снова станет население Джея, ни сном ни духом не причастное к интересам оборонного комплекса, вы в расчет не берете? И то, что снова из-под земли ползут драконы, призраки начнут охоту на людей и по планете пойдет гулять новая зараза, тоже не в счет?

— Вам следует понять, что работа с пультом будет проводиться строго научно, с привлечением всего имеющегося у нас опыта, — стараясь говорить как терпеливый воспитатель детского сада, разъяснил ему генерал.

— Мы уже видели, как вы на строго научной основе, наблюдали за нами, грешными. — Кайл выпрямился на стуле и окинул высокопоставленного собеседника теперь уже явно враждебным взглядом. — Нет у нас оснований верить, что после того, как эта штука окажется в ваших руках, Джей не сотрясется от новых бед. И уж простите, тем более нет никаких оснований верить в то, что, когда в ваших руках окажемся мы сами, к нам будут относиться иначе, чем к лабораторным мышкам. Так что, если уж вы позволите нам выбирать...

— Нет. — Член двух академий резко поднялся со своего места. — Выбирать мы вам не позволим.

* * *

До генеральского самолета их сопровождали только трое: два десантника и молниеносно материализовавшийся из ничего сержант Тротт. Конвой не конвой, но уже и не свобода. У трапа сержант протянул руку к янтарному Ларцу, довольно решительно предлагая мисс Циньмэй избавиться от неудобного багажа. Та только обожгла его ненавидящим взглядом и переложила «Джейтест» в другую руку. На трапе они задержались.

— Вы уверены, что не стоит попробовать... — Цинь задумчивым взглядом окинула нахохлившиеся туши вертолетов, посверкивающую броню штурмовых роботов, утонувшие в

тени касок, поблескивающие от выступившего пота лица солдат.

— Я не буду драться с людьми, — покачал головой Сухов. — Со своими. Они вроде выручили нас. А сейчас уйти без побоища не удастся.

— Пропади оно все пропадом! — глухо сказала Марика.

Кайл и Том молча нырнули в прохладные недра салона. Шестым вошел сержант Тротт. Оба десантника остались снаружи, на залитом зноем плато. Пилот, отделенный от салона только массивной спинкой кресла, высунулся из своего гнезда и вопросительно взглянул на сержанта.

— Ждем генерала, — пожал плечами тот.

Ждать пришлось недолго. Через пять-шесть минут, не больше, генерал энергично взбежал по трапу, молча занял свое особое кресло в хвосте рядом со своим адъютантом и молча кивнул вновь заглянувшему в салон пилоту. На высоких тонах завывли сервомоторы, втягивая трап и закрывая гермозаглушки двери, коротко простонали берущие разгон турбинки и выжженное плато за иллюминаторами стало проваливаться вниз, разворачиваясь и уходя в сторону.

Никто не проронил ни слова. У каждого в тесноватом салоне набирающего скорость «скаймастера» были причины для этого. И каждый напряженно думал о том, что начинать разговор рано или поздно придется. А пока все отрешенно, как зачарованные, смотрели в иллюминаторы на землю Джея, которая все стремительнее уносилась назад, назад, назад. Странную дремоту навевало это нереальное, призрачное ускользание Мира в небытие.

А потом их накрыла тень.

* * *

Том подумал, что самолет сопровождения неумело занимает именно там, над ними, положенное ему по каким-то причинам место. Но уже через секунду, когда на «скаймастер» обрушился воздушный поток от нависшего истребителя и салон завибрировал, словно его протащило по стиральной доске, Роббинсу, да и всем остальным в этой железной коробке, стало ясно, что дело принимает вовсе неожиданный оборот.

— Нас прижимают! — дурным голосом заорал пилот в микрофон внутренней связи. — Два истребителя. Радио не... О ч-черт! Мы под радиоэкраном! Нас, говорю, прижимают!! Нас сажают на степь!!!

Самолет затрясло так, что пилот, судя по издаваемым им звукам, прикусил себе язык. Сержант Тротт сделал самое нелепое в сложившейся ситуации: вытащил из кобуры табельный бластер и снял его с предохранителя.

— Он что, от истребителей отстреливаться собирается таким макарон? — спросил Тома Сухов.

Обернувшись, тот увидел, что генерал силится докричаться до пилота в свою трубку, но, видно, второпях нажимает не на ту кнопку на пульте связи. С четвертого раза он все-таки преуспел в этом занятии. Но к тому моменту резервную, как раз у его кресла укрепленную трубку включил адъютант.

— Сажай самолет немедленно, — уверенно распорядился он. — Внизу увидишь полосу. Там — транспортники. Два борта. Сажай как можно ближе к ним.

— Вы... Да что вы?! Что вы городите, сержант?!!! — заорал генерал. — Пилот,

выполняйте мой приказ! Никаких посадок!!! Приготовиться к...

И тут пистолет, нелепо торчащий в руке Тротта, тихо пукнул. Генерала отбросило на спинку сиденья. Вывалившаяся из его руки трубка моталась по ходуном ходящему полу. Сержант, продолжая держать оружие наготове, отстегнул ремень безопасности и направился к кабине пилота. Дело это было нелегкое, и к тому моменту, когда он преодолел необходимое количество метров по выплясывающему дикий танец проходу, пилот сам, словно кукушка из древних ходиков, появился в салоне как раз вовремя: ствол пистолета уперся ему в скулу.

— На место! — заорал сержант. — Сажай машину!! Делай все, как я говорю!!!
Пятеро переглянулись.

* * *

Там — внизу, поодаль от безымянной степной речки, — и впрямь тянулась заброшенная когда-то геологами сооруженная посадочная полоса. Генеральский самолетик завис над ней и коснулся земли метрах в трехстах от двух тупорылых громадин — типовых средних военно-транспортных лайнеров. Без опознавательных знаков. Из транспортников быстро, словно горох из мешков, высыпались на землю и деловито занимали круговую оборону здоровенные молодцы в экипировке спецназа. Без гербов Республики на шевронах. Еще с десяток людей в пятнистом камуфляже торопливо выводили из чрева транспортника легкую «Мурену-80» — самую маневренную модель, принятую в разведавиации ВВС Республики Джей. От них к самолету, торопливо вздымая пыль, устремился «линкольн» возмутительно надменного вида. Оба нападавших истребителя, сделав свое дело, ушли за горизонт, оставив после себя лишь громовые раскаты двигателей, перекатывавшиеся над степью.

— Выходите побыстрее, господа, — распорядился сержант Тротт. — И не надо фокусов. Вам ничего не угрожает. Просто работать будете на другого хозяина. Того, который лучше платит. А ты, — он ткнул пилота стволом, — руки за голову — и стой как стоишь.

Он отцепил от пояса и надел на запястье пилота браслет наручника. Второй зацепил за стальной поручень аварийного трапа.

Цинь, и не думая проявлять признаки послушания, подошла к вытянувшемуся в кресле генералу и наклонилась над ним.

— Не тратьте время на старого дурня, — раздраженно окликнул ее Тротт. — Я вкатил ему парализирующий заряд. К вечеру оклемается, если кондрашка не хватит от огорчения.

Пыльная степь встретила их запахами своих странных трав, гулким клекотом гром-птиц в далекой вышине и торопливым топотом двух дюжин вооруженных людей, бегущих к только что ткнувшемуся в серую землю трапу.

— Кажется, я знаю, кто тот хозяин, который заплатил за нас с вами побольше, — задумчиво сказал Кайл, присматриваясь к человеку, энергично выбирающемуся из «линкольна».

Человеком этим был его старый знакомый. Еще один. Магнус Бокк собственной персоной, как всегда чуть старомодный и немисливо академичный среди толпы вооруженных мордоворотов, спешил навстречу профессору Васецки с приветливо протянутой рукой. Кайл не протянул в ответ свою.

— Я же говорил, что нам с вами не обойтись друг без друга. — Бокк словно и не

заметил того, что рука его повисла в воздухе, и превратил несостоявшееся рукопожатие в элегантный жест, придавая своим словам дополнительную убедительность. — Уберите вашу пушку, сержант. У нас разговор сугубо мирный, доверительный. Однако разговором мы займемся уже в пути. Поторопимся, господа. А вы, сержант, займитесь этим. — Он кивнул на генеральский самолет.

Бокк нагнулся куда-то в глубь кара и с трудом извлек оттуда объемистую дорожную сумку. Передал ее Тротту. Сержант торопливо устремился с этим грузом к трапу «скаймастера».

«Куда и что повезет он на краденой технике?» — недоуменно спросил сам себя Том, провожая его взглядом.

Пятеро один за другим молча нырнули в недра «линкольна». Он стремительно тронулся, подруливая к уже расправившей складные крылья «мурене».

— Вот уж не знал, что «Дженерал Трендс» имеет на Джее свои ВВС, — угрюмо заметил Кайл. — Да еще и не боится нападать на регулярные войска Республики.

— Отношения с Республикой у Комплекса, как вы нас называете, и без того не самые радужные, — пожал плечами Бокк. — А приз мы взяли неплохой. Да и вы не в проигрыше: лучшей защиты от богов Джея, чем та, которую может дать «Дженерал Трендс», нет и быть не может. А уж за то, что вас никто из господ исследователей и пальцем не тронет без вашего согласия, я уже не говорю. Никто не рискнет зарезать курицу, которая несет бриллиантовые яйца.

— Мы уже только что слышали эту песенку, — заметила Марика.

Машина остановилась. Угодливый десантник отворил перед гостями-пленниками дверцу. Все кругом то и дело посматривали в небо. Видно, расчетный запас безопасного времени, отмеренный для проведения операции, катастрофически подходил к концу. Том оглянулся на «скаймастер». Сержант Тротт и не думал, оказывается, отправляться в путь — он бегом возвращался от угнанного аэроплана к уже начавшим разогревать движки транспортникам. Боевики столь же сноровисто, как они высаживались всего какую-то пару минут назад, загружались в них обратно.

Снова трап, снова тесная кабина, снова ноющий звук разгоняющихся турбин. Снова ускользающая вниз и вкось равнина. А на равнине этой...

Том чуть не выдавил стекло иллюминатора, уставившись на то, что происходило там, внизу. И остальные Четверо тоже припали к своим иллюминаторам. Там, внизу, пылал костер. Пламя торопилось сожрать разлетевшиеся на добрую сотню метров обломки «скаймастера». Генеральский самолет взлетел на воздух и вспыхнул дьявольским фейерверком за те секунды, пока набирали мощность движки «мурены». А в опасной близости от этого погребального костра, поднимая тучи пыли, брали свой короткий на «воздушных подушках» разбег оба транспортника. Пиратский рейд успешно завершился. Пора было убираться восвояси.

* * *

Первым от иллюминатора оторвался Сухов. Его лицо побелело. Он повернулся и встретился взглядом с расширенными зрачками Марики.

— Не понимаю... зачем? — Она повернулась к молча застывшему в своем кресле Бокку.

Лицо вице-президента филиала «Дженерал Трендс» не выражало особого удовольствия от происшедшего. Оно кривилось в еле заметной нервной гримасе, — должно быть, исполнительный сержант Тротт поставил таймер, приведший содержимое той тяжелой сумки в действие на слишком раннее время.

— Не понимаю, — снова, чуть запинаясь, спросила Марика. — Там же оставались двое. Живых.

— Вас волнует судьба этих двоих? — вопросом на вопрос ответил Бокк. — А судьба всех тех, кого вы угробили, из любопытства затеяв игры с богами Джея, вас не волнует? Игра только началась — давно пора понять. И ставки в ней высокие. Я-то думал, что вы уже не боитесь вида крови.

— Как это ты сказал? — Цинь повернулась к Сухову. — Ты не собираешься воевать с людьми? Со своими? А эти? — Она указала туда, где рядом с господином Бокком, словно изваяния, восседали пятеро вооруженных конвоиров. — Эти — они *тоже наши*?

— Шестеро, — сказал Том, мысленно уже решивший все. — С пилотом — семеро. Лицо господина Бокка выразило беспокойство.

— Не стоит делать глупости, господа, — начал он. Но продолжить не успел. В кабину вошел Демон.

У пилота лицо было даже не белым. Иссиня-зеленым, скорее. Но в грунт «мурена» не врезалась. А если и отклонилась от курса, то незначительно.

— Его тоже убить? — спросил Демон.

— Нет, — сказал Сухов. — Этот не виноват. Пусть просто доставит нас. Куда нам теперь, Кайл?

Васецки, казалось, не слышал его. Он молчал, вцепившись в спинку кресла пилота и уставившись на летящую под крылья «мурень», сливающуюся в неразличимые полосы панораму плоскогорья.

— Вы... Этот ваш... — Пилот сглотнул слюну. — Вы разгерметизировали салон, когда... Когда дрались. Надо снижаться. Иначе... — Он кивнул на дисплей. — Давление падает.

— Снижайся, — согласился Кайл и прикрыл глаза. — Сразу, как только пройдем массив. Погоди, — повернулся он к Сухову. — Мне надо вписаться. Почувствовать Лабиринт. Это... Так не получится — на скорости. До каньона мы дотянем? — обратился он к пилоту. — До северной части? Дальше можно будет просто идти.

— На малой высоте — дотянем, — несколько отрешенно ответил тот. — Но придется сбросить скорость. И тогда самолеты сопровождения... Г-грузовики нас нагонят. Они все поймут, как только мы изменим курс.

— Об этом не думай, — приказал Сухов. — Снижайся и гони к каньону.

— Дай руку, — сказала Цинь Тому. — Тебя все-таки зацепило.

Том многое бы дал за то, чтобы иметь возможность сказать что-либо бойскаутское, вроде: «Не стоит беспокоиться о таком пустяке», но пуля из АК-800 пустяками не занимается. Поэтому он безропотно позволил Цинь распороть свой рукав и начать не очень безболезненную процедуру исцеления.

Пилот явно хотел выжить — даже в сложившемся кошмарном раскладе, когда в салоне пилотируемого аппарата появляются черти и убивают руководителя операции и его охрану. Поэтому «мурена» шла чуть ли не сбывая верхушки степных трав, вжимаясь даже в мелкие овраги и русла пересохших речушек. Автозапрос воздушной обстановки пилот вырубил к

чертовой матери: в режиме радиомолчания юркая, низко идущая «мурена» могла еще довольно долго оставаться невидимкой. Прием, похоже, сработал. Обещанная погоня явно запаздывала.

Каньон вынырнул из-за близкого горизонта неожиданно. Для того чтобы не потерять его, пришлось даже заложить довольно крутой вираж. На пару секунд они зависли в неустойчивом режиме вертикальной посадки над самым краем семисотметровой пропасти и только потом грохнулись брюхом на относительно ровную, поросшую редким кустарником каменную россыпь.

— В-возьмите НЗ, — вдруг сказал пилот. — С-сухой паек. Там — под сиденьями. Д-долго придется д-драпать.

Том, не говоря ни слова, отжал рычаг аварийного люка и стал вышвыривать на щебенку пакеты с провиантом, которые Марика лихорадочно вытаскивала из контейнеров, вмонтированных под креслами экипажа.

— Как только мы отойдем на сотню метров, — приказал Кайл пилоту, — поднимай свою колымагу в воздух и гони в каком угодно направлении, только подальше отсюда.

— К ч-черту! — замотал головой тот. — Через п-пару минут здесь будут хозяева. Или ВВС. Или и те и другие. И первое, что они сделают, это расстреляют машину. Надс убираться.

— Ну, может, парень и прав, — согласился Сухов, выволакивая летчика за ворот. — Давайте, ребята, ходу отсюда, ходу. Мы — туда, а ты — в-о-о-н в том направлении, парень. И лучше тебе не оборачиваться.

Но у них уже не было времени далеко уходить от слегка покореженной при посадке «мурены» — ни на сто метров, ни даже на пятьдесят. Гул моторов уже повис над степью и над крутыми каменными стенами каньона. Пятеро запрокинули головы, выискивая в небе прилетевшие по их души валькирии на реактивной тяге. Пилот не стал останавливаться, вжав голову в плечи и не оборачиваясь, он продолжил бежать туда, куда показал ему Павел. А сам Сухов с трудом оторвал взгляд от полуденного, знойного неба и повернулся к тому, кто почти незримо стоял у него за спиной.

— Ну, — сказал он *тому*, — снова твой выход. Наверное, последний. Коронный. Справишься?

Демон не ответил ни слова. Он уже выполнял приказ. Из призрачного подобия человеческой фигуры становился чем-то иным. Столбом незримой, почти пыльной тьмы, закрученной невидимым смерчем. Смертью, воплощающейся в стремительно растущую в небо колонку раскаленного, пропитанного тьмой воздуха. Ветром.

— Пошли! — скомандовал Павел. — Туда — вниз. В укрытие какое-нибудь. Сейчас здесь будет жарко.

Никакого настоящего укрытия достичь они не успели, только спустились по откосу десятка на два метров в ущелье. Погоня шла на небольшой — километр, не больше — высоте, так что первый из транспортников выскочил в пространство над их головами неожиданно, как черт из коробки. И Ветер Смерти встретил его первым. Все решилось в считанные мгновения. Должно быть, Демон умел и это: заставлял детонировать боеприпас противника.

Пятерых, не успевших далеко спуститься по пологому каменному склону, взрывная волна бросила лицами в мелкий щебень. Они еще не поднялись на ноги, когда рванул, прямо над гулкой пропастью каньона, второй транспортник.

И наступила тишина.

Треск, шипение, взрывы, которые сопровождали падающие с неба, осыпавшиеся по склонам в пропасть пылающие обломки двух залпов фейерверка смерти, — не в счет. Тишина все равно царила в этом заколдованном Море на границе пропитанной зноем степи и окутанных мраком ущелий каньона. И в тишину эту постепенно возвращались вечные звуки степи и ущелий: клекот гром-птиц в вышине и неровное всхлипывание речки далеко на дне ущелий.

Молча, отряхивая с себя каменную крошку, они спустились еще на десяток-другой метров и тут, не сговариваясь, остановились вокруг нависшего над склоном валуна.

Нигде не было и следа ушедшего своей тропинкой пилота. Может, его малой пылинкой смахнуло в пропасть, а может, все продолжал он свой бег куда-то к доставшейся ему не очень веселой судьбе.

— Как рука? — глухим, снова обретшим мальчишескую хрипотцу голосом спросила Цинь у Тома.

Тот взглядом показал, что все в порядке. Действительно, магия Джея свела почти на нет работу пули автоматического карабина.

Способности, дарованные им Джеем, были еще у них.

И с ними был Демон.

Он вернулся — стал собираться, концентрироваться из мглы, которая теперь — даже в самый ясный полдень — навсегда была с ними. Стал почти различим в своем вновь обретаемом человеческом обличье. Занял место в их круге напротив Павла.

— Ты свободен, — сказал Демону Сухов. — Совсем свободен. Теперь исчезни навсегда.

Кажется, Демон усмехнулся. Как может усмехаться мглистая тьма.

— Это не тот приказ, который я могу исполнить, хозяин, — ответил он. — Я — твоя Судьба. Судьба Воина.

— Я не буду Воином! — Павел резкими движениями освободился от тускло блестящей цепочки талисмана, протянул ее перед собой, словно предлагая исчадию Джея забрать этот Знак.

Но Демон не пошевелился, и цепочка, змейкой скользнув между пальцами Сухова, упала на выщербленную поверхность камня.

— Я не Воин Империи, и ты свободен от меня, — повторил Павел.

— Воин ты или нет... И выполняешь ты свою волю или чужую... Ты не можешь знать этого. И я не могу, хозяин. Помни, что я — это ты, а ты — это я. Навсегда, — бесцветным голосом ответила его Судьба, воплощенная в призрачный мрак.

Некоторое время они молчали. Зной струился над скалами каньона. И мгла кралась по его дну.

— Тогда просто исчезни, — устало вздохнул Павел. — Уйди. До тех пор, пока я не позову тебя.

И Демон выполнил приказ. Перестал быть с ними. Как всегда, призрачно и незримо. Словно и не было его никогда в круге у камня.

Марика тряхнула головой, отводя наваждение. Потом сняла и положила на камень рядом с талисманом Павла свой Знак. И Кайл бросил рядом свой. Том — свой. Последней сняла тусклую цепочку Цинь. Поднесла к лицу, словно пытаясь вдохнуть что-то, заключенное в древнем Знаке. Потом резким движением положила, почти бросила его в кучку, и, шагнув в сторону, отвернулась.

Как ни странно, они больше не торопились. Никуда. Словно не их искали по всей планете разведслужбы Республики, Федерации и пара неплохо оснащенных криминальных контор.

Они подобрали пакеты сухого пайка, фляги с питьевой водой из резервного бачка «мурены» и тут же у камня на краю обрыва устроили что-то вроде военного совета. Точнее, просто беспорядочный обмен мыслями, прерываемый глотками из фляг и торопливым прожевыванием кусков НЗ, напоминающих собачий корм.

— Все, — по-прежнему не глядя ни на кого, сказала Цинь. — Нам никуда не деться. Все наши разговоры тогда, ночью, — сплошная глупость. У нас ничего не остается, кроме той дорожки, по которой нас хочет увести декан.

— Я не могу отделаться от чувства, что совершаю предательство. — Том нервными, ставшими вдруг непослушными пальцами вытащил из нагрудного кармана жесткий прямоугольник жетона-идентификатора.

Два герба — Федерального директората и Управления расследований — укоризненно мерцали на его пластике. Том медленно, словно первый раз в жизни увидев этот предмет, поворачивал жетон перед глазами.

— Но... — Лицо его нервно дернулось. — Но, похоже, из этой игры нельзя выйти, не предав хоть кого-нибудь.

— Наверное, хотя бы самих себя нам не надо предавать, — тихо сказала Марика.

— Мне кажется, — Том не отводил глаз от своего идентификатора, — мне кажется, что это была бы очень плохая услуга людям — свести их с Джемом через этот коробок. Если бы... Если бы я знал кого-то, кто был бы достаточно мудр и осторожен для того, чтобы не стать самому игрушкой давно сгинувших Предтеч и все человечество не превратить в такую игрушку... Но кругом — только секретные службы да тайные академии. Комплексы и генералы.

— Те, кого называют «люди Джея», хотели обрести именно ту мудрость и ту осторожность, о которых ты говоришь, — вздохнул Кайл. — И даже, быть может, обрели ее. Только вот кажется, что за это приходится платить. Тем, что перестаешь быть человеком.

— Куда ни кинь — всюду клин, — подвел итог Сухов. — Оттуда — Древние Империи со своими нелюдскими проблемами. Отсюда — родные Комплекс со Спецакадемией, тоже еще та компания. Они свято убеждены в своей правоте. Им даже в голову не приходит, что и армиям, и промышленным комплексам так же опасно играть с Джемом в его игры, как и простым смертным. Даже еще опаснее. Одно дело, если Джей превратил в Боевую Пятерку горстку людей, случайно напоровшихся на Ларец, а другое, совсем другое, когда он затянет в игру целую систему — такую, как армия, Спецакадемия, Комплекс. Он все человечество сможет проглотить, превратить в новое воинство Сгинувших Империй. На замену им. Нет у нас другой тропинки, кроме той, которую предложил Кайл.

Том молча бросил свой жетон поверх пяти Знаков. Словно покрыл карты козырем.

— Одного я не пойму, — сказал он больше самому себе, чем другим. — Почему Джей не уничтожил нас, когда мы... решили отречься. И никого не лишил Дара. Может быть, мы продолжаем делать то... То, что он от нас хочет?

Никто не ответил ему.

Пять талисманов и черный жетон лежали сверкающей кучкой на шершавом камне, грозящемся на краю склона срывающегося в пропасть каньона.

— Ну и куда мы пойдём отсюда? — спросила Цинь. — Пора вам поделиться с нами тем, последним, секретом людей Джея, декан.

— Мы почти на месте, — сухо сказал Кайл. — Но... Мы уйдём очень далеко. И обратного пути не будет, наверное, никогда. Это почти как с теми... Кому пришлось пройти через Порталы.

— Так ты знаешь путь к Порталу? — спросила Марика.

Чуть испуганно.

— Какой, к черту, Портал? — зло спросил Сухов не столько у Кайла, сколько у себя самого. — Какой Портал может быть *здесь*?

Он окинул взглядом потемневших, усталых глаз безрадостный пейзаж, простиравшийся вокруг. Печальный и грозный. Высокое небо истаивало над ними, уходя, стекало в бездонный колодец Космоса, злое эхо перекликалось само с собой в далеких распадах.

Кайл точно таким же взглядом скользил по той же предвещающей надвигающуюся беду панораме. Но видел вокруг себя он что-то свое. Уверенно, словно все уже было решено, внезапно он повернулся и молча стал спускаться по склону, будто выбирая среди нагромождения причудливо сколотых камней какую-то ему одному заметную тропинку. Остановился на мгновение, чтобы кивком головы позвать за собой остальных. И Четверо пошли за ним.

Том поймал себя на том, что невольно стремится ступить след в след за победителем Дракона, словно не по россыпям щебенки и не по робким проплешинам черно-зеленого мха приходилось шагать им, а по кочкам зыбкой, призрачной трясины невидимых топей. Он оглянулся: точно так же, как и он, след в след, ступали за ним Сухов и Марика. И только Цинь, медленно, словно нехотя пошедшая наконец за Кайлом, продолжала держаться отрешенно-независимо, словно совсем одна шла по становящемуся все круче и круче склону. Но в то же время она с удивительной точностью повторяла каждый шаг идущих впереди нее.

* * *

Маршрут их был причудлив. Словно кто-то незримый замкнул эту коротенькую цепочку вымотанных Испытанием, почерневших людей в прозрачный лабиринт, по которому они двигались к невидимой цели, делая в пути нелепые для стороннего наблюдателя повороты, остановки, возвращения. Только Кайлу было дано видеть, точнее, ощущать невидимые стены, окружившие их. Но и он время от времени останавливался, застывал, поднимая к небу лицо, похожее в это мгновение на лицо ослепшего колдуна, и прислушивался к чему-то внутри себя. Пот мелким бисером покрывал тогда его лицо, мгновенно испаряясь в сухом полуденном зное. Он и в самом деле становился незрячим в эти моменты — жутковатым слепым из древних фильмов. Слепцом, белая трость которого вдруг, не встретив привычной преграды, повисала над бездной. Тому показалось даже, что еще немного, еще вот-вот — и он увидит ее, эту белую трость. После таких остановок приходилось отступать, невольно ломая сложившийся строй, нелепо и мучительно топтаться на месте, пропуская поводыря в хвост колонны, который теперь делался ее головой, и вновь двигаться за ним — часто в совершенно неожиданном направлении. А иногда Кайл неожиданно спокойно, как ни в чем

не бывало, шагал сквозь невидимую преграду, словно просто миновало время, которое он выжидал, чтобы преграда эта исчезла с его пути. Том испытывал при этом что-то вроде опасения из-за излишне смелого поступка товарища, да и Сухов в таких случаях с каким-то особым своим значением поводил тяжелой, коротко остриженной головой.

* * *

До цели они дошли неожиданно.

— Здесь, — глухо сказал Кайл.

Склон слева перешел в обрыв. В провал пропасти. Они стояли перед отвесной, синефиолетовой стеной. Скала справа уходила на десятки, пожалуй, на сотни метров вверх. И еще на добрую сотню тянулась вдаль над гулкой, мгlistой пропастью каньона. Незримая тропа вывела их на скальную полку, которая шла вдоль скалы и сходила на нет у ее дальнего обреза. Кайл молча, со все той же завораживающей осторожностью слепца, двинулся по ней, словно тропка эта вела куда-то еще, а не в сумеречную пустоту.

«Там всегда вечер, — подумал Том, не в силах оторвать взгляда от этого зыбкого сумрака пропасти. — Даже в такой вот тающий в зное полдень».

В наступившей тишине гулкие, но странно звонкие, лишенные ритма и мелодии, своей странной жизнью живущие звуки долетали до Пятерых оттуда из мгlistой бездны. Это текла по порогам дна каньона почти невидимая река. Странная, как и все здесь.

Кайл дошел до самого края скальной тропы, до того места, где она обрывалась, и вдруг исчез, словно скала поглотила его. Том, стараясь не заглядывать больше в пропасть под ногами, пошел следом. След в след. И только добравшись до того места, где только что стоял Кайл, понял, что не было никакого чуда. Не время еще было для чудес. Просто с этого — дальнего, обращенного в пропасть — торца скала, гладкая и монолитная на всем остальном своем протяжении, неожиданно расслаивалась, распадалась на вертикальные слои, страницами гигантской книги уходящие ввысь, в бездонное, безоблачное небо каньона.

Кайл исчез в просвете между двумя такими «страницами», и Том скорее ощутил, чем увидел его там, в тени, прохладной и оглушительно глубокой, после яростного света полудня, царившего снаружи.

И Четверо (Том — первым) начали все так же след в след входить, втягиваться в эту заколдованную, мерцающую тьму. Да, эта тьма мерцала, это стало заметно не сразу: только после того, как тонкий просвет неба над головами идущих по узкой щели между стенами скального лабиринта сомкнулся и стало ясно, что идут они уже не по жутковатой узкой расселине, а по пещере, уходящей в глубь каньона. Теперь вокруг них был уже зримый, воплощенный в камне, в тяжести надвигающихся стен, в стынушем, пропитанном дыханием ледяного холода воздухе лабиринт. И лабиринт этот наполнял странное мерцание. Том никак не мог понять, что было его источником. Не мог понять даже: то ли это воздух подземелья мерцает вокруг, то ли что-то в нем самом, внутри его сознания, ставшего вдруг зыбким, словно рябью подернувшегося, мерцает. И словно микроскопическими вспышками высвечивает, делает видимыми, различимыми то выбоины на поверхности тесно надвинувшейся стены, то камешки под ногами, то какую-нибудь странность, притаившуюся под низкими сводами. Том провел ладонью по глазам, тряхнул головой раз, другой. Магия не отпускала его.

Иногда они перекликались — негромко, но отчетливо, чтобы не потерять друг друга во все более круто заворачивающих переходах, в лазах, в которые время от времени приходилось нырять, а потом и в узких, изломанных в сечении колодцах, по которым приходилось спускаться, соскальзывать, срываться вниз. Все чаще и чаще. Дважды, не сговариваясь, они устраивали привалы, изредка перебрасываясь короткими, скупыми фразами. В общем-то ничего не значащими. Дожевали остатки своих сухих пайков, запивая последними глотками воды из фляг. И снова двигались дальше, и снова глухо перекликались между собой. И хотя никто не отставал и на каждый оклик следовал хотя и искаженный стенами, потолком, самым здешним воздухом, но все же узнаваемый отклик, Тома не оставляло беспокойство. И не оставляло оно никого из Пятерых до тех пор, пока странный их путь не закончился тупиком — тесной комнатой-колодцем. В ней они остановились, сгрудившись вокруг причудливой формы постамента, словно сталагмит со срубленной верхушкой, растущего из каменного пола.

Теперь Том уже хорошо понимал, что эта пещера и этот пройденный ими по заколдованному Лабиринту путь изменили их. Наделили способностью воспринимать окружающее каким-то иным, не требующим ни кванта видимого света, зрением. «Этот Лабиринт словно проецирует себя, свой образ нам прямо в сознание. Рисует себя в нашем мозгу. Или он все-таки существует — этот призрачный, трепетный свет, заполняющий заколдованное подземелье?» Он закрыл глаза и не смог понять, видит ли окружающее сквозь закрытые веки или это лишь снится, предстает его воображению в невероятно реальных, точных деталях. «Будь я проклят, если я это понимаю, — подумал Том. — И будь я проклят, если мы осилим обратный путь вверх по этим чертовым колодцам. Отсюда пути нет».

— Отсюда мы уйдем, — сухо сказал Кайл. — Это — Портал. Точнее, можете считать, что это — Портал. Осталось немного.

Цинь молча положила «Джейтест» к подножию странной колонны. Словно принеся жертву.

— Что нам осталось? — безразлично и устало спросила Марика.

Она, пожалуй, устала больше любого из них, но держалась в своей обычной манере (Кайлу эта манера была хорошо знакома с давних, теперь очень давних пор), словно хорошо воспитанная девочка на затянувшейся загородной вылазке-пикнике. Только вот ноги уже почти отказывались помогать ей удерживаться стоя.

— Осталось Изменение, — ответил Кайл. Ей и всем. — Еще одно Изменение Последнее.

Том поднял голову. Посмотрел вверх. Уходя из этого Мира, он вдруг отчаянно захотел невозможного, уже упущенного безвозвратно: он захотел хоть на призрачный, краткий миг в последний раз увидеть небо. И остальные Четверо тоже подняли лица туда, вверх. Но никакого неба над ними, конечно, не было. Не было вообще ничего. Стенки колодца, на дне которого они стояли, уходили отвесно во тьму.

Тьму подарил им на прощание Джей.

— Это не такой Портал, как те, которые нашли на Чуре. И на Прерии, — как-то особенно четко выговаривая слова, сказал Кайл. — И путь отсюда — не в те Миры. В другие.

— Да, — вдруг сказала Марика. — Отсюда... Очень странная дорога.

Она оперлась о стену и, прикрыв глаза, прислонилась щекой к холодному камню. Впервые ее Дар открыл перед ней такой странный Мир.

— Это... Это не переход, не туннель через подпространство, — продолжал объяснять Кайл. — Это скорее пересечение. *Перекресток*. Этот Мир... Вселенная... Она имеет не три измерения. И не четыре. Неопределенно много. Только наше сознание... Та его часть, которая работает *здесь*... Оно не способно — мозг так устроен, — не способно переварить информацию больше чем о трех. Если хотите, наша личность, наш мозг — это и есть отражение нашего «я», его частичка — в этой *нашей* тройке измерений. И тело, руководствуемое таким мозгом, не может из этой тройки вырваться. А Изменение переставит кое-какие соединения там, в том, чем мы мыслим и воспринимаем. Закроет для нас эту тройку и откроет другую. Это вообще-то можно сделать из любой точки нашего Мира. Но только можно провалиться в пустоту чужого, *того, не нашего* Космоса. Или в пекло его звезд. Или... А Перекрестки — они соединяют точки Миров, чем-то похожие, гомологичные. Такие места, переходы, пройдя которые можно сохранить жизнь и сознание. Не без помощи с *той стороны*. Они много знают об этих сопредельных Мирах. Но не о том, куда уйдем мы.

Том не спросил его почему. И никто не спросил. Пятерым было на этот раз достаточно странного. Кайл тоже не стал продолжать. Он молча положил руки на края сталагмита-постаменты, и остальные Четверо тоже шагнули к этому невысокому, гладко срезанному обрубку колонны, склонились над ним. Только теперь им стало заметно, что странная, зеркально гладкая, словно бритвой отсеченная, верхняя поверхность этого каменного пня — вовсе не отполированный неведомыми силами камень, а гладь прозрачной, мерцающей, как и все здесь, жидкости. Верхушка постаменты была дуплом, выбоиной, заполненной этой зыбкой сущностью. Чашей. А может быть, вовсе не жидкость — прозрачный холодный огонь наполнял ее.

— Это — тоже от Предтеч? — спросил Павел, осторожно протягивая руку к почти невидимой, странно манящей к себе поверхности магической влаги.

— Скорее от Странников, — задумчиво отозвался Кайл. — От таких, какими нам предстоит стать. Они издавна бродят здесь. Это — их Вода. Фактор Изменения.

Он набрал полные ладони призрачного огня, поднял их над чашей и взглядом дал понять остальным Четырем, что и им следует сделать это. Том и Сухов выполнили это бессловесное веление. Цинь потратила долю секунды на то, чтобы совершить короткий ритуальный жест, и тоже погрузила ладони в чашу. Подняла наполненную пригоршню к лицу. Марика помедлила немного, собираясь с духом. Она и не думала скрывать свой страх, перед тем как набрать в чашечку сложенных ладоней трепетную, почти невидимую Воду Странствий.

Невидимое пламя холодом обожгло их, волной скользнуло к сердцам, хлынуло в мозг. Оно почти мгновенно исчезало из плотно сомкнутых пригоршней — не вытекало, не просачивалось, не испарялось — впитывалось в кожу, в плоть, *входило* в Пятерых, становилось ими. Кайл набрал еще пригоршню заколдованной воды и плеснул себе на лицо. Потом нагнулся ко вновь наполненным ладоням и сделал несколько прерывистых,

судорожных глотков.

— Это... Это обязательно пить? — чуть дрогнувшим голосом спросила Марика.

«Не обязательно», — покачал головой Кайл. Но она, как и все, сделала несколько глотков странно легкой, оставляющей во рту чуть металлический вкус жидкости.

— Теперь — ждем, — чуть хрипловатым голосом, заботливо, словно детям, принявшим микстуру, сказал Кайл.

Один за другим они стали оседать вдоль стены, расслабленно опускаться на корточки. Это была не самая удобная поза, которую можно было принять в тесной келье-колодце: колени упирались в неровное, обросшее острыми кристаллами основание постамента Чаши Изменения, спиной приходилось упираться в столь же корявые и жалящие даже сквозь плотную одежду острые, как лезвия причудливых кинжалов, выступы стены. Но все это уже не имело к делу никакого отношения. И келья, и вся та малая толика пространства и времени, которые она заключала в себе, тихо, почти незаметноплыли перед глазами Тома.

Он скосил глаза на товарищей и чуть не потерял равновесие. Металлический привкус во рту, покалывание в кончиках пальцев, ощущение странности происходящего. Все кругом оставалось самым собой, и все не так было здесь. Как это он не заметил этого прохода, уводящего прочь из жутковатого колодца — там, за спиной Цинь? А ведь он был там, был с самого начала. Всегда.

Кайл присмотрелся к лицу Тома и еле заметно кивнул ему. Потом, точно так же, внимательно и еле заметно, — Павлу, Цинь, Марике. Поднялся и, как и в самом начале пути, молчаливым кивком головы велел следовать за собой.

Перед тем как последним шагнуть в проход, Том обернулся. Янтарный Ларец стоял там — в мерцающей тьме у подножия постамента Чаши Изменения. Цинь положила ему руку на плечо.

— Пусть остается здесь, — тихо сказала она. — Тут ему самое место. На Перекрестке.

* * *

Снова вниз, вниз — вдоль неровных, тронутых черным седым мхом стен. Далее — по ступеням, сначала крутым, потом пологим. Уже не во тьму — навстречу свету, ощущаемому где-то далеко впереди. Уже не странному, зыбкому мерцанию — настоящему свету, тусклому и еще ничего никому не обещающему. Ничего, кроме себя самого — света чужого Мира в конце пути.

«Неужели мы все-таки ушли от Джея? — подумал Том. — Или это он, Джей, послал свой десант — нас — в этот новый Мир?»

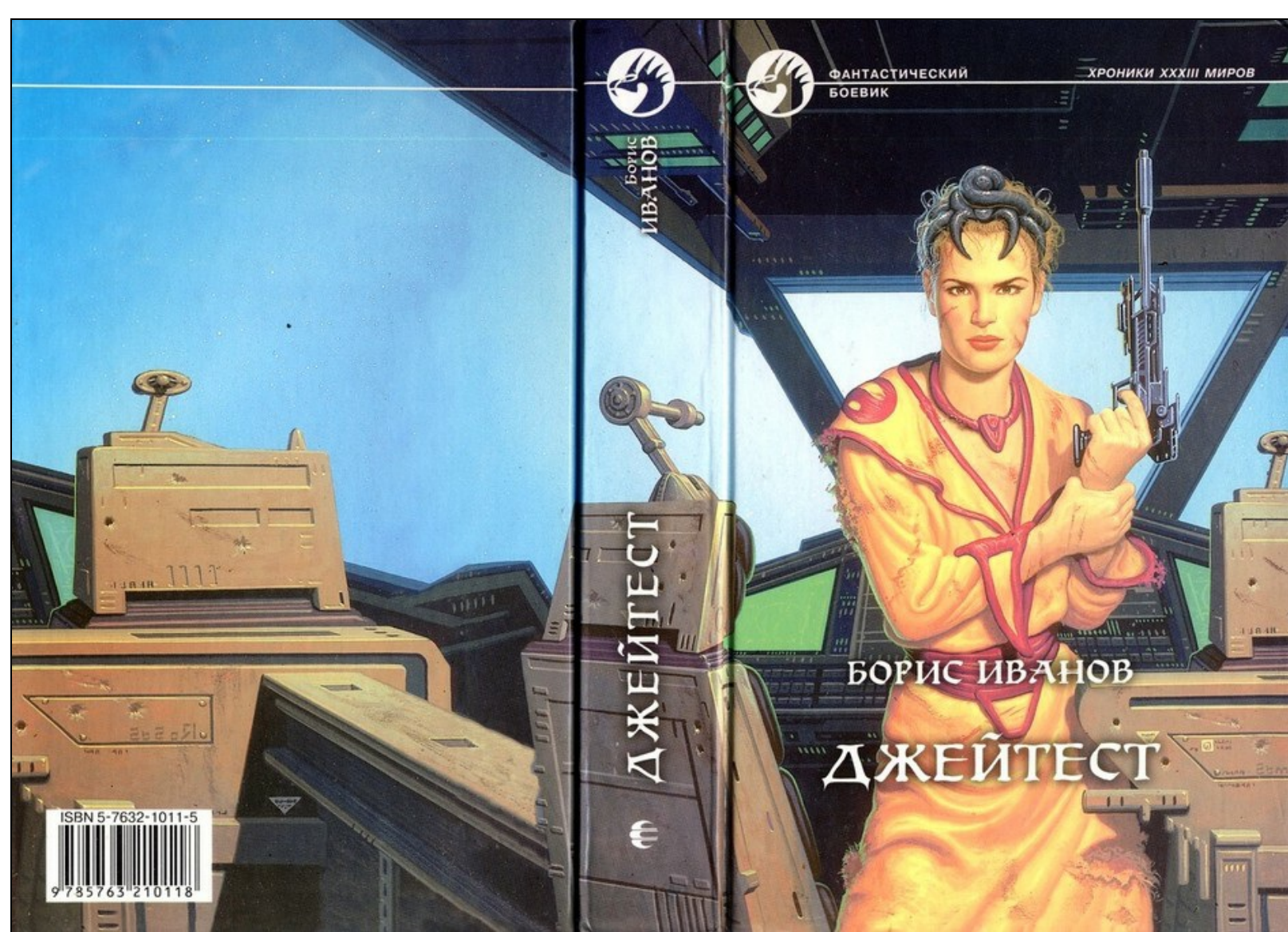
Скальный лабиринт вышел в узкую расщелину, и в новом Мире первым их встретило небо — так же, как небо Джея проводило их в этот путь. Тонкий ломтик света над их головами был высок, холоден и серебрист. Незнакомый, прохладный и пронизанный влагой воздух тронул их лица. Жемчужный туман затопил расщелину, скрывая от глаз тропку, петляющую по ее дну. И они шаг за шагом стали входить в этот туман, тонуть в нем.

И там — в этой сырой, подсвеченной невидимым светилom мгле, пронизанной запахами древнего камня, дождливого леса, запахом надвигающихся холодов, — ощущение реальности начало возвращаться к прошедшим Изменения. Реальности странных трав под ногами, реальности невидимого лесного зверья, выдающего себя неслышными шагами в тумане

совсем рядом, реальности теплой долины там, внизу. Долины, которая открылась перед ними, когда они спустились ниже слоя тумана и он стал для них небом — бескрайним, затянутым жемчужной рябью, простершимся над огромным, только лишь тронутым снегами надвигающейся зимы Миром. Он был огромен — этот Мир. Он был совершенен, пуст и нов.

Как чистая страница.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

«Парадокс Желтых Лун» — Речь идет о событиях, описанных в повести Б.Иванова «Участник Игры».